

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Под различными наименованиями МГЮА имени О. Е. Кутафина существует с 1931 года. Наиболее известное из них — Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ).

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина — старейший и крупнейший в России центр юридического образования и науки.

Университет готовит юристов высшей квалификации для работы в судах, прокуратуре, органах внутренних дел и безопасности, других государственных органах, а также для нотариата, адвокатуры, юридических служб предприятий и организаций, экспертных учреждений.

За время существования вузом подготовлено более 170 тыс. специалистов с высшим юридическим образованием.

В состав МГЮА имени О. Е. Кутафина входят

Институт права
Международно-правовой институт
Институт прокуратуры
Институт финансового и банковского права
Институт адвокатуры
Институт энергетического права
Институт бизнес права
Юридический заочный институт
Институт магистратуры

Институт непрерывного образования
Институт судебных экспертиз
Институт «аспирантура и докторантура»
Институт государственных и регламентированных закупок, конкурентной политики и антикоррупционных технологий
Институт дополнительных образовательных программ
Институт юридического перевода
Институт повышения квалификации

Россия, 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., 9
тел: 8 (499) 244 88 71
<http://msal.ru>
эл. почта: msal@msal.ru

Московский
государственный
юридический
университет
имени
О.Е. Кутафина

В номере:

Евразийские технологические платформы

Тарифные преференции в ЕАЭС

Самоопределение в международном праве

Применение силы в киберпространстве

Статус личности в ЕС

Третейский суд и законность обнуления

Арбитражные учреждения и COVID-19

Государство и венчурный рынок

Юридическая техника

Стабильность государства

«Холодная» демографическая война

Монархия и республика

Идеологическое многообразие

Замещение вакантных должностей

Понятие вины предпринимателей

Договор перевозки

Эмбрион человека: правовой режим

«Мягкое право»

Налоговый контроль в Англии и России

Рецидив преступлений

Смягчение наказания

Авторские права в Интернете

Доведение до самоубийства

Женщины и ФСИН

Скрытые наказания

Защита семейных прав

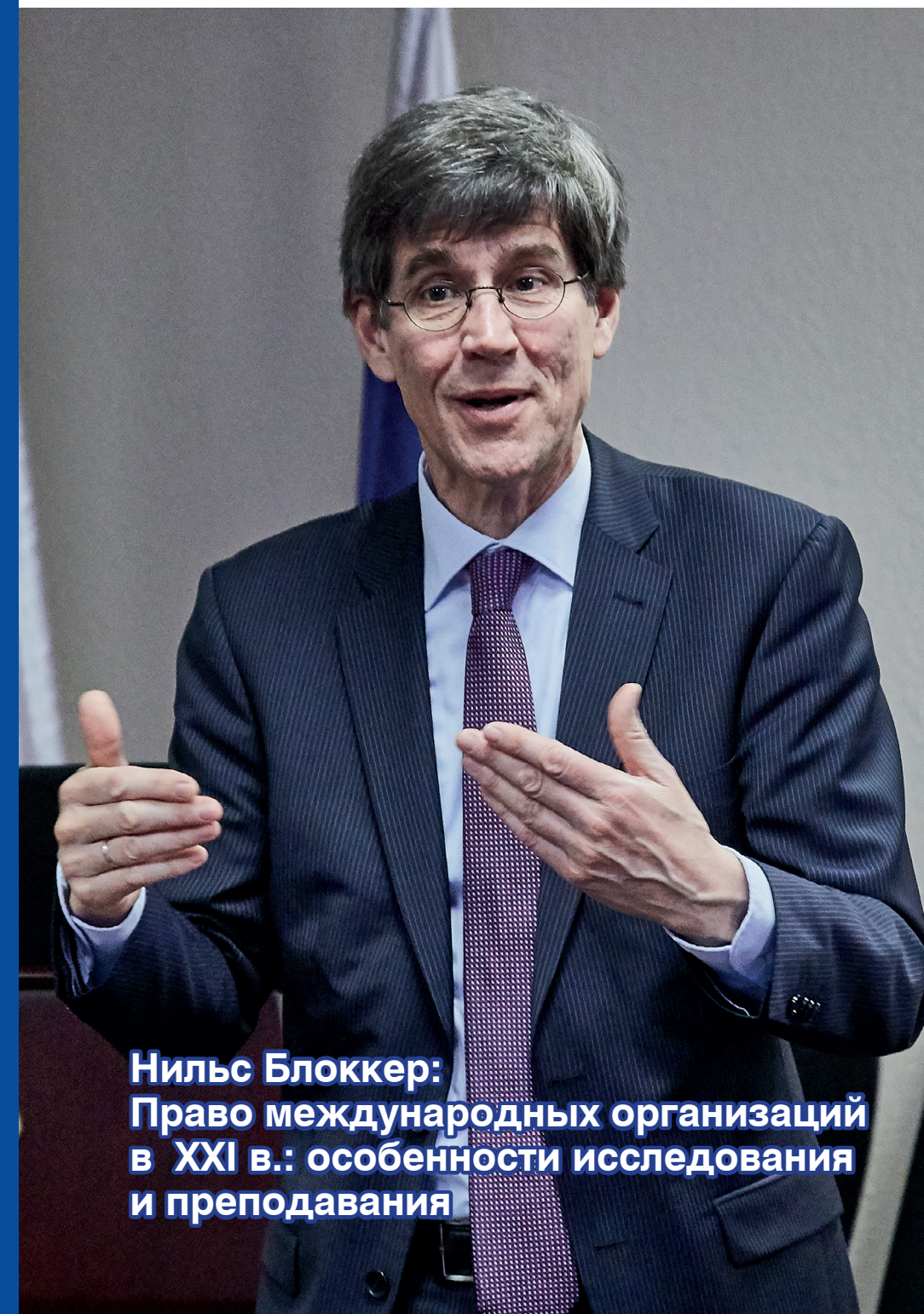
Мировая юстиция

www.eurasialaw.ru
<https://www.eurasialegal.ru>
eurasialegal@mail.ru
eurasianoffice@yandex.ru

Евразийский юридический журнал

№ 9 (148) 2020

ISSN: 2073-4506

**Нильс Блоккер:
Право международных организаций
в XXI в.: особенности исследования
и преподавания**

Евразийский
юридический
журнал
№8(147) 2020
Issn: 2073-4506

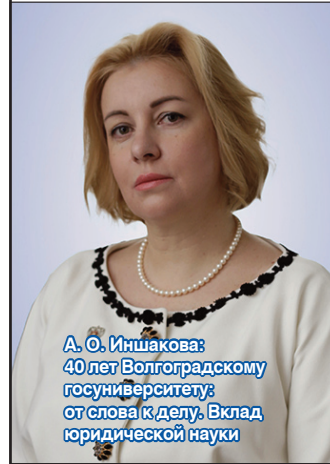
И. С. Бакланов:
Проблемы репрезентации
правовой и социальной
реальности

Евразийский
юридический
журнал
№7(146) 2020
Issn: 2073-4506

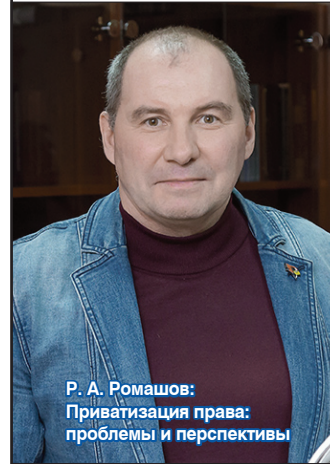
В. С. Каменков:
О проблемах правового
обеспечения экономической
безопасности Республики
Беларусь на современном этапе

Евразийский
юридический
журнал
№6(145) 2020
Issn: 2073-4506

А. О. Иншакова:
40 лет Волгоградскому
государственному
университету:
от слова к делу, Вклад
юридической науки

Евразийский
юридический
журнал
№5(144) 2020
Issn: 2073-4506

Р. А. Ромашов:
Приватизация права:
проблемы и перспективы

Евразийский
юридический
журнал
№8(135) 2019
Issn: 2073-4506

Джони Ааси:
Палестина и международное
право

Евразийский
юридический
журнал
№7(134) 2019
Issn: 2073-4506

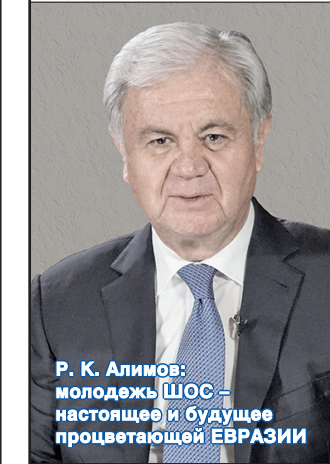
Ютта Брунни:
Международное экологическое
право: современные тенденции
развития

Евразийский
юридический
журнал
№6(133) 2019
Issn: 2073-4506

Н. Г. Шурухов:
Системность, эффективность –
бренд криминалистических
методических расследования
преступлений

Евразийский
юридический
журнал
№5(132) 2019
Issn: 2073-4506

Р. К. Алимов:
молодежь ШОС –
настоящее и будущее
процветающей ЕВРАЗИИ

Евразийский
юридический
журнал
№4(143) 2020
Issn: 2073-4506

Джамбулат Сайдумов:
Стратегическая роль
образования и науки в развитии
Чеченской Республики

Евразийский
юридический
журнал
№2(142) 2020
Issn: 2073-4506

Ф. К. Зинуров:
Кадры решают все

Евразийский
юридический
журнал
№2(141) 2020
Issn: 2073-4506

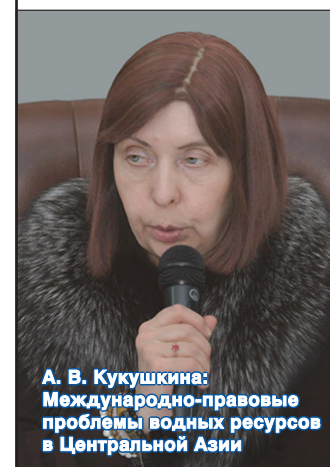
Ш. В. Теплина:
Реформа высшего
образования и подготовка
специалистов в области
международного права
в Казахстане

Евразийский
юридический
журнал
№1(140) 2020
Issn: 2073-4506

В. В. Болгова:
«Регуляторная гильотина»
в России: планы механизм
перспективы

Евразийский
юридический
журнал
№4(131) 2019
Issn: 2073-4506

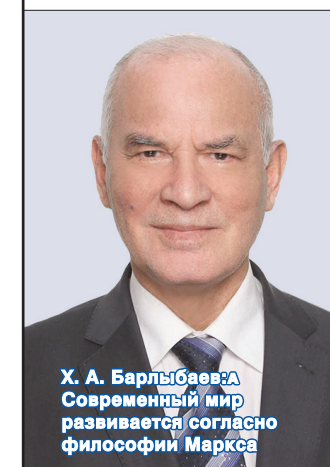
А. В. Кукушкина:
Международно-правовые
проблемы водных ресурсов
в Центральной Азии

Евразийский
юридический
журнал
№3(130) 2019
Issn: 2073-4506

Д. А. Мохоров:
Судебная экспертиза как
институт процессуального
права в контексте
Евразийской интеграции

Евразийский
юридический
журнал
№2(129) 2019
Issn: 2073-4506

Х. А. Барлыбаев:
Современный мир
развивается согласно
философии Маркса

Евразийский
юридический
журнал
№1(128) 2019
Issn: 2073-4506

А. Т. Карасев:
О сущности
представительной власти

Евразийский
юридический
журнал
№12(139) 2019
Issn: 2073-4506

З. Я. Рахматуллина:
Мир держится на культуре

Евразийский
юридический
журнал
№11(138) 2019
Issn: 2073-4506

Б. И. Борубашов:
Государственное строительство
и евразийская интеграция:
опыт Кыргызстана

Евразийский
юридический
журнал
№10(137) 2019
Issn: 2073-4506

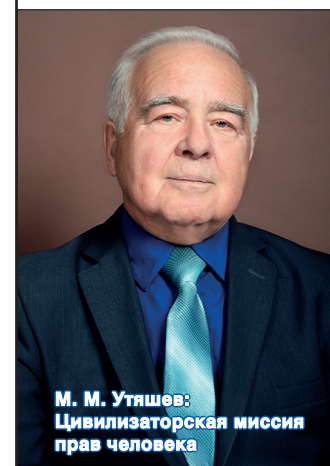
Вячеслав Кебич: Беловежские
соглашения 1991 года
и последствия того события
для настоящего и будущего
Евразии

Евразийский
юридический
журнал
№9(136) 2019
Issn: 2073-4506

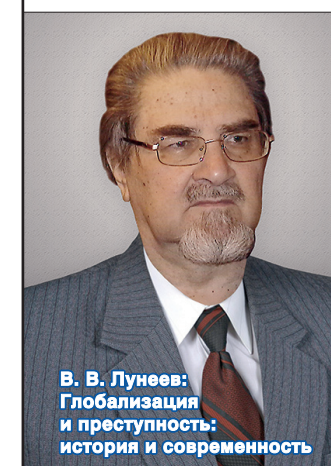
Л. А. Еремян:
Международное гуманитарное
право: взгляд из Армении

Евразийский
юридический
журнал
№12(127) 2018
Issn: 2073-4506

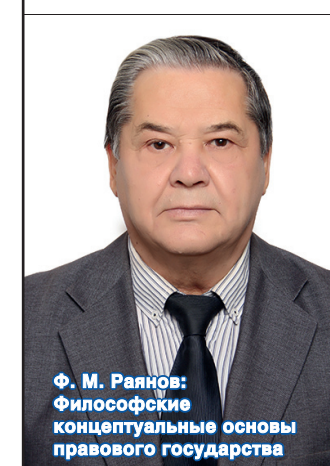
М. М. Утяшев:
Цивилизаторская миссия
прав человека

Евразийский
юридический
журнал
№11(126) 2018
Issn: 2073-4506

В. В. Лунеев:
Глобализация
и преступность:
история и современность

Евразийский
юридический
журнал
№10(125) 2018
Issn: 2073-4506

Ф. М. Рылов:
Философские
концептуальные основы
правового государства

Евразийский
юридический
журнал
№9(124) 2018
Issn: 2073-4506

О. В. Гречкина:
О правовых ориентирах
евразийской интеграции

Евразийский юридический журнал

№ 9 (148) 2020

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КИРИПЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)
МИШАЛПЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
САПИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),
Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Игоревич, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г. Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2020

Подписано в печать 15.10.2020
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasiainlaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasiainlaw.ru,
https://www.eurasiainlegal.ru

Eurasian Law Journal

№ 9 (148) 2020

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalim Abdulkarimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (Saint Petersburg State University of Economics)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymovich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2020

Signed for printing 15.10.2020

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasilaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasilaw.ru>,

<https://www.eurasiareg.ru>

Редакционная коллегия

Главный редактор

*ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)*

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

*СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)*

заместитель главного редактора:

*БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)*

ответственный редактор:

*ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)*

помощник главного редактора:

*АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)*

научный редактор:

*ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)*

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджaddinovich, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камильевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

*ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)*

Editorial board

Editor-in-Chief

*FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Russian Academy of Sciences)*

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

*SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)*

deputy Editor-in-Chief:

*BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)*

executive editor:

*LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)*

assistant Editor-in-Chief:

*ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)*

scientific editor:

*ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)*

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

*IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor*

MEHDIEV Elnur Tadzhhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

*FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)*

PERSONA GRATA

Нильс Блоккер:

Право международных организаций в XXI в.:

особенности исследования и преподавания

Интервью с профессором Центра международно-правовых исследований им. Гуго Гроция в Лейденском университете (Нидерланды) Нильсом Блоккером 12

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Дементьев А. А., Михеева В. И.

Тарифные преференции в ЕАЭС 18

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мирзаев Ф. с.

Соотношение принципа *uti possidetis* и права народов на самоопределение в международном праве 21

Шугуров М. В.

Евразийские технологические платформы и интеллектуальная собственность: перспективы цифровых трансформаций 26

Тараканова Я. В.

Понятие и характеристики санитарной и фитосанитарной меры в ВТО 30

Банис П. А.

Международно-противоправное деяние в киберпространстве как нарушение принципа неприменения силы, угрозы силой 37

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Мишальченко Ю. В., Дмитриев М. Д., Кодинцев А. Я.

Реализация избирательных прав через электронное голосование в странах Европейского Союза и Российской Федерации 41

Фалькина Т. Ю., Воронникова М. В., Исакова И. В.

Основы правового положения личности в Европейском Союзе 46

Мартиросян Д. Г.

Правовое регулирование миграционной политики в ЕС 48

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Смбатян А. С.

Каковы перспективы решения третейской группы о законности обнуления по Антидемпинговому соглашению выстоять апелляцию? 51

Чан Т. Т. З

Ответы международных арбитражных учреждений на пандемию COVID-19 54

Мансур Мохаммад

Особенности правового регулирования регистрации и охраны прав на торговую марку в Арабской Республике Египет 58

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Рыбин М. В., Гулиев И. А., Лобов Д. С.

Необходимость государственной поддержки участия нефтегазовых корпораций в формировании венчурного рынка 62

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Вражнов А. С., Сабиев С. Ш.

Современное состояние и перспективы развития институтов гражданского общества в России 65

Пискунова О. В.

Юридическая техника как специально-юридическое средство обеспечения реализации норм права 70

Орлов М. А.

Влияние пандемии COVID-19 на цифровизацию и автоматизацию в российской правовой системе. 72

Шадрин В. В.

Стабильность государства: правовой взгляд и российская специфика 76

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Евсеева О. В.

Исполнение членовредительских, болезненных и позорящих наказаний в Российской Империи (XVI-XIX вв.) 79

Конарева И. А.

Концепция судебной власти в учении М. М. Сперанского 82

Кулик А. С.

Социально-политические взгляды Солоневича и их проявления в реалиях историко-политического развития России 84

Логинов С. Н., Хараев А. А.

Современное представление о правовом прогрессе в российской юридической науке в работах В.С. Нерсесянца, Л. Фуллера и И.А. Покровского 87

Кускашев д. В.

Особенности эволюции организационно-правовой структуры городского самоуправления Енисейской губернии в конце XIX века 90

Мусаева А. Г.

Возникновение государственных образований и оформление системы права народов Дагестана с древнейших времен до конца второй половины XIX века 92

Саидова М. З.

«Холодная» демографическая война в вузовских курсах новейшей истории 95

Салмина С. Ю.

Организационно-правовое становление органов прокуратуры в годы НЭПа 98

Яковлев Н. М.

Восстановление в гражданских правах В. В. Никифорова общественного деятеля Якутии, организатора прогрессивного движения «Союза инородцев якутов» за самоопределение Якутии 100

Кулик А. С.

Монархия и республика как две формы правления применительно к России и их преимущества и недостатки в воззрениях Ивана Лукьяновича Солоневича 102

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Устинов А. Н., Якимова Е. М., Шапочанский В. Н.

Обеспечение права на устойчивую национальную валюту: практика СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века 105

Хабибуллина Г. Р.

К вопросу о дополнительных полномочиях конституционных и уставных судов 108

Эрбоев М. Н.

Особенности центральных органов государственной власти таджикского народа в досоветский период: конституционно-правовой аспект 111

Сулейманов С. Г.

К вопросу об ограничении идеологического многообразия: теория и практика 115

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Веретенников Н. Н., Ветрова Е. С.

О конституционности некоторых положений раздела V кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 117

Корниенко О. В.

О некоторых особенностях административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 120

Позднякова Т. С.

Проблемы оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в период ограничений, связанных с пандемией коронавируса (COVID-19) в РФ на примере ХМАО-Югры 123

Цындра В. Н., Юзвак С. А.

К вопросу о стадиях процесса формирования государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний 126

Халецкая В. В., Белоцеркович Д. В.

Проблема конфликта интересов при осуществлении конкурса на замещение вакантных должностей в Центральном аппарате ФНС и пути её решения 128

Батмунх Бужинлхам

Основные направления повышения эффективности деятельности полиции общественной безопасности Монголии 132

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Леонова Е. В., Моргунова Н. В.

Нарушения законодательства о контрактной системе, допускаемые в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг 134

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Абдулвагапов В.Р.

Понятие вины предпринимателей как субъектов экономической деятельности 138

Ананьева Е. О., Ивлиев П. В.

Микротранспортные средства и их гражданско-правовое положение 142

Глебова Е. В.

Совершенствование институтов представительства и доверенности в свете взаимодействия гражданского и уголовно-исполнительного права 144

Ивлиев П. В., Кошелюк Б. Г. Внеплановые проверки Роспотребнадзора, инициированные по сообщениям средств массовой информации.....	146	Евтушенко К. А., Азархин А. В. Система законодательства Российской Федерации о налогах и сборах	210
Замалиева Г. Х. Защита прав участников строительства в РФ: генезис и перспективы развития.....	148	ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	
Комиссаров А. В., Могилевский Г. А. Современные правовые основы компенсации морального вреда в российском законодательстве и правоприменительной (судебной) практике	151	Казакова Н. В. Эколого-правовые проблемы российского нефтегазового комплекса	213
Мамбетов М. М., Одегнал Е. А. Многоквартирный дом как объект гражданских и жилищных прав.....	154	УГОЛОВНОЕ ПРАВО	
Неверов В. И. Актуальные проблемы раздела общей собственности в юридической практике Российской Федерации и пути ее разрешения	157	Алиев Ш. И., Кахруманова Ш. А., Чаптиева З. Ш. Цель как признак субъективной стороны злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами и её уголовно-правовое значение	215
Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Страхование результатов интеллектуальной деятельности	159	Аскарлова А. Р., Юсупова С. И. Некоторые вопросы, касающиеся противодействия рецидиву преступлений.....	219
Кирсанов В. О. Гарантии реализации процессуальных прав основных участников гражданского процесса в сфере электронного правосудия. Практические проблемы.....	162	Бидова Б. Б. Национальные интересы и их отражение в системе уголовного права.....	221
Коваль М. И. Возмездное оказание услуг и особенности их применения в уголовно-исполнительной системе.....	165	Брашнина О. А. Эволюция норм об уголовной ответственности за хищения оружия в дореволюционный период в России	224
Судакова О. В. Источники правового регулирования договора перевозки железнодорожным транспортом	167	Газизов Т. И. Актуальные проблемы при выявлении преступления, предусмотренного статьей 174 УК РФ	227
Трубина В. А. Эмбрион человека: правовой режим и новые достижения биотехнологий	169	Гутиева И. Г. Понятие и виды должностной халатности	229
Чупилкина А. Ф. Правосубъектность роботов и социальное государство: некоторые вопросы сочетания.....	175	Комарова Л. В. Законодательная эволюция обстоятельств, смягчающих наказание	231
Чурсина А. С. Принцип эстоппеля в российском гражданском праве: основания и практика применения	177	Пайзулаева Б. А., Абдурахманова М. С., Алиева У. Т. Особенности уголовной ответственности за нарушение авторских и смежных прав, совершаемых с использованием сети Интернет.....	234
Эсендиров А. В. Теоретические проблемы обязательства из договора страхования ответственности директоров и их отражение в судебной практике	180	Соколова Т. С., Хакимова Э. Р. К вопросу о профилактике преступлений против личности в Российской Федерации.....	237
Фань Ц. Инновации и структура закона иностранных инвестиций в Китае	184	Шамаев А. М., Бондарь А. Г. Личностные характеристики и поведенческая составляющая подозреваемого как косвенные доказательства его вины в совершении мошеннических действий.....	239
Кирсанов В. О., Кулаков М. П. Общие положения процессуальных гарантий прав лиц, участвующих в деле, в сфере электронного правосудия.....	186	Шаганова О. М. Педагогический работник образовательной организации высшего образования, как субъект получения взятки или мелкого взяточничества: анализ теории и правоприменительной практики	242
Штепа Т. В. Комплексная правовая характеристика договоров возмездного оказания образовательных услуг	188	Ярославский М. А. Некоторые вопросы регламентации обоснованного риска в зарубежных правовых системах	245
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС		Джумшудян О. Г. Возраст субъекта в привлечении к ответственности за хулиганство в Уголовном кодексе Армении и России (сопоставимый анализ)	247
Незнамов А. В. О влиянии цифровых технологий на институт гражданского процессуального законодательства	191	Ивлева А. А. К вопросу о субъективных и объективных признаках состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства)	249
ТРУДОВОЕ ПРАВО		Шукшина Т. А. К вопросу о предмете уклонения от уплаты налогов в Германии.	252
Саранкина Ю. А. Теоретико-правовой анализ понятия и сущности служебно-трудовых правоотношений в органах внутренних дел	194	Нифталиева И. А. Отдельные проблемы реализации принципа справедливости при назначении наказания	254
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО		УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Жадобина Н. Н. Общественные советы при финансовых органах государственной власти и местного самоуправления как форма участия граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований	197	Авласевич И. А., Назаров А. Д. Цифровизация в органах прокуратуры	256
Матвеева Е. Ю. Договор страхования как договор присоединения	200	Бабкина Е. В., Никитин Д. А., Колодовский А. А. Об особенностях содержания содержания женщин, находящихся под стражей в следственных изоляторах ФСИН России	258
Хоменко А. М. "Мягкое право" как метод регулирования международных финансовых отношений.	202	Гаранжа А. Ю. Проблемы в рассмотрении довода стороны защиты о провокации преступления в российской судебной практике.	261
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО		Зайцева Е. В. Уголовно-процессуальные и организационные аспекты расследования преступлений в кредитно-финансовой сфере	264
Груднов Д. В. О первой практике нормативного закрепления инициативного бюджетирования в Российской Федерации	204	Запывалов Д. А., Федосеев К. В. Необходимость участия прокурора в уголовном процессе	266
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		Кангезов М. Р., Лобова С. А. Правовое регулирование использования электронных документов в уголовном процессе России	268
Алиев Ш. И., Алиева З. М. Налоговый контроль в Великобритании как источник заимствования международного опыта и повышения эффективности механизмов налогового контроля в России	206		

Кузьмин С. В., Васильев Д. В. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности наложения ареста на ценные бумаги.....	270
Миликова А. В., Песковацкова А. В. Форма выражения уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия.....	272
Осодоева Н. В., Цыреторов А. И. Некоторые проблемы реализации подозреваемым права на защиту на стадии возбуждения уголовного дела	274
Панкратов А. С., Садрисламов А. К. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных и их аналогов, организация которых осуществляется при помощи сотовых телефонов и их возможностей	276
Шувалов Д. Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности производства обыска при расследовании организации занятия проституцией	279
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Беляков А. В., Мусалева А. В. Скрытые наказания в российском законодательстве	281
Голодов П. В. Региональный опыт рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций.	284
Голубев А. Г. Обязанность осужденного трудиться в системе правовых норм	288
Грязнов С. А. Особенности производственной деятельности в уголовно-исполнительной системе России.....	290
Марченко Д. Э. Служебная дисциплина в УИС и факторы, влияющие на ее поддержание.....	293
Марченко С. В. Основные методы правового воспитания осужденных женщин в России и за рубежом.	295
Скобелева О. О. Особенности профилактики проявлений экстремизма и терроризма в исправительных учреждениях России и зарубежных стран	297
Давыдова И. А. Правовая природа льготного исчисления срока наказания в виде лишения свободы при зачете времени содержания под стражей	300
КРИМИНАЛИСТИКА	
Гаужаева В. А., Лифанова Л. Г. Понятие взрыва и его соотношение с некоторыми объектами криминалистической взрывотехники	304
Глазков А. А. Использование компьютерных технологий в деятельности следователя	306
Зырянов И. В., Осяк В. В. Понятие и характерные черты насилия в сфере семейно-бытовых отношений.	308
Мухтаров Д. Дж. Актуальные проблемы проведения комплексных экспертиз.....	310
Карданов А. Р. Современные методы криминалистической экспертизы при исследовании микрообъектов.....	312
Климова М. И. Использование результатов ОРД в целях раскрытия преступлений, предусмотренных Главой 19 УК РФ.....	314
Колесникова И. Е. Оскорбление в экспертизе текста: лингвистический и правовой дискурс	316
Мухтаров Д. Дж. Проблемные вопросы производства криминалистических экспертиз	318
Стрижченко И. А., Егоров Р. П. Актуальные проблемы производства судебно-бухгалтерских экспертиз при расследовании преступлений экономической направленности	320
Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Григорьева О. О., Попова Н. А. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительном учреждении.....	323
Пупцева А. В., Резван А. П., Павленко Н. О. Полиграф как научно-техническое средство расследования преступлений.....	326
Имаева Ю. Б., Файрушина Р. Д. Некоторые аспекты расследования преступлений на предприятиях жилищно-коммунального комплекса	328
Мунгалов Е. А. Митрагина прекрасная (Кратом), проблемы экспертной идентификации.....	331
Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Бодько С. П., Сейсебаев В. К. Возможности использования учетов МВД России при проведении предъявления для опознания, следственного эксперимента и проверки показаний на месте в ходе расследования краж из квартир граждан	334
Файзуллина А. А. Возможности судебно-медицинской экспертизы при расследовании убийств, сокрытых поджогом	336
КРИМИНОЛОГИЯ	
Кацаева М. В., Маракулин Д. А. Национальные общины как субъект противодействия правонарушениям (региональный аспект)	338
Макоева Е. Р., Маздогова З. З. О некоторых особенностях несовершеннолетних преступников.....	340
Шматов В. М. Аспекты предупреждения транснациональной организованной преступности путем организации международного сотрудничества правоохранительных органов	342
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Савочкина Д. О., Путренко А. Н. Проблемные вопросы применения сотрудниками полиции физической силы	344
Арипшев А. М. К вопросу о методах борьбы с терроризмом	347
Архипов Е. В., Пестерев Н. Н., Музафин Р. Р. Цели и задачи служебно-прикладных видов спорта Министерства внутренних дел России.	349
Гутиева И. Г., Манукян А. Р. Основные методы административной деятельности органов внутренних дел.....	351
Желонкин В. В. Роль физического воспитания в профессиональной подготовке курсантов образовательных организаций МВД России.....	354
Журтов А. Б., Ордоков М. Х. Актуальные вопросы формирования профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел	356
Никитин А. И. Вопросы психологического состояния и реабилитации сотрудников полиции после применения огнестрельного оружия	358
Немеш О. М. Пути повышения эффективности профессиональной подготовки сотрудников ОВД	360
Носков О. С., Вагапов Т. Х. О совершенствовании реализации социальных гарантий сотрудникам органов внутренних дел (в части оплаты проезда к месту проведения лечения и отпуска).....	362
Исмаилов А. Э. Защита семейных прав силами органов внутренних дел РФ.....	364
Самигуллина А. Ф., Подгорная А. А. Правовые и организационные проблемы взаимодействия органов внутренних дел с государственными и негосударственными организациями при обеспечении правопорядка	366
Тлупова А. В. Экспертиза нормативно-правовых актов, проводимая территориальными управлениями Министерства юстиции Российской Федерации, как часть регионального правового мониторинга (на примере субъектов Северо-Кавказского федерального округа)	369
Томас А. В. О необходимости применения интегрированного подхода к обучению сотрудников полиции в рамках профессиональной физической подготовки.	371
Филиппов В. В. Практическое взаимодействие следственных органов и оперативных подразделений органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений	373
СУДОПРОИЗВОДСТВО	
Малина М. А. Мировая юстиция и общество	376
Хакунов А. М. Особенности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних	380

Фастович Г. Г., Игнатенко В. А. Информационная-правовая политика современной России в сфере судебной деятельности: актуальные вопросы, перспективы развития.....	382	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ Баева Е. А., Турбина Н. М., Черемисина Т. Н. К вопросу о стандартизации внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля.....	433
АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРАВО Коломийченко Е. В., Вицке Р. Э., Сорокур Н. С. Мониторинг современного состояния взяточничества.....	385	Галинурова К. Р. Метод оценки эффективности затрат на информатизацию управления предприятием.....	435
ПОЛИТИКА И ПРАВО Чернышова Л. В., Кадырова А. И., Нургалиев А. Р. Влияние лоббизма на формирование государственной политики в общественно-политической жизни.....	388	Терехов И. Г., Зенкова В. Г., Морозова А. Ф., Терехова Л. А. Номенклатура показателей технико-экономической оценки гражданских объектов в цифровой среде строительства.....	439
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Тлупова А. В., Карчаева К. А. Региональная законодательная инициатива в системе федерального законодательного процесса.....	390	Коровина Л. Н, Мялкина А. Ф., Трегубова В. М. Применение профессионального суждения при ведении бухгалтерского учета нематериальных активов экономического субъекта.....	441
Фастович Г. Г., Кудашова И. В. Эффективная модель гражданского общества и органы государственной власти: вопросы теории и практики.....	392	Красулина О. Ю. Глобализация социально-экономических процессов арктического рыболовства.....	444
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА Журтов А. Б. К вопросу дефиниции понятия «пытка» в современном мире.....	394	Крюкова Е. В., Мацуй Е. А., Теплинских Е. А. Влияние инновационных процессов на устойчивое развитие региона.....	447
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО Арипшев А. М. Принципы противодействия экстремизму.....	396	Луценко И. В. Роль отдела снабжения в оптимизации деятельности предприятия.....	452
Джавадян Ю. Р., Досакаев А. Б. Применение закона «RICO» в борьбе с организованной преступностью США и его возможное использование в законодательстве России.....	398	Салов А. С., Кутлумбетова Д. А., Терехова Л. А., Волковинская В. Л. Цифровое моделирование технико-экономической оценки воспроизводства объектов гражданского строительства.....	456
Коблов Ф. Ч., Урусов З. Х. О некоторых аспектах противодействия терроризму.....	400	Полторыхина С. В., Аблизина Н. Н., Салимов Л. Н. К вопросу об оценке эффективности территорий опережающего социально-экономического развития.....	458
Люев Т. Х. Некоторые вопросы взаимодействия правоохранительных органов и органов местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму.....	403	Паносян Н. М. Основные проблемы наднационального регулирования внешней торговли отдельного государства-члена интеграционного объединения (на примере Республики Армения).....	461
Мисроков Т. З. Информационный аспект противодействия экстремизму в Российской Федерации.....	405	Терехов И. Г., Зенкова В. Г., Морозова А. Ф., Волковинская В. Л. Актуальность технико-экономической оценки проектных решений в условиях цифровизации строительства.....	465
Урусов З. Х. К вопросу противодействия вовлечению молодежи в террористические группировки.....	407	Шингарева Я. А. Модель и форматы завоевания международных туристических рынков.....	467
Шогенов Т. М., Бураева Л. А. Экстремизм – актуальная угроза национальной безопасности Российской Федерации: понятие и проявления.....	409	ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ Акбашева Д. Х., Шарипова Э. А. Правовое регулирование религиозного образования и обучения религии.....	470
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО Гиренок Г. А. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе преподавания иностранного языка в лингафонном кабинете.....	412	Кудряшев А. Ф., Елхова О. М. Актуальные философские проблемы современного научного познания.....	473
Гусейнова Т. В., Бакирова Л. Р., Атнагулова А. Д. Особенности употребления собирательных числительных в деловой документации сотрудников органов внутренних дел.....	414	Назлуханов Д. В. Становление и развитие экологических идеологий: социально-философский анализ.....	476
Дауров А. И. Правовое воспитание обучающихся в системе среднего профессионального образования.....	416	Прокументик К. В. Человек в условиях позднего капитализма: всеобщий труд, всеобщий интеллект, множество.....	479
Кучмезов Р. А. Особенности применения кейс-метода в обучении правовым дисциплинам.....	419	Рахматуллина З. Н. Роль духовно-интеллектуальной элиты в становлении национальной идеи и идеологии.....	482
Железняк А. А. Особенности конфликта в подростковом возрасте.....	422	Серегина Т. Н. Город как пространство трансформации.....	485
Теуважуков А. Х. Правосознание обучающихся как результат образовательного процесса.....	425	Трофимцева С. Ю. Запрет на несанкционированный доступ к компьютерной информации как мера противодействия киберпреступности: международные рекомендации и уголовное законодательство стран СНГ.....	488
Титова О. З. Психолого-педагогическое обеспечение учебного процесса в исправительных учреждениях.....	428	Хайруллин Р. Н. Информатизация и персонализация как тенденции культуры современного общества.....	491
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО Стрижченко И. А., Пряхин А. С. Социально-психологическая характеристика террористической группы.....	431	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	493

CONTENTS

PERSONA GRATA

Niels Blokker:

Law of international organizations in the 21st century: features of research and teaching

Interview with Niels Blokker, professor at the Hugo Grotius

Center for International legal studies

at Leiden University (Netherlands)..... 12

EURASIAN INTEGRATION

Dementjev A. A., Mikheeva V. I.

Tariff preferences in the EAEU 18

INTERNATIONAL LAW

Mirzaev F. S.

Correlation of the principles of uti possidetis and self-determination in International Law 21

Shugurov M. V.

Eurasian technology platforms and intellectual property: prospects of digital transformation 26

Tarakanova Ya. V.

The concept and characteristics of sanitary and phytosanitary measures in the WTO 30

Banis P. A.

Internationally wrongful act in cyberspace as a violation of the principle of non-use of force 37

EUROPEAN LAW

Mishaichenko Yu. V., Dmitriev M. D., Kodintsev A. Ya.

Implementation election rights through electronic voting in European Union and Russian Federation 41

Falkina T. Yu., Vorotnikova M. V., Isakova I. V.

Fundamentals of the legal status of an individual in the European Union 46

Martirosyan D. G.

Legal regulation of migration policy in the EU 48

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Smbatyan A. S.

What are the prospects of the panel report with respect to legality of zeroing under the Anti-dumping agreement to stand on appeal? 51

Tran T. T. D.

The responses of international arbitration institutions to COVID-19 pandemic 54

Mansour Mohammad

Features of legal regulation of registration and protection of trademark rights in the Arab Republic of Egypt 58

INTERNATIONAL ENERGETICAL LAW

Rybin M. V., Guliev I. A., Lobov D. S.

The need for state support for the participation of oil and gas corporations in the formation of the venture market 62

THEORY OF STATE AND LAW

Vrazhnov A. S., Sabiev S. Sh.

Current state and prospects of development of institutes of civil society in Russia 65

Piskunova O. V.

Legal technique as a special legal means of ensuring the implementation of legal norms 70

Orlov M. A.

Impact of the COVID-19 pandemic on digitalization and automation in the Russian legal system 72

Shadrin V. V.

Stability of the state: legal view and Russian specifics 76

HISTORY OF STATE AND LAW

Evseeva O. V.

Execution of self-mutilating, painful and dishonoring punishments in the Russian Empire (16th -19th centuries) 79

Konareva I. A.

The concept of judicial power in the teachings of M. M. Speransky..... 82

Kulik A. S.

Solonevich's socio-political views and their manifestations in the realities of the historical and political development of Russia..... 84

Loginov S. N., Kharaev A. A.

Modern understanding of legal progress in Russian legal science in the works of V.S. Nersesyants, L. Fuller and I.A. Pokrovsky 87

Kuskashev D. V.

Features of the evolution of the organizational and legal structure of urban self-government of the Yenisei province at the end of the 19th century 90

Musaeva A. G.

The emergence of state formations and formalization system of the law of peoples of Dagestan from ancient times until the second half of the nineteenth century 92

Saidova M. Z.

"Cold" demographic war in university courses in Modern history..... 95

Salmina S. Yu.

Organizational and legal formation of the prosecutor's office during the NEP years..... 98

Yakovlev N. M.

Recovery of civil rights of Nikiforov V. V., a public activist of Yakutia, an instigator of progressive movement "Local Yakuts Unity" for Yakutia self-determination..... 100

Kulik A. S.

Monarchy and republic as two forms of government in relation to Russia and their advantages and disadvantages in the views of Ivan Lukyanovich Solonevich 102

CONSTITUTIONAL LAW

Ustinov A. N., Yakimova E. M., Shapochansky V. N.

Securing the right to stable national currency: the practice of the USSR in the late 80s - early 90s of the 20th century 105

Khabibullina G. R.

On the issue of additional powers of constitutional and charter courts 108

Erboev M. N.

Features of the central bodies of state power of the Tajik people in the pre-Soviet period: constitutional and legal aspect..... 111

Suleymanov S. G.

On the issue of limiting ideological diversity: theory and practice 115

ADMINISTRATIVE LAW

Veretennikov N. N., Vetrova E. S.

On the constitutionality of certain provisions of section V of the Russian Federation Code on Administrative Offenses. 117

Kornienko O. V.

On some features of administrative responsibility under Article 19.29 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses..... 120

Pozdnyakova T. S.

Problems of providing pro bono legal assistance by lawyers during the period of restrictions associated with the Coronavirus Pandemic (COVID-19) in the Russian Federation using the example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra 123

Tsyndrya V. N., Yuzvak S. A.

On the question of the stages of the process of shaping the state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties 126

Khaletskaya V. V., Belotserkovets D. V.

Conflict of interest as one of the problems arising in the implementation of the competition for vacant positions in the Central office of the Federal Tax Service and its solutions 128

Batmunkh Buzhinlham

The main directions of increasing the efficiency of the public security police in Mongolia 132

MUNICIPAL LAW

Leonova E. V., Morgunova N. V.

Violations of the legislation on the contract system allowed in the field of conclusion of a municipal contract in the sphere of procurement of goods, works and services 134

CIVIL LAW

Abdulvagapov V. R.

The notion of entrepreneurs' guilt as subjects of economic activity 138

Ananjeva E. O., Ivliev P. V.

Microtransport vehicles and their civil status 142

Glebova E. V.

Improving the institutions of representation and power of attorney in the light of the interaction of civil and criminal law 144

Ivliev P. V., Koshelyuk B. E. <i>Unscheduled inspections of Rospotrebnadzor initiated by mass media reports</i>	146	Evtushenko K. A., Azarkhin A. V. <i>System of legislation of the Russian Federation on taxes and fees</i>	210
Zamalieva G. Kh. <i>Protection of the rights of construction participants in the Russian Federation: genesis and development prospects</i>	148	ECOLOGICAL LAW	
Komissarov A. V., Mogilevskiy G. A. <i>Modern legal frameworks for compensating for moral harm in Russian law and law enforcement (judicial) practice</i>	151	Kazakova N. V. <i>Environmental legal problems of the Russian oil and gas complex</i>	213
Mambetov M. M., Odegnal E. A. <i>Apartment building as an object of civil and housing rights</i>	154	CRIMINAL LAW	
Neverov V. I. <i>Actual problems of the division of common property in the law enforcement practice of the Russian Federation and ways to resolve it</i>	157	Aliev Sh. I., Kakhumanova Sh. A., Chaptieva Z. Sh. <i>Purpose as a sign of the subjective part of the crime provided by Art. 202 of the Criminal Code of the Russian Federation, its criminal significance</i>	215
Novikov A. V., Slabkaya D. N. <i>Intellectual performance insurance</i>	159	Askarova A. R., Yusupova S. I. <i>Some questions regarding counteraction to recidivism</i>	219
Kirsanov V. O. <i>Guarantees of the implementation of the procedural rights of the main participants in the civil process in the field of electronic justice. Practical problems</i>	162	Bidova B. B. <i>National interests and their reflection in the criminal law system</i>	221
Koval M. I. <i>Paid provision of services and features of their application in the penal system</i>	165	Brashnina O. A. <i>The evolution of norms about the criminal liability for theft of weapons in the pre-revolutionary period in Russia</i>	224
Sudakova O. V. <i>Sources of legal regulation of the contract of carriage by rail</i>	167	Gazizov T. I. <i>Actual problems in identifying a crime under Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	227
Trubina V. A. <i>Human embryo: legal regime and new achievements in biotechnology</i>	169	Gutieva I. G. <i>The concept and types of malpractice</i>	229
Chupikina A. F. <i>Legal personality of robots and the social state: some questions</i>	175	Komarova L. V. <i>The legislative evolution of the circumstances mitigating punishment</i>	231
Chursina A. S. <i>The doctrine of estoppel in Russian civil law: legal basis and history of provision</i>	177	Payzulaeva B. A., Abdurakhmanova M. S., Alieva U. T. <i>Specific features of criminal responsibility for violation of copyright and related rights related to the use of the Internet</i>	234
Esendirov A. V. <i>Theoretical Problems of the Directors' Liability Insurance and Their Reflection in Judicial Practice</i>	180	Sokolova T. S., Khakimova E. R. <i>On the prevention of crimes against the person in the Russian Federation</i>	237
Fan J. <i>Structure and innovation of China's foreign investment law</i>	184	Shamaev A. M., Bondar A. G. <i>Personal characteristics and behavioral component of the suspect as indirect evidence of his guilt in committing fraudulent actions</i>	239
Kirsanov V. O., Kulakov M. P. <i>General provisions of procedural guarantees of the rights of persons participating in the case in the field of electronic justice</i>	186	Shaganova O. M. <i>A teacher of an educational organization of higher education, as a subject of receiving a bribe or petty bribery: an analysis of theory and law enforcement practice</i>	242
Shtepa T. V. <i>Comprehensive legal characterization of fee-for educational services agreements</i>	188	Yaroslavskiy M. A. <i>Some issues of regulation of reasonable risk in foreign legal systems</i>	245
CIVIL PROCESS		Jumshudyan H. G. <i>Age of the subject in bringing to justice for hooliganism in the Criminal Code of Armenia and Russia (comparable analysis)</i>	247
Neznamov A. V. <i>On the impact of digital technologies on the civil procedure legislation</i>	191	Ivleva A. A. <i>To the question about subjective and objective signs of the composition of the crime provided by Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation (incitement to suicide)</i>	249
LABOUR LAW		Shukshina T. A. <i>To the question of the subject of tax evasion in Germany</i>	252
Sarankina Yu. A. <i>Theoretical and legal analysis of the concept and essence of office and labor legal relationship in the internal affairs</i>	194	Niftalieva I. A. <i>Selected problems in the implementation of the principle of fairness in sentencing</i>	254
FINANCIAL LAW		CRIMINAL PROCESS	
Zhadobina N. N. <i>Public councils under financial institutions of state power and local self-government as a form of citizen participation in the financial activities of the state and municipalities</i>	197	Avlasevich I. A., Nazarov A. D. <i>Digitalization in the Prosecutor's office</i>	256
Matveeva E. Yu. <i>The insurance contract as a contract of adhesion</i>	200	Babkina E. V., Nikitin D. A., Kolodovskiy A. A. <i>On the features of the detention of women in custody in pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service of Russia</i>	258
Khomenko A. M. <i>"Soft law" as a method of regulating international financial relations</i>	202	Garanzha A. Yu. <i>The problems of exams by Russian regular court of the defense's plea of entrapment</i>	261
BUDGET LAW		Zaytseva E. V. <i>Criminal procedure and organizational aspects of investigation of crimes in the credit and financial sphere</i>	264
Grudnov D. V. <i>On the first practice of normative consolidation of initiative budgeting in the Russian Federation</i>	204	Zapivalov D. A., Fedoseev K. V. <i>The need for the prosecutor to participate in criminal proceedings</i>	266
TAX LAW		Kangezov M. R., Lobova S. A. <i>Legal regulation of the use of electronic documents in the criminal process in Russia</i>	268
Aliev Sh. I., Alieva Z. M. <i>Tax control in the UK as a source of borrowing international experience and increasing the efficiency of tax control mechanisms in Russia</i>	206		

Kuzmin S. V., Vasiljev D. V. <i>Criminal procedural and criminalistic peculiarities of arresting securities</i>	270	Imaeva Yu. B., Fayrushina R. D. <i>Some aspects of crime investigation at housing and communal complex enterprises</i>	328
Milikova A. V., Peskovatskova A. V. <i>Form of expression of criminal procedure acts preliminary investigation bodies</i>	272	Mungalov E. A. <i>Mitragyna speciosa (Kratom), the problem of forensic identification</i>	331
Osodoeva N. V., Tsyretorov A. I. <i>Some problems of the suspect's realization of the right to defense at the stage of initiation of a criminal case</i>	274	Nazarkin E. V., Suleymanov T. A., Bodko S. P., Seysebaev V. K. <i>Possibilities of using the accounts of the Ministry of Internal Affairs of Russia when making a presentation for identification, investigative experiment and verification of evidence on the spot during the investigation of thefts from citizens' apartments</i>	334
Pankratov A. S., Sadrislamov A. K. <i>Counteraction to illegal traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, which are organized using cell phones and their capabilities</i>	276	Fayzullina A. A. <i>Possibilities of forensic medical examination in the investigation of arson concealed murders</i>	336
Shuvalov D. N. <i>Criminal-procedural and criminalistic features of the search during the investigation of the organization of prostitution</i>	279	CRIMINOLOGY	
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		Kashchaeva M. V., Marakulin D. A. <i>National communities as a subject of counteraction to offenses (regional aspect)</i>	338
Belyakov A. V., Musaleva A. V. <i>Hidden punishments in Russian legislation</i>	281	Makoeva E. R., Mazdogova Z. Z. <i>About some specific features of minor criminals</i>	340
Golodov P. V. <i>Regional experience in rating the activities of penal enforcement inspectorates</i>	284	Shmatov V. M. <i>Aspects of prevention of transnational organized crime by organization of international cooperation of law enforcement bodies</i>	342
Golubev A. G. <i>The obligation of the convicted person to work in the system of legal norms</i>	288	LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
Gryaznov S. A. <i>Features of production activities in the criminal executive system of the Russian federation</i>	290	Savochkina D. O., Putrenko A. N. <i>Problematic issues of the use of physical force by police officers</i>	344
Marchenko D. E. <i>Service discipline in the penal system and the factors influencing on its maintenance</i>	293	Aripshev A. M. <i>On the question of methods of combating terrorism</i>	347
Marchenko S. V. <i>Basic methods of legal education of convicted women in Russia and abroad</i>	295	Arhipov E. V., Pesterev N. N., Muzafin R. R. <i>Goals and objectives of service sports of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	349
Skobeleva O. O. <i>Features of prevention of extremism and terrorism in correctional institutions in Russia and abroad</i>	297	Gutieva I. G., Manukyan A. R. <i>Main methods of administrative activity of internal affairs bodies</i>	351
Davydova I. A. <i>The legal nature of the preferential calculation of the term of punishment in the form of deprivation of liberty when offsetting the time of detention</i>	300	Zhelonkin V. V. <i>The role of physical education in the professional training of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	354
CRIMINALISTICS		Zhurtov A. B., Ordokov M. Kh. <i>Topical issues in the formation of the professional culture of the employees of the internal affairs</i>	356
Gauzhaeva V. A., Lifanova L. G. <i>The concept of explosion and its relationship with some objects of forensic explosives technology</i>	304	Nikitin A. I. <i>Questions of psychological state and rehabilitation of police officers after the use of firearms</i>	358
Glazkov A. A. <i>Use of computer technology in the activities of an investigator</i>	306	Nemesh O. M. <i>Ways to improve the effectiveness of professional training of police officers</i>	360
Zyryanov I. V., Osyak V. V. <i>The concept and characteristics of violence in the sphere of family and domestic relations</i>	308	Noskov O. S., Vagapov T. H. <i>On improving the implementation of social guarantees for employees of internal affairs bodies (in terms of paying for travel to the place of treatment and vacation)</i>	362
Mukhtarov D. J. <i>Current problems of conducting complex examinations</i>	310	Ismailov A. E. <i>Protection of family rights by the forces of the internal affairs of the Russian Federation</i>	364
Kardanov A. R. <i>Modern methods of forensic examination in the study of micro-objects</i>	312	Samigullina A. F., Podgornaya A. A. <i>Legal and organizational problems of interaction of internal affairs bodies with state and non-state organizations in ensuring law and order</i>	366
Klimova M. I. <i>Using the results of the OSA for the purposes of detecting crimes under Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	314	Tlupova A. V. <i>Expertise of regulatory legal acts carried out by territorial departments of the Ministry of Justice of the Russian Federation as part of regional legal monitoring (on the example of subjects of the North Caucasus Federal District)</i>	369
Kolesnikova I. E. <i>An abuse in the expertise of the text: linguistic and legal discourse</i>	316	Tomas A. V. <i>On the need for an integrated approach to police training in the framework of professional physical training</i>	371
Mukhtarov D. J. <i>Problematic issues in the production of forensic examinations</i>	318	Filippov V. V. <i>Practical interaction of investigative bodies and operational divisions of internal affairs bodies in the detection and investigation of crimes</i>	373
Strizhchenko I. A., Egorov R. P. <i>Actual problems of forensic accounting examinations in the investigation of economic crimes</i>	320	JUDICIARY	
Suleymanov T. A., Nazarkin E. V., Grigorjeva O. O., Popova N. A. <i>Circumstances to be established during the investigation of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in a correctional institution</i>	323	Malina M. A. <i>Justice of the peace and society</i>	376
Puptseva A. V., Rezvan A. P., Pavlenko N. O. <i>Polygraph as a scientific and technical tool of crime investigation</i>	326		

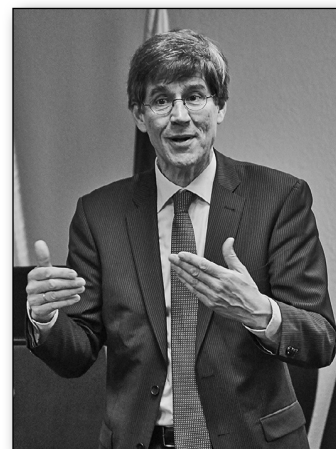
Khakunov A. M. <i>Features of criminal proceedings against minors</i>	380	ECONOMICAL SCIENCES	
Fastovich G. G., Ignatenko V. A. <i>Information and legal policy of modern Russia in the sphere of judicial activity: current issues, prospects for development</i>	382	Baeva E. A., Turbina N. M., Abdukarimova L. G. <i>To the question of standardization of the internal state (municipal) financial control</i>	433
ANTICORRUPTION LAW		Galinurova K. R. <i>Method for assessing the effectiveness of costs for informatization of enterprise management</i>	435
Kolomiychenko E. V., Vitcke R. E., Sorokur N. S. <i>Monitoring the current state of bribery</i>	385	Terekhov I. G., Zenkova V. G., Morozova A. F., Terekhova L. A. <i>Nomenclature of indicators of technical and economic assessment of civil objects in the digital construction environment</i>	439
POLICY AND LAW		Korovina L. N., Myalkina A. F., Tregubova V. M. <i>Application of professional judgment in accounting of intangible assets of an economic entity</i>	441
Chernyshova L. V., Kadyrova A. I., Nurgaliev A. R. <i>Influence of lobbyism on formation and implementation of state policy in public and political life</i>	388	Krasulina O. Yu. <i>Globalization of socio-economic processes of Arctic fisheries</i>	444
STATE AND LAW		Kryukova E. V., Matsuy E. A., Teplinskikh E. A. <i>Impact of innovation processes on the sustainable development of region</i>	447
Tlupova A. V., Karchaeva K. A. <i>Regional legislative initiative in the system of the federal legislative process</i>	390	Lutsenko I. V. <i>The role of the supply department in optimizing the company's operations</i>	452
Fastovich G. G., Kudashova I. V. <i>Effective model of civil society and public authorities: theory and practice</i>	392	Salov A. S., Kutlumbetova D. A., Terekhova L. A., Volkovinskaya V. L. <i>Digital modeling of technical and economic assessment of reproduction of civil construction objects</i>	456
HUMANS RIGHT		Poltorykhina S. V., Ablizina N. N., Salimov L. N. <i>On the issue of assessing the effectiveness of territories of advanced socio-economic development</i>	458
Zhurtov A. B. <i>On the question of defining the concept of «torture» in the modern world</i>	394	Panosyan N. M. <i>The main problems of supranational regulation of foreign trade of an individual member state of the integration association (on the example of the Republic of Armenia)</i>	461
SECURITY AND LAW		Terekhov I. G., Zenkova V. G., Morozova A. F., Volkovinskaya V. L. <i>Relevance of technical and economic assessment of design solutions in the context of digitalization of construction</i>	465
Aripshev A. M. <i>Principles of countering extremism</i>	396	Shingareva Ya. A. <i>Model and formats for conquering international tourism markets</i>	467
Dzhavadyan Yu. R., Dosakaev A. B. <i>Application of the RICO law in the fight against organized crime in the United States and its possible use in Russian legislation</i>	398	PHILOSOPHICAL SCIENCES	
Koblov F. Ch., Urusov Z. Kh. <i>On some aspects of countering terrorism</i>	400	Akbasheva D. Kh., Sharipova E. A. <i>Legal regulation of religious education</i>	470
Lyuev T. Kh. <i>Some issues of interaction between law enforcement agencies and local self-government bodies in the field of countering extremism</i>	403	Kudryashev A. F., Elkhova O. I. <i>Current philosophical problems of modern scientific knowledge</i>	473
Misrokov T. Z. <i>Information aspect of countering extremism in the Russian Federation</i>	405	Nazlukhanov D. V. <i>Formation and development of environmental ideologies: socio-philosophical analysis</i>	476
Urusov Z. Kh. <i>On the issue of countering the involvement of young people in terrorist groups</i>	407	Prozumentik K. V. <i>Human being in the conditions of late-stage capitalism: universal labor, general intellect, multitude</i>	479
Shogenov T. M., Buraeva L. A. <i>Extremism-an actual threat to the national security of the Russian Federation: concept and manifestations</i>	409	Rakhmatullina Z. N. <i>The role of the spiritual and intellectual elite in the formation of the national idea and ideology</i>	482
PEDAGOGY AND LAW		Seregina T. N. <i>The city as a space of transformation</i>	485
Girenok G. A. <i>The use of information and communication technology in the process of teaching foreign languages in the language lab</i>	412	Trofimtseva S. Yu. <i>Ban on unauthorized access to computer information as a measure to counter cyber crime: international recommendations and criminal legislation of the cis countries</i>	488
Guseynova T. V., Bakirova L. R., Atnagulova A. D. <i>Features of the use of collective numerals in business documentation of employees of internal affairs bodies</i>	414	Khayrullin R. N. <i>Informatization and personalization as tendencies in the culture of contemporary society</i>	491
Daurov A. I. <i>Legal education of students in secondary vocational education</i>	416	INFORMATION FOR AUTHORS	493
Kuchmezov R. A. <i>Features of the use of the case method in teaching legal disciplines</i>	419		
Zheleznyak A. A. <i>Features of adolescent conflict</i>	422		
Teuvzhukov A. H. <i>Legal awareness of students as a result of the educational process</i>	425		
Titova O. Z. <i>Psychological and pedagogical support of the educational process in penal institutions</i>	428		
PSYCHOLOGY AND LAW			
Strizhchenko I. A., Pryakhin A. S. <i>Socio-psychological characteristics of a terrorist group</i>	431		

НИЛЬС БЛОККЕР: ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В XXI В.: ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Интервью с профессором Центра международно-правовых исследований им. Гуго Гроция в Лейденском университете (Нидерланды) Нильсом Блоккером.

NIELS BLOKKER: LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE 21ST CENTURY: FEATURES OF RESEARCH AND TEACHING

Interview with Niels Blokker, professor at the Hugo Grotius Center for International legal studies at Leiden University (Netherlands).

Нильс Блоккер

Визитная карточка

Нильс Блоккер – профессор Центра международно-правовых исследований им. Гуго Гроция в Лейденском университете (Нидерланды). Н. Блоккер окончил Лейденский университет (1984 г.), где в 1989 г. защитил диссертацию. С 1984 года он работал преподавателем, а затем старшим преподавателем в Лейденском университете, специализируясь на праве международных организаций. В 2003 году он возглавил кафедру Шермерса сначала на полставки, а с 2013 г. на постоянной основе.

В 2000 году Нильс Блоккер был назначен старшим юрисконсультантом Министерства иностранных дел Нидерландов, а с 2007 г. по 2013 г. был заместителем юрисконсульта Министерства. Профессор Блоккер является автором множества статей и ряда монографий. Вместе с Генри Г. Шермерсом (1928-2006) он является соавтором широко известного учебника «Международное институциональное право», который пережил уже шесть переизданий (6-е издание, 2018 г.). Также профессор Н. Блоккер является соучредителем и редактором журнала «International Organizations Law Review».

В апреле 2019 г. профессор Н. Блоккер принял участие в международном конгрессе «Блищенковские чтения» в Российском университете дружбы народов (РУДН), а затем прочитал цикл лекций по проблемам международных организаций и судов.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

– Уважаемый профессор Нильс Блоккер, Вы являетесь соавтором известного во всем мире учебника по международным организациям. Последнее 6-ое издание 2018 г. насчитывает уже более 1300 страниц¹. Вы подарили эту книгу нашей кафедре и теперь студенты и аспиранты имеют возможность пользоваться этой книгой. Спасибо! Скажите, как на Ваш взгляд изменились международные организации? Как изменилось преподавание курса за эти десятилетия?

– Боюсь, что мой краткий ответ в контексте этого интервью не сможет полностью передать объем и глубину этого вопроса ... В любом случае, давайте попробуем. На мой взгляд, суть в следующем. Из-за технологических революций и глобализации государства теряют некоторый «контроль над управлением». В их собственных интересах сотрудничать на международном уровне, в том числе через международные организации. Кроме того, ряд ключевых проблем по определению являются международными и не могут быть решены только на национальном уровне (например, изменение климата, терроризм). В результате за последние несколько десятилетий роль и деятельность международных организаций возросли. Но это также вызвало сопротивление, посмотрите на нынешние волны национализма и популизма. В настоящее время международные организации иногда становятся «коз-

лами отпущения» в том случае, если что-то идет не так на национальном уровне, или они ассоциируются со всем «злом, идущим из-за границы». В какой-то степени международные организации являются жертвами собственного успеха... Мы видим это на глобальном уровне, но также и на региональном уровне (например, Brexit).

Эти грандиозные долгосрочные события, очевидно, влияют на право международных организаций. Например, разработка и принятие статей Комиссии международного права ООН (КМП) об ответственности международных организаций 2011 г. может частично объясняться в этом контексте. В 1963 году докладчик КМП Аго все еще мог писать, что «вызывает сомнение способность таких организаций совершать международно-противоправные действия». Такая точка зрения сейчас полностью устарела, и под руководством соотечественника Аго Гая КМП подготовила этот новый проект статей. В настоящее время более широкая тема «подотчетность международных организаций» является популярной темой для конференций, блогов, студенческих работ и т. д. Однако старый урок состоит в том, что нам всегда нужно проводить различие между организацией и ее членами. Не следует забывать об ответственности государств-членов. Если мы хотим знать, почему Апелляционный орган ВТО больше не действует, или почему МУС не занимается наиболее серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность международного сообщества, то нам в первую очередь нужно взглянуть на государства.

Все это, очевидно, также повлияло на процесс преподавания дисциплины «право международных организаций».

¹ Schermers H.G. & Blokker N.M. (2018), International Institutional Law (Sixth Revised Edition). Leiden-Boston: Brill.

Прежде всего, темы, включенные в курсы по праву международных организаций - теперь они должны включать вопросы ответственности. Однако самое большое изменение в моем преподавании в этой области - это одно из проявлений глобализации: обмен студентами и интернационализация студенческих групп. Когда я начал преподавать в 1980-х, все мои ученики были голландцами. Сейчас большинство моих студентов - иностранные студенты, приехавшие из 30-40 разных стран всех частей света (включая студентов из России). Существует ряд конкурсов по имитации заседания международных судов, в которых студенты могут участвовать и изучать международное право «на практике». С 1970-х годов Лейденский университет организует «Конкурс учебных судебных разбирательств по международному праву имени Телдерса», в котором обычно принимают участие около 20-25 европейских университетов, финалы которых проходят во Дворце мира в Гааге. В этом году также участвовала команда РУДН. К сожалению, устные выступления пришлось в этом году отменить из-за ограничений на поездки в пандемию.

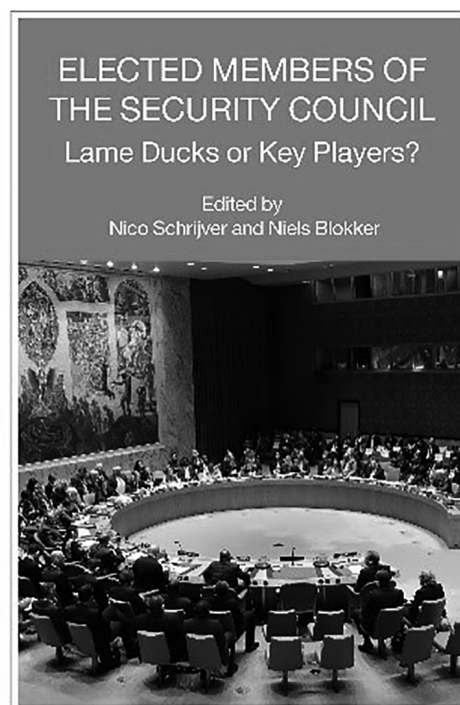
«Интернационализация» студенческих групп значительно обогатила мою работу как преподавателя, а также, надеюсь, студентов. Это способ помочь будущему поколению справиться с проблемами, подобными упомянутым выше.

– Тенденцией нашего времени является выход государств из международных организаций и органов. Так, США вышли из ВОЗ, ЮНЕСКО, Совета ООН по правам человека; Великобритания выходит из ЕС; Бурунди и Филиппины вышли из Международного уголовного суда; Япония вышла из Международной китобойной комиссии. Как Вы оцениваете эту тенденцию?

– Действительно, сегодня это кажется тенденцией, отражающей национализм и популизм, которые сильны в некоторых странах. Однако, как всегда, исследования помогают взглянуть на вещи в перспективе. «Факты будоражат» как однажды написал шведский социолог Гуннар Мюрдал. Альтернативные факты («фейковые новости») - нет. Всегда государства входили и выходили из международных организаций. Советский Союз и другие страны Восточной Европы выходили из ВОЗ и ЮНЕСКО, США - из МОТ в 1977 году, есть много других ранних примеров. Так что это не что-то действительно новое. И что интересно: в большинстве случаев (вклю-

чая упомянутые выходы из ВОЗ, ЮНЕСКО и МОТ) вышедшие государства позже возвращались. Вы можете выйти из международной организации, но вы не можете выйти из глобализации. Мой коллега Рамзес Вессель несколько лет назад в контексте Брексита упомянул строку из песни «Hotel California» группы Eagles: «you can checkout anytime you like, but you can never leave» («Вы можете выписаться в любое удобное для вас время, но вы никогда не можете уйти»). В конечном итоге участие в управлении глобализацией отвечает личным интересам государств.

– В этом году вышла монография, посвященная деятельности непостоянных членов Совета Безопасности ООН². Вы являетесь соавтором и соредактором этой книги. Надо отметить весьма неординарный подход к исследованию Совета Безопасности ООН. Какие основные выводы Вы бы отметили в этом отношении? Они «хромые утки»³ или же «ключевые игроки»?

BRILL | NIJHOFF

– Между! Неверно, что непостоянные члены являются ключевыми фигурами, также неверно и то, что они хромые утки. В нашей книге несколько авторов, как академиков, так и практиков, убедительно продемонстрировали, что непостоянные члены были активными и успешными в Совете Безопасности, в частности, в таких областях, как содействие верховенству права, реформе санкций и уголовного правосудия. Тем читателям, которые хотят узнать больше: прочтите книгу!

² Schrijver N.J., Blokker N.M. (Eds.) Elected members of the Security Council: Lame Ducks or Key Players? NijhoffLawSpecialsno. 99 Boston-Leiden: BrillNijhoff. 2020.

³ «Хромая утка» — в американском неформальном политическом сленге прозвище президента США, вскоре покидающего свой пост в результате проигрыша очередных выборов или истощения своего права выдвигать на них свою кандидатуру в соответствии с 22-й поправкой к Конституции США.

– Помимо того, что Вы являетесь профессором, Вы много лет проработали в Министерстве иностранных дел Нидерландов. Таким образом вы обладатель теоретических и практических знаний. Более того, в 2019 г. вы принимали участие в академической беседе «две души в одной груди: юрист ученый и практик». Эти «души» часто вступают в противоречие?

– Действительно, в течение многих лет, до середины 2013 года, у меня было две работы: один день в неделю я работал профессором в Лейденском университете, а остальную часть недели - в МИД Нидерландов. Для меня большая честь, что это возможно в Нидерландах. Во многих других странах это невозможно по разным причинам. Практика, несомненно, повлияла на мою академическую работу, как преподавательскую, так и исследовательскую. В своих исследованиях меня восхищает взаимосвязь между законом и практикой его применения. Зимой 2022 года я буду преподавать в Гаагской академии международного права, и мой курс будет посвящен этой теме в контексте международных организаций.

В моей груди почти никогда не было проблем с «двумя душами». Пожалуй, единственное исключение относится к вторжению в Ирак в 2003 году. В МИД я подготовил конфиденциальное юридическое заключение о незаконности этого вторжения. В то же время я не чувствовал себя «свободным» написать научную статью на ту же тему. Возможно, помогает то, что право международных организаций часто не касается таких деликатных политических вопросов, как вторжение в Ирак. Также помогло то, что мое правительство полностью позволило мне иметь свои собственные взгляды - конечно, в моем качестве профессора – которые не обязательно будут такими же, как у правительства. Если бы было иначе, я не смог бы выполнять свою работу как академик должным образом и честно, в частности в Лейденском университете, девиз которого - «*praesidium libertatis*» (бастион свободы).

– Помимо международных организаций у Вас много работ посвящено международным судам. Прежде, чем перейти к этой теме хочется отметить, что Вы нашли стыковую проблему для этих двух отраслей. В последнее время поднимаете очень интересные вопросы, которые ранее выпадали из предмета пристального изучения. Я имею в виду институты по управлению международными судами или как вы их именуєте «инджувинс» (*international judicial governance institutions, INJUGOVINS*)⁴. Расскажите подробнее о них. В своей статье вы отметили, что именно Соповещение сторон государств-участников Конвенции ООН по морскому праву достигло в сравнении с другими подобными механизмами хороших результатов по взаимодействию с Международным трибуналом по морскому праву⁵. В чем это проявляется? Что мешает другим механизмам выстроить такие отношения с международными судами?

– По поводу «инджувинс» - тема недостаточно изучена. За последние три десятилетия наблюдается быстрый и впечатляющий рост числа международных судов и трибуналов. С 6 в 1990 году до примерно 30 сейчас (даже больше 50, если мы также включим международные административные трибуналы). Их роль и функционирование влияют на международное право и международные отношения, как это было проанализировано во многих книгах, статьях, а в последние годы также в блогах, подкастах и т. д. Международное право и международные отношения все больше «проверяются судами». Основное внимание в исследованиях уделяется самим судам и трибуналам, анализу их работы, их постановлений. Это прекрасно и необходимо, и так следует продолжать. Однако в области международного права почти не уделяется внимания вопросам управления международными судами и трибуналами. Вот почему я стал изучать этот вопрос в течение последних нескольких лет. Это важно. Многие международные суды и трибуналы сталкиваются с трудными вопросами и серьезной критикой в отношении их управления, «того, как они работают». Посмотрите в этом контексте на Международный уголовный суд и Апелляционный орган ВТО. Трибунал Сообщества развития юга Африки был даже ликвидирован 15 государствами-членами после того, как он вынес решение, которое не понравилось правительству Мутабе в Зимбабве. Если мы заботимся о международном праве, мы заботимся о том, как оно применяется международными судами и трибуналами, и поэтому мы должны заботиться об их функционировании. Мы должны серьезно относиться к критике управления и решить ее. Хорошо функционирующие международные суды и трибуналы хороши для международного права и международного правопорядка.

Что касается Соповещения сторон государств-участников Конвенции ООН по морскому праву: у меня нет окончательных выводов, почему этот «инджувинс» был более успешным, чем другие. Но определенные элементы могут сыграть роль. Бюджет Международного трибунала по морскому праву относительно невелик, некоторые из наиболее политических или политизированных вопросов морского права обсуждаются не в рамках этого Соповещения государств-участников (обычно в июне), а на Генеральной Ассамблее ООН осенью. Кроме того, в течение многих лет после основания в Трибунале работал прекрасный регистратор: Филипп Готье, который в настоящее время является регистратором Международного Суда ООН.

⁴ Blokker N. (2018) The governance of international courts and tribunals – organizing and guaranteeing independence and accountability. In: Follesdal A, Ulfstein G (eds) The judicialization of international law – a mixed blessing. Oxford University Press, Oxford, pp. 26–42.

⁵ Blokker N.M. (2019), Governance of the International Tribunal of the Law of the Sea: The Role of the Meeting of States Parties to the Law of the Sea Convention. In: delVecchio A., Virzo R. (Eds.) Interpretations of the United Nations Convention on the Law of the Sea by International Courts and Tribunals. Switzerland: Springer Nature. 81-92.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ

– Не так давно Вы выступили соорганизатором очень интересной конференции, посвященной международным судам и трибуналам. На двухдневной конференции выступили судьи и сотрудники Международного Суда ООН, Международного трибунала по морскому праву, Апелляционной инстанции ВТО, Международного уголовного суда, Суда ЕС, Суда ВАС и другие эксперты. Расскажите, какие тенденции сегодня преобладают в области международного правосудия?

– Это была замечательная конференция (сентябрь 2019 г.), на которой мы запустили исследовательский проект. Я организовал её с тремя коллегами, в том числе с проф. Сергеем Васильевым (сейчас он работает в Амстердамском университете). У нас были очень содержательные программные выступления президента Международного Суда Юсуфа и президента Ассамблеи государств-участников МУС О-Гон Квона. Сейчас С. Васильев возглавляет процесс подготовки публикации материалов этой конференции, которые будут опубликованы, вероятно, в 2022 году.

– Что Вы думаете по поводу тезиса «Международный уголовный суд» создан исключительно для Африки»?

– Это совершенно неверный тезис. Этот Суд был учрежден для рассмотрения наиболее серьезных преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, где бы в мире они ни совершались. Суд следует принципу комплементарности: если соответствующие государства «способны и желают» расследовать соответствующие преступления, то МУС не обязательно должен участвовать. Таким образом, если африканские государства серьезно относятся к этому принципу, МУС не должен вмешиваться. Кроме того, в ряде случаев африканские государства сами передавали ситуации в МУС. Наконец, Прокурор МУС также проводит расследования, касающиеся ситуаций за пределами Африки.

– На Вашей лекции в РУДН Вы упомянули, что Вы приглашали из США участника Нюрнбергского трибунала для чтения лекции в Лейденском университете⁶. Расскажите, как это прошло.

– Это был Бенджамин Ференц (Benjamin Ferencz), которому в марте этого года исполнилось 100 лет. Я часто встре-

чался с ним в рамках переговоров о преступлении агрессии и пригласил его приехать в Лейден и прочитать «гостевую лекцию». Студенты никогда не забудут этот опыт. Он защитил докторскую диссертацию в Гарварде во время Второй мировой войны, участвовал в этой войне как солдат, в том числе при освобождении концлагерей. В Нюрнберге он был прокурором по крупному делу, касающемуся Einsatzgruppen, ответственных за убийство около миллиона человек в Центральной и Восточной Европе. После этого он много работал над учреждением Международного уголовного суда. В течение многих лет, во время холодной войны, это было политически невозможно. Но его девизом всегда было: «Никогда не сдавайся». Это, безусловно, одна из многих вещей, которым мы можем научиться у него.

ЛЕЙДЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

– Лейденский университет существует уже 445 лет. Это колоссально! В Лейденском университете учился сам Гуго Гроций, Тобиас Ассер, Бен Телдерс. В непосредственной близости Международный Суд ООН, Международный уголовный суд. Как Вы ощущаете себя работая в Лейденском университете?

– Я чувствую себя привилегированным! Это моя альма-матер, где мне также посчастливилось найти моего «промоутера» Генри Шермерса, вдохновляющего наставника, к которому я всегда испытывал большую преданность. Действительно, в Лейдене мы очень близко к Гааге. Дорога из Лейдена до Дворца мира (где находится Международный суд ООН) или Международного уголовного суда занимает гораздо меньше времени, чем поездка из аэропорта Москвы в центр города. Судьи обоих международных судов регулярно приезжают в Лейден для гостевых лекций или конференций. В Лейденском университете теперь также есть факультет в Гааге, который за последние два десятилетия значительно вырос.

– Вы окончили этот Университет и тут работаете. Это типично для Голландии? Вы работаете на так называемой кафедре Шермерса (Schermers Chair). Расскажите, пожалуйста, подробнее, что это означает.

– Я не думаю, что в Нидерландах типично учиться и впоследствии работать в одном университете. Это верно для меня и некоторых моих голландских коллег. Кто-то стал профессо-

⁶ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=QIi4-L9DaTs&feature=youtu.be>.

ром в университетах, отличных от их альма-матер. У кафедры Шермерса особая история. Когда Шермерс читал прощальную лекцию в 2002 году, он объявил, что пожертвует университету большую часть денег от продажи своего красивого старого дома у канала. Это конечно исключительный подарок. Он следовал примеру нескольких предшественников в Лейдене. Это пожертвование позволило университету основать кафедру Шермерса, на которую я был назначен в 2003 году. Для меня большая честь быть на этой кафедре, и я чувствую себя очень приверженным ей.

– Лейденский университет был известен своей антифашистской позицией в том числе благодаря позиции профессора Рудольфа Клевринга (Rudolph Cleveringa). Расскажите, пожалуйста, об этом.

– Я рад, что вы задаете этот вопрос. Опять же трудно дать краткий ответ. В мае 1940 года нацисты напали на Нидерланды. Постепенно они приняли антиеврейский и другие нацистские законы. В то время деканом юридического факультета был Рудольф Пабус Клевринга (1894-1980). 26 ноября он выступил со своей ставшей знаменитой речью протеста, в которой осудил принятую вторгшимися немцами меру смещения всех еврейских профессоров с их постов. Одним из этих профессоров был коллега Клевринга Эдуард Мейерс, который в то время должен был читать лекции своим студентам. Клевринга был арестован службами безопасности и оставался в тюрьме в Схевенингене (известном как «Апельсиновый отель») до лета 1941 года. Вдохновленные его речью, лейденские студенты решили объявить забастовку. Затем университет был закрыт оккупационными силами. В 1944 году Клевринга был заключен в тюрьму в Вутте. Он стал членом «Коллегии доверенных лиц», которая координировала сопротивление. После окончания войны он продолжил свою работу в Лейденском университете до 1958 года, когда вышел на пенсию. Он стал членом Государственного совета и продолжал выполнять эту роль до 1963 года, когда стал Чрезвычайным Государственным советником. Он умер в возрасте 86 лет в городе Огстгест недалеко от Лейдена. Вы можете посмотреть об этом короткий фильм на сайте университета⁷.

⁷ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.universiteitleiden.nl/en/dossiers/the-university-and-the-war/cleveringabiography>.

– Как живет Лейденский университет в эпоху covid19?

– В марте 2020 года нам пришлось прервать обычное обучение, в том числе мой собственный магистерский курс по праву и практике международных организаций. К счастью, в течение недели мы смогли повторно организовать большинство наших курсов онлайн. С сентября, в новом учебном году, мы, как и другие голландские университеты, решили в первую очередь обеспечить «реальные» занятия первокурсникам и магистрантам, соблюдая ограничения COVID-19. Другие студенты обучаются полностью или частично онлайн. Все мы, учителя и студенты, теперь еще больше осознаем добавленную стоимость «реальных» занятий. По возможности мы это делаем. Но коронавирус любит студентов (и других молодых людей)! Студенты сейчас являются основным источником инфекции, поэтому нам нужно быть очень осторожными. По моему опыту, COVID-19 отрицательно влияет на преподавание, но может создать возможность для исследований и написания статей. В моем квази-карантине дома я смог подготовить книгу о Совете Безопасности ООН, которая будет опубликована в ноябре этого года («Спасение будущих поколений от бедствий войны»).

О НАУКЕ

– Уважаемая Нильс, Вы очень плодотворный ученый! Можно попросить немного рассказать о Вашей «научной кухне»? Сколько одновременно Вы пишете статей? Как Вы решаете, какие статьи писать на нидерландском, а какие на английском языке? Есть ли сегодня необходимость в классических библиотеках или Вам хватает онлайн журналов и исследований? Какие журналы Вы посоветовали бы для чтения? В каких конференциях ежегодно принимаете участие?

– Как повар на этой кухне, у меня нет секретов для ваших читателей. Большая часть того, что я публикую, на английском, но есть материалы и на голландском. Преимущество письма на голландском языке в том, что это мой родной язык. Поскольку закон - это еще и язык, я чувствую, что иногда могу лучше выразиться именно на голландском, с большим количеством нюансов. Однако за пределами Нидерландов немногие читают по-голландски. А также из-за того, что я работаю в довольно специализированной области, часто лучше ис-

пользовать английский, чтобы я мог общаться с моими коллегами за границей, которые отказываются изучать голландский.

Я не хожу регулярно на одни и те же конференции, это зависит от того, что обсуждается на конференции. Европейское общество международного права - очень полезный форум, в том числе и для молодых ученых. У меня нет любимого юридического журнала. Я очень горжусь тем, что около 16 лет назад создал с проф. Рамзесом Весселем журнал «International Organizations Law Reviews». Мы по-прежнему два главных редактора и у нас есть «команда мечты» в качестве редакционной коллегии. Журнал преуспевает, и теперь каждый год выходит три номера.

– **Уважаемый Нильс, какую книгу по международному праву Вы могли бы лично порекомендовать для чтения? Например, книгу которую Вы сейчас читаете или которая произвела на Вас самое большое впечатление.**

– Я бы упомянул несколько книг: Карен Альтер «Новая территория международного права»⁸ о росте числа международных судов и трибуналов и их влиянии на международное право и международные отношения, Том Бингхэм «Верховенство права»⁹, а также, чтобы никогда не забыть о страшных событиях: Примо Леви «Человек ли это?»¹⁰ про выживание в Освенциме. Для себя я читаю книгу американского композитора Филипа Гласса «Слова без музыки»¹¹.

– **В апреле 2019 Вы приняли участие в международном конгрессе «Блищенковские чтения» в Российском университете дружбы народов (РУДН), а затем прочитали цикл лекций по проблемам международных организаций и судов. Мы также ждали Вас в этом году, но из-за COVID-19, к сожалению поездку пришлось отменить. Как Ваше впечатление от России, российской науки, студентов РУДН?**

– В прошлом году было замечательно приехать в РУДН, увидеть его международную ориентацию и внести свой вклад в Блищенковский конгресс. Мне очень понравились дискуссии на лекциях и на конгрессе, а также оказанное гостеприимство. Надеюсь, мы скоро преодолеем COVID-19 и снова сможем организовывать такие международные конференции, как Блищенковский конгресс. Я с нетерпением жду возможности приехать снова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

– **Учитывая, сколько времени Вы тратите на науку, то остается ли у Вас время на семью, есть ли у Вас хобби?**

– Конечно, единственные, кто может дать достоверный ответ на этот вопрос, - это моя жена и двое детей... Я всегда считал важным в своей жизни поддерживать надлежащий баланс между работой и личной жизнью. В академических кругах легко стать трудоголиком. Существует бесконечный список вещей для исследования. Но я всегда хотел не стать настоящим трудоголиком. Кроме того, я полностью наслаждаюсь личной жизнью! Мое главное хобби сейчас -

классическая музыка. Я играю на фортепиано с 6 лет. Среди моих любимых композиторов - Рахманинов, Прокофьев, Шостакович. А 13 сентября мы послушали прекрасное исполнение песен малоизвестного российского композитора Николая Метнера. Он написал 108 песен. Возможно, он не был таким новаторским, как композиторы вроде Шостаковича, но это прекрасная, чуткая, качественная музыка, в том числе вокальные сочинения на трогательные стихи Пушкина.

– **И в заключение, что бы Вы хотели пожелать читателям нашего журнала, нас читают сегодня во всех странах бывшего СССР.**

– Я желаю вам успехов в вашей работе в области международного права и наилучшего баланса с вашей личной жизнью. Надеюсь, мы сможем внести свой вклад в улучшение и стабильность отношений между нашими странами и народами. Личные контакты через границы помогают устранять или уменьшать препятствия и предрассудки, наводить мосты и открывать новые горизонты. Нам повезло, что у нас есть общий язык - международное право!

Спасибо, Александр, за интервью!

Интервью брал:

*Солнцев Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного
права Российского университета
дружбы народов*

⁸ Karen Alter, *The New Terrain of International Law*. Princeton University Press, 2014.

⁹ Tom Bingham. *The Rule of Law*. 2010.

¹⁰ ЛевиПримо. *Человек ли это?* Издательство: Текст, 2011.

¹¹ Гласс Филипп. *Слова без музыки*. ИД Ивана Лимбаха, 2017.

ДЕМЕНТЬЕВ Андрей андреевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

МИХЕЕВА Виктория Игоревна

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ТАРИФНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ В ЕАЭС

В статье рассматриваются причины и необходимость предоставления в современных международных рыночных отношениях тарифных преференций развивающимся государствам. Кроме того, авторы анализируют нормативно-правовую базу Евразийского экономического союза с целью установления соответствия ее положений имеющимся универсальным установкам о преференциальном режиме в отношении развивающихся и наименее развитых государств.

Ключевые слова: преференции, преференциальный режим, ЕАЭС, ЕС, тариф, тарифные преференции, экономика, развивающиеся государства, наименее развитые государства.

DEMENTJEV Andrey Andreevich

Ph.D. in Law, senior lecturer of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

MIKHEEVA Viktoriya Igorevna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

TARIFF PREFERENCES IN THE EAEU

The article examines the reasons and the need to provide tariff preferences to developing countries in modern international market relations. In addition, the authors analyze the regulatory framework of the Eurasian Economic Union in order to establish the compliance of its provisions with the existing universal guidelines on preferential treatment in relation to developing and least developed states.

Keywords: preferences, preferential regime, EAEU, EU, tariff, tariff preferences, economy, developing states, least developed states.

Дементьев А. А.

Михеева В. И.

На протяжении долгого периода времени одним из ключевых вопросов либерализации международной торговли являлось и продолжает являться предоставление тарифных преференций. Особенно остро данный вопрос встал на повестке дня в период деколонизации мира. Так, в 1968 г. Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) была одобрена Генеральная система преференций (ГСП) или Общая система преференций (ОСП), в соответствии с которой тарифные преференции предоставляются развивающимся государствам в виде сниженных или нулевых таможенных ставок на определенные товары¹. Сама по себе система тарифных преференций включает в себя льготы в области таможенных пошлин, которые базируются на происхождении товара. Соответственно, каждое государство обязано вести строгий учет и контроль в отношении таких льгот, чтобы не нарушить основополагающие принципы международного экономического права.

Следует сделать отступление и отметить, что в доктрине и различных других источниках встречается целый ряд терминов, которые зачастую подменяют друг друга: «таможенная льгота», «тарифная льгота», «таможенная преференция» и «тарифная преференция». Однако все эти четыре термина необходимо разграничивать между собой.

Так, «таможенной льготой» является любая льгота, предоставляемая налоговым и/или таможенным законодательством. «Тарифная льгота» подразумевает под собой льготное налогообложение (уплачивается только таможенная пошлина). «Таможенная преференция» – это любая льгота по уплате таможенной пошлины. В свою очередь «тарифная преференция» – это один из видов таможенной преференции, который, как уже отмечалось выше, связан со страной происхождения товара².

Тарифные преференции обладают следующими отличительными признаками:

1. Односторонняя система установления преференциального режима. То есть государства самостоятельно принимают решение как о предоставлении тарифных преференций, так и об объеме таких преференций. Государства-бенефициары не принимают участия в данном процессе;
2. их преференциального экспорта, а также отстаивании своих интересов;
3. Отсутствие всеобъемлемости бенефициаров. Только ограниченное количество государств пользуется тарифными преференциями. Таким образом, данный режим является исключением из принципов национального режима и режима наибольшего благоприятствования;

1 Генеральная система преференций. Официальный сайт ЮНКТАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unctad.org/en/Pages/DITC/GSP/About-GSP.aspx> (дата обращения: 20.07.2020).

2 Дробот Е. В. Единая система тарифных преференций Евразийского экономического союза: особенности функционирования и направления развития // Российское предпринимательство. - 2017. - Том 18. - № 24. - С. 3997-4020.

4. Прямая закупка и непосредственная отгрузка. Для того, чтобы избежать мошенничества и несправедливого предоставления тарифных преференций, к товарам применяются два указанных правила, которые добавляют к производству в государстве-бенефициаре закупку и доставку³.

Из всего вышесказанного видно, что тарифные преференции предоставляются «развивающимся государствам». В целом «развитость» экономики государства оценивается по его годовому ВВП. Однако для упрощения и ведения международной статистики ОЭСР ведет перечень развивающихся государств.

Важно сказать, что сами по себе развивающиеся государства могут достаточно сильно различаться между собой как по уровню экономического развития, так и по темпам такого развития.

Перечень развивающихся государств постоянно корректируется и обновляется. Кроме того, ОЭСР проводит большую работу по сбору и анализу данных об экономическом развитии среди развивающихся государств. Однако комплексный анализ статистических данных Организации позволяет говорить о том, что больших количественных изменений у большинства государств не наблюдается⁴.

Система преференций в отношении развивающихся государств заложена и в праве Всемирной торговой организации (ВТО), появившаяся еще в системе Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 г. (ГАТТ-47). Выражалась она в разрешительной оговорке (enabling clause), которая позволила делать исключения из режима наибольшего благоприятствования в отношении развивающихся государств, не нарушая при этом положения статьи 1 ГАТТ-47⁵.

Естественно, что система преференций нашла свое воплощение и отражение в интеграционных объединениях. Так, Европейским союзом после рекомендаций ЮНКТАД 1971 г. была создана система предоставления преференций развивающимся государствам в отношении некоторых видов сельскохозяйственной и промышленной продукции, что впоследствии получило название EU's GSP (ЕС ГСП или Генеральная система преференций ЕС)⁶. Кроме того, как уже было отмечено выше, каждое государство устанавливает перечень и объем тарифных преференций.

Естественно, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) также имеет нормативно-правовую базу по предоставлению тарифных преференций.

В основе деятельности ЕАЭС лежит Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г.

Для целей настоящей статьи важными представляются статьи 42 и 43 Договора о ЕАЭС. Так, в частности, статья 42 закрепляет следующее: «На таможенной территории Союза применяются единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза, утверждаемые Комиссией и являющиеся инструментами торговой политики Союза»⁷.

Здесь же перечисляются основные цели применения единой Товарной номенклатуры, которые имеют основополагающее значение для уставного документа международной интеграционной группировки.

Основными целями применения Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза являются:

1. Обеспечение условий для эффективной интеграции Союза в мировую экономику;
2. Рационализация товарной структуры ввоза товаров на таможенную территорию Союза;
3. Поддержание рационального соотношения вывоза и ввоза товаров на таможенной территории Союза;
4. Создание условий для прогрессивных изменений в структуре производства и потребления товаров в Союзе;
5. Поддержка отраслей экономики Союза⁸.

Статья 43, которая непосредственно устанавливает возможность предоставления таможенных льгот, гласит следующее:

1. В отношении товаров, ввозимых (ввезенных) на таможенную территорию Союза, могут применяться тарифные льготы в виде освобождения от уплаты ввозной таможенной пошлины или снижения ставки ввозной таможенной пошлины.
2. Тарифные льготы не могут носить индивидуальный характер и применяются независимо от страны происхождения товаров.
3. Предоставление тарифных льгот осуществляется согласно приложению № 6 к настоящему Договору⁹.

Данные статьи важны для понимания правовой базы предоставления таможенных преференций Союзом, так как именно в них заложены основы, с одной стороны, таможенно-тарифного регулирования, а с другой – льготного таможенного режима.

В статье 42 имеются ссылки на статьи 35, 36 и 43 Договора о ЕАЭС. Статья 35 непосредственно связывает Договор о ЕАЭС с Генеральным соглашением по тарифам и торговле 1994 г. (здесь не стоит забывать, что предоставление преференций развивающимся государствам красной нитью проходит через все соглашения, входящие в «право ВТО»).

В свою очередь статья 36 непосредственно устанавливает правовой режим предоставления таможенных преференций (а не льгот) развивающимся государствам.

1. В целях содействия экономическому развитию развивающихся и наименее развитых стран Союз в соответствии с настоящим Договором может предоставлять тарифные преференции в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран - пользователей единой системы тарифных преференций Союза и (или) наименее развитых стран - пользователей единой системы тарифных преференций Союза.

2. В отношении ввозимых на таможенную территорию Союза преференциальных товаров, происходящих из развивающихся стран - пользователей единой системы тарифных преференций Союза, применяются ставки ввозных таможенных пошлин в размере 75 процентов от ставок ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза.

3. В отношении ввозимых на таможенную территорию Союза преференциальных товаров, происходящих из наименее развитых стран - пользователей единой системы тарифных преференций Союза, применяются нулевые ставки ввозных таможенных пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза¹⁰.

Таким образом мы видим, что тарифные преференции предоставляются товарам из развивающихся и наименее

3 См. подробнее: Международное экономическое право: учебник для вузов / В. М. Шумилов, И. В. Гудков, К. С. Мауленов, Ю. В. Шумилов; под редакцией В. М. Шумилова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 545 с.

4 См. подробнее: World Economic Situation and Prospects 2020 // Официальный сайт ОЭСР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2020_CH3_DE.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

5 Ст. 2а ГАТТ 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2560614/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_1021 (дата обращения: 20.07.2020).

6 См. подробнее: The EU's Generalised Scheme of Preferences. Официальный сайт Европейской комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/august/tradoc_153732.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

7 Пункт 1 статьи 42 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/18eeb7d78d488fc5f74273bae01601899946ea32/ (дата обращения: 28.07.2020).

8 Там же. - П. 2. (дата обращения: 28.07.2020).

9 Статья 43 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/90acc62ea3fc08d3307ce58e8319b744b976063f/ (дата обращения: 28.07.2020).

10 Статья 36 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/a025f4c3418526b04d7c3a3948228c21c4f60553/ (дата обращения: 28.07.2020).

развитых стран. Сами категории товаров содержатся в специальном перечне товаров, который был принят Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 13 января 2017 г. № 8 «О перечне товаров, происходящих из развивающихся стран или из наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза предоставляются тарифные преференции»¹¹. При этом в отношении развивающихся государств такая преференция предоставляется в размере 25 процентов от Единого таможенного тарифа ЕАЭС, а в отношении товаров из наименее развитых стран – 100 процентов, то есть применяется нулевая ставка.

Однако из этих правил, установленных в Договоре о ЕАЭС, могут быть и «исключения», хотя и не в прямом смысле. Так, в 2016 г. между государствами-членами ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам было заключено соглашение о свободной торговле. И хотя Вьетнам считается развивающимся государством, данным соглашением была установлена полная отмена таможенных пошлин и постепенное снижение ввозных таможенных пошлин на определенные категории товаров¹².

Проведя анализ данного соглашения, а также в целом практики предоставления тарифных преференций ЕАЭС, можно сделать вывод о том, что для их предоставления необходимо соблюдение ряда требований:

1. Должны соблюдаться правила прямой отгрузки и непосредственной закупки, о которых мы упоминали выше;

2. Товару должен быть выдан специальный сертификат о происхождении товара (такие сертификаты закрепляются статьей 31 Таможенного кодекса ЕАЭС);

3. Закупка товара производится у лица, которое официально зарегистрировано в качестве субъекта предпринимательской деятельности в развивающемся или наименее развитом государстве.

Стоит так же отметить, что 6 апреля 2016 г. Совет ЕЭК утвердил «Положение об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций ЕАЭС», которое заменило собой Положение 2008 г. Документ 2016 г. направлен на оказание поддержки развивающимся и наименее развитым государствам, а также конкретизирует ряд положений, закрепленных ранее в Положении 2008 г. В частности, закрепляется прямое включение в перечень развивающихся и наименее развитых государств тех государств, которые по данным Всемирного банка не имеют высокого экономического дохода или дохода выше среднего, а также в отношении которых имеются резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении тарифных преференций. Исходя из этого, уточняются условия, при которых государства не будут включаться в соответствующие перечни:

1. Государство исключается из международного перечня наименее развитых стран ООН и/или в ее отношении отменяются резолюции ГА ООН о предоставлении тарифных преференций;

11 См. подробнее Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 13.01.2017 № 8 «О перечне товаров, происходящих из развивающихся стран или из наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза предоставляются тарифные преференции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213383/ (дата обращения: 01.07.2020).

12 См. подробнее Соглашение государств-членов ЕАЭС с Социалистической Республикой Вьетнам о свободной торговле 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BE-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5-%D1%81-%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BC.aspx> (дата обращения: 01.07.2020).

2. По данным Всемирного банка государство в течение двух лет подряд имеет высокий уровень дохода¹³.

Таким образом, мы можем констатировать, что ЕАЭС и его государства-члены стремятся к максимальной либерализации международных экономических отношений, в том числе путем соблюдения общепринятой практики, которая закреплена и в нормах международного права, в отношении предоставления преференций развивающимся государствам для того, чтобы они могли конкурировать на международных рынках с экономически сильными и развитыми государствами.

Пристайный библиографический список

1. ГАТТ 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2560614/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_1021 (дата обращения: 20.07.2020).
2. Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/18eeb7d78d488fc57f4273bae01601899946ea32/ (дата обращения: 28.07.2020).
3. Дробот Е. В. Единая система тарифных преференций Евразийского экономического союза: особенности функционирования и направления развития // Российское предпринимательство. – 2017. – Том 18. – № 24. – С. 3997-4020.
4. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 13.01.2017 № 8 «О перечне товаров, происходящих из развивающихся стран или из наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза предоставляются тарифные преференции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213383/ (дата обращения: 01.07.2020).
5. Соглашение государств-членов ЕАЭС с Социалистической Республикой Вьетнам о свободной торговле 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BE-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5-%D1%81-%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BC.aspx> (дата обращения: 01.07.2020).
6. Шумилов В. М., Международное экономическое право: учебник для вузов / В. М. Шумилов, И. В. Гудков, К. С. Мауленов, Ю. В. Шумилов; под редакцией В. М. Шумилова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 545 с.
7. The EU's Generalised Scheme of Preferences. Официальный сайт Европейской комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/august/tradoc_153732.pdf (дата обращения: 20.07.2020).
8. World Economic Situation and Prospects 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2020_CH3_DE.pdf (дата обращения: 20.07.2020).
- 13 См. подробнее Положение об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций ЕАЭС 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/commonSystem/Documents/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%9F.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

МИРЗАЕВ Фархад Сабир оглу

кандидат юридических наук, доктор философии в области права (Ph.D. – Лэстерский университет, Великобритания), магистр права (LL.M., Ноттингемский университет, Великобритания), докторант кафедры Международного права МГИМО (У) МИД РФ, Старший Партнер международной юридической фирмы *BM Morrison Partners* (Лондон)

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА *UTI POSSIDETIS* И ПРАВА НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Данная статья исследует актуальные вопросы соотношения двух принципов международного права: права народов на самоопределение и принципа *uti possidetis*. Автор уделяет особое внимание анализу как российской и зарубежной доктрины международного права, так и современной практики государств. В статье так же детально рассматривается практика международных судебных прецедентов и решений международных организаций относительно соотношения этих двух принципов. При написании автор использовал историко-правовой, аналитический и сравнительный методы. Основным выводом автора является аргумент о том, что право народов на самоопределение и принцип *uti possidetis* в международном праве имеют как точки соприкосновения, так и конфликта, однако, в большинстве случаев принцип *uti possidetis* служит ограничению применения права на внешнее самоопределение (сецессию), защищая территориальную целостность суверенных государств.

Ключевые слова: соотношение принципов международного права, самоопределение народов, принцип *uti possidetis*, сецессия, сепаратизм.

MIRZAYEV Farhad Sabir oglu

Ph.D. in Law (Azerbaijan), Ph.D. in Law (University of Leicester, United Kingdom); LL.M in International Law (University of Nottingham, United Kingdom), Senior Partner of *BM Morrison Partners international law firm* (London, UK)

CORRELATION OF THE PRINCIPLES OF *UTI POSSIDETIS* AND SELF-DETERMINATION IN INTERNATIONAL LAW

This paper researches the contemporary problems of correlation between two principles of international law, the peoples' right to self-determination and the principle of *uti possidetis*. The author pays a special attention to theoretical views of the Russian and Western schools of international law, as well as a contemporary state practice. The paper also analyses the international case law and practice of international organisations with respect to the correlation of these two principles. The main methods applied by the author for the research purposes are historical, legal analysis and comparative methods. It is concluded by the author that under international law, the peoples' right to self-determination and the principle of *uti possidetis* have common points of cooperation as well as collision. Whereas, in the author's opinion, in most of cases the principle of *uti possidetis* serves for protection of the territorial integrity of sovereign states by limiting the exercise of the right to external self-determination (secession).

Keywords: correlation of international law principles, self-determination of peoples, *uti possidetis* principle, cession, separatism.

О праве народов на самоопределение написано большое количество работ¹, но имеется очень мало работ, касающихся вопросов его соотношения с принципом *uti possidetis*. Широко известно, что право народов на самоопределение, как отдельный принцип стал формироваться после окончания Первой мировой войны и создания системы Лиги Наций². Несмотря на его включение в Пакт Лиги Наций, изначально он рассматривался больше как политическая концепция, а не как принцип международного права³. Фактически, в то время существовало несколько международных документов,

в которых упоминался данный принцип. Аргументы относительно юридического характера права народов на самоопределение, как принципа права, был поднят в споре по Аландским островам между Швецией и Финляндией⁴. Американский международник Ханнум справедливо утверждает, что самоопределение народов - это принцип, который был установлен как «естественное следствие» требований, вытекающих из этнических и политических вопросов 18-19 веков⁵. Сам принцип в основном сформировался после Второй мировой войны и в середине прошлого века с началом процесса глобальной деколонизации, который привел к его трансформации из политической концепции в принцип современного международного права⁶. Его включение в Устав ООН ознаменовало новую эру в его развитии, трансформируя его в норму международного обычного права. Выдающийся советский ученый Тункин подчеркивал, что история эволюции самоопределения народов свидетельствовала о жестокой борьбе, и даже его включение в Устав ООН не положило конец спорным спорам о его статусе⁷.

1 Hannum H., *Autonomy, Sovereignty and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992; Cassese A., *Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal*. – London: Cambridge University Press, 1995; Pomerance M., *Self-Determination in Law and Practice: The New Doctrine in the United Nations*. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1982; Franck T., *The Power of Legitimacy Among Nations*. – New York: OUP, 1990; McCorquodale R., *Self-Determination in International Law*. – Dartmouth: Aldershot, 2000; Мирзаев Ф., Актуальные вопросы права народов на самоопределение в международном праве в контексте нерушимости границ и территориальной целостности // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 2 (129). – С. 52-57.

2 Jennings R. and Watts A., *Oppenheim's International Law*. – London/ New York: Longman. Vol I, 9th edn., 1996. – С. 712.

3 de Arechaga E.J., *International Law in the Past Third of a Century* // RCADI. – 1978. – № 159. – P. 100; Epps V., *The New Dynamics of Self-Determination* // ILSA Journal of International and Comparative Law. – 1997. – № 3. – P. 433.

4 Reports of International Commission of Jurists and the Committee of Rapporteurs League of Nations Council Documents / Paris: League of Nations Council Documents. – 1921. – № B7:21/68/106. – P. 22-23.

5 Hannum H. *Re-Thinking Self-Determination* // Virginia Journal of International Law. – 1993. – № 34. – P. 2-3.

6 Freeman M., *National Self-Determination, Peace and Human Right* // Peace Review. – 1998. – № 10(2). – P. 28; Hannum H. *Re-Thinking Self-Determination*. Op. cit. – P. 1.

7 Тункин Г. И., Теория международного права / Под ред. А. Н. Шестакова. – М.: Зерцало, 2000. – С. 51-58.

Наряду с Уставом ООН⁸, Резолюция 1514 (XV) - Декларация 1960 г. о предоставлении независимости колониальным странам и народам («Декларация о деколонизации») является основополагающим юридическим документом, подтверждающим право на самоопределение. Декларация о деколонизации рассматривается многими авторитетными учеными как «обязательная интерпретация» Устава ООН. Более того, право народов на самоопределение подтверждено в других важных международных документах, например, во Всеобщей декларации прав человека, Хельсинкском Заключительном акте 1975 года (часть VIII), Африканской хартии прав человека и народов 1981 года (статья 20) и Пактах о правах человека 1966 года⁹. Из Устава ООН и многочисленных резолюций ООН, а также различных решений международных судебных органов и трибуналов становится очевидным, что этот принцип стал одним из основополагающих принципов международного права, применимых к ситуациям деколонизации. Более того, утверждается, что этот принцип является нормой международного обычного права¹⁰ и составляет часть норм *jus cogens*¹¹.

Поскольку Международные пакты о правах человека 1966 года считаются имеющими обязательную силу для сторон и являются «авторитетным толкованием положений Устава ООН о правах человека»¹², принцип самоопределения был подтвержден в них как один из основных принципов в области прав человека. То же самое применимо к Декларации 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций («Декларация о принципах международного права»), которая также отражает некоторые положения Устава ООН по правам человека, включая те, которые касаются самоопределения¹³. Осуществление права на самоопределение вне процессов деколонизации применялось в самых последних случаях при дезинтеграции СФРЮ, СССР, Югославии, Южного Судана и прочих. Например, позиция Европейского сообщества в отношении самоопределения в случае СФРЮ и СССР была четко выражена в Декларации «О руководящих принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе» от 16 декабря 1991 г., где был сделан особый упор на право народов на самоопределение¹⁴. Аналогичную позицию заняли США при признании новых независимых государств на территории СФРЮ и СССР¹⁵.

Принцип самоопределения народов был затронут Международным судом в его консультативных заключениях по делам Намибии (Namibia Case) и Западной Сахары (Western

Sahara Case)¹⁶. В деле о Западной Сахаре Суд четко заявил, что применение принципа самоопределения было юридически обоснованным в отношении самоуправляющихся территорий, то есть Суд применил этот принцип к процессу деколонизации¹⁷. Кроме того, в споре между Австралией и Португалией деле относительно Восточного Тимора (East Timor Case), Международный суд определил, что принцип самоопределения носит характер *erga omnes* и является «одним из основных принципов» международного права в отношении деколонизации¹⁸. В своем консультативном заключении относительно статуса Косово, Международный суд вынес противоречивое мнение о том, что осуществление со стороны Косово права на самоопределение не противоречит международному праву¹⁹. В консультативном заключении по Косово Суд избегал каких-либо прямых и всеобъемлющих юридических обсуждений самого дела, а, скорее, сделал двусмысленное заявление, которое создало дополнительное поле для различных спекулятивных толкований. Хотя само консультативное заключение Международного суда по Косово весьма запутанное и противоречивое, тем не менее, оно затронуло всю систему международного права и привело к определенным спекуляциям, используемым оправленными силами на международной арене. Фактически, в этом консультативном заключении Международный суд не обсуждал правовые последствия одностороннего провозглашения независимости Косово и там также ничего не говорится о том, было ли это сделано в соответствии с требованиями международного права. Суд просто ограничил свой вывод, заявив, что такое заявление об осуществлении права на самоопределение не нарушает международное право²⁰. Также интересно, что, хотя большинство сторонников независимости Косово, включая ведущие западные государства, всегда утверждали, что этот случай был уникальным и не должен создавать прецедента, Международный суд не делал никаких заявлений, объявляющих Косово *sui generis* или уникальным особым случаем, отличным от всех других подобных случаев. В то время как Россия предупреждала Запад о недопустимости признания права Косово на внешнее самоопределение (сепессия) и опасности такого прецедента в международном праве, а также последующей цепной реакции, время не заставило себя долго ждать, и мы стали свидетелями таких же случаев с Абхазией и Южной Осетией, но теперь уже с участием самой России. Один из последних примеров по осуществлению права на внешнее самоопределение является Южный Судан, который недавно отделился от самого Судана. Фактически, отделение Южного Судана – это особый случай для африканского континента. Осуществление права на внешнее самоопределение Южным Суданом произошло не из-за активной поддержки или давления со стороны международно-союзства (как в случае с Косово), а скорее было попыткой окончательно положить конец военным столкновениям между конфликтующими сторонами²¹. Таким же примером

8 Charter of the United Nations / UN Treaty Series. - 4 October 1945. - №2. P. XVI.; Brownlie I., Principles of Public International Law. - New York: Oxford University Press. - 1998. - 5th ed.; Shaw M., Title to Territory in Africa. International Legal Issues. - Oxford: Clarendon Press, 1986.

9 Universal Declaration of Human Rights, 10 December 1948, 217 A (III); CSCE, Final Act of Helsinki, 1 August 1975. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3dde4f9b4.html>; UNGA, International Covenants on Human Rights / UN Doc A/RES/50/171. - 26 February 1996.

10 Emerson R., Self-Determination // American Journal of International Law. - 1971. № 65. - P. 459.

11 Brownlie I., Principles of Public International Law. Op. cit. - P. 513; Cassese A., International Law in a Divided World. - Oxford: Clarendon Press, 1986. - P. 136; Crawford J., The Rights of Peoples. - Oxford: Clarendon Press, 1988. - P. 159-177.

12 Shaw M., International Law. - London: Cambridge University Press, 2003. - 5th ed. - P. 308-311.

13 UNGA Resolution 2625 (XXV) (24 October 1970) / UN Doc. A/8018. 1970; Rosentock R., The Declaration of Principles of International Law Concerning the Friendly Relations // American Journal of International Law. - 1971. - № 65. - P. 111-115.

14 EC Declaration on the Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union of 16 December 1991 // European Journal of International Law. - 1993. - Vol. 4. - P. 72. EC Yugoslav Arbitration Commission's Opinion No. 2 (1992) // European Journal of International Law. - 1992. - Vol. 3. - P. 183-184.

15 US Dept of State - Dispatch. - 1992. - Vol 13. No 3. - P. 287.

16 Namibia Case (Advisory Opinion) / ICJ Rep. - The Hague, 1971. - P. 16; Western Sahara Case (Advisory Opinion) / ICJ Rep. - The Hague, 1975. - P. 12.

17 Shaw M., The Western Sahara Case // British Yearbook of International Law. - 1978. - Vol. 49. - P. 119.

18 East Timor Case (Australia v Portugal) / ICJ Rep. - The Hague, 1995. - P. 102, 105-106.

19 Fierstein D., Kosovo's Declaration of Independence: An Incident Analysis of Legality, Policy and Future Implications // Boston University International Law Journal. - 2008. - № 26. - P. 417-442; Vaknin S., South Sudan v Kosovo: Secession, National Sovereignty, and Territorial Integrity / Global Politician. - 2011. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.globalpolitician.com/26974-south-sudan-kosovo-secession-sovereignty>.

20 Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo (Advisory Opinion) / ICJ Rep. - The Hague, 2010.

21 Know C., The Secession of South Sudan: A Case Study in African Sovereignty and International Recognition. - St. Joseph, Minnesota: College of Saint Benedict and Saint John's University, 2012. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://digitalcommons.csbsju.edu/polsci_students/1/ accessed 7 August 2012.

может послужить относительно недавнее отделение Черногории от единого федеративного государства с Сербией²².

Агрессивный сепаратизм и кровавые последствия конфликтов, сопровождавших сепаратистские движения по всему миру, вновь подняли проблему соотношения принципов *uti possidetis* и права народов на внешнее самоопределение. Различные национальные меньшинства на территории некоторых суверенных государств начали сепаратистские движения и выдвинули претензии на независимость от этих республик. Несмотря на парад попыток отделения, некоторые конфликты разрешились мирным путем, однако остальные продолжают глеть и остаются неразрешенными. Соотношение права народов на внешнее самоопределение и принципа *uti possidetis* в контексте сохранения территориальной целостности – одна из самых сложных спорных проблем международного права. Как известно, принцип *uti possidetis* не равносителен принципу территориальной целостности, однако он предназначен для усиления последнего и относится к случаям передачи суверенитета от одного суверена к другому²³. Однако эти два принципа тесно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом на определенных уровнях. В этом контексте конфликт между принципом *uti possidetis* и правом народов на внешнее самоопределение можно рассматривать именно в рамках конфликта между правом народов на внешнее самоопределение и принципом территориальной целостности. Если предназначение принципа *uti possidetis* очевидно, то противоречивый характер права народов на внешнее самоопределение создает некоторые проблемы в отношении этого принципа с другими принципами международного права. Кельзен утверждал, что после включения права народов на самоопределение в Устав ООН, противоречие между этим принципом и принципом территориальной целостности исчезло.²⁴ Он далее утверждал, что принцип самоопределения является «подтверждением принципа суверенного равенства государств» и поэтому должен рассматриваться как «принцип суверенитета государств»²⁵. Обзоры, сделанные в предыдущих работах²⁶, дают основание утверждать, что право народов на самоопределение и *uti possidetis* являются принципами универсального применения.

Можно утверждать, что не всегда два принципа противоречат друг другу. В вышеупомянутых случаях распада СФРЮ и СССР, можно было наблюдать две ситуации, когда принципы *uti possidetis* и право народов на самоопределение в различные периоды сотрудничали и входили в конфликт друг с другом. При наличии определенных обстоятельств принципы могут эффективно сотрудничать на благо государств и их народов. Распад СССР и СФРЮ может быть ярким примером точек сотрудничества и противоречия между двумя принципами. Во-первых, при осуществлении бывшими республиками СССР и СФРЮ – конституционными частями некогда единого государства, права на самоопределение принцип *uti possidetis* был применен для определения территориальных рамок этих новых независимых государств. Можно утверждать, что это был момент, когда два принципа взаимодействовали. Во-вторых, это ситуация, когда после провозглашения независимости бывшими республиками СССР некоторые административные единицы или этнические группы этих республик заявили о реализации своего права на внешнее самоопределение от бывших республик. В этом случае противоречие между двумя принципами было очевидным. При рассмотрении юридической приро-

ды принципа *uti possidetis*²⁷, можно утверждать, что принцип широко признан в государственной практике как ограничение принципа права народов на внешнее самоопределение. Например, некоторые авторы утверждают, что применение принципа *uti possidetis* не может рассматриваться как ограничение права народов на самоопределение, за исключением ситуаций, когда осуществление права на самоопределение затрагивает унаследованные колониальные границы²⁸. Соответственно, право на внешнее самоопределение может быть ограничено принципом *uti possidetis juris*, когда первое направлено на нарушение территориальной целостности и существующих границ независимых государств. Принцип *uti possidetis*, в основном, направлен на достижение стабильности государственных границ путем сохранения границ государства, унаследовавшего эти границы от государства-предшественника. Такая позиция четко оправдана стремлением поддерживать международный мир и безопасность. Эта идея также была четко сформулирована Международным судом ООН в пограничном споре между Буркина Фасо и Мали (*the Frontier Dispute Case*)²⁹. Именно в этом деле Международный суд четко заявил, что существует конфликт между *uti possidetis* и правом на внешнее самоопределение³⁰. Более того, существует точка зрения, что в данном случае Международный суд подчинил принцип самоопределения народов принципу *uti possidetis* в отношении границ бывших колониальных территорий³¹. Фактически, то, как Суд изложил свою позицию по делу, дает основания утверждать, что был признан конфликт между двумя принципами, и что авторитетный международный судебный орган дал предпочтение принципам *uti possidetis* и территориальной целостности. Некоторые комментаторы также отмечают, что эти два принципа находятся в противоречии, когда право на самоопределение осуществляется в форме внешнего самоопределения. В данном случае право народов на самоопределение вступает в противоречие с принципом *uti possidetis*, которое «четко определяет, что государственные границы имеют фундаментальное значение для территориальной целостности»³². Фальк отметил, что существует конфликт между двумя этими принципами и определил, что «чем больше отдается предпочтение государственному суверенитету, тем меньше остается возможностей для самоопределения народов, и наоборот»³³.

В качестве другого авторитетного мнения можно также сослаться на Заключение Комиссии Юристов Лиги Наций по делу Аландских островов и утверждать, что право на самоопределение ограничено и может быть осуществлено только в чрезвычайных ситуациях, когда государство не полностью сформировано или находится в состоянии трансформации или распада, и ситуация является неясной³⁴. Некоторые авторы утверждают, что право народов на самоопределение – это доктрина, которая не может быть широко применена и которая может быть реализована лишь при существовании «чрез-

22 Vidmar J., Montenegro's Path to Independence: A Study of Self-Determination, Statehood and Recognition // *Hanse Law Review*. – 2007. – № 3 (1). – P. 79.

23 Мирзаев Ф., Принцип *uti possidetis*: история зарождения // *Московский журнал международного права*. – 2014. – № 4 (96). – С. 56–72.

24 Kelsen H., Recent Trends in the Law of the United Nations. A Supplement to the "Law of the United Nations: A Critical Analysis of its Fundamental Problems". – London: Stevens and Sons, 1951. – P. 52–53.

25 Ibid. – P. 52–53.

26 Мирзаев Ф., Принцип *uti possidetis* в современном международном праве и его применение на постсоветском пространстве: Теория и практика // *Право и Политика*. – 2004. – № 6 (54). – С. 43–53.

27 Мирзаев Ф., Применение принципа *uti possidetis* при дезинтеграции СССР // *Право и Политика*. – 2017. – № 8. – С. 12–23; Мирзаев Ф.С. Применение принципа *uti possidetis* при распаде Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations*. – 2017. – № 3. – С. 25–35.

28 McCorquodale R., Self-Determination: a Human Rights Approach // *International and Comparative Law Quarterly*. – 1994. – № 43. – P. 857.

29 Frontier Dispute case (Burkina Faso v Mali) / ICJ Rep. – The Hague, 1986. – P. 554, 567.

30 Ibid. – P. 554, 567.

31 Jennings R. and Watts A., *Oppenheim's International Law*. Op. cit. – P. 715.

32 Lloyd Brown-John C., Self-Determination // *Options Politiques*. – 1997. – № 9. – P. 42.

33 Crawford J., *The Rights of Peoples*. Op. cit. – P. 17.

34 Reports of International Commission of Jurists. Op. cit.; Berman N., Sovereignty in Abeyance: Self-Determination in International Law // *Wisconsin International Law Journal*. – 1988. – № 7. – P. 390–443; Werner W., Self-Determination and Civil War // *Journal of Conflict and Security Law*. – 2001. – № 6. – P. 171; McCorquodale R., Self-Determination: a Human Rights Approach. Op. cit.; James A., *Sovereign Statehood the Basis of International Society*. – London: Allen and Unwin, 1986.

вычайных обстоятельств», и в этом случае международное право не может ссылаться на принцип уважения и защиты государственного суверенитета и территориальной целостности³⁵. Такую позицию активно поддерживают и другие авторитетные ученые³⁶. Однако, такие взгляды на «чрезвычайные случаи», как например, в случае с Косово, кажутся довольно необоснованными и не имеют достаточного обоснования по международному праву. Комиссия Бадинтера по бывшей Югославии в своем Заключении № 2 прямо заявила, что «независимо от обстоятельств право на самоопределение не должно подразумевать изменения существующих границ во время обретения независимости (*uti possidetis jure*), за исключением случаев, когда заинтересованные государства договорились об ином»³⁷.

Среди большинства западных и российских специалистов в области международного права существует твердое мнение о том, что право народов на внешнее самоопределение может применяться только к колониальным территориям, и вне колониального контекста международное право будет уделять серьезное внимание лишь вопросам права народов на внутреннее самоопределение³⁸. «Защитные положения» (*safeguard clauses*)³⁹, закрепляющие обязанность государств уважать внутреннее самоопределение, но без угрозы территориальной целостности и политическому единству существующих государств, были включены в Декларацию о деколонизации и Декларацию о принципах международного права, которые подтверждают отношение мирового сообщества к данному вопросу⁴⁰. Превалирование принципа территориальной целостности как основы для определения границ согласно принципу *uti possidetis* в некоторых конкретных случаях подтвержден во многих международных документах, а также в решениях и толковании Международного Суда⁴¹. Принцип 3 Заключительного акта Хельсинки (1975), Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961), статья 62 Венской конвенции о праве международных договоров (1969), Венская конвенция о правопреемстве государств (1978), статья 3 Устав ОАЕ, статья 20 (подразумеваемая) Африканской хартии прав человека и народов (1981 г.) и пункт

6 резолюции 1514 (XV) ГА ООН четко провозглашают, что право народов на самоопределение не может толковаться и применяться для нарушения территориальной целостности суверенных государств. Более того, в недавней Декларации Всемирной конференции ООН по правам человека 1993 г. говорилось, что «хотя все народы имеют право на самоопределение, это право ограничивается свободным осуществлением демократического правления и не может использоваться каким-либо образом как право обретению независимости»⁴². ЕС подтвердил эту точку зрения в своем заявлении от 22 мая 1992 г., в котором он заявил, что «осуждает, в частности, как противоречащие принципам и обязательствам [СБСЕ] любые действия, направленные против территориальной целостности или направленные на достижение политических целей путем применения силы»⁴³.

Более того, как упоминалось в некоторых предыдущих работах⁴⁴, на основании практики государств, право народов на внешнее самоопределение может считаться законным, если оно должным образом осуществляется в соответствии с применимыми внутренним законодательством и получило широкую внешнюю поддержку, сопровождаемую признанием подавляющего большинства государств. Более того, как также обсуждалось выше, согласие государства-метрополии на успешную сепессию имеет жизненно важное значение, как мы это наблюдали на примере Бангладеш, стран Балтии, Черногории и Южного Судана. Между тем следует подчеркнуть, что в большинстве случаев с незаконной сепессией, не одно подобных сепаратистских образований, не получало согласия на сепессию от государств, в составе которых они юридически находятся, и часто не добивается внешней поддержки в виде широкого признания, и им не удается сформировать легитимное образование, обладающее всеми признаками государственности⁴⁵, что, по сути, означает признание со стороны международного сообщества превалирования принципа *uti possidetis* наряду с принципом территориальной целостности над правом на внешнее самоопределение (сепессия).

Пристатейный библиографический список:

1. Аксенюк А. Самоопределение: Между Правом и Реалполитикой // Россия в Глобальной Политике. - 2006. - № 5. - С. 127-134.
 2. Блищенко И. П., Сопержание права народов на самоопределение / Осипов А.Г., Право народов на самоопределение: Идея и воплощение. - М., 1997.
 3. Вылегжанин А.Н., Колосов Ю.М., Малеев Ю.Н., Бекашев Д.К., Международное право. - М.: Юрайт, 2019.
 4. Карташкин В.А. Право на самоопределение и территориальная целостность государств // Обозреватель. - 2014. - № 10. - С. 6-15.
 5. Кутафин О.Е., Российская автономия. - М.: Проспект, 2006.
 6. Лукашук И.И., Международное право. Общая часть. - М.: Волтерс Клувер, 2005.
 7. Мирзаев Ф., Актуальные вопросы права народов на самоопределение в международном праве в контексте нерушимости границ и территориальной целостности // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 2 (129). - С. 52-57.
 8. Мирзаев Ф., Применение принципа *uti possidetis* при дезинтеграции СССР // Право и Политика. - 2017. - № 8. - С. 12-23.
 9. Мирзаев Ф., Принцип *uti possidetis* в современном международном праве и его применение на постсо-
- 35 Berman N., Sovereignty in Abeyance. Op. cit.
 36 Koskeniemi M., National Self-determination today: Problems of Legal Theory and Practice // The International & Comparative Law Quarterly. - 1994. - № 43. - P. 241-269.
 37 EC Yugoslav Arbitration Commission's Opinion No.2. Op. cit. - P. 182-185; Мирзаев Ф.С. Применение принципа *uti possidetis* при распаде Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Указ. соч. - С. 25-35.
 38 Bayefski A.F., Self-Determination in International Law: Quebec and Lessons Learned. - The Hague: Kluwer Law International, 2000. - P. 12; Franck T., Fairness in International Law and Institutions. - Oxford: Oxford University Press, 1995. - Ch. 5; Crawford J., The Right of Self-Determination in International Law: Its Development and Future. - Oxford: Oxford University Press, 2001; Crawford J., The Creation of States in International Law. - Oxford: Clarendon Press, 1979; Cassese A., Self-Determination of Peoples. Op. cit.; Hannum H. Re-Thinking Self-Determination. Op. cit.; Кутафин О.Е., Российская автономия. - М.: Проспект, 2006. - С. 3; Блищенко И. П., Содержание права народов на самоопределение / Осипов А.Г., Право народов на самоопределение: Идея и воплощение. - М., 1997. - С. 222; Лукашук И.И., Международное право. Общая часть. - М.: Волтерс Клувер, 2005. - С. 318; Черниченко С.В., Принцип самоопределение народов // Московский журнал международного права. - № 4. - С. 5; Решетов Ю.А., Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. - 1994. - № 1. - С. 10-25; Карташкин В.А. Право на самоопределение и территориальная целостность государств // Обозреватель. - 2014. - № 10. - С. 6-15; Вылегжанин А.Н., Колосов Ю.М., Малеев Ю.Н., Бекашев Д.К., Международное право. - М.: Юрайт, 2012. - С. 69; Старушенко Г.Б., Самоопределение – без сепаратизма // Международная жизнь. - 1993. - № 11. - С. 130-149; Аксенюк А. Самоопределение: Между Правом и Реалполитикой // Россия в Глобальной Политике. - 2006. - № 5. - С. 127-134.
 39 de Arechaga E.J., International Law in the Past Third of a Century. Op. cit.
 40 Werner W., Self-Determination and Civil War. Op. cit.
 41 Frontier Dispute case. Op. cit.
- 42 Lloyd Brown-John C., Self-Determination. Op. cit. - P. 42.
 43 EC Press Statement (Brussels, 22 May 1992).
 44 Мирзаев Ф., Актуальные вопросы права народов на самоопределение. Указ. соч. - С. 52-57.
 45 Devine D., The Requirements of Statehood Re-Examined // Modern Law Review. - 1971. - № 34. - P. 410-415.

- ветском пространстве: Теория и практика // Право и Политика. - 2004. - № 6 (54). - С. 43-53.
10. Мирзаев Ф., Принцип *uti possidetis*: история зарождения // Московский журнал международного права. - 2014. - № 4 (96). - С. 56-72.
 11. Мирзаев Ф.С. Применение принципа *uti possidetis* при распаде Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) // Международное право и международные организации. - 2017. - № 3. - С. 25-35.
 12. Решетов Ю.А., Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. - 1994. - № 1. - С. 10-25.
 13. Старушенко Г.Б., Самоопределение – без сепаратизма // Международная жизнь. - 1993. - № 11. - С. 130-149.
 14. Тункин Г. И., Теория международного права / Под ред. А. Н. Шестакова. - М.: Зерцало, 2000. - С. 51-58.
 15. Черниченко С.В., Принцип самоопределение народов // Московский журнал международного права. - № 4. - С. 5.
 16. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo (Advisory Opinion) / ICJ Rep., The Hague, 2010.
 17. Bayefski A.F., Self-Determination in International Law: Quebec and Lessons Learned. - The Hague: Kluwer Law International, 2000. - P. 12.
 18. Berman N., Sovereignty in Abeyance: Self-Determination in International Law // Wisconsin International Law Journal. - 1988. - № 7. - P. 390-443.
 19. Brownlie I., Principles of Public International Law. - New York: Oxford University Press. - 1998. - 5th ed.
 20. Cassese A., International Law in a Divided World. - Oxford: Clarendon Press. - 1986. P. 136.
 21. Cassese A., Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. - London: Cambridge University Press, 1995
 22. Charter of the United Nations / UN Treaty Series. - 4 October 1945. - № 2. P. XVI.
 23. Crawford J., The Creation of States in International Law. - Oxford: Clarendon Press, 1979.
 24. Crawford J., The Right of Self-Determination in International Law: Its Development and Future. - Oxford: Oxford University Press, 2001.
 25. Crawford J., The Rights of Peoples. - Oxford: Clarendon Press, 1988.
 26. CSCE, Final Act of Helsinki, 1 August 1975. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3dde4f9b4.html>.
 27. de Arechaga E.J., International Law in the Past Third of a Century // RCADI. - 1978. - № 159. - P. 100.
 28. Devine D. The Requirements of Statehood Re-Examined // Modern Law Review. - 1971. - № 34. - P. 410-415.
 29. East Timor Case (Australia v Portugal) / ICJ Rep. - The Hague, 1995. - P. 105-106.
 30. EC Declaration on the Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union of 16 December 1991 // European Journal of International Law. - 1993. - Vol. 4. - P. 72.
 31. EC Press Statement (Brussels, 22 May 1992).
 32. EC Yugoslav Arbitration Commission's Opinion No.2 (1992) // European Journal of International Law. - 1992. - Vol. 3. - P. 183-184.
 33. Emerson R., Self-Determination // American Journal of International Law. - 1971. - № 65. - P. 459.
 34. Epps V., The New Dynamics of Self-Determination // ILSA Journal of International and Comparative Law. - 1997. - № 3. - P. 433.
 35. Fierstein D., Kosovo's Declaration of Independence: An Incident Analysis of Legality, Policy and Future Implications // Boston University International Law Journal. - 2008. - № 26. - P. 417-442.
 36. Franck T., Fairness in International Law and Institutions. - Oxford: Oxford University Press, 1995. - Ch. 5.
 37. Franck T., The Power of Legitimacy Among Nations. - New York: OUP, 1990.
 38. Freeman M., National Self-Determination, Peace and Human Right // Peace Review. - 1998. - № 10 (2). - P. 28
 39. Frontier Dispute case (Burkina Faso v Mali) / ICJ Rep. - The Hague, 1986. - P. 554, 567.
 40. Hannum H. Re-Thinking Self-Determination // Virginia Journal of International Law. - 1993. - № 34. - P. 2-3.
 41. Hannum H., Autonomy, Sovereignty and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992.
 42. James A., Sovereign Statehood the Basis of International Society. - London: Allen and Unwin, 1986.
 43. Jennings R. and Watts A., Oppenheim's International Law. - London/New York: Longman. Vol I, 9th ed., 1996. - P. 712.
 44. Kelsen H., Recent Trends in the Law of the United Nations. A Supplement to the "Law of the United Nations: A Critical Analysis of its Fundamental Problems". - London: Stevens and Sons, 1951. - P. 52-53.
 45. Know C., The Secession of South Sudan: A Case Study in African Sovereignty and International Recognition. - St. Joseph, Minnesota: College of Saint Benedict and Saint John's University, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digitalcommons.csbsju.edu/polsci_students/1/ accessed 7 August 2012.
 46. Koskeniemi M., National Self-determination today: Problems of Legal Theory and Practice // The International & Comparative Law Quarterly. - 1994. - № 43. - P. 241-269.
 47. Lloyd Brown-John C., Self-Determination // Options Politiques. - 1997. - № 9. - P. 42.
 48. McCorquodale R., Self-Determination in International Law. - Dartmouth: Aldershot, 2000.
 49. McCorquodale R., Self-Determination: a Human Rights Approach // International and Comparative Law Quarterly. - 1994. - № 43. - P. 857.
 50. Namibia Case (Advisory Opinion) / ICJ Rep. - The Hague, 1971. - P. 16.
 51. Pomerance M., Self-Determination in Law and Practice: The New Doctrine in the United Nations. - The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.
 52. Reports of International Commission of Jurists and the Committee of Rapporteurs League of Nations Council Documents / Paris: League of Nations Council Documents. - 1921. - № B7:21/68/106. - P. 22-23.
 53. Rosentock R., The Declaration of Principles of International Law Concerning the Friendly Relations // American Journal of International Law. - 1971. - № 65. - P. 111-115.
 54. Shaw M., International Law. - London: Cambridge University Press, 2003. - 5th ed. - P. 308-311.
 55. Shaw M., The Western Sahara Case // British Yearbook of International Law. - 1978. - Vol. 49. - P. 119.
 56. Shaw M., Title to Territory in Africa. International Legal Issues. - Oxford: Clarendon Press, 1986.
 57. UNGA Resolution 2625 (XXV) (24 October 1970) / UN Doc A/8018. 1970.
 58. UNGA, International Covenants on Human Rights / UN Doc A/RES/50/171. 1966.
 59. Universal Declaration of Human Rights (10 December 1948) / UN Doc, 217 A (III). 1948.
 60. US Dept of State – Dispatch. - 1992. - Vol. 13. No 3. - P. 287.
 61. Vaknin S., South Sudan v Kosovo: Secession, National Sovereignty, and Territorial Integrity / Global Politician. - 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalpolitician.com/26974-south-sudan-kosovo-secession-sovereignty>.
 62. Vidmar J., Montenegro's Path to Independence: A Study of Self-Determination, Statehood and Recognition // Hanse Law Review. - 2007. - № 3 (1). - P. 79.
 63. Werner W., Self-Determination and Civil War // Journal of Conflict and Security Law. - 2001. - № 6. - P. 171.
 64. Western Sahara Case (Advisory Opinion) / ICJ Rep. - The Hague, 1975. - P. 12.

ШУГУРОВ Марк Владимирович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии

ЕВРАЗИЙСКИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Статья посвящена анализу деятельности Евразийских технологических платформ с точки зрения вопросов, связанных с интеллектуальной собственностью, таких как охрана объектов интеллектуальной собственности, распределение прав и управление ими, а также защита прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. Автор уделяет повышенное внимание исследованию положений актов институциональных органов ЕАЭС, в которых освещаются данные вопросы. Особое значение придается обоснованию подхода о том, что успех в деятельности ЕТП будет зависеть, во-первых, от гармонизации национальных правовых систем в сфере интеллектуальной собственности, а, во-вторых, от включения в стратегии функционирования ЕТП проблематики взаимодействия их участников по вопросам интеллектуальной собственности. В статье проводится мысль о том, что рассматриваемое направление регионального научно-технологического и инновационного сотрудничества может получить новый импульс в результате его интеграции в реализацию Цифровой повестки Союза.

Ключевые слова: евразийские технологические платформы, право интеллектуальной собственности, управление правами, научно-технологическая интеграция, цифровые трансформации.

SHUGUROV Mark Vladimirovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of International law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

EURASIAN TECHNOLOGY PLATFORMS AND INTELLECTUAL PROPERTY: PROSPECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION

This article deals with analyzing of activity of the Eurasian technology platforms with a view of issues closely connected with intellectual property, such as protection of objects of intellectual property, distribution of rights, rights management and protection of the intellectual property rights. The author pays an increased attention to studies of provisions of the EAEU institutional bodies' acts where these issues are stipulated. A decisive importance is given to justification of approach in accordance of which the success of EurasianTP's activity will depend, firstly, on harmonizing the national legal systems in the area of intellectual property and, secondly, on including of a perspective of interaction between their participants concerning intellectual property to the strategies of functioning of EurasianTPs. In the article there is conducted the thought on that the addressing direction of regional cooperation in science, technology and innovation might gain momentum as result of integration with Digital Agenda of the EAEU.

Keywords: Eurasian technology platforms, law of intellectual property, rights management, integration in science and technology, digital transformation.

Шугуров М. В.

Важнейшими объектами инновационной инфраструктуры, которые одновременно являются инструментами для реализации промышленного сотрудничества в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС), являются Евразийские технологические платформы (далее – ЕТП), формирование которых было намечено в п. 9(3) ст. 92 Договора о ЕАЭС¹, а также в п. 4.2.2 Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС². Опираясь на механизм частно-государственного партнерства, они нацелены на фор-

мирование экономики будущего и постоянное обновление технологической базы производства посредством генерирования инновационных технологий, продуктов и услуг. Это достигается посредством привлечения ресурсов для проведения исследований и разработок с участием всех заинтересованных сторон – научных кругов и бизнес-сообщества, государства и гражданского общества. Призванные содействовать разработке перспективных технологий они рассчитаны также на содействие внедрению технологических инноваций в производство высокотехнологичной продукции.

В круг задач ЕТП входит не только аккумуляция отечественных технологических разработок, но и адаптация зарубежных достижений научно-технологического прогресса. В итоге они выполняют функции, которые характерны для технологических платформ как таковых³. Формой реализации функций являются совместные кооперационные проекты, направленные не только на возведение промышленных объектов, но и на разработку и внедрение разнообразных тех-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00805 («Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики: сравнительно-правовой анализ»).

1 Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 20.05.2020).

2 Основные направления промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС (утв. Решением Межправительственного совета от 8 августа 2015 г. № 9). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprrom/dep_prom/Documents/Решение%20МПС%20 (дата обращения: 20.05.2020).

3 Иншаков О.В., Иншакова Е.И. Технологические платформы в российской наноиндустрии: проблемы и перспективы развития // Вестник ВолГУ. Серия 3. Экономика. 2017. Т. 10. № 3. С. 14-16.

нологий⁴. Одновременно надо учитывать, что ЕТП – это элемент союзной инновационной инфраструктуры⁵. Если проводить аналогию, то подобное положение дел характерно для Европейского союза: здесь Европейские технологические платформы являются элементом европейской инновационной экосистемы и ключевыми элементами общего пространства исследований и разработок⁶.

Спектр ЕТП, обладающих межгосударственным статусом, достаточно широк и предполагает совершение прорывов по наиболее перспективным технологическим направлениям. Таким образом усилия участников платформенного взаимодействия не сводятся только к генерированию цифровых технологий, столь важных в эпоху цифровых трансформаций, так как структура современной экономики шире цифрового сектора. Конечно, перспективы развития различных секторов экономики связаны с цифровыми трансформациями, что одновременно предполагает их технологическую модернизацию в целом. Представляется, что ЕТП рассчитаны на содействие этому двуединому процессу. В итоге они могут рассматриваться как драйверы технологической модернизации в контексте реализации Цифровой повестки Союза. Данный подход в целом согласуется с высказанным в экспертно-аналитической среде тезисом о том, что формирование евразийской «территории инноваций» должно быть сопряжено с мерами по ускоренной реализации цифровой повестки⁷.

Направлением активного включения ЕТП в указанную повестку может стать расширение цифровых платформенных решений для повышения эффективности их деятельности. Это вызвано тем, что ЕТП – это коммуникационные площадки, эффективность функционирования которых заметным образом улучшится при расширении использования ИКТ. Одновременно здесь видятся вполне определенные перспективы в отношении решения одной из ключевых задач, характерных для их деятельности, а именно – повышение эффективности охраны объектов интеллектуальной собственности и управления правам на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности.

Поскольку ЕТП представляют собой объекты инновационной инфраструктуры, то как и для всей инновационной системы, в рамках которой осуществляется инновационная деятельность, вопросы, связанные с охраной интеллектуальной собственности, имеют первостепенное значение. Это также может обосновано тем, что, в принципе, ЕТП будут подключены к Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, которая предполагает стимулирование инновационных процессов посредством трансфера технологий. В свою очередь взаимодействия в составе Сети подлежат цифровым трансформациям. Об этом говорится в разделе 1 «Общие положения» Технического задания на оказание услуг по разработке и внедрению Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации

и трансфера технологий⁸. В свою очередь Сеть нацелена не только на радикальное облегчение подбора наиболее эффективных партнеров по кооперации, субконтрактации и передаче технологий, но и по кооперации в сфере НИОКР.

В результате создаются условия для совместного проведения исследований и разработок, в ходе которых будут разрабатываться перспективные технологии, способные войти в перечень технологических предложений. В свою очередь это предполагает процесс распределения прав на совместные результаты интеллектуальной деятельности. В более сжатой форме это означает, что в рамках ЕТП происходит сближение фундаментальных и прикладных исследований, вывод разработок в рыночную плоскость, что дополняется функционированием Евразийской сети трансфера технологий, посредством которой происходит передача результатов интеллектуальной деятельности и прав на их использование⁹.

Сказанное является еще одним аргументом в пользу того, что цели ЕТП, которые закреплены в п. 4 Положения о формировании и функционировании ЕТП¹⁰, не могут быть достигнуты вне сосредоточения внимания на вопросах интеллектуальной собственности. Актуальность данных вопросов весьма очевидна: ЕТП как ускорители инновационного и технологического развития государств – членов в тех или иных высокотехнологичных отраслях предполагают целостный инновационный цикл, включая коммерциализацию разработок. Эти вопросы можно отнести к ключевым, так как они на постоянной основе возникают и будут возникать в процессе реализации совместных проектов в рамках ЕТП, рассчитанных на создание качественно новых разработок.

Повышение актуальности правового сотрудничества участников техплатформ в сфере интеллектуальной собственности дополняется тем, что новые охраняемые разработки должны стать основой новых рынков высокотехнологичной продукции, а это означает возникновение рынков исключительных прав на них. Тем более все это важно в ситуации, когда с переходом к шестому технологическому укладу и цифровой экономике существенно возрастает роль и значение интеллектуальной собственности как мерила экономической ценности интеллектуального творчества¹¹.

В настоящее время достигнуто понимание отмеченной закономерности. В литературе отмечается, что особое внимание при функционировании ЕТП, например, платформы «Технологии добычи и переработки твердых полезных ископаемых», следует обратить на «проблему защиты интеллектуальной собственности, используя механизмы правового регулирования этого вопроса в рамках Евразийского экономического союза, а также деятельности Евразийской

4 Доклад о деятельности Евразийских технологических платформ. М.: ЕЭК, 2018. С. 22-37.

5 Евразийские технологические платформы могут разрабатывать продукцию будущего (17 января 2017 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12342-2013-INIT/en/pdf> (дата обращения: 12.06.2020).

6 European Commission Staff Working Document “Strategy for European Technology Platforms: ETP 2020. Р. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12342-2013-INIT/en/pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

7 Меморандум по итогам сессии «Перспективы формирования “территории инноваций” и стимулирования научно-технических прорывов в ЕАЭС в рамках XX Апрельской международной научно конференции по проблемам развития экономики и общества» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 12 апреля 2019 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/263864214.html> (дата обращения: 15.08.2020).

8 Техническое задание на оказание услуг по разработке и внедрению Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий (утв. Решением Коллегии ЕЭК от 6 августа 2019 г. № 135 «Об утверждении технического задания на оказание услуг по разработке и внедрению Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий»). С. 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01422661/clcd_08082019_135 (дата обращения: 24.07.2020).

9 Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России / отв. ред. Т.А. Мешкова. М., 2019. С. 26.

10 Положение о формировании и функционировании Евразийских технологических платформ (утв. Решением Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 2). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420349133>.

11 Итоговый документ. Рекомендации участников XI Международного форума «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности» // Одиннадцатый Международный форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов // Под науч. ред. проф. В.Н. Лопатина. М., 2019. С. 32.

экономической комиссии в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности»¹². Кроме этого в литературе присутствует фокусировка внимания на проблематике охраны объектов интеллектуальной собственности в рамках Евразийской сельскохозяйственной платформы в контексте положений права ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности¹³.

Как представляется, проблематика интеллектуальной собственности сопряжена с рядом направлений деятельности ЕТП, например, с таким, как осуществление консультативной поддержки в освоении передовых технологий. Данное консультирование может и должно быть сопряжено с указанием на формы правовой охраны данных технологий как результатов интеллектуальной деятельности. По всей видимости, эти вопросы не могут не затрагиваться и при осуществлении такого направления, как решение задачи по определению потребности реального сектора экономики государств – членов в новых технологиях. В частности, при проведении оценки уровня развития технологий в государствах – членах и его сопоставления с зарубежными аналогами вполне уместно было бы проводить оценку уровня ее охраны.

Определение уровня охраны также целесообразно в процессе формирования единых реестров потребностей в новых технологиях. Все это может дополняться и находить свое выражение в проведении мониторинга управления правами интеллектуальной собственности в тех организациях и компаниях, которые являются участниками проектов в рамках ЕТП. Вполне очевидно, что содействие организации научных, проектных, производственных и иных объединений на территории государств – членов, которые направлены на продвижение передовых технологий и их коммерциализацию должно дополняться содействием развитию механизмов управления правами на них, а также выработкой мер по защите прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Помимо сказанного проблематика интеллектуальной собственности вполне вписывается в такое направление, как решение задачи по налаживанию сотрудничества и поддержка совместных инициатив и проектов, в частности, совместного создания и внедрения инновационной продукции и технологий. Не вызывает сомнения, что данная проблематика вполне соотносится с одной из задач, решение которых будет содействовать достижению целей функционирования ЕТП, например, с задачей по выявлению барьеров, которые препятствуют научно-техническому развитию государств – членов, а также по выработке рекомендаций по их устранению. Одновременно с этим обращает на себя внимание такое направление деятельности техплатформ, как формирование единых информационно-коммуникационных систем и порталов, обеспечивающих доступ к информационным базам и коммуникацию всех заинтересованных организаций государств – членов в развитии и освоении передовых технологий и продукции.

Отмеченные направления деятельности, со всей очевидностью сопряженные с вопросами интеллектуальной собственности, конкретизируются на уровне отдельных ЕТП, в рамках которых генерируются различные виды результатов интеллектуальной деятельности. В процессе функционирования техплатформ создаются результаты интеллектуальной деятельности, предполагающие разную форму правовой охраны. Соответственно, участники должны обладать соответствующей компетенцией при выборе необходимых форм

охраны и определении мер защиты в процессе реализации совместных проектов, которые предполагают не только их разработку, но и коммерциализацию, в особенности на зарубежных рынках технологий и исключительных прав на них.

Так, ЕТП «Космические и геоинформационные технологии – продукты глобальной конкурентоспособности» является площадкой для разработки высокотехнологичных космических продуктов и услуг. К указанным продуктам следует отнести не только космическую технику, но и программные средства. Соответственно, результаты интеллектуальной деятельности будут получать охрану в рамках права промышленной собственности и авторского права. Аналогичная ситуация характерна и для разработок ЕТП «Евразийская биомедицинская технологическая платформа». На этой площадке планируется разработка прорывных технологий в сфере биоинженерии, ветеринарии, геномики, постгеномики и др. Одновременно мы видим интерес к информационным и когнитивным технологиям, разработкам программно-обеспечения. На разработку суперкомпьютерных технологий и оборудования нацелена ЕТП «Евразийская суперкомпьютерная технологическая платформа». Ценность данных разработок заключается также в оптимизации научно-исследовательского процесса на основе использования отечественных технологий и программного обеспечения.

Не следует думать, что цель ЕТП – обеспечить полный переход экономики на собственные технологии, т.е. на использование технологических разработок, полученных в ходе кооперации организаций и компаний государств – членов. Технологическое импортозамещение не могут себе позволить даже наиболее развитые в технологическом отношении государства мира. Поэтому ЕТП в ряде случаев прямо предусматривают решение такой задачи, как выработка предложений по заимствованию зарубежных технологий, которые пока что не развиты в государствах – членах, но имеют ключевое значение для тех или иных отраслей. Такой подход отражен в паспорте ЕТП «Евразийская биомедицинская платформа» (п. 3)¹⁴. С точки зрения предмета нашей статьи это означает необходимость создания надлежащего уровня охраны прав зарубежных правообладателей на отечественном рынке.

Обратим внимание на то, что в паспортах некоторых ЕТП имеются упоминания о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности. Так, в п. 4 паспорта ЕТП «Технологии добычи и переработки твердых полезных ископаемых» в качестве основного направления деятельности указывается на трансфер инновационных технологий, защиту и эффективное использование интеллектуальной собственности. Разумеется, формулировка может быть признана не совсем удачной, но общий посыл вполне понятен, а именно – сосредоточение внимания участников платформы на охране объектов интеллектуальной собственности и защите прав на них. В п. 4 паспорта ЕТП «Технологии экологического развития» в качестве одного из основных направлений также указан трансфер технологий, правда, без упоминания необходимости защиты прав интеллектуальной собственности. Разумеется, данная защита в этом случае вполне очевидна, как и при всяком трансфере технологий. Сделанный вывод вполне может быть экстраполирован на сотрудничество в рамках ЕТП «Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа», к одному из направлений которой относится трансфер технологий (п. 4).

Более развернутые формулировки можно увидеть в п. 3 паспорта ЕТП «ЕвразияБио». В качестве одной из задач здесь указано не только на развитие единого рынка конкурентоспособных биопродуктов, но и на гармонизацию нормативно-правовой базы государств – членов в области биотехнологий,

12 Вартанов А.З., Петров И.В., Федаш А.В. Развитие институтов евразийского технико-экономического сотрудничества в области разведки, добычи и переработки твердых полезных ископаемых // Горный журнал. 2017. № 11. С. 16.

13 Аржанцев С.А., Кокувин Е.В. Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа: нормативно-правовой аспект // Прикладные экономические исследования 2018. № 4. С. 42–43.

14 Паспорта тех или иных ЕТП приведены: Евразийские технологические платформы. М., 2017. С. 29–36.

в том числе в сфере защиты интеллектуальной собственности и трансфера технологий. На наш взгляд, данное положение является далеко не случайным, поскольку биотехнологии – один из видов технологий, патентование которых имеет широко распространенную практику. Вопросы охраны имеют важное место в процессе внедрения новейших биотехнологий.

Нет никаких сомнений, что на сегодняшний день только на уровне ЕТП «ЕвразияБио» проблематика интеллектуальной собственности нашла свое наиболее системное осмысление. Как отмечается в Стратегической программе исследований, «в результате кооперации участников будут создаваться объекты интеллектуальной собственности, в связи с чем возрастает потребность в формировании цивилизованного рынка интеллектуальной собственности на пространстве ЕАЭС ... Первичным условием для этого является эффективная учетная политика распределения и закрепления прав на создаваемые в ходе НИОКР результаты интеллектуальной деятельности»¹⁵. Как можно видеть из документа, в нем самым детальным образом систематизированы практически все аспекты охраны биотехнологических изобретений, управления правами на них, формы коммерциализации, сочетание патентования и использование иных форм охраны, передачи пакета исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, правообладателем которых выступает государство, в состав уставного капитала компаний с государственным участием и т.д.

В принципе, ЕТП обладают потенциалом превращения в значимых субъектов правовой политики ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности. Это можно объяснить тем, что в настоящее время процесс их формирования сменился этапом их развития. В данном случае в силу трансграничной природы достижение их целей и решение поставленных перед ними задач во многом будет зависеть как от развития права ЕАЭС в сфере интеллектуальной собственности, так и от степени гармонизации национальных законодательств государств – членов. Отсюда они не только являются выгодополучателями результатов межгосударственного правового сотрудничества в рассматриваемой сфере, но и коллективными субъектами, от которых могут исходить запросы и одновременно предложения, направленные на гармонизацию и одновременно на развитие прав интеллектуальной собственности на национальном и региональном уровне.

Как отмечает Н.Н. Густап, «развитие европейских технологических платформ прошло несколько стадий: создание платформ, их развитие, создание совместных технологических инициатив; в результате этого процесса они превратились из инструмента технологического развития в инструмент глобального социального планирования»¹⁶. Это стало возможным благодаря активной политике ЕС в сфере развития наднационального права интеллектуальной собственности с учетом требований цифровой эпохи и Четвертой промышленной революции, что является условием гармонизации национальных законодательств как необходимого фактора трансграничного платформенного сотрудничества. Все это дополняется совершенствованием механизмов управления правами на основе различных инноваций, в том числе цифровых.

Как можно было видеть, вопросы охраны объектов интеллектуальной собственности, а тем более защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности выделены в качестве основных направлений деятельности ЕТП лишь

в редких случаях. Внесение изменений и уточнений в пункты, в которых перечисляются задачи или основные направления их деятельности, в составе организационно-правовых актов, в качестве которых выступают паспорта соответствующих платформ, возможно, но вряд ли целесообразно. Более рациональным видится путь по выработке стратегий в сфере интеллектуальной собственности применительно к каждой ЕТП, так как правовой режим совместно получаемых и коммерциализируемых результатов интеллектуальной деятельности в каждом случае обладает собственной спецификой. Одновременно с этим рассматриваемые нами вопросы могли бы стать предметом обсуждений Консультативного комитета по интеллектуальной собственности при Евразийской экономической коллегии. Кроме этого весьма перспективным является разработка концепций и стратегий развития конкретных ЕТП в направлении включения в них вопросов охраны объектов интеллектуальной собственности, защиты и управления правами на результаты интеллектуальной деятельности.

В завершении статьи отметим, что результатом функционирования ЕТП станет не только появление прорывных технологий и модернизация на их основе производственного сектора, но и появление новых рынков технологий. Важнейший аспект данных рынков – региональные рынки исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. В контексте реализации Цифровой повестки Союза весьма перспективным направлением может стать обеспечение цифровой трансформации рынков прав интеллектуальной собственности, связанных с функционированием ЕТП. Данного рода трансформация может быть достигнута в качестве результата реализации возможных проектов по цифровой трансформации ЕТП.

Пристатейный библиографический список

1. Аржанцев С.А., Кокувин Е.В. Евразийская сельскохозяйственная технологическая платформа: нормативно-правовой аспект // Прикладные экономические исследования. 2018. № 4. С. 39-47.
2. Вартанов А.З., Петров И.В., Федаш А.В. Развитие институтов евразийского технико-экономического сотрудничества в области разведки, добычи и переработки твердых полезных ископаемых // Горный журнал. 2017. № 11. С. 14-17.
3. Густап Н.Н. Европейские технологические платформы: понятие, история создания, характеристика // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 56-59.
4. Доклад о деятельности Евразийских технологических платформ. М.: ЕЭК, 2018. 37 с.
5. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России / отв. ред. Т.А. Мешкова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
6. Евразийские технологические платформы. М.: ЕЭК, 2017. 36 с.
7. Иншаков О.В., Иншакова Е.И. Технологические платформы в российской nanoиндустрии: проблемы и перспективы развития // Вестник ВолГУ. Серия 3. Экономика. 2017. Т. 10. № 3. С. 7-20.
8. Одиннадцатый Международный форум «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Сборник докладов, документов и материалов // Под науч. ред. проф. В.Н. Лопатина. М.: РНИИИС, 2019. 436 с.
9. Роль интеллектуальной собственности в развитии евразийской интеграции / Под ред. С.Б. Алиева. М.: ЕЭК, 2016. 52 с.
10. Стратегическая программа исследований по биотехнологии. Евразийская биотехнологическая платформа (ЕАБТП). М.: ЕвразияБио, 2016. 63 с.

15 Стратегическая программа исследований по биотехнологии. Евразийская биотехнологическая платформа (ЕАБТП). М., 2016. С. 52.

16 Густап Н.Н. Европейские технологические платформы: понятие, история создания, характеристика // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321. № 6. С. 58.

ТАРАКАНОВА Яна Викторовна

аспирант кафедры международного права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ САНИТАРНОЙ И ФИТОСАНИТАРНОЙ МЕРЫ В ВТО

В настоящей статье автор выявляет признаки санитарной и фитосанитарной меры в правилах ВТО и приходит к выводу о том, что это выработанные государством меры нетарифного регулирования международной торговли, применяемые в целях защиты жизни или здоровья людей, животных или растений от фактических рисков негативного влияния на них вредителей, заболеваний, вредных организмов, добавок, загрязняющих веществ, токсинов или болезнетворных организмов на территории государства-члена ВТО. Научное обоснование и надлежащая оценка риска являются обязательными условиями для признания правомерности применения государством-членом ВТО санитарных и фитосанитарных мер. В отношении первого условия в расчет принимаются количественные и качественные критерии научного обоснования, включая достаточность и полноту научных данных. Второе условие означает проверку как этого научного обоснования (позиция должна быть признанной в доктрине и отвечать требованиям научного сообщества), так и рассуждений при оценке риска, которые должны быть объективными и последовательными.

Ключевые слова: санитарная и фитосанитарная мера, ВТО, международная торговля, меры нетарифного регулирования, продовольственная безопасность, Соглашение ВТО, научное обоснование, оценка риска.

TARAKANOVA Yana Viktorovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF SANITARY AND PHYTOSANITARY MEASURES IN THE WTO

In this article, the author identifies signs of sanitary and phytosanitary measures in the WTO rules and comes to the conclusion that these are measures of non-tariff regulation of international trade developed by the state, used to protect the life or health of people, animals or plants from actual risks of pests, diseases, harmful organisms, additives, pollutants, toxins or pathogens negative impact on them on the territory of a WTO member state. Scientific justification and proper risk assessment are prerequisites for the recognition of sanitary and phytosanitary measures by a WTO member. For the first condition, quantitative and qualitative criteria of scientific justification are taken into account, including the sufficiency and completeness of scientific data. The second condition means testing both this scientific rationale (the position must be recognized in doctrine and meet the requirements of the scientific community) and reasoning in risk assessment, which must be objective and consistent.

Keywords: sanitary and phytosanitary measures, WTO, international trade, non-tariff regulation measures, food security, WTO Agreement, scientific justification, risk assessment.

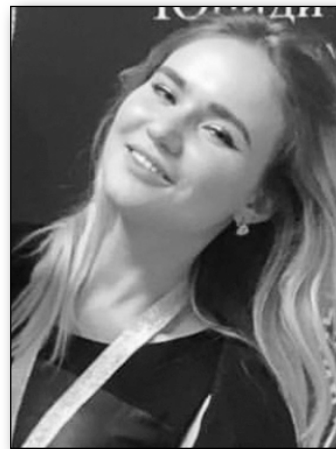
1. Введение

В мире стремительно развивающихся технологий, направленных на удовлетворение потребности современного общества, все важнее сохранить здоровье человека и окружающую среду от вредного воздействия загрязняющих веществ, токсинов или болезнетворных организмов, которые могут содержаться в нашей пище, кормах для животных и удобрениях для растений, особенно с учетом стремительного распространения продуктов, содержащих ГМО. Данная проблема выходит за пределы государственных границ, становясь по-настоящему глобальной. В этой связи именно в рамках международно-правового регулирования принимаются меры по ее решению, в том числе и на уровне Всемирной торговой организации (далее – ВТО).

Вопросы о возможности введения санитарных и фитосанитарных мер как применяемых государствами ограничительных, то есть дискриминационных мер внутреннего характера, но применение которых оправдывается тем, что они необходимы для защиты жизни и здоровья людей, животных и растений от рисков, вызванных вредителями, болезнями животных и растений или от рисков пищевой безопасности¹ урегулированы в Соглашении по применению санитарных и фитосанитарных мер (далее – Соглашение СФМ)², которое

входит в Приложение 1А «Многосторонние торговые соглашения» к Соглашению ВТО. При этом практика показывает, что зачастую за такими мерами скрывается намерения государств защитить свой рынок и своих производителей, то есть мера имеет на самом деле протекционистский характер. Важность и сложность этой проблематики подчеркивается тем, что при разработке Соглашений ВТО государствам показалось явно недостаточным использовать для целей оценки правомерности таких мер статью XX ГАТТ «Общие исключения», несмотря на то, что там также есть упоминание о необходимости принимать меры для защиты здоровья и жизни людей и животных.

Соглашение о СФМ по мнению ряда исследователей (И.В. Рачков, Joost Pauwelyn и др.) является одним из наиболее противоречивых документов, созданных в рамках ВТО³, так как государства совершенно по-разному подходят как к необходимости таких мер, так и к оценке рисков и достаточности научного обоснования, что и нашло отражение в тек-

Тараканова Я. В.

1 См.: Рачков И.В. Всемирная торговая организация: право и институты: учебное пособие. - М., 2019. - 294 с.

2 Собрание законодательства РФ. 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2566-2578.

3 См.: Pauwelyn J. The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary (SPS) measures as applied in the first three disputes EC – Hormones, Australia – Salmon and Japan – Varietals Journal of International Economic Law. - 1999. Oxford University Press. - P. 641-664; Рачков И.В. Там же; Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации: монография. - М., 2017. - 160 с.

сте этого Соглашения. Широкое распространение именно санитарных и фитосанитарных мер, а также то, что они применяются в основном к сельскохозяйственной продукции, которая традиционно считается для государств очень чувствительным с политической точки зрения вопросом, привело к тому, что на сегодня различные подходы к толкованию положений Соглашения государствами-членами ВТО все чаще становятся предметом споров, передаваемых для рассмотрения в Орган по разрешению споров ВТО (далее – ОРС ВТО). Так, в настоящее время в ВТО было подано 49 жалоб в связи с нарушением Соглашения СФМ, что составляет около 10 % от общего числа жалоб, поданных в ОРС ВТО⁴.

Российская Федерация стала членом ВТО в 2012 году и на нее уже восемь лет распространяется регулирование, принятое в рамках этой организации. Недавно третейская группа, а вслед за ней и Апелляционный орган ВТО признали Россию нарушившей положения Соглашения СФМ в деле *Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union*⁵. Это решение уже вызвало комментарии исследователей как вносящее свой вклад в понимание различных положений Соглашения СФМ, в первую очередь, в понятие «регион»⁶. Кроме того, Россия является стороной или третьей стороной в 6 спорах, так или иначе связанных с Соглашением СФМ⁷, при это в двух⁸ она выступала в качестве ответчика, в одном⁹ как истец и в трех¹⁰ как третье лицо.

Соглашение СФМ направлено на формирование обобщенной многосторонней системы правил, регулирующих разработку, принятие и применение санитарных и фитосанитарных мер, которая бы не позволяла использование таких мер в протекционистских целях для создания необоснованных торговых барьеров, но при этом разрешала бы государствам заботиться о своем экологическом, продовольственном и ином благополучии и обеспечивать устойчивое развитие экономики. Можно согласиться с мнением исследователей, что такое появление соответствующих положений в документах ВТО, равно как и последовавшая за этим практика третейских групп и Апелляционного органа показывает,

как минимум понимание важности и актуальности этих вопросов для современной международной торговли и необходимостью поиска баланса между интересами торговли, и требованиями о защите здоровья населения и защиты окружающей среды¹¹.

Статья 2.1 Соглашения о СФМ открыто признает право принимать санитарные и фитосанитарные меры, при условии, что они «необходимы для защиты жизни и здоровья людей, животных или растений». Многие исследователи ВТО в этой связи отмечают, что с учетом того, что статья 2 содержит «Основные права и обязанности» по Соглашению по применению санитарных и фитосанитарных мер, это является очень важным заявлением, предоставляющим национальным правительствам текстуальную основу для защиты своей регулятивной автономии. И представляя собой значительный отход от правил ГАТТ, запрещающих дискриминационные меры или количественные ограничения, в случаях отличных от тех, которые предусмотрены в статье XX (b) ГАТТ¹².

При этом в отечественных публикациях рассматриваемой теме посвящено крайне мало исследований¹³, в то время как в зарубежной литературе действие Соглашения СФМ активно исследуется такими авторами как А. Anadón, J. Anderson, P. Van den Bossche, C. Bown, C. Bullon, A. David, J. Grant, L. Gruszczynski, V. Karov, S. Lester, M. R. Martínez-Larrañaga, D. Neven, J. Peel, D. Roberts, D. Sinopoli, S. Suppan, E. Peterson, T. Voon, J. Weiler, D. Wirth, J. Weiler, W. Zdouc и другими¹⁴.

Отметим, что Соглашение СФМ является специальным случаем исключения из правового режима ВТО, в силу которого государства-члены могут отступать от своих обязательств, принятых на себя при вступлении в ВТО. Так, общие исключения содержатся в ст. XX Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ), которая устанавливает закрытый перечень правомерных оснований для отхода стран, подписавших его, от закрепленных в нем обязательств. Как указывает Р.Р. Бикмаметова, наличие названных положений в ГАТТ исходит, с одной стороны, из необходимости обеспечения реализации государствами-членами ВТО суве-

4 Dispute Settlement: The Disputes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/find_dispu_cases_e.htm (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

5 DS475: Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds475_e.htm (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

6 Furculiță C. Regionalization within the SPS Agreement after Russia – Pigs (EU). – 2018. Legal Issues of Economic Integration 45(1). – P. 95-109.

7 Dispute Settlement: The Disputes. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/find_dispu_cases_e.htm (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

8 DS475: Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds475_e.htm (дата обращения: 9 июля 2020 г.). DS532: Russia – Measures Concerning the Importation and Transit of Certain Ukrainian Products. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds532_e.htm (дата обращения: 24 августа 2020 г.).

9 DS525: Ukraine – Measures relating to Trade in Goods and Services. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds525_e.htm (дата обращения: 24 августа 2020 г.).

10 DS484: Indonesia – Measures Concerning the Importation of Chicken Meat and Chicken Products. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds484_e.htm (дата обращения: 24 августа 2020 г.). DS495: Korea – Import Bans, and Testing and Certification Requirements for Radionuclides. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds495_e.htm (дата обращения: 24 августа 2020 г.). DS524: Costa Rica – Measures Concerning the Importation of Fresh Avocados from Mexico. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds524_e.htm (дата обращения: 24 августа 2020 г.).

11 См.: Голиченков А.К., Исполинов А.С., Кадышева О.В. Экологическая составляющая соглашений Всемирной торговой организации // Экологическое право. – 2014. – № 1. – С. 30-37.

12 Peter van den Bossche and Werner Zdouc, The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials. P. 904.

13 Среди специальной литературы можно выделить ряд статей: Цаплина А.А., Антонова Д.Ю., Гальцева М.А. Подходы к понятию «санитарная и фитосанитарная мера» в праве Всемирной торговой организации (ВТО) и праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Право и экономика. – 2017. – № 3. – С. 16-22; Никитин С.И. Орган по разрешению споров ВТО признал запрет импорта свинины из ЕС нарушением обязательств // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 4. – С. 71-78; Гуляева Т.К. Система оценки риска и научного обоснования в «праве ВТО» и национальном праве государств-членов // Право и экономика. – 2016. – № 8. – С. 13-17; Чуйко Н.А. Применение принципа предосторожности при разрешении спора о торговле генномодифицированными продуктами в рамках ВТО // Право ВТО. – 2016. – № 1. – С. 47-56.

14 Anderson K. The Peculiarities of Retaliation in the WTO Dispute Settlement. World Trade Review (2002), 1: 2, 123 – 134 Printed in the United Kingdom, p. 123 – 134; Bagwell, Kyle; Bown, Chad P.; Staiger, Robert W. 2015. Is the WTO passe? (English). Policy Research working paper; no. WPS 7304; Paper funded by the Strategic Research Program (SRP). Washington, D.C.: World Bank Group; Peterson, Everett and Grant, Jason and Roberts, Donna and Karov, Vuko, Evaluating the Trade Restrictiveness of Phytosanitary Measures on U.S. Fresh Fruit and Vegetable Imports (July 2013). American Journal of Agricultural Economics, Vol. 95, Issue 4, pp. 842-858, 2013, Available at SSRN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3573093> or <http://dx.doi.org/10.1093/ajae/aat015>; Prévost M.D. Balancing Trade and Health in the SPS Agreement: The Development Dimension. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cris.maastrichtuniversity.nl/portal/files/1119852/guide5d87bcc-a9e7-4fb9-afic-b197ff93973c-ASSET1.0> (дата обращения: 9 июля 2020 г.); Van den Bossche, P., Zdouc, W. The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials. Cambridge, 2017. 1122 p.

ренных прав в отношении строго установленных объектов регулирования, с другой – особой значимостью отношений, которые составляют данный объект регулирования¹⁵. То есть Соглашение СФМ содержит специальные ограничения (являясь своего рода *lex specialis*), тогда как ст. XX ГАТТ общие, хотя и в обоих документах речь идет о праве государств в случае необходимости применять меры по защите жизни и здоровья населения, животных и растений. На связь Соглашения СФМ и ст. XX ГАТТ указывает и Преамбула Соглашения об СФМ, где отмечается желание «разработать правила для применения положений ГАТТ 1994, которые имеют отношение к использованию санитарных или фитосанитарных мер, в особенности положений статьи XX(b)».

С одной стороны, использование санитарных и фитосанитарных позволяет государствам-членам ВТО защитить свой внутренний рынок от импорта некачественных, а порой просто опасных, продуктов, с другой стороны, такие меры могут представлять собой скрытые протекционистские барьеры, оказывающие негативное влияние на международную торговлю. Они нарушают интересы государств-экспортеров, ограничивая доступ на национальный рынок конкурентоспособного импортного товара, что неприемлемо в рамках ВТО, поскольку приводит к нарушению принципа недискриминации в международной торговле.

2. Понятие и особенности санитарных и фитосанитарных мер

Как указано в статье Санитарные и фитосанитарные меры – это меры, применяемые для защиты жизни или здоровья людей, животных и растений. Данная мера должна защищать либо от так называемых «пищевых рисков» (для жизни или здоровья человека, или животных), либо от рисков, связанных с вредителями или болезнями (для людей, животных или растений)¹⁶.

В Соглашении указывается, что под санитарной или фитосанитарной мерой понимается любая мера, которая подпадает под указанные в определении характеристики, которые не относятся к самому термину «мера», при этом уточняется, что к числу таких мер относятся все соответствующие нормативные правовые акты, акты технического регулирования, охватывающие в частности требования к конечному продукту, методы обработки и производства, процедуры испытания, сертификации, одобрения, карантинные правила, положения в отношении соответствующих статистических методов и т.д. В реальности такие меры проявляются в требованиях о поставке инспектированных продуктов или из районов, свободных от заболеваний, требованиях к содержанию пестицидов или использованию пищевых добавок, которые оформляются через любые правовые инструменты¹⁷, включая установление добровольных для исполнения гармонизированных стандартов, допускающих отклонения, в частности, не являющиеся обязательными с точки зрения стандартов и рекомендаций международных организаций¹⁸.

Несмотря на то, что в самом Соглашении СФМ содержится определение санитарных и фитосанитарных мер, данное понятие постоянно переосмысливается в правоприменительной практике и доктрине. Так в рамках разрешения споров ВТО зачастую подвергается анализу термин «санитарная и фитосанитарная мера», так как ключевой задачей

третейских групп является определение того, действительно ли распространяется ли действие Соглашения СФМ на оспоренную в ОРС ВТО меру или нет¹⁹. Так, соответствие меры той дефиниции, которая дана в Соглашении СФМ, определяется в том числе ее целью, выявление которой зачастую носит субъективный характер (о цели как о признаке санитарной или фитосанитарной меры речь пойдет далее в статье). Сложность в установлении такой цели можно увидеть из анализа дела *United States – Certain Measures Affecting Imports of Poultry from China*²⁰. В названном споре санитарной или фитосанитарной мерой было признано законодательное установление (статья 727 федерального закона США 2009 года «О бюджетных ассигнованиях на сельское хозяйство ...»), соответствие которого требованиям п. 1 Приложения А было неочевидно. В тексте статьи не было указания на цель, закрепленную в пп. а) – д) п. 1 Приложения А Соглашения СФМ, упоминание такой цели содержалось лишь в пояснении. Несмотря на это Третейская группа сделала вывод о том, что статья 727 подпадает под определение санитарной или фитосанитарной меры, закрепленное в Соглашении СФМ.

В связи с наличием споров в отношении понимания санитарных или фитосанитарных мер необходимо сформулировать определение таких мер, их признаки и выявить условия для их правомерного применения.

Стоит отметить, что сама категория «мера» имеет большое значение для правоприменительной практики ВТО. Как указывает А.С. Сибатян, «мера» представляет собой центральное понятие в ВТО, которое обуславливает выявление нарушений обязательств его членов, аннулирование либо сокращение выгод, определяет охват запросов на консультации и учреждение третейской группы, а также наступательную позицию в споре, это открытая, саморазвивающаяся концепция²¹. Мера представляет собой всеобъемлющее понятие, которое включает в себя различные правила, действия, акты или вещи, в том числе любого рода законы, международные нормативные акты или даже практику, то есть данный термин не вносит конкретику, фактически распространяясь на любые инструменты государственного или международного регулирования. Данный вывод подтверждается практикой рассмотрения дел в Органе по разрешению споров ВТО, в частности, в приведенном ранее деле *Australia – Measures Affecting the Importation of Apples from New Zealand*.

В практике ВТО меры, принимаемые государствами, бывают как писаными, так и неписаными. Так, в качестве примера писанной меры, которая стала предметом спора, рассмотренного Третейской группой, можно привести статью 727 федерального закона США 2009 года «О бюджетных ассигнованиях на сельское хозяйство ...» в деле *United States – Certain Measures Affecting Imports of Poultry from China*, о котором говорилось ранее в настоящей статье. Пример неписанной меры содержится в деле *Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union*. В названном деле отдельные действия Российской Федерации, в совокупности, направленные на запрет импорта отдельных видов свиноводческой продукции с территории ЕС, были признаны Третейской группой композитной мерой, выражающей отказ России от импорта соответствующей продукции²².

Меры могут быть юридически обязательными или юридически необязательными. В отношении юридически обя-

15 Бикмамеева Р.Р. Статья XX Генерального соглашения по тарифам и торговле в практике Органа по разрешению споров Всемирной торговой организации: автореф. ... канд. юрид. наук. - М., 2016. - С. 3.

16 Pauwelyn J. The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary (SPS) measures as applied in the first three disputes EC – Hormones, Australia – Salmon and Japan – Varietals Journal of International Economic Law. - Oxford University Press. 1999. - P. 641-664.

17 См.: Сибатян А. Применение санитарных и фитосанитарных мер: обеспечение безопасности и недопущение протекционизма // Корпоративный юрист. - 2007. - № 4. - С. 18-20.

18 Vieira A.C., Thorstensen V. TBT, SPS and PS: are the wolves of protectionism disguised under sheep skin? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/bitstream/handle/10438/16351/TBT,%20SPS%20and%20PS_%20are%20the%20wolves%20of%20protectionism%20disguised%20under%20sheep%20skin.pdf (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

19 См.: Цапина А.А., Антонова Д.Ю., Гальцева М.А. Подходы к понятию «санитарная и фитосанитарная мера» в праве Всемирной торговой организации (ВТО) и праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Право и экономика. - 2017. - № 3. - С. 16-22.

20 DS392: United States – Certain Measures Affecting Imports of Poultry from China. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds392_e.htm. Panel report. 19 August 2016. para 4.25-4.30 (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

21 См.: Сибатян А.С. Классификация мер как причины возникновения споров ВТО (часть II) // Право ВТО. - 2015. - № 2. - С. 11-27.

22 DS475: Russian Federation – Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds475_e.htm. Panel report. 19 August 2016. para.7.83 (дата обращения: 24 августа 2020 г.).

зательных мер речь идет о мерах, введенных в нормативных правовых актах, например, в статье 727 федерального закона США 2009 года «О бюджетных ассигнованиях на сельское хозяйство ...». Очевидно, что рекомендации, а также композитные меры, не имеющие юридического закрепления, юридически обязательными не являются, однако могут быть признаны санитарными и фитосанитарными мерами как это было сделано в упомянутом выше споре *Russian Federation — Measures on the Importation of Live Pigs, Pork and Other Pig Products from the European Union*. Аналогичный вывод был сделан в деле *Japan — Measures Affecting Agricultural Products*²³.

Выделяются санитарные и фитосанитарные меры прямого или косвенного воздействия. По общему смыслу пп. б) п. 1 Приложения А Соглашения СФМ, речь идет о мерах, направленных на защиту от рисков, непосредственно связанных с наличием токсинов в пищевых продуктах, напитках или кормах, но не токсинов в атмосфере. Вместе с тем, в практике в качестве санитарных и фитосанитарных мер рассматриваются и меры косвенного воздействия. Так, в деле *European Communities — Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products*²⁴ Третейская группа пришла к выводу о том, что оспоренные заявителем меры были направлены на защиту жизни или здоровья человека от рисков, которые имеют косвенную связь с проникновением, укоренением или распространением сорняков, т.е. вредителей. Так, при контакте людей с генетически модифицированными организмами возникает риск получить аллергические и токсические реакции.

С точки зрения правовой формы меры, это может быть закон, правило, норма; административная процедура; административная, судебная практика – любое действие или бездействие члена ВТО²⁵. В любом случае мера идет от государства, это осознанное действие правительства государства или отдельной части государства в соответствии с его государственным устройством, как члена ВТО как субъекта международного права.

Важно также отметить, что для целей оспаривания принятой меры в ООС ВТО не важен факт оказания принятой мерой реального экономического либо иного воздействия на рынок соответствующего товара, важен лишь сам факт принятия меры в силу необходимости устранить риск угрозы безопасности населения, флоры и фауны страны.

3. Признаки СФМ меры

Основываясь на положениях Соглашения СФМ и правоприменительной практике и доктрине, попробуем выделить признаки санитарной и фитосанитарной меры, которые позволят впоследствии сформулировать определение меры.

Во-первых, санитарные и фитосанитарные меры относятся к методам нетарифного регулирования международной торговли²⁶ наряду с требованиями к качеству, технике безопасности, санитарно-ветеринарным нормам и т.д. Объектом защиты в рамках Соглашения СФМ становится жизнь или здоровье людей, животных или в некоторых случаях растений, что требует обоснование риска угрозы таким объектам. При этом, как отмечается в научной литературе, термин «санитарный» относится к охране жизни и здоровья человека и животных, тогда как понятие «фитосанитарный» касается

защиты растений²⁷, однако в большинстве норм данные термины указываются совместно, так как различных правовых последствий при их применении не предусмотрено.

Во-вторых, установление санитарных и фитосанитарных мер представляет собой способ обеспечения безопасности объектов, упомянутых в определении²⁸, то целью их введения является охрана жизни и здоровья людей, животных и растений. Данный признак имеет особое значение в связи с тем, что некоторые меры могут быть введены государствами в иных в том числе и дискриминационных целях, что не позволит отнести такие меры к санитарным или фитосанитарным.

Отметим, что из-за особенностей климатических и географических условий, наличия вредителей или болезней в разных странах, создания условий безопасности пищевых продуктов не всегда целесообразно устанавливать одинаковые санитарные или фитосанитарные требования к продуктам питания, животным или растительным продуктам, поступающим из разных стран, в связи с чем соответствующие меры варьируются в зависимости от страны происхождения продукта²⁹. Кроме того, в Соглашении СФМ прямо установлено, что правительства государств-членов ВТО могут устанавливать более жесткие требования, чем те, которые установлены в международных стандартах. В отличие от мер по техническим барьерам, к которым применим принцип наибольшего благоприятствования, в отношении санитарных и фитосанитарных мер допускается усмотрение при применении к отдельным странам в зависимости от угрозы заражения, и в этой связи к отдельным странам могут применяться более строгие, по сути, дискриминационные меры. Дискриминация в отношении аналогичного товара возникает не сама по себе, а всегда является следствием принятия (либо непринятия) «меры»³⁰. Таким образом, введение разных санитарных и фитосанитарных мер в различных странах допустимо, если это не приводит к дискриминации и не оказывает негативного влияния на международную торговлю, что позволяет оценить данный инструмент правового регулирования как гибкий. Вместе с тем Соглашение СФМ определяет, что члены основывают свои меры на международных стандартах, руководствах или рекомендациях, когда таковые имеются (ст. 3.1).

В-третьих, в определении санитарных или фитосанитарных мер присутствует указание на их действие в пределах территории государства-члена ВТО. Любой рынок товаров, работ и услуг так или иначе обозначается в рамках территориальных границ, что позволяет осуществлять контроль за их пересечением в рамках осуществления международной торговли. Вместе с тем в научной литературе поднимается вопрос о возможности экстерриториального применения санитарных или фитосанитарных мер, например, для защиты животных за пределами государства, однако в настоящее время в соответствии с Соглашением СФМ применение таких мер привязано к внутренней территории государства и действие таких мер не может быть расширено без соответствующего согласия соседних стран³¹.

В-четвертых, следующий признак, который можно привести в отношении санитарной или фитосанитарной меры, отражен в Соглашении СФМ опосредованно. Так, в научной литературе подчеркивается, что Соглашение ВТО применяется только к таким мерам, которые прямо или косвенно вли-

23 DS76: Japan — Measures Affecting Agricultural Products. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds76_e.htm. Panel report. 27 October 1998. para 4.16 (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

24 DS291: European Communities — Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds291_e.htm (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

25 См.: Зенкин И.В. Право Всемирной торговой организации. - М., 2014. - С. 67.

26 См.: Цаплина А.А., Антонова Д.Ю., Гальцева М.А. Подходы к понятию «санитарная и фитосанитарная мера» в праве Всемирной торговой организации (ВТО) и праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Право и экономика. - 2017. - № 3. - С. 16-22; Федосов Я.К., Никитина В.А., Норкина Е.В. Механизмы ВТО, направленные на устранение и минимизацию нетарифных барьеров в торговле сельскохозяйственной продукцией // Право и экономика. - 2017. - № 2. - С. 66-71.

27 См.: Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Животные и растения - субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // Адвокат. - 2016. - № 11. - С. 5-20.

28 См.: Парций Я.Е. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О техническом регулировании» // СПС Консультант Плюс. 2004.

29 Understanding the WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary Measures. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/sps_e/spsund_e.htm (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

30 См.: Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. - М., 2012. - 270 с.

31 Charlotte E. Blattner Protecting Animals Within and Across Borders: Extraterritorial Jurisdiction and the Challenges of Globalization. Oxford University Press. 2019. Animal welfare. P. 147.

ают на международную торговлю³². Вероятно, меры, которые вводятся в национальном законодательстве для защиты жизни и здоровья людей, животных или растений и не оказывают влияние на международную торговлю, нельзя признать предметом регулирования Соглашения СФМ.

Определение, приведенное в Соглашении СФМ, нашло широкое закрепление в международной практике в аналогичных или похожих формулировках, в частности, было воспринято и в национальном законодательстве, так как правовая регламентация общественных отношений в значительной мере обуславливается международными обязательствами, возникающими в процессе интеграции страны в мировое сообщество, в том числе - в рамках взаимодействия со знаковыми международными институциями, к которым относится ВТО. Так, в российском законодательстве определение санитарных или фитосанитарных мер содержится в Федеральном законе от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании»³³.

4. Основные требования при применении санитарных и фитосанитарных мер

В соответствии со статьями 2 и 5 Соглашения о СФМ, любая СФМ меры должна применяться только если (а) она необходима для охраны жизни или здоровья людей, животных или растений (критерий необходимости), (б) мера была основана на достаточном научном обосновании (в) имела в своей основе надлежащую оценку риска для жизни и здоровья людей, животных или растений. (г) не является средством произвольной или неоправданной дискриминации между государствами-членами и не применяется таким способом, который являлся бы скрытым ограничением международной торговли.

А) необходимость

Слово «необходимый» применительно к функциям положения нужно расценивать двояко, с одной стороны, оно дает членам ВТО право вводить санитарные и фитосанитарные меры в той степени, в которой это необходимо для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений, но, с другой стороны, это также означает, что превышение уровня необходимости делает эти меры не соответствующими Соглашению по СФМ. Чтобы прийти к выводу, что соответствующая мера «необходима» для признания обоснованными программных мероприятий, эта мера должна быть пропорциональна риску, определенному на основе имеющихся научных данных³⁴ – то есть, строго говоря, такая мера должна быть соразмерной. В одном из докладов третейских групп принцип пропорциональности был также включен в процесс толкования слова «необходимый», поскольку этот принцип подразумевает установление «рациональной или объективной связи»³⁵ между мерой и соответствующими научными доказательствами. В свою очередь Апелляционный орган не стал возражать против такой трактовки.

Б) достаточная научная обоснованность

В соответствии со ст. 2.2. Соглашения СФМ, санитарные и фитосанитарные меры не должны приниматься без достаточного научного обоснования, кроме случаев, предусмотренных в ст. 5.7 Соглашения, содержащим исключение из общего правила

Первым и пока единственным спором, в котором требование «достаточных научных доказательств» был непосредственно рассмотрено, был спор *Japan – Measures Affecting*

*Agricultural Products*³⁶ (далее - *Japan – Varietals*), где в докладе Апелляционного органа было сказано следующее:

«Обычное значение слова «достаточный» означает «в количестве, объеме или степени, адекватном определенной цели или объекту». Из этого мы можем сделать вывод, что «достаточность» - это понятие относительное. «Достаточность» требует наличия достаточной или адекватной взаимосвязи между двумя элементами, в данном деле, между мерой СФС и научными данными <...> мы согласны с третейской группой, что обязательство <...> не применять СФС-меру без достаточных научных доказательств требует наличия рациональной или объективной связи между СФС-мерой и научными доказательствами. Существование рациональной взаимосвязи между мерой СФС и научными доказательствами должно определяться в каждом конкретном случае, и будет зависеть от конкретных обстоятельств дела, включая характеристики рассматриваемой меры, а также качество и количество научных доказательств».

В п. 591 решения Апелляционного органа по делу *Canada – Continued Suspension of Obligations in the EC – Hormones Dispute*³⁷ отмечается, что государство-член ВТО может надлежащим образом обосновывать установление санитарной и фитосанитарной меры в том числе на дискуссионной научной позиции, которую разделяет меньшинство ученых, однако такие научные позиции должны быть получены из квалифицированных и уважаемых источников. Рассматривая соответствие введенной меры ст. 5.1 Соглашения СФМ, Орган по разрешению споров ВТО должен определить научное обоснование, исходя из которого, данная мера была установлена, при этом научное обоснование не обязательно должно отражать мнение большинства представителей научного сообщества.

После определения научного обоснования необходимо проверить, насколько уважаемым и квалифицированным является источник, из которого следует данная научная позиция. Кроме того, научное обоснование должно обладать необходимой научной и методологической строгостью, чтобы считаться авторитетной и доктринальной в соответствии с требованиями научного сообщества.

Необходимо также оценить, является ли научное обоснование, сформулированное на основе научных данных, объективным и последовательным, находят ли конкретные выводы, сделанные государством-членом ВТО, оценивающим риск, достаточную поддержку в научных доказательствах, на которые они полагаются, являются ли результаты оценки риска достаточным основанием для установления рассматриваемой санитарной и фитосанитарной меры.

В свою очередь, Ст. 5.7 содержит исключение из требования о достаточном научном обосновании принимаемой меры, и применяется тогда, когда, несмотря на недостаточность и неполноту научных данных, государства члены ВТО все же вправе принимают решение о необходимости осуществления активных действий с целью недопущения реализации риска нанесения вреда жизни и здоровью людей, животных или растений. При подобных обстоятельствах члены ВТО стремятся получить дополнительную информацию, необходимую для более объективной оценки риска, и соответственно пересмотреть санитарную или фитосанитарную меру в течение разумного периода времени³⁸. Ст. 2.2 Соглашения СФМ учитывает такие ситуации путем прямой отсылки к ст. 5.7, которая в свою очередь позволяет государствам реализовать право на установление санитарных и фитосанитарных мер как раз в таких случаях.

32 См.: Рачков И.В. Всемирная торговая организация: право и институты: учебное пособие. - М., 2019. - 294 с.

33 Собрание законодательства РФ. 30.12.2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

34 DS245: *Japan – Measures Affecting the Importation of Apples* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds245_e.htm Appellate Body Report. 26 November 2003. para. 163 and footnote 297. (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

35 DS245: *Japan – Measures Affecting the Importation of Apples* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds245_e.htm Appellate Body Report. 26 November 2003. para. 163 and (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

36 DS76: *Japan – Measures Affecting Agricultural Products*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds76_e.htm Appellate Body Report. 22 February 1999. paras. 73 и 84. (дата обращения: 24 августа 2020 г.).

37 DS321: *Canada – Continued Suspension of Obligations in the EC – Hormones Dispute* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds321_e.htm. Appellate Body Report. 16 October 2008. para 591. (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

38 См.: Гуляева Т.К. Система оценки риска и научного обоснования в «праве ВТО» и национальном праве государств-членов // Право и экономика. - 2016. - № 8. - С. 13-17.

Так, в деле *Japan — Measures Affecting Agricultural Products*³⁹ Апелляционный орган указал в п. 80 решения, что:

«Статья 5.7 Соглашения СФС, на которую прямо ссылается статья 2.2, является частью контекста последнего положения и должна рассматриваться при толковании обязательства не принимать СФС-меру без достаточных научных доказательств. Статья 5.7 позволяет странам-членам принимать дополнительные санитарные и фитосанитарные меры «[в] случаях, когда соответствующих научных доказательств недостаточно» но при выполнении других определенных требований.»

В) Оценка риска (risk assessment)

Соглашение СФМ содержит также требование о том, чтобы при принятии СФМ мер в их основу была положена соответствующая обстоятельствам оценка рисков для жизни или здоровья людей, животных или растений, причем осуществляемая с учетом методов оценки риска, разработанных соответствующими международными организациями. Понятие оценки риска дается в п. 4 Приложения А к Соглашению СФМ. Апелляционный орган уже давно придерживается мнения, что оценка риска состоит из «процесса, характеризующегося систематическим, дисциплинированным и объективным исследованием и анализом, то есть способом изучения и выделения фактов и мнений»⁴⁰.

В пункте 4 Приложения А Соглашения СФС определены два типа «оценки риска»: оценка вероятности проникновения, укоренения или распространения вредителя, или заболевания в пределах территории импортирующего члена применительно к санитарным или фитосанитарным мерам, которые могли бы быть применены, и связанных с этим потенциальных биологических и экономических последствий; или оценка возможности неблагоприятного воздействия на здоровье людей или животных, возникающего от присутствия добавок, загрязняющих веществ, токсинов или болезнетворных организмов, в пищевых продуктах, напитках или кормах. Оба типа могут применяться как к жизни или здоровью человека, так и к жизни или здоровью животных или растений.

Так, в деле *Australia — Measures Affecting Importation of Salmon* Третьей группой было установлено, что:

«121. На основании этого определения мы считаем, что в данном случае оценка риска по смыслу статьи 5.1 должна:

(1) идентифицировать болезни, завоз, возникновение или распространение которых член хочет предотвратить на своей территории, а также потенциальные биологические и экономические последствия, связанные с завозом, возникновением или распространением этих болезней;

(2) оценить вероятность завоза, возникновения или распространения этих болезней, а также связанных с ними потенциальных биологических и экономических последствий; и

(3) оценить вероятность завоза, возникновения или распространения этих болезней в соответствии с применимыми санитарными и фитосанитарными мерами.»

Надлежащая оценка риска должна оценивать «вероятность», то есть вероятность появления, распространения заболеваний и связанных с ними биологических и экономических последствий, а также вероятность появления, установления или распространения заболеваний в соответствии с санитарными и фитосанитарными мерами, которые могут быть применены. Соглашение СФМ не требует, чтобы оценка вероятности проводилась количественно. Вероятность может быть выражена количественно или качественно. Кроме того, для оценки риска не требуется устанавливать определенную величину или пороговый уровень степени такого риска.

Г) запрет на СФМ меру как средство произвольной или неоправданной дискриминации между государствами-чле-

нами или ее применение таким способом, который являлся бы скрытым ограничением международной торговли

Принцип недискриминации в торговле нашел свое закрепление в п. 2.3 Соглашения СФМ, в котором прямо указано, что санитарные и фитосанитарные меры не должны служить средством произвольной или неоправданной дискриминации между государствами-членами ВТО и не применяются таким способом, который являлся бы скрытым ограничением международной торговли. Это представляет собой еще одно ограничение установленного в ст. 2.1 Соглашения СФМ права государств принимать необходимые СФМ меры. Это ограничение отражает общие принципы ВТО и особенно «*chapeau*» (вводную часть) ст. XX ГАТТ и требует, чтобы СФМ мера не вела к произвольной или неоправданной дискриминации между государствами-членами ВТО с идентичными или сходными условиями, а также не представляло бы собой скрытое ограничение международной торговли. Это положение примечательно еще и тем, что отражает особенность Соглашения СФМ, которое в отличие от ГАТТ или Соглашения по техническим барьерам в торговле, требует *сходства (likeness) не товаров, а ситуаций, то есть различные продукты должны рассцениваться как сходные, если они несут в себе похожие риски*⁴¹.

Это положение Соглашения СФМ далее раскрывается в ст. 5.5 Соглашения, согласно которой каждое государство-член ВТО с целью достижения согласованности в применении концепции надлежащего уровня санитарной или фитосанитарной защиты от рисков для жизни или здоровья людей или жизни или здоровья животных и растений должно избегать произвольного или неоправданного проведения различий в уровнях защиты, которые он считает надлежащими в различных ситуациях, если такие различия приводят к дискриминации или скрытому ограничению международной торговли. При этом, обязательным требованием к санитарным и фитосанитарным мерам является их связь с необходимостью создания надлежащего уровня защиты, под которым понимается уровень защиты, необходимый для охраны жизни или здоровья животных или растений, который каждое государство устанавливает применительно к каждому конкретному случаю исходя из значимых обстоятельств дела, не допуская при этом применения произвольных и неоправданных мер.

В деле *Australia — Measures Affecting Importation of Salmon*⁴² и в деле *European Communities — Hormones*⁴³ обоснован вывод о том, что для признания СФМ меры произвольной и неоправданной, несовместимой с положениями статьи 5.5, должно кумулятивно присутствовать три элемента:

- для нескольких «различных ситуаций» государство-член ВТО принимает различные уровни санитарной защиты;
- различия в уровнях защиты являются «произвольными или неоправданными»;
- нормативный акт, отражающий эти различия, приводит к «дискриминации или скрытому ограничению международной торговли».

В названных спорах было усмотрено скрытое ограничение международной торговли в том, что были установлены необоснованные различия между определенными продуктами, в частности, при запрете импорта лосося был разрешен импорт сельди и некоторых других видов рыб. Кроме того, было указано, что требования были установлены в отношении рыбы, импортируемой из территории Канады, без определения мер контроля в отношении передвижения выловленной рыбы в пределах границ Австралии.

39 DS76: *Japan — Measures Affecting Agricultural Products*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds76_e.htm. Appellate Body Report. 22 February 1999. para 80. (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

40 DS18: *Australia — Measures Affecting Importation of Salmon* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds18_e.htm. Appellate Body Report. 20 October 1998. paras 120-121 (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

41 DS18: *Australia — Measures Affecting Importation of Salmon*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds18_e.htm. Panel Report. 18 February 2000. para 7.111. (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

42 DS18: *Australia — Measures Affecting Importation of Salmon*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds18_e.htm. Panel report. 12 June 1998. para. 4.212 (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

43 DS26: *European Communities — Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds26_e.htm. Appellate Body Report. 16 January 1998 (дата обращения: 9 июля 2020 г.).

Апелляционный орган указал в приведенном выше деле *Australia — Measures Affecting Importation of Salmon*, что задача Третейской группы состоит в том, чтобы выявить, действительно ли заявленный государством членом ВТО надлежащий уровень защиты применяется на практике, соблюдаются ли единообразные критерии защиты. В данном деле было установлено, что запрет на импорт лосося нарушил ст. 5.5 (и, косвенно, ст. 2.3) как использующий «произвольный или неоправданный» уровень защиты, который применяется к нескольким различным, но сопоставимым ситуациям, чтобы привести к «дискриминации или скрытому ограничению» на импорт лосося по сравнению с импортом другой рыбы и рыбных продуктов. Аналогичный вывод был сделан в решении *Australia — Measures Affecting the Importation of Apples from New Zealand*⁴⁴, где было указано, что государства члены ВТО не должны иметь возможность интерпретировать в свою пользу излишне широкую формулировку о надлежащем уровне защиты. Кроме того, особо отмечается, что для выявления неоправданной дискриминации необходимо исследовать ситуации, сопоставимые по уровню риска, а не по виду продукта⁴⁵.

5. Выводы

В заключении, следует отметить, что понятие санитарной и фитосанитарной меры имеет большое значение как для установления круга прав и обязанностей государств-участников, так и для практики рассмотрения споров в ОРС ВТО. В отечественной науке исследованию понятия санитарных и фитосанитарных мер посвящено незначительное количество исследований, Изучив различные понятия и признаки санитарных и фитосанитарных мер можно сформулировать следующее определение: санитарные и фитосанитарные меры – это выработанные государством меры нетарифного регулирования международной торговли, применяемые в целях защиты жизни или здоровья людей, животных или растений от фактических рисков негативного влияния на них вредителей, заболеваний, вредных организмов, добавок, загрязняющих веществ, токсинов или болезнетворных организмов на территории государства-члена ВТО. Научное обоснование и оценка риска являются нормативными составляющими, характеризующими право и обязанность члена ВТО на установление санитарных и фитосанитарных мер, а также корреспондирующие права других государств требовать соответствия принятых мер установленным требованиям. В отношении первой характеристики в расчет принимаются количественные и качественные критерии научного обоснования, включая достаточность и полноту научных данных. Вторая характеристика, в свою очередь, основывается на проверке этого научного обоснования (позиция должна быть признанной в доктрине и отвечать требованиям научного сообщества) и проверке рассуждений оценщика риска, которые должны быть объективными и последовательными.

Пристатейный библиографический список

1. Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Животные и растения - субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // Адвокат. - 2016. - № 11.
2. Голиченков А.К., Исполинов А.С., Кадышева О.В. Экологическая составляющая соглашений Всемирной торговой организации // Экологическое право. - 2014. - № 1.
3. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации: монография. - М., 2017.
4. Зенкин И.В. Право Всемирной торговой организации. - М., 2014.
5. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: монография. - М., 2014.
6. Панова А.С. Об особенностях технического регулирования по праву ВТО // Бизнес, Менеджмент и Право. - 2013. - № 1.
7. Право ВТО: теория и практика применения: монография / Л.П. Ануфриева, В.А. Жданов, П.А. Калинин и др.; под ред. Л.П. Ануфриевой. - М., 2016.
8. Рачков И.В. Всемирная торговая организация: право и институты: учебное пособие. - М., 2019.
9. Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. - М., 2012.
10. Смбалян А.С. Классификация мер как причины возникновения споров ВТО (часть II) // Право ВТО. - 2015. - № 2.
11. Смбалян А. Применение санитарных и фитосанитарных мер: обеспечение безопасности и недопущение протекционизма // Корпоративный юрист. - 2007. - № 4.
12. Федосов Я.К., Никитина В.А., Норкина Е.В. Механизмы ВТО, направленные на устранение и минимизацию нетарифных барьеров в торговле сельскохозяйственной продукцией // Право и экономика. - 2017. - № 2.
13. Цаплина А.А., Антонова Д.Ю., Гальцева М.А. Подходы к понятию «санитарная и фитосанитарная мера» в праве Всемирной торговой организации (ВТО) и праве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Право и экономика. - 2017. - № 3.
14. Bullon C. International legal framework for phytosanitary protection: obligations and responsibilities under the IPPC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://om.ciheam.org/om/pdf/a121/00007230.pdf> (Дата обращения 5 ноября 2019 г.).
15. Charlotte E. Blattner Protecting Animals Within and Across Borders: Extraterritorial Jurisdiction and the Challenges of Globalization. Oxford University Press. 2019. Animal welfare.
16. International Economic Law and Governance: Essays in Honour of Mitsuo Matsushita edited by Julien Chaisse, Tsai-yu Lin. Oxford University Press, Jul 21, 2016. Law.
17. Kevin C. Kenned Resolving International Sanitary and Phytosanitary Disputes in the WTO: Lessons and Future Directions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalcommons.law.msu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1044&context=facpubs> (дата обращения: 9 июля 2019 г.).
18. Pauwelyn J. The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary (SPS) measures as applied in the first three disputes EC – Hormones, Australia – Salmon and Japan – Varietals Journal of International Economic Law. Oxford University Press. 1999. P. 641–664.
19. Possible Object of a Complaint — Jurisdiction of Panels and the Appellate Body. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_settlement_cbt_e/c5s3p1_e.htm (дата обращения: 9 июля 2019 г.).
20. Prévost M.D. Balancing Trade and Health in the SPS Agreement: The Development Dimension. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cris.maastrichtuniversity.nl/portal/files/1119852/guide5d87bcc-a9e7-4fb9-af1c-b197ff93973c-ASSET1.0> (дата обращения: 9 июля 2020 г.).
21. Van den Bossche, P., Zdouc, W. The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials. Cambridge, 2017. 1122 p.
22. Vieira A.C., Thorstensen V. TBT, SPS and PS: are the wolves of protectionism disguised under sheep skin? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/bitstream/handle/10438/16351/TBT,%20SPS%20and%20PS_%20are%20the%20wolves%20of%20protectionism%20disguised%20under%20sheep%20skin.pdf (дата обращения: 9 июля 2020 г.).
- 44 DS367: Australia — Measures Affecting the Importation of Apples from New Zealand. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds367_e.htm. Appellate Body Report. 29 November 2010. Para 169. (дата обращения: 9 июля 2020 г.).
- 45 Van den Bossche, P., Zdouc, W. The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials. Cambridge, 2017. 1122 p.

БАНИС Павел Андреевич

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНОЕ ДЕЯНИЕ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ КАК НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ, УГРОЗЫ СИЛОЙ

Настоящая статья рассматривает возможность квалификации международно-противоправного деяния, совершённого в киберпространстве, в качестве нарушения принципа неприменения силы или угрозы её применения согласно пункту 4 статьи 2, а также «вооружённого нападения» по смыслу статьи 51 Устава Организации Объединённых Наций. Отмечено, что в силу сложности присвоения такого деяния, учитывая специфические характеристики киберпространства, государствам необходимо проявлять осторожность в их присвоении и руководствоваться лишь серьёзными доказательствами при выборе ответных мер.

Ключевые слова: присвоение ответственности, международно-противоправное деяние, применение силы, киберпространство, право международной ответственности.

BANIS Pavel Andreevich

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

INTERNATIONALLY WRONGFUL ACT IN CYBERSPACE AS A VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF NON-USE OF FORCE

Current article examines a possibility of qualification of an internationally wrongful act, committed with the use of cyberspace, as violation of the non-use of force or threat of use of force principle in accordance with Article 2 (4), as well as "armed attack" in the sense of Article 51 of the Charter of the United Nations. It is noted that given a possibility of erroneous attribution of such an act, considering the peculiar features of the cyberspace, States ought to attribute them carefully and rely only on serious proof when considering responses.

Keywords: Attribution of responsibility, internationally wrongful act, use of force, cyberspace, law of international responsibility.

В некоторых случаях действия государств в киберпространстве способны причинить серьёзный ущерб различным сферам деятельности «пострадавших» государств (например, экономической), а иногда и привести к человеческим жертвам или увечьям, повреждению или уничтожению собственности.

Киберпространство предоставляет лицам возможность действовать полностью анонимно, скрывая не только свои персональные данные, но также свое местоположение, данные об используемом оборудовании, а также виртуально изменять и/или подделывать все эти данные¹. Средства сокрытия идентификационных данных становятся все более доступными, и, в качестве инструмента для совершения противоправных деяний, развиваются быстрее, чем эффективные способы защиты. Также кибератака не требует присутствия вооружённых сил или третьих лиц, действующих под контролем государства, на территории «пострадавшего» государства. Эти и иные факторы осложняют присвоение ответственности в киберпространстве, что приводит к росту напряжённости в межгосударственных отношениях. В настоящее время некоторые государства допускают применение широкого круга средств для защиты и восстановления нарушенных прав и интересов, включая кинетическое оружие. Так, например, Соединённые Штаты Америки считают возможным² применение всех средств в качестве ответа на ки-

бератаку, включая дипломатические, информационные, но самое важное – военные (как кинетические, так и цифровые), финансовые, разведывательные возможности, и возможности публичного присвоения³. В свою очередь, Великобритания также рассматривает возможность пропорционального ответа на международно-противоправные деяния в киберпространстве⁴.

При этом государства, как показывает практика, не стремятся проявлять волю для передачи споров, касающихся предположительных нарушений международного права с использованием киберпространства, на рассмотрение международных судебных органов, что способствовало бы толкованию и кристаллизации обычного международного права, применимого к киберпространству, авторитетной инстанцией.

На настоящем этапе развития международного права единственное полноценное исследование в области международно-правовых аспектов использования киберпространства было подготовлено Центром превосходства Организации Североатлантического договора по кооперативной кибербезопасности – Таллинское руководство по международному праву, применимому в контексте вооруженного конфликта с использованием киберпространства (далее – Таллинское

1 См. напр.: Droege C. Get off my cloud: cyber warfare, international humanitarian law, and the protection of civilians. - P. 543-544. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/irrc-886-droege.pdf> (дата обращения: 04.08.2020).

2 См.: Lightfoot S. Cases of Cyber Warfare in Conflict. - P. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/332028732_Cases_of_Cyber_Warfare_in_Conflict (дата обращения: 02.08.2020).

3 National Cyber Strategy of the United States of America, September 2018. - P. 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

4 National Cyber Security Strategy 2016 to 2021, 11 September 2017. - P. 25, 51. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/567242/national_cyber_security_strategy_2016.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

руководство)⁵. С учетом указанных обстоятельств ответ на вопрос о том, имеет ли место международно-противоправное деяние в случае, если оно было совершено с применением киберпространства, следует искать в обычном международном праве. Следует остановиться на отдельных актуальных аспектах рассматриваемой проблемы.

Наиболее серьезные случаи противоправного использования киберпространства, которые приводят к человеческим жертвам и ущербу или уничтожению собственности, по нашему мнению, следует классифицировать как нарушение императивного принципа международного права о запрете применения силы или угрозы силой по смыслу пункта 4 статьи 2 Устава ООН. Согласно этому обязательству государства должны воздерживаться в своих международных отношениях от применения силы или угрозы её применения против территориальной целостности или политической независимости государств, или иным образом, несовместимым с целями ООН, и иные действия⁶. Также оно нашло своё отражение в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. (принятие которой было сочтено Международным Судом ООН как выражение *opinio juris* в отношении обычно-правового характера рассматриваемого обязательства) и Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) «Определение агрессии» (что, по мнению Международного суда ООН, также является отражением международно-правового обычая⁷). Такие случаи можно разделить на достигающие лишь порога «применения силы» по смыслу указанной статьи, и достигающие порога «вооружённого нападения» по смыслу статьи 51 Устава ООН, допускающие, как следствие, применение права на самооборону⁸. Однако консенсус в отношении этого вопроса в международно-правовой доктрине в настоящее время отсутствует. В частности, этот вопрос стал предметом дискуссий между членами правительственной группы экспертов ООН, занимающейся вопросами информационно-коммуникационных технологий.

В Деле «О военной и военизированной активности в и против Никарагуа» МС ООН разделил «применение силы» на две категории: 1) наиболее серьезные, такие как вооружённое нападение и 2) наименее серьезные, к которым относятся иные (за исключением агрессии), упомянутые в Декларации принципов международного права⁹. Право на самооборону есть исключение из этого принципа и является естественным

для государств, и также имеет обычно-правовой характер¹⁰. Таким образом, понятие «вооружённое нападение» входит в понятие «применение силы» и является наиболее серьёзной его формой, способной оправдать реализацию права на самооборону согласно статье 51 Устава ООН. Международный суд ООН отметил, что договорное обязательство неприменения силы существует параллельно с соответствующим обычно-правовым обязательством, и их содержание различно¹¹. Отмечено также, что отсутствует общепринятое понимание того, что именно является вооружённым нападением¹². Далее, Суд указывает на то, что для констатации факта «вооружённого нападения» необязательно непосредственное применение силы регулярными войсками государства, но, что направление в качестве своего *de-facto* органа вооружённых или нерегулярных формирований, групп или наёмников, которые осуществляют акты применения силы, приравняемые к вооружённому нападению, осуществляемому регулярными войсками, может являться таковым, или свидетельствовать о его вовлечённости¹³. Это подтверждает возможность совершения международно-противоправного деяния в форме применения силы не напрямую вооружёнными силами государства, но иными способами (включая, например, осуществление контроля над частными лицами, совершившими кибератаку).

В Консультативном заключении «О правомерности угрозы применения или применения ядерного оружия» 1996 г. МС ООН указал на то, что положения Устава ООН, касающиеся применения силы, включая статью 51, «касаются любого применения силы, независимо от применяемого оружия»¹⁴. Суд заключил, что «Устав напрямую ни запрещает, ни позволяет применение какого-либо конкретного оружия»¹⁵. Далее, ссылаясь на свое решение по Делу «О военной и военизированной активности в и против Никарагуа» о том, что для применения права на самооборону значимо лишь соблюдение требований пропорциональности и необходимости, которые являются обычно-правовыми, Суд ещё раз повторяет, что для смысла статьи 51 не имеет значения то, какое конкретно применено оружие¹⁶.

В действительности, деяния, совершённые с применением компьютерных инфраструктур, способны вызвать последствия в материальном плане, а также для экономики и иных областей деятельности государств¹⁷. Так, например, вирус *Stuxnet*, поразивший охлаждающие механизмы иранских

5 Schmitt M. N. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber-Warfare. – New York, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://csf.ru/media/articles/3990/3990.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

6 Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г. - П. 4. - Ст. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 01.08.2020).

7 Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua, Merits, Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice, 1986. - P. 103-104. - Para. 195. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

8 Там же. - Ст. 51.

9 Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua, Merits, Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice, 1986. - P. 101-102. - Paras. 191-192. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

10 Там же. - P. 102-103. - Para. 193.

11 Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua, Merits, Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice, 1986. - P. 94. - Para. 176. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

12 Там же. - P. 103-104. - Para. 195.

13 Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua, Merits, Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice, 1986. - P. 103-104. - Para. 195. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

14 Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, International Court of Justice Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders, 1996. - P. 22. - Paras. 40-41. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).

15 Там же. - P. 23. - Para. 41.

16 Там же.

17 См.: Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace / Ed. Ziolkowski K. NATO CCD COE Publication. - Tallinn, 2013. - P. 235.

центрифуг по обогащению урана в 2009 году, был способен ускорять или замедлять центрифуги вплоть до их уничтожения, не давая возможности ручного управления¹⁸.

Тем не менее, не каждое деяние, повлекшее за собой ущерб собственности, жизненно важной инфраструктуре или человеческие жертвы, будет являться применением силы или вооружённым нападением. МС ООН признал в качестве нормы обычая то обстоятельство, что для того, чтобы считаться вооружённым нападением, направление вооружённых группировок или банд должно достичь такого объёма и эффекта, что их операции могли бы быть приравнены к применению вооружённой силы регулярными войсками, «а не простому приграничному инциденту»¹⁹. В споре между Исламской Республикой Иран и Соединёнными Штатами Америки «О нефтяных платформах» МС ООН вновь подтвердил свои выводы о наличии двух форм «применения силы» в зависимости от их тяжести и вывод о пропорциональности мер, реализуемых в качестве самообороны²⁰. МС ООН не исключал возможности того, что минирование одного военного корабля может быть достаточным для правомерности обращения к праву на самооборону, то есть является «вооружённым нападением» по смыслу статьи 51 Устава ООН²¹. Суд также рассматривал вопрос о возможности классификации нескольких отдельных «небольших» инцидентов в качестве «вооружённого нападения»²².

Исходя из сказанного, возможно сделать следующие выводы: перечень деяний, охватываемых понятием «вооружённое нападение», является открытым; «вооружённое нападение» может быть совершено любыми средствами и способами (включая киберпространство); для того, чтобы государство имело возможность воспользоваться правом на самооборону по смыслу статьи 51 Устава ООН, необходимо чтобы вооружённое нападение было серьёзным по масштабу и последствиям; результатом вооружённого нападения является материальное уничтожение «существенных элементов пострадавшего государства»: его населения, экономической инфраструктуры и обороноспособности, элементов его политической независимости и территории²³. Эти выводы имеют непосредственное отношение к квалификации соответствующих действий в киберпространстве и присвоению их конкретному государству.

По мнению авторов Таллиннского руководства, деяния, которые могут квалифицироваться как «применение силы», могут быть совершены как вооружёнными силами государства, так и частными лицами²⁴. Авторы этого документа определяют «применение силы» следующим образом: «Кибероперация представляет собой применение силы, когда её объём и эффект сравнимы с обычными операциями, достигающими уровня применения силы», где «объём и эффект» понимаются как количественные и качественные показатели, подлежащие анализу²⁵. Указанное исследование предлагает потерпевшему государству в решении вопроса о том, является ли конкретное деяние применением силы и вооружённым нападением, следить за реакцией международного сообщества²⁶ и учитывать такие факторы, как степень, длительность, объём и серьёзность последствий кибероперации²⁷.

В международных отношениях определяющими прогрессивное сосуществование членом международного сообщества являются такие факторы, как обеспечение безопасности, соблюдение международно-правовых обязательств, включая обязательство сотрудничества, поддержание международного правопорядка на основе мирного разрешения международных споров, особенно ввиду наличия возможности применения права на самооборону в отношении кибератак достаточной степени серьёзности. Особенно важно не предпринимать скоропостижных действий в отсутствие четких свидетельств в пользу того, что конкретное государство ответственно за совершение кибератак.

Представляется возможным сделать вывод о том, что для того, чтобы правомерно присваивать ответственность в киберпространстве ввиду недостаточной степени урегулирования этого вопроса, специфических характеристик киберпространства, необходимо применять стандарты доказывания в зависимости от характера предположительно нарушенной нормы международного права. Таким образом, международно-противоправные деяния, достигающие порога применения силы, являются в достаточной степени серьёзными для того, чтобы применить к ним выводы, изложенные МС ООН в решениях по Делу «О проливе Корфу» и по Делу «О применении Конвенции о предотвращении и наказании за преступление геноцида», согласно которым в случаях нарушений исключительной степени тяжести, доказательства должны быть неоспоримыми²⁸, что было бы сообразно применению стандарта доказывания «за пределами разумных сомнений»²⁹.

18 Gazula M. Cyber Warfare Conflict Analysis and Case Studies, May 2017. - P. 31. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sams.mit.edu/wp-content/uploads/2017-10.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

19 Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua, Merits, Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice, 1986. - P. 94. - Para. 176. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

20 Case Concerning Oil Platforms, International Court of Justice, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders, 2003. - P. 29-30. - Para. 51. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/90/090-20031106-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

21 Case Concerning Oil Platforms, International Court of Justice, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders, 2003. - P. 38-39. - Para. 72. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/90/090-20031106-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

22 Там же. - P. 33-34. - Para. 64.

23 См.: Zemanek K. Max Plank Encyclopaedia of Public International Law, Armed Attack. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e241?rskey=Uc47TJ&result=1&prd=MPIL> (дата обращения: 03.08.2020).

24 Schmitt M. N. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber-Warfare. - New York, 2013. - P. 46. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://csef.ru/media/articles/3990/3990.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).

25 Там же. - P. 47.

26 Там же. - P. 49.

27 Там же.

28 The Corfu Channel Case (Merits), International Court of Justice, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders, 1949. - P. 17. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 03.08.2020); Case Concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, International Court of Justice, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. 2007. - P. 90. - Para. 209. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/91/091-20070226-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).

29 См.: Pyashevich M. V., Banis P. A. (2020) Application of Modern Technologies in Cyberspace and the International States Responsibility. In: Bogoviz A., Ragulina Y. (eds) Industry Competitiveness: Digitalization, Management, and Integration. ISCI 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 115. Springer, Cham. [Электрон-

Такой подход поможет избежать ошибочного присвоения противоправного поведения, а также представляется разумным ввиду того, что с развитием технологий и расширением системы взаимодействия и сотрудничества между государствами в области обеспечения безопасности в киберпространстве, присвоение поведения в нём станет менее сложным процессом. Это видится верным даже при условии того, что развитие технологий станет благоприятной почвой для развития средств сокрытия подлинных нарушителей норм международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций. Принята Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 01.08.2020).
2. Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505>, (дата обращения: 01.08.2020).
3. Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 01.08.2020).
4. Case Concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, International Court of Justice, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/91/091-20070226-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).
5. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua, Merits, Summaries of Judgments, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice, 1986. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).
6. Case Concerning Oil Platforms, International Court of Justice, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/90/090-20031106-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).
7. Droege C. Get off my cloud: cyber warfare, international humanitarian law, and the protection of civilians. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/irrc-886-droege.pdf> (дата обращения: 04.08.2020).
8. Gazula M. Cyber Warfare Conflict Analysis and Case Studies, May 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cams.mit.edu/wp-content/uploads/2017-10.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).
9. Ilyashevich M. V., Banis P. A. (2020) Application of Modern Technologies in Cyberspace and the International States Responsibility. In: Bogoviz A., Ragulina Y. (eds) Industry Competitiveness: Digitalization, Management, and Integration. ISCI 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 115. Springer, Cham. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.springer.com/gp/book/9783030407483> (дата обращения: 08.08.2020).
10. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, International Court of Justice Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders, 1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).
11. Lightfoot S. Cases of Cyber Warfare in Conflict. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/332028732_Cases_of_Cyber_Warfare_in_Conflict (дата обращения: 02.08.2020).
12. National Cyber Security Strategy 2016 to 2021, 11 September 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/567242/national_cyber_security_strategy_2016.pdf (дата обращения: 01.08.2020).
13. National Cyber Strategy of the United States of America, September 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).
14. Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace. / Ed. Ziolkovski K. NATO CCD COE Publication. - Tallinn, 2013.
15. Schmitt M. N. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber-Warfare. – New York, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://csef.ru/media/articles/3990/3990.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).
16. The Corfu Channel Case (Merits), International Court of Justice, Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders, 1949. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).
17. Zemanek K. Max Plank Encyclopaedia of Public International Law, Armed Attack. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e241?rsk=Uc47TJ&result=1&prd=MPIL> (дата обращения: 03.08.2020).

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ДМИТРИЕВ Михаил Дмитриевич

главный специалист Санкт-Петербургской избирательной комиссии, магистр международного права

КОДИНЦЕВ Александр Яковлевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

РЕАЛИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ЧЕРЕЗ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены варианты реализации избирательных прав граждан в странах ЕС и России с использованием систем электронного голосования в аспекте «цифрового разрыва». Проанализированы международные правовые стандарты систем электронного голосования. Сделаны практические выводы по совершенствованию законодательной базы стран ЕС и России.

Ключевые слова: электронное голосование, цифровая демократия, избирательная система, ЕС, Российская Федерация.

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

DMITRIEV Mikhail Dmitrievich

specialist of St. Petersburg Election Commission, magister of international law

KODINTSEV Aleksandr Yakovlevich

Ph.D. in Law, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

IMPLEMENTATION OF ELECTION RIGHTS THROUGH ELECTRONIC VOTING IN EUROPEAN UNION AND RUSSIAN FEDERATION

The article discusses options for the implementation of citizens' voting rights in the EU and Russia using electronic voting systems in terms of the «digital gap». The international legal standards of electronic voting systems are analyzed. Practical conclusions were drawn on improving the legislative framework of the EU and Russia.

Keywords: electronic voting, digital democracy, election system, EU, Russian Federation.

Универсальный характер правовых избирательных стандартов новых технологий голосования способствует динамичному развитию различных избирательных систем. Цифровое воздействие на сферу общественных отношений неотделимо от аналогичного воздействия на избирательные правоотношения и требует переоценки некоторых устоявшихся подходов к технологиям избирательного процесса.

Краеугольным камнем в правовом фундаменте систем электронного голосования, применяемых в странах современной Европы, является документ, принятый Комитетом министров Совета Европы в 2017 году - Рекомендации Комитета министров Совета Европы по стандартам электронного голосования¹. Данный документ готовился рабочей группой из экспертов и практиков в области систем электронного голосования, в которую входили, в том числе и представители ЦИК России. Правовые стандарты Рекомендаций включают в себя методологические основы электронного голосования (ЭГ), сущность которых представляет всеобщее, равное, свободное, тайное голосование. Важной составной частью Рекомендаций Комитета министров Совета Европы по стандартам электронного голосования является определение нормативных и организационных требований, прозрачности и наблюдения, подотчетности, надежности и безопасности системы.

Электронное голосование, как способ реализации избирательных прав может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на легитимность итогов выборов. Положительное влияние в случае соблюдения Рекомендаций Комитета министров Совета Европы по стандартам электронного голосования, отрицательное возможно в противном случае.

При применении системы электронного голосования, никто не может быть лишен права голоса в силу технических причин. Виртуальность участия избирателей в процессе электронного голосования может способствовать волеизъявлению того меньшинства, которому доступны цифровые технологии.

Существует различный уровень информационно-коммуникационной культуры и обеспеченности в разных слоях населения, так называемый «цифровой разрыв». Величина цифрового разрыва для стран ЕС значительно меньше чем для РФ, тем не менее, и в России она с каждым годом уменьшается.

Влияние информационно-коммуникационных технологий на реализацию избирательных прав граждан весьма неоднозначно. При всей очевидности оптимизации процессов информирования, осуществления голосования и подведения результатов, российские и зарубежные авторы неоднократно указывали на определенные риски, связанные с применением ЭГ².

По мнению академика С.Ю. Глазьева «моментом начала информационно-цифровой революции следует считать по-

1 Комитет Министров Совета Европы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680726f6f (дата обращения: 19.02.2019).

2 Титовская А.В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 106-108.

явление электронно-вычислительных машин, которые без участия человека совершают операции с числами, получая, преобразовывая и передавая информацию. Хотя человек задаёт им программу и ставит задачи, ЭВМ самостоятельно оперирует с цифрами, генерируя, накапливая и передавая новую информацию»,³ а профессор, д.ю.н. В.П.Кириленко и доцент, к.ю.н. Г.В. Алексеев считают, что современное программное обеспечение, самостоятельно ставящее и решающее задачи, позволяет искусственному интеллекту «...если не претендовать на правосубъектность, то конкурировать с человеком»⁴.

С другой стороны, известный американский лингвист и философ Джон Р. Сёрл и его известный мысленный эксперимент «Китайская комната» говорят о невозможности воспроизвести семантическую составляющую человеческого интеллекта синтаксическими средствами⁵. Джон Сёрл вводит понятия Сильного и Слабого Искусственного интеллекта. Сильный искусственный интеллект не просто инструмент в руках человека, это программно-аппаратный комплекс, способный пройти тесты Тьюринга. Но даже сильный искусственный интеллект не имеет ничего общего с человеческим сознанием и интеллектом, приходит к выводу Джон Сёрл⁶.

Второе десятилетие двадцать первого века прошло под знаком бурного развития областей науки и техники, которое было объединено понятием четвертой промышленной революции⁷. Вот основные технологии из этого стека: большие данные, интернет вещей, виртуальная и дополненная реальность, 3D-печать, печатная электроника, квантовые вычисления, блокчейн. Последователи философской концепции трансгуманизма справедливо полагают, что развитие технологий поможет человечеству выжить в условиях глобальных проблем: перенаселение планеты, загрязнение окружающей среды, социальное расслоение. Существующее мироустройство не позволяет купировать в полной мере указанные проблемы. Системы искусственного интеллекта, нейронные сети – это наш мост в будущее. Какой бы сложной система не была она всего лишь инструмент в руках человека и не обладает ничем похожим на человеческий интеллект, волю, творческую мысль. Ориентировано на решение, возможно сколь угодно сложных, но поставленных человеком задач. В этом и кроется краеугольный камень преткновения критиков и сторонников развития систем искусственного интеллекта.

Вместе с тем, любая политическая система современности не может сохранять баланс интересов в обществе, если не использует для выработки управленческих решений и коммуникации цифровые инструменты. Электронное голосование сочетает передовые достижения науки и техники и современные представления о развитии гражданского общества. При строгом соблюдении избирательных стандартов электронное голосование становится источником легитимности выборов⁸.

Логика выборов при осуществлении ЭГ неизбежно будет подчинена законом больших данных (bigdata). Существуют риски, что при использовании принципов обработки и использования больших данных не будут соблюдаться принципы защиты прав частной жизни, персональных данных и другой закрытой информации.

Результаты выборов не будут легитимными, если в процессе не удастся обеспечить понятный механизм верификации. Исходя из мирового опыта доверие общества к электронному голосованию возникает в случае, когда процедура проверки результатов выборов может осуществить человек, не обладающий специальными техническими и юридическими знаниями.

Как отмечает Н. Керстинг: «Предполагалось, что интерактивные выборы способны сделать электоральный процесс более простым и дешёвым, а подсчёт голосов – более быстрым и достоверным. Снижение затрат, как ожидалось, могло бы придать новый импульс развитию инструментов прямой демократии»⁹.

Однако опыт применения ЭГ в зарубежных странах показал, что оно не соответствует стандартам, изложенным в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы по стандартам ЭГ, таким как: доступность каждому избирателю, защита персональных данных, соблюдение тайны голосования, надёжность и безопасность способа передачи голоса. Электронные системы голосования непрозрачны для избирателей и внешних наблюдателей, а также небезопасны.

Для достижения безопасности ЭГ в избирательном процессе целесообразно использовать технологию «блокчейн».

Блокчейн – это технология распределённого реестра, которая представляет из себя постоянно растущую последовательность блоков, которые разделяются между участниками. Эти блоки строго в определенном порядке складываются в цепочки («blockchain» – буквально «цепь блоков»).

При добавлении нового блока информация, содержащаяся на нем, записывается на все существующие блоки, а на него в свою очередь дублируется ранее записанная информация¹⁰.

Блокчейн также действует на основе принципов открытости и безопасности. В соответствии с принципом открытости каждый пользователь видит данные, которые отображаются в цепочке блоков, а также весь процесс добавления новых блоков. Невозможно взломать один блок в системе, не затронув при этом другие, поскольку в этом случае нарушится непрерывность цепочки.

Наиболее эффективно внедрение технологии «блокчейн» в избирательный процесс в сочетании с другими технологиями. Например, технологии окрашенных монет и «слепой подписи». Технология окрашенных монет позволяет привязать виртуальную монету к голосу избирателя. Протокол «слепой подписи» позволяет соблюсти принцип тайного голосования. Избиратель верифицирует свою личность с помощью электронной подписи, оставаясь анонимным для третьих лиц, в том числе для избирательных комиссий. Система шифрует информацию при обработке его голоса¹¹.

При внедрении технологии «блокчейн» необходимо гарантировать доступность данной технологии для всех категорий населения.

Поданным международной консалтинговой компании GfK, занимающейся в том числе исследованием потребительского поведения в секторе телекоммуникаций, к нача-

3 Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция// Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 70-83.

4 Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Электронная демократия и гуманистические принципы // Управленческое консультирование. 2019. № 6.

5 Сёрл Д.Р. Искусственный интеллект: различные взгляды на проблему // В мире науки. (Scientific American. Издание на русском языке). 1990. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/Ai/sciam1.html>.

6 Сёрл Д.Р. Сознание, мозг и наука // Путь. 1993. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/337875.html>.

7 Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution // World Economic Forum. 2016. ISBN-13: 978-1-944835-01-9, ISBN-10: 1944835016

8 Федоров В.И. Электронное голосование: «ящик Пандоры» или основа демократий будущего? // Избирательные процессы и практика: монография/коллектив авторов под общей ред. Б.С. Эбзеева, И.Б. Гасанова. М.: РЦИОИТ, 2018. 480 с.

9 Керстинг Н. Электронное голосование и демократия в Европе // Политическая наука. 2007. № 4. С. 123.

10 Щербань Е. Что такое блокчейн и как это работает. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://revolverlab.com/how-it-works-blockchain-6d0355c43bfc>.

11 Зворыкина Е.В. Перспективы применения технологии блокчейн на выборах в России // Гражданин, выборы, власть. 2018. № 4. С. 180.

ду 2019 года количество интернет-пользователей в РФ среди граждан в возрасте более 16 лет составило 90 млн. человек (прирост на 3 млн. человек по отношению к прошлому году) и достигло отметки 75,4 % взрослого населения РФ. Рост аудитории интернета — это уже не главная новость. Последние годы аудитория интернета растет уже медленно и в основном за счет подключения к Сети пользователей старшего поколения. Среди молодежи и людей среднего возраста использование сети интернет близко к стопроцентному уровню.

В 2018 году Россия заняла 25-е место в рейтинге самых инновационных стран, который регулярно составляет агентство Bloomberg¹².

Страны из списка агентства Bloomberg оцениваются экспертами по семи критериям, так называемому Bloomberg Innovation Index, имеющим непосредственное отношение к производству и образованию, научно-исследовательской деятельности, бизнесу. Это, производительность, эффективность образования, расходы на научно-исследовательскую деятельность и ее плотность, добавленная стоимость производства, концентрация высокотехнологичных и исследовательских предприятий и компаний и количество зарегистрированных патентов.

В нашей стране общая аудитория интернета (те, кто пользуются им хотя бы один раз в год) превысила в 2018 г. 83 % взрослого населения, в том числе почти 69 % выходят в Сеть ежедневно. По активности использования интернета Россия находится на одном уровне с ведущими странами и даже несколько опережает их с учетом достигнутого уровня развития телекоммуникационной инфраструктуры.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже на текущий момент Интернет доступен большинству жителей Российской Федерации, и, как следствие, в избирательный процесс Российской Федерации возможно внедрение технологий ЭГ.

Современные технологии ЭГ могут обеспечить соблюдение конституционных принципов голосования, а применение технологии «блокчейн» способно обеспечить соблюдение тайны голосования. В результате применения ЭГ значительно вырастет электоральная активность жителей городов, а особенно молодежи, будет снижена нагрузка на членов избирательных комиссий в день выборов, а также сэкономлены средства, затрачиваемые на проведение выборов. Преодоление «цифрового разрыва» не является неразрешимой задачей. Задача решается через увеличение интеллектуального потенциала граждан, через совершенствование системы образования и профессиональной подготовки, акцентируя внимание на области цифровой грамотности. Также, необходимо больше внимания уделять мерам общественного информирования при проведении выборов. Совместное использование электронных и неэлектронных подходов к процедуре голосования тоже оказывает благотворное влияние на решение проблемы «цифрового разрыва».

Избирательная система РФ построена одновременно, как на международных избирательных стандартах, так и на сформированной и дополняющейся системе национальных правовых избирательных стандартов.

Правовая основа технического развития ИС РФ с применением ИКТ закреплена в Концепции создания ГАС «Выборы», утвержденной Постановлением ЦИК России от 12 июля 1994 г. № 223.

Правовую основу работы ГАС «Выборы» составляют положения Конституции РФ, федеральные законы РФ, среди них нормативные правовые акты РФ в сфере информатизации и обеспечения безопасности информации федеральных государственных органов, а также нормативные правовые

акты ЦИК России по вопросам функционирования и развития ГАС «Выборы».

ГАС «Выборы» дает возможность одновременно с голосованием проверять подлинность бюллетеней, обеспечивая техническую защиту результатов голосования. Система демонстрирует ход выборов по всем субъектам РФ в режиме реального времени. Данные, агрегированные с помощью ГАС «Выборы», оперативно отображаются для публичного использования на сайте ЦИК России в сети Интернет; итоги голосования с каждого избирательного участка размещаются на сайте ИКСРФ в установленные законодательством сроки, не позднее чем через день после окончания голосования.

Система охватывает всю территорию РФ; вычислительная сеть системы состоит из компьютеров, объединенных в единую сеть и принципиально отделенных от сети Интернет; централизованное агрегирование данных ведется по всей территории РФ. ГАС «Выборы» позволяет проводить выборы органов государственной или местной власти и их должностных лиц, не зависимо от того, имеется ли меняющиеся и пересекающиеся административно-территориальные деления или нет, имеется ли синхронизация по времени или нет.

За все время эксплуатации ГАС «Выборы» проведено значительное количество модернизаций системы, были достигнуты такие значительные результаты, как «оптимизация использования сетевых ресурсов — серверов, активного сетевого оборудования, структурированной кабельной сети связи; повышение скорости и надежности доступа пользователей к информационным ресурсам ГАС «Выборы»; повышение отказоустойчивости ГАС «Выборы» введением в состав комплексов средств автоматизации ЦИК России (далее — КСА ЦИК России) резервного кластера базы данных ГАС «Выборы»; повышение надежности системы бесперебойного (гарантированного) электроснабжения КСА ЦИК России» и многое другое.

Можно смело утверждать, что ГАС «Выборы» является базой электронного голосования на территории РФ, которая имеет надежный инструмент государственного строительства, обеспечивающий объективность и точность отслеживания проведения выборов и референдумов.

На выборах РФ применяются следующие средства электронного голосования:

КОИБ (комплекс обработки избирательных бюллетеней) является самым распространенным и проверенным средством электронного голосования. В соответствии с Постановлением ЦИК России¹³ КОИБ предназначен для автоматизированного подсчета голосов избирателей, участников референдума при проведении выборов и референдумов всех уровней; печати протокола УИК об итогах голосования. КОИБ составная часть КСА ГАС РФ «Выборы» для УИК. Применяется на выборах в большинстве субъектов РФ.

КЭГ (комплекс для ЭГ). В соответствии с Постановлением ЦИК России¹⁴ КЭГ — КСА ГАС «Выборы», предназначенный для проведения электронного голосования с ис-

12 Bloomberg Innovation Index. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation>.

13 Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 25 сентября 2007 г. № 31/218-5 «Об Инструкции о порядке использования комплексов обработки избирательных бюллетеней на выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/24019/>.

14 Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 июня 2006 г. № 181/1148-4 «Об Инструкции о порядке электронного голосования, подсчета голосов избирателей, участников референдума, установления итогов голосования на избирательном участке, участке референдума, установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума высшестоящими комиссиями». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/23621/>.

пользованием электронного бюллетеня для голосования, автоматизированного подсчета голосов избирателей, установления итогов голосования и составления протокола УИК об итогах голосования в виде электронных документов и на бумажном носителе.

КЭГ является уникальной разработкой, не имеющей аналогов в мире по применяемым аппаратно-техническим и программным средствам, неоднократно применялся на выборах, показал высокую надежность и простоту подсчета результатов голосования. Комплекс прост в обращении, а процедура голосования не занимает более одной минуты.

О необходимости применения в избирательном процессе технологий дистанционного электронного голосования заявляют непосредственные организаторы выборов. По их мнению, технологии дистанционного электронного голосования обеспечивают решение целого спектра важных задач: снижение нагрузки на членов УИК при организации голосования; оптимизация территориальных границ избирательных участков внегородской местности; создание комфортной обстановки при организации голосования вне помещений избирательных участков.

Перспективы реализации технологий удаленного электронного голосования в избирательном процессе РФ исследованы в ходе экспериментов по применению нескольких технологий дистанционного электронного опроса избирателей. Эксперименты велись с начала двухтысячных годов и по настоящее время.

Экспериментальный порядок применения «СПК «ЮГРА» в ХМАО-Югра (2009 год), верификации пользователей через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) и последующего голосования по электронной почте за членов Общественной палаты Российской Федерации (2014 год), комплексного применения электронной почты и СНИЛС на площадке Молодежного форума Оренбургской области (2016 год) и ряд других пилотных проектов свидетельствуют о новых подходах к реализации технологии удаленного ЭГ¹⁵.

Бонсор К.и Стрикленд Дж. Рассматривают ЭГ, как более глобальное понятие по отношению к голосованию через сеть Интернет. К содержательной стороне ЭГ они относят электронные средства голосования и подсчета голосов¹⁶. Гудман Н. связывает ЭГ в основном с интернет-сервисами, считая его содержанием различные виды волеизъявления, при использовании которых частично или полностью задействованы ИКТ, идентифицирующие, с одной стороны, избирателя и достоверность осуществления им дистанционного выбора, с другой, — подсчета голосов в автоматическом режиме¹⁷.

Можно выделить несколько специфических терминов, описывающих организацию и проведение выборов безбумажных бюллетеней. К их числу относятся: ЭГ и голосование с использованием ИКТ и программно-технических средств. ЭГ в зависимости от физического присутствия избирателя предполагает два вида голосования: с явкой и без явки гражданина на ИУ.

Голосование с использованием ИКТ средств — более широкий термин, охватывающий любые программно-технические решения при организации проведении выборов. Например, использование ГАС РФ «Выборы», внедрение в дея-

тельность УИК специального ПО для составления итогового протокола, установка КОИБ, комплексов ЭГ могут характеризовать отечественные выборы как голосование с использованием современных ИКТ¹⁸.

Перспективным направлением использования новых технологий дистанционного электронного голосования в избирательной системе РФ является технология e-proxuvoting, основанная на технологии «блокчейн».

Эксперимент по электронному голосованию с применением технологии «блокчейн» был проведен на выборах депутатов Московской городской Думы в единый день голосования 8 сентября 2019 года.

21 мая 2019 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был принят Федеральный закон № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». В данном Федеральном законе дано определение: «дистанционное электронное голосование - голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы»¹⁹, а также отражены следующие принципы проведения эксперимента:

1. Эксперимент проходит в одномандатном избирательном округе или округах города Москвы, определяемом Московской городской избирательной комиссией.

2. Дистанционное электронное голосование проводится синхронно с голосованием, проводимым в соответствии с порядком, описанным главой девять 98-ФЗ

3. Для участия в дистанционном электронном голосовании избиратель подает специальное заявление в порядке, установленном Московской городской избирательной комиссией. Срок подачи заявления определяется законом города Москвы о проведении данного эксперимента.

4. Подача заявления и участие избирателя в дистанционном электронном голосовании осуществляется с использованием СПО РПГМУ города Москвы.

5. Подача избирателем заявления, не лишает его права принять участие в голосовании в общем порядке в соответствии с правилами, описанными в главе девять 98-ФЗ, при условии отзыва указанного ранее заявления в порядке, установленном Московской городской избирательной комиссией.

22.05.2019 Московской городской Думой был принят закон города Москвы № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва», в котором регулируются отношения, возникающие в связи с проведением эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва²⁰.

Московская городская избирательная комиссия своими решениями утвердила требования к специальному программному обеспечению регионального портала госу-

15 Чимаров Н.С. Проблемы реализации правовых избирательных стандартов новых технологий голосования в Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. 271 с.

16 Bonsor K., Strickland J. How E-voting Works. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://people.howstuffworks.com/e-voting.htm> (дата обращения: 07.11.2019).

17 Goodman N. Online Voting: A Path Forward for Federal Elections. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/democratic-institutions/services/reports/online-voting-path-forward-federal-elections.html> (дата обращения: 07.11.2019).

18 Потужня М.А. Электронное голосование: Перспективы правовой регламентации в Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3 (13).

19 Федеральный закон от 29.05.2019 № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». СПС «Консультант плюс» доступ по паролю.

20 Закон города Москвы от 22.05.2019 № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosgorizbirkom.ru/web/guest/zakonodatelstvo-goroda-moskvy1>.

дарственных и муниципальных услуг города Москвы²¹, положение о порядке дистанционного электронного голосования, форму списка избирателей по избирательному участку для дистанционного ЭГ, форму избирательного бюллетеня дистанционного ЭГ, требования к формированию и отображению избирательного бюллетеня дистанционного ЭГ, форму протокола участковой избирательной комиссии об итогах дистанционного ЭГ²², а также порядок применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в сети Интернет²³ и дополнительные гарантии обеспечения гласности при проведении эксперимента по дистанционному электронному голосованию²⁴.

Явка на онлайн-выборах депутатов Мосгордумы составила 92,3 процента (10 396 человек).

Проголосовать дистанционно с компьютера или смартфона могли жители трех экспериментальных округов — № 1 (Крюково, Матушкино, Савелки, Силичи, Старое Крюково), № 10 (Северный, Лианозово, Бибирево) и № 30 (Чертаново Центральное, Чертаново Южное). Так, в округе № 1 явка составила 92,8 процента зарегистрированных пользователей, в округе № 10 — 92,2 процента, в округе № 30 — 92 процента.

Голосование впервые прошло с использованием технологии блокчейна. Она обеспечила безопасность процесса и полную анонимность избирателей. Во время голосования пользователь перенаправлялся на адрес электронного бюллетеня при помощи анонимайзера. Уникальная ссылка формируется случайным образом из трех источников — личного кабинета избирателя на портале mos.ru, браузера и в защищенной сети блокчейна. Благодаря этому отследить путь бюллетеня практически невозможно. На его заполнение отводилось 15 минут.

Для участия в онлайн-голосовании москвичи подавали заявку на включение в реестр электронных избирателей. При этом горожане в личном кабинете на портале mos.ru указывали паспортные данные, адрес, СНИЛС, номер мобильного телефона и адрес регистрации в Москве в одном из трех экспериментальных избирательных округов. Учетную запись нужно было подтвердить в любом центре «Мои документы».

По результатам проведенного эксперимента Центральной избирательной комиссией было принято Постановление «Об основных направлениях развития Го-

сударственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» до 2022 года»²⁵, определяющее основной маршрут дальнейших действий по развитию ГАС «Выборы». Основные направления совершенствования ГАС «Выборы» состоят в разработке цифровых сервисов, обеспечении возможности проголосовать независимо от места регистрации и трансформации данных о кандидатах, избирателях, членах УИК в цифровой формат.

Целями развития ГАС «Выборы» являются дальнейшее совершенствование избирательной системы Российской Федерации за счет цифровизации, применение новейших цифровых технических и платформенных решений на основе отечественного программного обеспечения, оборудования и программно-технических комплексов. Среди основных направлений — обеспечение цифровыми сервисами участников избирательного процесса и обеспечение возможности голосования вне зависимости от места нахождения.

Подытоживая опыт использования систем электронного голосования в России и странах ЕС, можно сделать вывод о недостаточной правовой встроенности в законодательную базу стран на федеральном уровне. Как правило, правовая основа использования систем электронного голосования прописана в нормативных документах организаций ответственных за проведение выборов, например, в решениях ЦИК России. Для обеспечения более быстрого и масштабного внедрения систем электронного голосования необходима разработка федерального закона, в качестве прототипа данного закона могут быть взяты положения Рекомендаций Комитета министров Совета Европы по стандартам электронного голосования. Данные выводы справедливы и в отношении стран ЕС.

Пристатейный библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1.
2. Зворыкина Е.В. Перспективы применения технологии блокчейн на выборах в России // Гражданин, выборы, власть. 2018. № 4.
3. Керстинг Н. Электронное голосование и демократия в Европе // Политическая наука. 2007. № 4.
4. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Электронная демократия и гуманистические принципы // Управленческое консультирование. 2019. № 6.
5. Потужня М.А. Электронное голосование: Перспективы правовой регламентации в Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3 (13).
6. Титовская А.В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2012. № 4.
7. Чимаров Н.С. Правовые стандарты новых технологий голосования в избирательном процессе Эстонской республики // Управленческое консультирование. 2015. № 5.
21. Решение Московской городской избирательной комиссии № 96/1 от 17 июня 2019 года «О требованиях к специальному программному обеспечению регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы» (в ред. решений Московской городской избирательной комиссии от 18.07.2019 № 102/3, от 23.07.2019 № 103/3). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosgorizbirkom.ru/web/guest/resenia-moskovskoj-gorodskoj-izbiratel-noj-komissii8>.
22. Решение Московской городской избирательной комиссии № 102/3 от 18 июля 2019 года «Об утверждении Положения о порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» (в ред. решений Московской городской избирательной комиссии от 23.07.2019 № 103/3, от 03.09.2019 № 112/3). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosgorizbirkom.ru/web/guest/resenia-moskovskoj-gorodskoj-izbiratel-noj-komissii8>.
23. Решение Московской городской избирательной комиссии № 107/4 от 1 августа 2019 года «О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения, трансляции изображения в сети Интернет, а также хранения соответствующих видеозаписей на выборах в городе Москве в единый день голосования 8 сентября 2019 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosgorizbirkom.ru/web/guest/resenia-moskovskoj-gorodskoj-izbiratel-noj-komissii8>.
24. Решение Московской городской избирательной комиссии № 112/4 от 3 сентября 2019 года «О дополнительных гарантиях обеспечения гласности при проведении эксперимента по дистанционному электронному голосованию». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mosgorizbirkom.ru/web/guest/resenia-moskovskoj-gorodskoj-izbiratel-noj-komissii8>.
25. Постановление ЦИК России от 30.10.2019 № 231/1727-7 «Об основных направлениях развития Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» до 2022 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/44843/>.

ФАЛЬКИНА Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России, полковник полиции

ВОРОТНИКОВА Марина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры общей психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института МВД России, полковник полиции

ИСАКОВА Ирина Викторовна

старший преподаватель кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России, подполковник полиции

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В статье анализируются основы правового статуса личности в Европейском Союзе. Раскрывается нормативно-правовое регулирование указанной сферы. Анализируются основные институты в рамках определения основ правового положения личности в Европейском Союзе. Показаны особенности правовой природы статуса личности.

Ключевые слова: права, свободы и обязанности личности, правовая природа, Европейская Конвенция по правам человека, Европейский Союз.

FALKINA Tatyana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Ural Law institute of the MIA of Russia, colonel of police

VOROTNIKOVA Marina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of General psychology and humanitarian disciplines sub-faculty of the Ural Law institute of the MIA of Russia, colonel of police

ISAKOVA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional law sub-faculty of the Ural Law institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

FUNDAMENTALS OF THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL IN THE EUROPEAN UNION

The article analyzes the foundations of the legal status of an individual in the European Union. The normative legal regulation of this sphere is revealed. The main institutions are analyzed within the framework of determining the foundations of the legal status of an individual in the European Union. The features of the legal nature of personality status are shown.

Keywords: rights, freedoms and duties of the individual, legal nature, law, European Convention on Human Rights, European Union.

Правовое положение личности и гражданина – фундаментальная основа реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Европейском союзе. Фундаментальная правовая основа гарантирует положение личности и гражданина на уровне Европейского Союза.

Институт правового положения личности существует как в рамках отдельных государств-членов ЕС, так и на национальном уровне, т.е. в рамках Европейского Союза в целом. Институт основ правового положения личности содержит в себе правовые предписания, касающиеся правового поведения граждан в отношении всего Союза. Кроме того, данный институт предусматривает основные начала взаимоотношений личности и органов государственной власти на всех уровнях.

На современном этапе развития Европейского права основы правового положения личности – это один из самостоятельных элементов в системе Европейского права.

В настоящее время институт правового положения личности зафиксирован в учредительных договорах ЕС.

Так, Договор о Европейском Союзе¹ в статье 6 определяет особую значимость Хартии Европейского Союза об основных правах от 7 декабря 2000 года и Европейской Конвенции

о защите прав человека и основных свобод и подчеркивает, что полностью признает права, свободы и принципы, провозглашенные данными нормативными актами.

Статья 10 Договора о Европейском Союзе подчеркивает, что каждый гражданин может участвовать в демократической жизни Союза.

Договор о функционировании Европейского Союза² в своем содержании раскрывает правовую природу статуса личности. Так, например, в статье 8 подчеркивается, что усилия Союза направлены на устранение неравенства граждан и развитию равноправного отношения между мужчинами и женщинами.

Гражданство как институт призвано сыграть важную роль в процессе интеграции всего Союза. Институт гражд-

Фалькина Т. Ю.

Воротникова М. В.

Исакова И. В.

1 Договор о Европейском Союзе (новая редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/teu/>.

2 Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>.

данства расширяет экономические и политические возможности граждан Союза в реализации своих прав и свобод не только в пределах интеграционного пространства, но и в третьих странах³.

Хартия Европейского Союза об основных правах⁴ в своем содержании определяет правовые предписания, касающиеся таких прав и свобод человека, как право на целостность личности (статья 3), право на свободу и личную неприкосновенность (статья 6), защиту данных личного характера (статья 8), уважение частной и семейной жизни (статья 7) и многие другие права и свободы.

Определяя правовую природу статуса личности в Европейском Союзе, необходимо обратить внимание на такие содержательные элементы, как: гражданство ЕС, принципы правового положения человека и гражданина; классификация прав, свобод и обязанностей человека и гражданина; гарантии прав и свобод человека и гражданина в Европейском Союзе.

Гражданство Евросоюза – это стабильная законная взаимосвязь лица с Евросоюзом, новая вариация гражданства – наднациональное гражданство⁵.

Политический механизм контроля и возможность введения санкций против государства-члена, которое не уважает основополагающие ценности интеграционного объединения, является фундаментальной основой при формировании готовности ЕС защищать и отстаивать права и свободы человека и гражданина⁶.

Признание гражданином ЕС является автоматическим в случае, когда он приобретает гражданство какого-либо государства-члена. Если гражданство своей страны утрачивается, то гражданин автоматически лишается гражданства ЕС.

Статья 20 Договора о функционировании Европейского Союза определяет, что граждане Союза имеют такие права, как: право свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов; право избирать и быть избранными на выборах в Европейский парламент и другие права. Здесь же подчеркивается, что гражданство союза дополняет собой национальное гражданство и не подменяет его.

В целом часть 2 Договора о функционировании Европейского Союза имеет наименование «Недискриминация и гражданство союза».

Институт союзного гражданства несет в себе ряд целей: во-первых, обеспечить защиту прав и свобод личности, усилить притягательность европейской интеграции.

Факт принадлежности гражданина к союзному гражданству позволяет наделить его комплексом дополнительных прав и свобод дополнительно к тем, которые существуют у него как у национального гражданина.

Анализ научной литературы⁷ позволяет выделить следующие принципы правового статуса личности: принцип равенства, принцип уважения прав человека и его основных свобод; принцип гарантированных прав и свобод.

Развитие общественных отношений породило появление новых и способов признания, однако идея о том, что взаимное признание между «свободными разумными существами» является необходимым условием их самосознания осознания прав и границ свободы других по-прежнему про-

низывает общественные отношения или как говорил Фихте нужно быть признанным свободным другими и признавать других свободными⁸.

В целом нормативные установления Договоров Европейского Союза, в том числе Хартия Европейского Союза, нацелены на то, чтобы установить хотя бы минимальный стандарт защиты основных прав человека и гражданина в ходе правоприменительной деятельности институтов и органов Европейского Союза, а также государств-членов⁹.

Единая социальная политика государства строится на фундаментальной системе отношений государства в социально-экономической и политической сферах жизнедеятельности.

Формирование единого социального пространства в рамках становления социальной политики должно строиться на учете различий в менталитете и особенностях каждого конкретного государства¹⁰.

Таким образом, необходимо отметить, что правоприменительная деятельность институтов и органов Европейского Союза должна основываться на обеспечении высокого стандарта защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о Европейском Союзе (новая редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/teu/>
2. Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/>
3. Доренко К. С. Современная социальная политика стран Европейского Союза: проблемы и перспективы развития // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 171.
4. Заплата Т. С. Актуализация свободы личности на самоопределение в праве на трудовую мобильность и взаимное признание профессиональных квалификаций в Европейском Союзе // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2. – С. 168.
5. Иксанов И. С. Европейское право: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 182 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dx.doi.org/10.12737/textbook_5bf27084e15d60.28632809. <https://znanium.com/catalog/product/995610> (дата обращения: 21.07.2020). – С. 76.
6. Макуев Р. Х. Правовое положение личности и институт гражданства Европейского Союза // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 2 (21). – С. 111-114.
7. Макуев Р. Х. Правовое положение личности и институт гражданства Европейского Союза // Правовое государство. Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 2.
8. Хартия Европейского Союза об основных правах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/charter/>
9. Энтин Л. М. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 528 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1037432> (дата обращения: 21.07.2020). – С. 309.
10. Заплата Т. С. Актуализация свободы личности на самоопределение в праве на трудовую мобильность и взаимное признание профессиональных квалификаций в Европейском Союзе // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2. – С. 168.
3. Макуев Р. Х. Правовое положение личности и институт гражданства Европейского Союза // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 2 (21). – С. 111-114.
4. Хартия Европейского Союза об основных правах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.ru/treaties/charter/>
5. Иксанов И. С. Европейское право: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 182 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.dx.doi.org/10.12737/textbook_5bf27084e15d60.28632809. <https://znanium.com/catalog/product/995610> (дата обращения: 21.07.2020). – С. 76.
6. Энтин Л. М. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 528 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1037432> (дата обращения: 21.07.2020). – С. 309.
7. Макуев Р. Х. Правовое положение личности и институт гражданства Европейского Союза // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 2 (21). – С. 111-112.
8. Заплата Т. С. Актуализация свободы личности на самоопределение в праве на трудовую мобильность и взаимное признание профессиональных квалификаций в Европейском Союзе // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2. – С. 168.
9. Макуев Р. Х. Правовое положение личности и институт гражданства Европейского Союза // Правовое государство. Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 2.
10. Доренко К. С. Современная социальная политика стран Европейского Союза: проблемы и перспективы развития // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 171.

МАРТИРОСЯН Диана Гагиковна

соискатель кафедры Европейского права МГИМО (У) МИД России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕС

В статье представлен анализ правового регулирования миграционной политики и миграционных процессов в Европейском Союзе. Актуальность исследуемой проблематики подтверждается следующими аспектами: Европейский Союз сталкивается с новыми проблемами, вытекающими из общей глобализации и расширения сотрудничества между государствами. Одной из таких проблем является усиление миграционных движений. Эффективность иммиграционной политики Европейского Союза оказывает существенное влияние на процессы консолидации общества по всей Европе. Когда иммигранты составляют значительную часть населения, их участие в жизни общества становится критически значимым. Успешная интеграция мигрантов в принимающее общество крайне важна для максимизации возможностей, предоставляемых легальной миграцией, и для реализации потенциала, который иммиграция имеет для развития Европейского Союза.

Ключевые слова: миграционная политика, миграционные процессы, конвенция, декларация, мигрант, закон, директива, регламент.

MARTIROSYAN Diana Gagikovna

competitor of European law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

LEGAL REGULATION OF MIGRATION POLICY IN THE EU

The article presents an analysis of the legal regulation of migration policy and migration processes in the European Union. The relevance of the studied issues is confirmed by the following aspects: the European Union is faced with new problems stemming from general globalization and the expansion of cooperation between states. One of these problems is the strengthening of migratory movements. The effectiveness of the immigration policy of the European Union has a significant impact on the consolidation of society throughout Europe. When immigrants make up a significant part of the population, their participation in society becomes critically important. Successful integration of migrants into the host society is crucial to maximize the opportunities provided by legal migration and to realize the potential that immigration has for the development of the European Union.

Keywords: migration policy, migration processes, convention, declaration, migrant, law, directive, regulation.

В целях регулирования и контроля большого числа мигрантов в результате миграционного кризиса в 2015 году Европейский Союз концентрирует свои силы на разработку эффективной европейской миграционной политики. Несмотря на то, что миграционная политика определяется внутри страны, она также служит международным регулятором, потому что связана с пересечением государственных границ. Соответственно, события на международном уровне напрямую влияют на разработку этого типа политики.

Лиссабонский договор, принятый в 2007 году и вступивший в силу в 2009 г.¹, существенно усилил наднациональную составляющую миграционной политики Евросоюза. Общая миграционная политика ЕС вошла в сферу совместных компетенций институтов ЕС и государств-членов. Статья 78 Договора о функционировании ЕС предписывает Брюсселю проводить также общую политику по вопросам предоставления убежища, субсидиарной и временной защиты.

В 1990-м году была принята Конвенция, определяющая государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища Дублин II. Данная Конвенция выступала отдельным международно-правовым актом, целенаправленно регламентирующая исключительно вопросы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища. В 2003 году

был принят Регламент 343/2003 о критериях механизма для определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища, поданного в одном из государств-членов гражданином третьей страны - Дублин III³.

Регламент 604/2013, устанавливающий критерии и механизмы определения государств - членов ЕС, ответственных за рассмотрение ходатайств о предоставлении международной защиты, поданных гражданами третьих стран или лицами без гражданства в одном из государств-членов ЕС 2013 г. Дублин III⁴, заменил Регламент Дублин II.

Начиная с 2015 года, многие страны Центральной Европы в одностороннем порядке закрывали свои границы, заключая в тюрьму людей на границах стран ЕС для дополнительных расследований их дальнейших намерений и цели миграции, тем самым нанося ущерб солидарности стран Шенгенской зоны и нарушая Дублинский регламент ЕС № 604/2013 Дублин III, который определяет процедуру рассмотрения заявок для международной защиты.

Шенгенское соглашение 1985 г. регулирует отмену внутреннего пограничного контроля между странами-участницами, его положения регламентированы в Регламенте Евро-

1 Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal. - 2010. - P. 83.

2 Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities - Dublin Convention https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A41997A0819%2801%29 (дата обращения: 12.03.2020).

3 Council Regulation (EC) № 343/2003 of 18 February 2003 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an asylum application lodged in one of the Member States by a third-country national OJ L 50, 25.2.2003, s. 1-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32003R0343> (access date: 04 April 2020).

4 Regulation (EU) № 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2013/604/oj> (дата обращения: 12.03.2020).

пейского парламента и Совета № 562/2006 от 15 марта 2006 г.⁵. Цель Дублинской конвенции состоит в разрешении проблемного вопроса, а именно: в стремлении мигрантов получить убежище на территории ЕС.

Однако ни один из этих регламентов не затрагивает права национальных правительств принимать решения о том, сколько мигрантов попадает на территорию страны; регламенты лишь устанавливают общие процедуры и права для приезжих. Аналогичным образом влияние ЕС на политику в области семейной миграции в государствах-членах остаётся весьма слабым, несмотря на попытки Комиссии установить минимальные стандарты в отношении условий, при которых легализуется воссоединение семей, и прав членов семей.

Помимо Дублинского регламента, ЕС соблюдает Конвенцию 1951 года о статусе беженцев, которая является основным законодательным актом, устанавливающим статус и права беженцев. Согласно основным положениям правового акта, основным аппаратом в урегулировании ситуаций с беженцами является правительство, которое обязано осуществлять защиту прав и свобод внутренне перемещенных лиц и беженцев, но в то же время следить за созданием такого правового положения, которое используется всеми иностранцами, прибывшими в чужую страну на общих основаниях⁶.

В 2015 году ЕС принял решение заблокировать миграционный маршрут через Западные Балканы и позволить приезжать в Европу только тем мигрантам и беженцам, которые доберутся туда легальными путями через Турцию⁷.

Таким образом, предполагалось, что: страны-участницы навсегда прекратят проход мигрантов и беженцев через свою территорию; строгий контроль за въездом будет введен на внешних границах ЕС; Греция получит существенную финансовую помощь в связи с принятием сильного миграционного потока, а также с Анкарой будет достигнуто соглашение о том, что Турция не допустит нелегальных мигрантов через свою границу в Европу и вернет мигрантов, не допущенных в ЕС.

С августа 2015 года некоторые государства-члены, являющиеся членами Шенгенской зоны, приняли независимое решение о восстановлении пограничного контроля на внутренних границах. В соответствии с положениями Шенгенского кодекса о границах⁸, временное восстановление пограничного контроля на национальном уровне допустимо, однако государство-член должно заранее уведомить о своем намерении, кроме того, продление периода восстановления возможно только на основании серьезной угрозы внутренней безопасности государства-члена (ст. ст. 25 - 35 с поправками)⁹.

С лета 2018 г. в политической повестке дня Евросоюза и государств-членов центральными темами стало спасение мигрантов неправительственными организациями в ходе мор-

ских поисковых операций, а также криминализация не только самой нелегальной миграции, но и помощи мигрантам.

По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) на октябрь в 2019 г. в Европу прибыли 77 400 нелегальных мигрантов, 45 600 - только в Грецию. Со своей стороны, 2 октября министерство внутренних дел Турции сообщило о 315 тыс. человек, задержанных при попытке переместиться в Грецию¹⁰.

Основываясь на статистике, опубликованной УВКБ ООН, эти решения ЕС значительно повлияли на количество людей, пересекающих греческую границу. Однако, по мнению критиков, снижение миграции произошло из-за того, что люди в ожидании нового соглашения ЕС-Турция массово иммигрировали в Грецию до его принятия, чтобы избежать миграционных проблем после официального вступления соглашения в силу. Таким образом, новое соглашение не влияет на сокращение числа мигрантов.

Принцип переселения беженцев по квотам не оправдал себя во всех странах Европейского Союза. Согласно статистическим данным за 2019 год, Мальта и Люксембург приняли максимальное число мигрантов среди всех стран ЕС, в среднем 41-46 иммигрантов на 1000 человек населения¹¹. Между тем Чехия, Хорватия, Болгария и Словакия приняли менее 5 мигрантов на 1000 человек населения.

Решение проблемы распределения мигрантов изучалось в Европейском Союзе с помощью различных методов: системы квот, финансовой поддержки тех государств-членов, которые принимают большее число беженцев. Разрабатываются и вносятся новые предложения о противодействии ситуации с проблемой миграции. Так, к примеру, Правительство Германии распространило 25 ноября 2019 г документ, в котором изложило своё видение реформы Дублинского регламента № 604/2013, определяющего ответственность за прием ищущих убежище. Германия надеется завершить её в рамках своего председательства в Совете ЕС в середине 2020 г.

В германском документе изложены взгляды, на то, что действующая система предоставления убежища в ЕС неэффективна: принцип ответственности страны первого въезда за рассмотрение заявления об убежище и меры по предотвращению вторичных перемещений ищущих убежище не работают на практике, а отсутствие солидарности государств-членов только усиливают дисбаланс всей конструкции. Берлин полагает, что реформа должна включать три взаимосвязанных элемента: первичное рассмотрение заявления претендента на границе; согласование нового механизма ответственности государства-члена за рассмотрение заявления и за распределение ищущих убежище по странам ЕС; совместное выполнение установленных правил с тем, чтобы воспрепятствовать вторичным перемещениям мигрантов¹².

Для эффективности процедуры предоставления убежища необходимо понимание того, какие элементы соответствующего законодательства следует, безусловно, гармонизировать, а какие оставить в компетенции государств-членов. Кроме того, чтобы политика убежища действительно работала, необходимо применять и меры поощрения финансово-го или иного характера.

5 Regulation (EC) № 562/2006 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2006 establishing a Community Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2006/562/oj> (дата обращения: 12.03.2020).

6 The 1951 Refugee Convention. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unhcr.org/1951-refugee-convention.html> (дата обращения: 12.03.2020).

7 Магомедова Д. М., Бийгишиева Д. Ш. Вопросы регулирования миграции в странах Европейского Союза // Закон и право. - 2019. - № 2. - С. 124-126.

8 Прим. авт. Шенгенский кодекс о границах закрепляет единые для всего «Шенгенского пространства» (неофициально – «Шенгенской зоны») правила по вопросам пересечения границ государств-членов ЕС как между собой («внутренних границ»), так и с другими – «третьими» странами («внешних границ»).

9 Regulation № 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code) // OJ L 77/1.

10 UNHCR, the UN Refugee Agency. Mediterranean situation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean> (дата обращения: 12.03.2020).

11 Eurostat Statistics Explained. Asylum quarterly report. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/asylum-and-managed-migration/publications> (дата обращения: 12.03.2020).

12 Dublin Regulation on international protection applications. European Implementation Assessment. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642813/EPRS_STU\(2020\)642813_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642813/EPRS_STU(2020)642813_EN.pdf) (date of access: 20.05.2020).

До тех пор, пока число вновь прибывающих мигрантов остается приемлемым, существующая политика может считаться достаточной, даже, несмотря на то, что ужасающие гуманитарные условия в некоторых из существующих лагерей беженцев (например, острова Кос, Хиос, Лесбос и Самос или в лагерях за пределами внешней границы ЕС) указывают на все еще существующие серьезные проблемы в миграционной политике.

Сложные условия для беженцев и проблемы, связанные с поиском надлежащих политических мер реагирования, вероятно, возрастут по мере увеличения числа прибывающих людей весной и летом.

Миграционные вызовы, стоящие перед Евросоюзом, обострили многие внутренние противоречия данного проекта политического объединения. Конфликтные напряжения, существовавшие в сфере межнациональных отношений, сегодня заметно усилились. В результате традиционная европейская система мер в отношении миграционных потоков оказалась неэффективной.

Отправной точкой для решения проблематики миграционной политики Европейского Союза должны стать многосторонние инвестиции в страны происхождения мигрантов в целях укрепления верховенства права и ускорения экономического и социального развития. Несмотря на сложность и дороговизну, многое можно было бы достичь за счет небольшого объема средств, уже потраченных на сдерживание миграционного потока и пограничный контроль.

Экстернализация миграции остается одним из наиболее важных аспектов внешней политики ЕС. Условия прав человека, связанные с торговыми преференциями и беспогранным доступом к внутреннему рынку ЕС, оставались важными инструментами воздействия. Успешная интеграция мигрантов в принимающее общество крайне важна для максимизации возможностей, предоставляемых легальной миграцией, и для реализации потенциала, который иммиграция имеет для развития ЕС. Имея это в виду, ЕС продвигает европейское сотрудничество для выработки общих подходов и обмена информацией на уровне ЕС.

ЕС решает проблему с помощью конкретных мер, направленных на работодателей, которые нанимают незааявленных трудящихся-мигрантов, и стремится разработать гуманную и эффективную политику возвращения в соответствии с Хартией основных прав.

Налаживание диалога и партнерских отношений, основанных на солидарности и совместной ответственности, также является важным аспектом общего подхода ЕС к миграции. Глобальный подход к миграции и мобильности, обновленный в ноябре 2011 года, должен рассматриваться как всеобъемлющая основа для внешней миграционной политики ЕС, дополняющая внешнюю политику ЕС и сотрудничество в целях развития.

Тем не менее, непоколебимые права человека вступают в конфронтацию с лозунгами о высылке мигрантов, курс, который провозгласил ЕС. Отношение государств к мигрантам, которые нарушают общественный порядок и навязывают свой собственный образ жизни, становится все жестче, что, безусловно, приводит к ограничению прав мигрантов.

Государства-члены ЕС не достаточно продуктивно координируют свои действия в определении единых стандартов процедуры предоставления убежища, в противовес, отграничиваясь, оставляют за собой принятие самостоятельных решений, рассогласованность которых приводит к серьезному ухудшению внутри ЕС межгосударственных отношений.

ЕС решает проблематику нерегулируемой миграции посредством принятия конкретных мер, направленных на работодателей, которые нанимают незааявленных трудящихся мигрантов, и стремится разработать гуманную и эффективную политику. Тем не менее, выделяются противоречия между политикой государств-членов ЕС, обусловленные ре-

зультатом «кризиса беженцев», что в итоге приводит к множественным коллизиям в миграционной политике Европейского Союза.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что налаживание диалога и партнерских отношений, основанных на солидарности и совместной ответственности, является важным аспектом общего подхода Европейского Союза к миграции.

Пристатейный библиографический список

1. Магомедова Д. М., Бийгишиева Д. Ш. Вопросы регулирования миграции в странах Европейского Союза // Закон и право. - 2019. - № 2. - С. 124-126.
2. C-528/11: Zuheyr Frayeh Halaf v. Darzhavna agentsia za bezhantsite pri Ministerskia savet // Published in the electronic Reports of Cases (Court Reports general). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.curia.eu. (дата обращения: 11.04.2020).
3. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal. - 2010. - P. 83.
4. Convention determining the State responsible for examining applications for asylum lodged in one of the Member States of the European Communities - Dublin Convention. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A41997A0819%2801%29> (дата обращения: 12.03.2020).
5. Dublin Regulation on international protection applications. European Implementation Assessment. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642813/EPRS_STU\(2020\)642813_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/642813/EPRS_STU(2020)642813_EN.pdf) (date of access: 20.05.2020).
6. Eurostat Statistics Explained. Asylum quarterly report. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/asylum-and-managed-migration/publications> (дата обращения: 12.03.2020).
7. Regulation (EC) No 562/2006 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2006 establishing a Community Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2006/562/oj> (дата обращения: 12.03.2020).
8. Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/reg/2013/604/oj> (дата обращения: 12.03.2020).
9. The 1951 Refugee Convention. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unhcr.org/1951-refugee-convention.html> (дата обращения: 12.03.2020).

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-51-53

СМБАТЯН Анаит Сергеевна

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли

КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОЙ ГРУППЫ О ЗАКОННОСТИ ОБНУЛЕНИЯ ПО АНТИДЕМПИНГОВОМУ СОГЛАШЕНИЮ ВЫСТОЯТЬ АПЕЛЛЯЦИЮ?

В решении по спору США – Различные методологии сравнения (DS534) третейская группа заключила, что использованная США методология обнуления при расчете демпинговой маржи на древесину хвойных пород из Канады не нарушает положения Антидемпингового соглашения ВТО. Это решение взорвало общественное мнение. Канада подала апелляцию, в которой утверждает, что, отступив от устоявшихся в предыдущих спорах толкований, третейская группа допустила правовую ошибку.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, спор, прецедент, Антидемпинговое соглашение, обнуление, “*cogent reasons*”.

SMBATYAN Anait Sergeevna

Ph.D. in Law, professor of International law sub-faculty of the All-Russian Academy of Foreign Trade

WHAT ARE THE PROSPECTS OF THE PANEL REPORT WITH RESPECT TO LEGALITY OF ZEROING UNDER THE ANTI-DUMPING AGREEMENT TO STAND ON APPEAL?

In the US – Anti-Dumping Measures Applying Differentiated Pricing Methodology dispute (DS534) the Panel concluded that the US zeroing methodology in calculating the dumping margin on softwood lumber from Canada did not violate the WTO Anti-Dumping Agreement. This decision blew up the public opinion. Canada filed an appeal, in which it asserts that by departing from interpretations established in previous disputes the Panel has erred in law.

Keywords: the World Trade Organization, dispute, precedent, the Anti-Dumping Agreement, zeroing, “*cogent reasons*”.

Смбатян А. С.

В апреле 2019 г. вышел доклад третейской группы по спору США – Различные методологии сравнения (DS534)¹. Предметом жалобы Канады были антидемпинговые пошлины США на импорт древесины хвойных пород (много-страдальный товар, который на протяжении последних десятилетий неоднократно становился объектом баталий между Канадой и США на площадке Органа по разрешению споров). Произошло невероятное: третейская группа сделала вывод, что пресловутая методология обнуления, используемая США при расчете демпинговой маржи², является законной. Это было равносильно взорвавшейся бомбе. В комментариях к этому решению многие эксперты указывали, что третейская группа вышла за границы дозволенного, что ее позиция идет вразрез со сложившейся прецедентной практикой разрешения споров по вопросу

обнуления. Высказывались опасения, что доклад по спору DS534 станет началом хаоса, в результате чего безопасность и предсказуемость многосторонней торговой системы окажутся под угрозой. В своей апелляции Канада попросила Апелляционный орган сделать вывод о том, что при осуществлении своих функций третейская группа допустила ошибку по статье 11 Договора о разрешении споров (далее – «ДРС»), отклонившись без «убедительных причин» («*cogent reasons*») от правильного толкования, которое ранее было изложено в докладе Апелляционного органа по спору США - Стиральные машины³. Канада также заявила, что хотя третейская группа признала существование правового стандарта «убедительных причин», который вытекает из текста ДРС, она не представила оснований, оправдывающих отступление от позиции Апелляционного органа⁴.

Апелляция пока не рассмотрена ввиду нефункционирующего в данный момент Апелляционного органа. Существуют как минимум две причины – общая и частная, в силу которых об-

1 Panel Report, United States – Anti-Dumping Measures Applying Differential Pricing Methodology to Softwood Lumber from Canada, WT/DS534/R and Add.1, circulated to WTO Members 9 April 2019. (далее – “Panel Report, United States – Differential Pricing Methodology”).

2 Применяемая ранее и признанная незаконной методология обнуления США заключалась в том, что орган расследования при агрегировании промежуточных результатов сравнения нормальной стоимости и экспортной цены игнорировал (обнулял) отрицательные результаты сравнения, и учитывал в расчете демпинговой маржи только положительные результаты. Это вело к увеличению размера демпинга и, соответственно, к применению завышенных антидемпинговых пошлин.

3 Appellate Body Report, United States – Anti-Dumping and Countervailing Measures on Large Residential Washers from Korea, WT/DS464/AB/R and Add.1, adopted 26 September 2016, DSR 2016:V. – P. 2275.

4 Notification of an appeal by Canada under Article 16.4 and Article 17 of the Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes (DSU), and under Rule 20(1) of the Working Procedures for Appellate Review, WT/DS534/5 dated 5 June 2019. (далее – Уведомление об апелляции)

новленный Апелляционный орган, скорее всего, не поддержит позицию Канады.

Во-первых, напомним, как появилась концепция «*cogent reasons*». В докладе по спору США – *Нержавеющая сталь (Мексика)*⁵ Апелляционный орган пояснил, что «обеспечение ‘безопасности и предсказуемости’ системы разрешения споров, как предусмотрено Статьей 3.2 [ДРС], предполагает, что в отсутствие убедительных причин судебный орган будет принимать такое же решение по тому же правовому вопросу при рассмотрении последующих споров». Концепция «убедительных причин» получила свое развитие в решении третейской группы по спору США – *Компенсационные и антидемпинговые меры (Китай)*⁶, где были сформулированы условия, позволяющие отступать от предыдущих правовых толкований в строго ограниченных случаях⁷. Из этой концепции следует, что по общему правилу третейские группы и Апелляционный орган связаны предыдущими толкованиями. В то же время, если взглянуть в текст ДРС, становится очевидным, что предпосылка для концепции «*cogent reasons*» в нем нет. Скорее наоборот. Согласно статье 11 ДРС, третейская группа должна «объективно оценить поставленный перед ней вопрос, включая объективную оценку фактических обстоятельств дела, применимость соответствующих охваченных соглашений и соответствие им»⁸. Из этой формулировки следует, что третейская группа должна сфокусироваться на рассматриваемом конкретном споре, всесторонне и тщательно изучить обстоятельства дела и аргументы сторон. Именно в этом состоит стандарт объективной оценки по статье 11 ДРС, а не в том, чтобы слепо следовать предыдущим толкованиям⁹. Кроме того, аргумент Канады о том, что согласно решению США – *Стиральные машины*¹⁰,

стандарт «убедительных оснований» вытекает из текста ДРС¹¹, фактически неверен. Ни в параграфе 7.107 доклада третейской группы, на который ссылается Канада, ни в иных параграфах указанного доклада нет аргумента группы о том, что концепция «убедительных оснований» основывается на *тексте* ДРС. Таким образом, поиски концепции «*cogent reasons*» в ДРС будут сродни поиску отсутствующей в темной комнате черной кошки.

Во-вторых, анализ положений Статьи 2.4.2 Антидемпингового соглашения¹² дает основания для вывода, что позиция третейской группы о допустимости в рассмотренном ею случае методологии обнуления является верной. Статья 2.4.2 предусматривает три методологии сравнения нормальной стоимости и экспортной цены товара-объекта расследования – две симметричные и одну асимметричную. Демпинговая маржа, как правило, устанавливается на основе сравнения средневзвешенной нормальной стоимости со средневзвешенными ценами *всех* сопоставимых экспортных сделок (1-ый способ сравнения, получивший название «W-W»¹³), либо путем сравнения нормальной стоимости с экспортными ценами по конкретным сделкам (2-ой способ «T-T»¹⁴)¹⁵. Средневзвешенная нормальная стоимость может быть также сопоставлена с ценами *конкретных* экспортных сделок, если орган расследования выявит *закономерность* («*pattern*») экспортных цен, существенно различающихся между различными покупателями, регионами или периодами времени (3-й способ «W-T»¹⁶)¹⁷. Третий – несимметричный – способ сравнения позволяет выявлять точечный либо целенаправленный демпинг, когда, например, существенно завышенные экспортные цены маскируют существенно заниженные цены.

В решении по спору США – *Стиральные машины* Апелляционный орган заявил, что методология W-T требует сравнения между средневзвешенной нормальной стоимостью и «*всей* совокупностью экспортных сделок, подпадающих под закономерность [нетипичных экспортных продаж], независимо от того, является ли экспортная цена отдельных «нетипичных сделок» выше или ниже нормальной стоимости. И хотя текст второго предложения Статьи 2.4.2 позволяет органу расследования при определении демпинговой маржи в соответствии с W-T методологией сосредоточиться на «нетипичных сделках» и исключить из рассмотрения «типичные» [выпадающие из закономерности], он не позволяет обнулять результаты сравнения по конкретным «нетипичным сделкам», когда экспортная

5 Appellate Body Report, United States – Final Anti-Dumping Measures on Stainless Steel from Mexico, WT/DS344/AB/R, adopted 20 May 2008. Para. 160 (footnotes omitted). See also: Appellate Body Report, United States – Continued Existence and Application of Zeroing Methodology, WT/DS350/AB/R, adopted 19 February 2009. - Para. 362.

6 Panel Report, United States – Countervailing and Anti-Dumping Measures on Certain Products from China, WT/DS449/R and Add.1, adopted 22 July 2014, as modified by Appellate Body Report WT/DS449/AB/R, DSR 2014:VIII. - P. 3175. - Para.7.317.

7 Наличие (i) обязательного толкования по Статье IX:2 Соглашения ВТО, отступающее от толкования, предложенного ранее Апелляционным органом; (ii) Демонстрация того, что предшествующее толкование Апелляционного органа неприменимо при конкретном стечении обстоятельств, подпадающих под действие рассматриваемого обязательства; (iii) Демонстрация того, что предшествующее толкование Апелляционного органа вступает в противоречие с другим положением многостороннего торгового соглашения, которое не было представлено на рассмотрение Апелляционного органа; (iv) Доказательство того, что толкование Апелляционного органа было основано на неверных фактических предпосылках.

8 Выделено нами.

9 Не в последнюю очередь связано это с тем, что исход дела, как правило, обусловлен позициями сторон, которые задают концептуальные рамки спора. Бывают ситуации, когда сторона в силу разных причин занимает ограниченную, недальновидную, тактически непродуманную, а порой даже ошибочную позицию. Можно ожидать, что соответствующие дефекты повлияют на решение по спору. На наш взгляд, абсолютно неприемлемо исходить из того, что толкование, принятое в рамках такого спора, может и тем более должно связывать стороны в будущих спорах.

10 Appellate Body Report, United States – Anti-Dumping and Countervailing Measures on Large Residential Washers from Korea, WT/

DS464/AB/R and Add.1, adopted 26 September 2016, DSR 2016:V. - P. 2275. (далее – “Appellate Body Report, US – Washing Machines”).

11 См. Уведомление об апелляции. - С. 2.

12 Статья 2.4.2 Антидемпингового соглашения являлась одним из правовых оснований жалобы Канады, вопрос обнуления был сфокусирован именно в ней.

13 Weighted average-to-weighted average basis.

14 Transaction-to-transaction basis.

15 В рамках антидемпинговых расследований, как правило, применяется одна из двух симметричных методологий.

16 Weighted average-to-transaction basis.

17 Третий метод является исключительным, поскольку его применение разрешено только при кумулятивном наличии двух условий, указанных во втором предложении статьи 2.4.2. См. Panel Report, United States – Anti-Dumping Measures Applying Differential Pricing Methodology”. - Para 7.15; Appellate Body Reports, US – Softwood Lumber V (Article 21.5 – Canada). - Para 97, EC – Bed Linen, para. 62; US – Washing Machines. - Para 5.17.

цена таких сделок превышает нормальную стоимость¹⁸. При рассмотрении спора США – *Различные методологии сравнения*, третейская группа согласилась с тем, что обнуление запрещено в рамках симметричных методологий W-W и T-T¹⁹. После досконального изучения второго предложения Статьи 2.4.2 группа не согласилась с мнением Апелляционного органа о том, что способ сравнения W-T также запрещает обнуление. Третейская группа указала, что органу расследования разрешается применять методологию W-T к подпадающим под определенную закономерность сделкам, но он должен применять методологию W-W или T-T к сделкам, *выпадающим* из такой закономерности. Третейская группа, не согласившись с Апелляционным органом по спору США – *Стиральные машины*, также пояснила, что второе предложение Статьи 2.4.2 позволяет органу расследования сравнивать средневзвешенную нормальную стоимость (W) с ценами «конкретных» экспортных сделок (T). Определение термина «экспортные сделки» через слово «конкретных», а не слово «всех» предполагает, что демпинговая маржа по методологии W-T не должна основываться на результатах сравнения *всех* экспортных сделок²⁰. Соответственно, орган расследования может разграничивать экспортные сделки, которые *маскируют* другие экспортные сделки, от сделок, которые *маскируются*. Из этого следует, что при определении демпинга с точки зрения методологии орган расследования может применять различные подходы к этим двум типам экспортных сделок – подпадающим под закономерность и выпадающим из нее. Интерпретировать Статью 2.4.2 как запрещающую обнуление в рамках всех трех методов сравнения означало бы, что методология сравнения W-T превращается в методологию W-W, изложенную в первом предложении (в том числе по причине того, что результаты сравнений будут математически эквивалентны). Это свело бы на нет цель исключительной методологии второго предложения статьи 2.4.2, позволяющей членам ВТО выявлять определенную закономерность экспортных цен, которая не может быть установлена в рамках W-W и T-T способов сравнения²¹. Таким образом, обнуление запрещено в рамках методологий W-W и T-T, но не методологии W-T²².

Как видится, позиция третейской группы основана на правильном толковании Статьи 2.4.2 Антидемпингового соглашения. В то же время, вопросов больше чем ответов. *Во-первых*, ключевой остается проблема определения «закономерности экспортных цен» по смыслу Статьи 2.4.2. Как вывести такую закономерность из сотен экспортных сделок? Каковы объективные контуры такой закономерности? *Во-вторых*, на чем должен основываться вывод, что отдельные сделки именно «маскируют» другие сделки? *В-третьих*, если в результате применения W-T методоло-

гии сделан положительный вывод о наличии демпинга, а при применении W-W либо T-T методологии демпинг не выявлен, как соотнести эти результаты друг с другом? *В-четвертых*, может ли, например, точечный демпинг в определенном регионе рассматриваться как причина ущерба всей промышленности страны, которая проводит расследование? Ведь в Статьях 3.1 и 3.2 Антидемпингового соглашения использован термин «демпинговый импорт» как единая категория, т.е. под ним понимается вся совокупность импорта, являющегося товаром-объектом расследования. *В-пятых*, как соотнести второе предложение Статьи 2.4.2 со статьей 3.5 Антидемпингового соглашения, которая, в частности, гласит, что ущерб, наносимый такими факторами, как объем и цены импорта, *не* проданного по демпинговым ценам, должен быть отделен от влияния демпингового импорта? Как можно на практике отграничить влияние отдельных объемов импорта из одной и той же страны? Поставленные вопросы требуют всестороннего, тщательного обдумывания, ведь от ответа на каждый из них может зависеть доступ экспорта конкретной российской компании на внешние рынки. Эти вопросы также с наглядностью демонстрируют, что международное право может быть очень и очень техничным. И для того, чтобы развязать такой «клубок», необходимо предельное внимание к деталям.

Пристатейный библиографический список

1. Смбатян А. С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации. - М., ИНФРА-М, 2017. - 448 с.
2. Edwin Vermulst The WTO Anti-Dumping Agreement: A Commentary. - Oxford: Oxford University Press, 2006. - 263 p.

18 Appellate Body Report, US – Washing Machines. - Para 5.178.

19 Panel Report, United States – Differential Pricing Methodology. - Para 7.19

20 Panel Report, United States – Differential Pricing Methodology, para. 7.103. Этот вывод третейской группы совпадает с особым мнением одного из арбитров в споре США – Стиральные машины (Appellate Body Report, US – Washing Machines. - Para 5.201).

21 Panel Report, United States – Differential Pricing Methodology. - Para. 7.106.

22 Panel Report, United States – Differential Pricing Methodology. - Para 7.108.

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-54-57

ЧАН Тхи Тхуй Зунг

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов

ОТВЕТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ АРБИТРАЖНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ПАНДЕМИЮ COVID-19

Пандемия COVID-19 - это глобальный кризис в области здравоохранения, которому нет однозначного конца. Это вызвало одно из самых значительных спадов в мировой экономике и отрицательно сказалось почти на каждом секторе бизнеса. Арбитражные разбирательства, как внутренние, так и международные, не избежали этих последствий. Поэтому они вынуждены быстро адаптироваться к исключительным обстоятельствам пандемии. Что особенно важно, это привело к продвижению и принятию инструментов электронного управления делами и обнародованию множества протоколов и руководств, связанных с этими новыми процедурами. В этой статье рассказывается, как ведущие арбитражные учреждения адаптировали свои операции и институциональные правила для борьбы с пандемией COVID-19. Исходя из этого, в данной статье дается оценка этих ответов, чтобы открыть новое направление для международного арбитража после COVID 19.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, арбитражное разбирательство, арбитражный регламент, арбитражное решение, арбитр, виртуальный слух, видео-ссылки, Чрезвычайный арбитр.

TRAN Thi Thuy Dung

postgraduate student of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

THE RESPONSES OF INTERNATIONAL ARBITRATION INSTITUTIONS TO COVID-19 PANDEMIC

The COVID-19 pandemic is a global health crisis with no clear end. It caused one of the most significant contractions in the global economy and negatively impacted almost every business sector. The arbitration proceedings, both domestic and international, have not escaped from these effects. Therefore, they are forced to adapt to the exceptional circumstances of the pandemic quickly. Critically, this has resulted in the promotion and adoption of electronic case management tools and the promulgation of many protocols and guidelines related to these new procedures. This article outlines how leading arbitration institutions have adapted their operations and institutional rules to deal with the COVID-19 pandemic. On that basis, this article gives the evaluation of those responses to lead a new direction for international arbitration after COVID 19.

Keywords: COVID-19 pandemic, arbitration proceedings, arbitration rules, arbitration award, arbitrator, virtual hearing, video references, emergency arbitrator.

Чан Т. Т. З

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 – это катастрофа для здоровья, разрушающая мировую экономику. Это приведет как к задержке многих ожидающих рассмотрения арбитражных дел, так и к возникновению новых споров, которые трудно разрешить из-за соображений безопасности и ограничений общественного здравоохранения, направленных на ограничение или замедление распространения вирусов. Воздействие COVID-19 вынудило многие компании не выполнять свои соглашения, что привело к увеличению количества споров и арбитражей. Между тем, пандемия затронула и сам арбитраж. Как коммерческие арбитры, будучи неотъемлемым гибким методом разрешения коммерческих споров, будут справляться с проблемами коронавируса?

1. Прямой эффект от пандемии COVID-19: Задержки

Зачастую плохие времена для экономики означают хорошие времена для специалистов по разрешению споров. Однако это влияние пандемии коронавируса сказывается не только на экономике, но и на методах разрешения споров, включая коммерческий арбитраж. Юрисдикции не позволяют сотрудникам работать в офисе, международные поездки ограничены, а даты слушаний отодвигаются на месяцы или

даже годы. Действительно, международная торговая палата (ICC) и Лондонский международный арбитражный суд (LCIA) прямо предупредили о задержках в вынесении арбитражных решений. Аналогичные проблемы возникают и с другими учреждениями. «Отложенное правосудие-отказ в правосудии.» В период серьезного кризиса, подобного тому, с которым мы сталкиваемся, истцы могут пожелать перейти к результату как можно скорее, и ответчики не хотят, чтобы их дело перешло к арбитражному решению. График работы арбитров может быть очень напряженным, и слушание может быть перенесено на несколько месяцев позже. Это привело к тому, что сторонам, возможно, придется платить за отмену сборов за место проведения, полеты и проживание участников; юридические и экспертные расходы могут увеличиться.

2. Усилия арбитражных учреждений

2.1. Приют в домашнем офисе

Первое действие международных арбитражных учреждений заключалось в том, что они закрыли свои помещения, заявили, что больше не будут принимать никаких услуг по доставке документов из рук в руки, и спрятались в своих внутренних кабинетах. Одним из вопросов, который арбитраж-

ные учреждения сразу же осознали, была необходимость приостановить все критические сроки и отложить физические слушания, особенно когда они должны были проводиться в помещениях арбитражных учреждений.

2.2. Внесены поправки в более гибкие арбитражные правила и руководящие принципы

Ведущие международные арбитражные институты, в свою очередь, объявили о внесении изменений в Арбитражный регламент и руководящие принципы арбитражного разбирательства в контексте пандемии COVID-19.

Международная торговая палата: в 9 апреля 2020 года Международный арбитражный суд при МТП опубликовал свою руководящую записку ICC о возможных мерах, направленных на смягчение последствий пандемии COVID-19 («Руководящая записка ICC»). Примечание в руководящих принципах ICC изложен ряд мер, призванных помочь свести к минимуму воздействие пандемии гриппа а-19 на арбитражное разбирательство. В частности, он включает информацию об организации виртуальных слушаний, два приложения, включающие контрольный перечень для протокола виртуальных слушаний, а также предлагаемые положения для киберпротоколов и процедурных постановлений, касающихся организации виртуальных слушаний¹.

Лондонский международный арбитражный суд опубликовал обновление услуг 18 марта 2020 года, заявив, что со следующего дня он будет работать удаленно и предоставлять инструкции сторонам и арбитрам о том, как общаться с LCIA².

Гонконгский Международный арбитражный центр (HKIAC) также подготовил руководящие принципы для виртуальных слушаний. Эти руководящие принципы направлены на то, чтобы обеспечить участникам беспрепятственное и эффективное виртуальное слушание. Слушания, которые будут применяться, могут быть полностью или частично виртуальными³.

Венский Международный арбитражный центр (VIAC) опубликовал контрольный список по проведению арбитражных и посреднических слушаний во времена COVID-19, составленный Хафезом Вирджи (Delos Dispute Resolution) и Марией Хаузер-Морель (Hanefeld Rechtsanwälte)⁴.

Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты (SCC) предложил платформу SCC для проведения специальных арбитражных разбирательств по всему миру, начиная с мая 2020 года. Предполагается, что специальная платформа SCC будет представлять собой защищенную цифровую плат-

форму для связи и обмена файлами между сторонами и трибуналом.⁵

Международный центр по Урегулированию Инвестиционных Споров (МЦУИС) объявил, что арбитражные запросы, ходатайства и заявления после вынесения судебного решения будут подаваться в режиме онлайн. Институт также консультировал представителей сторон по всем находящимся на рассмотрении делам МЦУИС об услугах и технологиях МЦУИС для виртуальных слушаний по электронной почте 16 апреля 2020 года. Новые услуги включают аудио и видео высокой четкости для до 1000 участников, с возможностью видеть и слышать всех членов судебной коллегии, консультантов, экспертов и свидетелей, надежную безопасность, отчетность суда в режиме реального времени, синхронный перевод и обмен файлами, а также функцию виртуального чата для переписки между отдельными лицами или со всеми участниками слушаний⁶.

Американская арбитражная ассоциация-Международный Центр разрешения споров (AAA-ICDR) опубликовала руководство по виртуальным слушаниям для арбитров и сторон, руководство по виртуальным слушаниям для арбитров и сторон, использующих ZOOM, а также Типовой порядок и процедуры проведения виртуальных слушаний с помощью видеоконференции⁷.

Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (CIETAC) запустила проект CIETAC: руководящие принципы активного и надлежащего арбитражного разбирательства во время пандемии COVID-19 (Trail). Эти руководящие принципы содержат конкретные меры по использованию онлайн-системы подачи дел, подачи документов и слушаний. Существует также приложение, содержащее положения о виртуальных слушаниях. Руководящие принципы вступили в силу 1 мая 2020 года и перестанут действовать, когда пандемия закончится⁸.

В частности, 16 апреля, 2020, наиболее авторитетных международных арбитражных институтов, в том числе ICC, ICSID, AAA-ICDR, HKIAC, SCC, SIAC, VIAC, Каирский Региональный центр Международного коммерческого арбитража (CRC ICA), Корейский коммерческий арбитражный Совет (KCAB), Международная федерация коммерческих арбитражных учреждений (ICFAI), немецкий Арбитражный институт (DIS) и Миланская Арбитражная палата (CAM) опубликовали совместное заявление под названием *“Арбитраж и COVID-19: институты говорят одним голосом”*, поощрение участников и арбитров обсуждать любые воздействия пандемии, а также возможные пути для устранения его открытым и конструктивным образом в целях сведения

1 МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАМЕРНЫЙ КОМ., Руководящая записка ICC о возможных мерах, направленных на смягчение последствий пандемии COVID-19, 22 (2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://icwbo.org/content/uploads/sites/3/2020/04/guidance-note-possible-measures-mitigating-effects-covid-19-english.pdf>.

2 Обновление LCIA услуги: COVID-19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lcia.org/lcia-services-update-covid-19.aspx> (18 марта 2020 года).

3 Руководящие принципы HKIAC для виртуальных слушаний, HKIAC (2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hkiac.org/sites/default/files/ck_filebro.wser/HKIAC%20Guidelines%20for%20Virtual%20Hearings_o.pdf.

4 Контрольный список по проведению слушаний во времена COVID-19, VIAC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.viac.eu/en/news/checklist-on-holding-hearings-in-times-of-covid-19> (дата обращения: 10 сентября 2020 года).

5 Платформа SCC, доступная для специальных арбитражных разбирательств по всему миру, SCC (Apr. 23, 2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sccinstitute.com/about-the-scc/news/2020/scc-platform-made-available-to-ad-hoc-arbitrations-globally/?link_id=GZORGcLaWyla.

6 Вильске С., влияние COVID-19 на международный арбитраж: икота или поворотный момент? (29 мая 2020 года). Современный Азиатский Арбитражный Журнал, Том. 13, № 1, стр. 18, май 2020 г., доступно по адресу SSRN: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3616660>.

7 Виртуальные слушания, AAA-ICDR. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://go.adr.org/covid-19-virtual-hearings.html> (дата обращения: 22 мая 2020 года).

8 CIETAC запускает руководящие принципы по активному и надлежащему арбитражному разбирательству во время пандемии COVID-19 (Trail), CIETAC (28 апреля 2020 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cietac.org/index.php?m=Article&a=show&id=16919&l=en>.

к минимуму воздействия COVID-19, использование соответствующих институциональных правил и методов ведения дел, которые могут позволить арбитражу существенно продвигаться вперед без неоправданных задержек. Это было первое совместное заявление ведущих международных арбитражных институтов такого рода. Этим посланием представители международного арбитража по всему миру хотят выразить свою поддержку в трудное время, выступают за потенциальное использование цифровых опционов, а также призывают трибуналы и стороны поддерживать динамику в рассматриваемых делах в максимально возможной степени, говорит генеральный секретарь SCC Аннет Магнуссон⁹.

3. Результаты

На самом деле, использование видеоконференции или других технических средств казалось волшебным решением. Сеульский Международный Центр разрешения споров (IDRC) сообщает, что по сравнению с 2019 годом количество дел и дней слушаний с использованием услуг виртуального слушания IDRC увеличилось на 500 % по количеству и на 460 % по дням¹⁰.

HKIAC также сообщает, что спрос на услуги виртуального слуха HKIAC значительно возрос с наступлением COVID-19. В период с февраля по сентябрь 2020 года 65 % всех запросов, связанных со слухом, полученных HKIAC, касались виртуальной слуховой поддержки¹¹.

В результате, как представляется, опыт виртуальных слушаний был положительным. Единоличный арбитр заслушал дело в марте 2020 года, причем обе стороны и адвокат истца физически присутствовали в Сингапуре, а адвокат ответчика в Лондоне участвовал в видеоконференции и шесть свидетелей давали показания из Лондона, Сиднея и Тайбэя. Он поделился своим опытом из этого дела, что «слушание устных аргументов на самом деле ничем не отличается от физических слушаний»¹².

4. Оценка ответов арбитражных учреждений

Коммерческий арбитражный центр очень быстро отреагировал на проблему, вызванную пандемией короны. Большинство новых дополнительных правил в очень срочном положении институтов основаны на существующих правилах, что свидетельствует о том, что они по своей сути построили очень эффективную и прочную систему правил.

4.1. Использование чрезвычайного арбитра.

Исторически сложилось так, что сторонам Международного арбитражного соглашения приходилось ждать до учреждения третейского суда, чтобы обратиться за помощью. Обычно это занимает не менее нескольких недель. В результате стороны вынуждены полагаться на национальные

суды для оказания чрезвычайной помощи – вариант, который не является привлекательным для сторон по соображениям конфиденциальности или озабоченности отсутствием опыта.

В последние годы многие арбитражные учреждения разработали положения о чрезвычайных арбитрах, которые могут быть использованы в случае необходимости оказания чрезвычайной помощи. По состоянию на 2019 год почти все крупные учреждения установили такие положения, включая AAA-ICDR; SCC; SIAC; ICC; HKIAC; LCIA; Арбитражный институт швейцарских палат; Международный институт по предотвращению и разрешению конфликтов и Китайскую международную экономическую и торговую арбитражную комиссию. Использование этих положений возросло в международных коммерческих арбитражных разбирательствах и, возможно, еще более необходимо в условиях пандемии COVID-19. Этот метод позволяет сторонам принимать чрезвычайные меры по оказанию помощи до учреждения третейских судов. Таким образом, доступ к чрезвычайной помощи может помочь компаниям быстро разрешить свои споры и как можно скорее вернуться к другим неотложным проблемам своего бизнеса. Чрезвычайные арбитры могут оказаться более часто используемыми для предварительного определения применимости положений о неблагоприятном изменении, прекращении действия и серьезных неблагоприятных изменениях. Во время пандемии COVID заявки на чрезвычайных арбитров также были оцифрованы некоторыми арбитражными организациями, такими как ICC и LCIA. МУС издал руководство 17 марта 2020 года, в котором говорится, что все запросы на чрезвычайных арбитров должны подаваться в секретариат по адресу: emergencyarbitrator@iccwbo.org-да. Аналогичным образом, LCIA также указывает, что все сотрудники работают удаленно, и если какая-либо сторона намерена подать заявление об ускоренном формировании трибунала или назначении чрезвычайного арбитра, она должна заранее уведомить LCIA об этом. casework@lcia.org или accounts@lcia.org (по мере необходимости).

4.2. Использование виртуального слуха

Как и в национальных судах, адвокат склонен полагать, что клиент может быть надлежащим образом представлен только лично, и иногда незнаком с телематическими инструментами и, возможно, скептически относится к их надежности. Однако видеоконференции все еще широко используются в арбитраже в течение многих лет. Например, статья 19.2 регламента LCIA гласит, что Арбитражный суд организует проведение любого слушания заранее, в консультации со сторонами. Арбитражный суд обладает всеми полномочиями, предусмотренными арбитражным соглашением, для установления порядка проведения слушания, включая его дату, форму, содержание, процедуру, сроки и географическое место. Что касается формы, то слушание может быть проведено посредством видео-или телефонной конференции или лично (или в сочетании всех трех).

Кроме того, как юристы, работающие в сфере международного арбитража, так и большинство арбитров уже привыкли регулярно использовать электронную почту, электронные документы, видеоконференции и онлайн-платформы управления делами, что на сегодняшний день является одним из наиболее существенных преимуществ арбитража перед судебными разбирательствами в эти трудные и непредсказуемые времена.

Использование виртуальных слушаний может сократить время и затраты, особенно когда речь заходит о путеше-

9 Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, Новости, 16 апреля 2020 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sccinstitute.com/about-the-scc/news/2020/arbitration-and-covid-19-institutions-speak-with-one-voice/>.

10 Вильске С., влияние COVID-19 на международный арбитраж-икота или поворотный момент? (29 мая 2020 года). Современный Азиатский Арбитражный Журнал, Том. 13, май 2020, № 1, С. 13.

11 Вильске С., влияние COVID-19 на международный арбитраж-икота или поворотный момент? (29 мая 2020 года). Современный Азиатский Арбитражный Журнал, Том. 13, май 2020, № 1, С. 13.

12 Росс. Э., 19 лет: участники дела CIAC делятся успехом виртуального слушания, Гэри (23 апреля 2020 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalarbitrationreview.com/article/1225832/covid-19-participants-in-siac-case-share-success-of-virtual-hearing>.

ствиях и проживании. Это весьма характерно для свидетелей, для предоставления доказательств с помощью видео-связи. Этот метод может быть расширен, чтобы позволить всем сторонам спора присутствовать практически на слушаниях. Поскольку во всем мире действуют запреты на поездки и меры изоляции, виртуальные слушания будут восприниматься всерьез, если будут проводиться арбитражные слушания.

5. Проблемы остаются

Конечно, в новом цифровом мире международного арбитража все еще существуют проблемы, такие как технологические сбои, разница во времени, проблема виртуального перекрестного допроса. Однако гибкость международного арбитража делает его исключительно удобным для адаптации к новой норме.

Еще один вопрос связан с тем, что национальные суды, где стороны должны добиваться приведения в исполнение арбитражных решений, как правило, не применяли дистанционные технологии ни в какой форме. Эти суды будут рассматривать слушания по удаленным доказательствам как процедурно несправедливые. Тем не менее, COVID-19 имеет здесь уравнивающий эффект. Национальные суды были вынуждены использовать дистанционные технологии, чтобы сохранить свои подошвы в рабочем состоянии в этом кризисе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международный арбитраж с присущей ему гибкостью будет играть важную роль в борьбе с последствиями коронавируса в ближайшие месяцы и годы. Хотя арбитраж был затронут пандемией COVID-19, его воздействие на текущие арбитражные разбирательства и потенциальные новые дела явно менее существенно, чем воздействие на национальные судебные процессы. В то время как многие национальные суды остаются закрытыми или рассматривают только срочные и важные дела, международные арбитражные учреждения продолжают функционировать в полном объеме, действуют дистанционно и оказывают полную административную поддержку. Однако существует необходимость в повышении надежности виртуальных слушаний, а также технологий. Потому что многие стороны не хотят действовать нормально, поскольку они либо хотят воспользоваться правительственными ограничениями для затягивания разбирательства, либо, что более серьезно, испытывают озабоченность по поводу надлежащей правовой процедуры в ходе слушаний. Повышение доверия и развитие технологий снизят риск того, что спорящие стороны воспользуются ситуацией, подобной этой. Когда COVID-19 пройдет, бизнес трансграничного арбитража вполне может продолжаться, как и раньше - "но с повышенным осознанием риска зарубежных поездок и необходимости сбалансировать экономические, коммерческие и юридические императивы с человеческими"¹³. В конце концов, вспышка COVID-19, безусловно, не изменит основных элементов международного арбитража, то есть беспристрастного и независимого принятия решений в трансграничных спорах на основе добровольного и гибкого процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, Новости, 16 апреля 2020 года.
2. Вильске. С., влияние COVID-19 на международный арбитраж-икота или поворотный момент? (29 мая 2020 года). Современный Азиатский Арбитражный Журнал, Том. 13, № 1, С. 7-44, май 2020 г., доступно по адресу SSRN: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3616660>.
3. Виртуальные слушания, AAA-ICDR. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://go.adr.org/covid-19-virtual-hearings.html> (дата обращения: 22 мая 2020 года).
4. Контрольный список по проведению слушаний во времена COVID-19, VIAC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.viac.eu/en/news/checklist-on-holding-hearings-in-times-of-covid-19> (дата обращения: 10 сентября 2020 года).
5. МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАМЕРНЫЙ КОМ., Руководящая записка ICC о возможных мерах, направленных на смягчение последствий пандемии COVID-19, 22 (2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2020/04/guidance-note-possiblemeasures-mitigating-effects-covid-19-english.pdf>.
6. Обновление LCIA услуги: COVID-19, (18 марта 2020 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lcia.org/lcia-services-update-covid-19.aspx>.
7. Платформа SCC, доступная для специальных арбитражных разбирательств по всему миру, SCC (Apr. 23, 2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sccinstitute.com/about-the-scc/news/2020/scc-platform-made-available-to-ad-hoc-arbitrations-globally/?link_id=GZORGLaWyla.
8. Росс. Э., 19 лет: участники дела SIAC делятся успехом виртуального слушания, Гэри (23 апреля 2020 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalarbitrationreview.com/article/1225832/covid-19-participants-in-siac-case-share-success-of-virtual-hearing>.
9. Росс. Э., Коронавирус: Какое Влияние? Глобальный Арбитражный Обзор (7 марта 2020 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalarbitrationreview.com/article/1215931/the-coronavirus-what-impact>.
10. Руководящие принципы НКИАС для виртуальных слушаний, НКИАС (2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hkiac.org/sites/default/files/ck_filebro.wser/НКИАС%20Guidelines%20for%20Virtual%20Hearings_0.pdf.
11. CIETAC запускает руководящие принципы по активному и надлежащему арбитражному разбирательству во время пандемии COVID-19 (Trail), CIETAC (28 апреля 2020 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cietac.org/index.php?p=m=Article&a=show&id=16919&l=en>.
12. CIETAC Launches Guidelines on Proceeding with Arbitration Actively and Properly During the COVID-19 Pandemic (Trail), CIETAC (Apr. 28, 2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cietac.org/index.php?p=m=Article&a=show&id=16919&l=en>.

13 Росс. Э., Коронавирус: Какое Влияние? Глобальный Арбитражный Обзор (7 марта 2020 года), [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalarbitrationreview.com/article/1215931/the-coronavirus-what-impact>.

МАНСУР МОХАММАД

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права
Юридического института Российского университета дружбы народов

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИСТРАЦИИ И ОХРАНЫ ПРАВ НА ТОРГОВУЮ МАРКУ В АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЕГИПЕТ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с режимом правовой охраны товарного знака (торговой марки) в Арабской Республике Египет (далее по тексту - Египет) на базе сравнительного подхода к анализу признаваемых государством международных юридических предписаний в этой сфере с соотношения с нормами национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности и правовой охраны средств индивидуализации субъектов имущественного оборота. В частности, автор приходит к выводу о том, что египетский законодатель создал целостную систему защиты прав интеллектуальной собственности, и хотя эта система является неоптимальной, она все еще претерпевает изменения и модернизацию в попытке достичь оптимальной структуры защиты объектов интеллектуальной собственности, и тем самым свести к минимуму нарушения и нарушения таких прав.

Ключевые слова: законодательство Арабской Республики Египет, законодательство арабских государств, национально-правовой режим охраны средств индивидуализации, международно-правовые соглашения, патентное право, правовая защита объектов интеллектуальной собственности, торговая марка (товарный знак).

MANSOUR MOHAMMAD

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF REGISTRATION AND PROTECTION OF TRADEMARK RIGHTS IN THE ARAB REPUBLIC OF EGYPT

The article deals with issues related to the regime of legal protection of a trademark in the Arab Republic of Egypt (hereinafter referred to as Egypt) on the basis of a comparative approach to the analysis of international legal regulations recognized by the state in this area in relation to the norms of national legislation in the field of intellectual property and legal protection of means of individualization of subjects of property turnover. In particular, the author concludes that the Egyptian legislator has created a complete system for the protection of intellectual property rights, and although this system is not optimal, it is still undergoing changes and modernization in an attempt to achieve an optimal structure for the protection of intellectual property objects, and thus minimize violations and violations of such rights.

Keywords: legislation of the Arab Republic of Egypt, legislation of the Arab States, national legal regime for the protection of means of individualization, international legal agreements, patent law, legal protection of intellectual property, trademark (trademark).

Мансур Мохаммад

Актуальность данной темы определяется тем, что законодательство арабских государств, как в целом, так и отдельных стран, представляет собой неотъемлемую часть мировых торгово-экономических отношений, элементом современной правовой культуры, без знания и учета которых невозможно позитивное развитие как внутренних, так и внешних экономических отношений, развитие продуктивного и взаимовыгодного глобального сотрудничества.

Правовая политика Египта касательно регулирования торгового оборота строится на основе Конституции Египта, законов и иных нормативных правовых актов страны, соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, а также обязательств, вытекающих из международных договоров Египта.

Закон об авторском праве Египта юридически определяет права создателей творческих и художественных произведений в соответствии с египетским законодательством. При этом, товарный знак - это знак, который идентифицирует услуги и / или товары определенного предприятия и отличает их от услуг или товаров конкурентов такого предприятия. Согласно международным договорам и египетским законам, товарные знаки должны быть отличительными и не вводить в заблуждение, чтобы их можно было зарегистрировать.

Существует ряд международных договоров, которые в основном регулируют общие стандарты охраны товарных знаков, предоставляемые их договаривающимися государствами Международные регистрационные системы для получения охраны товарных знаков («международные регистрационные системы»); Международные классификационные системы товарных знаков («классификационные системы»); и связанные с торговлей аспекты прав интеллектуальной собственности.

Общие стандарты регулируются Парижской Конвенцией, Договором о праве на товарные знаки, сингапурским договором и Найробийским договором.

В этой связи Египет является договаривающимся государством Парижской конвенции, Договора о праве на товарные знаки и Найробийского договора, стоит отметить, что Египет не делал никаких заявлений или оговорок в отношении Договора о праве на товарные знаки или Найробийского договора. Однако Египет заявил, что он не связан положениями пункта 1 статьи 28 Парижской конвенции, касающимися компетенции Международного суда в отношении любого спора между двумя или более договаривающимися государствами относительно толкования или применения Парижской конвенции. Необходимо обратить внимание на следующее:

– международные регистрационные системы регулируются мадридским соглашением, которое было заключено Егип-

том 1 июля 1951 года, и связанным с ним мадридским протоколом, который был заключен Египтом 3 сентября 2009 года;

- системы классификации регулируются Ниццким соглашением о международной классификации услуг и товаров для целей регистрации знаков («Ниццкое соглашение»); и Венским соглашением об установлении международной классификации образных элементов знаков («Венское соглашение»). В этой связи Египет связан только положениями Ниццкого соглашения. Однако Египет еще не присоединился к Венскому соглашению;

- связанные с торговлей аспекты прав интеллектуальной собственности в основном регулируются соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, которое является частью Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации.

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности определяет виды знаков, которые подлежат охране в качестве товарного знака или знака обслуживания, и минимальные права, которые должны быть приобретены их владельцами.

Товарные знаки, получившие широкую известность в той или иной стране, подлежат дополнительной правовой охране. Кроме того, соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности устанавливает ряд обязательств в отношении использования товарных знаков и знаков обслуживания, срока их охраны, а также их лицензирования или уступки. Египет является договаривающимся государством Соглашения по ТАПИС и не освобождается от применения любого из его положений и Мадридское соглашение о международной регистрации знаков 1891 года (в ред. от 02.10.1979), Протокол к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков 1989 года, Ниццкое соглашение о международной классификации изделий и услуг для регистрации знаков 1957 года, Венское соглашение о классификации изобразительных элементов знака 1973 года. Ряд положений об охране товарных знаков содержится и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года (ТРИПС)¹.

Регистрация товарных знаков в Египте происходит следующим образом. Для того чтобы товарный знак был зарегистрирован в Египте, в Управление по товарным знакам должен быть представлен ряд конкретных документов, подтверждающих право собственности на товарный знак, а затем указанные документы должны быть рассмотрены на следующих этапах экспертизы:

1) правовая экспертиза, включающая рассмотрение всех документов и данных с юридической точки зрения для обеспечения соответствия таких документов и данных египетским законам, включая, в частности, публичную политику.

2) техническая экспертиза, предполагающая проведение экспертизы с технической точки зрения для обеспечения того, чтобы товарный знак был отличительным и не вводил в заблуждение².

Отдельно следует указать каковы запрещенные товарные знаки в соответствии с египетским законодательством. Так, египетский законодатель в статье 63 Закона 2002 года № 82 «Об интеллектуальной собственности» (далее – Закон № 82) установил, что: «товарный знак является любым знаком, отличающим товары, будь то продукты или услуги, и включает в себя, в частности, названия, представленные отличительным образом, подписи, слова, буквы, цифры, конструкции, символы, указатели, штампы, печати, рисунки, гравюры, комбинацию отчетливо сформированных цветов и любую другую комбинацию этих элементов, если они используются или предназначены для использования, чтобы отличить продукцию конкретной про-

мышленности, сельскохозяйственного, лесного или горнодобывающего предприятия или любой товар, или для указания происхождения продукции или товаров, или их качества, категории, гарантии, процесса подготовки, или указать на предоставление какой-либо услуги. Во всех случаях товарным знаком является знак, узнаваемый на глаз».

Тем самым Закон № 82 запрещает регистрировать следующие знаки (обозначения) в качестве товарных знаков или их компонентов:

1) знаки, лишенные какого-либо отличительного признака или состоящие из знаков или утверждений, которые относятся к продуктам, или которые являются их обычным изображением или изображением.

2) любой знак, противоречащий общественному порядку или морали.

3) государственные гербы, флаги и другие эмблемы, относящиеся к государству или любому другому государству, региональным или международным организациям, а также любые их имитации.

4) знаки, идентичные или сходные с символами религиозного характера.

5) символы Красного Креста или Красного полумесяца, или любая другая эмблема того же характера, а также любые их имитации.

6) портрет какого-либо лица или его гербовые знаки, за исключением случаев, когда на то имеется его согласие.

7) присвоение почетных степеней, право на которые заявитель не может доказать.

8) знаки и географические указания, которые могут ввести в заблуждение или ввести в заблуждение общественность или которые содержат ложные описания происхождения товаров, будь то товары или услуги, или их других качеств, а также знаки, содержащие указание на вымышленное, имитированное или поддельное торговое наименование.

В правоприменительной практике возникают следующие вопросы: кто имеет право зарегистрировать товарный знак в Египте и можно ли зарегистрировать товарный знак, не имея штаб-квартиры или филиала в Египте, или заявитель должен иметь его.

Любое физическое или юридическое лицо может зарегистрировать свой товарный знак в Египте, независимо от того, является ли оно египтянином или иностранцем и осуществляет ли свою деятельность в стране или юридическом лице-члене Всемирной торговой организации или которое применяет взаимность с Египтом.

Вышеуказанные положения подтверждаются статьей 66 Закона № 82, которая гласит «без ущерба для положений международных конвенций, применяемых в Египте, любое физическое или юридическое лицо, египетское или иностранное, принадлежащее или имеющее штаб-квартиру в стране-члене Всемирной торговой организации или применяющее взаимность к Египту, имеет право зарегистрировать свой товарный знак в Департаменте Торгового реестра Египта с обеспечением прав в соответствии с положениями настоящего Закона»³.

Для регистрации товарного знака в Египте необходим следующий порядок действий и документов. Владелец торговой марки всегда стремится зарегистрировать свой товарный знак, чтобы гарантировать его исключительное право на его использование и не допускать недобросовестной конкуренции со стороны третьих лиц, поэтому, проверьте документы, необходимые для регистрации товарного знака в Египте следующим образом:

1) нотариально заверенная доверенность от компетентного нотариуса в стране товарного знака владельца, то сказал, что пакет документов должны быть легализованы, получены сертификаты от египетского консульства;

2) учредительный договор или коммерческий реестр компании, подлежащий легализации в египетском консульстве;

3) копия товарного знака;

1 Одинцов С.В., Мансур М. Особенности правового регулирования регистрации и охраны прав на торговую марку в ОАЭ // Современное право. 2019. № 10. С. 128-134. DOI 10.25799/NI.2019.51.50.002.

2 Dr. Hassan El Badrawi (2004-06-04). «Role of the Judiciary in the Enforcement of Intellectual Property Rights» (PDF) in Advisory Committee on Enforcement: Second Session. WIPO/ACE/2/6, Geneva: World Intellectual Property Organization. (дата обращения: 23.07.2020).

3 Закон об охране интеллектуальной собственности в Египте № 82 от 2002 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.du.edu.eg/upFilesCenter/qaap/1388160304.pdf> (дата обращения: 25.07.2020).

4) класс товарного знака (классы)⁴.

Однако египетский законодатель ограничивает выбор владельца знака для внесения этой поправки. То есть поправка никоим образом не должна затрагивать сущность знака или его идентичность, что логично в данном случае существенной поправки к знаку, где мы будем находиться в процессе новой регистрации другого знака, отличного от просто поправки.

Кроме того, владелец знака не может вносить изменения путем дополнения в отношении продукции, предназначенной для маркировки зарегистрированным знаком, поскольку это рассматривается как распространение охраны на другую отрасль продукции, не охваченную правовой охраной зарегистрированного знака. Что касается права владельца удалить часть этих продуктов, то это не должно наносить ущерба и, следовательно, может быть допустимо.

Решение органа коммерческой регистрации по этому вопросу выносится в соответствии с материальными условиями и решениями по первоначальным заявлениям о регистрации (статья 85 Закона № 82). На решение органа в этой связи распространяются положения, предусмотренные в возражении, возражении, апелляции и публикации, которые ранее были упомянуты в регистрационной записи соответствующего товарного знака.

Статьи 99 и 100 имплементационного регламента включают Положение «О внесении изменений в ранее зарегистрированный знак по просьбе его владельца». В статье 1/199 данного регламента постулировалось, что владелец зарегистрированного знака или любое лицо, действующее от его имени по специальной доверенности, может потребовать изменения знака или записи связанных с ним данных таким образом, чтобы это не повлияло на его личность. Заявление подается собственником или его представителем, имеющим специальную доверенность. Из этого видно, что законодатель устанавливает, что доверенность не должна быть общей, а должна быть специальной и прямо обозначать право на изменение данного знака. Второй абзац той же статьи добавляет, что заявление должно быть приложено с заверенными подтверждающими документами и с четырьмя экземплярами знака после внесения изменений или регистрации⁵.

При осуществлении этого египетский законодатель обязал орган коммерческой регистрации регистрировать сведения, связанные с отменой или изменением регистрации знака, либо вносить их в реестр и публиковать в официальном Вестнике. Издание включает в себя порядковый номер знака, имя его владельца и описание записей или изменений, внесенных в знак, со ссылкой на номер, дату и объем официального бюллетеня, в котором была опубликована Регистрация знака⁶. Для проведения поиска товарного знака срок получения отчетов о поиске составляет 10-14 рабочих дней.

Египет использует Международную классификацию товарного знака. Не существуют товары или услуги, для которых знак не может быть зарегистрирован, все товары, подпадающие под Ниццкую классификацию, могут быть защищены. Это зависит от класса целевых, а также указанных товаров или услуг ограничивает ли спецификация товаров какого-либо класса защиту указанных товаров или дает дополнительную защиту всем товарам данного класса.

Товарный знак может быть зарегистрирован на имя более чем одного заявителя (то есть совместной заявки). Для этого требуются документы, аналогичные требованиям к подаче еди-

ного заявления заявителем, отмечая, что легализованный пакет документов на имя заявителей предусмотрен.

Заявка может ли быть подана без ее полных документов за 6 месяцев. Египетское законодательство допускает многоклассовые заявки; если при регистрации выдается единый сертификат для всех классов, то такие заявки не рекомендуются из-за того, что задержка регистрации в одном классе приведет к задержке регистрации в других классах, поэтому этот тип подачи редко принимается. Может быть заявлен приоритет в соответствии с Парижской Конвенцией⁷. Срок охраны товарного знака 10 лет, с момента подачи заявки. Маркировка не является обязательной. В случае, если товарный знак не будет продлен в установленный срок, а другая компания регистрирует тот же товарный знак, может первоначальный владелец возражать против регистрации.

Каждая ошибка исправляется по-разному, ошибки, связанные с резким изменением формы знака, не могут быть исправлены и должна быть подана новая заявка, в то время как другие ошибки, связанные с информацией заявителя, могут быть исправлены с помощью руководства торговых знаков или свидетельства о регистрации заявителя.

Денежное вознаграждение должно быть включено в акт уступки. Можно оспорить заявку на товарный знак, при этом срок подачи возражения в двухмесячный срок со дня публикации в Официальном вестнике.

На протяжении многих лет Египет признает важность защиты прав интеллектуальной собственности и ее прямую связь с обеспечением здоровой окружающей среды для инвестиций. Помимо того, что Конституция Египта является одним из пионеров в деле принятия законодательства, защищающего права интеллектуальной собственности, она гарантирует защиту интеллектуальных и промышленных прав. Египетские законы и нормативные акты также направлены на защиту прав интеллектуальной собственности. Например, Декрет министра здравоохранения № (297) от 2009 года требует, чтобы владелец регистрации фармацевтического продукта подписал обязательство, подтверждающее соответствие египетскому Закону № (82) 2002 года⁸. Другой пример - Декрет министра внутренней торговли № 1 (43) 2016 года, подтверждающего необходимость регистрации товарных знаков в Генеральной организации экспортно-импортного контроля при ввозе отдельных видов продукции.

В любом случае регистрация товарного знака необходима для обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности в Египте. Владелец регистрации товарного знака вправе запретить другим лицам регистрировать или использовать идентичные или аналогичные товарные знаки посредством следующих действий⁹:

– возражение против регистрации аналогичного товарного знака. Несмотря на то, что любая заинтересованная сторона вправе возражать против регистрации товарного знака, шансы на успех в случае наличия регистрации товарного знака значительно выше;

– инициировать рейд против торговцев контрафактной продукцией (то есть продукцией, имеющей сходный или идентичный товарный знак);

– инициировать прямое нарушение правил имитации товарного знака в отношении торговцев контрафактной продукцией; и

– подать иск о компенсации понесенных убытков и упущенной выгоды в результате нарушения прав на товарный знак.

4 Защита вашей торговой марки и авторских прав в Египте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=1d9519d6-67e5-4bbf-80dd-01d935ac3064> (дата обращения: 28.07.2020).

5 Dr. Hassan El Badrawi (2004-12-01). «The Egyptian Intellectual Property Law: Main Features and Compatibility with International Standards» (PDF) in WIPO National Training Workshop on Intellectual Property for Diplomats. WIPO/IP/DIPL/CAI/04/2, Cairo: World Intellectual Property Organization. (дата обращения: 27.07.2020).

6 Судебные процедуры и стратегии: Египет: причины иска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldtrademarkreview.com/enforcement-and-litigation/litigation-procedures-and-strategies-egypt> (дата обращения: 27.07.2020).

7 Yasser OMAR AMINE, «Abrogeons l'article 148 du Code égyptien de la propriété intellectuelle (droit de traduction et droit d'auteur en Égypte)», Communication - commerce électronique. Nov 2011. № 11. Alerte 88. P. 2.

8 Dr. Hassan El Badrawi (2004-12-01). «The Egyptian Intellectual Property Law: Main Features and Compatibility with International Standards» (PDF) in WIPO National Training Workshop on Intellectual Property for Diplomats. WIPO/IP/DIPL/CAI/04/2, Cairo: World Intellectual Property Organization. (дата обращения: 27.07.2020).

9 Yasser OMAR AMINE, «Le droit international privé du droit d'auteur en Égypte : à la croisée des chemins», Revue Critique de Droit International Privé, janvier-mars 2013/1, pp. 75-100 (дата обращения: 24.07.2020).

Следует отметить, что хорошо известные товарные знаки пользуются особой и более широкой охраной в соответствии с египетскими законами. Несмотря на то, что нет никаких критериев для подтверждения статуса «хорошо известного», оценка товарных знаков и выполнение так называемых «хорошо известных» критериев находятся исключительно на усмотрении суда.

Что касается авторских прав, то как и товарные знаки, право собственности на защищенный авторским правом контент подтверждается либо первой публикацией, либо предварительным представлением. Авторское право в Египте делится на три раздела¹⁰.

1. Рисунки. К ним относятся мультяшные персонажи, творческие фигуры и художественные рисунки. Такой контент зарегистрирован в секторе изобразительного искусства при Высшем совете культуры.

2. Книги. Это включает в себя книги и сценарии. Эти книги зарегистрированы в Национальной библиотеке.

3. Программный код. Это в основном программный код и язык приложений или программного обеспечения. Программные коды регистрируются в Агентстве по развитию индустрии информационных технологий («ТИДА»).

Кроме того, агентство, ответственное за соблюдение авторских прав, зависит от копирайтного контента. В случае рисунков и книг ответственным органом является цензура художественных произведений. Между тем бюро расследований при содействии Института телевидения бизнеса и дизайна отвечает за обеспечение соблюдения авторских программных кодов.

Согласно Закону № 82 изобретение может быть запатентовано при выполнении определенных условий: - новшество; - изобретательский шаг; - возможность экономической эксплуатации¹¹.

Наибольший интерес представляет собой следующая египетская практика по спорам в отношении схожих товарных знаков. Так международная компания СТАРБАКС (StarbucksInternational) подала иск против регистрации торговой марки компании ФРУЗИ ЕГИПЕТ /FROZYEGYPT (далее - ФРУЗИ ЕГИПЕТ) ввиду подражания (схожести до степени смешения). ФРУЗИ ЕГИПЕТ использует слишком похожий товарный знак под названием КАСАБАКС. Надо отметить, что обе компании обладают технологиями в сфере общепита и большим количеством кофеен в разных точках мира. В начале марта 2015 года ФРУЗИ ЕГИПЕТ подает заявку на регистрации товарного знака КАСАБАКС за номером 315956, которая была одобрена решением национального патентного ведомства через год - в марте 2016 года. Компания СТАРБАКС подала в связи с этим жалобы в египетское Управление по товарным знакам на основании того, что она существует на рынке уже долгое время и обладает зарегистрированными средствами индивидуализации своих кофеен, вследствие чего не допускает третьим лицам использовать схожие обозначения, ввиду того, что это может негативно повлиять на репутации компания СТАРБАКС. 12-го декабря 2018 года египетское Управление по товарным знакам в заседании по рассмотрению указанной жалобы, заслушив мнения сторон, вынесло решение о возможности дальнейшего использования товарного знака КАСАБАКС, но при условии исправления обозначения в виде добавления слова КАСАБАКС на арабском алфавите рядом с английским (☉☉☉☉-Qasabuks)¹².

Выводы:

Египет занимает первое место среди арабских государств по количеству международных конвенций, к которым присоединились 11 государств из 24. Египетский законодатель создал целостную систему защиты прав интеллектуальной собственности, которая предполагает принудительное осуществление

прав охраны. Хотя египетская система правовой охраны является неоптимальной, поскольку все еще претерпевает значимые изменения и модернизацию в попытке достичь оптимальной структуры защиты объектов интеллектуальной собственности, и тем самым свести к минимуму нарушения таких прав и интересов правообладателей.

Следует отметить, что правовая охрана в соответствии с египетским законом об интеллектуальной собственности не ограничивается только зарегистрированными товарными знаками, поскольку она распространяется также на незарегистрированные товарные знаки и предоставляет владельцам известного товарного знака законное право защищать свой товарный знак, даже если товарный знак не зарегистрирован в Египте.

Пристатейный библиографический список

1. Закон об охране интеллектуальной собственности в Египте № 82 от 2002 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.du.edu.eg/upFilesCenter/qaar/1388160304.pdf> (дата обращения: 25.07.2020).
2. Ахмед Абд Алхади журнал Седьмой День. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youm7.com/story/2020/1/5/>.
3. Защита вашей торговой марки и авторских прав в Египте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=1d9519d6-67e5-4bbf-80dd-01d935ac3064> (дата обращения: 28.07.2020)
4. Одинцов С.В., Мансур М. Особенности правового регулирования регистрации и охраны прав на торговую марку в ОАЭ // Современное право. 2019. № 10. С. 128-134. DOI 10.25799/NI.2019.51.50.002.
5. Регистрация товарных знаков в Египте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.shandpartners.com/registration-trademarks-egypt/> (дата обращения: 26.07.2020).
6. Судебные процедуры и стратегии: Египет: причины иска. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldtrademarkreview.com/enforcement-and-litigation/litigation-procedures-and-strategies-egypt> (дата обращения: 27.07.2020).
7. Dr. Hassan El Badrawi (2004-06-04). «Role of the Judiciary in the Enforcement of Intellectual Property Rights» (PDF) in Advisory Committee on Enforcement: Second Session. WIPO/ACE/2/6, Geneva: World Intellectual Property Organization. (дата обращения: 23.07.2020).
8. Dr. Hassan El Badrawi (2004-12-01). «The Egyptian Intellectual Property Law: Main Features and Compatibility with International Standards» (PDF) in WIPO National Training Workshop on Intellectual Property for Diplomats. WIPO/IP/DIPL/CAI/04/2, Cairo: World Intellectual Property Organization. (дата обращения: 27.07.2020).
9. Yasser OMAR AMINE, «Le droit international privé du droit d'auteur en Égypte : à la croisée des chemins», Revue Critique de Droit International Privé, janvier-mars 2013/1, pp. 75-100 (дата обращения: 24.07.2020).
10. Yasser OMARAMINE, «Abrogeons l'article 148 du Code égyptien de la propriété intellectuelle (droit de traduction et de droit d'auteur en Égypte)», Communication - commerce électronique. Nov 2011. № 11. Alerte 88. P. 2.

10 Регистрация товарных знаков в Египте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.shandpartners.com/registration-trademarks-egypt/> (дата обращения: 26.07.2020).

11 Защита вашей торговой марки и авторских прав в Египте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=1d9519d6-67e5-4bbf-80dd-01d935ac3064> (дата обращения: 28.07.2020).

12 Ахмед Абд Алхади. Журнал Седьмой День. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youm7.com/story/2020/1/5/>.

РЫБИН Михаил Владимирович

доктор технических наук, заведующий кафедрой управления инновациями МИЭП МГИМО (У) МИД России

ГУЛИЕВ Игбал Адилевич

кандидат экономических наук, заместитель директора МИЭП МГИМО (У) МИД России

ЛОБОВ Даниил Сергеевич

магистрант кафедры управления инновациями МИЭП МГИМО (У) МИД России

НЕОБХОДИМОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ УЧАСТИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОРПОРАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ВЕНЧУРНОГО РЫНКА

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России «75-лет МГИМО» на выполнение научной работы «Исследование и разработка рекомендаций по организации эффективного взаимодействия отечественных и зарубежных государственных структур и нефтегазовых корпораций в инновационной сфере» молодыми исследователями под руководством докторов наук

Международный опыт показал, что уже в течение длительного срока нефтегазовые корпорации активно применяют инструменты венчурного инвестирования для реализации долгосрочных высокорисковых инновационных проектов. Данный подход позволяет раскрыть предпринимательский потенциал стартапов, малого сектора экономики в области разработки высокотехнологичных решений. Несмотря на это, практика венчурного инвестирования очень редко осуществляется отечественными нефтегазовыми корпорациями. Высокий уровень осознанности необходимости научно-технического развития не приводит к принятию управленческих решений в области финансирования инноваций. Учитывая изначальную роль государства в формировании российского венчурного рынка и высокое налоговое давление на корпорации, ожидается разработка новых правительственных мер поддержки нефтегазовых компаний с государственным участием с целью повышения доли венчурного капитала.

Ключевые слова: венчурное инвестирование, инновационное развитие, нефтегазовая отрасль.

RYBIN Mikhail Vladimirovich

Ph.D. in technical sciences, Head of Innovation management sub-faculty of the MIEP MGIMO (U) of the MFA of Russia

GULIEV Igbal Adilevich

Ph. D., Deputy Director of the MIEP MGIMO (U) of the MFA of Russia

LOBOV Daniil Sergeevich

magister student of Innovation management sub-faculty of the MIEP MGIMO (U) of the MFA of Russia

THE NEED FOR STATE SUPPORT FOR THE PARTICIPATION OF OIL AND GAS CORPORATIONS IN THE FORMATION OF THE VENTURE MARKET

International experience has shown that for a long time, oil and gas corporations have been actively using venture investment tools to implement long-term high-risk innovative projects. This approach allows you to reveal the entrepreneurial potential of startups, a small sector of the economy in the development of high-tech solutions. Despite this, the practice of venture investment is very rarely carried out by domestic oil and gas corporations. A high level of awareness of the need for scientific and technological development does not lead to management decisions in the field of financing innovations. Given the initial role of the state in the formation of the Russian venture capital market and the high tax pressure on corporations, it is expected to develop new government measures to support oil and gas companies with state participation in order to increase the share of venture capital.

Keywords: venture investment, innovative development, oil and gas industry.

Устойчивое развитие отечественной нефтегазовой отрасли, играющей ведущую роль в формировании государственного бюджета, является одной из основных государственных задач. В условиях растущей конкурентной среды на мировом энергетическом рынке растут как внешние, так и внутренние риски долгосрочного развития. Нивелирование рисков достигается в том числе благодаря активному внедрению инновационных решений на всех этапах жизненного цикла производства. Сегодня создаются необходимые условия для достижения технологической независимости и повышения конкурентоспособности отечественных нефтегазовых корпораций¹.

Инновационная деятельность нефтегазовых корпораций реализуется на основании управленческих решений руководства в области стратегического развития компании. Основным источником инновационного развития выступает бюджет НИОКР, за счет которого финансируются исследования и разработки. Данный метод инвестирования в инновации корпорации является традиционным и осуществляется на всех крупных предприятиях. Для мотивации руководства к активному инвестированию традиционными методами государство реализует ряд мер поддержки, который в целом включает одинаковый набор инструментов в большинстве стран. Так, например, создана система налоговых льгот, определены условия ускоренной амортизации оборудования, предоставляют-

1 Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительством Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р.

Таблица 1. Объем венчурных сделок в Европе за 2019 год (млрд долл.)*

Энергетика	0,5
ИТ	0,2
Здравоохранение	1,9
Сектор услуг и сервисов для бизнеса	0,9
Потребительские товары и услуги	0,7

Таблица 2. Венчурные портфели мировых нефтегазовых корпораций

Компания	Портфель	Направления
Chevron	Microfabrica, Maana, Foro Energy ...	Новые материалы, альтернативная энергетика, ИТ, нефтедобыча
BP	Advanced Beyond Limits, Saltworks Technologies...	Новые материалы, ИТ, устойчивое развитие
Royal Dutch Shell	Airborne Oil and Gas, Bluware, Quantico Energy Solutions ...	Нефтедобыча, ИТ, альтернативная энергетика устойчивое развитие
Total S.A.	Circular, Chargetrip, PEG Africa....	Информационные технологии, альтернативная энергетика

ся субсидии, налоговые кредиты на осуществление значимых проектов².

Несмотря на это, на данный момент большинство крупнейших отечественных нефтегазовых компаний выделяет менее 0,4 % от выручки на НИОКР, значительно отставая по масштабам инвестиций в инновации от конкурентов из США, Европы и Азии³. Сложившаяся ситуация недофинансирования НИОКР может привести к возникновению значительных стратегических рисков, ведущих к снижению экономической безопасности страны.

Для повышения финансирования научно-исследовательской деятельности нефтегазовых корпораций возможно применение нетрадиционных методов инвестирования, прежде всего инструмента венчурного инвестирования. Венчурный капитал - это форма частного капитала и вид финансирования, в рамках которого инвесторы предоставляют стартовый капитал стартапам и малым предприятиям, имеющим долгосрочный потенциал роста. К венчурному инвестированию прибегают крупные фонды, банки и корпорации для поддержки перспективных, но высокорисковых проектов.

Сегодня нефтегазовые корпорации Европы и Северной Америки являются активными участниками венчурного рынка.

Практика венчурного инвестирования применяется в таких компаниях как Chevron⁴, ExxonMobil⁵, Total S.A.⁶, Royal

Dutch Shell⁷, BP⁸ и т.д. Данные нефтегазовые корпорации поддерживают широкий портфель проектов: помимо традиционных разработок по добыче и переработке, они финансируют решения для применения в смежных или абсолютно иных областях экономической деятельности.

Венчурное инвестирование является эффективным инструментом поддержки перспективных отраслей, имеющих стратегическое значение в будущем, в связи с этим значительно выросла доля «экологических» стартапов, посвященных разработке альтернативных источников энергии, устойчивому развитию и новым материалам, в числе проектов венчурных фондов в области нефти и газа.

В России на данный момент практика применения инструментов венчурного инвестирования в инновационные нефтегазовые проекты только формируется, несмотря на то, что в России высок уровень осознанности как инвесторов, так и специалистов о роли венчурного капитала в увеличении эффективности привлечения финансирования в первые этапы разработки наукоемких проектов.

Одним из предприятий нефтегазовой отрасли, активно сотрудничающим с внешними источниками получения инноваций, является компания ПАО «Газпром нефть», создавшая в 2019 году совместно с ГПБ (АО), РВК и «ВЭБ Инновации» венчурный фонд «Новая индустрия». Целью данного фонда является поддержка технологических компаний, специализирующихся на разработке новых материалов, технологий, продуктов и сервисов для нефтегазовой отрасли, нефтегазохимии и энергетики, в том числе — альтернативной.

Деятельность ПАО «Газпром нефть» должна стать положительным опытом участия крупной добывающей компании в венчурном инвестировании, примером для других корпораций. Согласно Стратегии развития рынка венчурных и прямых инвестиций в Российской Федерации на период до 2025 года и на дальнейшую перспективу до 2030 года одним из индикаторов достижения поставленных целей является увеличение объема капитала корпоративных венчурных

* Отчет «Венчурная Россия 2019», Dsight.

2 Никулина О. В., Сердюк А. А. Налоговое регулирование инновационной деятельности как фактор развития системы государственной поддержки инновационного предпринимательства // Финансы и кредит. - 2016. - № 27 (699). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovoe-regulirovanie-innovatsionnoy-deyatelnosti-kak-faktor-razvitiya-sistemy-gosudarstvennoy-podderzhki-innovatsionnogo-predprinimatelstva>.

3 Лобов Д. С. Оценка инвестиционной и патентной активности отечественных и зарубежных нефтегазовых, нефтехимических компаний в рамках реализации энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года // Дружковский вестник. - 2020. - Т. 5. - № 38.

4 Официальный сайт Chevron. Chevron technology ventures. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.chevron.com/technology/technology-ventures>.

5 Официальный сайт ExxonMobil. Exxonmobil is scouting for a few good startups. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://energyfactor.exxonmobil.com/science-technology/scouting-for-startups/>.

6 Официальный сайт Total S.A. Total Carbon Neutrality Ventures. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.ventures.total/en/portfolio>.

7 Официальный сайт Royal Dutch Shell. Shell Ventures. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.shell.com/energy-and-innovation/new-energies/shell-ventures.html>.

8 Официальный сайт BP. BP ventures. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.bp.com/en/global/corporate/what-we-do/bp-ventures.html>.

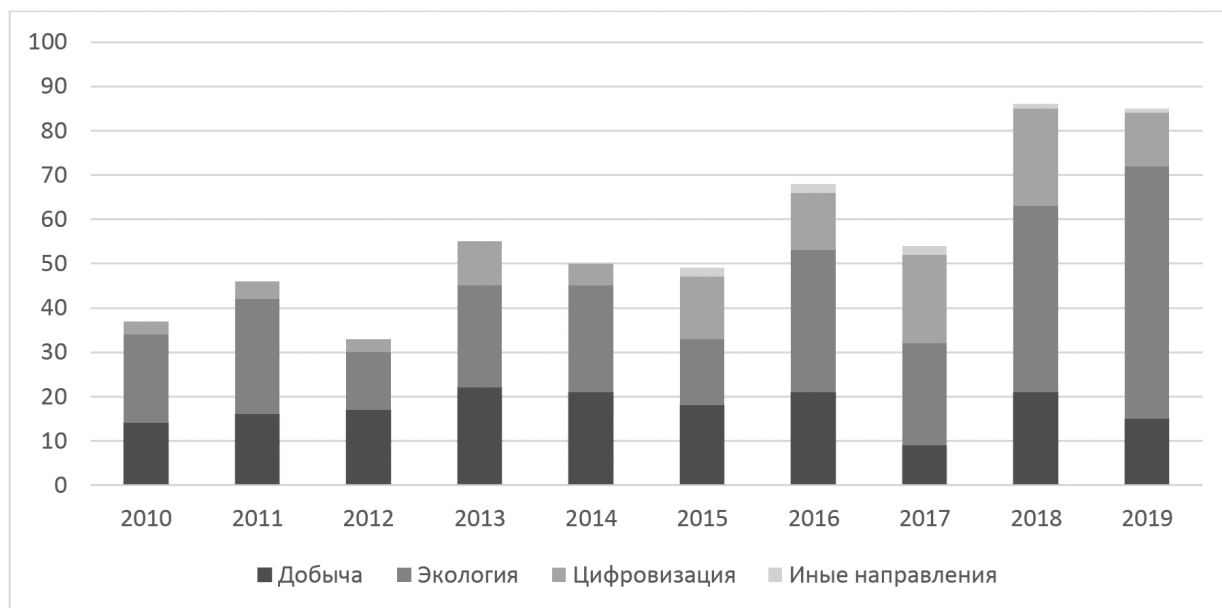

Рисунок 1. Количество стартапов в области нефти и газа, поддержанных крупными венчурными фондами**

фондов и инвестиций корпораций до 470 млрд. рублей к 2025 году (то есть на 420 млрд. рублей по отношению к 2017 году) и до 1 трлн. рублей к 2030 году.

К сожалению, на данный момент не удается достичь высокого уровня активности корпораций, что подтверждается аналитиками Российской венчурной компанией (РВК). В 2019 году доля крупнейших российских компаний в развитии венчурного капитала составила лишь 15 % при этом участия нефтегазовых корпораций практически не наблюдалось⁹.

Государство является основным драйвером развития венчурного инвестирования в России. Сама история рынка началась в 2000 году с запуска Министерством промышленности, науки и технологий России Венчурного инвестиционного фонда с капиталом в 10 млн долларов США. При поддержке государства была создана Российская венчурная компания – ключевой институт поддержки и развития российского рынка венчурного капитала. В 2010 году был создан Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий – Фонд Сколково, современный научно-технологический инновационный комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий.

Очевидно, что текущее недофинансирование НИОКР и низкий уровень активности в области венчурного инвестирования корпораций обуславливают необходимость активного участия государства в формировании благоприятных условий развития инноваций в области нефти и газа. Тем более, что нефтегазовая отрасль является основным источником финансирования бюджета. На данный момент российские добывающие, перерабатывающие и нефтехимические компании находятся под значительным налоговым давлением. Овчар О. В., предлагая новые подходы к налоговому регулированию нефтегазовой отрасли, отмечает особенности теку-

щей системы, создающей препятствия для инновационного развития, в том числе в связи с большой налоговой нагрузкой: согласно исследованию, общая величина изъятий из выручки в добывающем сегменте, без учета льгот, в России превышает 70 % против 37 % у ведущих мировых нефтегазовых компаний.

Для повышения заинтересованности крупного бизнеса в развитии венчурного инвестирования возможно выделение целевых средств из государственного бюджета, складывающегося в большей степени за счет налоговых поступлений от нефтегазовых компаний с большой долей государственного участия.

Пристатейный библиографический список

1. Гулиев И. А., Мехдиев Э. Т. Анализ порядка доступа объектов нефтедобычи и нефтепереработки к системам трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов в Великобритании // Интернет-журнал Науковедение. - 2016. - Т. 8. - № 5 (36). - С. 16.
2. Никулина О. В., Мирошниченко О. В. Сравнительный анализ особенностей финансирования инновационной деятельности компаний нефтегазового комплекса в мировой экономике // Финансовая аналитика: проблемы и решения. - 2016. - № 32 (314). - С. 23-39.
3. Guliev I. A., Mekhdiev E. T. The role of fuel and energy sector in the eurasian economic community integration process // International Journal of Energy Economics and Policy. - 2017. - Т. 7. - № 2. - С. 72-75.

** Новостной портал HIS Markit. 2019 oil and gas corporate venture capital investments in cleantech startups at record high. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ihsmarkit.com/research-analysis/2019-oil-and-gas-corporate-venture-cleantech-investments.html>.

⁹ Овчар О. В. Совершенствование налогового регулирования нефтегазового сектора в Российской Федерации: автореферат дис. кандидата экономических наук: 08.00.10 / Овчар Олег Валентинович; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Ростов-на-Дону, 2017. - 26 с.

ВРАЖНОВ Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы бизнеса, менеджмента и права (на правах института) Российского государственного университета туризма и сервиса

САБИЕВ Сулиман Шамсудинович

старший преподаватель кафедры криминального права Российского нового университета

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В научной литературе имеется множество публикаций, посвященных понятию, значению и видам институтов гражданского общества. Однако в указанных трудах основное внимание акцентируется на доктринальной тематике, а конкретные объединения людей и их производные составляющие, существующие в Российской Федерации, как правило, остаются за пределами исследований. Основываясь на исследованиях ряда ученых, материалах журналистов и личном практическом опыте сделаны следующие выводы: основополагающими институтами гражданского общества в Российской Федерации являются некоммерческие организации, средства массовой информации, объединения исследователей, а также различные формы общественной активности, ориентированные на реализацию прав и свобод человека и гражданина; в перспективе, институты гражданского общества отчасти видоизменятся и усилят свое влияние на властные структуры.

Ключевые слова: гражданское общество, институт гражданского общества, объединения людей, некоммерческие организации, средства массовой информации, объединения исследователей, формы общественной активности.

VRAZHNOV Aleksey Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Graduate school of business, management and law (rights Institute) of the Russian State University of Tourism and Service

SABIEV Suliman Shamsudinovich

senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Russian New University

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

In the scientific literature there are many publications on the concept, meaning and types of institutions of civil society. However in these works, the focus is on doctrinal topics, and specific associations of people and their derivatives, existing in the Russian Federation, as a rule, remain outside the scope of research. Based on the research of a number of scientists, materials of journalists and personal practical experience, the following conclusions are made: the fundamental institutions of civil society in the Russian Federation are non-profit organizations, the media, associations of researchers, as well as various forms of social activity focused on the implementation of human and civil rights and freedoms; in the future, the institutions of civil society will partly change and strengthen their influence on the power structures.

Keywords: civil society, institute of civil society, associations of people, non-profit organizations, mass media, associations of researchers, forms of social activity.

В условиях, сформировавшихся в последние десятилетия нигилистических взглядов у населения страны¹, обусловленных отсутствием реальной конкуренции во власти², неэффективностью государственной экономической полити-

ки³, низким уровнем социальных гарантий⁴ и не востребова-

1 Вражнов А.С. Правовой нигилизм – естественное состояние современного российского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 42-44.

2 Свершившиеся антиправовые конституционные изменения в июле 2020 г., облеченные в форму общероссийского голосования, привели к окончательному закреплению негативных антидемократических тенденций в общественной жизни страны, выражающихся в официальном закреплении следующих основных постулатов, присущих сформировавшемуся авторитарному политическому строю: несменяемости ныне действующего руководителя государства, фактической невозможности обжалования действий (бездействия) и решений органов государственной (муниципальной) власти в международных судебных инстанциях, утрате самостоятельности местного самоуправления.

3 Как показала санкционная практика последних лет, многомиллиардные денежные поступления от нефтегазовых сверхдоходов в федеральный бюджет в 2007-2014 гг. необходимо было вкладывать не в создание государственных корпораций, не в проведение грандиозных спортивных мероприятий (Зимние Олимпийские игры 2014, Чемпионат мира по футболу 2018), не в имитационные модернизационные проекты (в частности, Инновационный центр «Сколково») и не осуществлять их хранение в Фонде национального благосостояния, а инвестировать в восстановление производственно-технологической сферы в субъектах Российской Федерации, что позволило бы уже к настоящему времени за счет повышения объемов выпуска соответствующей продукции заместить резко снизившиеся доходы от продажи углеводородов в структуре бюджетных поступлений.

4 Во многих субъектах Российской Федерации, в условиях настойчиво проводимой оптимизации расходов на социальную сферу, продолжает снижаться доступность дошкольного, общего образования и медицинской помощи. Кроме этого, несмотря на декларируемые в российских нормативно-правовых актах меры по социальной поддержке различных групп населения, в стране сохраняются крайне низкие показатели минимального размера

ностью морально-нравственных и (или) религиозных норм⁵, многие ученые-правоведы в своих научных публикациях обращаются к теме гражданского общества в России.

Понятие «гражданское общество» зародилось во времена античности и «восходит своими корнями к идее полиса Платона и Аристотеля (*koinoia politike* – гражданское общество), *societas civilis* Цицерона и идеям естественного права»⁶. В средневековье, в условиях усиления роли церкви произошло разграничение понятий «общество» и «государство», нашедшее отражение в трудах Аврелия Августина и Фомы Аквинского, в обиходе в тот период времени употреблялось словосочетание «*societascivili ssverespublica*», под которым понималась фактически любая форма социально-политической организации – от феодального уклада до средневековых государственно-политических образований. В эпоху Возрождения стало уделяться внимание частной сфере жизни общества (труд, семья, удовлетворение личных потребностей и пр.), в трудах отдельных исследователей (в частности, Никколо Макиавелли) стали переосмысливаться взаимоотношения конкретного человека и государства. В современном смысле понятие «гражданское общество» сформировалось в эпоху Просвещения, когда центральное место в научных дискуссиях, а именно – в работах Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Луи Монтескье, Жан-Жака Руссо, стало уделяться роли личности в обществе и государстве, пределам человеческой свободы и естественному праву⁷.

В российской политико-правовой мысли идеи гражданского общества появились лишь в XIX в., и получили свое выражение в трудах М.А. Бакунина, К.М. Коркунова, П.А. Кропоткина, Б.Н. Чичерина и иных исследователей⁸. Вплоть до революционных событий в 1917 г., российские правоведы и государствоведы (в частности, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Кошкин, В.М. Хвостов, Г.Ф. Шершеневич) развивали учение о гражданском обществе: предлагали терминологию, уточняли содержание, оценивали взаимосвязь с государством и его

институтами, определяли роль каждого индивида в социально-правовой общности⁹.

В период времени с 1917 по 1985 гг. тема гражданского общества не рассматривалась в официальной научной печати, но отдельные вопросы взаимодействия государства и общества, реализации прав и свобод человека и гражданина неоднократно обсуждались в самиздатских сборниках¹⁰.

Вновь к исследованию гражданского общества, как определенной системы самоорганизации людей, отечественные исследователи вернулись лишь с началом экономических и политических реформ в СССР, инициированных М.С. Горбачёвым¹¹.

За прошедшие десятилетия в исследовательской среде так не сложился единый подход к определению понятия «гражданское общество» и его содержательной характеристике. В настоящее время существует множество дефиниций данной межнаучной категории, выражающих абстрактную и конкретную природу, объединяющих и разграничивающих с иными явлениями и институтами общественной жизни, а также определяющих ее значение для каждого человека.

В качестве отдельных примеров определений вышеназванного понятия, которые содержатся в монографической и периодической юридической литературе, процитируем следующие:

1) гражданское общество – это «общество сознательных граждан и активных участников общественных процессов; в нем существует внутреннее единство во имя стратегических социальных и политических целей, когда нет условий неприемлимой конфликтности различных общественных слоев, групп, сил; предполагается наличие общественных дел и самостоятельных общественных механизмов управления ими; общество не противопоставляется государству, а исходит из потребности в конструктивном взаимодействии с ним; общество проявляет максимальное внимание к человеку, его личным заботам и проблемам, воспитывает граждан в духе сочетания индивидуальных и общественных интересов»¹² (С.А. Авакьян);

2) «гражданское общество можно кратко определить как систему негосударственных организаций, объединений, учреждений, институтов, политических партий, профессиональных и иных союзов, других неправительственных структур, взаимодействующих с официальной властью на равноправной основе»¹³ (Н.И. Матузов);

3) «гражданское общество представлено системой социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать»¹⁴ (К.А. Струсь);

оплаты труда (12 130 рублей), минимальной величины пособия по безработице (1500 рублей), размера государственной академической стипендии для студентов, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования (539 рублей и 1484 рубля) и пр.

5 В условиях отсутствия в Российской Федерации национальной идеи, объединяющей большинство населения страны, усугубленной агрессивной пропагандой низменных ценностей в средствах массовой информации, фальсификацией исторических событий, противоречащих официальной точке зрения властей, а также миграции наиболее активной части интеллигенции, произошло нивелирование общепризнанных морально-нравственных и религиозных норм.

6 Грудцына Л.Ю. Свобода личности и гражданское общество в России // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1. С. 58.

7 Белолобская Г.С. Эволюция представлений о гражданском обществе в истории политической мысли // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История, Политология, Право. 2016. № 1. С. 29-38; Вершинин А.А. Становление гражданского общества на Западе: история и осмысление // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 2. С. 53; Доманов В.Г. Исторические формы существования гражданского общества // Философия права. 2008. № 6 (31). С. 64-68.

8 См.: Боярских А.В. Этапы становления теоретических концепций гражданского общества // Административное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 16; Никитина Е.Е. Развитие идеи гражданского общества в трудах российских правоведов конца XIX – начала XX в. // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 31-33.

9 См.: Никитина Е.Е. Указ. соч. С. 35–39.

10 В частности, проблематика гражданского общества была затронута в самиздатском сборнике «Из-под глыб» (статьи А.И. Солженицына, И.Р. Шафаревича и иных диссидентов).

11 В указанные годы, помимо научных работ, вопросы построения гражданского общества активно обсуждались в средствах массовой информации, а именно: в газетных заметках (наиболее известной является статья Н. Андреевой, адресованная властям) и в телевизионных передачах (например, «Взгляд», «600 секунд»). См.: Андреева Н. Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 1988. 13 марта. №60. С. 3.

12 Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 441.

13 Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2011. С. 104.

14 Малько А.В., Струсь К.А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (обзор материалов

4) «гражданское общество есть сфера формирования, существования и развития опосредуемых политической и, в конечном итоге, государственной властью общезначимых интересов и отношений в жизни частных лиц»¹⁵ (Л.Ю. Грудцына, С.М. Петров).

Применительно к теме нашего исследования, наиболее удачным представляется следующая общераспространенная дефиниция: гражданское общество – это «совокупность институтов гражданского общества»¹⁶.

В свою очередь, институтом гражданского общества, соглашаясь с Ю.А. Тихомировым, можно считать «обусловленный конституционными принципами народовластия и приоритета прав и свобод человека и гражданина структурно-правовой способ легального самовыражения и социализации личности; способ непосредственного выражения мнений, предложений, позиций граждан по вопросам общественной жизни; способ прямого участия в принятии социально значимых решений»¹⁷.

Основными институтами гражданского общества принято считать следующие объединения людей и их производные составляющие: политические партии, общественные организации и движения, профессиональные и творческие союзы, некоммерческие организации, в т.ч. и религиозные, формы непосредственного волеизъявления граждан (референдум, выборы) и иные формы общественной активности (собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования и др.), в т.ч. и ситуационные, средства массовой информации, местные сообщества, общественные советы при органах государственной и муниципальной власти, трудовые коллективы, семьи (роды, кланы)¹⁸.

Среди различных критериев отнесения какого-либо объединения людей или его производного составляющего к институту гражданского общества¹⁹, определяющими следует признать возможность влияния на принятие управленческих решений, а также политическую независимость и экономическую самостоятельность. В современных российских реалиях, лишь отдельные институты гражданского общества соответствуют указанным критериям.

К их числу, на наш взгляд, следует отнести: некоммерческие организации, средства массовой информации, объединения исследователей, а также различные формы общественной активности, ориентированные на реализацию прав и свобод человека и гражданина²⁰.

Некоммерческие организации, в условиях отсутствия в России эффективной государственной политики, направленной на обеспечение действия конституционных норм, фактически являются важнейшим институтом гражданского общества. Создаваемые для достижения социальных, благотворительных, культурных и иных целей, некоммерческие организации, принимая ответственность за ситуацию в стране, добровольно возлагают на себя функции государственных (муниципальных) органов власти, осуществляя помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, выполняя просветительскую работу, оказывая безвозмездную юридическую помощь и т.д.²¹ Особое место занимают правозащитные организации, которые способствуют раскрытию фактов коррупции в высших эшелонах власти, обеспечивают контроль объективного подсчета голосов на выборах различного уровня и занимаются иными видами деятельности, фактически не реализуемыми политическими партиями²². В последние годы в стране наметилась крайне негативная тенденция со стороны институтов власти, направленная на систематическое противодействие независимым некоммерческим организациям различной правозащитной направленности²³, влекущая за собой уменьшение возможностей реальной защиты прав и свобод конкретного человека в судебных спорах с государством.

Средства массовой информации (СМИ), несмотря на существующую самоцензуру, присущую многим ведущим телерадиовещания и авторам печатных изданий²⁴ при освещении злободневных вопросов жизни страны (отдельного субъекта Российской Федерации, муниципального образования), продолжают оставаться значимым институтом гражданского общества²⁵. Официальные средства массовой

мателей», Общественная палата Российской Федерации, религиозные организации, на наш взгляд, зависят от органов государственной (муниципальной) власти, ориентированы на предпринимательскую деятельность, решают малозначительные вопросы. См.: Воробьева Ю.Ю. Религиозные организации как институт гражданского общества: особенности правового статуса // Административное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 865; Галкина Е.В. Гражданские форумы как форма развития гражданского общества в современной России // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 44. С. 212-219; Грудцына Л.Ю., Дмитриев Ю.А. Институты гражданского общества в полицейском государстве: особенности российского симбиоза // Государство и право. 2011. № 5. С. 20; Киселева А.М. Местное сообщество как основа формирования гражданского общества в России // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2007. № 1. С. 66-67; Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю., Трубников В.И. Формирование гражданского общества в России: концептуальный аспект // Современное право. 2013. № 5. С. 14.

21 Наиболее известной российской некоммерческой организацией, в т.ч. и за рубежом, можно считать Благотворительный фонд им. Елизаветы Глинки «Доктор Лиза».

22 Например, Ассоциация некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей «ГОЛОС», Некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» и др.

23 Данное противодействие заключается в необоснованном привлечении к административной и уголовной ответственности руководителей некоммерческих объединений, включении юридических лиц в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, проведении органами государственной (муниципальной) власти необоснованных проверок деятельности отдельных организаций и т.д.

24 Наиболее характерна самоцензура для региональных и местных средств массовой информации, которые в условиях недостатка финансирования становятся зависимыми от власти и представителей бизнеса.

25 Потенциал средств массовой информации заключается в следующем: стандарты деятельности СМИ основаны на классических конституционных идеалах свободы слова и плюрализма; СМИ

Всероссийского научно-практического «круглого стола» // Государство и право. 2011. №9. С. 113.

15 Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Государство и право. 2012. № 6. С. 9.

16 Никитина Е.Е. Институализация гражданского общества в России: историко-теоретический аспект // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 38.

17 Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. №10. С. 39.

18 См.: Грудцына Л.Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Современное право. 2007. № 12-1. С. 23-24; Никитина Е.Е. Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2017. С. 44-45; Тихомиров Ю.А. Указ. соч.

19 См.: Усватов И.С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Проблемы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 83.

20 Иные, выделяемые в научной литературе институты гражданского общества в стране, например, гражданские форумы, местные сообщества, Общероссийское общественное движение «Народный фронт «За Россию», Общероссийская общественная организация «Российский союз промышленников и предприни-

информации ориентированы на международную повестку дня, а внутренние проблемы Российской Федерации ими зачастую замалчиваются и, как правило, объективные данные о реальном положении дел в стране содержатся лишь на различных независимых порталах в сети Интернет²⁶. Отдельного внимания, среди средств массовой информации, заслуживает авторское кино, в котором наглядным, художественным образом демонстрируется жизнь обычных людей в российской глубинке и их взаимоотношения с должностными лицами различных органов власти, работниками медицинских, образовательных и социальных учреждений, служащими религиозного культа²⁷. В целом, самостоятельные средства массовой информации, освещающие актуальные темы защиты прав и свобод конкретного человека (группы людей), как и аналогичные им некоммерческие организации, находятся под постоянным давлением административного ресурса, присущего институтам власти.

Объединения исследователей, учитывая еще сохраняющуюся в высших учебных заведениях и научных организациях академическую свободу, являются специфическим институтом гражданского общества, особенности которого заключаются в возможности обсуждения в данных кругах различных теоретических концепций и практических положений, зачастую неофициально не рекомендуемых властью к публичному рассмотрению кроме сообществ специалистов²⁸. Среди исследовательских объединений, которые имеют реальную возможность оказывать влияние на принятие государственных (муниципальных) решений, можно выделить: общественные творческие научные организации²⁹, научные школы³⁰ и разовые (периодические) творческие союзы отдельных ученых³¹. Вместе с тем, результаты научных изы-

сканий большинства объединений исследователей остаются неизвестными широкому кругу заинтересованных лиц, т.к. публикуются в различных безымянных сборниках заочных конференций или аналогичных им журналах и распространяются лишь среди авторов данных статей.

Собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования и иные публичные мероприятия³², проводимые по различным вопросам жизни страны, являются формой прямого волеизъявления мнения народа, оставшейся доступной в условиях фактической невозможности проведения референдума в России, и как следствие – наиболее непосредственным институтом гражданского общества. В последнее время, характерной чертой большинства форм общественной активности является неготовность людей мириться с конкретными незаконными или несправедливыми решениями, а также с антисоциальными высказываниями отдельных представителей органов государственной (муниципальной) власти³³. Следует признать, что все чаще гражданские активисты сталкиваются с недружелюбным отношением к ним властей всех уровней, в т.ч. и при проведении санкционированных мероприятий, а также становятся объектом манипуляции со стороны различных политических сил, которые стремятся использовать народное недовольство для повышения своего рейтинга.

Изложенная характеристика современного состояния основных объединений людей и их производных составляющих в России, позволяет нам предположить, что при сохранении сложившейся конъюнктуры на территории страны и за ее пределами, институты гражданского общества будут иметь следующие последовательные тенденции развития.

Во-первых, нарастание противостояния между властными структурами и большинством институтов гражданского общества, которое будет выражаться, с одной стороны, в стремлении полностью подчинить интересам государства все объединения людей и их производные составляющие, в т.ч. и с помощью квазиобщественных организаций, а с другой

созданы для формирования атмосферы результативной публичной дискуссии; коллектив сотрудников СМИ представляет собой группу профессионалов по работе с общественно значимой информацией; редакции СМИ и журналисты располагают дополнительными гарантиями защиты; СМИ вправе проводить журналистские расследования. См.: Шевурдяев С.Н. Потенциал средств массовой информации как института общественного антикоррупционного контроля // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 144–146.

- 26 Имеются и исключения, например, российское общественно-политическое издание – «Новая газета», в т.ч. издаваемое и типографским способом.
- 27 В частности, к числу данных кинофильмов относятся: «Дурак», «Завод», «Жить», «Язычники» и др.
- 28 Например, в рамках криминалистических изысканий такими вопросами являются: конкретные алгоритмы совершения определенных преступлений и методика их выявления, особенности специального программного обеспечения, применяемого правоохранительными органами и др.
- 29 В качестве примера можно привести Российскую академию естественных наук (РАЕН), которая объединила ученых всех направлений – естествоиспытателей, создателей наукоемких технологий и гуманитариев, движимых общим стремлением способствовать самовыражению, творческой личности, развитию образования, расширению фундаментальных и прикладных научных исследований». См.: Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю., Трубников В.И. Указ. соч.
- 30 Мы в целом разделяем скептическое отношение к научным школам (в т.ч. и юридической направленности), которое основано на: исчерпанности большинства тем, над которыми представители данных творческих объединений продолжают работу на протяжении нескольких десятков лет, негативном влиянии магистров ученых на проблематику изучаемых проблем молодыми исследователями, а также в целом на их бюрократизации и коммерциализации.
- 31 Как правило, данные творческие объединения формируются для совместного обсуждения одной или нескольких взаимосвязанных научных проблем и последующей публикации полученных результатов.

32 Например, публикация гражданских инициатив в сети «Интернет», создание общественных комиссий, осуществляющих контроль выполнения органами власти и должностными лицами выдвинутых требований населения, формирование параллельного правительства из числа представителей независимых партий и некоммерческих организаций, ведущих экспертов в различных областях знаний и др.

33 Наиболее обсуждаемыми темами общественной повестки за прошедшие годы, которые вызвали резкий рост гражданской активности населения, стали решения властей по повышению пенсионного возраста в стране, утилизации мусора в ряде субъектов Российской Федерации, недопуску оппозиционно настроенных кандидатов к выборам в Московскую городскую думу, привлечению к уголовной ответственности отдельных руководителей регионов. Среди официальных высказываний ряда должностных лиц, поражающих своей вопиющей, противообщественной направленностью, особо стоит выделить заявление О. Глацких, сделанное 24 октября 2018 г. на встрече со школьниками в г. Кировоград Свердловской области, и выражение Главы Чувашии М. Игнатьева, озвученное 18 января 2020 г. в рамках торжественного мероприятия, посвященного Дням российской и чувашской печати. См.: Уральская чиновница объяснила детям, что государство ничего им не должно, так как не просило их рожать // Newsru.com: новостной портал. 2018. 5 нояб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/russia/05nov2018/olga.html> (дата обращения: 14.07.2020); Игнатьев дал поручение «мочить» за «искаженную» информацию // Правда ПФО: средство массовой информации. 18.01.2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://pravdapfo.ru/news/95346-ignatjev-dal-poruchenie-mochit-za?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews](https://pravdapfo.ru/news/95346-ignatjev-dal-poruchenie-mochit-za-utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews) (дата обращения: 14.07.2020).

стороны, в радикализации выражения своего мнения населением.

Во-вторых, возрождение ряда фундаментальных институтов гражданского общества (политические партии и адвокатура) и появление новых способов взаимодействия людей (например, в информационно-телекоммуникационных сетях), ориентированных на построение правового государства в России.

В-третьих, формирование готовности подавляющей части населения страны, составляющей институты гражданского общества к принятию ответственности за будущее российского государства, невзирая на внутреннее и внешнее противодействие.

Естественно, что приведенная схематичная характеристика основных институтов гражданского общества в России, а также описанные тенденции их развития являются условными, основанными на авторском видении сложившейся ситуации в стране и мире³⁴.

Подводя итог настоящей публикации, следует отметить, что именно от функционирования институтов гражданского общества, являющихся базисом любого свободного и народоуправляемого государства зависит жизнь каждого человека в нем. Следовательно, поддержка различных независимых объединений людей и их производных составляющих, ориентированных на защиту прав человека является нашей общей обязанностью перед ныне живущими и последующими поколениями.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. Т. 1. М., 2007. 719 с.
2. Андреева Н. Не могу поступиться принципами // Советская Россия. 1988. 13 марта. № 60. С. 3.
3. Белолюбская Г.С. Эволюция представлений о гражданском обществе в истории политической мысли // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История, Политология, Право. 2016. № 1. С. 29-38.
4. Боярских А.В. Этапы становления теоретических концепций гражданского общества // Административное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 12-18.
5. Вершинин А.А. Становление гражданского общества на Западе: история и осмысление // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 2. С. 51-60.
6. Вражнов А.С. Правовой нигилизм – естественное состояние современного российского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 42-44.
7. Воробьева Ю.Ю. Религиозные организации как институт гражданского общества: особенности правового статуса // Административное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 865-871.
8. Галкина Е.В. Гражданские форумы как форма развития гражданского общества в современной России // Вестник Ставропольского государственного университета. 2006. № 44. С. 212-219.
9. Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Государство и право. 2012. № 6. С. 5-15.
10. Грудцына Л.Ю., Дмитриев Ю.А. Институты гражданского общества в полицейском государстве: особенности российского симбиоза // Государство и право. 2011. № 5. С. 17-23.
11. Грудцына Л.Ю. Свобода личности и гражданское общество в России // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 1. С. 56-62.
12. Грудцына Л.Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Современное право. 2007. № 12-1. С. 21-28.
13. Доманов В.Г. Исторические формы существования гражданского общества // Философия права. 2008. № 6 (31). С. 64-68.
14. Киселева А.М. Местное сообщество как основа формирования гражданского общества в России // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2007. № 1. С. 64-68.
15. Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю., Трубников В.И. Формирование гражданского общества в России: концептуальный аспект // Современное право. 2013. № 5. С. 11-16.
16. Малько А.В., Струсь К.А. Правовые основы формирования гражданского общества в современной России (обзор материалов Всероссийского научно-практического «круглого стола») // Государство и право. 2011. № 9. С. 112-121.
17. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2011. 528 с.
18. Никитина Е.Е. Институционализация гражданского общества в России: историко-теоретический аспект // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 30-41.
19. Никитина Е.Е. Развитие идеи гражданского общества в трудах российских правоведов конца XIX – начала XX в. // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 29-40.
20. Никитина Е.Е. Система институтов гражданского общества в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 37-49.
21. Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 35-45.
22. Усватов И.С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия института гражданского общества // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 82-84.
23. Шевердяев С.Н. Потенциал средств массовой информации как института общественного антикоррупционного контроля // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 142-150.
24. Vrazhnov A.S., Sabiev S.Sh. Civil Society Institutions in Russia: Current Status and Future Development // Journal of Environmental Treatment Techniques, 2019, Vol. 7, Issue 4: 537-541.

³⁴ Vrazhnov A.S., Sabiev S.Sh. Civil Society Institutions in Russia: Current Status and Future Development // Journal of Environmental Treatment Techniques, 2019, Vol. 7, Issue 4: 537-541.

ПISKУНОВА Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА КАК СПЕЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ПРАВА

В статье рассматриваются теоретико-правовые и практические аспекты юридической техники как средства обеспечения реализации правовых норм. Юридическая техника сопровождает правовую норму на разных этапах механизма правового регулирования – от разработки до принятия нормативных правовых актов. Вместе с тем, практика свидетельствует о том, что приемам, правилам юридической техники уделяется недостаточно внимания, что негативно сказывается на качестве принимаемых актов, а, следовательно, и на уровне их реализации. Автор приходит к умозаключению, что в современных условиях в процессе правотворчества, техническая проработанность нормативного акта не единственное условие обеспечения его реализации, требуется учет и иных факторов.

Ключевые слова: юридическая техника, реализация права, юридическое средство, правотворчество, обеспечение права.

PISKUNOVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of the state and law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

LEGAL TECHNIQUE AS A SPECIAL LEGAL MEANS OF ENSURING THE IMPLEMENTATION OF LEGAL NORMS

The article deals with theoretical and legal and practical aspects of legal technology as a means of ensuring the implementation of legal norms. Legal technology accompanies a legal norm at different stages of the legal regulation mechanism—from the development to the adoption of normative legal acts. At the same time, practice shows that not enough attention is paid to techniques and rules of legal technique, which negatively affects the quality of adopted acts, and, consequently, the level of their implementation. The author comes to the conclusion that in modern conditions in the process of law-making, the technical elaboration of a normative act is not the only condition for ensuring its implementation, and other factors must be taken into account.

Keywords: legal technique, implementation of law, legal means, law-making, law enforcement.

Реализация права есть процесс превращения идеальных юридических моделей, отражающих нужные для общества состояния, в практическую реальность, в действующую систему общественных отношений. Как отмечал Г. Пухта: «Право, которое не может быть осуществлено, не есть право». Способность права действовать, продуцировать правомерное поведение субъектов общественных отношений и направлять его в социально полезное русло – не менее важные характеристики права, чем его системность, нормативность, формальная определенность и иные.

В процессе обеспечения правореализации велико значение системы средств, функциональное назначение каждого из которых невероятно существенно, поскольку, даже самая совершенная, с позиции законодателя, правовая норма, не будет эффективно действенной без необходимых обеспечительных средств. Соответственно, к основным задачам государства следует отнести не только разработку и принятие норм права, но и определение конкретного комплекса разумно согласованных условий их реализации, законодательное закрепление механизма их реализации.

Должная реализация правовых норм обеспечивается сложной системой согласованных и взаимосвязанных средств как общесоциального, так и специально-юридического характера и назначения. Сообразно этому выделяют общесоциальные и специально-юридические, и именно вторым принадлежит главенствующая, фундаментальная роль в правообеспечительном процессе. К ним, в частности, относятся юридическая техника, – средство, приобретшее в последнее время небывалую популярность и интерес в научных кругах.

Реализация правовых предписаний во многом зависит от их качества, которое следует понимать в двух взаимосвязанных аспектах:

- социальный аспект, характеризующий фактическое содержание права;
- специально-юридический аспект, отражающий качество юридической формы¹.

Внешним проявлением социального аспекта правовых норм служит их социальная обусловленность, отражение сущности регламентируемых общественных отношений, интересов населения, закрепление процессуальных норм, обеспечивающих реализацию норм материального права, исключая которую право для субъектов социального общения обесценивается, а создание эффективных и качественных законов не представляется возможным.

Сказанное, бесспорно, к специально-юридическим средствам обеспечения правореализации позволяет отнести юридическую технику, как совокупность приемов и средств, используемых в соответствии с принятыми правилами при разработке, применении и систематизации правовых актов в целях обеспечения их высокого качества и эффективности реализации. Грамотно сформулированное, внутренне логичное и системно включенное в действующее законодательство правило поведения – залог его реализации. В.В. Борисов утверждал, что «чем больше и мелочнее правовая регламентация, тем меньше с ней считаются, тем меньше ее социальный эффект. И наоборот, чем меньше правовой регламентации, чем выше ее универсальность – тем больше социальный эффект и стабильность, тем прочнее правопорядок»².

Среди видового многообразия юридической техники, выделяется законодательная техника, как разновидность правотворческой, представляющая собой систему правил и приемов, необходимых для создания внутренне структурированных, внешне целесообразных, качественных и совершенных законопроектов, обеспечивающих так называемое единство правового замысла законодателя и внешнего его выражения («дух» и «буква» закона совпадают), доступность, непротиворечивость и полноту нормативного материала. По мнению Ю.А. Тихомирова, «недооценка законодательной техники или ее игнорирование порождает массу законодательных ошибок, цена которых очень велика. Речь идет не только о недопустимых отступлениях от формальных правил, но даже и о нарушении законности»³.

Соответственно, основное назначение юридической техники в правотворческой деятельности в закреплении воли законодателя в документах, техника – это средства выражения норм права. Искажение таких средств может привести к искажению модели поведения, установленного правовой нормой. А поскольку законодательное установление внешне может быть выражено лишь языковыми, и никакими иными средствами, то и реализовываться на практике будет то, что в нем выражено (и не всегда, то, что внешне словесно закреплено, совпадает с тем, что на самом деле хотел выразить законодатель).

Требования формальной логики рождает качественные характеристики норм права со свойствами определенности, непротиворечивости, означающими ее ясность и точность, то есть доступность для восприятия как юридически образованными

1 См.: Мирошенко К.А. Техничко-правовые аспекты содержания и структуры нормативных актов // Аналитический юридический журнал. 2011. № 2. С. 31.

2 Борисов В.В. О связи правопорядка и правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. Саратов, 1983. С. 38.

3 Законодательная техника: научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 11.

лицами, так и обывателями. Случаи конкуренции (дисбаланса) между ясностью и точностью правовых норм далеко не редкость. Т.В. Кашанина утверждает, что «ясность нормы может быть помехой ее точности, и наоборот – чрезмерное внимание к ее точности может привести к неясности»⁴. Таким образом, обеспечение правореализации возможно лишь при условии баланса между ясностью и точностью, а в случае конкуренции – предпочтение отдается точности нормы. Именно юридической технике отводится преобразующая роль, именно на ней лежит ответственность за четкое отражение волеизъявления правотворческих органов в текстах нормативных правовых актов. В последние годы достаточно активно в текстах нормативных правовых актов применяются технические термины, понимать и использовать которые следует именно в том значении, которое для них определено соответствующей областью знания.

Обозначенные правила изложения юридических документов (языковые правила), объединяющие в себе требования о стиле документов, языке, порядке использования терминологии, логичности, последовательности и об исключении двусмысленности предписаний, находят воплощение в сложной, внутренне структурированной системе знаний – законодательной технике. Более того, к числу таких требований относятся также правила внешнего оформления правовых документов касающиеся, в первую очередь, наличия и порядка использования реквизитов, как обязательных элементов текста актов. Игнорирование реквизитных правил затрудняет поисковые возможности правоприменителя, наносит ущерб эстетическо-юридической стороне какого-либо акта и правовой культуре. Поэтому данные правила должны быть унифицированы и содержать единые требования к реквизитам правового документа.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих актах подчеркивает необходимость соблюдения обращенного к законодателю требования определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, ее согласованности с системой действующего правового регулирования. Он выводит данное требование из конституционных принципов юридического равенства и справедливости⁵. Учительная статус Конституционного Суда Российской Федерации⁶, соответствующие сформулированные им позиции могут оказать достаточно серьезное воздействие на правотворческую практику и в известной степени обеспечить более высокое качество принимаемых правовых норм и уровень их реализации.

В продолжение изложенного позволим себе не согласиться с утверждением ряда исследователей, относящих юридическую технику к формам обеспечения должной реализации права, а не к средствам. Формой обеспечения признается регламентированная правом деятельность компетентных органов в определенной области, выбор которой предопределяется стоящими перед ними задачами и функциями. Техника является верным спутником правотворческого процесса на всех его стадиях, а ее структурные составляющие способны скорректировать норму права на всех этапах ее существования, обеспечив тем самым высокий уровень ее реализации на практике. Соответственно техника – это средство, пронизывающее все формы деятельности: правотворческую, правоприменительную, интерпретационную.

В целях обеспечения правореализации наибольший интерес вызывают такие элементы юридической техники, как юридические термины и юридические конструкции. Юридическая терминология представляет собой базу, основной смысловой фундамент правового текста и нормативного материала. Основные юридические термины, под которыми понимаются, употребляемые в нормативных актах обобщенные слова или словосочетания, отличающиеся смысловой однозначностью, содержатся в наиболее важных законодательных актах, которые определяют их дальнейшее использование в подзаконных актах.

К числу наиболее интересных и сложных, неоднозначных технико-юридических средств относится юридическая конструкция, основоположником которой был Р. Иеринг, рассматри-

вающий ее, прежде всего, с позиции средства, заполняющего пробелы в праве. Юридическая конструкция – рационально упорядочивающая правовую материю модель, отражающая правовое состояние структурно организованного явления правовой жизни. Работоспособность юридической конструкции зависит от сбалансированности в ее содержании субъективных прав и юридических обязанностей участников будущих правовых отношений, а также гарантированности возможного применения юридической ответственности. Использование юридических конструкций и терминов облегчает формулирование юридических норм, придает нормативной регламентации четкость и определенность.

Принятие в спешке, детально не проработанные нормативные акты, без четкого соблюдения требований к форме и структуре, не будут эффективными на практике. Более того, их практическая реализация может привести к коллизиям юридических норм, серьезным противоречиям всей системы российского законодательства, несоответствию требованиям времени. Соответственно, основное назначение юридической техники видится в обеспечении качества законодательства, она выступает средством обеспечения правореализации. Выражение в законах точной, адекватной, недвусмысленной воли законодателя невозможно без грамотного использования средств юридической техники, служащих важным фактором внутреннего развития правовых актов и обретения ими ценностных свойств. Так, в Законе «О почтовой связи»⁷ закрепляются нормы, регламентирующие, в соответствии как с национальным законодательством, так и с международным правом, социальную поддержку работников организаций почтовой связи. Однако подобных положений не встречается больше ни в одном из действующих документов, и каким образом эти нормы могут быть интерпретированы субъектами правоотношений и в дальнейшем реализованы, непонятно. Налоговый кодекс РФ довольно активно оперирует категорией «крупнейший налогоплательщик», однако четкого определения ее не содержит. С целью избежать погрешностей в процессе правоприменения, законодатель, пытается разрешить эту проблему на подзаконном уровне, посредством принятия актов, регламентирующих критерии отнесения организаций – юридических лиц к этой категории налогоплательщиков. Полагаем, что с применением правил юридической техники законодателю необходимо категорию «крупнейший налогоплательщик», а также специфику его правового статуса закрепить в Налоговом кодексе РФ, а подзаконные акты могут лишь конкретизировать и детализировать положения кодекса.

Конечно, процесс создания качественных и эффективных нормативных правовых актов не стоит связывать исключительно с возможностями юридической техники, хотя важность их технической проработанности, бесспорно, важнейшая предпосылка обеспечения должной реализации права. Требуется учет иных, не менее важных в данном процессе факторов: уровень правосознания и правовой культуры правотворческих органов, свойства и неотъемлемые признаки права и др. Не стоит забывать, что любая, даже, казалось бы, самая малая неточность и ошибка в тексте закона, может привести на практике к непоправимым последствиям. Поэтому, все, предъявляемые юридической техникой требования как в содержании, так и внешней форме выражения нормативного правового акта, системным связям норм как внутри самого закона, так и с другими законодательными актами, к стилю законодательства, необходимо строго соблюдать. Чем выше уровень законодательной техники и степень соблюдения ее требований, тем выше качество и действенность закона, его авторитет в обществе.

Пристатейный библиографический список

4 Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2007. С. 120.
5 См., например, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2006. № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О связи» в связи с запросом Думы Корякского автономного округа // СЗ РФ от 13.03.2006. № 11. Ст. 1230; от 14.11.2005. № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4968. и др.
6 Федеральный конституционный закон от 21.07.1994. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 29.07.2018. №1-ФКЗ) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

1. Борисов В.В. О связи правопорядка и правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. Саратов, 1983.
2. Законодательная техника: научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000.
3. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2007.
4. Мирошенко К.А. Технико-правовые аспекты содержания и структуры нормативных актов // Аналитический юридический журнал. 2011. № 2. С. 31.

7 Федеральный закон от 17.07.1999. № 176-ФЗ «О почтовой связи» (в ред. от 29.06.2018. № 171-ФЗ) // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-72-75

ОРЛОВ Михаил Александрович

аспирант кафедры теории государства и права Школы права Института права и управления Московского городского педагогического университета

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЦИФРОВИЗАЦИЮ И АВТОМАТИЗАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Процессы автоматизации все шире охватывают правовую систему России. По состоянию на 2020 год, автоматизация и цифровизация частично охватила российскую судебную систему, широко применяется в процессе привлечения к административной ответственности. Планируется внедрение процессов автоматизации в правотворчестве, в том числе на федеральном уровне. Влияние пандемии COVID-19 сводится к ускорению уже заложенных в правовую систему механизмов с помощью цифровизации и автоматизации. В то же время некоторые сферы правового регулирования оказались не готовы к быстрому переходу в цифровое пространство.

Ключевые слова: правовое регулирование, автоматизация, цифровизация, цифровая трансформация, правоприменение, пандемия COVID-19.

ORLOV Mikhail Aleksandrovich

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the School of Law of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON DIGITALIZATION AND AUTOMATION IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Automation processes are increasingly embracing the legal system of Russia. As of 2020, automation and digitalization has partially covered the Russian judicial system and is widely used in the process of bringing to administrative responsibility. It is planned to introduce automation processes in lawmaking, including the federal level. The impact of the COVID-19 pandemic boils down to accelerating the mechanisms already laid down in the legal system through digitalization and automation. At the same time, some areas of legal regulation were not ready for a rapid transition to the digital space.

Keywords: legal regulation, automation, digitalization, digital transformation, law enforcement, COVID-19 pandemic.

Пандемия коронавируса COVID-19 явилась серьезным социальным вызовом для всех государств. Меры, предпринятые во избежание распространения коронавируса COVID-19, оказались беспрецедентными в новейшей истории. Правительства различных стран выделяют существенные объемы денежных средств для преодоления последствий распространения пандемии¹. Пандемия также показала опасность социальной и правовой дестабилизации как в отдельном государстве, так и в мировом масштабе. Необходимость цифровизации, автоматизации, а в некоторых случаях – перестройки существующих процессов правотворчества и правоприменения стала очевидной для многих государств.

Цифровизация и автоматизация как социальные процессы были свойственны российской правовой системе задолго до начала пандемии коронавируса COVID-19. Заинтересованность в скорейшем внедрении процессов цифровизации и автоматизации в правотворчестве и правоприменении регулярно демонстрируется со стороны российских властей. Еще в 1993 году была утверждена Концепция правовой информатизации Российской Федерации, которая провозглашала своей целью формирование в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего правовую информированность всех структур общества и каждого гражданина в отдельности². Планировалось внедрение процессов информатизации

в правотворческой и правореализационной деятельности, создание банков данных и инфраструктуры для обмена информацией между различными органами государственной власти.

Основными итогами информатизации в российской правовой системе явились созданные государственные автоматизированные системы (ГАС). Основные задачи ГАС сводятся к выполнению функций банка данных, обеспечения доступа к данным и их надлежащего анализа. При этом структура ГАС не предполагает наличие каких-либо других функций, как, например, функций координации государственных органов или функций автоматизированного контроля. По состоянию на 2020 год были созданы три таких системы – ГАС Выборы (1995г.), ГАС Правосудие (2006г.) и ГАС Управление (2009г.). Данные ГАС неоднократно модернизировались для соответствия требованиям времени.

Информатизации также способствовало принятие таких НПА, как Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи» от 10 января 2002 года № 1-ФЗ и других. Созданная этими НПА нормативная база позволила достаточно быстро провести информатизацию правовой системы, установив круг отношений, подлежащий соответствующему регулированию и закрепив легальные определения понятий в сфере информатизации и информационных технологий.

Несмотря на то, что первичная информатизация правовой системы решила задачу создания специальных банков данных, она не позволила создать инструменты

Орлов М. А.

1 Обзор экономических мер, применяемых странами в условиях распространения Covid-19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.org/upload/medialibrary/c98/Obzor_eco_mer_final2.pdf (дата обращения: 05.09.2020).

2 Указ Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966 «О Концепции правовой информатизации России» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 5 июля 1993 г. № 27. Ст. 2521.

для их оперативного наполнения правовой информацией. Например, это выражалось в ручном вводе информации в ГАС. Внедрение цифровизации в данные системы существенно ускорило наполнение информацией банков данных, хотя процессы цифровизации затронули лишь небольшую часть системы и незначительно влияют на ее общее функционирование. К примеру, количество избирательных участков, оснащенных КОИБ (комплексом обработки избирательных бюллетеней) на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года составило 10 001³, при этом общее количество избирательных участков оценивается в 97 000. Таким образом, примерный процент избирательных участков, оснащенных КОИБ, составляет 10,3% от общего числа избирательных участков. И даже несмотря на наличие возможности у КОИБ передавать данные о результатах голосования через сеть «Интернет», во многих случаях ввод данных в ГАС «Выборы» производился вручную⁴. Также частым явлением были технические отказы работы КОИБ.

С другой стороны, следует отметить наличие более удачных решений в сфере цифровизации и автоматизации российской правовой системы. К таким решениям автор относит систему налогового контроля Федеральной налоговой службы АСК НДС-2 и информационную систему Федеральных арбитражных судов «Мой Арбитр», разработанную во исполнение федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы». Программный комплекс АСК НДС-2 был введен в эксплуатацию в 2015 году и представляет собой полностью автоматизированную систему контроля подаваемых налогоплательщиками деклараций по НДС⁵. Возможно говорить о первом программном обеспечении такого рода в России по масштабу автоматизированных процессов и степени ограниченности человеческого фактора. Эффективности работы данной системы способствовал принятый в 2014 году Федеральный закон от 28.06.2013 N 134-ФЗ, согласно пп. «а» п. 2 ст. 12 в Налоговый кодекс Российской Федерации вводится обязанность налогоплательщиков предоставлять декларацию по НДС исключительно в электронной форме. Развитием данной системы является программный комплекс АСК НДС-3, действующий в тестовом режиме с 01.02.2018 года. По сравнению с прошлой версией, система будет получать больше данных из различных источников для анализа⁶.

В информационной системе «Мой Арбитр»⁷, в свою очередь, автоматизация правовых отношений не является целью ее создания и функционирования, хотя полностью и не исключается из возможных функций. Использование данной системы направлено на постепенный отказ от бумажного документооборота в Арбитражных судах путем внедрения электронной системы взаимодействия суда и лиц, участвующих в деле. Предоставление процессуальных документов в электронной форме ускоряет производство по делу, т.к. исключается этап физической передачи документов в суд. Автоматизация в данной системе проявляется, прежде всего, в автоматическом информировании лиц, участвующих в деле, о движении дела.

Следующий этап цифровизации российской правовой системы пришелся на 2018 год, когда была разработана и утверждена Национальная программа «Цифровая экономика» в соответствии с Указом Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В целом, данную национальную программу можно рассматривать как «дорожную карту» внедрения цифровизации и автоматизации в национальную правовую систему. Особое внимание стоит уделить разделу 4.1. паспорта национальной программы, посвященной Федеральному проекту «Нормативное регулирование цифровой среды». Помимо положений о регулировании механизмов формирования и использования «облачной» электронной подписи, формировании благоприятных условий для сбора, хранения и обработки персональных данных, особый интерес представляет п. 1.2. раздела 4.1. Паспорта вышеназванной программы. Предлагалось до 31.12.2018 принять закон, закрепляющий статус автоматизированных («самоисполняемых») договоров. К сожалению, данный закон еще не принят, хотя тот факт, что возможность автоматизированных правоотношений была принята во внимание разработчиками паспорта национальной программы, говорит о ее инновационной направленности. Более того, в разделе 6 паспорта национальной программы прямо декларируется постепенное внедрение процессов автоматизации в правотворчестве и правоприменении, создании машиночитаемых норм права с помощью применения современных и перспективных информационных технологий, таких как искусственный интеллект, обработка больших данных, распределенные реестры и прочие. Основные положения концепции машиночитаемого права уже разработаны и опубликованы⁸, хотя не все ее положения можно считать обоснованными.

Было бы неверно говорить о том, что вопросы внедрения автоматизации и цифровизации в правовую систему Российской Федерации ограничивались только разделом 4.1. национальной программы. Помимо правового регулирования необходимо выстроить информационную экосистему взаимодействия органов государственной власти между собой и с гражданами и организациями, разработать соответствующее программное обеспечение. Уже после построения такой информационной системы и разработки необходимых программ, необходимо создать правовые механизмы для обеспечения их надлежащего функционирования. Следованию такой логике отчасти объясняется существенный разрыв в эффективности реализации раздела 4.1. и раздела

3 Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 17 января 2018 г. № 129/1072-7 «Об использовании при голосовании на выборах Президента Российской Федерации технических средств подсчета голосов - комплексов обработки избирательных бюллетеней». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71755936/> (дата обращения: 07.09.2020).

4 Балтрушевич Ю. В. и др. КОИБ: история создания и применения: сборник материалов / Центральная избирательная комис. Российской Федерации. Москва: ЦИК Российской Федерации, 2014. С. 144-145.

5 Бахаев А.Ю. Система «Big Data» и Система АСК НДС-2 как инновации в системе налогообложения РФ. Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации // Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. Финансовый университет при Правительстве РФ, Омский филиал. 2016. С. 22.

6 Буддыгин П.А., Кириллова А.С. Оптимизация системы налогового администрирования и контроля с использованием автоматизированного программного комплекса «АСК-НДС 3» // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-sistemy-nalogovogo-administrirovaniya-i-kontrolya-s-ispolzovaniem-avtomatizirovannogo-programmnogo-kompleksa-ask-nds-3>. (дата обращения: 10.09.2020).

7 Введена приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронной форме, в том числе в форме электронного документа // ЭПС «КонсультантПлюс». 1992–2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2020).

8 Будущее права. Версия 1.1. Автоматизация права. Основные тенденции и тренды. Перспективы юридической профессии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://future.simp.lawyer> (дата обращения: 10.09.2020).

4.6. “Цифровое государственное управление” национальной программы.⁹

Проблема автоматизации в праве широко освещается российскими исследователями с 2018 года и с каждым годом издается все больше статей по данной тематике. Применение процессов автоматизации сыграет немаловажную роль во время введения ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2. Именно автоматизация правоприменения позволит решить задачи оперативного выполнения требований законодательства, в том числе, принятого уже после введения ограничений.

Таким образом, к началу пандемии COVID-19 российская правовая система уже находилась в векторе последовательной цифровизации и автоматизации. Данные процессы были наиболее эффективно внедрены в отрасли административного и конституционного права. Сфера регулирования электронной коммерции также подверглась существенному влиянию данных процессов, однако их скорое внедрение и развитие было достигнуто за счет деятельности коммерческих организаций. В других сферах регулирования отмечается незначительная цифровизация и автоматизация правоприменения относительно названных выше.

После введения ограничений, направленных на пресечение масштабного распространения вируса SARS-Cov-2 на территории России, возник вопрос о сохранении стабильного функционирования правовой системы. Также предостало разрешить проблему контроля за исполнением законодательных новелл, регулирующих правовой статус лиц, находящихся на медицинском наблюдении или помещенных в обсервацию. Данные проблемы должны были быть разрешены в условиях невозможности быстрого набора квалифицированного персонала, а при необходимости – в условиях недостатка такого персонала.

Другим драйвером воздействия на правовую систему явились поправки в Конституцию Российской Федерации, принятые на общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. Поправки предусматривают отнесение к ведению Российской Федерации информационных технологий (п. «и» ст. 71 Конституции) и обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции). Процедура принятия поправок привнесла некоторые цифровые новшества в избирательное законодательство России. Впервые была реализована возможность полноценного дистанционного электронного голосования в Москве и Нижегородской области с использованием ЕПГУ¹⁰. В отличие от неудачных экспериментов десятилетней давности¹¹, дистанционное электронное голосование по поправкам в Конституцию можно считать относительно успешным примером цифровизации отдельно взятой правовой процедуры. Идентификация избирателя происходила с помощью зарекомендовавшей себя системы ЕСИА¹², от избирателя не требовалось специальных знаний для использования данной системы. Однако остаются открытыми вопросы соблюдения тайны голосования, возможности недопустимого влияния на результат голосования как со стороны администратора

системы, так и со стороны избирателей. В целом, данная система нуждается в доработке, которая помогла бы разрешить подобные проблемы.

Отрасль административного права продолжала свое бурное развитие в условиях действующих ограничений. Так, например, был принят Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», устанавливающий новый уровень цифровизации в отношениях между государством и обществом. Предполагается создание единой информационной базы данных, объединяющей в себе персональные данные граждан России, которые уже имеются у различных органов государственной власти. Несмотря на то, что сама идея данного закона является дискуссионной и вызывает ряд вопросов у исследователей¹³, его разработка и принятие находится в векторе цифровой трансформации российской правовой системы. Противиться течению прогресса, как показывает мировая история, бессмысленно. Основная задача законодателя в период цифровой трансформации правовой системы – найти справедливый баланс между принципами тайны частной жизни, защиты персональных данных и необходимости ограничения данных принципов в угоду прогресса и экономической эффективности.

На региональном уровне можно отметить законодательную инициативу Московской городской думы о введении в Кодекс города Москвы об административных правонарушениях новой статьи 3.18.1 «Нарушение требований нормативных правовых актов города Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории города Москвы». Пункт 2 названной статьи предусматривает наказание за неисполнение гражданами требований нормативных актов города Москвы, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории города Москвы. Однако в рамках данной статьи особый интерес представляет процесс привлечения граждан к ответственности, назначения наказания и порядок обжалования постановления об административном нарушении.

Указом Мэра Москвы от 5 марта 2020 года № 12-УМ установлено, что пациенты с подтвержденной коронавирусной инфекцией, проходящие лечение на дому, обязаны использовать технологии электронного мониторинга геолокации, в том числе сервис «Социальный мониторинг». По делу о нарушении пункта 2 статьи 3.18.1 КоАП города Москвы широко применяется использование данных геолокации в качестве основного доказательства о нарушении. В купе с автоматизированным сбором таких доказательств и обязанностью использования сервиса «Социальный мониторинг», процесс применения данной нормы предполагал широкое использование цифровизации и автоматизации.

Однако, как показал опыт применения пункта 2 статьи 3.18.1 КоАП города Москвы, *исключительное доверие цифровым технологиям не способствует справедливому и всестороннему рассмотрению каждого конкретного дела*. Сервис «Социальный мониторинг» периодически неправильно определял геопозицию пользователя и (или) не синхронизировался с базами, содержащими данные о состоянии здоровья пользователя. Такое массовое назначение наказаний не могло не отразиться на деятельности судов города Москвы, которые были вынуждены столкнуться с наплывом жалоб граждан. При этом подавляющее большинство штрафов, на которые были представлены жалобы, были отменены в

9 Гринчак Н.П., Богачёв В.Р., Кудревич В.В. О ходе выполнения программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-hode-vypolneniya-programmy-tsifrovayaa-ekonomika-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.09.2020).

10 Единый портал государственных и муниципальных услуг.

11 Цаплин А. Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-distantsionnogo-elektronnogo-golosovaniya-v-rossii> (дата обращения: 24.09.2020).

12 Единая система идентификации и аутентификации.

13 Мельничук М.А., Коцурба С.С. Проблемы цифровизации населения в современных условиях // Сборник статей XXIX международной научно-практической конференции, часть II Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2020. С. 137-140.

порядке досудебного урегулирования¹⁴. Этому также способствовало появление специальных программных средств, разработанных энтузиастами, которые позволяли составить типовую жалобу по данным случаям.

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на судопроизводство в Российской Федерации. До введения ограничений цифровизация и автоматизация затронула по большей части только систему Арбитражных судов. Однако уже после введения ограничений стала ясна необходимость ускоренной доработки системы взаимодействия судов общей юрисдикции с участниками процесса. Отмечались неудобство и излишний формализм данной системы¹⁵. В связи с этим, было принято решение об интеграции Портала «Госуслуги», ЕСИА и ГАС «Правосудие» для упрощения подачи процессуальных документов. Данное нововведение положительно отразилось на удобстве системы и позволило обработать свыше 500 тыс. процессуальных документов, поступивших в электронном виде в суды общей юрисдикции в период действия ограничений¹⁶.

В целом, портал государственных услуг Российской Федерации («Госуслуги»), существующий с 2009 года, раскрыл свой потенциал именно во время пандемии COVID-19. Данная система стала основным связующим звеном между государством и обществом в вопросах административного регулирования. С другой стороны, функционирование данной системы при возросшей нагрузке оставалась под вопросом. Неготовность системы была продемонстрирована после объявленных Президентом России дополнительных мерах поддержки семей с детьми¹⁷, когда портал «Госуслуги» стал работать с ограничениями или периодически не работал.

Таким образом, *влияние пандемии COVID-19 на процессы цифровизации и автоматизации в правовой системе России оказалось не настолько существенным, как это могло показаться на первый взгляд.*

Правовая система, ее институты уже прошли этап информатизации, и в настоящее время находятся на пути масштабного внедрения названных процессов. Введенные ограничения несколько ускорили уже происходившие процессы цифровой трансформации, глобально не повлияв ни на структуру, ни на содержание действующих институтов. В то же время, введенные ограничения способствовали переосмыслению роли бумажного документооборота в экстренных ситуациях и существенно повлияли на скорость принимаемых решений.

К выводу о том, что процессы цифровизации и автоматизации в правовых системах различных стран будут существенно ускорены, также пришли и зарубежные исследователи. Так, Клаус Преттнер и Дэвид Е. Блум указывают, что «Пандемия COVID-19, вероятно, ускорит разработку и внедрение технологий автоматизации, роботизации и искусственного интеллекта»¹⁸. К похожему выводу пришли М.В.

Залоило и Н.Н. Черногор¹⁹ Признавая ускорение процессов автоматизации из-за пандемии COVID-19, Адам Дж. Сулковский призывает «сохранять роль человеческого усмотрения, когда случается непредвиденное»²⁰.

Полностью оценить воздействие пандемии COVID-19 можно будет только через несколько лет, когда фактор коронавируса SARS-Cov-2 будет сведен к минимуму и будет возможно проследить последствия в условиях мира «пост-пандемии». Однако уже можно утверждать, что пандемия COVID-19 существенно приблизила мир к разработке и внедрению концепций машиночитаемого, автоматического права и его тотальной цифровизации.

Пристатейный библиографический список

1. Балтрушевич Ю. В. и др. КОИБ: история создания и применения: сборник материалов / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Москва: ЦИК Российской Федерации, 2014. С. 169.
2. Бахаев А.Ю. Система «Big Data» и Система Аск Ндс-2 как инновации в системе налогообложения РФ. Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации // Материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. Финансовый университет при Правительстве РФ, Омский филиал. 2016. С. 22-24.
3. Калининченко П.А. Сравнительный анализ систем электронного правосудия в гражданском и арбитражном процессе российской федерации // Журнал «Аллея науки». № 6 (33). Издательский центр «Quantum», 2019. С. 617-621.
4. Мельничук М.А., Коцурба С.С. Проблемы цифровизации населения в современных условиях // Сборник статей XXIX международной научно-практической конференции, часть II Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2020. С. 137-140.
5. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5-26.

14 Москвичам отменили большинство штрафов за нарушение самоизоляции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/15-07-2020/moskvicham-otmenili-bolshinstvo-shtrafov-za-narushenie-samoizolyatsii> (дата обращения: 16.09.2020).

15 Калининченко П.А. Сравнительный анализ систем электронного правосудия в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации // Журнал «Аллея науки». № 6 (33). Издательский центр «Quantum», 2019. С. 619.

16 В Суддепе рассказали о планах интеграции ГАС «Правосудие» с порталом госуслуг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gapsnews.ru/judicial_department_news/20200708/306016095.html (дата обращения: 18.09.2020).

17 Сайт Госуслуг столкнулся со сбоями после обращения Путина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eb9759a9a79477c3b3b1b79> (дата обращения: 19.09.2020).

18 Prettner, Klaus. and David E. Bloom. «Peering into the future: long-run economic and social consequences of automation; with an

epilogue on COVID-19». Automation and its Macroeconomic Consequences. 2020. P. 219. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7325847/> (date of access: 21.09.2020).

19 Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 18.

20 Sulkowski, Adam. Coronavirus / COVID-19 – What's Next? Future of Work, Business, and Law: Automation, Transparency, Blockchain, Education, and Inspiration. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3580019>. (date of access: 21.09.2020).

Шадрин Владимир Владиславович

ассистент кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова

СТАБИЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

В данной статье дается попытка определить и охарактеризовать стабильность государства с точки зрения юридической науки, отмечаются проблемные аспекты исследуемой темы на примере России. По мнению автора, сложившаяся сейчас в науке и практике понимание стабильности государства должно измениться. Стабильность государства должна основываться на деперсонализации власти, сменяемости власти и стабильности правовой системы.

Ключевые слова: стабильность государства, сменяемость власти, персонификация власти, институт преемника, стабильность правовой системы.

SHADRIN Vladimir Vladislavovich

assistant of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law Faculty of the M. K. Ammosov North-Eastern federal University

Шадрин В. В.

STABILITY OF THE STATE: LEGAL VIEW AND RUSSIAN SPECIFICS

The article is attempting to define and characterize the stability of the state from the point of view of legal science, noting the problematic aspects of the studied topic on the example of Russia. According to the author, the current understanding of state stability in science and practice should change. The stability of the state should be based on the depersonalization of power, the rotation in power and the stability of the legal system.

Keywords: stability of the state, rotation in power, personification of power, institution of successor, stability of the legal system.

Одной из современных тенденций российского общественно-политического и научного дискурса является стабильность государства, поскольку нынешние реалии заставляют задуматься о том, насколько государство способно отвечать на внутренние и внешние вызовы, сохраняя стабильное, устойчивое положение. В данной статье мы попытаемся понять, что представляет из себя стабильность государства и какой она действительно должна быть.

Слово «стабильность» (от лат. *stabilitas*) переводится как прочность, устойчивость, твердость, стойкость, надежность, неизменность¹. Понятие стабильности применяется к разным явлениям и процессам и может пониматься как способность системы функционировать, сохраняя неизменной свою структуру и поддерживая равновесие². Может ли государство быть стабильным? На наш взгляд, свойство стабильности можно применить к государству, поскольку государство как организация политической власти общества должно быть устойчивым, прочным, надежным и неизменным, как в текущий момент, так и в исторической перспективе. С одной стороны, деятельность государства невозможна без стабильности в управлении обществом, с другой – государство как общественно-политический институт не может не обладать стабильностью, иначе, возникнув однажды, без стабильности оно бы исчезло.

Однако мы не будем углубляться в историю развития государства, поскольку нас интересует стабильность современного демократического государства как наиболее развитой модели государства. Не будем здесь так же искать разницу между стабильностью и схожими понятиями. Например, Н.Ю. Чаплин соотносит понятия устойчивость, стабильность и безопасность, при этом понятие устойчивости включает

понятие стабильности и, по его мнению, оно шире, гибче и больше отвечает государству³. Не умаляя важность и необходимость четкой и понятной терминологии, мы позволим посчитать эти понятия синонимичными и применять в дальнейшем привычный и устоявшийся термин – стабильность. Также нужно установить водораздел между стабильностью государства и политической стабильностью, которая определяется как состояние политической системы, характеризующееся наличием необходимых условий и факторов, обеспечивающих сохранение обществом своей идентичности, гражданского мира и согласия на основе достижения баланса интересов различных социальных субъектов и политических сил, своевременного легитимного разрешения возникающих проблем и противоречий в сфере политики с помощью предусмотренных законом механизмов и средств⁴. Таким образом, политическая стабильность – понятие более обширное, включающее в себя множество аспектов, в том числе предполагающее стабильность государства. И конечно же, мы в первую очередь заинтересованы в исследовании этого вопроса в контексте российской науки и практики, поскольку мы находимся в стадии развития демократического государства, стабильность которого мы стремимся рассмотреть.

Что же именно представляет из себя стабильность государства? В современной российской науке и практике сложились неоднозначные представления о стабильности государства. Проблема, собственно, не в трактовке определения, а в понимании и применении данного понятия. Преобладающая точка зрения о стабильности государства строится вокруг

1 Большой латинско-русский словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/index.php> (дата обращения: 10.08.2020).

2 Социологический энциклопедический словарь. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – С. 339.

3 Чаплин Н.Ю. О соотношении понятий «устойчивость», «стабильность», «безопасность» в контексте исследования устойчивости государства // Вестник международного юридического института. – 2017. – № 1 (60). – С. 111.

4 Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e47209660a3b926ebfcb6e> (дата обращения: 10.08.2020).

тезиса о том, что стабильность государства – это обязательное условие развития страны, которое придает уверенность и надежность гражданам и инвесторам в отсутствии политических потрясений⁵, это гарантия безопасности государства от цветных революций и внешних угроз⁶. При этом стабильность государства важнее сменяемости власти, поскольку для этого нет необходимых ресурсов, устойчивых политических партий, уверенности в себе⁷. Стабильность государства, в данной интерпретации, невозможна без сильной президентской власти, и в целом в России исторически стабильность государства зависит в том числе от стабильности политического руководства⁸. Только сильный лидер, умеющий принимать порой жесткие и бескомпромиссные решения обеспечивает стабильность, безопасность и независимость государства⁹.

Вышесказанная позиция не лишена смысла и действительно поддерживается большинством. Однако на наш взгляд, стабильность государства должна пониматься на принципиально ином уровне. Попытаемся дать характерные черты стабильности современного развитого демократического государства с точки зрения права.

Во-первых, стабильность государства не должна напрямую зависеть от личностей, которые это государство представляют и возглавляют. Существенным препятствием для стабильности государства становится персонификация власти. Не вдаваясь в подробности того, каковы корни персонификации власти – в социально-культурных особенностях нашей страны, т.н. «менталитете» русского народа, или же в организационных несовершенствах политико-правовой системы, следует признать, что в России такая проблема есть. Демократическая система ценностей и отношений в обществе направлена на деперсонификацию власти. Схема управления строится таким образом, чтобы система работала независимо от того, кто именно занимает в ней определённое место. Иными словами, демократическая концепция имеет перед собой задачу свести до минимума влияние личности на историю, унифицировать систему управления, обезопасив её от любых неожиданностей, связанных с индивидуальными чертами характера людей¹⁰.

К сожалению, такой подход у нас хоть и провозглашается, но реально не осуществляется. На наш взгляд, стабильность государства действительно зависит от степени деперсонификации власти, поскольку власть, государство должны оставаться неизменными и константными институтами, а не воплощаться в личности человека, чьи качества и действия зависят только от него и могут оцениваться по-разному. Превыше всего должны ставиться интересы общества, государства и права, а не интересы и амбиции государственных и политических деятелей.

Особенно это касается фигуры главы государства, в нашем случае – Президента. С точки зрения права, глава государства должен восприниматься в первую очередь как хранитель конституционного строя и гарант прав и свобод человека и гражданина. По мнению М.А. Краснова, современному

государству нужен не его глава, а хранитель конституционного строя и государственного суверенитета. Эта роль вовсе не означает институциональной слабости главы государства, но, наоборот, требует действенных властных прерогатив. Они позволят, с одной стороны, выводить из возможных политических тупиков, а с другой – ограждать конституционный строй от разрушения¹¹. В плане стабильности государства, это очень важно, поскольку значимой становится не сама фигура Президента и его личные качества, а то, зачем он, собственно, нужен и чем будет заниматься.

Во-вторых, стабильность государства должна гарантироваться сменяемостью власти, которая, в свою очередь, зиждется на периодичности выборов в прозрачной и честной избирательной системе. Для современного демократического государства это – основа основ, не позволяющая узурпировать власть. Именно сменяемость власти предотвращает антиконституционные методы обновления власти и обеспечивает реальную стабильность государства. Это обеспечивается периодичностью выборов и обновлением состава высших органов государственной власти, обязательным и неукоснительным ограничением сроков полномочий, при необходимости – введением предельного возраста пребывания в должности. При этом важна реальная политическая конкуренция, чтобы оппозиция имела реальные возможности предоставлять альтернативные решения государственных и общественных проблем. Стабильность государства невозможна без стабильной избирательной системы, которая не должна меняться в угоду правящим элитам, а должна быть постоянной и неизменной, исключала возможность применения административного ресурса и была максимально прозрачной и объективной.

В России проблема сменяемости власти была и остается актуальной. С одной стороны, высказывается мнение о том, что сменяемость власти можно пожертвовать в пользу права народа избирать любое лицо, которое ему захочется, в качестве главы государства, поскольку это вытекает из принципа народовластия¹². Сменяемость власти ограничивает не столько права «потенциального тирана», сколько право народа на свободный выбор. Если некий президент за два срока показал себя с хорошей стороны, улучшил жизнь в стране и граждане хотят видеть его во главе государства на третий, четвертый или даже десятый срок – это их право. Это их права ограничиваются, а не «властолюбивого» кандидата¹³. С другой стороны, если речь все-таки идет о хоть какой-то смене власти, то применяется сложившийся у нас институт преемника (преемничества). Это особая модель воспроизводства власти, который хотя и сочетает в себе черты, присущие другим механизмам (наследование, назначение, выборы), но не сводится ни к одной из них. Содержательно она состоит в том, что «действующий политический лидер»: а) подбирает такого кандидата, который призван сохранить воспроизводство сложившейся клиентелистской дистрибуции ресурсов и, вместе с тем, способен победить на выборах; б) готовит его, то есть продвигает на значимые должности в государственном аппарате; в) номинирует его кандидатуру на выборах, то есть открыто представляет его в качестве преемника (важно, чтобы не только у элиты, но и у населения не было сомнений, что данный кандидат является преемником); г) оказывает поддержку в ходе выборов (в идеале требуется

5 В. Путин: Стабильность – важнейшее условие развития страны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/20/12/2012/5704014d9a7947fcbdd443d48> (дата обращения: 11.08.2020).

6 Н. Патрушев не допустит «оранжевой революции» в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/18/12/2012/570401289a7947fcbdd443b3b> (дата обращения: 11.08.2020).

7 Путин: сейчас важнее стабильность, а не сменяемость власти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4282507> (дата обращения: 11.08.2020).

8 Китаев С.В. Проблема политической стабильности и устойчивого развития российского государства // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2017. – № 2. – С. 38.

9 Ключкин Е.А., Красницкая А.В. Взаимосвязь качеств личности главы государства и стабильности государства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам конференции. – 2017. – С. 756.

10 Романович Н.А. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. – 2009. – № 9. – С. 13.

11 Краснов М.А. На пути к деперсонификации российской власти: изменение статуса главы государства // Политическая концептология. – 2016. – № 4. – С. 92–94.

12 Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 23.03.2020, № 12, ст. 1855.

13 Против принципа сменяемости власти. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/443536.html> (дата обращения: 25.08.2020)

создать иллюзию безальтернативности выборов, чтобы все остальные кандидаты не рассматривались в качестве серьезных претендентов)¹⁴. Иными словами, если власть и готова смениться, то только проверенными, своими людьми.

Такое положение дел показывает, насколько мы далеки от понимания стабильности государства как целостного и неизбежного общественно-политического института, поскольку усилия прилагаются к поддержанию власти определенной группы лиц, которая неспособна к политической конкуренции и реальной сменяемости власти. Стабильность государства как раз-таки должна выражаться в ограниченных сроках полномочий, периодичности выборов и сменяемости власти. Не важно, кто победил на выборах, главное, что выборы состоялись, они были честными и конкурентными, а избранный государственный деятель проработал ограниченное количество времени, после чего цикл повторится снова.

В-третьих, стабильность государства должна характеризоваться своей предсказуемостью. Когда мы говорим о современном демократическом государстве, то речь идет о том, что граждане такого государства должны быть уверены в том, что государство будет действовать в рамках ожидаемых результатов. На наш взгляд, добиться этого возможно только благодаря праву как системе норм, которые регулируют отношения между государством, обществом и личностью. При этом, все субъекты этих отношений признают верховенство права, неукоснительно следуя ему. Право, в свою очередь, должно отражаться в принимаемых законах и конституции. Как писал Э. Хэйвуд, конституция представляет собой некий свод предельно общих правил, по которым функционирует данная политическая система. Это правила, которые, так сказать, «управляют государством». Подобно тому, как государство устанавливает упорядоченное правление в обществе, так и конституция привносит стабильность, предсказуемость и порядок в действия государственных институтов¹⁵. Таким образом, стабильность государства напрямую зависит от стабильности правовой системы, стабильности законодательства, стабильности Конституции. Однако и здесь мы наблюдаем множество проблем, связанных с изменением законодательства. Недавнее внесение изменений и поправок в Конституцию РФ подтверждает тезис о том, что стабильность российского государства напрямую зависит от стабильности политического руководства.

Высказанная нами позиция о стабильности государства может показаться нежизнеспособной, оторванной от реальности, невозможной в российских реалиях. Однако мы не можем не отрицать реально существующие проблемы сменяемости власти, избирательной системы и организации выборов, политической конкуренции, преемничества как способа воспроизводства власти, стабильности Конституции и законодательства. И все они напрямую связаны со стабильностью государства, их необходимо решать. Впрочем, для некоторых, наоборот, эти проблемы воспринимаются как неубедительные доводы радикалов, которые пытаются изменить конституционный строй и нарушить стабильность¹⁶.

В заключение хотелось бы отметить, что в конечном счете стабильность государства равна стабильности большинства, а не одного человека или определенной группы лиц. Стабильное общество рождает стабильное государство. Каждый из нас как гражданин своей страны должен поддерживать стабильность государства на основе права.

Пристатейный библиографический список

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 23.03.2020, № 12, ст. 1855.
2. Большой латинско-русский словарь. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/index.php> (дата обращения: 10.08.2020).
3. В. Путин: Стабильность – важнейшее условие развития страны. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/20/12/2012/5704014d9a7947fcbd443d48> (дата обращения: 11.08.2020).
4. Гуляева А.Г. Институт преемника как модель воспроизводства власти в современной России // Вестник Пермского университета. Политология. – 2010. – № 3 (11). – С. 66.
5. Китаев С.В. Проблема политической стабильности и устойчивого развития российского государства // Научный вестник Волгоградского филиала РАН-ХиГС. Серия: Политология и социология. – 2017. – № 2. – С. 38.
6. Ключкин Е.А., Красницкая А.В. Взаимосвязь качеств личности главы государства и стабильности государства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам конференции. – 2017. – С. 756.
7. Колотилин А.В. Стабильность правовой и политической системы современной России как кардинальный фактор возрождения и развития государства // Экономика и экологический менеджмент. – 2012. – № 2. – С. 202.
8. Краснов М.А. На пути к деперсонификации российской власти: изменение статуса главы государства // Политическая концептология. – 2016. – № 4. – С. 92-94.
9. Н. Патрушев не допустит «оранжевой революции» в России. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/18/12/2012/570401289a7947fcbd443b3b> (дата обращения: 11.08.2020).
10. Новая философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e47209660a3b926ebfcb6> (дата обращения: 10.08.2020).
11. Против принципа сменяемости власти. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/443536.html> (дата обращения: 25.08.2020).
12. Путин: сейчас важнее стабильность, а не сменяемость власти. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4282507> (дата обращения: 11.08.2020).
13. Романович Н.А. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. – 2009. – № 9. – С. 13.
14. Социологический энциклопедический словарь. – М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998.
15. Хэйвуд Э. Политология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 359.
16. Колотилин А.В. Стабильность правовой и политической системы современной России как кардинальный фактор возрождения и развития государства // Экономика и экологический менеджмент. – 2012. – № 2. – С. 202.

14 Гуляева А.Г. Институт преемника как модель воспроизводства власти в современной России // Вестник Пермского университета. Политология. – 2010. – № 3 (11). – С. 66.

15 Хэйвуд Э. Политология. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 359.

16 Колотилин А.В. Стабильность правовой и политической системы современной России как кардинальный фактор возрождения и развития государства // Экономика и экологический менеджмент. – 2012. – № 2. – С. 202.

ЕВСЕЕВА Ольга Владимировна

преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

ИСПОЛНЕНИЕ ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСКИХ, БОЛЕЗНЕННЫХ И ПОЗОРЯЩИХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVI-XIX ВВ.)

Статья посвящена анализу процесса исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в рамках исторического подхода. Автор рассматривает исполнение телесных наказаний в Российской империи. На основе правовых источников определены исторические вехи и особенности исполнения телесных наказаний в Российской империи.

Ключевые слова: исполнение наказаний, телесные наказания, клеймение, шпицрутены, батоги, урывание, экзекуция.

EVSEVA Olga Vladimirovna

lecturer of Management and administrative law disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of Law of the FPS of Russia

EXECUTION OF SELF-MUTILATING, PAINFUL AND DISHONORING PUNISHMENTS IN THE RUSSIAN EMPIRE (16TH -19TH CENTURIES)

The article is devoted to the analysis of the process of execution of non-custodial sentences in the framework of the historical approach. The author considers the execution of corporal punishment in the Russian Empire. On the basis of legal sources, historical milestones and features of corporal punishment in the Russian Empire are determined.

Keywords: execution of sentences, physical punishment, branding, gauntlets, batogi, tearing away, execution.

Евсеева О. В.

Телесные наказания в русском праве имеют глубокую историю. Хронологические корни применения телесных наказаний уходят в древнерусский исторический период. Становление телесных наказаний, как вида наказаний, в период X–XV вв., происходит путем вытеснения традиционных видов наказания и постепенного их замещения. В русском праве законодательно телесные наказания были закреплены в Судебнике 1497 г. С принятием новых нормативно-правовых документов, таких как Судебник 1550 г., Уставная книга Разбойного приказа, Соборное уложение 1649 г., значительно расширяется область применения телесных наказаний. И своего апогея устрашающий характер карательной системы достиг в XVIII в.

Телесные наказания существовали в следующих формах: членовредительские, болезненные, позорящие.

Членовредительские наказания, их еще называли изуевичающие, приводились в исполнение через отсечение рук, ног и пальцев¹. Смертная казнь, которая назначалась татям и разбойникам, заменялась отсечением обеих ног и левой руки. Отсечение пальцев как категория членовредительских наказаний отходит, но заменяется наказанием – «резать уши»². Отрезание ушей имело особое полицейское значение, являлось мерой предосторожности и «визуальной справкой» о судимости. Появление таких людей на местах сопровождалось

особым контролем со стороны воевод, приказных людей, губных старост.

Отрезание языка в законодательных актах, первым делом в Уложении, как самостоятельное наказание не было предусмотрено. На практике оно применялось при совершении преступных деяний религиозного и политического характера. Встречающееся в памятниках права понятие «урезание языка» связано с исполнением этого наказания.

Впервые «урезание (урывание) языка» как наказание в правовых источниках встречается в 1545 году, а в 1743-м – в последний. Раскольники наказывались отсечением языка до самого основания и отсечением правой руки по запястье; у руки четырех пальцев; руки поперек ладони³. За святотатство наказывали отсечением обеих рук. Изменникам и бунтарям отсекались руки.

В соответствии с Уложением за употребление табака «с приводом» свыше трех раз приводилось в исполнение наказание в виде «пороть ноздри и носы резать». Некоторые памятники права прошлых веков имеют примеры исполнения отрезания носа преступникам, участвующим в бунтах и восстаниях⁴. При усмирении бунтов резали носы несовершеннолетним.

Существовало также и телесное наказание в виде клеймения или пятнания. Клеймение использовалось для «денежных воров», лиц, подвергавшихся ссылке, участников бунтов. В законодательных актах указывалось: «пятнать и

1 Сергиевский Н.Д. Наказания в русском праве XVII века. – СПб.: Издание книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга, Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1887. – С. 133.

2 Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 2. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 481.

3 Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Под ред. Н.С. Тихонравова. – Санкт-Петербург: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1861 (обл. 1862). – С. 86-87.

4 Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: В 12-ти т. с указ. – СПб., 1846-1872. Т. 7: 1676-1681 / Под. ред. Н. Калачова. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. – С. 277.

ссылать», «бить кнутом и, запятив, ссылать»⁵. Вторичному клеймению подвергались лица, бежавшие с места ссылки.

Телесные членовредительские наказания являлись дополнительными и назначались совместно со ссылкой и кнутом.

Болезненные наказания исполнялись с целью причинения физического страдания и боли. «Бить» преступников назначалось различными орудиями для битья. При исполнении таких наказаний применялись: батоги, кнут, плети. Палач был исполнителем болезненных наказаний.

Данный вид наказания мог исполняться как отдельный самостоятельный, так и в совокупности с другими. Применение этого наказания было крайне широко и безгранично. Такие деяния как работа в воскресные дни, притворство калекой (инвалидом) и прошение милостыни, за загрязнение улиц и переулков пометом и «мертвечиной» влекло за собой применение кнута в виде наказания.

Среди телесных наказаний батоги были менее тяжелым по сравнению с кнутом. Тяжесть наказания зависела не только от количества ударов, но и от толщины прутьев, и от доброй воли исполнителей. После указа 17 марта 1775 года № 14275 в законодательных актах наказание батогами не упоминается.

Право использовать батоги в качестве меры дисциплинарного воздействия принадлежало лицам, имеющим власть над другими – это дворяне, помещики, офицеры. Поэтому использование батогов продолжалось.

Для приведения в исполнение уголовного наказания, в соответствии с приговорами судов, в качестве орудия использовались плети. Битье плетью могло быть проведено совместно с другим наказанием, например с кнутом. Для телесных наказаний плетью в соответствии с Указом от 19 марта 1823г. была определена категорированность, в зависимости от исполнения.

Шпицрутены, в виде экзекуции появилось при Петре I как воинское наказание. В армии шпицрутены были самым распространенным наказанием и применялось как дисциплинарное, не лишавшее военного и дворянина чести. Данному наказанию подвергали не только провинившихся солдат, но и гражданских преступников.

Телесные наказания в своем большинстве носили публичный характер. Что и определяло место проведения, исполнения телесного наказания. В городах работали эшафоты.

Постепенно отношение к телесным наказаниям менялось. Свое дело сделали Просвещение и гуманизм, которые становились достоянием русского общества.

В конце XVIII века начались изменения, которые выражались в отказах от традиционных жестоких пыток и экзекуций. Отрицательным историческим моментом было то, что они носили поверхностный характер и отражались только в законах. В тюрьмах полиции при исполнении наказаний творились бесчинства, которые старались завуалировать.

В годы правления Павла I все сословия, без исключения, были подвержены жестоким наказаниям. Политику смягче-

ния телесных наказаний начал новый император Александр I.

1801 году ознаменован возвращением норм Городового положения Екатерины II и повторным освобождением дворян от телесных наказаний. Судебным местам Указом 18 января 1802 г. запрещено использовать в приговоре слова «нестадно» и «жестоко». От телесных наказаний освободили: в 1808 году – жён священников, а в 1811 – простых монахов⁶.

Более решительные действия были предприняты государством после окончания Отечественной войны 1812 года. В 1817 году создан Особый комитет, для определения фактической возможности отмены или сокращения наказаний. Результат деятельности комитета выразился в запрете «рвания ноздрей» и отмене, с принятием нового Уложения, торговой казни.

В 20 – 30-х годах Государственный совет выступал за отмену клеймения и наказаний кнутом, даже голосовали «за» данное изменение, но оно так и осталось на бумаге.

В 1829 г. было секретно постановлено, чтобы число ударов кнута не превышало 50, а при издании Свода законов по отношению к значительному числу преступлений кнут был заменен плетью.

Торговую казнь Свод законов 1832 года отменить не смог. Но в соответствии Свода 1835 и 1842 года дворяне (в том числе и иностранные), султаны сибирских киргизов, почетные граждане, как привилегированные сословия, телесным наказаниям не подвергались. Христианское и исламское духовенство, купцы первой и второй гильдий, некоторые должностные лица, а также их жёны и дети были постепенно освобождены от телесных наказаний⁷.

Смягчения в исполнении телесных наказаний коснулись такой возрастной категории как дети и старики. Детей, до 17 лет, наказывать кнутом запрещалось, а старики, после 70 лет, избавлялись от истязаний⁸.

Уложением 1845 года были отменены истязания кнутом, что стало одним из шагов к полной отмене телесных наказаний. Самым тяжким наказанием остались плети, которые сопровождалась клеймением и ссылкой на каторгу. Подвергнув анализу исполнение наказания плетью, сделали вывод, что удар плетью слабее, чем удар кнута и отличается в 2,5 раза. Таким образом, где раньше назначали 40 ударов кнутом, теперь давали 100 плетью. Можно считать, что порка плетью, как мера наказания подверглась процедуре «индексирования». Что касается розог, то они активно применялись в школах и в крестьянской среде. Смертельным телесным наказанием на этот исторический период оставалось наказание шпицрутенами.

По Уложению 1845 г. и по воинским уставам средствами телесного наказания оставались плети, шпицрутены, кошки,

5 Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 3. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 108, 112.

6 Железняк А.В. Телесные наказания и пытки в истории государства и права России до 1864 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/telesnye-nakazaniya-i-pytki-v-istorii-gosudarstva-i-prava-rossii-do-1864-goda> (дата обращения: 19.09.2020).

7 Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 38. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 830.

8 Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 25. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 454.

палки, розги, а также дополнительно использовались клеймение и наложение оков. В дореформенный период телесные наказания были обычным делом, хотя и стали применяться реже.

Наказание женщин плетью продолжалось. За 1856 – 1858 было наказано в Ковенской губернии – 21 женщина, в Новороссийской – 18, в Оренбургской – 8. В этот период крайне остро встала проблема назначения и применения телесных наказаний и назрела необходимость их полной отмены.

Новым шагом на пути отмены телесных наказаний стала записка генерал-адъютанта князя Николая Орлова, которая была передана в апреле 1861 г. в комитет 2-го отделения канцелярии Е.И.В. Указ 17 апреля 1863 года это результат многолетней работы и обсуждения вопроса об искоренении телесных наказаний. Указ 1864 года освободил от телесных наказаний учащихся средних учебных заведений.

В ночь с 7 на 8 ноября 1889 года, в знак протеста против грубого обращения, политические заключенные Карийской каторги совершили попытку массового самоубийства. Это событие всколыхнуло широкую дискуссию об отмене физических наказаний среди представителей просвещенных кругов российского общества. Граф Лев Толстой являлся одним из активных пропагандистов полной отмены телесных наказаний для женщин. Итогом выступлений стала отмена в 1893 году физических наказаний для ссыльных женщин.

Движение за полную отмену телесных наказаний в конце XIX века усилилось. Рассматривались все сословия российского общества, в том числе и крестьяне. Век XIX остановил рост применения телесных наказаний, но их исполнение, как карательной меры, и в законе, и в практике сохранялось вплоть до начала XX в.

В Российской империи оставались телесные наказания в виде битья розгами и плетью. Розги применялись для наказания крестьян по приговорам волостных судов, бродяг, ссыльных и для ремесленных учеников как исправительная мера. Плетни, приковывание к тачкам, оковы (кандалы) и бритые головы использовались для ссыльно-каторжных и поселенцев. Но и эти варварские экзекуции вытеснялись из практического применения под давлением просвещенных слоев российского общества.

После отмены, 12 июня 1900 г., телесных наказаний для каторжных и ссыльных, в Уголовном уложении не осталось упоминаний о телесных наказаниях.

30 июня 1904 г. официально в российской армии и флоте отменены телесные наказания. Единственно, кандалы остались, как мера пресечения.

11 августа 1904 г. отменены телесные наказания для крестьян и малолетних ремесленников.

24 августа 1904 года в России были официально отменены все виды телесных наказаний. Розги остались только в исправительных арестантских отделениях и военных тюрьмах до революции 1917 года.

История исполнения телесных наказаний в России очень долгая и кровавая. Боль и увечья делали людей покорными и более спокойными, страх перед наказанием был велик. Россия одной из последних в Европе отказалась от жестоких наказаний.

Пристатейный библиографический список

1. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: В 12-ти т. с указ. – СПб., 1846-1872. Т. 7: 1676-1681 / Под ред. Н. Калачова. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859.
2. Житие протопопы Аввакума, им самим написанное / Под ред. Н.С. Тихонравова – Санкт-Петербург: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1861 (обл. 1862).
3. Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 2. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
4. Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 3. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
5. Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 26. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
6. Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 38. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
7. Полное собрание законов Российской Империи. 1649-1825 гг. В 50 т. Т. 25. / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Издательство: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
8. Сергиевский Н.Д. Наказания в русском праве XVII века. – СПб.: Издание книжного магазина А.Ф. Цинзерлинга, Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1887.

КОНАРЕВА Ирина Анатольевна

аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В УЧЕНИИ М. М. СПЕРАНСКОГО

В работе рассмотрены позиции, отраженные одним из самых ярких и активных государственных деятелей и реформаторов начала XIX века М. М. Сперанским в отношении концепции судебной власти, ее места и роли в управленческой деятельности, способах влияния на общество, приведено разграничение полномочий и установлен порядок взаимодействия императора и судебных органов. Автором проанализированы позиции мыслителя по вопросам соотношения права и понятия нравственности, рассмотрена допустимость, а также установлены критерии использования в процессуальной деятельности этих двух форм регулирования поведения человека. В данной статье приведена авторская позиция о системе взглядов М. М. Сперанского, его идейных позициях относительно развития судебной системы.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, развитие судебной системы, суд, державная власть, разделение властей.

KONAREVA Irina Anatoljevna

postgraduate student of the Belgorod State National Research University

THE CONCEPT OF JUDICIAL POWER IN THE TEACHINGS OF M. M. SPERANSKY

The paper considers the positions reflected by one of the brightest and most active statesmen and reformers of the early 19th century M. M. Speransky in relation to the concept of the judiciary, its place and role in management, ways of influence on society, presents the division of powers and establishes the order of interaction between the Emperor and the judiciary. The author analyzes the position of the thinker on the relationship of law and the concept of morality, considered the admissibility, and the criteria for the use of procedural activities of these two forms of regulation of human behavior. This article presents the author's position on the system of views of M. M. Speransky, his ideological positions on the development of the judicial system.

Keywords: M. M. Speransky, development of judicial system, court, sovereign power, separation of powers.

Конарева И. А.

Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839) был одной из важнейших персон в российской истории первой половины XIX в. Под его руководством проводилась масштабная работа по кодификации российского законодательства, им был предложен целый ряд реформ в различных сферах общественной жизнедеятельности, часть из которых получила свою реализацию сразу, некоторые идеи – в последующем. В частности, существует позиция о том, что корни судебной реформы 1864 г. уходят именно в программу М. М. Сперанского¹.

По мнению многих ученых, в истории нашего государства его имя всегда ассоциируется с репутацией государственного деятеля-реформатора, предложившего целый ряд прогрессивных решений в различных сферах жизни общества².

Из наиболее принципиальных положений, которые нашли свое отражение в трудах М. М. Сперанского, можно отметить поддержку системы разделения властей как системообразующий фактор, оказывающий влияние на качество работы всего государственного механизма.

М. М. Сперанский указывал, что суд представляет собой самостоятельную форму реализации властных полномочий, призванный рассматривать вопросы о порядке пресечения «беспорядков, угрожающих вредом общим» (под данным термином понимаются уголовно-наказуемые деяния) и «беспорядков без опасности вреда общего» (речь идет о взаимоотношениях субъектов в контексте реализации частных прав и обязанностей)³.

Судебные инстанции действуют путем проведения «следствия» по установлению обстоятельств, имеющих юридическое

значение. Эта первая из трех обязательных стадий судебного процесса. По итогам установления конкретных фактов суд переходит ко второй стадии, состоящей в квалификации деяния и избрании наиболее оптимальной меры воздействия. Далее следует заключительная стадия – провозглашение приговора.

М. М. Сперанский одним из первых высказывался за публичное ведение судебных дел, что позволяет обеспечить более объективный подход к рассмотрению спора, утверждает доверие к судебной власти или, напротив, указывает на недостатки в ее работе⁴.

Идеи М. М. Сперанского излагались в контексте утверждения о существовании незыблемого религиозного начала. В частности, он отстаивал идею о «верховном праве». При этом под «верховным правом» государственный деятель понимал не высшие по юридической силе нормативные акты и не позитивное право вообще, а общий принцип, который, по его мнению, должен быть реализован в деятельности абсолютно любой государственной структуры.

Речь идет о том, что правотворческие органы и органы, осуществляющие исполнение установленных предписаний, обязаны исходить из посылки о справедливости (или как об этом пишет сам М. М. Сперанский – «о правде»), устраняя возможность принятия решений на основании предпочтений конкретных чиновников, не имеющих под собой высшего начала⁵.

Изложенное позволяет проводить условную аналогию позиций М. М. Сперанского с представителями школы естественного права, хотя отдельные исследователи его творчества утверждали, что в своем учении М. М. Сперанский закладывал

1 Судебная реформа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studwood.ru/947235/istoriya/sudebnaya_reforma (дата обращения: 17.09.2019).

2 См., например, Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. – 5-е изд, обновленное и дополненное. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2013.

3 Сперанский М. М. О коренных законах государства. – М.: ЭКСМО, 2015. – С. 155.

4 Деятельность М. М. Сперанского и его программы по рационализации управления в целом. Концепция разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://poznayka.org/s6855t1.html> (дата обращения: 12.05.2020).

5 Довнар-Запольский М. В. Политические идеалы М. М. Сперанского. – М.: издание товарищества И. Д. Сытина, 1905. – С. 10.

противоположные послылы. В частности, С. А. Чибиряев отмечает, что «для него нет права естественного, но есть положение естественное»⁶.

Таким образом, принятие любого закона должно сопровождаться оценкой его норм через призму о допустимости в контексте религиозности и этики. Между тем даже подобный подход, учитывая абстрактность законодательных норм, не способен в полной мере гарантировать каждому человеку полноценную защиту его верховного права. По этой причине реализация задачи о господстве принципа справедливости переходит к правоприменительным структурам.

Однако если органы исполнительной власти, используя предоставленные им права, в рамках собственного усмотрения применяют норму права вопреки требованиям верховного закона, то в качестве последней инстанции, контролирующей надлежащее исполнение законодательных предписаний, выступал суд, решения которого должны быть продиктованы вышеуказанными правовыми подходами.

М. М. Сперанский отмечал, что судья «со здравым смыслом и чистою совестию, хотя и без технического знания, вообще может быть полезнее, нежели судья просто ученый»⁷.

В своем широко известном труде «О коренных законах государства» М. М. Сперанский отмечал: «Если бы государство могло быть одно на свете и составлено из людей равно мощных или равно справедливых, тогда не было бы никакой нужды в правительстве, тогда каждый наслаждался бы в совершенной независимости личными своими силами»⁸.

В такой концепции идея справедливости достигается за счет устранения влияния субъективизма лица, являющегося участником правовой спора, путем рассмотрения обстоятельств дела независимыми судьями.

Однако эта независимость означает лишь абстрагирование судьи от ситуации, повлекшей конфликт. В тоже время, изложенное не следует понимать как независимость судебной власти от влияния главы государства. Такая зависимость, безусловно, признавалась.

Возможно именно эти взгляды М. М. Сперанского наряду с некоторыми другими принципиальными позициями позволяют современным исследователям утверждать о его консерватизме в вопросах реформирования государственно-властных отношений. В частности, Е. В. Тимошина утверждает, что М. М. Сперанский «стоит у истоков консервативной традиции русской правовой мысли»⁹. Вместе с тем, неординарность учения М. М. Сперанского состоит в анализе права через его осмысление в контексте психологии и социальной обусловленности.

М. М. Сперанский отдавал приоритет нравственности как высшей категории, с помощью которой должны обосновываться любые действия в социальной среде.

Роль императора в управлении государством в концепции М. М. Сперанского была выдержана в достаточно консервативном ключе. Он в своих трудах неоднократно подчеркивал важность исторического контекста и традиций народа в определении основополагающих принципов функционирования властных институтов, поскольку эти два компонента отражают уровень морально-этических и религиозных представлений той или иной нации¹⁰, которые невозможно преодолеть радикальными преобразованиями.

Вместе с тем, любое государство не может существовать изолированно от остального мира, поэтому для него характерно использование правового опыта других стран. В тоже время существенные политические или административные реформы

могли проводиться только при условии появления в обществе соответствующих запросов, прорывающихся из духовной составляющей.

Но даже наличие подобных запросов не могло являться поводом для безусловных изменений, проведенных путем полного заимствования правовых или управленческих институтов.

М. М. Сперанский являлся сторонником постепенного внедрения новаций, приспособляя их к исторически сложившимся ценностям, законам, чтобы соблюсти преемственность. Именно поэтому он указывал, что нужно как можно чаще соотносить существующий правопорядок с запросами времени, а необходимые преобразования должны сводиться лишь к «поправлению обветшалого». Однако в любом случае необходимость постоянных преобразований составляет часть обыденной и даже рутинной работы правотворца, поскольку нужно все «постоянно улучшать, чтобы всего не переделывать»¹¹.

Таким образом, учение М. М. Сперанского основывается на идеях о социальной гармонии, общественной солидарности, органическом поступательном развитии, единстве развития правовых институтов и юридических норм¹². Причем это касается как сферы законодательства, так и сферы правоприменения, в т.ч. отправления правосудия.

Основой существования общества является закон, который дополняется духовным руководством народом, исходящим от монарха. Тем самым глава государства как верховный правитель и судья должен быть образцом добродетели и поведения, в основе которого стоят правила этики.

Император хотя и сохранял верховенство в системе публичной власти, делегировал большую часть полномочий, связанных с отправлением правосудия на уровень судебной власти, независимой от иных ветвей власти.

Вместе с тем, судебная система была подчинена державной власти самодержца. Подобное влияние заключалось в наделении монарха так называемыми «охранительными» полномочиями.

При этом какой-либо конкретикой относительно приведенной формулировки М. М. Сперанский в своем учении не давал, сохраняя тем самым окончательное решение этого вопроса за главой государства.

Пристайный библиографический список

1. Довнар-Запольский М. В. Политические идеалы М. М. Сперанского. – М.: издание товарищества И. Д. Сытина, 1905. – 72 с.
2. Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского. – Саратов: издательство Саратовского университета, 1973. – 49 с.
3. Олимпиева И. В. Становление системы подготовки кадров для Министерства юстиции в Императорском училище правоведения. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». – 2016. – № 4. – С. 14-19.
4. Современные зарубежные исследования русской правовой мысли XIX века. Реферативный сборник. Вып. 1 / Отв. ред. Н. Н. Разумович; Сост. и ред.: Ю. С. Пивоваров. – М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1982. – 260 с.
5. Сперанский М. М. О коренных законах государства. – М.: ЭКСМО, 2015. – 536 с.
6. Сперанский М. М. Порядок и его следствие в государстве // В память графа М. М. Сперанского. 1772-1872. – СПб., 1872: издание Императорской публичной библиотеки. – 856 с.
7. Тимошина Е. В. Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 220-224.
8. Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. – 5-е изд., обновленное и дополненное. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. – 476 с.
9. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. – М.: Наука, 1989. – 219 с.
10. Сперанский М. М. Порядок и его следствие в государстве // В память графа М. М. Сперанского. 1772-1872. – СПб.: издание Императорской публичной библиотеки, 1872. – С. 847-848.
11. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. – М.: Наука, 1989. – С. 47.

КУЛИК Алексей Сергеевич

аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного Института Санкт-петербургского политехнического университета имени Петра Великого

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СОЛОНЕВИЧА И ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В РЕАЛИЯХ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В статье анализируются социально-исторические взгляды известного российского исследователя Ивана Лукьяновича Солоневича относительно организации государственной власти в связи с реализацией на территории нашей страны монархического правления. Сопоставляются социально-исторические основания наличия монархического строя в государстве с особенностями историко-национального и культурного развития многомиллионного российского народа. Выявляются сходства и различия в осуществлении властных полномочий в различных социально-политических системах, существовавших в России на протяжении разных периодов истории. Анализируются положительные и отрицательные стороны политических взглядов Солоневича применительно к конкретным историческим обстоятельствам российского общества.

Ключевые слова: Солоневич, монархизм, российское государство, элита, «штабс-капитаны».

KULIK Aleksey Sergeevich

postgraduate student of the Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

SOLONEVICH'S SOCIO-POLITICAL VIEWS AND THEIR MANIFESTATIONS IN THE REALITIES OF THE HISTORICAL AND POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

The article analyzes some important aspects of the organization of state power in connection with the implementation of monarchical rule on the territory of our country. The socio-historical foundations of the presence of a monarchical system in the state are compared with the peculiarities of the historical, national and cultural development of the multimillion Russian people. The similarities and differences in the exercise of power in various social systems that have existed in Russia during different periods of history are revealed. The author analyzes the positive and negative sides of Solonevich's views in relation to the specific historical circumstances of Russian society.

Keywords: Solonevich, monarchism, the Russian state, elite, "staff captains".

В современной России в процессе реализации национально-государственных интересов происходит сложный этап исторического пути, который отражается в разнообразных аспектах жизнедеятельности многонационального российского общества. Анализируя тенденции развития российского государства, связанные с решением острых проблем, можно обратить внимание на то, что многие вопросы, возникающие перед российским социумом, имеют значительное сходство в рамках исторически-социального развития в предыдущие периоды существования российской общности. Учитывая сказанное, значительный интерес представляют социально-политические взгляды ведущих отечественных исследователей относительно разрешения схожих ситуаций в предыдущие периоды истории российского государства. В частности, представляется актуальным глубокое изучение концептуальных положений историко-политического плана в работах видного ученого в области политических наук Ивана Лукьяновича Солоневича. Разрабатывая свои политические воззрения, ученый обращал особое внимание на национально-социальные отличия пути развития российского государства в процессе историко-социального движения. Особое значение в политической жизни российского социума он придавал интересам органического выделения из широких народных масс представителей так называемого «элитного» слоя общества, который может в наибольшей степени осознать сущностные устремления многомиллион-

Кулик А. С.

ного российского общества с учетом его сложной национально-демографической структуры и реализовать интересы разнообразных социальных классов, слоев и социальных групп в рамках единого последовательного, постепенного движения российского государства к более высоким показателям экономического, политического, социального и культурного характера. Такой подход, по мнению Солоневича, позволял нашему государству за относительно короткий исторический отрезок времени ликвидировать отставание Российской Империи, а затем и его правопреемников от ведущих государств Европы, Северной Америки. В своих разработках автор довольно подробно анализировал, какими путями происходит формирование элиты российского общества, при этом экстраполировал данные историко-социальные тенденции на довольно значительный период времени в будущем.

Необходимо подчеркнуть, что вышеназванный российский публицист придерживался мнения относительно того, что, начиная с периода реформ Императора Петра Первого, реформы российской государственности не в полной мере соответствовали культурно-историческим, социально-политическим чертам свойственным жизнедеятельности российского народа¹. В своих работах И.Л. Солоневич полагал, что наиболее подходящей для России организационно-государственной структурой является монархия, но одновременно в его взглядах

1 Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Эксмо, 2003. – С. 407.

четко прослеживается идея о том, что государство не может опираться на элиту, имеющую многовековые корни в виде дворянского сословия. Он писал, что несмотря на то, что монархическое государство в нашей стране всегда имело реальную опору на дворянство как наиболее традиционный слой общества конкретно выражающий интересы нашей огромной страны, в то же время следует более существенное значение придавать развитию среднего слоя многомиллионного российского народа, так называемых «штаб-капитанов». При этом к составу этой обширной социальной группы ученый относил представителей интеллигенции: преподавателей, врачей, инженерно-технических работников, служащих государственной службы, представителей духовенства и специалистов в области права. Указанные лица, согласно воззрениям видного российского исследователя, в наибольшей степени могли в рамках своей деятельности отражать наиболее значимые интересы государства и общества². Интересы данной социальной страты, согласно теоретическим разработкам Солоневича, полностью лежали в русле общегосударственных целей и задач, разрешаемых Россией в начале двадцатого столетия и должны были определять концептуальное положение стратегии движения Российского общества вперед к достижению наиболее значимого положения в сравнении с другими странами и государствами. Взгляды этого исследователя в корне противоречили коммунистическим идеям, которые реализовывались на территории российского государства начиная с 1917 года и по 1991 год. Как ни странно, элитные формирования в государственной деятельности нашей страны в указанный период времени играли существенную роль в определении приоритетов политического, социального, экономического и культурного развития, что четко проявляется в эпоху существования Союза Советских Социалистических Республик. Если по мнению И.Л. Солоневича российское государство опиралось на элиту в виде дворянского сословия, то в СССР формировалась своя элитная прослойка общества в виде многомиллионной коммунистической партии. И представители именно данной партийной организации практически контролировали всю полноту социальной общественной жизни советского народа. Если проводить параллель между политическими воззрениями Солоневича и теми особенностями политического характера, которые проявились в период существования Советского Союза, можно сказать, что советская элита в виде членов коммунистической партии играла такую же роль в государстве, как и представители дворянской страты многовековой истории существования российского государства. Этот талантливый исследователь, провозглашая идею преемственности монархической формы правления для нашей огромной страны и отрицая перспективы существования коммунистического политического государства, в то же время поддерживал идею о том, что во главе нашей страны должен стоять один человек в силу особенностей социально-исторического национально-культурного пути российского. Эта идея так или иначе концептуально проявилась в условиях коммунистической действительности в том, что Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и затем КПСС фактически являл собой роль монарха. Достаточно вспомнить длительный период нахождения у власти товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, во время правления которого этот исторический деятель осуществлял абсолютную политическую власть на территории крупнейшего государства в истории человечества. То есть политические идеи о том, что для нашего государства наиболее привычной фор-

мой правления выступает монархия, как ни странно, нашли свое претворение в тот период существования российской государственности, которая по своим основополагающим признакам резко отличалась от Российской Империи. Концепция сильного единоличного лидера, необходимого для успешного движения по пути социально-экономического и культурно-политического прогресса России как одного из крупнейших государств мира, которая свойственна политическим воззрениям Солоневича, реально воплощается в настоящий период существования Российской Федерации в лице одного из наиболее влиятельных политических лидеров мира Владимира Владимировича Путина, с именем которого народ России связывает значимые достижения, свойственные современной российской государственности. Воззрения вышеназванного отечественного ученого о том, что движение нашей страны вперед во многом определяется «штаб-капитанами», то есть прежде всего средними слоями российского общества имеет существенное значение для современных реалий политической действительности нашего государства. При этом к средней страте населения можно отнести творческую интеллигенцию, слои инженерно-технических работников, мелких и средних предпринимателей, работников государственного аппарата и местного самоуправления, специалистов в области медицины, педагогов, занятых обучением в средних и высших образовательных учреждениях, офицерский состав силовых структур и специалистов в области права. То есть концептуально положения научных разработок И.Л. Солоневича во многом соответствуют нынешнему состоянию российской общественной жизни и отражают историческую преемственность, тенденции развития страны по своему уникальному национально-культурному вектору развития. Анализируя основные концепты теоретических положений названного российского ученого, следует серьезное внимание уделить его постулатам о монархической форме правления как наиболее приемлемом способе организации государственной власти для нашей страны. Рассматривая концептуальные моменты воззрений Солоневича, можно выделить такой аспект, что он придерживался патриархальной теории формирования государства. Его идеям присуща мысль о том, что российское государство возникло на основе биологической общности людей в виде семьи; впоследствии семьи славян постепенно формировали родовые структуры, а затем в ходе проявления особенностей исторического пути существования родовых славянских общностей на обширных территориях Восточной Европы естественным путем создавались более крупные объединения наших предков в виде племен. Многочисленные племена Восточной Европы, согласно концепциям Солоневича, неизбежно должны были воплотиться в создании монархического государства³. Оно по своей сущности явилось реальным выражением объединения большого количества славянских племен в единое сильное государственное образование, которое могло отразить постоянные военные угрозы со стороны кочевых племен Великой Степи и создать необходимые условия для формирования самобытной культурно-исторической общности способной выразить в наиболее глубокой степени глубинные чаяния народных масс. По мнению И.Л. Солоневича, во главе такого государства должен стать деятель, обладающий сильными личностными качествами, который смог бы навязать свою волю многочисленному населению вновь созданного государственного образования и определить наиболее эффективные и приемлемые варианты национального, политического и культурного развития на большой период времени в будущем. Этот

2 Солоневич И.Л. Русский путь // Солоневич И.Л. Вся власть – русским мозгам! Сборник статей. – СПб., 2003. – С. 115.

3 Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Эксмо, 2003. – 608 с.

известный российский публицист в своих статьях и произведениях писал о том, что монархия на территории России играет весьма отличную роль политическую от монархий собственных европейских государствам. Он обращал внимание прежде всего на то, что глава государства в России выступал в роли своеобразного отца, верховного судьи, который был способен решать самые сложные проблемы, возникавшие в ходе длительного исторического существования российской государственности перед народом страны. То есть монарх, являясь ключевой фигурой реализации власти государства по отношению к народным массам являлся символом стабильности и предсказуемости развития российского общества на значительные промежутки времени. Можно провести параллели во взглядах этого незаурядного человека на историю российской государственности в двадцатом столетии и в начале двадцать первого века. Коммунистический режим, который существовал в СССР в течение нескольких десятилетий, во многом реализовал идеи Солоневича относительно лица, осуществлявшего высшую государственную власть в стране. Хотя на первый взгляд социалистическая государственность в Советском Союзе основывалась на совершенно иных принципах. Однако если внимательно проанализировать структуру высшей государственной власти СССР, можно заметить то, что первые лица государства имели обширные полномочия в сфере осуществления властных предписаний, оказывающих существенное воздействие на все процессы политического, экономического, социального и культурного характера деятельности советского общества. Многие серьезные исследователи сталинского режима отмечали то, что этому вождю первого в мире пролетарского государства принадлежала практически ничем не ограниченная власть над многомиллионным населением СССР. Если сравнивать с Российской Империей, то властные полномочия царей и императоров все-таки ограничивались в существенной степени политическими предпочтениями элиты царской России, то есть дворянство как господствующий класс всегда имело возможность отстаивать интересы данной социальной страты и в значительной степени позиции больших масс населения, если государь предпринимал шаги, оказывающие негативное влияние на условия жизни, как обширного слоя дворян, так и больших по численности масс граждан Российской Империи. Следует выделить обстоятельства исторически-социального характера, повлиявшие на такое положение вещей в государстве. В то время как дворянское сословие по своему социальному происхождению было близко к монарху как высшему представителю этого класса, в Советском Союзе в условиях диктатуры пролетариата, то есть официального политического курса, проводимого государством до 1937 года руководители коммунистической партии имели объективную возможность осуществлять государственную политику, отрицательно влиявшую на все стороны экономической, социальной, политической и культурной жизнедеятельности общества. В реалиях объективных исторического периода развития советского государства приняло форму массовых политических репрессий, повлекших за собой необоснованные человеческие жертвы среди всех слоев населения. Тем самым тезисы Солоневича о необходимости иметь во главе государства сильного политического лидера реально выразились в том, что Сталин осуществляя практически антинародную политику вместе с тем имел непререкаемый политический авторитет среди всех слоев населения, что пагубно проявилось особенно в период Второй Мировой Войны, когда в результате репрессий был уничтожен практически весь командный состав Красной Армии и вооруженные силы

оказались обезглавленными перед немецко-фашистским вторжением на территорию СССР.

Указанные сопоставления наглядно демонстрируют то, что конструктивные идеи, высказанные И.Л. Солоневичем в разных социально-политических условиях существования российской государственности, могли приносить как позитивные результаты, так и нанести существенный вред интересам всего народа.

Пристатейный библиографический список

1. Асонов Н. В. Развитие идеи самодержавия в политической мысли русского зарубежья // Социология власти. – 2009. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-samoderzhaviya-v-politicheskoy-mysli-russkogo-zarubezhya> (дата обращения: 12.08.2020).
2. Атмачев С.И. Сущность и организация верховной власти в консервативной мысли русской эмиграции: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Ставрополь, 1999. – 184 с.
3. Беляев А.Е. И. Л. Солоневич о грядущей России // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2015. – № 1 (16). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-l-solonevich-o-gryaduschey-rossii> (дата обращения: 08.08.2020).
4. Дендиберя А. А. Роль идейного течения консерватизма в формировании современного государства // Философия права. – 2015. – № 3 (70). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ideynogo-techeniya-konservativizma-v-formirovanii-sovremennogo-gosudarstva> (дата обращения: 12.08.2020).
5. Закиров М.Б. Прошлое и будущее российской государственности в теории народной монархии И. Л. Солоневича // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2013. – №8 (151). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-i-budushee-rossiyskoy-gosudarstvennosti-v-teorii-narodnoy-monarhii-i-l-solonevicha> (дата обращения: 12.08.2020).
6. Омельченко Н. А. «Русский опыт»: к вопросу о методологических подходах и проблемах изучения российской государственности // PolitBook. – 2015. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-opyt-k-voprosu-o-metodologicheskikh-podhodah-i-problemah-izucheniya-rossiyskoy-gosudarstvennosti> (дата обращения: 12.08.2020).
7. Солоневич И.Л. Народная монархия. - М.: Эксмо, 2003. - 608 с.
8. Солоневич И.Л. Русский путь // Солоневич И.Л. Вся власть – русским мозгам! Сборник статей. – СПб., 2003.
9. Тушканов И.В. Политико-правовое учение И.Л. Солоневича: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Волгоград, 2005. – 194 с.

ЛОГИНОВ Сергей Николаевич

старший преподаватель Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

ХАРАЕВ Азамат Арсенович

кандидат юридических наук, старший преподаватель Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, член-корреспондент Академии менеджмента в образовании и культуре, майор полиции

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРАВОВОМ ПРОГРЕССЕ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В РАБОТАХ В.С. НЕРСЕСЯНЦА, Л. ФУЛЛЕРА И И.А. ПОКРОВСКОГО

В данной работе речь пойдет о тщательной степени анализа аспектов правового прогресса, а также о ключевых этапах социально-правового развития, выделяемых такими авторами, как В.С. Нерсесянц, Л. Фуллер и И.А. Покровский. Отдельное внимание уделено их общей идее, а именно об источниках развития общества, человеческих задатках, способствующих и препятствующих правовому прогрессу, о совершенном правовом устройстве общества. В частности, в работе будет указано на достоинства и недостатки отдельных положений, мнений данных концепций.

Ключевые слова: правовой прогресс, источники развития общества, критерий правового прогресса, правовой идеал, правовая свобода, совершенное правовое устройство общества.

LOGINOV Sergey Nikolaevich

senior lecturer of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KHARAEV Azamat Arsenovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, corresponding member of the Academy of management in education and culture, major of police

MODERN UNDERSTANDING OF LEGAL PROGRESS IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE IN THE WORKS OF V.S. NERSESYANTS, L. FULLER AND I.A. POKROVSKY

This paper focuses on the thorough analysis of aspects of legal progress, as well as on the key stages of social and legal development identified by such authors as V.S. Nersesyants, L. Fuller and I.A. Pokrovsky. Special attention is paid to their general idea, namely, the sources of development of society, human inclinations that contribute to and hinder legal progress, and the perfect legal structure of society. In particular, the paper will point out the advantages and disadvantages of certain provisions, opinions, and this concept.

Keywords: legal progress, sources of development of society, criterion of legal progress, legal ideal, legal freedom, perfect legal structure of society.

Сущность правового прогресса в публично-правовых отношениях современного социума играет весьма значительную роль в развитии всей совокупности юридических наук. Правовому прогрессу, как ключевому фактору развития деятельности любого правового государства, необходимо уделять достаточное количество внимания со стороны правительства. Кроме того, следует учитывать и считаться с мыслями и мнениями различных деятелей науки, касаемо данной тематики. Ведь в процессе качественного развития правовой направленности социума автоматически обеспечивается и стабильный уровень функционирования всех государственных структур и органов, что, в свою очередь, существенным образом способно повлиять на жизнедеятельность всего социума. Кроме того, правовой прогресс положительным образом может повлиять на качественную модернизацию экономического аспекта в развитии правового государства в целом. В данной работе, путем тщательного анализа, речь как раз таки и пойдет о том, насколько важное положение занимает сущность правового прогресса в условиях современности.

Существует такое мнение современных деятелей науки, согласно которому следует выделить терминологию интеллектуально-волевого характера, как ключевой аспект правового развития. Исходя из этого заключения, следует выделить факт того, что правовая сущность всегда выражается при помощи волевых качеств, построенных на достижениях общих целей внутри социума. Иными словами, сама сущность права была создана социумом при помощи государственных органов и структур.

Вопросы правового прогресса в российской юридической науке всегда являются актуальными не только в научной среде, но и на государственном уровне. Процесс исследования сущности правового прогресса имеет свои отличительные черты, в частности из-за того, что данный процесс одновременно соприкасается с несколькими правовыми областями. Именно поэтому отдельное место необходимо уделить сопоставлению как работ, так и мнений научных деятелей современности.

Терминология сущности права заключается в систематизации норм и правил поведения граждан внутри социума, за неисполнение которых, на общеобязательном уровне, су-

Логинов С. Н.

Хараев А. А.

ществует соответствующая мера воздействия в виде государственного принуждения¹. Руководствуясь данной терминологией, необходимо выделить тот факт, что сущность права представляет собой, постоянно модернизирующуюся на уровне автономности, систему развития.

Для того чтобы проанализировать сущность правового прогресса в современности, необходимо рассмотреть труды и мнения таких ученых-цивилистов, как В.С. Нерсесянц «Философия права», И.А. Покровский «Основные проблемы гражданского права», и Л. Фуллер «Мораль права».

Для начала следует рассмотреть работу В.С. Нерсесянца. В данной работе, а именно под названием «Философия права», необходимо выделить следующие пункты, обосновывающие новизну всего исследования. Во-первых, существенным было то, что общие проблемы философии права были выделены отдельно, а также были определены предметная часть и задачи философии правового прогресса внутри социума. Во-вторых, системой юридических наук качественно определяется философская составляющая сущности права, как социального регулятора. Кроме того, сущность права в виде формального равенства заключается в установлении последнего государством и обеспечении его принуждением. В данном случае терминология государства представляет собой публично-правовое образование, обладающее властью на определенной территории. В-третьих, терминологию права необходимо разделить на естественный и позитивный его виды. Естественный вид правового обеспечения граждан заключается в перечне правовых основ, который гражданин приобретает при рождении. Позитивный же вид правового обеспечения представляет собой перечень установленных государством прав, которые гражданин приобретает в процессе своей жизнедеятельности. Кроме того, правовое обеспечение рассматривается, как аспект государственной справедливости над всеми гражданами. Данным автором выделяется именно интеллектуально-волевая направленность правового прогресса, как ключевая характеристика права. В.С. Нерсесянц выносит на обсуждение целый ряд научных предположений, а именно о том, что сущность позитивного права представляет собой как законодательную форму, так и процесс выражения сущности естественного права, а также о том, что правовые нормы должны быть систематизированы, автономны и определенным образом структурированы. Ведь в современности существует целая иерархия принятых правовых актов, основываясь на различии лишь по юридической силе. И в-четвертых, нормативное содержание сущности морали также иногда скреплено государственным принуждением, но только в тех случаях, когда оно тождественно непосредственно с нормами права.

Исходя из вышесказанного, следует, что концепция В.С. Нерсесянца в отношении философии права заключается в том, что сама сущность права представляет собой установленную систему общеобязательных норм и правил поведения, за неисполнение которых, при помощи государственного принуждения, осуществляется и наказание. В то же время, понятие сущности морали представляет собой социальный регулятор качества всего социума, который не подлежит государственной защите, не имеет структуры и формального законодательного определения. Однако, с другой стороны, смысловые части как права, так и морали имеют много общего между собой, что их и объединяет в единую форму управления социумом. С одной стороны, автор отмечает, что право делится на естественное и позитивное. Естественные права представляют собой права гражданина, которые он приобретает при рождении, а смысловая составляющая позитивных прав заключается в установленных государством приобретаемых правах и свободах граждан. Можно сказать, что в какой-то мере мораль проявляется и в естественной сущности прав гражданина.

Историческая опытная практика показывает нам, что данная тематика обсуждалась множество раз и продолжает выступать одной из тематик в философии права в совре-

менности, а именно тематика о соотношении прав граждан, прав, как естественного вида, так и позитивного. Однако необходимо считаться с тем фактом, что естественное право представляет собой первичную форму создания правового прогресса, а также представляет собой первооснову для права позитивной направленности. Кроме того, нельзя не согласиться с таким особенным мнением научных деятелей, которое, в свою очередь, заключается в том, что вышеописанные категории следует не противопоставлять, а объединить в гармоничное сосуществование внутри социума. В результате чего законодательное облачение естественного права станет гарантией его существования и развития в социуме, при нарушении которого подействуют механизмы государственной защиты².

Теперь же, следует обратить внимание на работу такого научного деятеля, как Л. Фуллер, а именно на его «Мораль права», из подробного анализа которой необходимо выделить качественное обоснование новизны работы. Во-первых, существует две разновидности морали, а именно мораль стремления и мораль долга. Во-вторых, право имеет прямую зависимость от морали, и существует до тех пор, пока в социуме есть сущность морали. В свою очередь, структура морали формируется обществом, право же контролируется и формируется государством. В своей работе, данный автор рассматривает процесс соотношения таких понятий, как право, правовая мораль и концепция позитивного права. Норма морали способна к более стихийному возникновению чем правовая норма ввиду того, что не имеет государственного законодательного закрепления. Норма же права всегда имеет системный уровень развития и определенную законодательную структуру. Все это не исключает присутствия коллизий в нормах права и морали, однако в отношении права также существуют и способы устранения этих разногласий, закрепленные законодательно. Мораль не имеет четкой системы. Моральные нормы одного человека или общества могут отличаться от моральных норм другого человека или общества. Следует привести перечень основных отличий норм права и норм морали. А именно, согласно первому признаку, нормы морали зависят от влияния на них исторических событий, происходящих с государством данных граждан. Следующий признак состоит в том, что нормы права регулируются и регламентируются системой государственного принуждения, поощрения либо наказания. Признак же системности состоит в том, что нормы права, в отличии от норм морали, поддерживаются системными аспектами государственного контроля.

Из вышеуказанных признаков можно заметить, что, согласно концепции Л. Фуллера, право и мораль, а также их взаимосвязь рассматриваются в виде социальных регуляторов внутри общества. При этом, нормативная составляющая морали формируется непосредственно социумом, а правовые нормы соответственно государством. Конечно же, на все нормативные аспекты, правового и морального характера, в значительной мере влияет история государства, уровень развития общества, исторические аспекты, иными словами, внутренние и внешние факторы развития. Однако с учетом всего этого влияния нормы морали происходят в основном внутри общества. А нормы права, по сути, устанавливаются извне – государством, поэтому в некоторой степени отделены от общества.

Правовые нормы всегда имеют законодательную поддержку и основу, согласно законодательной базе государства. Правовая норма не может существовать без соответствующей легализации на законодательном уровне. Кроме того, в государстве существует определенный порядок установления норм права, а именно от возникновения потребности в данной правовой норме и до вступления в силу соответствующего законодательного акта. Норма морали, в свою очередь, не закреплена законодательно, возникает более стихийно. Какие-то моральные нормы могут существовать долго, но, так как они формируются обществом, такие нормы могут

1 Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстициформ, 2015. С. 102.

2 Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. С. 124.

быстро меняться в зависимости от социальных настроений. Не существует установленного порядка формирования, принятия и изменения норм морали, данные нормы нельзя считать контролируруемыми.

Нормы права всегда системны и четко структурированы. Существует установленная иерархия принятых актов в зависимости от их юридической силы. Коллизии возможны, однако также существуют и способы устранения этих разногласий, закрепленные законодательно. Мораль же не имеет системы. Моральные нормы одного человека или общества могут отличаться от моральных норм другого человека или общества, а коллизии не могут быть устранены только на уровне морали без каких-либо других социальных регуляторов. Любая структура моральных норм всегда условна и индивидуальна.

Нормы права всегда поддерживаются системой государственного принуждения или поощрения, то есть имеют определенные гарантии исполнения. Нормы морали не подкрепляются таким образом, только в тех случаях, когда они тождественны с нормами права. Это делает нормы морали условными, по сути, рекомендательными. Хотя данное положение не лишает мораль своих основных функций³.

Норма права имеет четкую структуру и состоит из трех элементов, а именно таких, как гипотеза, диспозиция и санкция. Данные элементы структуры помогают очень детально предписывать модель поведения граждан внутри социума. Нормы морали выступают в виде обобщенных правил и принципов, которые формулируются индивидуумом, в частности, в момент их непосредственного применения.

Таким образом, согласно концепции Л. Фуллера, можно сделать вывод о том, что право и мораль весьма различаются по разному набору аспектов, хоть и являются, в своей совокупности, социальными регуляторами внутри социума. Правая сфера наиболее автономна, закреплена и защищена на государственном уровне, а также обязательна для применения.

В свою очередь И.А. Покровский приходит к выводу о том, что цель существования вышеуказанных критериев заключается в процессе регулирования жизни внутри социума. Таким образом, следует отметить, что наиболее значимые для общества и государства отношения способны регулировать нормативную законодательную базу, при этом сохранив права граждан. Данное сохранение прав заключается в защите граждан от незаконного посягательства на их права и свободы. В случае же, если человеческие отношения находятся вне действия нормативного регулирования на законодательном уровне, то в дело вступает нормативная база моральных принципов, и даже нравственности, которые будут являться тем элементом упорядочивания, согласно которому граждане выстраивают свои отношения внутри социума. Исходя из всего этого, нормативную составляющую права следует рассматривать в синтезе обобщенности с моральными принципами, как сосуществующими элементами правового прогресса и развития государства в целом.

В заключении следует обобщить выводы о понимании концепции правового прогресса в современности, исходя из положений трудов таких научных деятелей, как В.С. Нерсесянц «Философия права», И.А. Покровский «Основные проблемы гражданского права» и Л. Фуллер «Мораль права». Сущность правового прогресса заключается в строго установленной системе общеобязательных нормативных положений и правил поведения граждан, которые должны выполняться на уровне государственного принуждения. Согласно этому определению правового прогресса, следует выделить перечень основных особенностей, при помощи которых возможно выделить сущность права на фоне иных социальных регуляторов. Сущность права представляет собой развивающуюся систему, постоянно находящуюся в стадии правового прогресса, развития социума и государства. Гарантией исполнения правовых положений, при всем этом, является силовое принуждение, а именно принуждение на государственном

уровне. Формальная определенность права представляет собой четкую и понятную трактовку правовых основ, которые, в свою очередь, закрепляются в определенных законодательных актах. В современности под данными формулировками имеется в виду то, что правовые основы официально опубликованы и доступны для чтения гражданам, а также для исследования и осознания. Сущность правовых норм обладает принципом общеобязательности и системности. В условиях современности правовой прогресс не должен обладать признаками хаотичности, так как его применение и восприятие стали бы невозможны. Сущность правового прогресса обладает строгой структурностью, институтом юридической силы, с различием лишь в законодательной кодификации правовых основ. Согласно вышесказанному, сущностью права можно регулировать как отношения внутри социума, так и отдельные направления его жизнедеятельности. Принципом системности правового прогресса обеспечивается стадия отсутствия непреодолимых коллизий и противоречий внутри законодательного регулирования. Научными деятелями также выделяется интеллектуально-волевой характер правового прогресса, как основная характеристика правовых основ внутри социума. Иными словами, правовые основы выражаются через волеизъявление граждан, ориентированы на реализацию сознания внутри социума и достижение соответствующих целей.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 348 с.
2. Веденеев Ю.А. Юриспруденция в эпоху перемен: предмет и структура дисциплины // Lex Russica. 2020. № 1. С. 88-118.
3. Кодан С.В. В.С. Нерсесянц о соотношении права и закона // Российский юридический журнал. № 1. 2019. С. 152-157.
4. Нерсесянц В.С. Правовая политика и совершенствование законодательства: теоретико-методологические проблемы // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства на современном этапе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (4-5 ноября 2003 года). М.: РПА МЮ РФ, 2003. С. 3-7.
5. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. 256 с.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, издание юридического книжного склада «Право», типография «Правда», 1917 г. // СПС Гарант.
7. Фуллер Л.Л. Мораль права. Пер. с англ. Т. Даниловой / под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. 308 с.
8. Хараев А.А. К вопросу применения и реализации политики государства в сфере противодействия преступлениям террористической направленности // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики». В 2-х томах. Краснодар, 2015.

3 Фуллер Л.Л. Мораль права. Пер. с англ. Т. Даниловой / под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 13.

КУСКАШЕВ Дмитрий Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В статье исследованы особенности развития организационно-правовой структуры городского самоуправления на территории Енисейской губернии в конце XIX века, по итогам осуществления муниципальной контрреформы императора Александра III. Рассмотрены результаты муниципальных выборов в изменении социально-сословной структуры городских дум и управ. Сделаны выводы относительно факторов, оказавших влияние на данный процесс, в сравнении с пореформенным периодом. Выявлены проблемы функционирования организационно-правовой структуры городского самоуправления Енисейской губернии в исследуемом периоде.

Ключевые слова: абсентеизм, гласные, городской голова, избиратели, муниципальная контрреформа, ценз.

KUSKASHEV Dmitry Valerjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Krasnoyarsk State Agrarian University

FEATURES OF THE EVOLUTION OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL STRUCTURE OF URBAN SELF-GOVERNMENT OF THE YENISEI PROVINCE AT THE END OF THE 19TH CENTURY

The article examines the features of the development of the organizational and legal structure of urban self-government on the territory of the Yenisei province at the end of the 19th century, following the results of the implementation of the municipal counter-reform of Emperor Alexander III. The results of municipal elections in changing the social-estate structure of city councils and administrations are considered. Conclusions are drawn regarding the factors that influenced this process in comparison with the post-reform period. The problems of the functioning of the organizational and legal structure of the city self-government of the Yenisei province in the period under study are revealed.

Keywords: absenteeism, vowels, mayor, voters, municipal counter-reform, qualification.

Кускашев Д. В.

Проблемы взаимодействия власти и гражданского общества в вопросах реализации общественных инициатив относительно конституционно-правового статуса местного самоуправления в России, традиционно являются актуальными и злободневными, что определяет необходимость обращения к богатому историческому опыту нашей страны.

Осуществление муниципальной контрреформы 1892 г., в контексте встраивания местного самоуправления в единый механизм институтов государственной власти, определяло предпосылки и факторы эволюции организационно-правовой структуры городского самоуправления на территории Енисейской губернии¹.

Важное место в проведении городской контрреформы занимал избирательный закон, с помощью которого правительство рассчитывало ограничить состав избирателей кругом наиболее состоятельных горожан, способных организовать эффективную работу органов городского самоуправления и вместе с тем исключить возможность какой-либо оппозиционности самоуправления².

Итоги первых муниципальных выборов, проведенных в территориальных границах городов Енисейской губернии, на основании вступивших в силу норм избирательного зако-

на Городового положения 1892 г., закономерно определили ряд изменений социально-сословной структуры городских дум и управ. Так, в Красноярской городской думе большинство мест получили чиновники, купцы и почетные граждане, в сумме их удельный вес составил 70% от общего числа гласных. В городских думах остальных городов большинство гласных составляли купцы и почетные граждане – от 45% в г. Канске до 60% в г. Минусинске и мещане – от 30% в г. Минусинске до 50% в г. Канске. Дворяне и чиновники получили от 5% до 10% мест в Канской и Минусинской городских думах соответственно, причем в Ачинской городской думе они вообще оказались лишены своего представительства³.

Широкое распространение в Енисейской губернии получила практика отказов лиц, избранных гласными городских дум или должностными лицами городского управления, от осуществления своих полномочий. Так, сразу же после окончания городских выборов 1894 г. в г. Канске из 20 человек, утвержденных гласными городской думы, трое отказались от звания гласных: А.М. Шарапов, Е.А. Кузнецов, В.Р. Фомин⁴.

Не удалось избежать применения на практике статьи 89 Городового положения 1892 г., согласно которой в случае, если дважды срывалось заседание городской думы по причине неявки предусмотренного законом числа гласных (менее половины их общего числа), то все вопросы, вынесенные на

1 Кускашев Д.В. Проблемы осуществления контрреформы городского самоуправления 1892 г. в Енисейской губернии // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7. С. 122.

2 Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – нач. XX вв. СПб.: «Наука», 1994. С. 15.

3 ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 5279, лл. 15-24, 54-66, 95-100.

4 ГАКК, ф. 628, оп. 1, д. 79, л. 12.

рассмотрение думы, передавались с заключением городской управы на утверждение губернатора⁵.

Так, в январе 1898 г. не состоялось два заседания Енисейской городской думы вследствие отсутствия кворума. Все вынесенные на обсуждение думы вопросы были решены городской управой самостоятельно и представлены на утверждение губернатора⁶.

В полном составе городские думы собирались крайне редко, зачастую на думские заседания, в силу разного рода причин, не являлось значительное число гласных. Только 1/3 избранных гласных регулярно посещала собрания думы. Так, около года в период с 1900 по 1901 гг. Канская городская дума не могла провести досрочные выборы городского головы, по причине отсутствия на заседаниях более половины гласных. Енисейский губернатор М.А. Плец вынужден был назначить и.о. городского головы купца А.И. Козьмина, ранее занимавшего должность помощника головы⁷.

Все это не могло не вызывать серьезной обеспокоенности властей. Хозяйственный департамент МВД усматривал причину в том, что гласными избирались лица, видевшие в этом лишь материальную пользу или выгоду⁸.

Решение этой проблемы губернаторы видели в увеличении числа кандидатов по спискам, которые могли бы заменить выбывших гласных⁹. Енисейский губернатор М.А. Плец предложил решить эту проблему путем предоставления избирательного права всем дворянам, не имевшим необходимого ценза. Поскольку в Енисейской губернии процент бедных дворян был весьма высоким¹⁰.

1 декабря 1895 г. в г. Красноярске было открыто Енисейское губернское управление, «на основании высочайше утвержденного 1 июня 1895 г. мнения Госсовета, о преобразовании в губернское управление для объединения коллегияльных установлений ведомства министерства внутренних дел в одном для Енисейской губернии центральном органе»¹¹. В состав общего присутствия Енисейского губернского управления входило 5 отделений. Председателем всех отделений являлся губернатор.

Вместо упраздненного Енисейского губернского по городским делам присутствия было сформировано отделение по городским делам, под председательством губернатора, при общем присутствии губернского управления. В его состав входили: вице-губернатор, управляющий казенной палатой, управляющий государственными имуществами, прокурор окружного суда, городской голова Красноярска, гласный Красноярской городской думы (по ее выбору) и советник 3-го отделения губернского управления, на которого была еще и возложена обязанность докладывать дела.

В состав отделения по городским делам, кроме вышеперечисленных постоянных членов, также были включены: Председатель окружного суда, вместо прокурора, при обсуж-

дении дел об ответственности должностных лиц городского самоуправления; управляющий акцизными сборами Енисейской губернии, при рассмотрении постановлений городских дум о числе мест раздробительной продажи спиртных напитков; губернский ветеринарный инспектор по делам ветеринарной части; инспектор судоходства по р. Енисею по делам касающимся водных и шоссейных сообщений¹².

Таким образом, факторами и предпосылками эволюции организационно-правовой структуры городского самоуправления на территории Енисейской губернии в конце XIX века, по итогам осуществления муниципальной контрреформы императора Александра III, были продиктованы изменения социально-сословной структуры городских дум и управ. Купечеству удалось сохранить и даже несколько усилить свое влияние в городских думах. Дворяне и чиновники смогли усилить свое представительство в городских думах лишь незначительно, за исключением г. Ачинска, где они полностью утратили свои позиции.

Пристатейный библиографический список:

1. Енисей. 1898. № 23-24. С. 4, 3.
2. Енисейские губернские ведомости. 1895. № 49. С. 6.
3. Кускашев Д.В. Проблемы осуществления контрреформы городского самоуправления 1892 г. в Енисейской губернии // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7. С. 122.
4. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – нач. XX вв. СПб.: «Наука», 1994. 157 с.
5. Немчинов В.И. Городское самоуправление по действующему русскому законодательству. Городовое положение 11 июня 1892 г. С последними дополнениями и изменениями по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг., с приложениями к «Городовому положению», важнейшими разъяснениями Правительствующего Сената и извлечениями из других узаконений, относящихся к «Городовому положению». М.: Изд. В.М. Саблина, типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерова, 1912. 396 с.
6. Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1903.
7. ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 640, лл. 10-11.
8. ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 640, лл. 1-2, 27.
9. ГАИО, ф. 70, оп. 2, д. 822, лл. 5-8.
10. ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 5279, лл. 15-24, 54-66, 95-100.
11. ГАКК, ф. 595, оп. 18, д. 466, лл. 166-167, 187, 196.
12. ГАКК, ф. 628, оп. 1, д. 79, л. 12.

5 Немчинов В.И. Городское самоуправление по действующему русскому законодательству. Городовое положение 11 июня 1892 г. С последними дополнениями и изменениями по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг., с приложениями к «Городовому положению», важнейшими разъяснениями Правительствующего Сената и извлечениями из других узаконений, относящихся к «Городовому положению». М.: Изд. В.М. Саблина, типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерова, 1912. С. 129.

6 Енисей. 1898. № 23-24. С. 4, 3.

7 ГАКК, ф. 595, оп. 18, д. 466, лл. 166-167, 187, 196.

8 ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 640, лл. 1-2, 27.

9 ГАИО, ф. 70, оп. 2, д. 822, лл. 5-8.

10 ГАИО, ф. 25, оп. 27, д. 640, лл. 10-11.

11 Енисейские губернские ведомости. 1895. № 49. С. 6.

12 Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1903. С.26

МУСАЕВА Асма Гаджиевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ И ОФОРМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье дается краткий обзор проблем возникновения и развития государственных образований и оформления системы права народов Дагестана с древнейших времен до второй половины XIX века, с момента присоединения территорий, заселенных проживавшими на них народами Северного Кавказа, в частности, народами Дагестана к России в середине XIX века. В частности, в статье рассмотрены вопросы возникновения государственных образований и оформления системы права народов Дагестана, рассматривавшиеся в своих научных трудах крупными кавказоведами.

В своих трудах отслеживают они вопросы, связанные с проблемами как возникновения первых государственных образований на рассматриваемой территории, так и процесс оформления уникальной адатно-правовой системы права у рассматриваемых народов. Большое внимание уделяется институту «Канлычества» – обычаю кровной мести и его трансформации под влиянием шариата.

Тема и вопросы, поднятые автором в статье, достаточно актуальны.

Так, последние десятилетия на постсоветском пространстве всякого рода негативные силы пытаются пронести в сознание общественности ложные и нетрадиционные ценности, искажая веками устоявшийся порядок взаимоотношений представителей различных этнических, национальных групп и религиозных направлений. В обществе появляются такие деструктивные силы, которые пропагандируют политику сепаратизма, а в виде объяснения приводится идея перманентно-векового противостояния исламского и христианского миров, а также межнациональных конфликтов.

В своей статье автор делает попытку отвергнуть эти лживые идеи и воззрения, на историко-правовом материале доказывая и объясняя истинную природу этих отношений на территории Дагестана.

Особое внимание и интерес автор в своей статье уделяет периоду становления и развития арабо-мусульманского права народов Дагестана, а также государственным и правовым институтам Дагестана XIX в., развивающимся отчасти под влиянием России, обусловлен сходным характером многих процессов. Они связаны с переоценкой традиционных взглядов на взаимоотношения народов России и Кавказа, а также с известной западной и восточной идеологической и экономической экспансией, ставящей под угрозу целостность Дагестана как субъекта Российской Федерации.

Национальная политика, проводимая центром особенно в советский период истории, вылилась в самые негативные последствия постсоветского периода. Негативная политика эпохи сталинизма в особенности, проводимая на территории Дагестана без учета интересов и желаний местного населения, особенностей многовекового уклада на территории в конечном итоге чуть было не стала причиной межнациональных конфликтов в самом регионе, и обострению отношений с братскими соседними народами. И лишь осмысление и следование пути изучения опыта государственно-правовой истории народов Кавказа помогает истинному пониманию происходящих на его территории событий, их научному и политическому прогнозированию. Исследование этого опыта на основе правильной методологии может оказаться полезным при корректировке региональной и национальной государственной политики России на Кавказе, и в частности Дагестане.

Ключевые слова: Кавказ, Дагестан, канлы, государство, право, адат, шариат, ислам, мусульманская цивилизация.

MUSAeva Asma Gadjievna

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

THE EMERGENCE OF STATE FORMATIONS AND FORMALIZATION SYSTEM OF THE LAW OF PEOPLES OF DAGESTAN FROM ANCIENT TIMES UNTIL THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

The article provides a brief overview of the problems of the emergence and development of state entities and the formation of the system of law of the peoples of Dagestan from ancient times to the second half of the 19th century. In particular, the article deals with the issues of the emergence of state entities and the design of the system of law of the peoples of Dagestan, which was considered in their scientific works by major Caucasian scholars as since the annexation of the peoples of the North Caucasus, in particular Dagestan to Russia in the middle of the 19th century.

In their works, they track issues related to the problems of both the emergence of the first state formations in the territory under consideration, and the process of forming a unique adat-legal system of law among the peoples under consideration. Much attention is paid to the "Kanlichestvo" institute - the custom of blood revenge and its transformation under the influence of Sharia.

The topic and questions raised by the author in the article are quite relevant. For example, over the past decades in the post-Soviet space, all sorts of negative forces have been trying to bring false and non-traditional values into the public consciousness, distorting the established order of relations between representatives of various ethnic, national groups and religious trends for centuries. Such destructive forces appear in society that promote the policy of separatism, and the idea of permanent-age-old confrontation between the Islamic and Christian worlds, as well as interethnic conflicts, is given as an explanation.

In this article, the author makes an attempt to reject these false ideas and views, using historical and legal material to prove and explain the true nature of these relations on the territory of Dagestan.

The author pays special attention to the period of formation and development of the Arab - Muslim law of the peoples of Dagestan, as well as the state and legal institutions of Dagestan of the 19th century, developing partly under the influence of Russia, due to the similar nature of many processes. They are associated with a re-evaluation of traditional views on the relations between the peoples of Russia and the Caucasus, as well as with a well-known Western and Eastern ideological and economic expansion that threatens the integrity of Dagestan as a subject of the Russian Federation.

The national policy pursued by the center, especially during the Soviet period of history, resulted in the most negative consequences of the post-Soviet period. The negative policy of the Stalinist era, in particular, carried out on the territory of Dagestan without taking into account the interests and desires of the local population, the peculiarities of the centuries-old way of life in the territory, eventually almost caused interethnic conflicts in the region itself, and the aggravation of relations with fraternal neighboring peoples. And only understanding and following the path of studying the experience of the state and legal history of the peoples of the Caucasus helps to truly understand the events taking place on its territory, their scientific and political forecasting. The study of this experience based on the correct methodology can be useful in adjusting the regional and national state policy of Russia in the Caucasus, and in particular Dagestan.

Keywords: Caucasus, Dagestan, Kanli, state, law, Adat, Sharia, Islam, Muslim civilization.

Первые государственные образования, Египет и Месопотамия возникли на территории Древнего Востока примерно пять тысячелетий назад¹. Примерно в одну историческую эпоху с этими государствами возникли и первые государства в Северокавказском регионе. В этом регионе возникли ее древние очаги. Благодатный край, где были развиты все основные промышленные виды хозяйства, доминирующим из которых считалось земледелие и скотоводство, а также ремесла и торговля, привлекал к себе взоры и вынуждал совершать походы многочисленных народов и племен.

Большее влияние как на формирование, так и развитие государственно-правовой, политико-правовой системы народов Дагестана, (как было отмечено и выше), (как на большинство государств Ближнего Востока), оказала, несомненно, арабо-мусульманская цивилизация. Дагестан стал эпицентром проникновения и распространения ислама на всем Северном Кавказе со времен правления второго праведного халифа Умара ибн аль-Хаттаба аль-Фаруха. Велика была и роль ислама в развитии и общественных и культурных отношений у народов Дагестана.

Арабская письменность и возникший на ее основе дагестанский алфавит «аджам», заложили фундамент, ставшим новой вехой в развитии научной мысли народов Дагестана

Именно с распространением ислама связывают развитие общественно-философской и научно-исследовательской школы народов Дагестана, появление целой плеяды выдающихся ученых богословов, правоведов, мусульманских поэтов, признанных во всем исламском и не только мире.

Именно арабо-мусульманская цивилизация заложила основу и дала глубокие ростки в формировании государственности и права у народов Дагестана, стала тем цементом, связавшим, скрепившим единым узлом судьбы народов Дагестана, и продолжает играть эту роль и на современном этапе развития политико-правовых и общественных отношений.

Система права судопроизводства народов Дагестана оформилась именно на нормах исламского права, требовавшая самого беспристрастного разбирательства дела. Для этого были созданы и использованы те специальные юридические институты, которые были разработаны исламскими правоведом, начиная с периода правления праведных халифов, а именно примерно с первой четверти VII века.

Нормы шариатского права начинают постепенно вытеснять нормы обычного права – адаты, но не удается окончательно их вытеснить.

Существовавшая адатно-правовая система права народов Дагестана постепенно трансформировалась шариатом, хотя и не была полностью ею поглощена². Оформилась некая система двоеправия: адатно-шариатская система права. В некоторых вопросах, особенно касающихся вопросов бытовых, традиционных продолжало превалировать именно обычное право, если оно не перечило нормам ислама. Например, таким как порядок сватовства, празднование свадеб, размер выплаты калыма и дарения подарков, обычай умыкания невест и похоронные церемонии (оплакивание усопших и ношение длительного по ним траура) и др.

Особо устойчивый характер продолжал охранять обычай кровной мести - канлы, основывался на принципе талиона.

Канлыят - «кровная месть убийце, и не только ему, но и представителям всего рода - «тухума» виновного лица, потерпевшей стороной. Право на месть имели представители всего тухума убитого, при этом не допускалось исполнение наказания третьими лицами - зять, тесть или нанимать за плату убийцу. Это - древнейший обычай, отдельные случаи следования которому можно встретить и в наши дни.

В обычном праве народов Кавказа в том числе и Дагестана обычай занимал особое место. Он требовал неукоснительного от норм исполнение, неисполнение же его утрачивало уважение и умаляло социальный статус родственников убитого. Его соотносить к отраслям права он являлся, то он относится к отраслям частного права, так как регулировал отношения не публично-исполнительной, а частно-правового характера, при этом носит некий уголовно-процессуальный характер, хотя наказание и определял судья, кадий, на практике же, чаще кровомщение осуществлялось даже без решения судьи, и не предусматривало за это наказания, как и не вводились санкции, но в случае примирения сторон. Основной причиной начала вендетты было конечно убийство или ранение члена общины. Но наряду с этим, поводом для кровной мести были и причины личного характера, оскорблявшие морально-этические и семейно-бытовые ценности, такие как: похищение засватанной девушки, захват земли, оскорбление чести, гостя, домашнего очага, почитавшегося у горцев, и т.д. В Дагестане, по сведениям А.В. Комарова, адаты в конце XIX - начале XX вв. позволяли убить своего кровного врага, нападающего грабителя, пойманного на месте преступления вора, похитителя женщины.

В исторических трудах различных авторов, посетившие наш регион, описывается существование данного обычая у народов, населявших современную территорию Дагестана. Мы находим его описание в трудах как отечественных авторов прошлых веков, в их числе и Леонтий Люлье, который так характеризует данную традицию как скорбную обязанность, исполнение которой требует Кодекс чести горца и в то же время, он является одним из основных регуляторов общественной жизни горцев. Исполнение его продиктовано необходимостью, а не необузданностью страстей, как у многих южных народов, в том числе и корсиканцев, и испанцев³.

Исследователи Кавказа едины во мнении, что кровомщение, как способ восстановления нарушенного права был применяем у всех народов Дагестана. Данное утверждение находит доказательную базу и у таких признанных и авторитетных кавказоведов как А.В. Комарова, Ф.И. Леонтович, Н. Рейнеке. В лексикологии дагестанских языков встречаются схожие названия самого рассматриваемого обычая и самого кровника. Так у аварарцев это «бидул кьисас», от араб, шариатского термина кьисас – соразмерная санкция, в лакском языке несколько наименований: «обттул кьисас», «бадал интикам», - в переводе с турецкого «священная месть», у кумыков адат кровной мести назывался «душман кьавлав», что буквально означает «гонение недруга» и некое скорее библейский термин «кьангъа кьан» - кровь за кровь.

Каковы же были особенные черты этой нормы обычного права, которой так свято следовали жители изучаемого региона.

Хотелось бы несколько подробно остановиться на способах искупления вины убийцей перед семьей убитого. Эгих способов было несколько, и, один не исключал другой.

Убийство считалось оскорблением не только для близких родственников жертвы, но и для всей общины. Как только печальная весть о совершенном преступлении, смерти человека, в результате его убийства соплеменником или иным человеком доходила до общины, родственники убийцы в спешном порядке покидали родной очаг, в независимости от времени суток или времен года. После чего к семье убитого направлялась общественная делегация - джамаат, в число которой входили самые почитаемые члены общины, представители религии – имамы муллы для заключения «маслаата» или «маслиата» - некое перемирия между сторонами. Если не удавалось заключить мир, принести благо, то родственники убитого могли объявить о начале кровной мести, искупления вины ценой крови → «бидухъ би».

Конечно самым распространенным способом отмщения за убийство человека считалось убийство кровника родственниками убитого - отцом, братом, сыном и т.д. после чего весь род убитого «тухум» подвергался остракизму, т.е. изгнанию

1 Магомедова З.А. Газимагомедов С.Х. Кудали. Исторический очерк // В сб. Дагестанские святыни. Составитель Шихсаидов А.Р. Махачкала, 2008. С. 54.

2 Халифаева А.К. Место адата и шариата в правовой системе Дагестана в XIX веке // В сб. Международные юридические чтения. Омск, 2005. С. 78.

3 Халифаева А.К. Джалилов Ш.Н. Кровная месть как институт обычного права в Дагестане // Юрист: Правовед. 2010. № 1. С. 76.

из общины. В условиях дефицита земли, особенно в нагорном Дагестане, этот обычай буквально становился причиной гибели или разделения рода на мелкие семьи. Т.е., изгнанники в полном составе не могли быть приняты каким-то одним обществом, селом. Принимали в лучшем случае одну семью из рода, остальные же продолжали искать пристанища до тех пор, пока не находили себе пристанища в любом ауле или селе. Нередко в процессе поиска места обитания часть людей гибла, чаще старики и дети. Понимая всей тяжести бремени содеянного, кровники искали пути примирения со стороны убитого. Альтернативой изгнания или убийства мог служить выкуп, штраф. Он был двух видов - «алум» и «дият». Алум предполагал признание вины преступника и готовность к оплате похорон убитого – от рытья могилы и покупки савана до оплаты поминок и кафарата оплаты за пропущенные намазы и посты в исламе, т.е. все уплачиваемое пострадавшей стороне материальные расходы, но не включая цену крови⁴.

Если убийца признавал за собой вину, и выражал готовность несения наказания, то он в первую очередь выплачивал особый вид штрафа - «алум». Алум выступал здесь как признание вины стороной убийцы, как готовность нести ответ за содеянное. Скорее всего оформление такого рода штрафа оформилось под влиянием шариатского права, например, в Кайтаго-Табасаранском округе такие выплаты носили однозначное название «шариат-Алча», «ахча», в переводе с турецкого означает «монета, деньги». Здесь мы прослеживаем трансформации элементов адатного права под влиянием мусульманского права. Особенностью уплаты алума заключалась в том, что она не гарантировала искупление права крови.

Искуплением крови служил другой род выплат - «дият». Дият же это плата за кровь убитого, за право примирения с родственниками убитого. Ф.И. Леонтович и большинство других исследователей утверждают, что в разных районах Дагестана выплачивается либо алум, либо дият. Существует мнение, что были формы искупительных штрафов и т.д. но были случаи, когда убийца выплачивал и то и другое. Все зависело от обстоятельств преступления - степени и тяжести вины убийцы, мотива и повода преступления.

Размер алума и дията зависел от величины совершенного: за убийство человека назначался достаточно высокая плата. При выплате штрафных санкций применялся обычай круговой поруки. Плата была так велика, что семья убийцы не могла ее самостоятельно выплатить и ее делили между собой родственники, а иногда и весь тухум виновного. Например, в Кайтагском Уцмийстве ее делили 14 семей! Но при этом она размер вносимой суммы зависел от степени родства. Родственники по восходящей линии дед, отец, дяди и родные братья делили между собой примерно половины суммы, вторая половина делилась между родственниками нисходящей линии к которым причисляли племянников и кузенов.

При этом, чем больше род, тем меньше вносимая доля от каждого, потому наличие большого числа родственников считалось в горах действительным богатством.

При этом если убийца успевал совершить некоторые сакральные ритуалы, он избегал наказания, например, прикосновение к груди матери жертвы, после чего устанавливался факт молочного родства и месть отпадала. Также дом убитого становился местом укрытия убийцы. Конечно в реальной жизни исполнить эти обряды практически не представлялось возможным.

Что касается порядка судопроизводства, то в этом вопросе прослеживается строгое соблюдение норм шариата, четкое следование его нормам. В Дагестане именно махкамма – шариатский суд решает спорные вопросы по различным отраслям права, в частности уголовного или гражданского⁵.

Махка шариатский суд - определял и участников мусульманского судопроизводства. Важнейшей фигурой в махкаме

является кади - мусульманский судья. Кадий либо назначается правителем, либо выбирается решением совета мулл – служителями мусульманского культа. Кадий мог избираться только из числа свободных мусульман. Было желательным наличие семьи и детей, так как ислам придавал большое значение вопросу брака и религия не поощряет холостяцкий образ жизни мусульманина. При этом с большим почтением относится к главам многочисленного семейства, чем больше у человека детей, тем большее уважение он заслуживает со стороны окружающих и общества в целом. Он должен превосходно владеть и уметь разбираться в вопросах фикха, коранических наук, хадисоведении, обладать большим авторитетом и незапятнанной репутацией. К тому же не должен обладать физическими недугами: косоглазие, горб, не должен был быть хромым, короткоруким и т.д. Обычно кадий назначался на неограниченный срок и исполнял свои обязанности пожизненно.

Наряду с должностью кадия вводилась и должность вакил (адвокат), который также мог исполнять обязанности душеприказчика, катиб - писец, бавваб - привратник, расул посылный. Существовал и орган правопорядка - шутра - полиция.

Помимо наличия прочных знаний юриспруденции, огромное значение придавалось морально –этическим качествам служителей Фемиды.

Сам судебный процесс проходил как в стенах мечети, что говорит о значимости процесса, либо в специально отведенной судебной камере - махкама.

Мусульманская система права - шариат и исламская система судопроизводства продолжали функционировать и играть доминирующую роль и после окончания войны и присоединения Дагестана к России.

Пристайейный библиографический список:

1. Бекишиева С.Р. Правовые системы Северного Кавказа. Проблемы развития в современных условиях // Закон и право. 2011. № 1.
2. Бекишиева С.Р., Яхьяева А.Т. Экономический фактор в развитии правовой системы России // Закон и право. 2016. № 5.
3. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1861. Вып. I.
4. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1/2. Одесса, 1882.
5. Магомедов Р.М. Семейные адаты народов Дагестана // Народы Дагестана. № 2010. № 6.
6. Магомедова З.А. Газимагомедов С.Х. Кудали. Исторический очерк // В сб. Дагестанские святыни. Составитель Шихсаидов А.Р. Махачкала, 2008.
7. Магомедова З.А. Исторические сведения середины XIX века в письмах набивов Дагестана // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 5.
8. Мамедов К.Р. Мусульманское право: основные черты и особенности. Пенза, 2017.
9. Халифаева А.К. Джалилов Ш.Н. Кровная месть как институт обычного права в Дагестане // Юрист: Правовед. 2010. № 1.
10. Халифаева А.К. Место адата и шариата в правовой системе Дагестана в XIX веке // В сб. Международные юридические чтения. Омск, 2005.

4 Магомедова З.А. Газимагомедов С.Х. Кудали. Исторический очерк // В сб. Дагестанские святыни. Составитель Шихсаидов А.Р. Махачкала, 2008. С. 89.

5 Бекишиева С.Р. Правовые системы Северного Кавказа. Проблемы развития в современных условиях // Закон и право. 2011. № 1. С. 36.

САИДОВА Марина Загидовна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Дагестанского государственного педагогического университета

«ХОЛОДНАЯ» ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ВУЗОВСКИХ КУРСАХ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

После окончания Второй мировой войны в очередной раз сработал исторический закон «ближайшей оппозиции», согласно которому, после достижения общей цели (победа над фашистской Германией), между бывшими союзниками возникли непримиримые конфликты по поводу дальнейших действий. В условиях Холодной войны западные политики огромное внимание уделяли идеологической обработке молодого советского поколения, оболванивая, навязывая чужих ценностей и установок. В данной статье предпринята попытка проследить историю «холодной» демографической войны, развернувшейся во второй половине XX века и ее отражение в вузовских курсах Новейшей истории.

Ключевые слова: холодная война, демографическая война, СССР, идеологическая обработка, диверсия, алкоголизм, «золотой миллиард», новейшая история.

SAIDOVA Marina Zagidovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Head of General history sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

“COLD” DEMOGRAPHIC WAR IN UNIVERSITY COURSES IN MODERN HISTORY

After the end of World War II, the historical law of the “nearest opposition” worked once again, according to which, after achieving a common goal (victory over Nazi Germany), irreconcilable conflicts arose between the former allies over further actions. During the Cold War, Western politicians paid great attention to the indoctrination of the young Soviet generation, fooling around, imposing other people's values and attitudes. This article attempts to trace the history of the “cold” demographic war that unfolded in the second half of the 20th century and its reflection in the university courses in Modern History.

Keywords: cold war, demographic war, USSR, indoctrination, sabotage, alcoholism, “golden billion”, Modern history.

Как известно, холодной войне было присуще «равновесие страха» – стороны не применяли ядерного оружия из-за опасности ответного ядерного удара и тотального уничтожения обоих противников, но довольно часто противоречия между политическими системами выливались в кровопролитные локальные конфликты, демографическая цена которых была слишком высока.

Однако холодная война была не только в политике и военных конфликтах, но и в демографии. 18 августа 1948 г. появилась секретная директива Совета национальной безопасности США, суть которой сводилась к активной психологической атаке на Советский Союз. Американские политики понимали, что открытая война, с учетом большой территории и численности населения, принесет им массу проблем. Но есть другой выход: разложить, оболванить советское население¹.

Главным автором новой стратегии в отношении СССР был Аллен Даллес. Прекрасный знаток психологии, он был уверен в том, что идеологическая обработка населения, прежде всего молодого поколения, подмена ценностей, установка новых акцентов, изображение как ярких фантиков заокеанской жизни, пропаганда вседозволенности, свобода выбора в идеологии, в быту, одежде, взаимоотношении полов и т.д. позволят легко одержать победу в холодной войне.

Даллес поучал, что главное, чтоб одолеть противника, необходимо вырвать его духовные корни, лишить его нравственности. Он отдавал себе отчет, что старшее поколение советского народа – народа победителя, вынесшего на себе бремя тяжелейшей за всю историю человечества войну, не купить на «преlestи буржуазной свободы». У этого поколения свой стержень, проверенный годами.

Но есть молодежь, дети, которым легко внушить всякого рода фальшивки, и которые легко поверят в «новые ценности», поскольку еще не знают жизни и только формируются.

Ставя цель растления молодого советского поколения, американские стратеги не скупилась на финансирование, пропаганду буржуазной культуры. Еще живо в памяти поколений, когда за ношение стрижек, хипповской одежды, рок-н-ролл и джаз, можно было быть исключенным из школы или вуза. Когда комсомольцы порицали любителей западной культуры, объявляли бойкот, даже вылавливали и остригали наголо.

И, тем не менее, элементы западной культуры, проникали в Союз. А в человеческой натуре, запретный плод сладок, поэтому желающих хотя бы просто прикоснуться к новому, становилось все больше.

Интерес к западному возрастал, и уже появились форсовщики у которых за большие деньги (или оказанные услуги) можно было приобрести заграничные вещи. Джинсы, куртки с надписями, причем не всегда понятные молодежи, разрисованные фирменные пакеты стали приманкой. Появилась так, называемая «золотая молодежь», которой состоятельные родители могли позволить красивую жизнь.

С экранов кинотеатров, можно было видеть тот стиль жизни, который отличался от советского, и невзначай можно было увидеть «запрещенные сцены». Свобода человека, трактовалась и как свобода сексуальная. Если советская молодежь раньше знала журналы «Крестьянка» и «Работница», то теперь под грифом «Секретно...» можно было увидеть Плейбой и порнографические снимки.

И хотя работала цензура и органы безопасности, общественность, и Даллеса уже не было в живых, а брошенные им семена на советской почве давали новые всходы.

Можно ли было винить молодое поколение, что поддалось уловкам запада. Вопрос достаточно сложный. Сама социалистическая система производства несла в себе массу противоречий. Пока была война, разруха, может это не так

¹ Холодная война. Большая российская энциклопедия / Егорова Н. И. М., 2017. С. 52.

и чувствовалось. Но наступили относительно спокойные года второй половины XX века, товаров повседневного и повышенного спроса попросту не было в стране. Термин «дефицит» был известен всем, от мала до велико.

И вот появляются хорошие люди, которые предлагают красивые вещи, говорят на темы, которые не принято обсуждать в семьях, так постепенно отчуждаясь, появляется новое поколение, с очень далеким представлением о том, как было до него.

Когда в 90-е и 00-е годы в России действовали банды, скинхеды и прочие, кого было винить, что эти молодые люди родства не помнящие, чинили бесчинства? Прежде всего, родителей, которые не досмотрели, не предостерегли, позволили заledenеть душам. Но не нужно быть математиком, чтоб понять, что родители детей 90-х – это та самая молодежь, над которой колдовали Даллес и ему подобные. Круг замкнулся. Ставилась цель выиграть холодную войну, лишив людей моральных принципов – цель достигнута.

Нет, конечно, речь идет не о сто процентном обольванивании. Традиционные семьи, где чтились традиции, где память поколений были превыше сиюминутных удовольствий, смогли воспитать достойных людей. Но трагизм, заключается в том, что от поколения к поколению, таких семей становилось меньше на фоне тех, кто «старался быть со всеми».

Исследователь Башлачев В. А. проводя параллель между демографической политикой нацизма и Америки, отмечает: «...Ведь главная цель концепции Даллеса, такая же, как и у Гитлера – «сокращение русского народа». Просто Даллес выражался более изящно – «трагедия, гибель, необратимое угасание»². Именно это можно было наблюдать в России в лихие 90-е -00-е годы.

Говоря о демографической войне, нельзя не затронуть и еще один щекотливый вопрос. Многие авторы отмечают, что потери от Великой Отечественной войны – это черная область демографии. И потери, и не рождения, считывалось десятками миллионов. 1950-е годы – это были годы устойчивого демографического благополучия. Рожденных в 1950-е годы, ежегодно подрастало до 2,2 млн. детей. В 1960-х – почти в два раза произошел обвал, что объясняют «эхом» Великой Отечественной войны³.

Однако, исследователи, отмечают, что не только «эхо войны» стало виной обвала. Известно, что в 1964 году русским женщинам было сделано 5 млн. абортов. А рожденных – 1,5 млн. Причем в 1960-х на каждого одного рожденного русского ребенка в 1960-ых - троих-четверых в утробе матери вырезали аборт. Черная область 1960-1970-х – это фактические потери от абортов⁴.

В итоге демографы уверены, что быстрый и массовый процесс абортов мог быть вызван, только искусственным путем, и это был сознательный вредительский акт!

Конечно, в вузовских курсах Новейшей истории эти данные не озвучиваются, но есть информация в курсе исторической демографии, что за период от середины 1950-х до конца 1980-х в СССР было сделано около 90 млн. прерываний беременности⁵!

Демографы, сравнив потери, пришли к страшному выводу: прерывание беременности нанесли ущерб советской демографии в 2,5 раза больше, чем вместе взятые германская, гражданская войны, раскулачивание и Великая Отечествен-

ная война. По крайней мере, треть из них могла бы родиться и жить⁶.

Кто и как организовывал эту диверсию? Авторы называют период правления Хрущева Н.С., когда принимались Указы об отмене уголовной ответственности и об отмене запрещения абортов (соответственно от 05.08 1954 г. и от 23.11. 1955 г.)⁷.

Между тем, из курса Новейшей истории стран Запада известно о таком движении как «Бэби-бум», которое развернулось в эти годы в США и Западной Европе, в период между 1945 и 1965 гг. и способствовало развитию просвещения и здравоохранения, лавинообразному росту потребления товаров и услуг.

Исследователи обращают внимание на тот факт, что наиболее продолжительный и мощный «бэби-бум» наблюдался в 1946-1960 гг. в США, обусловленный благоприятной социально-экономической ситуацией. По оценкам, в этот период родились 78,3 млн. американцев⁸.

В этой связи, отмечают многие авторы, и появилась теория о «золотом миллиарде», согласно которой, как пишет Башлачев В. А., «в мире много лишних миллиардов людей для дальнейшего прогресса и благоденствия»⁹.

Исследователи отмечают, что главное в этой теории – сокращение мирового населения до одного миллиарда и «правильное» перераспределение ресурсов.

Тогда, кто он, этот миллиард? Из вышеизложенного, более чем, понятно. На одном полюсе обольванивание и аборты, на другом «бэби бум».

По мнению авторов, впервые эта модель получила апробацию в фашизме. Сегодня под новыми маркерами, речь в концепции «золотого миллиарда» идет о том же: установить этажи человечества. Кто-то получит доступ к ресурсам, кто-то ограничится уровнем травяного существования¹⁰.

С учетом рассекреченных документов, известно, что в 80-е годы XX века, мировое сообщество, с завистью поглядывая на просторы СССР, «вывело формулу» его сокращения к 2020 году в два раза.

Вопрос, какие рычаги можно задействовать? И здесь оказалось все просто: старшее поколение задавить нищетой (пресловутые экономические реформы 90-х и шоковая терапия, яркое тому подтверждение), а что касается людей среднего возраста и молодежи – добить алкоголем, табаком, наркотиками и развратом.

Бывший премьер-министр Англии, Маргарет Тэтчер, обронила однажды фразу, что мировое сообщество желало бы проживание на территории России 15 млн. человек. Причем это было сказано в 80-е годы, когда население составляло 150 миллионов. То есть остальных списали на те же рычаги¹¹.

Всем известно, что история повторяется. Обратимся к директиве Гитлера 1942года. Она более чем лаконична: «Необходимо свести славян до языка жестов. Никакой гигиены. Никаких прививок. Только водка и табак»¹².

2 Башлачев В.А. Демография: русский прорыв. Независимое исследование. М., 2006. С. 70.

3 Поляков Ю.А., Жиромская В. Б., Араловец Н.А. «Демографическое эхо» войны / Сб. Война и общество, 1941-1945. Кн. 2. М., 2004. С. 233.

4 Башлачев В. А. Демография: русский прорыв. Независимое исследование. С. 74.

5 Саидова М.З. Историческая демография. Махачкала, 2018. С. 109.

6 Башлачев В. А. Демография: русский прорыв. Независимое исследование. С. 75.

7 Поляков Ю.А., Жиромская В. Б., Араловец Н.А. «Демографическое эхо» войны / Сб. Война и общество, 1941-1945. Кн. 2. С. 234.

8 Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М., 2018. С. 187.

9 Башлачев В. А. Демография: русский прорыв. Независимое исследование. С. 77.

10 Багдасарян В.Э. Впервые эта модель получила апробацию в фашизме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusland.ru/tv/meaning/zolotoj-milliard/> (дата обращения: 23.05. 2020).

11 Кара-Мурза С.Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок. / Электронная книга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://readli.net/kontseptsiya-zolotogo-milliarda-i-novyy-mirovoy-poryadok-2/> (дата обращения: 23.05. 2020).

12 Филиппов И. Ф. Записки о «Третьем рейхе». М., 1970. С. 113.

С учетом исторического опыта, Гитлер знал, перечисленное для России станет оружием «массового поражения».

Между тем, в период правления Брежнева с 1964 по 1982 год алкоголизм приобрел характер эпидемии. «В Советском Союзе только две вещи в избытке – деньги населения и водка в магазинах, – пишет иностранный наблюдатель, – все остальное в дефиците»¹³.

К концу 1970-х годов СССР был самой пьющей страной мира. Потребление алкоголя доходило до 15 литров в год (примерно 100 бутылок водки) в год на каждого взрослого мужчину. Кроме водки был самогон, вино, пиво, суррогат¹⁴.

Что заставляло советских людей пить и тем самым воплощать в жизнь директиву Гитлера, Даллеса и других?

Исследователи делают разные выводы, но склонны все же утверждать, что опять, таки противоречия внутри самой системы. При всей свободе личности при социализме, строгая вертикаль власти и управления, социалистическая идеология, особого выбора этой личности не оставляла.

Кроме того, авторы вузовского курса считают, что в советском обществе была крайне высокая толерантность к алкоголикам. «Алкоголики – наш профиль» – говорит один из персонажей известного фильма.

Дешевый, абсолютно доступный продукт потребления, который позволял расслабиться после рабочего дня, незаметно превращался в пристрастие и очередную людскую трагедию. И самое страшное, никто не нес за это никакой ответственности, если только не произойдет преступление в состоянии алкогольного опьянения. То есть, сама постановка вопроса в государстве не вызывала решительных действий. Более того, продажа алкоголя с лихвой пополняла бюджет страны.

Пьянство, доходы, поломанные человеческие судьбы – круг снова замкнулся на радость и аплодисменты «заокеанским друзьям».

Страшным злом, было и табакокурение. Зайдые курильщики, которые в итоге заканчивали жизнь от легочных осложнений, составляли до 20-25 % населения¹⁵. Причем первые сигареты начинались еще в начальной школе, а дальше как пойдет.

После распада СССР, пережитого шока перехода к новым капиталистическим отношениям, резкой вспышке наркомании, алкоголизма в России (до 6 млн. наркоманов и 20 млн. алкоголиков по официальной статистике начала XXI века)¹⁶, в последнее десятилетие, ситуация стала несколько выравниваться. Во многом это связано с возрождением религии, в которой предписан строгий запрет на спиртное.

На Западе, где законы строги к алкоголю и курильщикам, по-прежнему относится к России, как к сильно пьющей стране. С 80-х годов был введен запрет на курение в самолетах и в зданиях аэровокзалов.

В США образ курильщика с виски в руках, ранее культивировавшийся как образ человека успешного и современного, сменяется образом трезвенника. Из всех фильмов были исключены сцены с сигаретами и спиртным.

Таким, образом, как видно из отмеченных аспектов данного исследования, «холодная война» действительно велась не только в политике, но в демографии. Заокеанские политики, всеми силами старались раскатать монолит под названием СССР, и в силу обстоятельств, в том числе внутреннего порядка, им это удалось.

Холодная война давно ушла в историю. Но особенность новейшей истории состоит в том, что она не имеет верхней планки – окончания. Иными словами, она пишется здесь и

сейчас, и очень важно взять на вооружение пройденные уроки.

В планах зарубежных соседей России, по-прежнему доминирует, освобождение ее территорий от населения. Однажды, через этот сценарий прошел СССР, которого сегодня нет на карте мира. Может, есть смысл лучше относиться к прошлому и не повторять ошибки? Цветные картинки чужой жизни, чуждые ценности, наркомания, сексуальная распущенность, нетрадиционные ориентации и т.п. – это дни сегодняшней молодежи. Но ведь этот тупиковый путь вновь и вновь будет на руку Даллесам XXI века.

У России богатая культура, традиции сотен населяющих ее народов, литература, духовность. Ценности России должны быть приоритетными, и вузовские курсы Новейшей истории, несмотря на порой откровенность изложения, обязаны донести до молодого поколения, чем могут обернуться для нашей страны чужие идеалы.

Пристатейный библиографический список

1. Багдасарян В.Э. Впервые эта модель получила апробацию в фашизме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/tv/meaning/zolotoj-milliard> (дата обращения: 23.05.2020).
2. Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945-1991). Очерки истории. М., 2018. 336 с.
3. Башлачев В. А. Демография: русский прорыв. Независимое исследование. М., 2006. 192 с.
4. История Отечества в документах, 1917-1993 гг. Ч. 4-я / сост.: Колосков А.Г., Гевуркова Е.А., Цветкова Г.А. М., 1995. 22 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок. Электронная книга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://readli.net/kontseptsiya-zolotogo-milliarda-i-novyyi-mirovoy-poryadok-2/> (дата обращения: 23.05.2020).
6. Поляков Ю.А., Жиромская В. Б., Араловец Н.А. «Демографическое эхо» войны / Сб. Война и общество, 1941-1945. Кн. 2. М., 2004. С. 232-264.
7. Саидова М.З. Историческая демография. Махачкала, 2018. 150 с.
8. Филиппов И. Ф. Записки о «Третьем рейхе». М., 1970. 248 с.
9. Холодная война. Большая российская энциклопедия / Егорова Н. И. М., 2017. 582 с.

13 История Отечества в документах, 1917-1993 гг. Ч. 4-я / сост.: Колосков А.Г., Гевуркова Е.А., Цветкова Г.А. М., 1995. С. 217.

14 Там же.

15 Саидова М.З. Историческая демография. С. 110.

16 Там же.

САЛМИНА Светлана Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ГОДЫ НЭПА

Статья посвящена проблемам организационного становления органов прокуратуры в советский период. Источниковую базу исследования составляют архивные документы и материалы периодической печати тех лет. Переход к новой экономической политике потребовал установления жесткого надзора за исполнением законности на всей территории страны. В связи с этим советским руководством было принято решение о создании прокуратуры и изданы нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и деятельность вновь созданного государственного института. В процессе организации прокуратуры возникли проблемы взаимодействия с населением, с представителями партийных и советских органов власти на местах. Вместе с тем, широкое распространение получила правозащитная практика, правовая помощь населению, культурно-просветительная работа и кампании по ликвидации безграмотности, инициированные прокуратурой. В первой половине 1920-х годов начали складываться основные направления деятельности прокуратуры, основные формы и методы ее работы, получившие свое дальнейшее развитие в последующий период времени.

Ключевые слова: новая экономическая политика, народный комиссариат юстиции, прокуратура, губерния, государственный институт.

SALMINA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Economic theory and regional development sub-faculty of the Chelyabinsk State University

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMATION OF THE PROSECUTOR'S OFFICE DURING THE NEP YEARS

The article is devoted to the problems of the organizational formation of the prosecutor's office in the Soviet period. The source base of the research is made up of archival documents and materials from periodicals of those years. The transition to a new economic policy required the establishment of strict supervision of the implementation of the rule of law throughout the country. In this regard, the Soviet leadership decided to create a prosecutor's office and issued normative legal acts regulating the organization and activities of the newly created state institution. In the process of organizing the prosecutor's office, problems arose of interaction with the population, with representatives of the Party and Soviet authorities in the field. At the same time, human rights practice, legal assistance to the population, cultural and educational work, and campaigns to eliminate illiteracy initiated by the prosecutor's office became widespread. In the first half of the 1920s, the main directions of the prosecutor's office began to take shape, the main forms and methods of its work, which were further developed in the subsequent period of time.

Keywords: new economic politics, People's Commissariat of Justice, prosecutor's office, province, state institute.

В начале 1920-х годов продолжали сказываться последствия гражданской войны, хозяйственной разрухи, несовершенства государственного аппарата, обнищания широких масс населения и так далее. Столь неблагоприятная социально-экономическая обстановка вызвала существенный рост общеуголовной преступности. Грабежи, разбои, убийства, кражи стали обыденной реальностью тех лет. К тому же массовое недовольство населения социально-экономическими мероприятиями советской власти вызвало рост антисоветских крестьянских выступлений по всей стране. Для того чтобы удержать власть была введена новая экономическая политика, которая потребовала строгого надзора за исполнением законности во всех сферах общественной жизни. Если в первые годы советской власти идея восстановления института прокуратуры вызвала скептическое отношение у большинства видных государственных деятелей, включая В. И. Ленина, то с переходом к нэпу возникла острая необходимость создания единого органа, осуществляющего надзор за законностью на всей территории страны. Подготовка декрета о создании прокуратуры и ее организация были возложены на профессионального юриста, наркома юстиции Д. И. Курского.

28 июня 1922 года было принято Положение о прокурорском надзоре, согласно которому в составе Народного Комиссариата Юстиции (НКЮ) была учреждена Государственная Прокуратура¹. Архивные документы позволяют

отследить последовательность организации прокуратуры в центре и на местах. Наркомат юстиции с первых дней становления прокуратуры потребовал от прокуроров тесного взаимодействия с населением. В целях информирования широких масс о создании надзорного органа в газетах были размещены объявления с указанием адреса губернского прокурора и кратким разъяснением его функциональных обязанностей.

В этом отношении характерно объявление прокурора Московской губернии С. Н. Шевердина. Вначале сообщалось о характере деятельности и функциях прокуратуры. Приводился точный адрес губернского прокурора и его помощников на территории Москвы и Московской губернии, разъяснялся порядок подачи жалоб на незаконные действия следователей по важнейшим делам, органов ГПУ и губернских органов власти. Заканчивалось объявление следующими словами: «Прокуратура Московской губернии обращается ко всем трудящимся, ко всем профессиональным и партийным организациям с призывом содействовать укреплению революционной законности путем доведения до сведения прокуратуры о случаях ее нарушения»².

Данные обращения, действительно, помогли прокуратуре приблизиться к населению, точнее уяснить состояние законности в отдельных городах и районах. Это было весьма важно с точки зрения задач, стоящих перед прокуратурой. В постановлении СНК РСФСР об очередных задачах Наркомюста подчеркивалось, что прокуратура должна усилить работу

1 История советской прокуратуры в важнейших документах / Под ред. К. А. Мокичева. - М.: Государственное издательство юридический литературы, 1952. - С. 14.

2 Кравцов Б. В. Из истории прокуратуры Российской Федерации // Социалистическая законность. - 1975. - № 1. - С. 89.

по защите имущественных прав бедноты путем «более широкого и систематического участия в гражданском и земельном процессах по делам, затрагивающим интересы бедноты, более полного и строгого наблюдения за своевременностью приведения в исполнение соответствующих судебных решений, систематической и решительной борьбы с кабальными сделками и нарушениями норм трудового законодательства, установленных в ограждение интересов батрачества»³.

Сроки организации прокуратуры на местах, как правило, на несколько месяцев отставали от центра. Здесь сказывался острый дефицит кадров. Так, Вятский губернский комитет РКП (б) выдвинул на должность прокурора Вятской губернии кандидатуру начальника губернского отдела ОГПУ, но он не смог приступить к работе, так как ОГПУ не освободило его от исполнения служебных обязанностей. Другой кандидатуры в короткие сроки найти не удалось, и организация прокуратуры задерживалась. Ввиду создавшегося положения НКЮ 20 октября 1922 года назначил заведующего губернским отделом юстиции И. Злобина временно исполняющим обязанности прокурора губернии.

3 ноября И. Злобин внес представление в губернский комитет РКП (б) о структуре аппарата прокуратуры губернии и о кандидатах на должности помощников губернского прокурора как в уездах, так и в губернском аппарате прокуратуры. После согласования с губкомом все кандидатуры были утверждены. 12 ноября 1922 года в газете «Вятская правда» было напечатано объявление губернского прокурора о создании прокуратуры, прокурор призывал население сообщать обо всех нарушениях советских законов и совершенных преступлениях⁴.

Процесс становления прокурорского надзора в центре и на местах получил детальное отражение в воспоминаниях ветеранов прокуратуры, которые представляют значительный интерес для исследователя. «В январе 1922 года состоялся IV съезд работников юстиции РСФСР. Я участвовал в нем как делегат от Челябинской губернии, где работал заведующим губернским отделом юстиции», - вспоминал бывший прокурор Челябинской губернии Д. Ф. Татаркин⁵. Затем вопрос о прокуратуре был внесен Наркомюстом на рассмотрение сессии ВЦИК, состоявшейся в мае 1922 года.

Летом того же года Д. Ф. Татаркин был вызван в Москву. «Нас, заведующих отделами юстиции, приехало человек пятнадцать-двадцать. В Наркомюсте мы узнали, что стоит вопрос об организации советской прокуратуры, сессия ВЦИК еще не приняла закона о прокуратуре. Спустя несколько дней нас пригласили в кабинет наркома юстиции Д. И. Курского. Там собралось человек тридцать-сорок, у всех было приподнятое настроение», - писал Д. Ф. Татаркин⁶.

26 июня 1922 года, именно в тот день, когда коллегия Наркомюста РСФСР утвердила организационную структуру органов прокуратуры, Челябинский губком РКП (б) выдвинул кандидатуру Д. Ф. Татаркина на должность прокурора губернии. Телеграмма прокурора республики Д. И. Курского о назначении Д. Ф. Татаркина прокурором Челябинской губернии была получена 8 июля⁷. С этого момента на Южном Урале началась «горячая пора организации прокуратуры»⁸. 23 августа был ликвидирован губернский отдел юстиции, и открылись уездные камеры прокуратуры. В целях изучения действующего законодательства под руководством помощников прокурора были организованы кружки, в которые вошли работники милиции, уголовного розыска, ГПУ, судьи,

следователи⁹. Для более качественного усвоения материала им предлагались примерные практические задачи.

31 июля 1922 года Д. И. Курский направил на места циркуляр № 65 «О введении в действие уголовно-процессуального кодекса», где информировал губернские отделы юстиции, революционные трибуналы и прокуроров о введении в действие УПК с 1 августа 1922 года¹⁰. Органам юстиции надлежало принять меры к тому, чтобы кодекс был доставлен всем судебным работникам и применялся ими. Тем, кто не получил «Собрание узаконений» от 9 июня 1922 года, где был опубликован УПК, следовало сообщить об этом по телеграфу в Издательский отдел НКЮ или направить за ним нарочного.

На основании циркуляра «при проведении в жизнь уголовно-процессуального кодекса» прокурорам в центре и на местах следовало руководствоваться определенными правилами.¹¹ Прежде всего, прокуроры были обязаны предупредить судебные и следственные органы о необходимости немедленно приступить к применению норм уголовно-процессуального кодекса, регламентирующих их взаимоотношения с прокуратурой. Деятельность губернских прокуроров регламентировалась «Временной Инструкцией губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора» от 29 июля 1922 года¹². Инструкция включала в себя следующие разделы: «Общие задачи прокуратуры», «Организация прокуратуры», «Права и обязанности прокурора», «Распределение работ». Согласно параграфу 10 Инструкции при прокуроре губернии состояли его помощники «для осуществления функций прокурорского надзора при губернском революционном трибунале, при совете народных судей и в уездах»¹³.

Таким образом, Инструкция закрепляла жесткую вертикаль прокурорской власти. Однако разногласия между прокурорами и представителями исполкомов иногда принимали форму острых конфликтов, поскольку исполкомы зачастую расценивали организацию прокуратуры как посягательство на их властные полномочия и авторитет на местах.

Уже на начальном этапе своего становления прокуратура инициировала широкую публично-правовую работу, принимала активное участие в компаниях по ликвидации безграмотности. Особое внимание уделялось устной и печатной пропаганде права, которая рассматривалась как часть государственного строительства. В сельской местности при избах-читальнях были организованы юридические бюро, где крестьянское население получало правовую помощь.

Таким образом, на начальном этапе становления прокуратуры была сформирована нормативная правовая база ее деятельности, наметились приоритетные задачи, стали складываться основные формы и методы осуществления прокурорского надзора, получившие свое дальнейшее развитие в последующий период.

Пристатейный библиографический список

- Кравцов Б. В. Из истории прокуратуры Российской Федерации // Социалистическая законность. - 1975. - № 1. - С. 89.
- Палкин К. Первые шаги // Социалистическая законность. - 1971. - № 9. - С. 40.
- Татаркин Д. Ф. Первые шаги // Социалистическая законность. - 1971. - № 9. - С. 35.
- Там же.
- Объединенный государственный архив Челябинской области. - Ф.Р-1. - Оп. 1. - Д. 7. - Л. 35.
- Там же.

- Еженедельник советской юстиции. - 1922. - № 28. - С. 12.
- История советской прокуратуры в важнейших документах / Под ред. К. А. Мокичева. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. - С. 14.
- Кравцов Б. В. Из истории прокуратуры Российской Федерации // Социалистическая законность. - 1975. - № 1. - С. 89.
- Объединенный государственный архив Челябинской области. - Ф.Р-1. - Оп. 1. - Д. 7. - Л. 35.
- Палкин К. Первые шаги // Социалистическая законность. - 1971. - № 9. - С. 40.
- Татаркин Д. Ф. Первые шаги // Социалистическая законность. - 1971. - № 9. - С. 35.

9 ОГАЧО. - Ф.Р-1. - Оп. 1. - Д. 7. - Л. 35.

10 Еженедельник советской юстиции. - 1922. - № 28. - С. 12.

11 Там же.

12 Там же. - С. 14.

13 Еженедельник советской юстиции. - 1922. - № 28. - С. 15.

ЯКОВЛЕВ Николай Михайлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры арктического права и стран АТР Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Саха (Якутия), прокурор в почетной отставке, старший советник юстиции

ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ В.В. НИКИФОРОВА, ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ЯКУТИИ, ОРГАНИЗАТОРА ПРОГРЕССИВНОГО ДВИЖЕНИЯ «СОЮЗА ИНОРОДЦЕВ ЯКУТОВ» ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЯКУТИИ

В статье раскрывается правозащитная работа советских военных прокуроров по восстановлению доброго имени жертвы политических репрессий В.В. Никифорова, активного борца за самоопределение в дореволюционной Якутии, который при объективном отношении к нему со стороны царских прокуроров и судей избежал длительного тюремного заключения.

Ключевые слова: прокуроры, правозащита, самоопределение Якутии, В.В. Никифоров.

YAKOVLEV Nikolay Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor of Arctic rights and the Pacific Rim countries sub-faculty of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Sakha (Yakutia), Prosecutor in honorable retirement, senior counselor of justice

RECOVERY OF CIVIL RIGHTS OF NIKIFOROV V.V., A PUBLIC ACTIVIST OF YAKUTIA, AN INSTITUTOR OF PROGRESSIVE MOVEMENT "LOCAL YAKUTS UNITY" FOR YAKUTIA SELF-DETERMINATION

The article reveals the human rights work of Soviet military prosecutors to restore the good name of the victim of political repression V.V. Nikiforov, an active fighter for self-determination in pre-revolutionary Yakutia, who, with an objective attitude towards him from the Tsar's prosecutors and judges, avoided lengthy imprisonment.

Keywords: prosecutors, human rights, Yakutia self-determination, Nikiforov V.V.

Яковлев Н. М.

В Российской империи Судебные уставы, принятыми в период проведения Судебных реформ 1864 г., дали право прокурору отказаться от обвинения, если убеждался в невиновности подсудимого. Это был прогрессивный шаг. А.Ф. Кони отмечал: «Составители Судебных уставов создали русского прокурора, который в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющихся в деле доказательств и удик или важности рассматриваемого деяния. В отличие от западных кодексов они предъявили прокурору особое требование об отказе от обвинения и о заявлении в суде по совести в тех случаях, когда находят, что оправдания подсудимого заслуживают уважения»¹.

Прокуроры, воспитанные в духе прогрессивных идей Судебной реформа 1864 года руководствуясь принципом: «Прокуратура есть орган закона, а не орган правительства» в пределах своих сил старались следовать требованиям российского процессуального закона о беспристрастности и объективности по некоторым политическим делам.

Практическое применение положений Судебных уставов о соблюдении законности прокурорами в уголовном процессе, особенно по громким политическим делам, автор находит в деятельности прокурора Якутской области.

В условиях нарастания революционного движения Николай II вынужден был издать Манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», важнейшим пунктом которого было «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах дей-

ствительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»².

После этого царского Манифеста частный присяжный поверенный В.В. Никифоров, пользовавшийся среди якутов широкой популярностью умного и высоко просвещенного законника, осознал, что настала пора якутскому народу, веками терпевшему произвол и насилие, открыто заявить о своем национальном достоинстве, стать на путь самоопределения и обретения государственности. Он стал создателем и вдохновителем создания в декабре 1905 года «Союза инородцев якутов», положившего в основу своей деятельности идеи самоопределения и самоуправления. «В этом движении... вылилось долго, веками копившееся недовольство произволом и несправедливостью угнетением русского самодержавного правительства, преградой, чинимой им культурному развитию и процветанию якутского народа и стремления к развитию национального самосознания и самоуправления»³.

Возбужденное уголовное дело было взято на контроль Министром внутренних дел и по его прямому указанию большинство членов «Союза инородцев якутов» были арестованы. К уголовной ответственности были привлечены 16 наиболее активных членов «Союза инородцев якутов». С 11 по 13 сентября 1907 года в г. Якутске состоялось судебное заседание окружного суда. Общественный интерес был огромный, газеты печатали отчеты о ходе судебного заседания.

Никто не ожидал, что прокурор Якутской области Подпалов, выступая по этому политическому делу, которое находилось на контроле у самого Министра внутренних дел России, откажется от обвинения отношении в нескольких подсудимых и предложит суду назначить к организатору и другим участникам «Союза инородцев якутов» минимальные меры наказания и в конце своей обвинительной речи

1 См: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX - начало XX в. - М., 1996. - С. 35.

2 История России. - М., 1996, с. 241.

3 Малькова А.М. Василий Никифоров. - Якутск, 1994. - С. 152.

скажет: «... Тем не менее, я верю в будущее якутской нации, трудолюбивой и способной к культуре, бог даст, за каких-нибудь 10-15 лет здесь, будут администраторами якуты и никто уже не увидит пришлых чиновников».

Якутский окружной суд согласился с прокурором. Приговором суда 7 подсудимых полностью оправданы. В.В. Никифоров приговорен к 1,5 годам тюремного заключения, другие к лишению свободы до 5 месяцев.

Якутский окружной суд, учитывая лояльный подход к этому делу прокурора Подпалова, счел нужным: «... в виду исключительности настоящего дела, приняв во внимание, что преступная деятельность подсудимых проявилась во время всеобщего возбужденного состояния в России, признать возможным, согласно 775 Устава уголовного судопроизводства ходатайствовать пред его императорским Величеством, через министра юстиции о смягчении наказания для осужденного В. Никифорова лишь заключением его в тюрьму сроком на 7 месяцев, и о полном помиловании остальных»⁴.

В.В. Никифоров – организатор и вдохновитель «Союза инородцев якутов» при доброжелательном отношении к нему со стороны царских прокуроров и судей избежавший длительного лишения свободы в 1907 году, после прихода к власти большевиков стал жертвой политических репрессий и в 1927 году скончался в тюремной больнице в возрасте 60 лет.

21 августа 1928 года постановлением Коллегии ОГПУ по Сибирскому краю Никифоров Василий Васильевич, арестованный 19 сентября 1927 г. на основании ст. ст. 58-2 и 58-6 УК РСФСР приговорен к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет. 15 сентября 1928 г. Никифоров В.В., находясь в Новосибирской тюремной больнице, скончался.

Военные прокуроры отдела реабилитации ВО ЗАБВО прокуратуры СССР подполковник юстиции Н.А. Назаров и полковник юстиции В.К. Масло восстановили славное имя выдающегося общественного деятеля Якутии В.В. Никифорова, который был обвинен в антисоветской деятельности, в том, что в 1920-1922 г.г. являлся руководителем белого движения в Якутии, входил в состав учредительного собрания Дальневосточной Республики, помещал в читинской газете «Социал-демократ клеветническое сообщение о якутских коммунистах и ЧК.

Военные прокуроры, изучив материалы дела, пришли к заключению, что в деле, кроме показаний Никифорова В.В. не имеется никаких данных о его антисоветской деятельности. Так, из его показаний усматривается, что с 1920 по 1927 г., он находился за пределами Якутии. Что касается статьи опубликованной в читинской газете «Социал-демократ», то она была написана под впечатлением гибели многих молодых якутских интеллигентов.

Имеющиеся в деле материалы не давали оснований для обвинения Никифорова В.В. в том, что он подстрекал Сергеева В.А. к созданию антисоветской организации и участвовал подготовке вооруженного восстания в Якутии.

Военные прокуроры вполне обоснованно приходят к выводу, что действия Никифорова В.В., выразившиеся в недоносительстве о существовании антисоветской организации и ее планах, не образуют состав уголовно-наказуемого деяния по ст. 58-12, поскольку, в этот период времени он находился вне Якутии, достоверно знать о деятельности организации не мог и как таковой организации не было.

Должностные лица, производившие предварительное следствие по делу, за различные правонарушения привлечены к административной и уголовной ответственности. Так, помощник Уполномоченного КРО ПП ОГПУ по Сибирскому краю Крамчаников, закончивший дело в отношении Никифорова В.В., в 1929 году за злоупотребление по службе привлечен к уголовной ответственности.

На основании изложенного военная прокуратура ЗАБВО пришла к выводу, что Никифоров В.В. к уголовной ответственности по ст. ст. 58-2 и 58-6 УК РСФСР привлечен необоснованно и репрессирован незаконно.

В соответствии со ст. ст. 3, 5, 8 Закона РСФСР от 18 ноября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрес-

сий» НИКИФОРОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ по ст. 58-2 и 58-6 УК РСФСР был реабилитирован⁵.

Справка о реабилитации была выдана военной прокуратурой 4 февраля 1992 г., согласно Закону РСФСР от 18.10.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

Таким образом, 4 февраля 1992 г. обоснованное и объективное заключение военной прокуратуры помогло восстановить в гражданских правах Никифорова В.В., заложившего прочный фундамент якутской письменной литературы

Благодаря усилиям военных прокуроров и судов из исторического забвения вернулся один из великих сынов Якутии, его духовное наследие в полной мере возвращено родному народу

Во главе национальной интеллигенции, борющейся за самоутверждение и возрождение народа Саха, стоял и В.В. Никифоров, который ясно осознавал, что настала пора якутскому народу веками терпевшему произвол и насилие царизма, открыто заявлять о своем национальном достоинстве, стать на путь самоопределения и обретения своей государственности. С этой целью в 1905 г. Никифоров активно участвует в создании «Союза инородцев якутов», положивший в основу своей деятельности идеи самоопределения и самоуправления Якутии, ставилась «защита каждого от всякого притеснения и насилия от посягательства на неприкосновенность личности и жилища и от имущественного ущерба; предоставление права якутам иметь своего депутата в конституционном демократическом учреждении – Государственной Думе»⁶.

Возвращение доброго имени Никифорова последовало только спустя шесть десятилетий. За этот период выросло несколько поколений якутян, которые не знали, не читали, не слышали и не были знакомы с общественной деятельностью и творческим наследием В.В. Никифорова. Нынешнее поколение якутян призвано беречь и приумножать замечательное наследие славного сына Якутии, так как возрождение и обогащение духовной культуры, восстановление связи времен и поколений, делает правдивее историю, а правдивая и объективная история всегда интересна, мудра и притягательна.

15 декабря 2016 г. в Якутске состоялось торжественное собрание обществу, посвященное 150-летию со дня рождения В.В. Никифорова-Кюлюмнюр, в ходе которого перед зданием Государственного Собрания (Ил Тумэн) открыт памятник В.В. Никифорову.

В памяти современников Кюлюмнюр останется просветителем и подвижником, отдавшим все свои силы, весь свой ум и талант для духовного развития и воспитания гражданского самосознания жителей Якутии. Яркой, сильной личностью, верным своим принципам. Пример бескорыстного служения своему народу Василия Васильевича Никифорова-Кюлюмнюр будет вдохновлять и будущие поколения якутян на плодотворный труд, любовь и уважение к родной республике в составе Российской Федерации.

Таким образом неопределимая заслуга нового поколения военных прокуроров заключается в том, что они внесли свой вклад в восстановление доброго имени В.В. Никифорова – Кюлюмнюра великого сына якутского народа, жившего на рубеже двух эпох, прошедшего огни и бури трех российских революций, выдающегося прогрессивного писателя, просветителя, журналиста, юриста, боровшегося за свободу и демократическое развитие якутской национальной интеллигенции.

Пристайный библиографический список

1. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры. Вторая половина XIX - начало XX в. - М., 1996.
2. История России. - М., 1996.
3. Малькова А.М. Василий Никифоров. - Якутск, 1994.
4. Отчет о судебном заседании по делу «Союза инородцев якутов» //Газета «Якутский край». - Якутск, 1907. С 16 сентября по 8 ноября.
5. Архив УФСБ РФ по РС(Я), ф. 2, д. 4207-р, т.2, л. 336-338.

4 Отчет о судебном заседании по делу «Союза инородцев якутов» //Газета «Якутский край». - Якутск, 1907. - С 16 сентября по 8 ноября.

5 Архив УФСБ РФ по РС(Я), ф.2, д.4207-р, т.2, л. 336-338.

6 Малькова А.М. Василий Никифоров. - Якутск, 1994. - С. 152.

КУЛИК Алексей Сергеевич

аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного Института Санкт-петербургского политехнического университета имени Петра Великого

МОНАРХИЯ И РЕСПУБЛИКА КАК ДВЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РОССИИ И ИХ ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ В ВОЗЗРЕНИЯХ ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

В указанной работе рассматриваются и анализируются основополагающие идеи И.Л. Солоневича о приемлемости монархии в виде формы государственной власти на просторах российской державы и указываются те несовместимые с российской политической действительностью концепты парламентаризма как негативного варианта развития нашего государства в 20-м столетии и в будущем. Для обоснования концептуальных положений монархической приемлемости как формы наиболее адекватной для России, он исследует негативные процессы и явления, сопровождавшие установление парламентской формы правления в Англии в 17, во Франции в 18 столетии и в Германии в 20 столетии. При этом убедительные приводятся доводы о том, что изменения монархической формы правления на республиканскую неизбежно сопровождается резким взрывом противоречий во всех слоях общества и очень часто ведет к установлению диктаторских режимов на территории конкретных государств, что резко отрицательно влияет на все грани политического, экономического, социального, духовного бытия народных масс.

Ключевые слова: Солоневич, монархическое правление, парламентская республика, диктаторы, преемственность в развитии государственных форм правления.

KULIK Aleksey Sergeevich

postgraduate student of the Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MONARCHY AND REPUBLIC AS TWO FORMS OF GOVERNMENT IN RELATION TO RUSSIA AND THEIR ADVANTAGES AND DISADVANTAGES IN THE VIEWS OF IVAN LUKYANOVICH SOLONEVICH

In this work, the fundamental ideas of I.L. Solonevich on the acceptability of the monarchy as a form of state power in the vastness of the Russian state and points out those concepts of parliamentarism that are incompatible with Russian political reality as a negative option for the development of our state in the 20th century and in the future. To substantiate the conceptual provisions of monarchical acceptability as the most adequate form for Russia, he explores the negative processes and phenomena that accompanied the establishment of a parliamentary form of government in England in the 17th century, in France in the 18th century and in Germany in the 20th century. At the same time, convincing arguments are made that changes from a monarchical form of government to a republican one are inevitably accompanied by a sharp explosion of contradictions in all strata of society and very often leads to the establishment of dictatorial regimes on the territory of specific states, which sharply negatively affects all facets of the political, economic, social, spiritual life of the masses.

Keywords: Solonevich, monarchical government, parliamentary republic, dictators, continuity in the development of state forms of government.

И.Л. Солоневич, придерживаясь монархических взглядов на высшие формы государственной власти в России писал о том, что монархия в нашей стране исторически вырастает из предшествующих форм организации государственной власти¹. Она наиболее адекватно отвечает национально-историческому духу присущему сознанию российского народа. Народные массы ориентируясь на монархию как наиболее приемлемую форму осуществления высшей государственной власти в течение многих столетий развития российской государственности выработали целый комплекс политико-социального характера, в рамках которого для многонационального населения нашей страны сложились твердые убеждения фундаментальной направленности, которые придерживались направлений политических отражавшихся в том, что устремления народных масс в политической, экономической, социальных, культурных областях во многом соответствовали те реальные действия предпринимавшийся различными представителями правящей элиты на посту монарха. Несмотря на те или иные личностные качества правящего государя в целом в российской истории не наблюдалось

главы страны, который бы осуществлял политику, прямо противоречащую коренным национальным интересам.

По мнению Солоневича главы государства, сменяя друг друга на посту правителя несли в себе объективную преемственность основных концептов развития России, которые сформировались в давние времена, но постоянно являлись глубинным содержанием социально-политической деятельности всех царей и императоров, занимавших этот важнейший пост в разные периоды истории существования нашей государственности.

Исходя из взглядов этого незаурядного политического деятеля государство российское придерживаясь сотни лет ориентации на монархическое правление в своем историческом бытии существенно отличалось от монархий свойственных большинству европейских стран, потому что монархическое устройство нашей державы во многом опиралось на поддержку всех широких слоев населения страны. В то время как во многих европейских государствах монархия как форма правления была в какой-то степени привнесена теми или иными господствующими слоями общества, что не могло не отразиться на взглядах всего населения на указанную форму организации высшей государственной власти. Поэтому

Кулик А. С.

1 Солоневич И.Л. Народная монархия. - М., 2003. - С. 99-100.

в силу вековых традиций, которые укреплялись в политико-правовой сфере существования российского социума монархия являлась той чертой государственности, органически сложившейся на территории крупнейшей страны мира.

С именами выдающихся государственных деятелей занимавшими высшие государственные посты в роли монархов представители разнообразных слоев российского населения часто связывали те весомые достижения вызывавшими естественную национальную гордость и чувство патриотизма в общественном сознании рядовых обывателей. По мнению укоренившемуся в российском народе мнению монарх, стоявший во главе страны не может быть по своему развитию глупым или очень жестоки, хотя в истории российского государства встречались примеры личностей глав страны, царей, императоров, проявлявших эти индивидуальные качества, достаточно вспомнить фигуру Ивана Грозного. Но в исторической памяти народных масс его образ интерпретировался в виде царя, сумевшего существенно расширить границы государства и начать присоединение Сибири. Даже сам термин «Грозный» олицетворял в сознании населения то, что этот государственный деятель беспощаден к внешним врагам российской державы.

В данном историческом контексте в представления широких слоев общества, отражавших наиболее фундаментальные социально-политические воззрения многомиллионных масс населения, так же отразился образ великого императора России Петра Первого. Его историческая деятельность, во многом направленная на создание мощного и современного той эпохи государства, не смотря на значительные трудности, которые испытывал наш народ дала весомые результаты социально-исторической, военно-экономической плоскости и вывела Российскую Империю в статус великих держав европейского континента.

Исследуя феномен монархизма в нашей стране Иван Лукьянович в своих работах писал о том, что монархическое правление в отличие от республиканской формы организации государственной власти, более приемлемо для существования нашей державы как страны оказывающей серьёзное международное влияние на межгосударственные отношения. Он подчеркивал, что для России в силу ее размеров и большого населения, состоящего из десятков миллионов людей необходима четкая последовательность в действиях высших органов государственной власти на протяжении десятков и сотен лет исторического пути, движения российской политической действительности.

Парламентская республика в нашей стране, по мнению И.Л. Солоневича, не может служить укреплению российской государственности так как процессы перманентных выборов в нашей стране разрушительно могут сказаться на всех аспектах социально-политического, национально-культурного характера свойственных развитию российского общества в исторической ретроспективе.

Республика как форма правления в России в силу исторических особенностей нашего национального пути никогда не пользовалась в широких кругах российского общества значительной популярностью. Действительно на территории российского государства в средневековый период относительно длительный промежуток времени существовали две республики: Псковская и Новгородская. Они как форма государства прекратили свои существования и были поглощены Великим Московским Княжеством в качестве составных элементов единого централизованного русского государства. Эти республики отличались крайней политической нестабильностью. Их социально-политический режим особенно в их последний период существования во многом не отвечал интересам широких народных масс данных государственных образований. Более примеров республиканской формы правления на территории нашего государства до 1917 года не отмечалось. Видимо формирование высших органов власти путем организации периодических избирательных компаний не в полной мере соответствовало политическим воззрениям представителей большинства российского общества и поэтому до Февральской Революции 1917 года об республике во главе которой стоял парламент не возникало вопросов в

соответствии с тем что режим личной государственной власти в лице монарха казался наиболее оптимальным для нашей страны.

Этот исследователь отмечал, что создание республики влечет за собой существенную степень неопределенности в проявлении различных аспектов социально-политических процессов в том или ином государстве. Парламентская республика открывает дорогу к приходу к власти различных представителей социальных групп и слоев населения, которые могут играть как положительную, так и отрицательную роль для определения наиболее перспективных вариантов политических, социальных и исторического путей общества. Солоневич, опираясь на примеры становления парламентских республик в странах Западной Европы отмечал, что нередко после буржуазной революции и создания высших органов представительной власти в странах европейского континента после непродолжительного периода времени политическая власть узурпировалась диктаторами, фактически осуществлявшими свои абсолютные государственные полномочия. Так если вспомнить Великобританию семнадцатого столетия, то после свержения законного короля очень быстро, в течении нескольких лет вся фактическая власть в государстве перешла в руки Кромвеля, осуществлявшего жесткие политические методы по отношению ко многим представителям разнообразных слоев населения английского общества.

Аналогичный пример можно найти в истории другой сильной европейской державы - Франции. В результате Великой Буржуазной революции 1789 года в этой стране был свергнут монархический режим и к власти пришли представители французской буржуазии. Однако в результате массовых политических репрессии представители национального конвента во Франции, то есть парламента, подготовили почву для того, чтобы во главе государства встал диктатор Наполеон Бонапарт, который фактически восстановил монархическое правление и стал императором французского государства. Он, реализуя свои обширные политические амбиции на протяжении многих лет вовлек страну в продолжительные войны с другими державами европейского континента, в следствии чего Франция потерпела военное поражение, а народ понес многочисленные потери в течении войн, длившихся около 20 лет с другими государствами.

Указанные исторические примеры, согласно концепции Ивана Лукьяновича, показывают, что не всякая парламентская республика соответствует общенациональным интересам, сложившимся в тот или иной историко-социальный период развития общества. Во-первых, формирование представительных органов власти в первоначальную эпоху становления этой формы государственности существенно обостряет политические, социальные, национальные противоречия, которые всегда присутствуют в обществе. Различные классы, слои, общественные группы, а если государство является многонациональным, то и представители этих этнических общностей пытаются как можно больше закрепить постов в парламенте и претендовать на определяющее влияние в высшем органе власти. Такая закономерность пагубно сказывается на сохранении устойчивого и стабильного государственного образования. Очень часто в периоды внутренних преобразований, происходящих в той или иной стране свое вмешательство, осуществляют другие государства, пытающиеся укрепить свое влияние на конкретные регионы земного шара или даже тем или иным путем продвинуть на влиятельные посты в государстве лиц представляющие экономические и политические интересы зарубежных государств.

В истории существования десятков и сотен стран мира на политической арене можно найти массу примеров, подтверждающих ускорение разрушительных процессов национальной государственности переходе от монархической формы правления к республиканской. Во-вторых, для создания парламентской республики характерным является то, что к высшей политической власти могут прийти представители социальных слоев общества, которые по своим политическим качествам абсолютно не соответствуют интере-

сам нормального развития государственности на территории страны.

В качестве примера наиболее отрицательного примера в истории формирования республиканского режима правления можно отметить приход к власти Веймарской Республики Германии в начале 30-х годов двадцатого столетия Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Под лозунгами осуществления идей исключительности германской нации в парламент прошли представители такого политического движения как фашизм. Власть в Германии абсолютно на законных основаниях перешла в руки тех лиц, которые исповедовали ненавистнические взгляды и концепции. Используя рычаги республиканской демократии А. Гитлер и его сподвижники сформировали в германском государстве тоталитарный режим, при котором официальной государственной идеологией служили национально-фашистские учения и идеи. При этом руководители фашистской Германии очень искусно использовали исторические факты поражения страны в Первой Мировой Войне. Они в полной мере сумели навязать общественному сознанию германского народа тезисы о политическом унижении всей нации, о восстановлении исторической справедливости исходя из национально-политических идей и объективной необходимости вооруженной борьбы с советским коммунизмом³.

Солоневич в силу исторических обстоятельств оказался на территории фашистской Германии, когда представители гитлеровского политического режима пришли к власти и начали активно развивать нацистские идеи в рамках германской государственности. Как видел этот русский публицист, фашизм становясь все более и более тоталитарным, и анти-демократическим значительное внимание уделял массовому тиражированию основных концептуальных положений своей националистической идеологией среди населения немецкого государства. Позднее, в своих работах, Иван Лукьянович писал, что самая отрицательная и негативная идея сил пришедших к политическому господству в немецком обществе были как ни странно восприняты массой германского народа в качестве основополагающих целей существования немецкого государства и послужили питательной средой для взращивания в условиях европейской цивилизации наиболее негативных черт тоталитарного общества. И.Л. Солоневич, которого правящие круги нацистской германии, которого не однократно пытались привлечь к политике ведущей к неизбежности войны между немецким государством и СССР, постепенно разочаровался в столь агрессивных замыслах правящей фашистской диктатурой властей. В последствии занял позицию неприемлемости тех фашистских националистических преобразований Германии как государства, которое стремилось политическое господство осуществить на территории всей Европы и в ходе этого процессе уничтожить славянские народы. Он, являясь идейным противником коммунистического строя, насаждавшегося в России, не мог стать на сторону более рекреационных кругов германского империализма в силу того, что понимал гибельность для немецкого народа основной концепцией фашистской националистической идеологии о мировом господстве и исключительного расположения на земном шаре арийской расы.

В тоже время в своих трудах, И.Л. Солоневич, довольно детально исследовал основные направления политических преобразований в СССР и свержения партии большевиков монархией в России. Он обосновывал идею о том, что правление коммунистического толка в нашей стране неизбежно приводит к созданию режима диктатуры, которая реально воплотилась в фигуре партийного вождя И.В. Сталина. То есть слабая парламентская республика, созданная в России в феврале 1917 года, объективно не могла создать серьезное препятствие большевистским партийным лидерам, рвущимся к политической власти в российской державе. Тем самым парламентаризм как форма государственного правления в российском обществе была абсолютно не жизнеспособна что усугубила нарастание остро политического кризиса в верхних эшелонах власти и привело к возникновению ситуации

создавшей все политические, социальные, экономические условия для захвата верховной государственной власти вождями пролетарской революции и в конечном итоге повлекло за собой повлекло за собой Гражданскую войну охватившую все население все население государства в ходе которой наблюдалась применение крайне жестоких мер и методов ведения войны в самых острых формах. Это привело к разрушению государственности в стране и многомиллионным жертвам среди народа.

Исходя из изложенного можно прийти к выводу, что Солоневич, являясь активным сторонником монархии в своей научной деятельности сумел проанализировать преимущества монархического правления для российского народа и отразить те негативные элементы проявляющиеся при попытках реализации идей парламентской республики как в нашем государстве, так и в некоторых ведущих странах западной Европы. Тем самым мыслитель подчеркнул приемлемость концепции развития нашей страны именно в форме монархического государства и полагал, что альтернативы такой формы российской государственности в двадцатом и последующем столетиях не имеется.

Пристатейный библиографический список

1. Атчачев С.И. Сущность и организация верховной власти в консервативной мысли русской эмиграции. - Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Ставрополь, 1999. - 184 с.
2. Иванников И.А. Проблема эволюции формы российского государства в истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX — середины XX веков. - Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. - Ростов-на-Дону, 2000. - 463 с.
3. Закиров М.Б. Прошлое и будущее российской государственности в теории народной монархии И. Л. Солоневича // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. - 2013. - № 8 (151). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-i-budushee-rossiyskoy-gosudarstvennosti-v-teorii-narodnoy-monarhii-i-l-solonevicha> (дата обращения: 12.08.2020).
4. Керимов А.Д. О пороках демократии // Гражданин и право. - 2003. - № 3.- С. 38-45.
5. Солоневич И.Л. Народная монархия. - М.: Эксмо, 2003. - 608 с.
6. Солоневич И.Л. Россия и гитлеризм // Вече. - 1995. - № 55. - С. 240-255.
7. Тушканов И.В. И.Л. Солоневич и его учение о государстве и праве // Вестник Международного «Института управления». - 2005. - № 7-9. - С. 42 -46.
8. Черепица В.Н. Историческая доминанта в политическом учении И.Л. Солоневича // Иван Солоневич - идеолог Народной Монархии: Материалы I конференции. - СПб.: Российский Имперский Союз-Орден: Редакция газеты «Монархистъ», 2004. - С. 35-36.

3 Там же. - С. 176-283.

УСТИНОВ Андрей Николаевич

главный консультант аппарата Уполномоченного по правам человека в Иркутской области

ЯКИМОВА Екатерина Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государства и права Байкальского государственного университета

ШАПОЧАНСКИЙ Владимир Николаевич

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, подполковник полиции

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА УСТОЙЧИВУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ВАЛЮТУ: ПРАКТИКА СССР В КОНЦЕ 80-Х НАЧАЛЕ – 90-Х ГГ. XX ВЕКА

Наиболее часто применяемый способ контроля государства над экономикой состоит в безусловном контроле государства над монетарной политикой. В статье исследуется опыт реализации государственной политики в отношении национальной валюты СССР в конце 80-х начале – 90-х гг. XX века. Сделан вывод, что государственная политика позднего СССР, с одной стороны, имела своей задачей снижение инфляции путем уничтожения накоплений граждан в результате денежной реформы, с другой, была направлена на сокращение дефицита бюджета за счет граждан – путем планового повышения цен в 3 раза, то есть созданием плановой инфляции.

Ключевые слова: право на устойчивую национальную валюту, валюта, государственная политика, монетарная политика, права человека, обесценивание национальной валюты.

USTINOV Andrey Nikolaevich

Chief consultant of the office of the Commissioner for Human Rights in Irkutsk Region

YAKIMOVA Ekaterina Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of national security sub-faculty of the Institute of State and Law of the Baikal State University

SHAPOCHANSKY Vladimir Nikolaevich

senior lecturer of Investigation activities and special equipment in internal affairs bodies sub-faculty of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia, colonel of police

SECURING THE RIGHT TO STABLE NATIONAL CURRENCY: THE PRACTICE OF THE USSR IN THE LATE 80S - EARLY 90S OF THE 20TH CENTURY

The most commonly used way for the state to control the economy is the control of the state over monetary policy. The article explores the experience of implementing state policy regarding national currency of the USSR in the late 80 - early 90 XX century. It was concluded that the state policy of the late USSR had the task of reducing inflation by destroying citizens' savings as a result of monetary reform, on the other, it was aimed at reducing the budget deficit at the expense of citizens – by planned price increases by 3 times, that is, by creating planned inflation.

Keywords: right for steady national currency, currency, public policy, monetary policy, human rights, devaluation of national currency.

Возможность оказывать влияние на монетарную политику получило в связи с распространением бумажных денег, когда стоимость производства бумажных денег абсолютно не зависит от обозначенного на них номинала. Это свойство бумажных денег является их безусловным преимуществом. С этого момента деньги стали значительно легче в обороте за счет намного меньшего веса по сравнению с монетами из металла¹. Также выпуск денег из бумаги, сделал монетарную политику независимой от наличия ценного металла. Это обстоятельство является очень важным, так как добыча ценного металла может значительно отставать от общего развития

экономики, в результате может наблюдаться нехватка денег. Нехватка денег является в свою очередь тормозом экономики, так как деньги являются универсальным средством обмена². Подобная ситуация касается в большей степени экономик традиционных,

Устинов А. Н.

Якимова Е. М.

Шапочанский В. Н.

1 Зухуров Б.Н., Самсонов В.А. От криминального прошлого в прогрессивное будущее // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2017. С. 61.

2 Быков С.С., Гущина И.В., Медик И.Н. Развитие экономического пояса нового шелкового пути через гармонизацию налоговой нагрузки на факторы производства в России и Китае: разработка методики сравнения // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 1. С. 94.

однако схожая проблема может возникнуть и в эпоху цифровизации³.

В результате подобной государственной политики, в государстве рост количества денег намного опережает экономическое развитие страны. Это порождает такое явление как инфляцию. Рост стоимости большинства товаров. Инфляция – является нормальным явлением в странах с рыночной экономикой. Инфляция заставляет вкладывать деньги в реальный сектор экономики, для получения прибыли опережающей инфляцию. Высокий уровень инфляции, который трудно опережать, занимаясь законной экономической деятельностью, подрывает основы капиталистической экономики. Отсюда возможен парадоксальный вывод: в стране возможна рыночная экономика, но при этом возможности для капиталистической экономики будут отсутствовать. Капитализм предполагает возможность накопить капитал, и деньги в этом случае играют роль главного инструмента накопления. Но при высоких уровнях инфляции (5, 10, 20 %) сделать это практически невозможно. Отсюда и кажущийся парадоксальным вывод о возможности существования рыночной экономики, в которой имеется свободное ценообразование, и отсутствуют предпосылки для капитализма, так как отсутствует возможность к накоплению.

В странах с развитой политической системой, капитализм отстаивает свои интересы в парламенте, ограничивая расходы государства с целью избежать денежной эмиссии и следующей за ним инфляции, сохраняя ее на приемлемом уровне в пределах порядка 5 %⁴. Однако в государствах, где власть государства не разделена на различные ветви (либо при ее формальном разделении), где отсутствует развитая политическая система, этого естественного ограничителя нет, то приводит государство и общество в неустойчивой положение, что можно проиллюстрировать на примере СССР периода заката.

Согласно п. 1 Инструкции Госбанка СССР от 03 декабря 1986 г. № 6 «Об организации работы по денежному обращению учреждениями Государственного банка СССР» (с изм. от 26 августа 1988 г.), «Государственный банк СССР как единый эмиссионный и кассовый центр страны организует и регулирует денежное обращение на основе Государственного плана экономического и социального развития СССР». Вместе с тем, данное положение несколько противоречит следующему пункту указанной инструкции: «Важным условием функционирования хозяйственного механизма, призванного обеспечить ускорение социально-экономического развития общества, является устойчивость денежного обращения на основе сбалансирования платежеспособного спроса населения с предложением товаров и услуг».

Таким образом, первый пункт говорит о том, что основной деятельностью Госбанка является план государственного развития СССР, а пункт 2 устанавливает, что устойчивость указанного денежного обращения, на регулирование которого согласно п. 1 Инструкции направлены усилия Госбанка, является важным условием функционирования экономики. Можно предположить, что реализация Государственного плана СССР и обеспечение устойчивого денежного обращения это одно и то же, средства и цели достижения их реализации едины, они друг другу несколько не противоречат. Вместе с тем, формальные доказательства однопорядковости столь различных явлений отсутствуют в первую очередь по причине того, что планы имеют свойство меняться, то, что

в конкретном рассматриваемом плане ставится задача обеспечить устойчивость денежного обращения ни о чем не говорит, следующий за ним план может иметь прямо противоположную задачу, даже в случае, если все рассмотренные планы имеют своей задачей обеспечение устойчивости денежного обращения это не гарантирует, что впоследствии нельзя принять план, который ставил задачу нарушить устойчивость денежного обращения.

Вместе с тем, в случае, если бы устойчивость денежного обращения являлась реальной задачей Госбанка СССР, то указанная задача была бы указана сама по себе без упоминания о плане развития СССР. Применительно к п. 1 Инструкции Госбанка СССР от 03 декабря 1986 г. № 6, возникает вопрос: «Должен ли был Госбанк СССР обеспечивать устойчивость денежного обращения, в случае если упомянутая устойчивость начинала противоречить плану развития СССР?» Ответ можно найти буквально строчкой ниже, где говорится, что основными задачами учреждений Госбанка в работе по денежному обращению являются «выполнение директив партии и правительства в области денежного обращения». Скорее всего, норма указанной Инструкции про устойчивость денежного обращения является декларативной, она могла в реальности исполняться в случае, если она соответствовала конкретному плану развития СССР, как только суть такого плана менялась, Госбанк мгновенно про обеспечение устойчивости рублевого обращения забывал.

В истории СССР есть масса примеров, когда устойчивость денежного обращения государственные органы не интересовала вообще, вместе с тем, интересным примером неисполнения задачи по обеспечению устойчивости национальной валюты в период действия указанной инструкции является денежная реформа 1991 года, которая получила от граждан СССР, судорожно пытавшихся спасти свои сбережения и три дня простоявших в очередях, название «Павловская».

Суть реформы, которую как всегда с революционной решимостью провело руководство страны, состояла в том, чтобы изъять у граждан СССР значительную часть их денежных сбережений, которые они сумели накопить, несмотря на усилия партии и правительства. Михаил Горбачев подписал Указ Президента СССР от 22 января 1991 г. № УП 1329 «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан». В соответствии с этим документом «в интересах подавляющего большинства населения страны» с 00 часов 23 января 1991 года прекращали приниматься для осуществления всех видов платежей банкноты достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года, которые обменивались на банкноты 1991 года соответствующего достоинства. Начиная с указанной даты, вводилось ограничение на выдачу вкладов граждан в сберегательном банке в размере не более 500 рублей в месяц.

Обмен указанных купюр на новые осуществлялся в соответствии с Постановлением Кабинета Министров СССР от 22 января 1991 г. № 2 «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и порядке их обмена и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан». В соответствии с указанным документом, «все государственные, кооперативные, общественные и иные предприятия, объединения, организации, учреждения обязываются заактировать на начало дня 23 января 1991 г. наличие в своих кассах остатков денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и сдать их в обслуживающее учреждение банка в течение 3 часов 23 января 1991 г.». На тот момент практически все финансовые учреждения и магазины в стране были уже закрыты, следовательно, население утратило возможность обменять свои накопления без ограничений. Однако кассиры по всей стране бросились обменивать свои накопления,

3 См.: Никеров Д.М., Хохлова О.М. Преступления в сфере высоких технологий в современной России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2 (89). С. 82-93.

4 Санина Л.В. Рейтинги оценки предпринимательского климата: международный опыт // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 5. С. 12.

состоящие из обмениваемых купюр, на купюры другого достоинства в кассах своих организаций во временной отрезок с 21.00 22 января 1991 г. по 24.00 22 января 1991 г. Официальный обмен сбережений граждан СССР осуществлялся в течение 3-х дней (23-25 января) в организациях, где они официально были трудоустроены. Обмен имел ограничение не более 1000 рублей на одного работника.

Обращает на себя внимание способ проведения реформы. Незадолго до ее начала Премьер-министр СССР В.С. Павлов в обращении, которое транслировало центральное телевидение, сообщил, что денежной реформы не будет. Факт проведения денежной реформы держался в секрете до момента объявления о ней по телевизору за 3 часа до даты ее начала, что соответствовало смыслу Постановления Кабинета Министров СССР от 22 января 1991 г. № 2, в котором указывалось, что «для обеспечения строгого выполнения мер по обмену и изъятию из обращения денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года поручить Госбанку СССР, Министерству финансов СССР и КГБ СССР организовать и направить в центральные (национальные) банки республик, республиканские банки Госбанка СССР специальные группы сотрудников, наделенные чрезвычайными полномочиями по контролю за выполнением Указа Президента СССР и настоящего Постановления вплоть до права принятия на себя в случае необходимости непосредственного управления банковскими учреждениями».

Как представляется, характер предпринятых для проведения реформы мер (демонстративные обманные действия, сохранение тайны, внезапность, ограниченные сроки) подталкивают к проведению аналогии с проведением войсковой операции против врага, в роли которого выступало население СССР.

В результате проведенной реформы, по мнению руководства СССР, была восстановлена устойчивость денежного обращения в СССР. Однако существует точка зрения, что устойчивость рублевого обращения получила один из первых ударов 90-х годов.

После прочтения нормативных актов позднего СССР может возникнуть очень популярное в России мнение, что демократы (либералы) во главе с Президентом СССР М.С. Горбачевым развалили страну, в связи с чем М. С. Горбачев должно быть являлся агентом ЦРУ. Для предупреждения подобного мнения необходимо помнить, что за период с января по октябрь 1991 года бюджет СССР имел доходы в размере 84 млрд. рублей, а расходы за этот же период составили 186,9 млрд. рублей, чем был образован дефицит в размере 102,5 млрд. рублей. Руководство СССР не могло себе позволить бездействовать, необходимо было принимать непопулярные меры. непопулярными эти меры должны были стать в любом случае, так как «лишних» 102,5 млрд. рублей государственных расходов ложились в карман определенных слоев населения СССР, и у кого-то эти деньги надо было забрать. В качестве аргумента в пользу точки зрения, согласно которой руководство позднего СССР никак не могло быть агентами ЦРУ и причинами денежной реформы был внутренний дисбаланс, можно отметить, что к 1991 году 68 % конечного продукта в СССР являлась продукцией военного назначения, численность боеготового танкового парка одновременно составляла невероятные для любого государства на планете 40 тыс. машин, а численность вооруженных сил составляла более 4-х млн. человек. Руководство позднего СССР сделало выбор между военными расходами (государственной политикой) и устойчивостью денежного обращения (населением СССР).

Очередным ударом по устойчивости национальной валюты и рублевого обращения, продолжением государственной политики являлся Указ Президента СССР от 19 марта 1991 г. № УП-1666 «О реформе розничных цен и социальной

защите населения»⁵, в соответствии с которым в СССР произошло одномоментное повышение цен в среднем в три раза.

Таким образом, большинство людей обеспечивают себя самым необходимым с помощью денег. При падении курса национальной валюты человек теряет возможность обеспечить себя самым необходимым, что нивелирует его право на устойчивую национальную валюту⁶. В данной ситуации права человека подвергаются если не ограничению, то создаются предпосылки к их нарушению⁷. Чаще всего падение курса национальной валюты происходит в результате действий государственных органов в результате реализации неэффективной монетарной политики. На первый взгляд может показаться, что меры, предпринимаемые руководством страны в 1991 году, являются противоречивыми, но это только на первый взгляд, и только с точки зрения рыночной экономики. Подлинным вектором предпринятых мер было ухудшение положения населения ради достижения политических целей.

Пристатейный биографический список

1. Быков С.С., Гущина И.В., Медик И.Н. Развитие экономического пояса нового шелкового пути через гармонизацию налоговой нагрузки на факторы производства в России и Китае: разработка методики сравнения // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 1. С. 94-104.
2. Зухуров Б.Н., Самсонов В.А. От криминального прошлого в прогрессивное будущее // Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2017. С. 61-67.
3. Никеров Д.М., Хохлова О.М. Преступления в сфере высоких технологий в современной России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2 (89). С. 82-93.
4. Санина Л.В. Рейтинги оценки предпринимательского климата: международный опыт // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 5. С. 12.
5. Устинов А.Н. Право на устойчивую национальную валюту в системе прав и свобод человека и гражданина // Академический юридический журнал. 2018. № 2 (72). С. 57-62.
6. Чуксина В. В., Бондаренко О. В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 218-230.
7. Никеров Д.М., Хохлова О.М. Преступления в сфере высоких технологий в современной России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2 (89). С. 82-93.
8. См.: Устинов А.Н. Право на устойчивую национальную валюту в системе прав и свобод человека и гражданина // Академический юридический журнал. 2018. № 2 (72). С. 57-62.
9. Чуксина В. В., Бондаренко О.В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 219.

ХАБИБУЛЛИНА Гульнара Рушановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

К ВОПРОСУ О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СУДОВ

В статье анализируется практика регионального органа специализированного судебного конституционного контроля по интерпретации полномочий, установленных конституцией и законом о конституционном (уставном) правосудии. Интерпретация конституционными (уставными) судами компетенционных конституционных и законодательных норм позволяет установить их дополнительные полномочия, которые, как правило, не фиксируются региональным законодателем. Таким образом, благодаря праворазъяснительной деятельности конституционных и уставных судов формируется институт дополнительных полномочий региональных органов судебного конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционный суд, компетенция, полномочия.

KNABIBULLINA Gulnara Rushanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

ON THE ISSUE OF ADDITIONAL POWERS OF CONSTITUTIONAL AND CHARTER COURTS

The article analyzes the practice of a regional body of specialized judicial constitutional review to interpret the powers established by the constitution and the law on constitutional (charter) justice.

Keywords: constitutional court, competence, authority.

Полномочия конституционных и уставных судов представляют собой существенный элемент их конституционно-правового статуса, которые предполагается классифицировать по разным основаниям. К примеру, в зависимости от разновидности конституционного контроля выделяются полномочия по: абстрактному и конкретному контролю; превентивному конституционному контролю; разрешению споров о компетенции; осуществлению удостоверительно-контрольных полномочий¹.

Однако наибольшее распространение получила классификация, в рамках которой полномочия конституционных и уставных судов подразделяется на основные, предусмотренные Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», и дополнительные, т.е. установленные субъектами Российской Федерации самостоятельно, которые, в свою очередь, разграничиваются на общие полномочия, характерные для всех конституционных и уставных судов, и специальные, присущие конкретному органу конституционного (уставного) правосудия в субъекте Российской Федерации².

При установлении полномочий конституционных (уставных) судов региональный законодатель руководствуется не только принципами федеративного устройства, в том числе принципом разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти

субъектов Российской Федерации, но и его критериями, к числу которых можно отнести принцип исчерпывающей компетенции, предполагающий «полное перечисление полномочий»³ органа государственной власти, а также принцип открытой компетенции, предусматривающий закрепление части полномочий органа государственной власти и одновременно возможности их расширения на основе законодательства и практики.

Следуя принципу исчерпывающей компетенции законодательство Республики Марий Эл, Татарстан, Свердловской области и Санкт-Петербурга о конституционном (уставном) правосудии устанавливает строго определенный перечень правообязанностей для специализированных судебных органов конституционного контроля в сфере обеспечения верховенства и прямого действия конституций (уставов).

В соответствии с принципом открытой компетенции, например, Конституционный Суд Республики Северная Осетия – Алания вправе рассматривать иные дела, помимо установленных ст.3 Конституционного закона Республики Северная Осетия – Алания от 15 июня 2001 года № 17-РЗ «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия – Алания», если это предусмотрено федеральным законом, законом Республики Северная Осетия – Алания⁴, а Конституционный Суд Республики Ингушетия – осуществлять дополнительно иные полномочия, предоставляемые ему Кон-

1 Худoley К.М. Компетенция конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Вестник Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. № 2 (24). С. 55.

2 Гравина А.А. Правовая регламентация организации и деятельности судов субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 85.

3 Терехов М.В. К вопросу о модели разграничения властных полномочий в федеральных государствах: зарубежный опыт // Современное право. 2011. № 6.

4 Конституционный закон Республики Северная Осетия – Алания от 15 июня 2001 года № 17-РЗ «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия – Алания» // Северная Осетия. 5 июля 2001. № 127.

ституцией Республики Ингушетия, федеральными законами и республиканским конституционным законом; может также пользоваться правами, предоставленными ему заключенными в соответствии со статьей 11 Конституции Российской Федерации договорами о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Ингушетия, если эти права не противоречат его юридической природе и предназначению в качестве судебного органа конституционного контроля⁵.

Вместе с тем существенную роль в развитии компетенционных основ конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации играет судебная практика конституционных и уставных судов по интерпретации конституционных и законодательных норм о компетенции.

Так, Конституционный Суд Республики Татарстан в своем Постановлении от 5 июля 2004 года № 13-П⁶ указав, что правом на обращение с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают не только граждане, но и их объединения, сформулировал в контексте конституционного принципа гарантированности прав и свобод человека и гражданина интерпретационное правило, согласно которому по смыслу части 1 статьи 100 Закона Республики Татарстан «О Конституционном Суде Республики Татарстан» граждане и созданные ими объединения вправе обратиться в Конституционный Суд Республики Татарстан с жалобой в тех случаях, когда деятельность объединений связана с реализацией конституционных прав и свобод, являющихся их членами (участниками, учредителями). По мнению Конституционного Суда Республики Татарстан, общество с ограниченной ответственностью, обратившееся в Конституционный Суд Республики Татарстан, а равно и иные хозяйственные общества, хозяйственные товарищества и производственные кооперативы представляют собой по существу объединения, создаваемые гражданами в виде коммерческих организаций – юридических лиц для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и право иметь в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, как единолично, так и совместно, что закреплено Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 34 и ч. 2 ст. 35), а также признано и гарантировано Конституцией Республики Татарстан (ч. 1 ст. 27).

Соответственно, в случае нарушения указанных или иных конституционных прав и свобод граждан, для реализации которых ими созданы объединения, в том числе являющиеся коммерческими организациями – юридическими лицами, эти объединения вправе обращаться за защитой нарушенных прав и свобод в Конституционный Суд Республики Татарстан.

Далее, Законом Республики Татарстан от 22 декабря 1992 года № 1708-ХП «О Конституционном Суде Республики Татарстан» по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина и по запросам судов предусматривается проверка Конституционным Судом Республики Татарстан исключительно конституционности Закона Республики Татарстан, нормативных правовых актов Президента Республики Татарстан и Кабинета Министров Республики Татарстан.

Однако, как показывает анализ Постановления Конституционного Суда Республики Татарстан от 27 мая 2016 года № 68-П⁷, в сферу контроля при определенных обстоятельствах подпадают ведомственные нормативные правовые акты, изданные органами исполнительной власти специальной компетенции.

В названном Постановлении Конституционный Суд Республики Татарстан в контексте общезначимых конституционных принципов правовой определенности, законности и социального государства отметил, что конституционность оспариваемого Положения о порядке обращения за компенсацией части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, и порядке ее выплаты с точки зрения правоприменения следует оценивать во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами, имеющими отношение к данному вопросу, в том числе с Административным регламентом предоставления государственной услуги по назначению компенсации части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, утвержденном первоначально приказом Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан от 11 ноября 2014 года № 639, а затем повторно в обновленной редакции приказом того же республиканского Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан от 12 октября 2015 года № 770.

Констатируя, что названный Административный регламент и в прежней, и в действующей редакции устанавливает более широкий перечень документов, требуемых для межведомственного взаимодействия, по сравнению с нормами оспариваемого Положения, Конституционный Суд Республики Татарстан также указал на его расхождение с положениями Федерального закона от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», с конституционными принципами правового государства и верховенства закона, в также с положениями ст. 29 (часть 1) Конституции Республики Татарстан, в силу которой осуществление, охрана и защита конституционных прав и свобод устанавливается законом.

5 Конституционный закон Республики Ингушетия от 28 декабря 2001 года № 10-РКЗ «О Конституционном Суде Республики Ингушетия» // Ингушетия. 16 января 2002. № 5.

6 Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 5 июля 2004 года № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 раздела 1 Положения о применении векселей Правительства Республики Татарстан, утвержденного постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 15 июля 1994 года № 336 «О введении в хозяйственный оборот векселей Правительства Республики Татарстан», в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Научно-производственное предприятие» «ИЯ» // Республик Татарстан. 16 июля 2004. № 143.

7 Постановления Конституционного Суда Республики Татарстан от 27 мая 2016 года № 68-П «По делу о проверке конституционности отдельных норм Положения о порядке обращения за компенсацией части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, и порядке ее выплаты, утвержденного постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 18 января 2007 года № 9 «О компенсации части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования» (в редакции постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 21 мая 2014 года № 338), в связи с жалобой гражданки Л.В. Кирюшиной». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.docvawer.yandex.ru/pub_608878.docx.

В итоге Конституционный Суд Республики Татарстан квалифицировал Административным регламентом предоставления государственной услуги по назначению компенсации части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях в качестве ненадлежащего нормативного акта, который может определять какие-либо дополнительные основания для принятия решения о назначении либо отказе в назначении подобной компенсации, однако, при этом отметил, что ведомственные нормативные правовые акты в силу ст. 3 Закона Республики Татарстан «О Конституционном Суде Республики Татарстан» не могут быть рассмотрены Конституционным Судом Республики Татарстан по жалобам граждан.

Таким образом, Конституционный Суд Республики Татарстан реализовал надзорное полномочие, которое, как известно, отличается от полномочия по конституционному контролю тем, что констатируется несоответствие нормативного правового акта конституции, но выводы в своей основе имеют рекомендательный характер, в частности, для субъекта правотворчества⁸.

Таким образом, в систему принципов правового регулирования полномочий конституционных и уставных судов, помимо принципа федерализма и его конституционных критериев, включаются принципы исчерпывающей и открытой компетенции, которые, в свою очередь, не препятствуют установлению дополнительных прав и обязанностей региональных органов специализированного конституционного контроля на основе казуального истолкования компетенционных конституционных и законодательных норм. Судебная практика толкования Конституционным Судом Республики Татарстан своих полномочий, установленных Конституцией Республики Татарстан и Законом Республики Татарстан «О Конституционном Суде Республики Татарстан», при разбирательстве подсудных дел позволяет установить такие дополнительные полномочия, как право уточнять круг субъектов обращения по конституционным жалобам на нарушение конституционных прав и свобод, а также полномочия по конституционному надзору в сфере регионального ведомственного нормотворчества при реализации конкретного конституционного контроля (оно также может осуществляться по аналогии и по запросам судов при проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов, применяемых или подлежащих применению в конкретном деле).

Пристатейный библиографический список

1. Конституционный закон Республики Северная Осетия – Алания от 15 июня 2001 года № 17-РЗ «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия – Алания» // Северная Осетия. 5 июля 2001. № 127.
2. Конституционный закон Республики Ингушетия от 28 декабря 2001 года № 10-РКЗ «О Конституционном Суде Республики Ингушетия» // Ингушетия. 16 января 2002. № 5.
3. Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 5 июля 2004 года № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 раздела 1 Положения о применении векселей Правительства Республики Татарстан, утвержденного постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 15 июля 1994 года № 336 «О введении в хозяйственный оборот векселей Правительства Республики Татарстан», в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Научно-производственное предприятие» «ИЯ» // Республик Татарстан. 16 июля 2004. № 143.
4. Постановления Конституционного Суда Республики Татарстан от 27 мая 2016 года № 68-П «По делу о проверке конституционности отдельных норм Положения о порядке обращения за компенсацией части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, и порядке ее выплаты, утвержденного постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 18 января 2007 года № 9 «О компенсации части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования» (в редакции постановления Кабинета Министров Республики Татарстан от 21 мая 2014 года № 338), в связи с жалобой гражданки Л.В. Кириюшиной». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.docviewer.yandex.ru/pub_608878.docx.
5. Гравина А.А. Правовая регламентация организации и деятельности судов субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 85.
6. Терехов М.В. К вопросу о модели разграничения властных полномочий в федеральных государствах: зарубежный опыт // Современное право. 2011. № 6.
7. Худолей К.М. Компетенция конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Вестник Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. № 2 (24). С. 55.
8. Эриашвили Н.Д., Белоновский В.Н., Саудаханов М.В. О соотношении понятий «Конституционный контроль» и «конституционный надзор» в конституционной практике России // Вестник Московского ун-та МВД России. 2013. № 7. С. 139.

8 Эриашвили Н.Д., Белоновский В.Н., Саудаханов М.В. О соотношении понятий «Конституционный контроль» и «конституционный надзор» в конституционной практике России // Вестник Московского ун-та МВД России. 2013. № 7. С. 139.

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-111-114

ЭРБОЕВ Муhibджон Ниёзматович

аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института Российского университета дружбы народов

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена истории формирования и развития органов государственной власти таджикского народа. В ходе исследования были изучены разные этапы систем управления таджикского народа со времён правления Саманидов вплоть до советского периода. Несмотря на то, что Саманиды не имели своей собственной Конституции, они руководствовались нормами Корана, Сунны и правовыми обычаями, на основе которых формировались органы исполнительной власти. Так же были рассмотрены времена правления Российской империи в Средней Азии на основе первой Конституции, изучены вопросы, связанные с системой органов исполнительной власти на территории современного Таджикистана.

Ключевые слова: исполнительная власть, орган государственного управления, государственная власть, имперское право, государственный совет, общеимперские законодательные акты.

ERBOEV Mukhibjon Niyozmatovich

postgraduate student of Constitutional law and constitutional proceedings sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

FEATURES OF THE CENTRAL BODIES OF STATE POWER OF THE TAJIK PEOPLE IN THE PRE-SOVIET PERIOD: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

The article is devoted to the history of the formation and development of state authorities of the Tajik people. In the course of the study, various stages of the control systems of the Tajik people were studied from the time of the Samanids rule up to the Soviet period. Despite the fact that the Samanids did not have their own Constitution, they were guided by the norms of the Koran, Sunnah and legal customs, on the basis of which the executive authorities were formed. The times of the rule of the Russian Empire in Central Asia on the basis of the first Constitution were also considered, issues related to the system of executive authorities on the territory of modern Tajikistan were studied.

Keywords: executive power, government body, state power, imperial law, council of state, general imperial legislative acts.

Современная юридическая наука признает, что власть и управление существовали еще в первобытнообщинном обществе, т.е. до появления государства¹. Эта власть была общественной и не только потому, что «властитель» ничем не выделялся среди других членов племени, кроме как большими обязанностями – мобилизация членов племени на работу, на защиту от врагов, распределение доли каждому члену своей семьи, рода, но и потому, что власть в основе своей была выборной. При этом она не имела каких-либо специальных органов управления и принуждения, и все члены племени могли повлиять на решение той или иной проблемы².

Политико-правовая история каждого государства имеет свои основы. В этой связи для того, чтобы определить историю государства и структуру исполнительной власти в Республике Таджикистан, нам необходимо взглянуть на историю правления первого государства таджикского народа. Первым независимым таджикским государством было государство Саманидов, основанное в 892 году царем Исмоилом Сомони, которое возродило язык, культуру и традиции таджикского народа.

С целью создания сильного централизованного государства, Саманиды разработали стройный аппарат управления

государством. Управление государством велось с помощью двух независимых и не подчиняющихся друг другу властных структур³. Государственный аппарат делился на двор – даргах и центральное управление. К двору причисляли резиденцию эмира, жилые кварталы придворной знати, гвардии и слуг. Центральное управление состояло из десяти департаментов – диванов. Центральный орган Саманидов - Даргах (Двор) был одним из важнейших в системе государства.

Саманидское государство по форме правления, было наследственной монархией. Этот принцип наследственности высшей должности касался не только главы государства, но также данный принцип наблюдался и в занятии других должностей. Должность визира стала наследственной, то есть целые семейства продолжали занимать эту должность, что стало основанием для историков исследовать такой феномен как «авлад ул-вузара»⁴.

В древнетаджикских государствах первым консультантом монархов являлся визир (министр). Еще одной влиятельной ветвью центрального органа Саманидского государства являлся Диван визира, который возглавлял Великий Ходжа

Эрбоев М. Н.

1 Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов. – М., 2008. – С. 34.

2 Буриев И.Б. Становление и развитие институтов государственности на территории Таджикистана (досоветский период): дис. д.ю.н. – М., 2009. – С. 21.

3 См.: Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч. 1-4 (от древнейших времен до начала XX века). – Душанбе, 2016. – С. 111.

4 См.: Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Гук А.И. Саманидское государство: некоторые вопросы организации государственной власти (даргох) и централизованного государственного управления (диваны) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 65-81.

(Ходжиби Бузург) или, так называемый, Великий визирь, назначаемый эмиром. Великий Ходжа имел не только собственный диван, но и контролировал формирование и деятельность других девяти диванов⁵. Этот диван считался основным органом государственного управления, контролировал все административные, политические и хозяйственные учреждения государства, определял государственную политику во всех сферах общественной, политической, военной и финансовой деятельности государства. После изучения полномочий и направления деятельности Великого Ходжи (Ходжиби Бузург), мы можем прийти к выводу, что в современном мире данные обязанности выполняет премьер-министр страны. Диваны являлись ведомствами отраслевого управления Саманидского государства.

Другое место в системе центрального государственного управления занимал Диван Муствафи. Он занимался финансовыми делами государства, контролировал и вел учет доходов и расходов государства, определял ставки налогов и вел учет их поступления в казну. Главой этого дивана считался высший финансовый чиновник, называемый казначеем. Он был подотчетен визирю и непосредственно эмиру.

Саманиды важное место в своей государственной деятельности отводили делам образования и просвещения. Данной сферой управлял Диван Вақф. Этот диван на местах имел своих представителей. Как известно, при Саманидах развивались институты земельных вакфов, религиозных и образовательных (школы, мадрасы) учреждений, люди передавали в вакф земельные владения, доходы от которых шли строго назначенным лицам или религиозным учреждениям. Существовали уполномоченные должностные лица по управлению вакфами. Их называли мутавалли.

Укреплению государственной власти, сближению власти и народа содействуют органы правосудия, деятельность которых является показателем сущности и назначения государства. В Саманидском государстве дело правосудия вверялось системе судей, которая называлась Диван Казии. Главой Дивана являлся Казии-калян.

Связь государственной власти и религии в государственно-правовой действительности Саманидской эпохи можно проследить на примере деятельности Дивана Мухтасиб. Диван Мухтасиб в основном вел контроль за выполнением религиозных обрядов, а также правильным использованием гири и весов на рынках. Кроме того, Мухтасиб и его помощники должны были наблюдать за точным выполнением норм продукции, выпускаемой городскими ремесленниками. Мухтасиб имел право протестовать против выпуска товаров низкого качества, мог также запретить продажу по повышенной цене мяса, хлеба и других продуктов первой необходимости⁶.

Во время Саманидов военная составляющая также была важнейшей опорой государственной власти. Диван Аш-шурта занимался обеспечением войск всем необходимым. Нижестоящим звеном являлся Ариз⁷, который был ответственным за снабжение войск государства и заодно являлся органом, контролирующим состояние войск. В подчинении и ведении этого Дивана находилась вся гвардия Саманидов, гарнизоны других городов и вилайатов (области) государства.

Диван Сохиб ал-барид ведал почтой. Доставка информации, приказов и законов на места являлась обязанностью Баридов. Эта ветвь не только доставляла информацию, интересующую центральные ведомства на местах. Другим на-

правлением деятельности Дивана была государственная безопасность. По мнению академика Б.Г. Гафурова, почта при Саманидах не была доступна населению, а обслуживала государственную власть.

Еще одно влиятельное место в структуре управления Саманидского государства занимал Диван Ар-расоил или Диван Инша (посланий). «Данный Диван был важнейшим центром по составлению официальных документов и через него проходили все важные государственные бумаги. Следует отметить, что данный Диван ведал внешними отношениями с другими государствами, а также вел подготовку внутренних нормативно-правовых актов. В этом качестве он курировал вопросы отправки и приема послов, получение сведений и информации различного характера от экономического до военного и географического. При нём находился и государственный архив⁸. Так как данный Диван ведал дипломатическими отношениями с другими государствами, выбор руководителя на данную должность ввелось ответственно, преимущественно давалось человеку с высокой компетентностью, знающего иностранные языки с хорошо разбирающегося в тонкостях дипломатии.

Подобно этим диваном, при дворе были и другие диваны, такие как: Дабир, Шейх аль-Ислам, Факех, однако в их обязанности не входили функции других диванов. При Саманидах возникло первое независимое таджикское государство, структура и система правления которым были уже определены, и оно имело сходство с современным правлением. К примеру, можно сравнить диван визиря Великий Ходжа (Ходжиби Бузург), который контролировал все административные, политические и хозяйственные учреждения государства, с нынешним премьер-министром, а другие Диваны, с нынешними министерствами, которые выполняют определенные функции.

В целом, в государстве Саманидов центральный орган исполнительной власти был полностью выражен, несмотря на то, что они не имели своей собственной Конституции. Они руководствовались религиозными нормами Корана, Сунны и правовыми обычаями, существовавшими на территории Средней Азии до распространения религии ислама. Также указы и повеления эмира считались источником правопорядка.

После распада государства Саманидов на территории Средней Азии последовательно появляются отдельные династии, такие как Газневиды, Гуриды, Сельджукиды, Караханиды, Харезмшахи (X-XIII вв.), империя Чингисхана (XIII-XIV вв.) государство Темуридов (XIV-XV вв.), Шейбанидов (XVI в.), Джанидов (XVII-XVIII вв.). При правлении Сельджукидов некоторые основные Диваны государства Саманидов были сохранены в первоначальном виде. Но при существовании названных династий сильных изменений в области органов государственной власти не было, потому что господствующей религией был ислам, а власть передавалось по наследству.

Но нужно подчеркнуть, что в период присоединения Средней Азии к Российской Империи (1867 г.) произошли некоторые изменения в правовых источниках (одновременно действовали нормы шариата и имперское право) и государственной власти (Бухарский эмират и Туркестанское генерал-губернаторство).

Мы уже упоминали происхождение и первую структуру таджикского государства при Саманидах, то есть период правления без Конституции. В продолжение хотел бы отметить о временах присоединения и правления таджикской земли и народа к Российской Империи, согласно основному закону этой великой империи.

5 См.: Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч. 1-4 (от древнейших времен до начала XX века). – Душанбе, 2016. – С. 117.

6 См.: Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Гук А.И. Саманидское государство: некоторые вопросы организации государственной власти (даргох) и централизованного государственного управления (диваны) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 65-81.

7 «Ариз» был одним из чиновников данного ведомства, являлся помощником главы Диван аш-шурта по хозяйственной части.

8 Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Гук А.И. Саманидское государство: некоторые вопросы организации государственной власти (даргох) и централизованного государственного управления (диваны) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 65-81.

До утверждения советской власти территории современного Таджикистана входили в состав Бухарского эмирата и Туркестанского генерал – губернаторства. Значительная часть нынешнего Таджикистана – Восточная Бухара (территории современного Центрального и Южного Таджикистана) и Западный Памир находились в составе Бухарского эмирата, а современные территории Северного Таджикистана и большая часть Памира (до провозглашения Туркестанской АССР 30 апреля 1918 г.) входили в состав Самаркандской и Ферганской областей Туркестанского края⁹. Поэтому говорить об исполнительной власти Таджикистана в досоветский период это значит говорить об особенностях управления в Туркестане и Бухарском эмирате.

Для политической истории Бухарского ханства второй половины XVIII в. характерно стремление феодалов Восточной Бухары, Ура-Тюбе и Ходжента стать независимыми от центральной власти. Эта тенденция особенно ярко выразилась в период правления Мухаммад Рахим-хана, вступившего на престол после убийства последнего Аштарханидского хана Абулфайза. С этого момента началось правление новой династии – Мангытов¹⁰.

Эмир Бухарский, как глава светской и духовной власти эмирата, одновременно являлся высшей судебной инстанцией в эмирате¹¹.

В половине XVIII в., как и в последующее время, во главе Бухарского и Кокандского ханств стояли эмиры и ханы, власть которых была не ограничена; никаких представительских учреждений в ханствах не было.

Структуры власти этих государств не были одинаковыми. Бухарский эмират был теократическим монархическим государством и, соответственно, устройство государства и нормы права здесь находились, под влиянием исламского богословия. В Туркестанском же крае устройство государства основывалось на «Положении об управлении Туркестанским краем» и других общероссийских законах.

Во второй половине XIX века Российская империя, осуществляя захватническую политику, присоединила огромную территорию Центральной Азии. Вся территория Кокандского ханства, Зарафшанская область Бухарского эмирата, Закаспийская и Амударьинская области Хивинского ханства вошли в состав Российской империи и образовали Туркестанский край. Бухара и Хива признали протекторат России, а Кокандское ханство прекратило свое существование¹².

До присоединения к России Центральная Азия представляла собой конгломерат чрезвычайно отсталых феодально-теократических государств, на территории которых господствовали феодально-патриархальные отношения¹³.

Прежде всего, для управления территорией Центральной Азии был необходим нормативно-правовой акт, в связи с этим, в 1884 г. комиссия под председательством члена Государственного совета графа Игнатьева с присутствием назначенного Туркестанским генерал-губернатором фон Розенбахом, установила, что необходимо решить задачи по устройству наиболее соответствующего местным условиям и нуждам населения гражданского управления, которое служило бы и целям прочного закрепления края за Россией, уменьшения расходов на его управление и увеличение доходов. После обсуждения и внесения исправлений Государ-

ственным советом проект комиссии был в 1886 г. утвержден в качестве Положения об управлении Туркестанского края¹⁴. Можно утверждать, что лишь с 1886 г. начала действовать единообразная система, утвержденная императором, поскольку устанавливались основные начала судебной системы, систем землевладения и землепользования, налогообложения, политико-административного устройства этого региона империи.

Реализация обозначенного Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством и уже действующих специальных актов по управлению отдельными областями, привела к тому, что в конце XIX в. край состоял из 5 областей: Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской и Закаспийской (с 1890 г.). Порядок управления тремя первыми определялся Положением Туркестанского края, Семиреченская область управлялась на основании Положения об управлении Степных областей, Закаспийская – временным Положением об управлении Закаспийской области. Все пять областей в более или менее равной степени подчинялись главному надзору Туркестанского генерал-губернатора, который определялся в должности императором¹⁵.

В соответствии с этими нормативными правовыми актами, Генерал-губернатор имел возможность изменять, дополнять, ограничивать и даже отменять действующие общеперские законодательные акты в подведомственном ему крае¹⁶.

Следует отметить, что в оседлых селениях, кочевых аулах, в участках продолжало действовать традиционное управление, основанное на правилах и законах Адата и Шариата. Сохранялся также народный суд, который осуществлял свои функции среди кочевников на основе обычного права, а среди оседлого населения – на основе мусульманского религиозного права.

Положение 1886 г. определяло исполнительным органом в крае канцелярию, имевшую три отделения: первое, по вопросам управления и личного состава; второе, по земельным вопросам, налогам, по делам строительства, связи, просвещения и медицины; третье, по финансам, статистике, землям, вакуфному имуществу, по контролю за иностранными подданными. Особым отделом канцелярии был дипломатический, занимавшийся решением вопросов, связанных с российским протекторатом над Бухарой и Хивой. Областные правления, являясь исполнительными органами власти, находились под контролем военных губернаторов. Они занимались регулированием вопросов землевладения, землепользования, водопользования в оседлых и кочевых районах генерал-губернаторства, устанавливали и собирали налоги, контролировали работу уездной городской и сельской администрации, судов, занимались проблемами городского хозяйства¹⁷.

В это время структура исполнительного органа находилась в состоянии кризиса и недостаточного развития, то есть структура и внутренние отделы этой ветви власти не имели своего собственного распределения, по сравнению с периодом правления таджиков в династии Саманидов.

По мнению русского учёного Н.И. Краснякова, в структуре административной единицы в региональную модель управле-

9 См. Уразаев Ш.З. Туркестанская АССР и ее государственно-правовые особенности. – Ташкент, 1958. – С. 78.

10 История таджикского народа. Поздний феодализм (XVII в. – 1917 г.) т.2 / под ред. Искандаров Б.И., и Мухторов А.М. – М., 1964. – С. 57.

11 Шодиев И.Р. Развитие судебной системы в таджикстане (второй половина XIX – начало XXI вв): дис. к.ю.н. – Душанбе 2010. – С. 41.

12 См. Бобохонов М. История России в период капитализма. (на тадж.яз.). – Душанбе, Маориф, 1996. – С. 61-67.

13 См: Хакимов Ш.К. Конституционное развитие Таджикистана: ретроспектива и перспектива. – Душанбе, Ирфон, 2007. – С. 57.

14 Полное собрание Законов Российской Империи. – 3. Т. 6. № 3814. – С. 414-419.

15 См.: Красняков Н.И. – Среднеазиатские вассально-зависимые ханства в наместническом управлении имперской России // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 1. – С. 28-45.

16 Карпенкова Т.В. Институт генерал-губернаторства как форма управления многонациональными окраинами (на примере Туркестанского края Российской империи) // Вестник Международного института экономики и права. – 2016. – № 1 (22). – С. 105.

17 См.: Красняков Н.И. – Среднеазиатские вассально-зависимые ханства в наместническом управлении имперской России // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 1. – С. 28 - 45.

ния были включены губернии-области, военные округа, уезды, специфические мусульманские волости. В должности генерал-губернатора сочетались военное и гражданское управление с подчинением и военному ведомству, и министерству внутренних дел, а по специфическим предметам ведения и пределам власти, Туркестанское генерал-губернаторство больше походило на наместничество по типу Кавказского».

К 1905 г. особой комиссией был выработан и представлен в правительство проект нового Туркестанского положения, который затем был представлен для согласования в министерства внутренних дел и военное. Основной новацией стало предложение передать управление краем в министерство внутренних дел и устроить управление применительно к общим основаниям имперской губернской административной системы. В ходе рассмотрения проектируемых изменений были высказаны замечания министров юстиции, военного, внутренних дел и туркестанского генерал-губернатора и по предложению военного министра была приостановлена работа по выработке нового положения¹⁸. Но вплоть до революционных событий 1917 г. существенных изменений в управлении среднеазиатскими владениями Российской империи реализовано не было. Тем не менее, заметим, что динамизм преобразований администрации в регионе способствовал тому, что к началу XX в. восприятие русских и России местным населением претерпело существенные изменения – образ «врага и завоевателя» трансформировался в образ «сильного и мудрого покровителя»¹⁹.

В заключение, исходя из выводов профессора Ф.Т. Тахирова, стоит отметить, что все нормативно-правовые акты во времена правления Российской империи, в которых изучались проблемы императорского права на территории дореволюционного Таджикистана и в Центральной Азии в целом, можно разделить на две группы.

Первые – это общеимперские законы, нормативно-правовые акты, издаваемые для всей империи, распространяющиеся и на территорию Туркестанского генерал-губернаторства с некоторыми изъятиями. Многие из этих законов применительно к колониальным условиям Туркестанского края содержали отдельные нормы, которые были направлены на то, чтобы обеспечить интересы империи и уже потом-интересы всех прочих. Конкретно это положение можно проследить в каждом законе или распоряжении царского правительства, регламентирующих вопросы подсудности имперских или местных судов. Вторая группа – это специальные законы, изданные только для Туркестанского генерал-губернаторства (в новейшей юридической литературе выделяют два источника имперского права: имперское законодательство и колониальное права)²⁰.

Исходя из анализа ученых, можно прийти к выводу, что тысячи лет назад именно в период правления династии Саманидов, возродилась культура и национальный язык таджикского народа и было создано уникальное государство, в котором структура, регулирование и государственные идеи были похожи на современное правление. Несмотря на то, что в то время у таджикского государства не было основного закона, все нормы поведения и отношения общественности, регулировались в соответствии с нормами шариата, включая Коран, Сунну и Хадисы. Исполнительная ветвь власти в течение тысячелетия Саманидов оказала этому большую поддержку. Организация структурной власти была похожа на современное правление, где государство было разделено на

10 Диванов, каждый из которых исполнял, соответствующие функции. Особенно, те функции, которые выполнял Диван Великий Ходжа, в современном мире исполняет премьер-министр страны. После присоединения Бухарского эмирата к Российской империи, данная система управления изменилась. Во времена Российской империи, впервые в истории таджикского народа, власти регулировались в соответствии с нормативными правовыми актами, включая Конституцию²¹. Таджикская земля достигла нового этапа государственности с точки зрения структуры и управления.

Пристатейный библиографический список

1. Бобохонов М. История России в период капитализма. (на тадж. яз.). – Душанбе, Маориф, 1996.
2. Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч. 1-4 (от древнейших времен до начала XX века). – Душанбе, 2016, – 352 с.
3. Буриев И.Б. Источники права исламского периода Таджикской государственности: теория и практика. – Душанбе, 2017. – 224 с.
4. Буриев И.Б. Становление и развитие институтов государственности на территории Таджикистана (досоветский период): дис. д.ю.н. – М., 2009. – 323 с.
5. История таджикского народа. Поздний феодализм (XVII в. – 1917 г.) т. 2 / под ред. Искандаров Б.И., и Мухторов А.М. – М., 1964. – 365 с.
6. Карпенкова Т.В. Институт генерал-губернаторства как форма управления многонациональными окраинами (на примере Туркестанского края Российской империи) // Вестник Международного института экономики и права. – 2016. – № 1 (22). – С. 105.
7. Конституция Российской империи – 23 апреля 1906 года.
8. Красняков Н.И. Среднеазиатские вассально-зависимые ханства в наместническом управлении имперской России // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 1. – С. 28-45.
9. Лисицына Н.Н. Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2014. – № 2. – С. 29.
10. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Гук А.И. Саманидское государство: некоторые вопросы организации государственной власти (даргох) и централизованного государственного управления (диваны) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 65-81.
11. Полное собрание Законов Российской Империи – 3. Т. 6. № 3814. – С. 414-419.
12. РГИА. НСБ. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по Высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Краевое управление. – СПб., 1910. – С. 232.
13. Теория государства и права: учебник / отв.ред. В. Д. Перевалов. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 496 с.
14. Уразаев Ш.З. Туркестанская АССР и ее государственно-правовые особенности. – Ташкент: Госиздат Уз ССР, 1958. – 155 с.
15. Хакимов Ш.К. Конституционное развитие Таджикистана: ретроспектива и перспектива. – Душанбе, Ирфон, 2007. – 412 с.
16. Шодиев И.Р. Развитие судебной системы в таджикстане (второй половина XIX – начало XXI вв): дис. к.ю.н. – Душанбе, 2010. – 176 с.

21 Конституция Российской империи – 23 апреля 1906 года.

СУЛЕЙМАНОВ Салим Гаджиевич

магистрант 2 курса обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МНОГООБРАЗИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Автором в данной статье анализируется содержание и соотношение двух конституционно-правовых категорий: идеологическое многообразие и ограничение прав и свобод.

Исследуются решения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека с целью установления баланса анализируемых конституционных категорий.

Ключевые слова: идеология, идеологическое многообразие, политический плюрализм, ограничение прав и свобод, конституционное правосудие.

SULEYMANOV Salim Gadzhievich

magister student of the 2nd course of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

ON THE ISSUE OF LIMITING IDEOLOGICAL DIVERSITY: THEORY AND PRACTICE

The author analyzes the content and correlation of two constitutional and legal categories: ideological diversity and restriction of rights and freedoms.

The article examines the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights in order to establish a balance between the analyzed constitutional categories.

Keywords: ideology, ideological diversity, political pluralism, restriction of rights and freedoms, constitutional justice.

Сулейманов С. Г.

Основной закон Российской Федерации провозглашает принцип идеологического многообразия в качестве основного постулата конституционного строя России. Так, первая часть статьи 13 Конституции РФ признает идеологическое многообразие в РФ, а вторая часть указанной статьи устанавливает, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

В юридической литературе одним из злободневных вопросов данной правовой категории остается вопрос об ее содержании. В настоящее время в доктрине права нет общепризнанной единой позиции относительно содержания, структурных элементов, сущности данного правового явления. Как справедливо отмечает К.М. Исаева, «существующие в науке права подходы к определению сущности идеологического многообразия подчас диаметрально противоположны»¹.

В преобладающем большинстве ученые-конституционалисты рассматривают идеологию как систему различных взглядов на положение дел в обществе и государстве. К примеру, известнейший отечественный правовед О.Е. Кутафин отмечает, что «идеология является сложным духовным образованием, включающим определенную теоретическую основу, которая представляет собой систему политических, правовых, религиозных, финансовых взглядов на социальную действительность, общество и отношения людей между собой, а также связанные с этой системой программы действий и механизмы распространения идеологических установок среди населения»².

Как справедливо отмечают Д.Ш. Пирбудагова и К.М. Исаева, ряд ученых раскрывают содержания данного принципа в рамках аспекта «совершенствования системы реформирования страны»³. Например, выдающийся конституционалист С.А. Авакьян отмечает, что «идеология – это концепция сущности и путей развития общества и государства»⁴.

Как представляется, недостатком данных определений является то, что не указывается субъект (носитель) идеологии. В зависимости от субъекта идеологии, на наш взгляд, можно выделить: народную, групповую, индивидуальную идеологии. Под этим углом точки зрения можно согласиться с судьей Конституционного суда РФ с К.А. Кононовым, который отмечает, что «идеология – это система идей, воззрений, свойственных отдельному индивиду или их общности, складывающейся по поводу политических, экономических, религиозных и социокультурных проблем»⁵. При этом в зависимости от сферы и субъекта можно выделить ряд основных прав личности, обеспечивающие и сопровождающие реализацию положений принципа идеологического многообразия, в частности, право на свободу слова, свободу вероисповедания, свободу мысли, на объединение и другие.

Однако на этом проблемные вопросы не исчерпываются, как мы видим, «идеология настолько многогранное явление, что спектр ее понимания колеблется» от одной крайности к другой⁶. Вместе с тем это не означает, что идеологическое

1 Исаева К.М. К вопросу о содержании конституционного принципа идеологического многообразия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2012. - № 4. - С. 44.

2 Кутафин О.Е. Российский конституционализм. - М.: Норма, 2008. - С. 59.

3 Пирбудагова Д.Ш., Исаева К.М. Идеологическое многообразие как основа конституционного строя Российской Федерации. - Изд-во ДГУ, 2017.

4 Авакьян С.А. Ни одна страна не может жить без идеологии // Российская Федерация сегодня. - 2009. - № 6. - С. 2.

5 Кононов К.А. Идеологическое многообразие как институт российского конституционного права: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - С. 90.

6 Иванова С.Ю. Национальная идея в культуре современной России // Юридический мир. - 2006. - № 12. - С. 70.

многообразии не имеет конца края, так как возможность абсолютизации указанного принципа угрожает чреватыми последствиями для общества в целом. Наглядным примером этого являются некоторые исторические аспекты жизни общества, так, распространение идеологии германского фашизма, которая гласила о неравенстве рас и избранности германской расы, привела к агрессивной политике, которая унесла сотни жизней.

Как справедливо отмечает Б. Наполеон: «Ваши идеологии разрушают все иллюзии, а время иллюзий для отдельных людей, как и для народов, – время счастья»⁷.

В этой связи можно согласиться с Г.Г. Бернацким, в частности, что «демократический конституционный строй должен иметь активные средства защиты от нападений слева и справа. Иначе он будет неминуемо разрушен»⁸.

В качестве таких средств выступает ряд положений Основного закона России, в частности, институт ограничения прав и свобод личности. Так, в ч. 3 статьи 55 Конституции закрепляется, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Как представляется, указанная норма является отражением общеизвестного золотого правила, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», поскольку направлена на обеспечение баланса интересов. Данный довод подтверждается и целями ограничения прав и свобод человека, закрепленными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако указанный перечень целей весьма широк и абстрактен, что в свою очередь не исключает чрезмерное ограничение прав и свобод «по широкому кругу оснований без четкого указания на конкретные пределы таких ограничений»⁹.

Следовательно, такая конституционная возможность ограничения прав человека «в той мере, в какой это необходимо... порождает беспокойство в связи с возможностью слишком широкого толкования этого условия»¹⁰.

В связи с этим Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П выдвинул принципы, на котором должен зиждиться институт ограничения. Так, Конституционный суд указывает, что правовые ограничения прав и свобод можно оправдать, если они «отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права, т. е. не ограничивают пределы и применение основного содержания соответствующих конституционных норм».

Вместе с тем указывается на необходимость сохранения баланса конституционных ценностей и соблюдения принципа правовой определенности, обеспечения равенства всех

перед законом и судом и равноправия (Постановлении КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П).

Аналогичные позиции была выражены и в решениях Европейского Суда по правам человека (решение от 28 октября 1987 г. по делу «Инце против Австрии», решение от 6 апреля 2000 г. по делу «Тлимменос против Греции»).

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что принцип идеологического многообразия и ряд сопровождающих его конституционных прав и свобод не являются абсолютными по своей природе и могут быть ограничены в соответствии с конституционными нормами. Вместе с тем в целях исключения чрезмерного широкого толкования института ограничения, предусмотренного ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, Конституционный суд РФ выработал ряд правых позиций в предупреждении такой угрозы, посредством использования принципа пропорциональности, справедливости, адекватности и обеспечения баланса интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ. - М., 2020.
2. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ [Электронный ресурс]: постановление КС РФ от 30 октября 2003 г. № 15 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).
3. По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс]: постановлении КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2020).
4. Анкин Д.В. Идеология / под ред. В.Е. Кемерова // Совр. филос. словарь. 2-е изд. - Лондон, 1998.
5. Гаджиев Г. А. Рыночная экономика в решениях Конституционного Суда РФ // Рос. юстиция. - 2001. - № 6.
6. Ковачев Д. А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и эффективность // Журн. рос. права. - 1997. - № 9.
7. Авакьян С.А. Ни одна страна не может жить без идеологии // Российская Федерация сегодня. - 2009. - № 6.
8. Иванова С.Ю. Национальная идея в культуре современной России // Юридический мир. - 2006. - № 12.
9. Исаева К.М. К вопросу о содержании конституционного принципа идеологического многообразия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2012. - № 4.
10. Кононов К.А. Идеологическое многообразие как институт российского конституционного права: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009.
11. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. - М.: Норма, 2008.
12. Пирбудагова Д.Ш., Исаева К.М. Идеологическое многообразие как основа конституционного строя Российской Федерации. - Изд-во ДГУ, 2017.

7 Анкин Д.В. Идеология / под ред. В.Е. Кемерова // Совр. филос. словарь. 2-е изд. - Лондон, 1998.

8 Бернацкий Г.Г. Политико-правовая идеология в контексте национальной и международной правовой культуры // Диалог культуры и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры: Международные Лихачевские чтения. - СПб., 2010.

9 Гаджиев Г. А. Рыночная экономика в решениях Конституционного Суда РФ // Рос. юстиция. - 2001. - № 6. - С. 19.

10 Ковачев Д. А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и эффективность // Журн. рос. права. - 1997. - № 9. - С. 167.

ВЕРЕТЕННИКОВ Николай Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета

ВЕТРОВА Елена Сергеевна

магистрант 2 курса Тихоокеанского государственного университета

О КОНСТИТУЦИОННОСТИ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ РАЗДЕЛА V КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье автор приводит и анализирует некоторые правовые позиции Конституционного Суда РФ, отражающие принцип разделения властей в Российской Федерации. Исходя из указанных позиций рассмотрены некоторые положения раздела V КоАП РФ, возлагающие обращение исполнения постановления об административном правонарушении на судебную власть (судью). Автор отмечает, что возлагая на судью обязанность по обращению постановления по делу об административном правонарушении к исполнению, законодателем кардинально нарушен основополагающий конституционный принцип разделения властей – разграничение полномочий исполнительной, законодательной и судебной власти.

Ключевые слова: принцип разделения властей, обращение к исполнению постановления, дело об административном правонарушении.

VERETENNIKOV Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of State and law disciplines sub-faculty of the Pacific National University

VETROVA Elena Sergeevna

magister student of the 2nd course of the Pacific National University

ON THE CONSTITUTIONALITY OF CERTAIN PROVISIONS OF SECTION V OF THE RUSSIAN FEDERATION CODE ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

In the article, the author cites and analyzes some of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, reflecting the principle of separation of powers in the Russian Federation. Based on these positions, some provisions of section V of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, imposing the appeal of the execution of the decision on an administrative offense on the judiciary, were considered. The author notes that by imposing on the judge the obligation to enforce the decision in the case of an administrative offense, the legislator has fundamental constitutional principle of the separation of powers—the delimitation of powers of the executive, legislative and judicial branches.

Keywords: the principle of separation of powers, appeal to the execution of a resolution, an administrative offense case.

Институт исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях имеет особое процессуально-правовое значение в рамках производства по делам об административных правонарушениях в виду того, что исполнение постановления по делу об административном правонарушении является завершающим этапом правоприменительного процесса в сфере реализации федерального и регионального законодательства об административной ответственности. Это обусловлено тем, что социально-правовой целью исполнения данных судебных актов является фактическое обеспечение реализации наказания назначенного тем или иным юрисдикционным органом.

При этом неисполнение такого постановления приводит к тому, что в обществе в целом и у отдельных граждан формируется пренебрежительное отношение к

работе органов административной юрисдикции и судов. Появление в сознании личности намек на возможность избегания того или иного вида наказания приводит к искажению объективного восприятия фактической информации о дозволенном и противоправном, порождают у правонарушителей настроения бесконтрольности в связи с совершенными правонарушениями, в том числе – влекущими установленную федеральными либо региональными законами административную ответственность.

Раздел 5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), посвященный исполнению постановлений по делам об административных правонарушениях структурно состоит из двух глав. Глава 31 указанного кодекса содержит общие положения, применимые ко всем постановлениям по делам об административных правонарушениях независимо от вида

Веретенников Н. Н.

Ветрова Е. С.

назначенного наказания, в свою очередь глава 32 Кодекса регулируют правоотношения в сфере исполнения отдельных видов назначенного административного наказания с учетом субъектного состава таких правоотношений, сроков, предоставляемых законодателем на добровольное исполнение наказания и иных специфических факторов, влияющих на процедуру исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

Многие ученые-юристы высказывают мнение о том, что первым этапом исполнения постановления по делу об административном правонарушении является обращение его к исполнению.

С одной стороны, направление постановления по делу в орган, должностному лицу, уполномоченным приводить его в исполнение, обеспечивает переход от стадии производства по делу к стадии исполнения постановления после его вступления в законную силу (за исключением постановлений об административном аресте и об административном приостановлении деятельности, которые в соответствии с ч. 1 ст. 32.8 и ч. 1 ст. 32.12 КоАП РФ исполняются немедленно после их вынесения)¹.

Исходя из частей 1 и 2 статьи 31.3 КоАП РФ полномочиями по обращению к исполнению постановления по делу об административном правонарушении обладает субъект, вынесший данное постановление и который правомочен направлять постановление в юрисдикционный орган для приведения его в исполнение.

Как следует из позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014г. № 2095-О из Конституции Российской Федерации, в том числе из ее статьи 118 (часть 2), не вытекает, что рассмотрение дел об административных правонарушениях и наложение административных взысканий должно осуществляться лишь в процедуре административного судопроизводства, т.е. только судами (судьями); законодатель, учитывая природу и особенности административных правоотношений, вправе наделять административной юрисдикцией органы исполнительной власти, обеспечивая при этом соблюдение требований статьи 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, гарантирующей гражданину судебную защиту его прав и свобод и право на обжалование в суд решений и действий органов государственной власти и должностных лиц.

В рамках КоАП РФ данная позиция отражена в статье 22.1 названного Кодекса, согласно которой правом на рассмотрение дел об административных правонарушениях наделяются, в том числе и судьи. Таким образом, субъектом, вынесшим постановление по делу об административном правонарушении, может являться как должностное лицо административного органа, так и судья.

Анализируя часть 1 статьи 31.3 КоАП РФ в рамках распределения компетенции органов исполнительной и судебной власти можно заметить, что возлагая на судью обязанность по обращению постановления по делу об административном правонарушении к исполнению, судеб-

ной власти законодателем частично переданы полномочия власти исполнительной.

Вместе с тем статьей 10 Конституции Российской Федерации установлено, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Указанным законоположением в Российской Федерации разделены сферы труда и компетенции между тремя основными направлениями государственной власти. При этом каждое из данных направлений в соответствии со своими характерными особенностями, полномочиями и способом образования системы и органов входящих в состав и осуществляющих свои функции занимает свое особое место в общей системе государственной власти.

Кроме того, каждой из этих, так называемых ветвей власти, присущи свои основные формы осуществления вверенных им полномочий, отличительной для каждой из них средства ведения своей деятельности, а равно как и установленные законодателем пределы осуществления своих властных полномочий.

Вместе с тем следует обратить внимание на мнение А.В. Безруков, который утверждает, что разделение властей не может рассматриваться как их разрыв, полная обособленность, ветви государственной власти «обречены» на взаимодействие друг с другом и «проникают» друг в друга, периодически возлагая на себя функции другой власти².

Однако, принцип разделения властей относится к числу общих принципов демократического правового государства. Закрепленное в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя для Российской Федерации в целом, оно обязательно не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в субъектах Российской Федерации, на что указывалось в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 1996 года по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края³.

В Российской Федерации Правительство РФ реализует свою властную деятельность в качестве субъекта, реализующего в соответствии с ч. 1 ст. 110 Конституции РФ исполнительную власть, руководствуясь политико-правовыми решениями главы государства⁴.

По смыслу действующего законодательства именно к компетенции органов исполнительной власти отнесено исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях.

Согласно части 1 статьи 11, части 1 статьи 118 Конституции Российской Федерации суды в РФ являются органами государственной (судебной) власти, к исключи-

1 Салищева Н.Г., Якимов А.Ю. Структура производства по делам об административных правонарушениях (стадии пересмотра дела и исполнения решения по делу) // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 44-53.

2 Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России: монография. М.: Юстицинформ, 2015. 188 с.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.1998 № 16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми».

4 Агапов А.Б. Публичное имущество // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 28-34.

тельному ведению которых отнесено отправление правосудия. При этом по смыслу статьи 1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» непосредственными носителями судебной власти являются судьи, в лице которых осуществляют свою деятельность суды⁵.

Однако, из статьи 32.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следует, что постановление о назначении административного наказания в виде предупреждения исполняется судьей, органом, должностным лицом, вынесшими постановление, путем вручения или направления копии постановления в соответствии со статьей 29.11 настоящего Кодекса.

Как следует из указанного законоположения на судью, вынесшего постановление по делу об административном правонарушении возложена обязанность по его исполнению.

Вместе с тем, указанное не соответствует позиции Конституционного суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 29 мая 1998 № 16-П, согласно которой принцип разделения властей предполагает не только распределение властных полномочий между органами различных ветвей государственной власти, но и взаимное уравнивание ветвей власти, невозможность ни для одной из них подчинить себе другие. В том виде, как он закреплен в Конституции Российской Федерации, данный принцип не допускает сосредоточения функций различных ветвей власти в одном органе.

В этой связи следует согласиться с мнением Осипян Б.А. о том, что принцип разделения властей с правовых позиций Конституционного Суда РФ означает не только распределение властных правомочий между органами различных ветвей государственной власти, но и взаимный баланс ветвей власти, исключение возможности какой-либо из них подчинить себе другие ветви власти. Каждая власть формируется как самостоятельная, а полномочия одной власти по ограничению или прекращению деятельности другой допустимы только при условии сбалансированности таких полномочий, гарантируемых на основе законодательных решений⁶.

Таким образом, вызывает сомнение в правильности возложения обязанности по исполнению постановления по делу об административном правонарушении на судью, поскольку круг полномочий носителя судебной власти ограничен лишь отправлением правосудия.

При этом как следует из части 2 статьи 1.1 КоАП РФ, настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации.

Разделение единой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную предполагает установление такой системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключает возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает самостоя-

тельное функционирование всех ветвей власти и одновременно - их взаимодействие⁷.

Таким образом, из формулировок некоторых положений главы V КоАП РФ, возлагающих исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях на судебную власть, следует, что они не соответствуют основному принципу реализации государственной власти в Российской Федерации – принципу разделения властей, и требует корректировки с учетом того, что реализация законоположений, закрепленных в Конституции Российской Федерации является приоритетным направлением законодателя.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.1998 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края».
3. Агапов А.Б. Публичное имущество // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 28 - 34.
4. Безруков А.В. Конституционно-правовые аспекты осуществления законодательной власти по обеспечению правопорядка в России: монография. М.: Юстицинформ, 2015. 188 с.
5. Дерхо Д.С. Статус судей в Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. 2020.
6. Осипян Б.А. Конституционно-судебное разрешение споров о компетенции // «Российская юстиция». 2008. № 2. С. 2-6.
7. Салищева Н.Г., Якимов А.Ю. Структура производства по делам об административных правонарушениях (стадии пересмотра дела и исполнения решения по делу) // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 44-53.

5 Дерхо Д.С. Статус судей в Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс. 2020.

6 Осипян Б.А. Конституционно-судебное разрешение споров о компетенции // «Российская юстиция». 2008. № 2. С. 2-6.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П.

КОРНИЕНКО Оксана Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 19.29 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

На примере судебной практики, мнений ученых, исследующих проблему привлечения к административной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства, в части неисполнения работодателем при привлечении к трудовой деятельности гражданина, замещавшего должность государственной (муниципальной) службы, в установленный законом срок сообщать представителю нанимателя (работодателя) о заключении с таким гражданином трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) анализируются обстоятельства, исключающие противоправность деяния.

Ключевые слова: государственный, муниципальный служащий, административная ответственность, должности государственной и муниципальной службы, включенные в перечень, объективная сторона, субъективная сторона административного правонарушения, противодействие коррупции.

KORNIENKO Oksana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Public law sub-faculty of the Ural State University of Economics

ON SOME FEATURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY UNDER ARTICLE 19.29 OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

Using the example of judicial practice, the opinions of scientists investigating the problem of bringing to administrative responsibility for violation of anti-corruption legislation, in terms of non-fulfillment by the employer when recruiting a citizen who replaced the position of the state (municipal) service, within the time limit established by law, inform the representative of the employer (employer) on the conclusion with such a citizen of a labor or civil law contract for the performance of work (provision of services); the circumstances excluding the unlawfulness of the act are analyzed.

Keywords: state, municipal employee, administrative responsibility, positions of state and municipal service included in the list, the objective side, the subjective side of an administrative offense, anti-corruption.

Работодатель при заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации¹, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы обязан в десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателя) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации. Следует согласиться с мнением некоторых авторов² в том, что обязанность работодателя возникает при наличии двух обстоятельств. Во-первых, если должность государственного или муниципального служащего

включена в перечень должностей соответствующего вида службы, при назначении или замещении которых служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей³. Во-вторых, если с момента увольнения гражданина, ранее замещавшего должности прошло менее 2 лет.

Данная обязанность закреплена в статье 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁴ (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ), которая определяет не только обязанность работодателя, но и обязанности гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы, при заключении им трудового или гражданско-правового договора, предусмотренные частями 1 и 2 статьи. При этом, несоблюдение или невыполнение данной процедуры, как правило, влечет за собой административную ответственность только работодателя по статье 19.29 Ко-

1 См., например: Указ Президента РФ от 18.05.2009 № 557 (ред. от 31.12.2019) «Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 21. Ст. 2542.

2 См.: Брежнев О. В. Особенности применения мер по противодействию коррупции в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 7.

3 См., например: Указ Президента РФ от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

4 Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

декса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ).

Следует учесть, что Верховный Суд Российской Федерации определил, что в случае, когда административное правонарушение, предусмотренное статьей 19.29 КоАП РФ, не является существенным нарушением охраняемых общественных отношений в сфере противодействия коррупции, если оно, например, выразилось в нарушении требований к форме или содержанию сообщения, направляемого по последнему месту службы государственного (муниципального) служащего, которое не привело к неполучению необходимой для целей Федерального закона «О противодействии коррупции» информации, то данное административное правонарушение может быть признано малозначительным⁶. Однако не может быть признано малозначительным правонарушение исходя из личности и имущественного положения привлекаемого к административной ответственности лица, добровольного устранения последствий правонарушения, возмещения причиненного ущерба⁷.

Таким образом, в содержание объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.29 КоАП РФ, включено неисполнение работодателем обязанности, предусмотренной частью 4 статьи 12 Федерального закона № 273-ФЗ. При этом в соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации⁸ сообщение работодатель должен направить вне зависимости от того, входило ли в должностные обязанности служащего административное управление организацией, с которой был заключен договор, и вне зависимости от размера предусмотренной для него заработной платы.

В тоже время для привлечения к административной ответственности работодателя за неисполнение рассматриваемой обязанности необходимо исследование всех доказательств по делу об административном правонарушении. В соответствии со статьей 26.1 КоАП РФ в числе иных обстоятельств по делу об административном правонарушении подлежит выяснению виновность лица в совершении административного правонарушения. Части 1 и 2 статьи 1.5 КоАП РФ определяют, что лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. На наш взгляд, вина по статье 19.20 КоАП РФ может характеризоваться как умысел, так и неосторожность.

Так, постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 41-АД19-15⁹ было отменено постановление о привлечении к административной ответственности работодателя по статье 19.29 КоАП РФ. Основанием для отмены постановления Верховный Суд посчитал следующие обстоятельства. В соответствии с частью 2 статьи 12 Федерального закона № 273-ФЗ граждан, замещавший должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы обязан при заключении трудовых или гражданско-правовых договоров на выполнение работ (оказание услуг), указанных в части 1 статьи 2, сообщать работодателю сведения о последнем месте своей службы. Данная обязанность также предусмотрена статьей 64.1 Трудового кодекса Российской Федерации¹⁰.

Как уже отмечалось ранее, считается, что не имеет значения, связана ли ранее замещаемая должность с коррупционными рисками, и может ли заключение трудового или гражданско-правового договора с таким гражданином повлечь коллизии публичных и частных интересов с прежней занимаемой должностью на государственной службе¹¹. Поэтому, если рассматриваемые субъекты принимаются на работу в организацию или учреждение, обязанность, установленная частью 4 статьи 12 Закона о противодействии коррупции, неминуемо возникает.

В ходе производства по анализируемому делу представитель юридического лица и защитник утверждали, что при приеме на работу гражданин не представил и более того, заявил об утрате трудовой книжки. А при приеме на работу указанного субъекта была оформлена новая трудовая книжка. Таким образом, гражданин не уведомил работодателя о замещении в прошлом должности федеральной государственной гражданской службы, включенной в перечень. При таких обстоятельствах вина работодателя отсутствует, а значит, соответственно, и состав правонарушения тоже¹².

Обстоятельства, исключающие противоправность деяния работодателя по статье 19.29 КоАП РФ, могут выражаться, например, в отсутствии сведений в трудовой книжке, военном билете и т. д., если при трудоустройстве бывший служащий также не довел соответствующую информацию до работодателя¹³. Считается, что при приеме на работу работодатель не обязан совершать действия по уточнению сведений о занимаемой работником должно-

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

6 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 г. № 46 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

7 Определение Верховного Суда РФ от 28.06.2018 № 1650-О

8 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 г. № 46 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.

9 См.: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2019 № 41-АД19-15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

10 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

11 Постановление Верховного Суда РФ от 11.12.2019 № 35-АД19-5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

12 См. также: Постановление Верховного Суда РФ от 09.08.2019 № 5-АД19-203; Постановление Верховного Суда РФ от 08.08.2019 № 5-АД19-202. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

13 См.: Алексеева Ю. А. Некоторые вопросы соблюдения норм антикоррупционного законодательства Российской Федерации при трудоустройстве граждан, ранее замещавших должности государственной гражданской службы // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 2.

сти¹⁴. Хотя есть и противники данной позиции. Так, по мнению некоторых авторов, при трудоустройстве такого субъекта работодатель должен выяснять у него обстоятельства, связанные с прежним местом его работы¹⁵.

Статья 12 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет обязанность граждан, ранее замещавших должности государственной или муниципальной службы, во-первых, запрашивать согласие соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных и муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов, а во-вторых, сообщать работодателю сведения о последнем месте своей службы – в течение двух лет после увольнения со службы при заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг). В свою очередь, работодатель при оформлении гражданина должен выполнить обязанности, возложенные на него законом¹⁶.

Невыполнение перечисленных обязанностей влечет правовые последствия как для бывшего служащего, так и для работодателя – в виде прекращения трудового или гражданско-правового договора и административной ответственности соответственно.

Вместе с тем, следует согласиться с мнением некоторых авторов о том, что «механизм, позволяющий контролировать заключение гражданско-правовых договоров с гражданами, ранее замещавшими должности государственной (муниципальной) службы, включенные в перечень, и применение к ним мер ответственности после выполнения работ по договору при несоблюдении антикоррупционных ограничений и запретов, отсутствует»¹⁷.

Представляется, что в данной ситуации административной ответственности должны подлежать не только работодатель, заключивший договор с гражданином, ранее замещавшим должность государственной (муниципальной) службы, но и гражданин, не уведомивший работодателя о том, что он ранее замещал должность, включенную в Перечень, если с момента его увольнения не прошло 2 лет, поскольку обязанность такого гражданина – сообщать работодателю сведения о последнем месте своей службы, закреплена в части 2 статьи 12 Федерального закона № 273-ФЗ. Однако в случае, если у работодателя отсутствовала информация о ранее замещаемой должности гражданином, принятым на работу, ответственность, на наш взгляд, должен понести только гражданин, ввиду отсутствия вины в действиях работодателя.

Таким образом, на наш взгляд, статью 19.29 КоАП РФ целесообразно дополнить частью 2 и примечанием следующего содержания.

1. «2. Невыполнение обязанности гражданином, предусмотренной частью 2 статьи 12 Федерального закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей».

2. «Примечание. Работодатель освобождается от административной ответственности в случае, если служащий (государственный или муниципальный), уволенный со службы, не выполнил обязанности (утаил информацию), предусмотренные частью 2 статьи 12 Федерального закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Пристатейный библиографический список

1. Брежнев О. В. Особенности применения мер по противодействию коррупции в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 7.
2. Алексеева Ю. А. Некоторые вопросы соблюдения норм антикоррупционного законодательства Российской Федерации при трудоустройстве граждан, ранее замещавших должности государственной гражданской службы // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 2.

14 См.: Постановление Верховного Суда РФ от 13.04.2020 № 50-АД20-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

15 См.: Тихонова Н. Ошибки, важные в кадровом делопроизводстве. Анализ споров // Трудовое право. 2020. № 6. С. 29–37.

16 См., например: Постановление Правительства РФ от 21.01.2015 № 29 (ред. от 09.08.2016) «Об утверждении Правил сообщения работодателем о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 4. Ст. 668.

17 Алексеева Ю. А. Указ. соч.

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-123-125

ПОЗДНЯКОВА Татьяна Сергеевна

аспирант кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ АДВОКАТАМИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ПЕРИОД ОГРАНИЧЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПАНДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСА (COVID-19) В РФ НА ПРИМЕРЕ ХМАО-ЮГРЫ

В данной статье раскрываются юридически значимые факты по вопросам оказания бесплатной юридической помощи адвокатами в период пандемии, а также в ранний период спада заболеваемости и стабилизации экономики РФ. Приводятся актуальные данные по нормативно-правовым актам в хронологической последовательности, благодаря чему можно проследить связь по изменению приоритетов и потребностей страны в период пандемии. Раскрываются особенности поэтапного снятия ограничений с субъектов оказания бесплатной юридической помощи в помощь гражданам, имеющим закрепленное Конституцией право на ее получение. Приводятся проблемные «слабые» места, плохо отрегулированные как в самом ФЗ «О бесплатной юридической помощи», так и в законе ХМАО-Югры, выявленные в ходе обзора теоретического материала. Обозреваются пробелы в законодательстве РФ о бесплатной юридической помощи, выявленные через призму обстоятельств, вызванных пандемией. При написании данной научной работы были использованы следующие теоретические методы: анализа и синтеза; сравнения; диалектики; индуктивно-дедуктивные, конкретизации, обобщения, доказательственный, герменевтический, грамматического буквального толкования.

Ключевые слова: коронавирус, (COVID-19), пандемия 2020, бесплатная юридическая помощь, адвокаты, проблемы.

POZDNYAKOVA Tatyana Sergeevna

postgraduate student of State and municipal law sub-faculty of the Surgut State University

PROBLEMS OF PROVIDING PRO BONO LEGAL ASSISTANCE BY LAWYERS DURING THE PERIOD OF RESTRICTIONS ASSOCIATED WITH THE CORONAVIRUS PANDEMIC (COVID-19) IN THE RUSSIAN FEDERATION USING THE EXAMPLE OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

This article reveals legally significant facts about the provision of free legal assistance by lawyers as subjects of such assistance during the pandemic, as well as in the early period of decline in morbidity and stabilization of the Russian economy. The actual data on legal acts are given in chronological order, due to which one can trace the connection on changing of priorities and needs of the country during the pandemic. The features of the gradual removal of restrictions from the subjects of providing free legal aid to help citizens who have the right under the Constitution to receive it are revealed. The problematic “weak points”, poorly regulated both in the Federal Law “On free legal aid” and in the law of the subject of the Russian Federation, identified during the review of theoretical material, are presented. Gaps in the legislation of the Russian Federation on free legal aid are identified through the prism of circumstances caused by the pandemic. The following theoretical methods were used in writing this scientific work: analysis and synthesis; comparison; dialectics; inductive-deductive, concretization, generalizations, evidentiary, hermeneutic, grammatical literal interpretation of legal norms.

Keywords: coronavirus, (COVID-19), pandemic 2020, pro bono legal assistance, lawyers, problems.

Мы живем в удивительное время. Время осознанности и изменения приоритетов, обязательным условием которых является «гибкость», самодисциплина и ответственность. Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) изменила сферы жизнедеятельности человека и прошла путь от отказа в существовании болезни до принятия юридического факта существующих ограничений. Кристилина Георгиева, директор распорядитель МВФ отметила, «В условиях наращивания правительствами расходов для поддержки населения, предприятий и сообществ появляется возможность создать более справедливое общество и экономику путем инвестирования в людей. Это означает повышение уровней и качества расходов на учебные заведения, обучение и переподготовку. Это означает расширение социальных программ, носящих адресный характер для охвата наиболее уязвимого населения»¹.

Действительно, существующие положение дел дает возможность по-новому взглянуть на произошедшие перемены и более осознанно подойти к преодолению возникших трудностей.

Д.ю.н. И.С. Яртых, в своей статье «Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность» определяя принцип бесплатной юридической помощи феноменом в правовой системе страны указывает – «... в России, в силу особенностей исторического развития, этот принцип стал не просто юридической нормой, облеченной в закон, но и

политическим знаменем, всякий раз поднимаемым над обществом, когда это становилось кому-нибудь выгодно. Этот достаточно специфический юридический принцип каждый раз, когда к нему обращаются, порождает множество конфликтов и противоречий, требующих научного осмысления и тщательной юридической проработки»².

Так произошло и в это раз, несмотря на то, что ФЗ «О бесплатной юридической помощи» от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (далее по тексту ФЗ № 324)³ устанавливает основные гарантии реализации и обеспечения прав граждан Российской Федерации (далее по тексту «прав граждан») на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи (далее по тексту «бесплатной юридической помощи, БЮП»), в условиях действующих реалий они едва ли не оказались под угрозой срыва.

25.03.2020 г. Указом Президента РФ № 206⁴, в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ, в соответствии со ст. 80 Основного

1 Георгиева К. Когда кризис останется позади // Финансы и развитие. 2020. Июнь, № 2 (57). С. 10.

2 И.С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 81.

3 ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 г., № 324-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения: 10.09.2020 г.).

4 Указ Президента РФ от 25.03.2020 г. № 206 «Об объявлении в РФ нерабочих дней». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/73793643/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

закона страны⁵, был принят правовой акт «Об объявлении в РФ нерабочих дней», в результате которого, с 30 марта по 3 апреля 2020 г. на территории страны объявлены нерабочие дни для действующих организаций всех форм собственности. Исключение составили – «непрерывно действующие организации; медицинские и аптечные организации; организации, обеспечивающие население продуктами питания и товарами первой необходимости; организации, выполняющие неотложные работы в условиях чрезвычайных обстоятельств, в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия населения; организации, осуществляющие неотложные ремонтные и погрузочно-разгрузочные работы» (п. 2 пп. «а-д» Указа). Список организаций не «попавших» под действие настоящего Указа приведен в самом акте, является исчерпывающим и не содержит в своем составе организаций, являющихся в рамках ФЗ № 324 субъектами оказания БЮП гражданам РФ.

Указом Президента РФ от 02.04.2020 г. № 239 «По обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»⁶, вновь объявлены нерабочие дни с 04 апреля до 30 апреля 2020 г. включительно. Перечень организаций, не подпадающих под действие настоящего Указа, по отношению к Указу № 206 пополнился двумя дополнительными подпунктами – «е» и «ж», которые звучат как – «организации, предоставляющие финансовые услуги в части неотложных функций», а также «иные организации, определенные решениями высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ исходя из особенностей распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в субъекте РФ». Таким образом, государство проявило «гибкость» в определении конечного списка организаций, не подпадающих под действие нормативного акта, представив субъектам право самим квалифицировать такие организации в зависимости от уровня эпидемиологической обстановки в каждом регионе. Видоизменился пункт «г», его новая редакция звучит следующим образом – «организации, выполняющие неотложные работы в условиях чрезвычайной ситуации и (или) при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь, здоровье или нормальные жизненные условия населения». Морфологический переход «обстоятельств» в «ситуацию» расширил предложение и определил положение дел как совокупность временных обстоятельств (явлений, условий, обстановки), которые должны миновать. Уточнения рассматриваемого подпункта коснулись самой ситуации – возникновение угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих.

На данном этапе часть субъектов РФ определила перечень организаций, деятельность которых не приостанавливается в соответствии с Указом Президента РФ. Так, приложением № 1 к постановлению Губернатора ХМАО-Югры от 05.04.2020 г. № 28⁷, в число таких организаций, впервые, с момента введения мер по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции, вошли – нотариальные конторы (нотариусы), оказывающие нотариальные услуги в качестве «дежурных нотариальных контор», а также адвокатские организации (адвокаты) для участия по уголовным, гражданским

и административным делам в судах, органах власти и правоохранительных органах.

Указом Президента РФ от 28.04.2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»⁸, дни с 6 по 8 мая 2020 г. признаны нерабочими, вкюпе с праздничными майскими днями с 1 по 5 мая, а также с 9 по 11 мая, количество нерабочих дней в мае увеличилось до 11 дней. П. 3 вышеназванного Указа также установлен перечень организаций, на которые не распространяются ограничения данного правового акта, перечень таких организаций остался прежним в сравнении с предыдущим Указом № 239, однако пп. «а» и «ж» также подверглись изменению. В новой редакции они звучат как – «непрерывно действующие организации, организации, имеющие оборудование, предназначенное для непрерывного технологического процесса», «иные организации, определенные решениями высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в субъекте РФ». Законодатель дополнил подпункт Указа, отнесенный к ведению субъекта РФ, словосочетанием «санитарно-эпидемиологическая обстановка», видимо полагая, что к моменту опубликования настоящего подзаконного акта коронавирусная инфекция уже распространилась и главным критерием функционирования организаций стала санитарно-эпидемиологическая обстановка региона.

Несмотря на то, что региональное правительство не озвучило полный перечень субъектов, оказывающих бесплатно квалифицированную юридическую помощь гражданам, имеющим право на ее получение, как и не акцентировали внимание на ее получении, очевидно, что основные «игроки» на рынке оказания БЮП оказались здесь не случайно.

02.04.2020 г. Федеральной палатой адвокатов РФ было инициировано и поддержано заявление о снятии в период предотвращения распространения вирусной инфекции ограничений, связанных с приостановлением работы, с адвокатов и адвокатских образований в том числе, в целях реализации прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе в рамках ФЗ «О бесплатной юридической помощи»⁹.

06.04.2020 г. Министр Юстиции РФ, К.А. Чуйченко, направил в адрес Высших должностных лиц субъектов РФ обращение с рекомендацией «при установлении особого порядка передвижения лиц на соответствующих территориях обеспечить возможность передвижения адвокатов и нотариусов при исполнении ими обязанностей по оказанию квалифицированной юридической помощи»¹⁰.

Включив 05.04.2020 г. адвокатов и нотариусов в круг лиц, деятельность которых не приостановлена, окружное правительство сработало на опережение и проявило солидарность с мнением Министра Юстиции РФ, обеспечив работоспособность нормы права, закрепленной в Конституции РФ.

Принятые меры в ранний период (30 марта 2020 г. – 03.04.2020 г.) введения режима по ограничению завоза и рас-

5 Конституция РФ от 12.12.1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

6 Указ Президента РФ от 02.04.2020 г. № 239 «По обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/ (дата обращения: 10.09.2020 г.).

7 Постановление Губернатора ХМАО – Югра от 05.04.2020 г. № 28 «О мерах по предотвращению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной COVID-2019, в ХМАО-Югре». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/570719434> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

8 Указ Президента РФ от 28.04.2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/73964751/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

9 Письмо Федеральной палаты адвокатов РФ Министерству Юстиции РФ от 02.04.2020 г., о работе адвокатов в период пандемии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/statement-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

10 Письмо Министра Юстиции, К.А. Чуйченко Высшим должностным лицам субъектов РФ от 06.04.2020 г., об установлении порядка работы адвокатов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advokatymoscow.ru/upload/files/Do%9F%Do%B8%D1%81%D1%8C%Do%BC%Do%BE.pdf> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

пространения новой коронавирусной инфекции, Указом Президента РФ № 206, привели к ограничению адвокатов и адвокатских образований в предоставлении гражданам права на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи.

Вместе с тем, согласно п. 8.1 ст. 20 ФЗ № 324, к категориям граждан, имеющим право на получение БЮП в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи отнесены граждане, в том числе, пострадавшие в результате чрезвычайной ситуации. Однако случаи оказания такой помощи весьма специфичны, это супруг (супруга), дети, иждивенцы, родители погибшего (умершего) в результате чрезвычайной ситуации; граждане здоровью которых причинен вред в результате чрезвычайной ситуации, а также граждане, лишившиеся жилого помещения либо утратившие его полностью или частично в результате чрезвычайной ситуации. Отнести к такой категории основную массу лиц, которым требовалась юридическая помощь в результате пандемии коронавируса в 2020 году можно лишь с большой натяжкой.

Однако, п. 9, вышеназванной статьи позволяет субъектам самостоятельно определить перечень граждан, имеющих право на получение рассматриваемой помощи.

Закон ХМАО-Югры «О бесплатной юридической помощи в ХМАО-Югре» от 16.12.2011 г. № 113-ОЗ (далее по тексту Закон № 113-ОЗ)¹¹, данный перечень расширяет. Ст. 4 Закона № 113-ОЗ определяет дополнительные категории граждан, имеющих право на получение БЮП в рамках государственной системы БЮП, в состав которых, кроме того, вошли граждане пожилого возраста старше 65 лет; граждане, проживающие в труднодоступных и малонаселенных местностях автономного округа; представители коренных малочисленных народов Севера, а также пострадавшие «дольщики» по вопросам защиты своих прав и законных интересов.

Среди случаев оказания БЮП, упомянутых как в ч. 2 ст. 20 ФЗ № 324-ФЗ, так и в ст. 5 Закона № 113-ОЗ вошли случаи отказа работодателя в заключении трудового договора, восстановление на работе, взыскание заработка, в том числе за время вынужденного прогула, компенсация морального вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) работодателя; возмещение вреда, причиненного смертью кормильца, увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с трудовой деятельностью или чрезвычайной ситуацией, а также назначение пособий и пенсий в связи с этими событиями; восстановление имущественных прав, личных неимущественных прав, нарушенных в результате чрезвычайной ситуации, возмещение ущерба, причиненного вследствие чрезвычайной ситуации. Таким образом, в период пандемии (COVID-19), распространившейся на территории РФ, возможность получения БЮП по некоторым вопросам, преимущественно связанным с трудовым законодательством все же имелась. Что же касается вопросов, связанных с чрезвычайной ситуацией, необходимо отметить, что с одной стороны, синтаксический разбор данного словосочетания позволяет включить в него пандемию, с другой стороны, правового акта, признающего официально (COVID-19) чрезвычайной ситуацией не принято.

Дополнительно, п. 5.1 Окружного закона предусмотрено оказание в экстренных ситуациях БЮП гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, под которой понимается объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина, которую он не может преодолеть самостоятельно, в которых требуется неотложная юридическая помощь. Следовательно, в рамках данной нормы, в период пандемии, в причинной связи с трудной жизненной ситуацией может рассматриваться лишь малообеспеченность и безработица.

Таким образом, мы пришли к пониманию того факта, что период пандемии, вызванный коронавирусной инфекци-

ей, серьезно сказался не только на здоровье и психоэмоциональном состоянии человека, но и на возможности получить своевременно и качественно бесплатную юридическую помощь, оказываемую адвокатами и/или адвокатскими образованиями. Вместе с тем, «оголив» слабые места в вопросах оказания БЮП мы имеем возможность укрепить свои позиции и сделать законодательство о бесплатной юридической помощи более совершенным.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
2. Указ Президента РФ от 25.03.2020 г. № 206 «Об объявлении в РФ нерабочих дней». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/73793643/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
3. Указ Президента РФ от 02.04.2020 г. № 239 «По обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/ (дата обращения: 10.09.2020 г.).
4. Указ Президента РФ от 28.04.2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/73964751/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
5. ФЗ «О бесплатной юридической помощи в РФ» от 21.11.2011 г., № 324-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887/ (дата обращения: 10.09.2020 г.).
6. Закон ХМАО-Югры «О бесплатной юридической помощи в ХМАО-Югре» от 16.11.2011 г. № 113-ОЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archivesl.admhmao.ru/pravovaya-informatsiya/normativnye-pravovye-akty/2509682/zakon-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ot-16-12-2011-113-oz-o-besplatnoy-yuridicheskoy-po> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
7. Письмо Министра Юстиции, К.А. Чуйченко Высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации от 06.04.2020 г., об установлении порядка работы адвокатов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advokatymoscow.ru/upload/file/s/%D0%9F%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE.pdf> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
8. Письмо Федеральной палаты адвокатов РФ Министрству Юстиции РФ от 02.04.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/statement-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation/> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
9. Постановление Губернатора ХМАО-Югра от 05.04.2020 г. № 28 «О мерах по предотвращению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции, вызванной COVID-2019, в ХМАО-Югре». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/570719434> (дата обращения: 10.09.2020 г.).
10. Георгиева К. Когда кризис останется позади // Финансы и развитие. 2020. № 2 (57). С. 10.
11. Яртых И.С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 81.

¹¹ Закон ХМАО-Югры «О бесплатной юридической помощи в ХМАО-Югре» от 16.11.2011 г. № 113-ОЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archivesl.admhmao.ru/pravovaya-informatsiya/normativnye-pravovye-akty/2509682/zakon-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ot-16-12-2011-113-oz-o-besplatnoy-yuridicheskoy-po> (дата обращения: 10.09.2020 г.).

ЦЫНДРЯ Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника, кафедра специальных дисциплин факультета Профессионального обучения сотрудников полиции Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ЮЗЬВАК Сергей Анатольевич

преподаватель кафедры специальных дисциплин факультета Профессионального обучения сотрудников полиции Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ О СТАДИЯХ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В статье осуществлен анализ основных подходов к определению стадий процесса формирования государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний. Выявлены политологический, психологический, управленческий (менеджеристский) и правовой подходы к стадийности административно-наказательной политики. Процесс формирования государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний предлагается рассматривать в контексте следующих стадий: 1) инициирование государственной политики; 2) разработка государственной политики; 3) придание государственной политике легитимности.

Ключевые слова: административно-наказательная политика, стадии формирования государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний.

TSYNDRYA Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in Law, Deputy Head of special disciplines sub-faculty of the Faculty of professional training of police officers of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

YUZVAK Sergey Anatoljevich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Faculty of professional training of police officers of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ON THE QUESTION OF THE STAGES OF THE PROCESS OF SHAPING THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF ADMINISTRATIVE PENALTIES

The article analyses the main approaches to determining the stages of the process of shaping the state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties. Political, psychological, managerial (managerial) and legal approaches to the stage of administrative and punitive policy have been identified. The process of shaping the state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties is proposed to be considered in the context of the following stages: 1) initiating state policy; 2) development of state policy; 3) giving state policy legitimacy.

Keywords: administrative-punitive policy, stages of formation of state policy of the Russian Federation in the field of administrative punishments.

Цындря В. Н.

Юзьвак С. А.

Решению задач, которые стоят перед современным российским обществом, способствует проведение комплекса реформ, среди которых важное место занимает реформа административно-деликтного законодательства. К её целям, кроме прочего, относится и трансформация института административной ответственности из преимущественно карательно-фискального инструмента в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учетом риск-ориентированного подхода в случае, если профилактические и принудительно-профилактические меры не имели должного воздействия¹.

При этом, непосредственным ближайшим результатом этой реформы должно стать принятие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, разработанного на основе обновлённых подходов к определению роли и места административно-деликтного способа урегулирования общественных отношений.

По нашему мнению, несмотря на актуальность и важность проблем, связанных с формированием государственной политики в целом и отдельных её разновидностей, в юриспруденции единый подход к пониманию сущности процесса её формирования еще не разработан, что негативно влияет на процессы раз-

работки и реализации правовой политики в целом и её производных в частности.

Это связано с традиционным подходом к рассмотрению формирования и реализации государственной политики как единого процесса, без их структурирования на самостоятельные стадии и этапы. К сожалению, он не отражает особенности фаз «формирование» и «разработка» государственной политики в рассматриваемой нами области, не учитывает специфику субъектов соответствующих видов деятельности, методы, которые применяются для достижения целей каждой составляющей, виды и способы их регулирования.

Проводимый нами анализ теоретических проблем в данной области, позволяет сформулировать следующее определение понятия «формирование государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний» как сложной, многоаспектной политико-правовой деятельности, для которой характерны определённые части (этапы), имеющие особенности правового регулирования, субъектный состав, содержание, временные промежутки и соответствующее документальное оформление.

Содержание тех или иных составляющих данного процесса определяется задачами, которые решаются в ходе формирования государственной политики в области административных наказаний: оформление «общественного запроса» (выявление и обобщение, в том числе и использованием возможностей экспертного сообщества и общественности, проблем, связанных с административными наказаниями); упорядочивание различных идей, концепций, отражающих предложения по их устранению; разработка модели закрепления принятых решений в проектах

1 Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=100000001,0&tmd=0.00802087887504288#01906183112247418> (дата обращения: 16 июля 2020).

нормативных правовых актов; выработка методологии доведения соответствующих государственно-политических решений до сознания общественности.

В общем смысле под процессом формирования государственной политики понимается поэтапная деятельность уполномоченных субъектов политики, направленная на выбор оптимального решения для конкретной общественно значимой проблемы в определенных социально-экономических условиях.

Изучение научных публикаций, посвященных политико-административным процессам формирования государственной политики, показывает, что учеными²:

- отмечается связь процессов формирования государственной политики и принятия управленческих решений;
- выделяются институциональный и технологический уровни взаимодействия политических, управленческих и правовых механизмов;

- уточняется содержание держание стадий формализации управленческих решений; выработки целей (в том числе предварительных требований к их реализации), включающих понимание национальной специфики и необходимость достижения предела дискретности заданий; постановки задач и определения препятствий выполнения намеченных планов; прогнозирования и планирования деятельности органов власти и управления;

- раскрывается цикл проектирования государственной политики (определение ценности, конкретизации цели и идентификации проблем как препятствий на пути достижения цели, воплощение в документах: нормативных правовых актах, оперативно-распорядительных управленческих документах и т. п., определяющих ту или иную государственную политику);

- характеризуется формальное содержание основных политических и правовых документов, определяющих основные направления государственных политик;

- определяются роль доктрин и других концептуальных источников в определении целей, задач, направлений государственной политики в той или иной сфере общественной жизни;
- обосновывается методология (инструменты, технологии) процесса выработки политики и др.

Что касается процесса выработки государственной политики, то его этапы рассматриваются с позиции политологии, психологии, менеджмента, права и др. Например:

а) один из психологических подходов к таким стадиям относит: фиксацию и осознание проблемы, формирование представлений о задаче, требующей решения, формирование множества альтернатив, конкретизация критериев выбора, сравнение выявленных альтернатив и заданных критериев, оценка полезности и выбор оптимальной альтернативы, принятие решения;

б) в теории менеджмента рассматривают: выделение проблемы, поиск информации и альтернатив решения, выбор альтернативы, принятие решения;

в) конституционно-правовой аспект представлен такими этапами: внесение решения, рассмотрение решения, принятие решения, опубликования решения;

г) в политологии выделяют следующие части: определение повестки дня (выявление вопроса или проблемы, которые являются актуальными для решения и вовлекаются в обсуждение); выработка политики (согласования интересов, определение целей и средств их достижения); принятие политики (институционализация разработанного политического курса; закрепление политического курса в решениях определенных органов государственной власти (президент, правительство, парламент, референдум и пр.); внедрение политики (осуществление принятых решений и программ); оценивание политики (проверка эффективности и качества выработанного и реализуемого политического курса); изменение политики (корректировка политики; отказ от политического курса; переход к выработке новой политики)³.

д) правовой подход связан с характеристикой данного процесса как разновидности нормотворческой процедуры, в ходе

которой осуществляется преобразование идеологических компонентов этой политики в модель соответствующего нормативного правового акта.

Кроме этого большинство авторов рассматривает процесс формирования государственной политики в контексте теории принятия политических решения. Например, К. В. Симонов предлагает следующую поэтапную схему принятия политических решений:

- поиск и формулирование проблемы;
- сбор необходимой информации; составление «дорожной карты», в том числе определение методов анализа сложившейся ситуации, политическое прогнозирование, назначение исполнителей на всех этапах реализации, определение информационного, временного, финансового, организационного, ресурсного потенциала;

- анализ особенностей политического момента;
- прогнозирование вариантов развития событий при отсутствии активного вмешательства; формулирование различных вариантов разрешения проблемы; прогнозирование возможных последствий применения тех или иных решений;

- выбор наиболее эффективного решения; реализация решения; мониторинг обратной связи со стороны общества; корректировка решения в случае необходимости⁴.

Как правило, в структуре этих стадий выделяют такие этапы: 1) предварительный, в ходе которого осуществляется сбор информации для выработки альтернатив; 2) основной – период непосредственного принятия обоснованного (одобренного, согласованного, утвержденного) решения; 3) последующий, направленный на корректировку принятых решений⁵.

Несмотря на многообразие подходов к количеству и содержанию этапов формирования государственной политики, основной их смысл сводится к трём основным группам действий: 1) инициированию государственной политики; 2) разработке государственной политики; 3) придание государственной политике легитимности.

С учетом актуальности рассматриваемой проблематики, в дальнейшем предлагается продолжить характеристику стадий формирования административно-наказательной политики, провести правовой анализ этой деятельности, разработать рекомендации по закреплению процесса формирования этой разновидности государственной политики в соответствующем нормативном правовом акте.

Пристатейный библиографический список

1. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ase=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.00802087887504288#019061831112247418> (дата обращения: 16 июля 2020).
 2. Болпонова А. Б. Анализ государственной политики. Учебно-метод. пособие. – Б.: Махprint, 2020. – 200 с.
 3. Дегтярев А. А. Принятие политических решений: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2004. – 416 с.
 4. Симонов К. В. Политический анализ: Учебное пособие. – М.: Логос, 2002. – С. 59.
 5. Сулакшин С. С. Современная государственная политика и управление. Курс лекций. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 386 с.
 6. Сулакшин С. С., Погорелко М. Ю., Репин И. В. Источники и основания государственных политик в России. Монография. – М.: Научный эксперт, 2010. – 224 с.
 7. Шаброва Н. О. Сущность, структура и типология политических решений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Shabrova_Political-Decisions.pdf (дата обращения: 16 июля 2020).
 8. Якунин В. И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе: автореф. дис... д-ра полит. наук. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 38 с.
- 2 Якунин В. И. Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе: автореф. дис... д-ра полит. наук. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – С. 28-30; Сулакшин С. С. Современная государственная политика и управление. Курс лекций. – М.: Директ-Медиа, 2013. – С. 170-171; Сулакшин С. С., Погорелко М. Ю., Репин И. В. Источники и основания государственных политик в России. Монография. – М.: Научный эксперт, 2010. – С. 19, 25.
 - 3 Цит. по: Дегтярев А. А. Принятие политических решений: Учебное пособие. – М.: КДУ, 2004. – С. 223-224; Цыт. По: Болпонова А. Б. Анализ государственной политики. Учебно-метод. пособие. – Б.: Махprint, 2020. – С. 49.
 - 4 Симонов К. В. Политический анализ: Учебное пособие. – М.: Логос, 2002. – С. 59.
 - 5 Шаброва Н. О. Сущность, структура и типология политических решений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mosgu.ru/nauchnaya/nauch_trudy/articles/Shabrova_Political-Decisions.pdf (дата обращения: 16 июля 2020).

ХАЛЕЦКАЯ Виктория Владимировна

магистрант 2 курса по направлению 40.04.01. Юриспруденция Тихоокеанского государственного университета

БЕЛОЦЕРКОВИЧ Денис Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета

ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНКУРСА НА ЗАМЕЩЕНИЕ ВАКАНТНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ ФНС И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

В настоящей статье рассматриваются правовые основы осуществления конкурса на замещение вакантных должностей в налоговые органы и проблемы, возникающие при этом. В работе представлена последовательность действий при возникновении конфликта интересов при приёме на службу в Федеральную налоговую службу и возможность сокращения таких случаев.

Ключевые слова: налоговые органы, конфликт интересов, государственная гражданская служба, конкурсная комиссия, вакантная должность.

KHALETSKAYA Viktoriya Vladimirovna

magister student of the 2nd course in the 40.04.01. Jurisprudence direction of the Pacific State University

BELOTSERKOVETS Denis Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Pacific State University

CONFLICT OF INTEREST AS ONE OF THE PROBLEMS ARISING IN THE IMPLEMENTATION OF THE COMPETITION FOR VACANT POSITIONS IN THE CENTRAL OFFICE OF THE FEDERAL TAX SERVICE AND ITS SOLUTIONS

This article discusses the legal basis of the competition for vacant positions in the tax authorities and the problems arising in this case. The paper presents the sequence of actions in the event of a conflict of interest in the employment of the Federal Tax Service and the possibility of reducing such.

Keywords: tax authorities, conflict of interest, state civil service, competition commission, vacant position.

В органах государственной власти государственная должность считается структурообразующим компонентом, который образуется абсолютно во всех ветвях государственной власти – и в исполнительной, и в законодательной, и в судебной. Данный термин являясь организационно-правовой категорией выступает важнейшей формой специализации государственного служащего и относится лишь к нему. На государственных должностях состоят все лица, относящиеся к государственной службе, именно поэтому должность сама по себе имеет статус важнейшего компонента государственной службы.

В обобщенном варианте под должностью можно понимать учрежденную в установленном нормативно-правовым актом порядке начальная структурно-организационная единица, отражающая сущность и компетенцию занимающего ее физического лица.

Стоит отметить, что историческое развитие термина «должность» для России было длительным. Так в Древней Руси упоминается о «дворовых людях» – некий придворный штат, в который входили бояре, окольничие, дворецкие и другие. А само упоминание слова «должность» можно заметить только начиная с 18 века.

Несомненно, лица, служащие в налоговых органах (как в Центральном аппарате, так и в территориальных органах Федеральной налоговой службы) также находятся на государственных должностях. Государственная служба в налоговых органах является одним из видов федеральной государственной гражданской службы. Поэтому к ним

применяются те же требования, что и ко всем должностям федеральной государственной гражданской службы¹.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ федеральной государственной службой является «профессиональная служебная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, а также полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации»².

Как уже говорилось ранее, к лицам, претендующим на вакантные должности государственной службы в налоговых органах, применяются требования, относящиеся к другим государственным служащим. Поэтому, чтобы получить право участия в конкурсе лицо:

- должно быть гражданином Российской Федерации;
- должно быть достигшим возраста 18 лет;
- должно владеть государственным языком Российской Федерации.

Помимо этого, есть и специальные квалификационные требования, которые соответствующим образом закреплены законодательством Российской Федерации о

1 О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Парламентская газета. – 2003. – № 98.

2 О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

государственной гражданской службе, и для каждой конкретной должности они свои³.

Также ранее, до принятия Указа Президента Российской Федерации от 16 февраля 2005 года № 159 «О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации» с государственными служащими заключали трудовой договор по форме, законодательно закрепленной в Трудовом кодексе. После его принятия все трудовые договоры, заключенные ранее с государственными служащими, были переоформлены в служебные контракты о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации в строго регламентированной форме. И теперь все, кто поступают на службу в Федеральную налоговую службу России заключают служебный контракт. С таким нововведением у служащих появились дополнительные социальные гарантии и стимулирующие выплаты. И это не зависит от того на какой основе лицо поступает на службу: по конкурсу или вне его⁴.

Но, так или иначе, большинство лиц, за исключением тех, которые прямо указаны в Методике проведения конкурсов, утвержденной приказом Федеральной налоговой службы России 01.06.2018 № ММВ-7-4/371@ обязаны пройти все проверки связанные с допуском к служебной и иной информации, а также проверку на родство или свойство с гражданским служащим, если замещение должности гражданской службы связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому. Ведь именно этот пункт является одним из ограничительных, связанных с гражданской службой⁵.

Такая ситуация имеет название «конфликт интересов». Под конфликтом интересов в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ подразумевается «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)»⁶.

Конфликт интересов постоянно возникает на почве непосредственной или косвенной личной заинтересованности. Личная интерес обозначает возможность в сформировавшейся ситуации получить доходы, выгоды, какие-либо преимущества как самим служащим, так и лицами, состоящими со служащим в близком родстве или свойстве (близкими родственниками). К ним относятся его родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей.

С одной стороны, такое положение зафиксировано законом, придаться к нему нельзя. Но с другой стороны в налоговых органах остро ощущается дефицит квалифицированных кадров, и «разбрасываться» ими в такой ситуации, по моему мнению, нельзя, стоит обращать внимание не на родственные связи, а на профессионализм претендентов, а также на их личные качества. Тем более, что такое может возникнуть и до зачисления лица в штат, то есть при приеме на должности государственных служащих⁷.

Рассмотрим последовательность действий в таких ситуациях в рамках Федеральной налоговой службы. Федеральную налоговую службу проблема возникновения конфликта интересов, связанного с выполнением отдельных функций государственного управления в отношении родственников и/или иных лиц, с которыми связана личная заинтересованность государственного гражданского служащего, так же не обошла стороной.

Реализация государственным служащим функций государственного управления либо содействие в принятии кадровых решений в отношении членов семьи является одной из наиболее очевидных ситуаций конфликта интересов.

Как уже упоминалось выше, в основном на службу в налоговые органы ведется прием по конкурсной основе. Конкурс состоит в оценке профессионального уровня кандидатов на замещение должности гражданской службы, их соответствия определенным квалификационным требованиям к должности гражданской службы. Тем самым реализуется равный доступ всех граждан к государственной гражданской службе. В его развитие Президентом Российской Федерации принят Указ от 01 февраля 2005 года № 112. «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» А в соответствии с Приложением к Методике проведения конкурсов на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе и порядка и сроков работы конкурсных комиссий для проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе для принятия на конкурсной основе создается специальная конкурсная комиссия. В состав конкурсной комиссии входят гражданские служащие из подразделения по вопросам государственной службы и кадров, юридического (правового) подразделения и подразделения, в котором проводится конкурс на замещение вакантной должности гражданской службы. Конкурсная комиссия формируется таким образом, чтобы была исклю-

3 Оганесян Т.Л. Государственная гражданская служба в налоговых органах российской федерации // Научный вестник южного института менеджмента. – 2018. – № 3 (23). – С. 74-77.

4 О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации: указ Президента от 16.02.2005 № 159 // Российская газета. – 2005. – № 34.

5 Об утверждении Методики проведения конкурсов на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе и Порядка и сроков работы конкурсных комиссий для проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе: приказ ФНС России от 01.06.2018 № ММВ-7-4/371@. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2019).

6 О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52(ч. 1). – Ст.6228.

7 Об утверждении единой методике проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов: пост. Правительства от 31.03.2018 № 397 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 16 (ч. 2). – Ст. 2359.

чена возможность возникновения конфликта интересов, которые могли бы повлиять на принимаемые конкурсной комиссией решения, и утверждается приказом руководителя Федеральной налоговой службы России, руководителем (начальником) территориального налогового органа⁸.

Но ситуация, когда служащий налогового органа, являющийся членом конкурсной комиссии на замещение вакантной должности государственного органа, является родственником одного из кандидатов на вакантную должность в этом государственном органе всё равно иногда возникает и является одной из разновидностей ситуаций конфликта интересов.

Например, служащий включен в список членов конкурсной комиссии на замещение вакантной должности в налоговый орган. Один из кандидатов на эту должность – его брат. Возникает личная заинтересованность, так как брат может получить преимущество перед другими претендентами.

Обязанность государственных гражданских служащих осуществлять меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов предусмотрена п. 1 ч. 3 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.

Перечень таких мер не является исчерпывающим. В частности, одной из мер может являться самоотвод (ч. 5 ст. 11 Федерального закона № 273-ФЗ). Случаи самоотвода и его порядок устанавливаются законодательством Российской Федерации. Однако в настоящий момент на уровне федерации всё ещё не разработан такой нормативно-правовой акт⁹.

Таким образом, остается единственный подход, которым может руководствоваться служащий: он обязан оповещать работодателя о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит либо способна привести к конфликту интересов, а также принимать меры по предупреждению либо урегулированию конфликта интересов. Данные действия он должен совершить незамедлительно, а в случае отсутствия такой возможности (в случае отсутствия по какой-либо причине на рабочем месте) – при первой возможности представить письменное уведомление работодателю о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или способна привести к конфликту интересов¹⁰.

В Порядке уведомления представителя нанимателя федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата Федеральной налоговой

службы, федеральными государственными гражданскими служащими территориальных налоговых органов и работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной налоговой службой, о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов представлен рекомендательный образец (Приложение 1), по которому должно быть составлено уведомление, но также в положениях этого порядка предусмотрена произвольная форма данного уведомления.

В случае, если уведомление составляется в произвольной форме, рекомендуется указывать в нем следующую информацию:

1) обстоятельства, которые привели либо способны привести к появлению конфликта интересов;

2) должностные обязанности, на исполнение которых способно повлиять либо влияет личная заинтересованность служащего;

3) меры, предлагаемые служащим для предупреждения или урегулирования конфликта интересов.

Также к уведомлению могут прилагаться имеющиеся в распоряжении государственного служащего дополнительные материалы, подтверждающие факт возникновения у него такой личной заинтересованности.

Уведомление представляется лично. В случае невозможности его представления лично возможно это сделать посредством почтового отправления с уведомлением о вручении и описью вложения. Стоит отметить, что как раз работа почты вносит затруднения в разрешения вопроса о конфликте интересов. Ведь не всегда почтовые отделения работают оперативно, а такая ситуация требует незамедлительных действий. Именно поэтому предлагаю внести корректив в приказ и разрешить предоставлять уведомление только лично или заказным письмом.

Вышеупомянутое уведомление подлежит регистрации специальным отделом, уполномоченным на такие действия. В Федеральной налоговой службе это отдел профилактики коррупционных и иных правонарушений Управления кадров Федеральной налоговой службы России (структурным подразделением территориального налогового органа, структурным подразделением организации). Он регистрирует уведомления в Журнале регистрации (также по рекомендованному образцу) в день представления (поступления) уведомления. И опять-таки говорится о «дне представления», но когда оно дойдет до данного отдела, если отправлять его почтовым отправлением, неизвестно.

После регистрации уведомление направляется руководителю налогового органа, а государственному служащему, подавшему его, выдается копия с отметкой о его регистрации.

В свою очередь, представитель налогового органа обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, если ему стало известно о возникновении у служащего личной заинтересованности, которая приводит либо способна привести к такому конфликту. Ему следует совершить ряд действий: рекомендовано отстранить государственного служащего от выполнения должностных обязанностей, допускающих прямое взаимодействие с родственниками либо другими лицами, с которыми сопряжена личная заинтересованность государственного служащего. К примеру, рекомендовано на

8 О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации: указ Президента от 01.02.2005 № 112 (ред. от 10.09.2017) // Российская газета. – 2005. – № 20.

9 О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

10 Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя (работодателя) федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата Федеральной налоговой службы, федеральными государственными гражданскими служащими территориальных налоговых органов и работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной налоговой службой, о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов: приказ ФНС России от 07.05.2018 № ММВ-7-4/250@. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2019).

время вывести государственного служащего из состава конкурсной комиссии, в случае если один из претендентов на замещение вакантной должности государственной службы является членом его семьи.

Непринятие представителем нанимателя мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1) Процедура приема на государственную гражданскую службу и в Федеральную налоговую службу России, и в территориальные органы Федеральной налоговой службы России являются общей – как и для других государственных служб, и закреплена законодательством о государственной гражданской службе.

2) При поступлении на службу лица могут сталкиваться с некоторыми трудностями помимо соответствия требованиям, указанных в законе.

3) Конкурс на замещение вакантных должностей строго регламентирован, как и решение по выходу из ситуации, связанной с конфликтом интересов.

Конфликт интересов – это один из факторов, из-за которого лицо могут не принять на службу.

А разрешение такой ситуации сама по себе содержит некоторые недочёты в регулировании, которые можно решить внесением поправок.

При подборе персонала следует сосредоточиться не на родственных связях, а на подборе квалифицированного кадрового состава, вне зависимости от родственных связей.

Успешное выполнение налоговыми органами своих функциональных обязанностей зависит, в первую очередь, от квалифицированного кадрового состава каждого органа, и, как следствие, успешной практической реализации концепции кадровой политики Федеральной налоговой службы России.

Избежать таких конфликтных ситуаций невозможно, с учётом того, что обычно дети идут по стопам своих родителей, поэтому стоит подумать над тем, как их минимизировать, а впоследствии «свести на нет».

Пристатейный библиографический список

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
2. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.
3. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Парламентская газета. – 2003. – № 98.
4. О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации: указ Президента от 16.02.2005 № 159 // Российская газета. – 2005. – № 34.
5. О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации: указ Президента от 01.02.2005 №

112 (ред. от 10.09.2017) // Российская газета. – 2005. – № 20.

6. Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов: пост. Правительства от 31.03.2018 № 397 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 16 (ч. 2). – Ст. 2359.
7. Об утверждении Методики проведения конкурсов на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе и Порядка и сроков работы конкурсных комиссий для проведения конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации в Федеральной налоговой службе: приказ ФНС России от 01.06.2018 № ММВ-7-4/371@. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2019).
8. Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя (работодателя) федеральными государственными гражданскими служащими центрального аппарата Федеральной налоговой службы, федеральными государственными гражданскими служащими территориальных налоговых органов и работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной налоговой службой, о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов: приказ ФНС России от 07.05.2018 № ММВ-7-4/250@. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2019).
9. Оганесян Т.Л. Государственная гражданская служба в налоговых органах российской федерации // Научный вестник южного института менеджмента. – 2018. – № 3 (23). – С. 74-77.

БАТМУНХ Бужинлхам

адъюнкт 3 Факультета (Подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии управления МВД России

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОНГОЛИИ

В статье освещаются вопросы, связанные с общим пониманием безопасности, с деятельностью полиции общественной безопасности, а также с рассмотрением административно-правового статуса сотрудников полиции общественной безопасности Монголии. Ввиду отсутствия эффективного механизма административно-правовой организации деятельности полиции общественной безопасности, автором предлагаются направления повышения эффективности обозначенных вопросов.

Ключевые слова: общественная безопасность, полиция общественной безопасности, Монголия, детальность полиции, административно-правовой статус, Концепция обеспечения общественной безопасности.

BATMUNKH Buzhinlham

adjunct of the 3rd Faculty (Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel) of the Academy of Management of the MIA of Russia

THE MAIN DIRECTIONS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF THE PUBLIC SECURITY POLICE IN MONGOLIA

The article highlights issues related to the general understanding of security, with the activities of the public security police, as well as considering the administrative and legal status of the Mongolian public security police. Due to the lack of an effective mechanism for the administrative and legal organization of the activities of the public security police, the author proposes a direction to increase the effectiveness of the issues identified.

Keywords: public security, public security police, Mongolia, police detail, administrative and legal status, Public security concept.

Одним из первостепенных и неперенных составляющих устойчивого существования любого государства выступает безопасность. Безопасность – это самая важная человеческая потребность, такая как потребность в еде, воде, жилье и прочее. С одной стороны, это общая научная категория, которая не является чем-то материальным. Она выступает как форма выражения жизнеспособности различных объектов конкретного мира – внутренней и внешней политики, обороны, экономики, национального здравоохранения и т.д.

С другой стороны, это очень специфическая научная категория, ее сущность и содержание направлены на защиту жизненных интересов личности, общества и государства.

Безопасность перешла от военных, межправительственных и социальных отношений к большей безопасности человека или общественной безопасности. Другими словами, настало время по-новому взглянуть на традиционное понимание безопасности.

Компонент общественной безопасности включает такие понятия, как безопасность человека, социальная безопасность, государственная безопасность, безопасность дорожного движения, охрана труда, продовольственная безопасность и безопасность строительства. Сфера деятельности полиции в системе общественной безопасности не ограничивается статьей 12 Закона о полицейской службе Монголии и регулируется многими законами и нормативными актами, например, в отношении обеспечения безопасности дорожного движения, оружия и огнестрельного оружия, взрывчатого оружия и сильнодействующих токсичных веществ в системе выдачи разрешений. Надзор за хранением и транспортировкой взрывчатых материалов, а также связанных с болезнями животных, стихийными бедствиями, промышленными авариями и другими неожиданными опасностями¹.

На основе общего понимания безопасности, ее природной, объектной, ценности и компонентной общественной безопасности, роли и степени общественной безопасности в системе национальной безопасности, можно говорить

о том, что общественная безопасность – это особый механизм воздействия на общественные отношения посредством правоприменительной деятельности ориентированной на предупреждение, пресечение и устранение вреда жизни, здоровью, имуществу граждан, который может быть нанесён вследствие преступных и иных противоправных деяний, нарушения правил пользования источниками повышенной опасности, предметами и веществами, изъятыми из гражданского оборота, явлений негативного технического и природного характера, а также иных особых обстоятельств.

Деятельность по обеспечению общественной безопасности определяется и возникает в результате совместной деятельностью правоохранительных органов. В рамках обновления правовых актов необходимо увеличить объем сотрудничества по обеспечению общественной безопасности не только с государством, но и гражданами, организациями, негосударственными органами и определить способы урегулирования вопросов².

В концепции построения исполнительной власти полиция выступает обособленной государственной структурой, деятельность которой ориентирована на исполнение особых полномочий в своей компетенции. Полицейские, выступая представителями власти, наделены властными полномочиями, которые осуществляются в рамках их должностной зоны ответственности.

Одной из важнейших служб в системе ОВД Монголии, осуществляющих административную деятельность по борьбе с правонарушениями на улицах страны, является полиция общественной безопасности.

Характеристику элементов правового статуса сотрудника полиции общественной безопасности Монголии, необходимо начать с юридических обязанностей. Так как их формулировка в виде специализированных норм непосредственно определяет режим законности.

1 Чимид. Б. Административное право Монголии: учебник. переизд. Улан Батор, 2016. С. 105.

2 Фомин П.П. Общественный порядок и общественная безопасность: понятие и соотношение // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2017. № 1 (2). С. 66-77.

Должностные обязанности и полномочия сотрудников полиции установлены законодательством, регламентирующим данный сегмент, а также утверждены в иных нормативных правовых актах, регулирующих обязанности сотрудников и устанавливающих прямые обязанности с целью их надежного выполнения.

Рассматривая обязанности сотрудника полиции, в первую очередь следует выделить, обязанность соблюдения главного закона Монголии – Конституции, а также иных законодательных и нормативно правовых актов в области правоохранительной деятельности. Необходимо надлежащее обеспечение исполнения настоящих обязанностей, проведение регулярного контроля на знание конституционных и иных правовых актов, эффективное осуществление своих прямых обязанностей, согласно должностной инструкции и приказа, выполнение распоряжений руководства, не противоречащих законодательству и т.д.

Административная деятельность полиции – это наиболее емкое направление в работе полиции. Ее содержание состоит в непосредственном, практическом осуществлении аппаратами, службами, подразделениями и сотрудниками полиции функций по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, предупреждению и пресечению преступлений административно-правовыми средствами.

Деятельность полиции общественной безопасности – это комплексная деятельность полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, предупреждения, защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных действий.

В целях осуществления деятельности полиции в области общественной безопасности в соответствии с современными концепциями управления безопасностью, считааем необходимым уделить внимание следующим вопросам:

1. Уточнение правовых норм должно быть всеобъемлющим с теоретически обоснованной, профилактической деятельностью и деятельностью по снижению риска, а также с участием общественности:

2. Необходимо обновить организационную структуру путем создания общедоступных и совместных партнерств:

3. Планирование и осуществление мероприятий в области общественной безопасности в рамках государственной политики должны основываться на изучении рисков и факторов, улучшать тактику действий, основанную на передовых научных методах и технологиях.

Вопросам обеспечения общественной безопасности в Монголии уделяется довольно большое внимание на современном этапе развития. Однако практика деятельности полиции показывает, что многие ее аспекты нуждаются в совершенствовании. Так, к примеру, выделяется проблематика отсутствия учета общественного мнения как критерия оценки деятельности полиции, необходимость привлечения граждан к сотрудничеству на добровольной основе и важность расширения участия граждан в противодействии правонарушениям, а также вопросы гарантии социальной защиты.

Правовое регулирование деятельности полиции по обеспечению общественной безопасности требует обновления и усовершенствования в соответствии с постоянно быстроменяющимися условиями безопасности республики. Отсутствие концепции общественной безопасности, единого понимания сути и терминов, методологического подхода к оценке и анализу обстановки в республике затрудняет разработку мер по повышению эффективности обеспечения общественной безопасности в целом и деятельности полиции в данном аспекте в частности.

Необходимо изучить текущее состояние организационной структуры полицейской службы, наличие людских ре-

сурсов и оборудования, а также улучшить функциональные возможности с учетом будущих тенденций угроз и опасности гражданам и общественности. Для того чтобы полиция могла надежно выполнять свои задачи в области общественной безопасности, целесообразно внедрить управление рисками, внедрить современные технологии, повысить уровень их использования и дать возможность широкой общественности участвовать в деятельности полиции.

Необходимо разработать методологию оценки риска в каждой области общественной безопасности в соответствии с международными стандартами и подробным описанием процессов оценки риска и угроз общественной безопасности, а также разработать и контролировать оценку риска деятельности полиции общественной безопасности, его уровень, рейтинг и критерии.

Полиция будет проводить оценку рисков во время массовых мероприятий в связи с разработкой плана безопасности, успешной организацией таких мер и мероприятий, чтобы рассчитывать и снижать риски, а также планировать и своевременно реагировать.

Для формирования и повышения административно-правового статуса сотрудника полиции важное значение имеет четко выстроенная долгосрочная перспектива его развития, то есть концепция. К сожалению, такая концепция в законодательстве Монголии отсутствует. Полагаю, что административно-правовое положение сотрудников полиции общественной безопасности должно развиваться не только в процессе ведомственных преобразований, но и одновременно с модернизацией правоохранительной системы Монголии. Поэтому разработка концепции административно-правового статуса сотрудников полиции общественной безопасности и совершенствования их деятельности представляется в настоящее время важной и актуальной задачей. Обуславливается необходимость в принятии Закона «О статусе сотрудников органов полиции».

Представляется необходимым разработать Концепцию об обеспечении общественной безопасности.

При разработке концепции, направленной на регулирование деятельности полиции и определенных стратегий по обеспечению общественной безопасности предлагаем выделить следующие содержания:

– Концепция, определение терминов, разъяснение деятельности полиции по обеспечению общественной безопасности,

– Определение опасности и угроз для общества, а также составления исследовательских работ.

– Определение цели, задачи, принципов деятельности полиции общественной безопасности.

– Определение основных направлений деятельности полиции общественной безопасности.

– Определение способов, механизма и прочее в целях обеспечения деятельности полиции общественной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Демин И.В. Сущность и содержание понятий «безопасность», «общественная безопасность» и «национальная безопасность» // Вестник Екатеринбургского института. 2009. № 1 (5). С. 29-30.
2. Одончулуун Ц. Административная деятельность полиции общественной безопасности // Полицейская деятельность. 2018. № 2. С. 82-86.
3. Фомин П.П. Общественный порядок и общественная безопасность: понятие и соотношение // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2017. № 1 (2). С. 66-77.
4. Чимид. Б. Административное право Монголии: учебник. переизд. Улан Батор, 2016.

ЛЕОНОВА Екатерина Владимировна

магистрант группы Ю(ам)з-81 Юридического института Тихоокеанского государственного университета

МОРГУНОВА Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета, Дальневосточный государственный университет путей сообщения

НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ, ДОПУСКАЕМЫЕ В ОБЛАСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРАКТА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ

В данной статье нами поднимается проблема неисполнения и ненадлежащего исполнения законодательства РФ о контрактной системе в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг со стороны должностных лиц заказчика, должностных лиц уполномоченного органа, должностных лиц уполномоченного учреждения, специализированных организаций и предлагаются пути её решения, а также приводится подробный обзор и статистика Управления Федеральной антимонопольной службы Хабаровского края о наиболее часто встречающихся нарушениях законодательства о контрактной системе, допускаемых в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг.

Ключевые слова: проблема, неисполнение, ненадлежащее исполнение, законодательство о контрактной системе, нарушение, административная ответственность, административный штраф, муниципальный контракт, закупка, должностное лицо, заказчик, уполномоченный орган, уполномоченное учреждение, специализированная организация.

LEONOVA Ekaterina Vladimirovna

magister student of the group Yu(am)z-81 of the Institute of Law of the Pacific State University

MORGUNOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Pacific State University, Far Eastern State Transport University

VIOLATIONS OF THE LEGISLATION ON THE CONTRACT SYSTEM ALLOWED IN THE FIELD OF CONCLUSION OF A MUNICIPAL CONTRACT IN THE SPHERE OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES

In this article, we raise the problem of non-fulfillment and improper fulfillment of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of concluding a municipal contract in the field of procurement of goods, works and services by officials of the customer, officials of the authorized body, officials of the authorized institution, specialized organizations and suggests ways of solving it, and also provides a detailed overview and statistics of the Office of the Federal Antimonopoly Service of the Khabarovsk Territory on the most common violations of the legislation on the contract system, allowed in the field of concluding a municipal contract in the field of procurement of goods, works and services.

Keywords: problem, non-performance, improper performance, legislation on the contract system, violation, administrative responsibility, administrative fine, municipal contract, procurement, official, customer, authorized body, authorized institution, specialized organization.

Заключение муниципального контракта – это достаточно сложная и многоэтапная нормативная процедура, которая с начала 2014 года регулируется Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе), поэтому с целью снижения коррупционных рисков в муниципальном управлении данному Закону, а, если быть точнее, именно вопросам организации и проведения муниципальных закупок уделяется особо пристальное внимание.

Данный Федеральный закон направлен на повышение эффективности и результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечение гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок, начиная со стадии планирования закупок товаров, работ, услуг и заканчивая стадией контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации (далее – РФ) и иных нормативных правовых актов о

контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд.

В силу части 1 статьи 99 Закона о контрактной системе контроль в сфере закупок осуществляется следующими органами контроля в пределах своих полномочий:

1. федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, контрольный орган в сфере государственного оборонного заказа, органы исполнительной власти субъекта РФ, органы местного самоуправления муниципального района, органы местного самоуправления городского округа, уполномоченные на осуществление контроля в сфере закупок;

2. федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции по кассовому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы РФ, федеральный орган исполнительной власти, определенный Правительством РФ, финансовые органы субъектов РФ и муниципальных образований, органы управления государственными внебюджетными фондами;

Леонова Е. В.

Моргунова Н. В.

3. органы внутреннего государственного (муниципально-го) финансового контроля, определенные в соответствии с Бюджетным кодексом РФ¹.

Одним из таких контрольных органов в сфере закупок, осуществляющих своих полномочия на территории Хабаровского края, является Управление Федеральной антимонопольной службы по Хабаровскому краю (далее – Хабаровское УФАС России). Функция контроля (надзора) в сфере заключения муниципальных контрактов конкретно относится к отделу контроля закупок Хабаровского УФАС России (далее – отдел контроля закупок).

В данной статье нам бы хотелось проанализировать именно деятельность Хабаровского УФАС России по выявлению нарушений законодательства о контрактной системе, допускаемых в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг.

Нами изучены статистические данные отдела контроля закупок и проведен анализ собранных данных о выявленных нарушениях законодательства о контрактной системе, допущенных в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг, и возбужденных по ним административных дел за период с 2017 по июнь 2020 года.

Но, прежде чем перейти к рассмотрению и анализу упомянутых выше нарушений законодательства о контрактной системе, необходимо сказать о том, что заключение муниципального контракта осуществляется по результатам закупки, проведенной с учетом предусмотренных законодательством РФ о контрактной системе требований. Но в то же время результатом такой проведенной на основании положений Закона о контрактной системе закупки является именно надлежащее, своевременное и качественное исполнение муниципального контракта. Следовательно, рассуждая на выбранную тему нарушений законодательства РФ о контрактной системе, допускаемых при заключении муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг, также необходимо упомянуть о таких нарушениях, которые встречаются и при организации и проведении закупки, и при исполнении муниципальных контрактов.

Теперь рассмотрим более подробно часто встречающиеся нарушения законодательства о контрактной системе, допускаемые в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг.

1. Нарушения, связанные с выбором способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Статья 24 Закона о контрактной системе устанавливает исчерпывающий перечень способов определения поставщика (подрядчика, исполнителя), включающий в себя:

1) конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) – конкурс, аукцион, запрос котировок и запрос предложений;

2) осуществление закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Муниципальный заказчик, выбирая способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), всегда должен руководствоваться требованиями, установленными законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Нарушение данных требований влечет наложение административного наказания в форме административного штрафа.

Следует отметить, что правонарушения, предусмотренные статьями 7.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), посягают на порядок, устанавливающий определенные ограничения при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Установление данных ограничений способствует обеспечению эффективного использования средств бюджетов, в нашем случае речь идет о средствах муниципального бюджета, и внебюджетных источников финансирования, расширению возможностей физических и юридических лиц, как участников муниципальных закупок, повышению интереса у названных лиц к участию, развитию добросовестной конкуренции, повышению качества деятельности муниципальных заказчиков в сфере размещения заказов, обеспечению открытости и прозрачности

размещения заказов, а самое главное, предотвращению коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов.

Поэтому очень важно сейчас поговорить о том, какие же нарушения законодательства РФ о контрактной системе, наиболее часто допускаемые в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг, можно отнести к данной группе.

1.1. Нарушение установленных законодательством РФ о контрактной системе требований при принятии решения о способе определения поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе решения о закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Довольно часто встречающимися нарушениями, отнесенными к данной подгруппе, являются:

1) осуществление закупки товаров, работ, услуг у единственного поставщика с превышением годового объема закупок, установленного пунктом 4 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе, а именно годовой объем закупок, которые вправе осуществить заказчик, не должен превышать 2 000 000 рублей или не должен превышать 10% совокупного годового объема закупок заказчика и не должен составлять более чем 50 000 000 рублей;

2) осуществление закупки товаров, работ, услуг у единственного поставщика путем заключения разового договора на сумму, превышающую 600 000 рублей;

3) заключение муниципального контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) при отсутствии правовых оснований;

4) заключение контракта с нарушением пункта 25 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) без согласования с контрольным органом в сфере закупок, когда такое согласование требуется;

5) осуществление закупки товаров, работ, услуг путем проведения запроса котировок с начальной (максимальной) ценой контракта, превышающей 500 000 руб., то есть с нарушением части 2 статьи 72 Закона о контрактной системе.

За совершение данного вида нарушений санкцией части 1 статьи 7.29 КоАП РФ для должностных лиц предусмотрено административное наказание в форме административного штрафа в размере 30 000 рублей.

Проанализировав статистические данные отдела контроля закупок Хабаровского УФАС России о выявленных нарушениях законодательства РФ о контрактной системе, касающихся принятия решения о способе определения поставщика (подрядчика, исполнителя), мы наблюдаем следующее:

За 2017 год на основании части 1 статьи 7.29 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 5 административных дел, по 1 из которых выдано постановление о наложении штрафа на общую сумму 30 000 рублей.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 3 административных дела, по которым выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 90 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 4 административных дела, по 2 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 60 000 рублей.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России возбуждено 7 административных дел, по 2 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 60 000 рублей.

2. Нарушения, связанные с информационным обеспечением заказов.

Законом о контрактной системе установлены единые требования к порядкам и срокам размещения информации о проведении закупок в единой информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС). Перечень обязательной для содержания в ЕИС информации установлен частью 3 статьи 4 Закона о контрактной системе. Так, обязательное содержание информации о закупках, предусмотренной Законом о контрактной системе, зафиксировано пунктом 5 части 3 статьи 4 Закона о контрактной системе.

Теперь подробнее разберем, какие же нарушения законодательства о контрактной системе, допускаемые в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг можно отнести к данной группе.

1 О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652; Российская газета. – 2020. – № 92.

2.1. Нарушение сроков размещения в ЕИС информации и документов, размещение которых предусмотрено законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок.

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного частью 1.3 статьи 7.30 КоАП РФ касается непосредственно процедуры проведения таких закупок, как запрос котировок, запрос предложений, закупка у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Наиболее распространенными нарушениями, относящимися к данной подгруппе, являются случаи нарушения сроков размещения в ЕИС (более чем на один рабочий день) документации о закупке, протоколов, составленных в ходе осуществления закупки, отчетов об исполнении контракта, иных документов, относящихся к закупке, размещение которых является обязательным.

За совершение данного вида нарушений санкцией части 1.3 статьи 7.30 КоАП РФ предусмотрено административное наказание в форме административного штрафа: на должностных лиц в размере 15 000 рублей, на юридических лиц – 50 000 рублей.

Так, за 2017 год на основании части 1.3 статьи 7.30 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 5 административных дел, по 2 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 30 000 рублей.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 6 административных дел, после рассмотрения которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 125 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 6 административных дел, по 5 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 75 000 рублей.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России на основании части 1.3 статьи 7.30 КоАП РФ возбуждено не было.

2.2. Нарушение предусмотренных законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок требований размещения в ЕИС или направления оператору электронной площадки информации и документов, подлежащих размещению, направлению, нарушение порядка предоставления конкурсной документации или документации об аукционе, порядка разъяснения положений такой документации, порядка приема заявок на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), окончательных предложений.

За совершение данного вида нарушений санкцией части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ предусмотрено административное наказание в форме административного штрафа: на должностных лиц в размере 15 000 рублей, на юридических лиц – 50 000 рублей.

Так, за 2017 год на основании части 1.4 статьи 7.30 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 76 административных дел, по 49 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 770 000 рублей.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 71 административное дело, по 64 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 1 010 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 47 административных дел, по 35 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 525 000 рублей.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России возбуждено 6 административных дел, по 4 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 60 000 рублей.

2.3. Неразмещение в ЕИС информации и документов, размещение которых предусмотрено законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок.

Здесь необходимо отметить, что неразмещение в ЕИС информации и документов, размещение которых предусмотрено законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок, и нарушение сроков размещения в ЕИС аналогичной информации и документов, о котором уже было сказано нами чуть ранее, представляют собой совершенно два разных состава административных правонарушений, от чего в первую очередь зависит размер административного штрафа.

Так за неразмещение в ЕИС указанной выше информации санкцией части 3 статьи 7.30 КоАП РФ предусмотрено административное наказание в форме административного штрафа в наиболее крупных размерах: на должностных лиц в размере 50 000 рублей, на юридических лиц – 500 000 рублей.

За 2017 год на основании части 3 статьи 7.30 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 15 административных дел, по 4 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 200 000 рублей.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 8 административных дел, по 6 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 300 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 3 административных дела, по 2 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 100 000 рублей.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России возбуждено 1 административное дело, по которому выдано постановление о наложении штрафа на сумму 50 000 рублей.

2.4. Нарушение предусмотренных законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок требований при утверждении конкурсной документации, документации об аукционе, документации о проведении запроса предложений, при определении содержания извещения о проведении запроса котировок.

Санкцией части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ для должностных лиц предусмотрено административное наказание в форме административного штрафа в достаточно небольшом размере – 30 000 рублей.

На наш взгляд, как следствие небольшого штрафа за данный вид нарушений законодательства РФ о контрактной системе, вытекает регулярность совершения данного правонарушения.

Так, за 2017 год на основании части 4.2 статьи 7.30 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 27 административных дел, по 20 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 60 000 рублей.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 121 административное дело, по 86 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 255 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 35 административных дел, по 30 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 90 000 рублей.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России возбуждено 17 административных дел, по которым выданы постановления о наложении штрафа на сумму 53 000 рублей.

3. Нарушения, связанные непосредственно с заключением и изменением муниципальных контрактов.

В соответствии части 1 статьи 34 Закона о контрактной системе контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается контракт.

Исключение составляют случаи, когда извещение об осуществлении закупки или приглашение принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), документация о закупке, заявка, окончательное предложение не предусмотрены².

В противном случае изменение условий контракта, а также увеличение цен товаров, работ, услуг, если такая не предусмотрена законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок, влечет за собой привлечение заказчика к административной ответственности путем наложения административного штрафа: на должностных лиц в размере 20 000 рублей, на юридических лиц – 200 000 рублей.

Так, за 2017 год на основании части 4 статьи 7.32 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 14 административных дел, по 8 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 240 000 рублей.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 37 административных дел, по 35 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 2 660 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 13 административных дел, по которым выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 1 340 000 рублей.

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1; Российская газета. – 2020. – № 92.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России возбуждено 11 административных дел, по 3 из которых выданы постановления о наложении штрафа на сумму 140 000 рублей.

Нарушения, связанные с исполнением муниципальных контрактов.

Почему так важно, говоря о нарушениях законодательства о контрактной системе, допускаемых в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг, уделить внимание и вышеупомянутому виду нарушений законодательства РФ о контрактной системе? Ответ очевиден. Потому что именно надлежащее, своевременное и качественное исполнение муниципального контракта является результатом проведенной на основании Закона о контрактной системе закупки, так как именно выполненный муниципальный контракт подтверждает как конкурентоспособность организации, способствуя ее финансовой устойчивости, так и ответственность и организованность самого муниципального заказчика.

Довольно часто случаются ситуации последующего ненадлежащего исполнения муниципального контракта со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя) или вовсе его неисполнения, вследствие чего не только нарушаются запланированные муниципальным заказчиком сроки, но и в некоторых случаях заказчик несет излишние потери и затраты средств, что негативно отражается на муниципальном бюджете.

Небольшая ошибка может привести к попаданию организации, ставшей победителем в закупке и с которой по окончании закупки заключен муниципальный договор, в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (далее – РНП) и лишить самого контракта.

И сразу на основании вышесказанного у муниципального заказчика возникает обязанность своевременного направления в орган, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, информации, подлежащей включению в РНП.

Своевременность направления определяется положениями статьи 104 Закона о контрактной системе и Правилами ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), утвержденных постановлением Правительства РФ от 25.11.2013 № 1062 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)».

Ненаправление или несвоевременное направление такой информации в соответствующий орган влечет за собой привлечение должностных лиц к административной ответственности с наложением административного штрафа в размере 20 000 рублей.

Помимо вышесказанного объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 7.31 КоАП РФ, также включает в себя:

1) непредставление, несвоевременное представление в федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта РФ, орган местного самоуправления, уполномоченные на ведение реестра контрактов, заключенных заказчиками, реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну, информации (сведений) и (или) документов, подлежащих включению в такие реестры контрактов, если направление, представление указанных информации (сведений) и (или) документов являются обязательными в соответствии с законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок;

2) представление, направление недостоверной информации (сведений) и (или) документов, содержащих недостоверную информацию.

Изучив статистику отдела контроля закупок Хабаровского УФАС России, мы видим следующее:

За 2017 год на основании части 2 статьи 7.31 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 18 административных дел, по 17 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 340 000 рублей.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 34 административных дела, по 33 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 660 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 44 административных дела, по 42 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 840 000 рублей.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России возбуждено 39 административных дел, по 33 из которых выданы постановления о наложении штрафа на сумму 660 000 рублей.

5. Нарушения, связанные с оплатой товаров (работ, услуг).

Статья 7.32.5 КоАП РФ как раз таки устанавливает в отношении должностных лиц заказчика административную ответственность в виде административного штрафа в размере от 30 000 до 50 000 рублей, а в случае совершения аналогичного административного правонарушения – дисквалификации на срок от одного года до двух лет, за нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения муниципальных нужд, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного муниципальным контрактом.

Представим статистику отдела закупок Хабаровского УФАС России о выявленных нарушениях законодательства о контрактной системе, относящихся к данной группе:

За 2017 год на основании статьи 7.32.5 КоАП РФ Хабаровским УФАС России возбуждено 2 административных дела, но вскоре они были прекращены.

За 2018 год Хабаровским УФАС России возбуждено 29 административных дел, по 25 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 720 000 рублей.

За 2019 год Хабаровским УФАС России возбуждено 42 административных дела, по 36 из которых выданы постановления о наложении штрафа на общую сумму 1 080 000 рублей.

За период с 1 января по 30 июня 2020 года Хабаровским УФАС России возбуждено 21 административное дело, по 18 из которых выданы постановления о наложении штрафа на сумму 540 000 рублей.

Подводя итоги, необходимо сказать, что проанализировав статистические данные отдела закупок Хабаровского УФАС России о выявленных нарушениях законодательства РФ, допущенных в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг, мы пришли к выводу, что с каждым годом количество допускаемых нарушений законодательства РФ о контрактной системе при заключении муниципальных контрактов остается стабильно высоким, свидетельствуя о том, что на сегодняшний день существует и до сих пор остается актуальной проблема неисполнения и ненадлежащего исполнения законодательства РФ о контрактной системе в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг со стороны должностных лиц заказчика, должностных лиц уполномоченного органа, должностных лиц уполномоченного учреждения, специализированных организаций.

На наш взгляд в таком случае возникает острая необходимость в более строгом реагировании на такое неподчинение должностных лиц заказчика, должностных лиц уполномоченного органа, должностных лиц уполномоченного учреждения, специализированных организацией законодательству РФ о контрактной системе.

В целях решения поднятой нами проблемы мы бы хотели предложить следующие пути решения:

1. внесение изменений в санкции статей КоАП РФ, предусматривающих привлечение должностных лиц заказчика, должностных лиц уполномоченного органа, должностных лиц уполномоченного учреждения, специализированных организаций к административной ответственности, а именно увеличение размеров административных штрафов, так как исходя из приведенной нами статистики Хабаровского УФАС России о наиболее часто встречающихся нарушениях законодательства о контрактной системе, допускаемых в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг, напрашивается вывод о том, что предусмотренные на сегодняшний день размеры административных штрафов «не страшны» для вышеупомянутых лиц, а, следовательно, такие размеры не способны решить проблему неисполнения и ненадлежащего исполнения законодательства РФ о контрактной системе;

2. аннулирование закупки, находящейся как на стадии проведения, так и на стадии подписания муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг.

На наш взгляд предложенные нами пути решения проблемы неисполнения и ненадлежащего исполнения законодательства РФ о контрактной системе в области заключения муниципального контракта в сфере закупок товаров, работ и услуг со стороны должностных лиц заказчика, должностных лиц уполномоченного органа, должностных лиц уполномоченного учреждения, специализированных организаций являются реальными и более эффективными.

АБДУЛВАГАПОВ Вильнур Ракифович

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, юристконсульт отдела по правовому обеспечению деятельности Общества и его структурных подразделений Правового управления ООО «Газпром трансгаз Казань»

ПОНЯТИЕ ВИНЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Российское частное право институту вины всегда придавало и придает особое значение. Вместе с тем, несмотря на разработанность обозначенной проблематики, остается достаточно много вопросов, требующих отдельного и тщательного изучения. В частности, в период быстротечного развития экономических отношений, развития предпринимательской деятельности, в том числе в период пандемии, вновь встает вопрос о понятийной сущности категории «вина». В этой связи, настоящая статья посвящена исследованию данного понятия, в ходе которого автор представляет собственную научно-обоснованную позицию на искомую дефиницию применительно к субъектам предпринимательской деятельности, а также предпринимает попытку разработки как общей конструкции модели вины, так и в отношении предпринимателей.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, вина, действие (бездействие), воля, предприниматели, субъекты предпринимательской деятельности, субъекты экономической деятельности, ответственность без вины.

ABDULVAGAPOV Vilnur Rakifovich

postgraduate student of Civil and business law sub-faculty of the V. G. Timiryasov Kazan Innovation University, legal adviser of the legal support Department of the Company and its structural divisions of the legal Department of «Gazprom transgaz Kazan LLC»

THE NOTION OF ENTREPRENEURS' GUILT AS SUBJECTS OF ECONOMIC ACTIVITY

Russian private law has always given and attaches special importance to the institution of guilt. However, despite the development of this problem, there are still many issues that require separate and careful study. In particular, in the period of rapid development of economic relations, the development of business activities, including during the pandemic, the question of the conceptual essence of the «guilt» category arises again. In this regard, this article is devoted to the study of this concept, in which the author presents his own scientific and reasonable position on the sought definition in relation to business entities, as well as attempts to develop the design of the model of «entrepreneurs' guilt».

Keywords: civil liability, guilt, action (inaction), will, entrepreneurs, business entities, subjects of economic activity, responsibility without guilt.

Происходящее в последнее время реформирование действующего законодательства затронуло все сферы жизни современного общества, и, в первую очередь, экономику. Много корректив в отношении правового регулирования экономического оборота и его субъектов было внесено и в гражданское законодательство. Основная цель новых дополнений и изменений – это совершенствование механизма защиты законных интересов субъектов экономической деятельности, позволяющего им, действуя добросовестно, беспрепятственно осуществлять свои права, не допуская их использования в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке. И, поскольку целью любой экономической деятельности является получение прибыли, в первую очередь, сказанное относится к субъектам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, т.е. к предпринимателям, чье правовое положение, признаем, является достаточно не простым. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, в соответствии с п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), данным субъектам предоставлено право заниматься самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг¹. Вместе с тем, с другой стороны, стимулируя инициативу субъектов хозяйственной деятельности, законодатель, провозглашая принцип свобо-

ды договора, расширил основания возникновения гражданско-правовой ответственности, предусмотрев возможность ее наступления для данных субъектов и без вины, тем самым ставя под удар, как самих предпринимателей, так и их бизнес. Особенно остро данный аспект встал в период пандемии, когда практически вся экономика была парализована. Поэтому, несмотря на то, что согласно устоявшейся догме о гражданско-правовой ответственности, вина признана основным условием ее наступления, на практике достаточно часто встречаются случаи наступления гражданско-правовой ответственности и без вины. В этой связи, полагаем, исследование сущности правовой категории «вина» является необходимым, и представляет определенный интерес как с точки зрения дальнейшего развития учения о гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности, так и с точки зрения практики применения. Соответственно, настоящая статья посвящается раскрытию понятия «вины» и проявления ее особенностей у субъектов предпринимательской деятельности.

Поскольку в настоящей статье мы не можем осветить все научные позиции российских правоведов на искомую категорию, мы свое исследование основываем лишь на некоторых взглядах ученых, представляющих для нашего исследования несомненную ценность.

Так, Г.Н. Шевченко, признавая вину субъективным условием юридической ответственности, определяет ее как «непринятие всех необходимых мер для надлежащего ис-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая, третья, четвертая) (с изменениями) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410; 2001. – № 49. – Ст. 4553; 2006. – № 52 (Часть I). – Ст. 5496.

полнения обязательства»². Следует отметить, что свою позицию ученый рассматривает сквозь призму достаточно устоявшегося и распространенного в теории гражданского права понятия вины как психического отношения лица к совершенному им противоправному действию и наступившим последствиям³. Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что Г.Н. Шевченко данное понятие связывает лишь со случаями неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Однако, с нашей позиции, такое восприятие вины достаточно узкое, поскольку оснований наступления гражданско-правовой ответственности значительно больше.

В этой связи, интересно мнение Н.Д. Егорова, считающего, что вина представляет собой «такое психическое отношение лица к своему противоправному поведению, в котором проявляется пренебрежение к интересам общества или отдельных лиц»⁴. Такое определение вины, обосновывает автор, в равной мере подходит и к физическим, и юридическим лицам. Учитывая, что юридическое лицо представляет собой организационное единство, его вина, аргументирует Н.Д. Егоров, проявляется «через виновное поведение работников соответствующей организации при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей, поскольку действия работников должника по исполнению обязательства признаются действиями самого должника (ст. 402 ГК РФ)»⁵. Таким образом, Н.Д. Егоров, как и Г.Н. Шевченко, поддерживая теорию о вине как психическом отношении субъекта к совершаемому деянию, предпринимает попытку сформулировать так определение вины, что данную дефиницию возможно применить как к любым (не только к случаям неисполнения обязательств), основаниям возникновения гражданско-правовой ответственности, предусмотренных гражданским законодательством, так и ко всем субъектам экономического оборота.

Однако наше исследование было бы не объективным, если мы не обратим внимание на то, что не все ученые придерживаются такое понимание категории «вина».

Ставя под сомнение признанное положение о вине как психическом отношении лица к своему противоправному поведению и его результату, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский обосновывают «чуждый» характер данной концепции для науки гражданского права. «Для оценки вины должника, – убеждены ученые, – не имеют никакого правового значения индивидуальные качества должника и тем более его «психические переживания» в связи с совершенным им правонарушением. Вместо этого используется абстрактная модель ожидаемого поведения в той или иной ситуации разумного и добросовестного участника имущественного оборота»⁶. Следует отметить, что концепцию вины ученые выработали, как и Г.Н. Шевченко, лишь в рамках обязательства. Вместе с тем считаем, что ее целесообразно применить и к иным правоотношениям.

Теорию М.И. Брагинского и В.В. Витрянского поддерживает также и Б.И. Пугинский, придя к справедливому выводу о том, что «вина должна пониматься не как акт созна-

ния, а в качестве характеристики деятельности нарушителя в конкретных условиях ее осуществления»⁷.

Поддерживая позицию ученых, не признающих вину как акт сознания и психического отношения лица к совершенному действию, подтверждая возможность наступления гражданско-правовой ответственности без вины, можно привести следующий пример из судебной практики о признании ответчика виновным за неисполнение в срок работ по сервисному обслуживанию. Несмотря на то, что в ходе судебного заседания был установлен факт выполнения ответчиком работ в полном объеме, суду не был предоставлен акт сдачи-приемки выполненных работ как доказательство своевременного исполнения обязательства по договору, поскольку не по вине ответчика он был не подписан заказчиком⁸. В приведенном примере мы не наблюдаем психического отношения ответчика к своему неправомерному поступку, потому как им, в соответствии с заключенным договором, предоставлены доказательства исполнения всех видов работ по сервисному обслуживанию. Однако ответчик не смог предоставить акт сдачи-приемки выполненных работ (услуг), что и послужило в силу закона основанием для наступления гражданско-правовой ответственности ответчика ввиду неисполнения обязательства в срок.

Е.А. Суханов стоит на иной позиции. Ученый раскрывает понятие вины, основываясь на положении абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ. В связи с чем, приходит к выводу Е.А. Суханов: «виной в гражданском праве следует признавать неприятие правонарушителем всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения, необходимости при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру лежащих на нем обязанностей и конкретным условиям оборота»⁹.

Интересно положение, предложенное В.В. Гарамитой о том, что «вина юридического лица – это конструкция гражданского права, которая определяет наличие индивидуально не конкретизированных нарушений в деятельности юридического лица, которые повлекли за собой наступление неблагоприятных имущественных либо личных неимущественных последствий и, как следствие, гражданско-правовую ответственность»¹⁰. Вместе с тем, по нашему мнению, данная дефиниция достаточно несовершенна в силу того, что, во-первых, она касается лишь определенного субъекта гражданского оборота – юридического лица, во-вторых, затрагивает деятельность юридического лица в целом. Из этого определения не вытекает и понятие вины юридического лица как субъекта конкретного гражданского правоотношения. По сути, как нам представляется, данное определение достаточно абстрактно. Без сомнения, В.В. Гарамита обосновывает, что вина юридического лица обладает рядом специфических признаков, что отличает ее от вины физического лица. Однако если следовать данной логической цепи, то вина предпринимателя – юридического лица должна отличаться от вины

2 См.: Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – С. 968-970.

3 См., например: Советское гражданское право: учебник. Том 1. / Под ред. О.А. Красавчикова; издание третье, исправлен. и дополнен. – М.: Высшая школа, 1985. – С. 520.

4 Гражданское право. Учебник. Часть I. / Под ред. проф. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М.: Издательство ТЕИС, 1996. – С. 498.

5 См.: Гражданское право. Указ. учебник под ред. проф. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – С. 498.

6 См.: Брагинский М.Н., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – С. 755.

7 Пугинский Б.И. Избранные труды: сборник к 75-летию юбилею / вступит. ст. В.А. Томсинова; составители – коллектив преподавателей кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – С. 141.

8 Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24 апреля 2017 г. по делу № А40-207551/2016 по иску Министерства обороны РФ к ПАО «Туполев» // Материалы судебной практики. – [сайт]: Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/10sijj6MscZk/> (дата обращения: 22.04.2020 г.).

9 Гражданское право: в 4 т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтер Клувер, 2005. – С. 608.

10 Гарамита В.В. Вина как основание гражданско-правовой ответственности: Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. – М., 2008. – С. 7.

предпринимателя – физического лица. Вместе с тем, нельзя не отметить, что деятельность, осуществляемая предпринимателями как юридическими, так и физическими лицами с целью извлечения прибыли, обладает едиными признаками, наличие которых позволяет ее признать предпринимательской. Также правила п. 3 ст. 23 ГК РФ, прямо указывают на то, что к деятельности индивидуальных предпринимателей применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность коммерческих юридических лиц, за исключением случаев, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения. Исходя из сказанного, вывод напрашивается один: не может понятие вины предпринимателя – юридического лица отличаться от понятия вины предпринимателя – индивидуального предпринимателя, т.е. физического лица, зарегистрированного в качестве предпринимателя в порядке, установленном законом. Следовательно, при выработке определения категории «вина» необходимо исходить из единого ее понимания.

Таким образом, вышесказанное позволяет нам сформировать свою позицию на понятие вины как условия наступления гражданско-правовой ответственности вообще, и предпринимателя, в частности.

Итак, изложенные нами концептуальные положения о вине, помогли нам прийти к выводу о том, что в теории гражданского права признано два основных подхода к понятию искомой категории. Первая точка зрения основана на том, что вина – это психическое отношение субъекта к совершенному противоправному деянию, вторая – что это действия лица, повлекшие неблагоприятные последствия. Для формирования авторского видения, рассмотрим каждую из названных позиций, которые требует определенного пояснения.

Как следует из анализа специальной литературы, понятие психического отношения представляет «внутреннюю сторону связи человека с действительностью, содержательно характеризующую личность как активного субъекта с его избирательным характером внутренних переживаний и внешних действий, направленных на различные стороны объективной действительности»¹¹. Деятельность и поведение одной и той же личности в каждый данный момент, утверждает В.Н. Мясичев, определяются «ее отношениями к различным сторонам действительности»¹². Таким образом, психическое отношение свойственно, в первую очередь, личности, а не, например, юридическому лицу как субъекту гражданского оборота.

Как отмечается правоведами, категория «личность с точки зрения психологии и философии – это субъект общественных отношений, обладающий определенным уровнем психического развития»¹³. Следовательно, как справедливо указывает Е.А. Суханов, «признание субъектами гражданского права только личностей, означало бы не признание субъектами людей, которые не обладают качествами личности»¹⁴. Соответственно, психическое отношение к действию находится вне плоскости гражданско-правового регулирования. Только внешнее проявление воли и сознания посредством действия (бездействия) регулируется нормами гражданского законодательства.

В этой связи, мы поддерживаем мнение ученых о том, что вина есть субъективное условие наступления граждан-

ско-правовой ответственности, но, вместе с тем, полагаем, что тезис «вина – психическое отношение субъекта к своим действиям» недостаточно убедителен, поскольку, во-первых, гражданско-правовая ответственность может наступить и без вины, как и то, что вина может наступить и помимо осознания того, что совершаемые действия неправомерны, они нарушают права и интересы других лиц. Во-вторых, с учетом того, что психическое отношение к тому или иному действию более характерно для личности, полагаем, не корректно о вине как психическом отношении субъекта к совершенному противоправному деянию применительно к конструкции юридического лица.

Поэтому своё убеждение о сущности «вины» в гражданском праве, мы строим на положении о том, что вина характеризует действие (бездействие), совершаемое субъектом, результатом которого является нарушение права. Считаем, что такое понимание вины обуславливает возможность ее наступления как для предпринимателей (юридических и физических лиц), для которых ответственность может наступить и при отсутствии вины, так и для иных субъектов экономической деятельности. Причем, как следует из положений п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», бремя доказывания виновного поведения лежит на лице, его совершившем¹⁵. Также хотелось бы отметить, что, характеризуя понятие вины, мы намерено, не говорим о противоправном действии лица, поскольку, как нами указывалось ранее, вина может наступить не только из такого рода действий.

Итак, принимая за основу тезис о том, что вина характеризует действие (бездействие) лица, результатом которого является нарушение права, считаем, что основной элемент содержания вины в гражданском праве – волевой. Под волей в науке гражданского права признано «детерминированное и мотивированное желание лица достичь поставленной цели»¹⁶. Соответственно воля является регулятором действий субъектов гражданского оборота, субъектов предпринимательской деятельности. Следовательно, вина – это внешнее проявление волевого действия (бездействия) субъекта, результатом которого является нарушение права. Таким образом, волевой признак определяет характер поведения предпринимателя, в результате которого было осуществлено нарушение прав, а вина отражает характер его поведения, результатом которого является нарушение права. Объективности ради, провозглашая данный тезис, хотелось бы обратить внимание на то, что в науке гражданского права в той или иной степени уже указывали на то, что вина отражает характер поведения субъекта. Так, в частности, Ю.А. Голубцова, говоря о дуализме подходов к юридическому конструированию вины в гражданском праве, обращает наше внимание на два основных подхода: «поведенческий – вина как непринятие мер и психологический – вина как желание или предвидение»¹⁷.

Таким образом, вышесказанное нами позволяет предпринять попытку представить конструкцию модели «вины», как условия наступления гражданско-правовой ответственности. Для полной ясности понятия конструкции модели вины, следует обратиться к характеристике сущности юридических

11 Психические функции и отношения в кн.: Мясичев В.Н. Психология отношений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychology.vuzlib.su/book_0311_page_16.html (дата обращения: 2.04.2020 г.).

12 См.: Там же.

13 Гражданское право: Указ. учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – С. 137.

14 Там же.

15 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015 – № 8.

16 Гражданское право: Указ. учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – С. 440.

17 См.: Голубцова Ю.А. Юридическая конструкция вины в Российском гражданском праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. – Казань, 2015. – С. 12.

конструкций, данное С.С. Алексеевым. Как справедливо отмечает автор, «юридические конструкции представляют собой особые соединения (построения, модели) гражданских субъективных прав и обязанностей той или иной разновидности, оснований их возникновения, гарантий, мер защиты, других санкций и элементов, обеспечивающих необходимое и рациональное регулирование данной разновидности отношений, входящих в предмет гражданского права, и достижений фактической реализации прав и обязанностей»¹⁸. С нашей точки зрения преобразование категории «вины» в юридическую конструкцию, модель позволит более точно и четко охарактеризовать искомое понятие как условия возникновения гражданско-правовой ответственности субъектов экономической деятельности, в том числе предпринимателей.

Полагаем, данная конструкция должна включать в себя несколько моделей. Это обусловлено как многообразием экономических отношений, складывающихся между субъектами гражданского оборота, так и правовым положением этих субъектов права. Поэтому, мы считаем, следует выделять общую модель, характерную для всех субъектов гражданского оборота, в том числе и предпринимателей. Для такой модели характерно то, что совершенные действия признаются виновными лишь в случае, если субъект осознает факт совершения им противоправности. Иными словами, осознание вины вследствие совершенных действий происходит «в рамках воли и сознания» субъекта их совершивших.

Иная модель характерна только для предпринимателей, когда гражданско-правовая ответственность, в соответствии со ст. 401 ГК РФ, может наступить и без наличия вины. Причем данная конструкция также не однотипна. В одном случае субъект может осознавать, что своими действиями (или бездействием) он нарушил права, однако воли, направленной на совершение действия (бездействия), результатом которого является нарушение права, у него нет. В другом случае гражданско-правовая ответственность наступает без вины предпринимателя, т.е. субъект не осознает, что следствием совершенных им действий является нарушение права, при этом ни воли, ни сознания направленных на совершение противоправного действия (бездействия) у него нет.

Таким образом, представленная конструкция моделей вины еще раз убеждает нас в том, что волевой признак при определении вины как условия возникновения гражданско-правовой ответственности является основным. Именно он определяет характер поведения предпринимателя как субъекта экономической деятельности, в результате которого было осуществлено нарушение права, вина же отражает характер поведения этого субъекта, результатом которого является нарушение права.

Итак, в заключении хотелось бы отметить, что выработанное нами понимание вины как субъективного условия наступления гражданско-правовой ответственности, позволяет обосновать наступление гражданско-правовой ответственности применительно, во-первых, ко всем видам правоотношений, урегулированных нормами гражданского права, во-вторых, ко всем субъектам гражданского оборота, как юридическим, так и физическим лицам. А предложенные модели конструкции вины четко определяют возможность ее наступления как для предпринимателей, так и для иных субъектов гражданского оборота. Более того, выявленная специфика модели вины предпринимателя показывает возможность наступления гражданско-правовой ответственности и без вины, что является важным не только в науке

гражданского и предпринимательского права, но и в отраслевой практике.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) (с изменениями) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410; 2001. – № 49. – Ст. 4553; 2006. – № 52 (Часть I). – Ст. 5496.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015 – № 8.
3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24 апреля 2017 г. по делу № А40-207551/2016 по иску Министерства обороны РФ к ПАО «Туполев» // Материалы судебной практики. Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/arbitral/doc/1osiij6MscZk/> (дата обращения: 22.04.2020 г.).
4. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 8. Учебники и учебные пособия: Гражданское право. Раздел первый, Общие положения. – М.: Статут, 2010. – 480 с.
5. Брагинский М.Н., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 847 с.
6. Гарамита В.В. Вина как основание гражданско-правовой ответственности: Автореф. дис. канд.юрид. наук. – М., 2008. – 20 с.
7. Голубцова Ю.А. Юридическая конструкция вины в Российском гражданском праве: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Казань, 2015. – 30 с.
8. Гражданское право. Учебник. Часть I. / Под ред. проф. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. – М.: Издательство ТЕИС, 1996. – 552 с.
9. Гражданское право: в 4 т. Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтер Клаувер, 2005. – 720 с. – (Серия «Классический университетский учебник»).
10. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – 1008 с.
11. Психические функции и отношения в кн.: Мясичев В.Н. Психология отношений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychology.vuzlib.su/book_0311_page_16.html (дата обращения 2.04.2020 г.).
12. Пугинский Б.И. Избранные труды: сборник к 75-летию юбилею / Б.И. Пугинский; вступит. ст. В.А. Томсинова; составители – коллектив преподавателей кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 522 с. – Серия: Антология мысли.
13. Советское гражданское право: учебник. Том 1. / Под ред. О.А. Красавчикова; издание третье, исправлен. и дополнен. – М.: Высшая школа, 1985 – С. 544.

¹⁸ Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 8. Учебники и учебные пособия: Гражданское право. Раздел первый. Общие положения. – М.: Статут, 2010. – С. 418.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

МИКРОТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА И ИХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с внесением в гражданское законодательство определения микротранспортных средств. Решения проблем ответственности за причинение вреда с участием собственников девайсов. Характеризуется техническая особенность микротранспорта, их скоростные характеристики и практика применения и рассматривания происшествий, связанных с их участием.

Ключевые слова: гражданское законодательство, транспортное средство, девайс, гироскутер, самокат, велосипед, оказание услуг, перевозки, доставка.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of Public Servants of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of Public Servants of the Academy of the FPS of Russia

MICROTRANSPORT VEHICLES AND THEIR CIVIL STATUS

The article deals with issues related to the introduction of the definition of microtransport vehicles in civil legislation. Solutions to the problems of liability for harm with the participation of device owners. It describes the technical features of microtransports, their speed characteristics and the practice of applying and reviewing incidents involving them.

Keywords: civil legislation, vehicle, device, gyroscooter, scooter, Bicycle, services, transportation, delivery.

Практически у каждого из нас в детстве был велосипед. Отличное средство для активного отдыха. С возрастом многие не отказываются от подобного удовольствия, только наш любимый двухколесный друг трансформировался в дорогостоящее средство, имеющее характерный спортивный дизайн, переключение передач для нескольких скоростей, тормозную систему и много нового и интересного. Рассмотрим, например, модель, созданную британским разработчиком Клайвом Синклером. Разработанный им A-Vike для быстрого и легкого передвижения в условиях города является самым легким и миниатюрным электровелосипедом в мире. В модели есть система двойного привода, благодаря которой можно двигаться не теряя скорости. Заряда одной батареи, питающей данный экземпляр, хватает на 25 километров.

Однако современные технологические разработки не остановились на модернизации одного из видов микро транспортного средства. Отечественные и зарубежные производители насыщают рынок микротранспортных средств все новыми и новыми моделями. Взять, к примеру, трехколесный скейтборд. Groundsurf является новейшей модификацией известного всем нам скейтборда, однако, он функционирует от литиево-ферритных батарей. Запас хода данного оригинального девайса составляет около 90 минут. Управлять данным устройством можно с собственного смартфона, к которому его можно подключить. Многие отдают предпочтение функциональным электронным моноциклам. Одним из лучших в данной области считается моноколесо Ninebot One. Кроме того, что модель оснащена гироскопом и системой мониторинга скорости, она может без подзарядки преодолеть расстояние до 30 км и двигаться при этом со скоростью 24 км/ч. Стоимость такого девайса варьируется от 18 тыс. руб. до нескольких сотен тысяч рублей.

В европейских странах подобные виды микротранспортных средств успешно заменяют передвижение граждан на небольшие расстояния в городе. На электрическом самокате или ситвее можно увидеть банковского служащего, спешащего на работу, а в Норвегии сам министр внутренних дел передвигается на велосипеде.

В России популярность микро транспорта также набирает обороты. Количество граждан, отдающих предпочтение ново-

модным и удобным девайсам, становится все больше, а вопросы регулирования передвижения, роли микротранспортных средств и их ответственности при причинении вреда, а также выделения отдельных полос (зон) для передвижения не решены и не решаются.

Обратим внимание на гражданское законодательство России. В Гражданском кодексе учреждены правовые нормы, определяющие виды отношений, которые возникают в результате осуществления транспортной деятельности. К ним относятся услуги в области перевозки грузов и пассажиров; перевозки транспортом общего пользования, прямого и смешанного сообщения; вопросы провозной платы; транспортные экспедиции; аренда транспортных средств; договор фрахтования и ответственность за вред, который причинен транспортным средством в форме источника повышенной опасности.

Если обратить внимание на нормы отечественного гражданского законодательства, то найти легальное определение транспортного средства не представляется возможным. С другой стороны имеется достаточно судебных решений, в которых суд ссылается на нормы отдельных правовых актов и определяет даже вид транспортного средства.

Наиболее часто используемым в этом направлении является Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ. В статье 2 данный закон дает определение транспортного средства как устройства, предназначенного для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Аналогичные определения предлагаются законодателем в Федеральном законе «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и в Правилах дорожного движения.

Однако, это не единственные легальные источники, на которые можно сослаться при определении механизма, на котором разрешено передвигаться. В Российской Федерации действует Общероссийский классификатор основных фондов, утвержденный Постановлением Госстандарта РФ от 26.12.2994 №359. В нем дается определение, которое больше подходит к микро транс-

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

портным средствам, и более широкое по своему объему, чем рассматриваемые ранее. По указанному классификатору транспортное средство - это средство передвижения, предназначенное для перемещения людей и грузов.

В группировке 1500000000 «Средства транспортные» можно найти все устройства, которые будут считаться транспортными средствами. По факту затрагиваемых в данных подгруппах признаков, микро транспортные средства можно было бы отнести к группе 153599000 Средства транспортные прочие, не включенные в другие группировки.

Определенно, урегулирование вопросов, связанных с данной категорией средств необходимо. Остановимся на ситуации, которая изменила отношения в обществе во всем мире. Пандемия COVID-19. Несмотря на повсеместную заболеваемость данным вирусом, введенные ограничения жизнедеятельности, люди не перестали употреблять пищу, выполнять отдельные виды работ и т.д. Многие, особенно лица старшего возраста, познакомились с услугой доставки продуктов питания и медикаментов на дом бесконтактным способом. Однако, доставку осуществляют такие же люди. Часто в городе можно увидеть представителей служб доставки на велосипедах, самокатах, роликовых коньках. Для обывателя всегда эти средства относились к спортивному инвентарю. В условиях ограничений они стали достаточно актуальными для использования службами доставки и т.д.

С увеличением количества данных средств на дорогах, увеличилось и количество ДТП с участием, например, велосипедистов. В ПДД четко прописано, что велосипед выступает полноценным транспортным средством. Законодательство РФ, в частности КоАП, не предусматривает наказания для владельцев этого ТС. Кодекс учитывает для этого объем двигателя и максимальную скорость, где нет параметров под велосипед.

Виновник в лице велосипедиста может понести ответственность согласно ГК РФ. Довольно распространены ситуации, когда велосипедист скрылся с места ДТП. Определить его личность или опознать по ТС практически невозможно. У него отсутствуют права или номер, как у автомобиля. Зафиксировать происшествие может только сотрудник ГИБДД. Если протокола с мультимедийным (видео) сопровождением места аварии не будет, взыскать с виновника возмещение ущерба невозможно, нужны доказательства. А повреждение авто придется устранять собственными силами¹.

По сводкам ГИБДД по России за январь-август 2020 года зафиксировано 4098 аварий с участием велосипедистов. В сравнении за 2019 год пострадало в ДТП 5369 водителей велотранспорта².

Интересной является ситуация с опубликованием Министрством транспорта проекта изменений в Правила дорожного движения от 20 апреля 2020 года. Основным новшеством этих изменений является введение нового термина - «средство индивидуальной мобильности».

Несмотря на планируемое улучшение дорожно-транспортной ситуации средства индивидуальной мобильности далее СИМ влекут достаточно большое количество проблем, которые могут привести к очень трудно прогнозируемым последствиям. Во-первых, в поправках прописано, что если гражданин передвигается на СИМ по окраине проезжей части, а это правила допускают при отсутствии велосипедной дорожке, то в случае создания таким участником аварийной ситуации и повреждения рядом находящихся автомобилей, то становится не понятным как привлекать такого участника к гражданско-правовой ответственности. А если виновнику данной ситуации не исполнилось и 14 лет? При этом необходимо понимать, что номерного знака у СИМ нет, поэтому никто и ни что не мешает такому нарушителю ретироваться и избежать какой-либо ответственности.

Во-вторых, надо понимать, что масштабы использования средств индивидуальной мобильности со временем будут только возрастать. И с учётом того что на них будут в основном перемещаться либо дети до 14 лет, либо молодежь в возрасте до 25 лет, то не сложно предположить, что количество происшествий с их участием будет увеличиваться. При этом необходимо брать во внимание тот факт, что для молодежи характерен очень резкий

стиль езды, желание получить новые впечатления, и все это вместе с не умением или не желанием думать о последствиях своих действий, может очень серьезно повлиять на статистику получения всевозможных увечий и травм. Одним из самых распространенных вопросов является проблема контроля всех происшествий с участием СИМ. Ведь надо полагать, что зафиксировать такое ДТП будет очень сложно, поэтому необходимо в поправку добавить пункт позволяющий зафиксировать нарушения с помощью специально для этого предназначенных технических средств фото или видео записи. При этом большинство пунктов правил как для велосипедистов, так и для пешеходов остаются только лишь номинальными, а реальный контроль за их соблюдением в полной мере отсутствует.

Кроме того, у нас в стране построено совсем не завидное количество велосипедных дорожек, по которым могут относительно безопасно передвигаться средства индивидуальной мобильности, что в свою очередь будет радикально увеличивать случаи наезда этих СИМ на обычных ни в чем не повинных пешеходов.

Еще остаются вопросы регулирования движения самокатов с сиденьем. Здесь речь идет о том, что по новым поправкам, если самокат снабжен электродвигателем мощностью 2 кВт и сиденьем, то это уже не какой-нибудь там рядовой самокат, а целый мопед, требующий получения водительского удостоверения на него. Проблема здесь заключается в том, кто и каким образом будет проверять наличие у данного самоката 2 соответствующего электродвигателя, ведь мощность двигателя может искусственно увеличить. А также представьте себе ситуацию, когда несовершеннолетний гражданин самостоятельно установил на данный СИМ сиденье. Кто в таком случае будет нести ответственность?

Вызывает большое количество вопросов и следующие обстоятельства. В новой редакции документа лица, которые планируют использовать средства индивидуальной мобильности для перемещения по дорожно-транспортному полотну должны соблюдать все обязанности водителя транспортного средства. Если учесть, что на СИМ могут встать малолетние дети, то как тогда на них можно возложить общие обязанности водителей транспортного средства?

Необходимо также отметить, что российская общественность достаточно настороженно относится ко всем этим поправкам. Так, например, представитель Общественной палаты на недавнем заседании по обсуждению вышеуказанных поправок заявил, что данные инновации достаточно сложны для понимания гражданами, а положение средств индивидуальной мобильности между велосипедистами и пешеходами вполне может вызывать дуальное их толкование. С этим трудно не согласиться. Также появляется большое количество вопросов, например, каким образом измерить скорость движения средств индивидуальной мобильности. Или же почему передвижение на моноколесе, которое само по себе не выглядит устойчивым, при этом может развивать весьма внушительную скорость, которую запрещено использовать на дороге, но при этом разрешается использовать на тротуарах, где движутся пенсионеры или дети, на которых можно наехать совершенно случайно и нанести им серьезные увечья. При этом процесс торможения на моноколесе не происходит мгновенно. Также появляется весьма актуальный вопрос, как выписывать штрафы лицам, которые передвигаются в нетрезвом состоянии.

Подводя итог необходимо отметить, что все-таки проблема средств индивидуальной мобильности обретает законодательную защиту, хотя и содержит в себе достаточно количество нерешенных вопросов. Конечно, практика во многом предоставит новую пищу для качественного улучшения ситуации как в целом на дорогах, так и в частности со средствами индивидуальной мобильности.

Пристатейный библиографический список

1. ДТП с велосипедистом: кто виноват, что делать, статистика и судебная практика в 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regalos-ru.turbopages.org/s/regalos.ru/dtp/avarii-s-velosipedistami.html> (дата обращения: 20.08.2020 года).
2. Климова Е.В. Аварийность велотранспорта на автомобильных дорогах РФ // Евразийский союз ученых. 2019. № 9 (66). С. 47-50.

1. ДТП с велосипедистом: кто виноват, что делать, статистика и судебная практика в 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regalos-ru.turbopages.org/s/regalos.ru/dtp/avarii-s-velosipedistami.html> (дата обращения: 20.08.2020 года).

2. Климова Е.В. Аварийность велотранспорта на автомобильных дорогах РФ // Евразийский союз ученых. 2019. № 9 (66). С. 47-50.

ГЛЕБОВА Екатерина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ДОВЕРЕННОСТИ В СВЕТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В статье рассматриваются вопросы применения гражданско-правовых институтов – представительства и доверенности как формы его реализации, в уголовно-исполнительной системе. Автором излагается несколько предложений по совершенствованию процедуры выполнения нотариальных функций начальниками исправительных учреждений при удостоверении доверенностей лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: доверенность, представительство, источник правового регулирования, нотариальная форма, юридическая помощь.

GLEBOVA Ekaterina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Civil law disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

Глебова Е. В.

IMPROVING THE INSTITUTIONS OF REPRESENTATION AND POWER OF ATTORNEY IN THE LIGHT OF THE INTERACTION OF CIVIL AND CRIMINAL LAW

The article deals with the application of civil law institutions-representation and power of attorney as a form of its implementation in the penal system. The author presents several suggestions for improving the procedure for performing notarial functions by the heads of correctional institutions when certifying powers of attorney to persons serving sentences in places of deprivation of liberty.

Keywords: power of attorney, representation, source of legal regulation, notarial form, legal assistance.

Анализируя нормативно-правовую базу, регулиующую взаимодействие институтов гражданского права и уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), необходимо обратить внимание на документы, определяющие стратегию развития институтов представительства и доверенности в России в настоящее время.

В силу ограничения свободы, лица отбывающие наказание в исправительных учреждениях не всегда имеют возможность лично принимать участие в конкретных правоотношениях, поэтому в таких ситуациях широко применяется институт представительства. Реализация прав посредством представительства находит отражение во многих нормативных актах.

Так, право пользования квалифицированной юридической помощью лицом в случае обращения в суд в связи с нарушением его прав и охраняемых законом интересов либо при привлечении его к уголовной или административной ответственности закреплено в ст. 48 Конституции РФ.

Пунктом 8 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ зафиксировано положение, регламентирующее право получения юридической помощи осужденными путем пользования услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи. Для получения юридической помощи осужденные имеют право на свидание с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание такой помощи.

Аналогичное право дублируется и Приказом Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений»¹. Согласно п. 13 «осужденные имеют право ...

пользоваться услугами адвокатов, иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи». Таким образом, уголовно-исполнительное законодательство предусматривает широкое использование института представительства.

Тем не менее, истоками института представительства, по мнению автора, выступает гражданское законодательство, в которое с 1 сентября 2013 года был внесен ряд значимых изменений в положения о представительстве и доверенности. Правовой формой реализации представительства выступает доверенность, в связи с чем необходимо остановиться на особенностях оформления доверенности в местах отбывания наказания.

Согласно легальной дефиниции, содержащейся в п. 1 ст. 185 ГК РФ, доверенностью признается письменное уполномочие, которое выдается одним лицом (представляемым) другому лицу (представителю) для представительства перед третьими лицами. Право на выдачу доверенности в полной мере распространяется на осужденных, кроме тех случаев, когда для совершения юридических действий требуется исключительно личное участие осужденного. В связи с этим на начальников мест лишения свободы возложены функции по совершению нотариальных действий. Гражданским кодексом в ст. 185.1 определены виды доверенностей на совершение сделок, для которых установлено соблюдение нотариального удостоверения для их действительности, а также определены случаи, когда доверенности приравниваются к нотариально удостоверенным. Систематический анализ подп. 3 п. 2 ст. 185.1 ГК РФ позволяет определить субъектный состав – начальник места лишения свободы и лица, находящиеся в этих местах, а также непосредственно само полномочие, приравненное по юридической силе к нотариальному – удостоверение доверенности.

В настоящее время нотариальные полномочия начальников мест лишения свободы сводятся к возможности удо-

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: Приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 (ред. от 01.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27 декабря 2016).

стоверять доверенности (подп. 3 п. 2 ст. 185.1 ГК РФ) и завещания (подп. 5 п. 1 ст. 1127 ГК РФ) лиц, находящихся в местах лишения свободы, где нет нотариусов. Нас интересует в рамках нашего исследования действия по удостоверению доверенностей. Такие доверенности в гражданском законодательстве именуются «приравненными к нотариальным».

Как отмечает Э. Ш. Хайдукова: «действия, совершаемые начальниками мест лишения свободы, связанные с удостоверением ими доверенностей и завещаний, относятся к квазинотариальной форме совершения нотариальных действий, носящих удостоверительный характер, целью которых является придать некий формально-законченный и официальный вид действиям путем облечения их в форму документа, обладающего повышенной доказательственной силой»².

К действиям нотариусов и начальника места лишения свободы предъявляются единообразные требования, закрепленные законодательством Российской Федерации. Таким образом, доверенности, удостоверенные начальником исправительного учреждения, не требуют дальнейшего оформления в нотариальном порядке.

На практике возникают сложности, связанные с выполнением нотариальных функций начальником мест лишения свободы. К сожалению, упомянутые должностные лица, не всегда обладают необходимым объемом знаний в области применения норм гражданского законодательства. Это в свою очередь приводит в последующем к признанию недействительности совершенных действий, так как допускаются нарушения требований относительно формы, содержания и порядка удостоверения доверенностей лиц, находящихся в местах лишения свободы.

В связи с изложенным, представляется обоснованным предложение по введению юридической подготовки в рамках повышения квалификации для начальников мест лишения свободы, которая способствовала бы грамотному применению действующего законодательства, обеспечению надлежащей защиты прав лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Такая подготовка положительно может повлиять на количество обращений в суд, в частности, с целью признания недействительной доверенности, удостоверенной в местах лишения свободы их начальниками.

Удостоверение доверенностей лиц, находящихся в местах лишения свободы осуществляется на основании положений Гражданского кодекса РФ и Инструкции о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы, утвержденной Министром юстиции СССР 14 марта 1974 г. № К-15/184. Инструкция действует в части, не противоречащей вышестоящим по юридической силе нормативно-правовым актам. Применение на сегодняшний день правового акта, которому более сорока лет, выглядит как минимум нелогичным. Представляется обоснованным, в рамках совершенствования уголовно-исполнительного права, проанализировать нормативно-правовые акты Минюста России и ФСИН России. Это позволит выявить положения, не соответствующие действующему гражданскому законодательству Российской Федерации. Устранение противоречий в вышеуказанных актах, отмена их или приведение в соответствие с действующими положениями гражданского законодательства позволит разрешить вопросы, складывающиеся в судебной практике в сфере оказания нотариальных услуг осужденным, и способствует оптимизации уголовно-исполнительного законодательства в целом.

Следующим аспектом, на котором стоит заострить внимание – судебная практика по искам лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, связанным с требованиями

об отказе в удостоверении доверенностей. Руководствуясь анализом судебной практики, можно отметить, что для реализации осужденными своих гражданских прав, обеспеченных в частности ст. 45 Конституции РФ, которые ограничены пребыванием в местах лишения свободы, на начальника исправительного учреждения возложена обязанность по удостоверению доверенности о правах, не только требующих нотариального удостоверения, но и о других правах³.

В случаях, выдачи доверенности на совершение сделок, не требующих соблюдения нотариальной формы (ч. 1 ст. 185.1 ГК РФ) начальник места лишения свободы обязан разъяснить, что доверенность в простой письменной форме имеет юридическую силу и вправе отказать в ее удостоверении.

Таким образом, с целью совершенствования применения институтов гражданского права – представительства и доверенности, автором предлагается предусмотреть обязательное повышение квалификации начальниками исправительных учреждений, предусмотрев возможность осужденным пользоваться услугами нотариусов. С этой целью необходимо рассмотреть возможность анализа ведомственных правовых актов, привести их в соответствие с положениями гражданского законодательства. В правовых актах закрепить алгоритм действий администрации исправительного учреждения, а также его сотрудников при выполнении действий по защите прав и законных интересов лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы в сфере оказания нотариальных услуг в рамках предоставленных компетенций.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. - 1997. - 13 января. - № 2. - Ст. 198.
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 03.12.2015 по делу № 33а-6736/2015; Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 09.10.2014 по делу № 33-6124-2014; Апелляционное определение Омского областного суда от 07.05.2014 по делу № 33-2778/2014; Апелляционное определение Московского городского суда от 30.09.2013 по делу № 11-28964; Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2012 по делу № 11-25678. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.08.2020).
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Министерства юстиции РФ от 16 декабря 2016 г. № 295. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27 декабря 2016).
4. Хайдукова Э. Ш. О квазинотариальных формах совершения нотариальных действий // Акад. вестн.: науч.-аналит. журн. Серия «Право». - Тюмен. гос. акад. мировой экономики, управления и права. - 2009. - № 2.

2 Хайдукова Э. Ш. О квазинотариальных формах совершения нотариальных действий // Акад. вестн.: науч.-аналит. журн. Серия «Право». - Тюмен. гос. акад. мировой экономики, управления и права. - 2009. - № 2.

3 См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2013 № 11-28964/13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/117888178/>

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ВНЕПЛАНОВЫЕ ПРОВЕРКИ РОСПОТРЕБНАДЗОРА, ИНИЦИИРОВАННЫЕ ПО СООБЩЕНИЯМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассматриваются особенности проведения проверок Роспотребнадзором, инициируемые СМИ. Акцентируется внимание на временном интервале проведения проверок. Анализируются проблемы проведения проверок, инициируемые СМИ. Предлагается комплекс мероприятий направленных на улучшения качества проверок инициируемых СМИ
Ключевые слова: СМИ, принцип добросовестности, мониторинг обращений, внеплановые проверки, проверки Роспотребнадзора, формат проведения проверок.

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of Public Servants of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of Public Servants of the Academy of the FPS of Russia

ВНЕПЛАНОВЫЕ ПРОВЕРКИ РОСПОТРЕБНАДЗОРА, ИНИЦИИРОВАННЫЕ ПО СООБЩЕНИЯМ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

The article deals with the features of conducting inspections by Rospotrebnadzor initiated by the media. Attention is focused on the time interval for conducting inspections. The problems of conducting inspections initiated by the media are analyzed. A set of measures is proposed to improve the quality of inspections initiated by the media

Keywords: mass media, principle of good faith, monitoring of requests, unscheduled inspections, inspections of Rospotrebnadzor, format of inspections.

На основе анализа нпа можно четко определить перечень полномочий Роспотребнадзора. Такими полномочиями являются:

- осуществляет контроль качества товаров на территории РФ;
- в некоторых случаях – осуществляет контроль качества оказываемых услуг в отдельных сферах (например, в сфере ЖКХ);
- производит анализ соблюдения требований санитарно-эпидемиологического законодательства;
- проверяет образовательные организации на предмет соблюдения требований законодательства (оценивает качество питания школьников, условия работы школы, соблюдение требований законодательства в экстренных ситуациях);
- имеет право проверок правил реализации некоторых видов товаров. Например, для продажи детских товаров, косметики и парфюмерии требуется обязательно санитарно-эпидемиологическое заключение (а при оценке медицинских препаратов сотрудники ведомства могут истребовать документы, с помощью которых возможно оценить источник происхождения указанных лекарственных средств¹);
- осуществляет проверку качества складирования бытовых отходов;
- проверяет качество предоставляемых услуг в разных сферах жизнедеятельности общества (оценивает качество предоставленных банковских услуг, государственных услуг).

В отдельных случаях Роспотребнадзор оказывает еще и юридическую поддержку потребителям товаров. Как пример: ведомство помогает составлять официальные заявления в адрес туроператора в том случае, если были опубликованы официальные рекомендации со стороны МИДа и федерального Роспотребнадзора в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией в отдельных странах мира.

Проверки осуществляются Роспотребнадзором в двух основных формах:

- плановые – основной для проведения проверки является план, который разрабатывается и утверждается руководителем Роспотребнадзора и согласуется с прокуратурой в сентябре – ноябре года, предшествующего году проверки.

Основания для включения организации в план проведения проверки являются во-первых истечение срока (3 года) с момента официальной госрегистрации субъекта и во-вторых, истечение этого же срока с момента проведения предыдущей проверки.

Сама проверка стартует с момента издания официального распоряжения или приказа, в котором обязательно прописывается форма мероприятий, идентификационные данные как проверяемых субъектов, так и основных проверяющих, сроки и задачи проводимой проверки, ее предмет. Сотрудники ведомства обязаны проинформировать юрлицо или ИП о факте проведения проверки.

- внеплановые – производятся по результатам анализа информации, полученной из обращений граждан, а также через СМИ и социальные сети.

Формат осуществления проверок предприятий и организаций подчиняется специальному Административному регламенту², в котором четко определены правила поведения сотрудников:

- сотрудники Роспотребнадзора во время проведения проверки имеют право проходить на территорию объекта, истребовать документы, посещать здание или здания, затребовать объяснительные со стороны служащих организаций;
- привлечение дополнительных экспертов к выездной проверке возможно, но только в том случае, если указанные лица не имеют прямых интересов в деятельности проверяемого объекта (иначе говоря: не состоят в правоотношениях с проверяемыми субъектами, не являются аффилированными лицами);
- во время проверочных мероприятий должны быть предъявлены представителям проверяемого субъекта официальные

Кошелюк Б. Е.

Ивлиев П. В.

1 См.: Определение Верховного Суда РФ от 16.04.2019 № 306-ЭС19-3455 по делу № А65-5408/2018.

2 Приказ Роспотребнадзора от 16 июля 2012 № 764.

документы, свидетельствующие о законности и обоснованности выезда сотрудников ведомства;

- проверочное мероприятие производится обычно в присутствии представителя проверяемой организации;

- по результатам проверки должен быть составлен специальный документ – акт, с текстом которого должны ознакомить представителя организации;

- время проведения выездной проверки должно быть не больше 20 рабочих дней;

- если в ходе проверки обнаружат нарушения, то в этом случае должен быть составлен протокол, учреждению выдается предписание об устранении нарушений.

Факт проведения проверки обязывает сотрудников Роспотребнадзора: во-первых, осуществлять меры, направленные на предупреждение, пресечение возникающих нарушений; во-вторых, соблюдать законодательства РФ; в-третьих, проводить проверки только в рамках исполнения своих обязанностей; в-четвёртых, не препятствовать сотруднику проверяемого субъекта, если тот желает присутствовать во время проведения проверки, знакомить его с полученными результатами проверки; в-пятых, не использовать полученную ими информацию в корыстных целях; в-шестых, при определении принимаемых мер учитывать тяжесть нарушений, их опасность для жизни и здоровья; в-седьмых, если осуществляется внеплановая проверка, то она должна быть обязательно согласована с другими орг; проверяемая организация должна быть уведомлена о факте планируемой проверки не менее чем за 24 часа до ее начала любым способом: кроме случаев угрожающих жизни и здоровью.

Если проверочные мероприятия начались, но не были соблюдены основные требования, предъявляемые федеральными нпа к таким действиям, то тогда проверка прекращается, что подтверждается соответствующим распоряжением.

Требования, предъявляемые к сотрудникам проверяемой организации

- предоставлять представителям Роспотребнадзора, осуществляющим проверку, необходимые документы;

- обеспечивать им доступ на территорию объекта.

Таким образом, объем полномочий у сотрудников Роспотребнадзора при проведении проверок практически не ограничивается: они имеют право осуществлять комплексный контроль организации или ИП, требовать документы, анализировать ситуацию с разных сторон. При этом инициатива проведения проверок может быть вызвана поступлением к сотрудникам ведомства информации: от граждан или представителей иных юрлиц, от орг, из социальных сетей. Возникает следующий вопрос: каким образом сотрудники СМИ могут стать инициаторами проведения комплексных внеплановых проверок организаций со стороны Роспотребнадзора?

Журналист имеет право запрашивать информацию, перерабатывать и публиковать её. Соответственно, у него есть два варианта передачи сведений сотрудникам Роспотребнадзора по фактам нарушений, ставших ему известными.

Первый вариант - передача информации о факте нарушения путем направления официального запроса в адрес орг. Запросы информации производятся журналистом либо неофициально по своим каналам коммуникации, либо официально. В последнем случае составляется документ от имени главного редактора СМИ.

Получив официальный запрос от СМИ, сотрудники Роспотребнадзора обязаны предоставить ответ в срок (не более 7 дней). При этом ведомство наделено правом производить внеплановые выездные проверки по фактам, изложенным в запросе.

Запросы направляются на имя руководителя территориального органа.

В структуру запроса входят следующие элементы:

- тема (предмет);

- ссылка на источник информации о предмете запроса;

- список основных вопросов;

- если необходимо предварительное согласование, то указывается специалист управления для ответов на вопросы / организации интервью;

- контактные данные отправляющего запрос.

Роспотребнадзор имеет право инициировать проведение внеплановой проверки при поступлении информации от СМИ только в следующих случаях:

- если есть угроза причинения вреда жизни или здоровью граждан, угроза ЧС природного или техногенного характера;

- есть причинение вреда жизни или здоровью граждан;

- зафиксировано нарушение прав потребителей.

Второй вариант инициирования проверок Роспотребнадзора со стороны СМИ – размещение информации, свидетельствующий о совершении правонарушения в издании. В этом случае никакого предварительного запроса информации не производится: журналист как бы ставит сотрудников ведомства перед фактом. Далее – представители Роспотребнадзора обязаны официально отреагировать на это обращение, проведя внеплановую проверку.

Теоретически конструкция обращений СМИ к сотрудникам Роспотребнадзора выглядит безупречно: информация предоставлена, ведомство отреагировало, а виновные субъекты сразу же оказываются наказанными.

Практика относится к таким ситуациям критично. Авторы, проанализировав решения судов, практически не обнаружили случаев инициирования проверок по фактам, изложенным в запросах СМИ, или в текстах материалов: Роспотребнадзор преимущественно ссылается при организации проверочных мероприятий либо на самостоятельную инициативу поиска нарушений; либо на соответствующие Указы Президента³; либо на факт обращения гражданина или нескольких лиц.

Подводя итог можно заключить, что законодательство предоставляет права СМИ по инициированию внеплановой выездной проверки. Однако, основываясь на оценке правоприменительной практики, можно заключить, что соответствующие возможности, предоставленные СМИ, являются спящими.

Автор считает, что сложившуюся практику необходимо срочно изменить:

1. Россия является правовым государством. Это положение оценивается в качестве идеи или цели, к которой должны стремиться все субъекты. Рассматривая доктрину правового государства в РФ с этих позиций, следует признать, что построение правового государства возможно только при расширении прав институтов гражданского общества, а СМИ ключевой из них. Основываясь на этом выводе, следует предусмотреть дополнительные мониторинговые полномочия СМИ в отношении орг: все материалы, связанные с нарушением прав и законных интересов граждан, размещенные в изданиях, должны обязательно проверяться, по результатам проведенных проверок необходимо предоставлять объективную информацию.

2. Отказ сотрудников Роспотребнадзора от проведения внеплановой проверки должен рассматриваться как дисциплинарное правонарушение. Соответственно, СМИ должны иметь полномочия по обжалованию бездействия сотрудников Роспотребнадзора субъекта федерации в вышестоящем органе или в прокуратуре.

3. Сотрудники Прокуратуры субъекта РФ должны отслеживать сообщения, свидетельствующие о фактах явных правонарушений, допущенных физическими и юридическими лицами. Также прокуратура должна использовать меры прокурорского реагирования. О результатах проведенных мероприятий прокурорские работники обязаны отчитываться в СМИ. Срок отчета – не более месяца с момента публикации сведений, являющихся основаниями для проведения подобной проверки.

4. Для предотвращения злоупотреблениями свободой слова необходимо внести в законодательстве, положение о добросовестности деятельности журналистов. Под добросовестностью понимается совершение надлежащих, полноценных действий, не предполагающих нарушение прав и законных интересов кого-либо. В случае фиксации фактов лоббирования интересов тех или иных финансово-политических групп необходимо применять весь комплекс административных мер воздействия: лишение лицензии СМИ, временный запрет на выход в свет (до двух недель).

Пристатейный библиографический список

1. Определение Верховного Суда РФ от 16.04.2019 № 306-ЭС19-3455 по делу № А65-5408/2018.
2. Приказ Роспотребнадзора от 16 июля 2012 № 764.
3. Решение Крымского районного суда Краснодарского края № 12-270/2019 от 19 ноября 2019 г. по делу № 12-270/2019.

3 См. напр.: Решение Крымского районного суда Краснодарского края № 12-270/2019 от 19 ноября 2019 г. по делу № 12-270/2019.

ЗАМАЛИЕВА Гулгеня Хайдаровна

аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА В РФ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В настоящей работе рассматриваются генезис и перспективы развития защиты прав участников строительства в Российской Федерации. Автор анализирует этапы реформирования российского законодательства, регламентирующего механизмы защиты прав граждан при приобретении жилья в России. В конце делается вывод о том, что в случае эффективной реализации норм о компенсационном фонде переход к банковскому финансированию жилищного строительства не является обязательным.

Ключевые слова: залог, застройщик, договор участия в долевом строительстве, счет эскроу, участник строительства.

ZAMALIEVA Gulgenya Khaydarovna

postgraduate student of the Saint Petersburg State University of Economics

PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSTRUCTION PARTICIPANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: GENESIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

This paper examines the genesis and prospects for the development of protection of the rights of construction participants in the Russian Federation. The author analyzes the stages of reforming the Russian legislation regulating mechanisms for protecting the rights of citizens when purchasing housing in Russia. In the end, it is concluded that in the case of effective implementation of the rules on the compensation fund, the transition to bank financing of housing construction is not mandatory.

Keywords: collateral, developer, contract of participation in shared construction, escrow account, construction participant.

Замалиева Г. Х.

Вопросы покупки жилья всегда имели высокую социальную значимость. Особенно ярко это проявлялось в 1990-е гг., когда фактически участники строительства были лишены каких-либо действенных и эффективных механизмов защиты своих прав. В этот исторический период в национальной правовой системе России был сконструирован институт договора участия в долевом строительстве (далее – ДДУ). Главной концепцией ДДУ выступало то, что участник строительства (дольщик) предоставлял деньги застройщику на самой ранней стадии строительных работ, вследствие чего застройщик был лишен необходимости заключать кредитный договор с банковскими организациями и уплачивать за них проценты. Вследствие данной специфики ДДУ итоговая стоимость квартиры была существенно ниже, но при этом вклад денег в строительство стало расцениваться в качестве крайне рискованной деятельности.

На нормативно-правовом уровне ДДУ был закреплён лишь в 2004 году, когда был принят Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее - ФЗ № 214)¹. До этого времени правоотношения, возникающие вследствие заключения ДДУ, в национальном законодательстве не регулировались. Именно по этой причине уже на момент принятия ФЗ № 214

проблема обманутых участников ДДУ имела масштабный характер.

Согласно ст. 1 ФЗ № 214 привлечение финансов для строительства со стороны физических лиц до 01.07.2018 г. разрешалось лишь: 1) в соответствии с ДДУ; 2) с помощью выпуска эмитентом, обладающим правом на земельный участок и получившим разрешение на строительство на данном земельном участке многоквартирного дома, специального вида облигаций - жилищных сертификатов, предоставляющих право их владельцам на получение от эмитента жилых помещений согласно национальному законодательству, регламентирующему институт ценных бумаг; 3) жилищно-строительными кооперативами (далее – ЖСК) / жилищными накопительными кооперативами (далее – ЖНК).

С 01.07.2018 г. привлечение финансов со стороны физических лиц с помощью размещения жилищных сертификатов допускается лишь для той группы эмитентов, которая начала такого рода размещение до 01.07.2018 г.

С 01.07.2018 г. привлечение денег со стороны физических лиц для строительных работ ЖСК и ЖНК допускается лишь для той группы кооперативов, которые были учреждены до 01.07.2018 г. Исключением стали лишь те ЖСК, которые реализуют строительные работы на земельных участках, предоставленных им на праве безвозмездного срочного пользования из состава муниципальной или государственной собственности. ЖСК этой группы сохраняют право на привлечение денег со стороны физических даже в том случае, если они учреждены уже после 01.07.2018 г.

С 2011 года используется практика учреждения ЖСК при несостоятельности застройщика по ДДУ. В ст. 201.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятель-

¹ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 40.

ности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности)² установлено, что в процессе реализации несостоятельных процедур собрание участников строительства наделено правом заявить ходатайство о погашении требований участников строительства посредством передачи прав застройщика на объект незавершенного строительства и земельный участок созданному участниками строительства ЖСК или другому специализированному потребительскому кооперативу. Подчеркнем, что, несмотря на большое количество данного рода проблем у ЖСК, количество случаев их создания в российских регионах неизменно растет.

При вступлении в ЖСК каждый член вносит первую часть паевого взноса. Взамен внесенных денег член кооператива приобретает право на паенакопление. Если физическое лицо не имеет финансовых возможностей, ему приходится заключать кредитный договор с банковской организацией. Однако, как правило, банковские организации по понятным причинам настаивают на обеспечение исполнения кредитного обязательства. Данные граждане нередко не могут предложить никакого обеспечения исполнения взятого кредитного обязательства, кроме самого права на паенакопление. При этом возможность залога права на паенакопление национальным законодателем не закреплена, и далеко не каждую банковскую организацию устроит данный способ обеспечения исполнения кредитного обязательства. Выходит, что оказание государственной поддержки определенным группам физических лиц реализуется лишь в отношении тех физических лиц, у которых есть денежные накопления. Думается, что данный подход не соответствует первоначальной идее российского законодателя. Для того чтобы государственная поддержка определенным группам физических лиц, установленная пунктом 4 статьи 16.5 Федерального закона от 24.07.2008 № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»³, стала возможной и для бедных слоев населения, должно предусматривать в гражданском законодательстве положение, которое бы делало допустимым залог права на паенакопление в ЖСК.

До того момента, пока данная норма не принята, в более защищенном положении находятся те физические лица, которые покупают жилье по ДДУ. В частности, им предоставлена возможность получить кредит под залог строящегося жилого помещения, которой нет у членов ЖСК.

Отметим, что самое большое количество правовых гарантий при привлечении финансов физических лиц национальный законодатель закрепил для ДДУ.

Федеральным законом от 18 июля 2006 года № 111-ФЗ национальный законодатель установил возможность обратиться за поручительством банковской. При этом продолжало действовать законодательное правило о возникновении права залога на основании закона. Соответственно, право выбирать между залогом и поручительством банка, несмотря на прямое упоминание в законе, не могло быть реализовано на практике из-за того, что продолжало действовать законоположение об автоматическом появлении права залога со времени прохождения государственной регистрации ДДУ.

Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 294-ФЗ вышеназванный законодательный недочет был устранен. В

частности, данный нормативно-правовой акт устанавливал, что гражданско-правовые обязательства застройщика обеспечиваются двумя способами, как минимум. В результате альтернатива залогоу исчезла. Кроме того, российским законодателем было установлено, что исполнение гражданско-правовых обязательств застройщика по передаче жилья участнику ДДУ, помимо залога, должно было обеспечиваться по выбору застройщика одним из следующих способов: поручительство банка или страхование гражданской ответственности застройщика за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по передаче жилого помещения участнику долевого строительства по договору.

В практической деятельности, как правило, применялся институт страхования. При этом в 2017 году стало очевидно, что данный способ не приносит необходимой результативности в правоотношениях по ДДУ.

Изначально национальный законодатель в нормах Федерального закона от 29 июля 2017 года № 218-ФЗ установил, что юридическая обязанность застройщика вносить взносы в компенсационный фонд появлялась в тех ситуациях, когда ДДУ с первым участником был представлен на государственную регистрацию после 20.10.2017 г. Однако в 2018 году данное положение было обновлено, поскольку был принят Федеральный закон от 25 декабря 2018 года № 478-ФЗ, которым введена обязанность застройщиков с 25.12.2018 г. производить уплату взносов компенсационный фонд даже тогда, когда ДДУ с первым участником был представлен на государственную регистрацию до 20.10.2017 г. Следовательно, по ДДУ, по которым будет выполнена обязанность по части компенсационных фондов, исчезнет юридическая обязанность застройщика получить поручительство банковской организации/застраховать ответственность⁴.

В период проведения строительных работ у застройщика отсутствует право на пользование денежными средствами, размещенных на счете эскроу, однако у него есть право на получение денежных средств в соответствии с кредитным договором, заключенным в том же банковской организации, где был открыт счет эскроу. Следует подчеркнуть, что размер процентов по данному кредитному договору будет меньше в сравнении с тем, что заключается в «стандартных» условиях, так как застройщик способствует привлечению в банковскую организацию денег участников строительства на счета эскроу. Денежные средства, размещенные на счетах эскроу, застройщик сможет получить от банковской организации лишь после того, как он направит в банковскую организацию документы, подтверждающие сдачу дома в эксплуатацию, а также регистрацию права собственности. При этом у застройщика исчезнет юридическая обязанность вносить деньги в компенсационный фонд⁵.

Больше того, при применении счетов эскроу исчезает достаточно значимый способ обеспечения исполнения обязательств по строительству жилья. Так, продолжительное время в России существовало правило о том, что с даты прохождения процедуры государственной регистрации ДДУ автоматически, на основании действующего законодательства, возникал залог строящегося жилья и прав на земельный участок. При применении норм о счете эскроу залог автома-

2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

3 Федеральный закон от 24.07.2008 № 161-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О содействии развитию жилищного строительства» // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 30 (ч. 2). - Ст. 3617.

4 Хамов А.Ю. Компенсационный фонд как специальный способ защиты прав участников долевого строительства // Гражданское право. - 2019. - № 2. - С. 37.

5 Биньковская А.А. Новые механизмы защиты прав и законных интересов участников долевого строительства // Право и экономика. - 2019. - № 7. - С. 15.

тически на данное имущество больше не появится, так как застройщику необходимо что-либо предложить банковской организации в роли обеспечения исполнения кредитного обязательства.

Законом № 175-ФЗ также установлено, что в ситуации, когда у банковской организации отозвана лицензия, возмещение по счету эскроу, открытому в связи с заключением ДДУ, выплачивается в размере 100 процентов от суммы, размещенной на таком счете на дату наступления страхового случая, но не более 10 млн руб. Соответственно, если такая неприятная ситуация случится, а цена по заключенному ДДУ будет превышать 10 млн руб., то часть денег участники строительства могут потерять. Думается, что данная проблема будет стоять особо остро в тех крупных регионах, где цены на жилье крайне высокие.

Представляется, что с установлением банковского финансирования в принципе утрачивается значение ДДУ для жилищного строительства, который закладывался национальным законодателем первоначально. Так, национальный законодатель исходил из того, что участник строительства (дольщик) финансирует постройку жилья на самых ранних стадиях, в связи с чем у него возникает возможность купить жилье за меньшую стоимость. Взамен этого появлялись большие риски. Иначе говоря, основным функциональным назначением ДДУ выступало обеспечение доступности жилья в России. В условиях замены финансирования постройки жилья физическими лицами на финансирование данной деятельности банками все риски, безусловно, возлагаются на банковские организации. При этом становится очевидным, что в таких условиях цены на жилье будут расти. На наш взгляд, такие цены могут вырасти на 10-20 %. То есть проблема с доступностью жилья вновь может стать особо острой для нашего государства, что, конечно же, негативным образом отразится на социально-экономической политике России в общем и жилищной политике, в частности.

Итак, учреждение ЖСК и заключение ДДУ играют важную социально-экономическую роль, поскольку они позволяют реализовать конституционное право на жилище тем физическим лицам, у которых нет возможности заключать договоры социального найма. Наличие данных механизмов, бесспорно, имеет большую выгоду для государства, так как никакие государственные деньги в этом случае не требуются. ЖСК, объединяющие поддерживаемые на государственном уровне группы физических лиц, получают землю для проведения строительных работ на безвозмездной основе. Больше того, ЖСК имеют возможность доделать строительные работы в тех ситуациях, когда застройщик был признан несостоятельным. Между тем, нельзя не отметить, что у членов ЖСК объем прав, в сравнении с участниками строительства, носит усеченный характер. Так, например, в отношении данной группы лиц нельзя использовать положения отечественного законодательства о защите прав потребителей, не закреплены способы обеспечения исполнения имеющихся гражданско-правовых обязательств кооператива перед пайщиками.

Полагаем, что руководство российского государства поставило перед собой цель минимизировать риски физических лиц, становящихся сторонами в ДДУ. Защита прав данной группы физических лиц была сконструирована посредством принятия Закона № 214-ФЗ. Первоначально данный нормативно-правовой акт закреплял прохождение государственной регистрации ДДУ и залог прав на дом и земельный участок в качестве главных механизмов защиты прав участников строительства (дольщиков). Потом в 2012

году была урегулирована юридическая обязанность застройщика либо получить поручительство банковской организации, либо застраховать свою ответственность. В 2017 году данного рода обязанность была заменена на обязанность вносить взносы в компенсационный фонд.

В завершение отметим, что, по нашему мнению, основной причиной возникновения проблемы обманутых дольщиков выступает то, что нередко застройщики разрабатывали схемы в обход норм ФЗ № 214. При этом введение банковского финансирования может значительным образом тормозить жилищное строительство в Российской Федерации, что, безусловно, не соответствует интересам участников строительства. Думается, что в случае эффективной реализации норм о компенсационном фонде использование банковского финансирования не является необходимым.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 24.07.2008 № 161-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О содействии развитию жилищного строительства» // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 30 (ч. 2). - Ст. 3617.
2. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 40.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.
4. Биньковская А.А. Новые механизмы защиты прав и законных интересов участников долевого строительства // Право и экономика. - 2019. - № 7. - С. 13-20.
5. Хамов А.Ю. Компенсационный фонд как специальный способ защиты прав участников долевого строительства // Гражданское право. - 2019. - № 2. - С. 36-38.

КОМИССАРОВ Алексей Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, полковник юстиции

МОГИЛЕВСКИЙ Григорий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Сибирского государственного института путей сообщения

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ (СУДЕБНОЙ) ПРАКТИКЕ

В статье излагается краткий анализ нормативных правовых актов, регламентирующих содержание и правовой механизм компенсации морального вреда в деятельности судебных органов. На этой основе авторами предпринята попытка обосновать законодательные предложения для совершенствования правоприменительной (судебной) практики.

Ключевые слова: правовые основы, компенсация морального вреда, правоприменительная деятельность, органы судебной власти.

KOMISSAROV Aleksey Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law sub-faculty of the army general I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the National Guard troops of the Russian Federation, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation, colonel of justice

MOGILEVSKIY Grigoriy Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the army general I. K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the National Guard troops of the Russian Federation; associate professor of Civil-Legal disciplines sub-faculty of the Siberian State Institute of Railways

MODERN LEGAL FRAMEWORKS FOR COMPENSATING FOR MORAL HARM IN RUSSIAN LAW AND LAW ENFORCEMENT (JUDICIAL) PRACTICE

The article provides a brief analysis of the regulations governing the content and legal mechanism for compensating for moral harm in the activities of the judiciary. On this basis, the authors attempted to substantiate legislative proposals to improve law enforcement (judicial) practices.

Keywords: legal frameworks, compensation for moral harm, law enforcement, the judiciary.

Проблематика правовых основ компенсации морального вреда в законодательстве Российской Федерации и правоприменительной практике по мнению авторов обусловлена тем, что отдельные положения законодательного массива, регламентирующего данный правовой институт, в должной степени не разработаны, что порождает их неоднозначное толкование и применение судебными инстанциями при рассмотрении и разрешении различных категорий судебных дел.

Справедливости ради необходимо отметить, что в современном законодательстве России впервые дефиниция морального вреда получила узаконение в ст. 131 Основ гражданского законодательства 1991 г., а в дальнейшем – в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, в ст. 151 ГК РФ изложены признаки морального вреда, к которым законодатель относит физические

или нравственные страдания гражданина; действия, нарушающие неимущественные права либо посяательства на принадлежащие гражданину нематериальные блага; другие случаи, предусмотренных законом. Такими законодательными случаями, в частности, следует признать нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом) на основании договора имущественных прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителя (ст. 15 Федерального закона «О защите прав потребителей»). Кроме названного нормативного акта правовые основы компенсации морального вреда применительно к отраслевой принадлежности правового регулирования закреплены в целом ряде нормативных правовых актов, к которым безусловно следует отнести ст. 237 Трудового кодекса Российской Федерации;

Комиссаров А. В.

Могилевский Г. А.

ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; ст. 62 закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»; ст. 4.7 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и другие. Этот далеко неполный перечень законодательного массива подтверждает межотраслевой характер рассматриваемого правового института. Вместе с тем, анализ действующего законодательства в сфере компенсации морального вреда показывает, что только нормы гражданского законодательства являются нормами прямого действия; при этом нормы других отраслей права являются отсылочными.

Официальное толкование сущности правовой дефиниции морального вреда изложено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». Согласно п. 2 данного постановления, под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.¹

Таким образом, можно сделать вывод, что субъектом данного правоотношения является гражданин (физическое лицо), а объектом правоотношения – его идеальные блага, содержание которых зависит от развития общественных отношений, а также имущественные права в силу закона.

Лицо, которое считает, что его право нарушено может воспользоваться институтом компенсации морального вреда только в судебной форме защиты, так как согласно ст.151 ГК РФ только суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда.

Анализ правоприменительной практики судебных органов по компенсации морального вреда позволяет утверждать, что суды при разрешении вопросов компенсации морального вреда исходят из того, что необходимыми

условиями для возложения обязанности по компенсации морального вреда на его причинителя являются: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, наличие причинной связи между наступлением вреда и противоправностью поведения причинителя вреда, вина причинителя вреда. При этом законом установлена презумпция вины причинителя вреда, которая предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам причинитель – ответчик. Истец – как пострадавшая сторона – представляет доказательства, подтверждающие факт наличия вреда (физических и нравственных страданий – если это вред моральный), а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред².

Бесспорно, при вынесении решения о размере компенсации морального вреда суд должен руководствоваться ст.67 ГПК РФ, которая обязывает суд (в лице судебного состава, рассматривающего и разрешающего конкретное судебное дело) оценивать доказательства размера компенсации по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, исходя из их относимости, допустимости и достаточности. Вместе с тем, обзор правоприменительной практики свидетельствует о том, что этих изложенных законодателем критериев компенсации морального вреда недостаточно. Авторы солидарны с мнением А.В. Кирилина, который позиционирует отсутствие исчерпывающих критериев оценки тяжести причиненного вреда и размеров компенсации морального вреда на законодательном уровне, поскольку эти законодательные критерии носят оценочный характер. Как результат: суды определяют размер компенсации морального вреда на необоснованных критериях. Следовательно, изначально они служат правовой основой для вынесения незаконных и необоснованных решений³. Так, Верховный суд Российской Федерации в кассационном определении отменил решение Красногвардейского районного суда Республики Адыгея от 31 мая 2016 г., и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Адыгея от 30 августа 2016 г., о взыскании компенсации морального вреда по иску Т.В. Кудрявцевой, М.В. Клименко и Н.Н. Чеботарева к открытому акционерному обществу «Российские железные дороги», обществу с ограниченной ответственностью «Кубанский Стандарт» на том основании, что в настоящем деле судами первой и апелляционной инстанций были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, которые выразились в следующем. Так, судебными инстанциями, выносившие судебные постановления по гражданскому делу, не принято во внимание, что в соответствии с абз. 2 п. 2 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 №

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Справочная правовая система «Консультант Плюс: Судебная практика (дата обращения: 20.09.2020).

2 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс: Судебная практика (дата обращения: 20.09.2020).

3 Кирилин А.В. Проблемы компенсации морального вреда // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12. С. 164.

10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» моральный вред может заключаться, в частности, в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников. Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда. При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред. В каждом конкретном случае суду необходимо установить обстоятельства, свидетельствующие о том, что лица, обратившиеся за компенсацией морального вреда, действительно испытывают физические или нравственные страдания в связи со смертью потерпевшего, что предполагает в том числе выяснение характера отношений (семейные, родственные, близкие, доверительные), сложившихся между погибшим и этими лицами, утрата которых привела бы к их нравственным и физическим страданиям; имело ли место совместное проживание с погибшим и ведение с ним общего хозяйства до наступления смерти последнего; обращение за медицинской и психологической помощью в медицинские органы вследствие причиненных им физических и нравственных страданий (морального вреда).

Кроме того, выводы судов об удовлетворении требований заявителей о компенсации им морального вреда в соответствующей сумме основаны исключительно на утверждениях, приводимых в судебных заседаниях представителями истцов об испытанных истцами физических и нравственных страданиях, а значит суды первой и апелляционной инстанций не привели в судебных постановлениях никаких доводов в обоснование размера присужденной истцам компенсации морального вреда со ссылкой на доказательства.

Таким образом, вывод судов первой и апелляционной инстанций Верховный суд Российской Федерации признает неправомерным, поскольку он сделан без установления юридически значимых обстоятельств, в отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих факт причинения истцам морального вреда, характер и степень понесенных ими нравственных и физических страданий, связанных с их индивидуальными особенностями, с учетом времени, истекшего с момента смерти потерпевшего до момента обращения в суд (более десяти лет)⁴.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что правовые основы регламентации института компенсации морального вреда как по своему содержанию, так и по их применению судебными инстанциями весьма далеки от совершенства, что порождает зависимость решения спорных вопросов в судебном порядке от субъективного мнения суда. Вместе с тем, критическое отношение к ним, как и предложения по их совершенствованию не умаляет оценки гражданско-правовой защиты любого субъективного права известного российского ученого-цивилиста И.А. Покровского, который отмечал «...пусть гражданско-пра-

вовая защита будет неполной и несовершенной, но, повторяем, лучше такая защита, чем ничто. Даже несовершенная защита содержит напоминание о необходимости бережного отношения к нематериальным интересам людей; даже такая защита будет иметь поэтому огромное воспитательное и предупредительное значение⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Справочная правовая система «Консультант Плюс: Судебная практика (дата обращения: 20.09.2020).
2. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по гражданским делам от 10 июля 2017 г. № 24-КГ17-15 // Справочная правовая система «Консультант Плюс: Судебная практика (дата обращения: 20.09.2020).
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс: Судебная практика (дата обращения: 20.09.2020).
4. Кирилин А.В. Проблемы компенсации морального вреда // Евразийский юридический журнал. 2018. № 12. С. 164.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 143.

4 Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по гражданским делам от 10 июля 2017 г. № 24-КГ17-15 // Справочная правовая система «Консультант Плюс: Судебная практика (дата обращения: 20.09.2020).

5 Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. С. 143.

МАМБЕТОВ Мурат Мурадинович

магистрант Северо-Кавказской государственной академии

ОДЕГНАЛ Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказской государственной академии

МНОГОКВАРТИРНЫЙ ДОМ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ И ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ

В статье говорится о многоквартирном доме как объекте вещных прав. Определяются пробелы в нормативном закреплении характеристик многоквартирного дома как объекта гражданских и жилищных прав, а также в правовом регулировании права собственности на долю в общем имуществе многоквартирного дома.

Ключевые слова: многоквартирный дом, общее имущество в многоквартирном доме, управление общим имуществом в многоквартирном доме, объект права.

MAMBETOV Murat Muradinovich

magister student of the North-Caucasian State Academy

ODEGNAL Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North-Caucasian State Academy

APARTMENT BUILDING AS AN OBJECT OF CIVIL AND HOUSING RIGHTS

The article refers to an apartment building as an object of property rights. Gaps are identified in the normative consolidation of the characteristics of an apartment building as an object of civil and housing rights, as well as in the legal regulation of ownership rights to a share in the common property of an apartment building.

Keywords: apartment building, common property in an apartment building, management of common property in an apartment building, object of law.

Многоквартирный дом в современных условиях является наиболее распространенной формой проживания граждан. Несмотря на то, что жилое помещение представляет собой квартиру в многоквартирном доме, это основной объект имущественных прав собственника, эта квартира находится в многоквартирном доме, на который у собственника квартиры (помещения) имеются имущественные права и значительные обязанности. При возникновении права собственности на квартиру, как на выделенный индивидуально определенный объект, возникает права собственности на невыделенную идеальную долю в общем праве собственности на общее имущество многоквартирного дома. При отчуждении права собственности на квартиру отчуждается и доля (реально не выделенная) в общем имуществе многоквартирного дома.

Характеристика многоквартирного жилого дома как объекта вещных прав, объекта управления, объекта правоотношений означает рассмотрение вопроса о его гражданско-правовом статусе. Как отмечает В.И. Сенчищев: «Важным с позиции права является не сама вещь и не само поведение, а то правовое значение, правовой режим, который присваивается этому явлению в силу позитивного права и который воплощается в субъективных правах и обязанностях¹».

Е.С. Мишулина пишет о том, что смысл выделения многоквартирного жилого дома в классификации объектов права собственности имеется лишь тогда, когда есть особенности, определяющие правовой режим².

Очевидно, что многоквартирный жилой дом относится к недвижимости. В то же время в ст. 15 ЖК РФ в качестве жилых помещений названы жилой дом, часть такого дома, квартира, часть квартиры и комната³. В структурном смысле многоквартирных дом – это сложный объект, включающий в себя части жилого дома, квартиры и комнаты. Как правило, многоквартирный дом является объектом права общей долевой собственности, а помещения в нем – объектом права индивидуальной либо общей (долевой или совместной) собственности.

В отношениях найма жилого помещения жилищного фонда социального использования жилой дом, в том числе многоквартирный приобретает статус наемного дома, в связи с чем он целиком должен принадлежать одному собственнику.

Многоквартирным домом признается совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к жилому

1 Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 1998. С. 150.

2 Мишулина Е.С. Многоквартирный жилой дом как объект гражданского права // Общество и право. 2009. № 3. С. 79-81.

3 Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета от 12 января 2005 г. № 1.

дому, либо в помещения общего пользования в таком доме⁴.

В отличие от жилого дома как объекта, который так же относится к жилым помещениям, многоквартирный дом состоит из нескольких или многих жилых помещений – квартир, использование которых немислимо без определенной инфраструктуры и помещений общего пользования. Кроме того, в многоквартирном доме могут быть предназначенные для самостоятельного использования нежилые помещения.

Многokвартирный дом содержит в себе элементы общего имущества собственников помещений в таком доме в соответствии с жилищным законодательством.

Актуальной проблемой остается определение правового режима многоквартирного жилого дома, так как он выступает объектом управления, объектом правоотношений, объектом гражданских прав, но в то же время как единое целое не может представлять собой самостоятельный объект права. В ст. 15 ЖК РФ в качестве жилых помещений как объектов жилищных прав не назван многоквартирный дом. В ГК РФ в качестве объектов гражданских прав он тоже не назван, хотя может быть истолкован как таковой через призму как отнесения его к категории недвижимых вещей, и в таком качестве – как объект гражданских прав.

Объектами вещных прав являются расположенные в многоквартирном жилом доме жилые и нежилые помещения, находящиеся в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении, а также принадлежащее собственникам квартир на праве долевой собственности общее имущество дома. Нахождение многоквартирного дома на балансе у юридического лица – жилищно-эксплуатационной организации или жилищного кооператива – не имеет правового содержания, поскольку баланс является лишь формой учета имущества, так же как и технический учет в бюро технической инвентаризации, что необходимо для эксплуатации дома, но никаких правомочий по пользованию, владению и распоряжению домом у организации-балансодержателя не создает.

Несмотря на то, что в договорах на отчуждение квартир или иных помещений в многоквартирном доме (купля-продажа, дарение, рента) указывают, что передано доля в праве собственности на общее имущество в многоквартирном доме, такая доля является весьма абстрактной, идеальной долей, долей в праве, а не реально выделенной долей. Указанное условие не является предметом договора об отчуждении квартиры или иного помещения в многоквартирном доме. Отчуждение доли в праве собственности на общее имущество в многоквартирном доме не может образовывать самостоятельного договора. Осуществление прав на долю в общем имуществе многоквартирного дома необходимо соотносить с волей других собственников, выраженной на общем собрании.

Комната в квартире, сама квартира, находящиеся в многоквартирном доме, как объекты недвижимости имеют самостоятельный правовой режим. Комната является частью квартиры и предназначена для проживания. Квартира имеет строго целевое назначение, так же как и нежилые помещения, в том числе офисы, магазины на первых, реже первых и вторых этажах многоквартирных домов. При этом обладают данные объекты обладают особенностью, выражающейся в том, что с правом собственности на них неразрывно связано и право на общее имущество дома, точнее долю в праве на подвалы, чердаки, лестничные площадки, иные общие помещения, коммуникации, сети энергоснабжения, несущие конструкции дома, лифты, стояки, иное механическое, электрическое, санитарно-техническое и другое оборудование, находящееся как за пределами, так и внутри квартиры или иного жилого помещения, если оно обслуживает более одной квартиры, жилого или нежилого помещения в многоквартирном доме, поскольку без такого рода объектов невозможно нормальное пользование и самим жилым или нежилым помещением.

Социальная значимость жилья определила строго целевое назначение названных объектов недвижимости. В ст. 288 ГК РФ указано, что жилые помещения предназначены для проживания граждан, а осуществление прав собственника по владению, пользованию и распоряжению ими должно производиться в соответствии с целевым назначением этих объектов недвижимости. Следовательно, управление общим имуществом многоквартирного дома подчинено обеспечению условия для проживания в квартирах такого многоквартирного дома. Эксплуатация нежилых помещений, не относящихся к общему имуществу многоквартирного дома, не должна нарушать принципа целевого назначения жилых помещений, т.е. использование нежилых помещений не должно каким-либо нарушать или создавать препятствия в осуществлении прав граждан на проживание в жилых помещениях.

Е.Б. Казакова и Ю.С. Ильина связывают возникновение отношений по управлению многоквартирным домом с моментом внесения сведений о многоквартирном доме, точнее о лицензиате (управляющей компании, осуществляющей управление общим имуществом многоквартирного дома) в реестр лицензий субъекта Российской Федерации⁵.

Гражданский кодекс РФ закрепляет два важных правила, определяющих правовой режим общего имущества собственников квартир и нежилых помещений в многоквартирном жилом доме. Во-первых, на это имущество устанавливается общая долевая собственность собственников квартир и нежилых помещений в многоквартирном доме. Доли в праве общей собственности на такое имущество пропорциональны размеру общей площади квартир или нежилого помещения в многоквартирном доме. Во-вторых, собственнику квартиры или нежилого помещения в многоквартирном доме запрещено отчуждать свою долю в праве на общее имущество жилого дома

4 Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 24.12.2018) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 702.

5 Казакова Е.Б., Ильина Ю.С. Внесение многоквартирного дома в реестр субъекта РФ как основание для начала управления многоквартирным домом // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2017. № 5 (38). С. 16.

и совершать иные действия, влекущие передачу этой доли, отдельно от права собственности на жилье. В этом и состоит специфика правового режима объектов общего имущества собственников жилья в многоквартирном доме. Ввиду указанных обстоятельств доля в праве собственности на общее имущество в многоквартирном доме обладает правом следования, т.е. она всегда следует судьбе права собственности на жилое или нежилое помещение, будучи неразрывно с ним связанной.

Отнесение многоквартирного жилого дома и помещений в нем к недвижимому имуществу вызывает вопрос о соотношении прав на жилое помещение и расположенный под ним земельный участок. Физически многоквартирный дом связан с участком, необходимым для его использования, к общему имуществу относится и соответствующий земельный участок.

Ст. 131 ГК РФ предусматривает государственную регистрацию прав на недвижимое имущество. В связи с тем, что многоквартирный жилой дом признается объектом недвижимого имущества, объектом гражданских прав, объектом вещных прав, логично было бы регистрировать право собственности на общее имущество в многоквартирном доме, но как уже отмечалось выше оно не является самостоятельным предметом сделок и всегда следует судьбе самостоятельного жилого или нежилого помещения в многоквартирном доме.

Многokвартирный дом имеет сходство со сложной вещью, однако таковой не является. Правовой режим такого дома противоположен режиму сложной вещи, которая искусственно создается путем объединения физически не связанных разнородных объектов, объединенных лишь возможностью использования по единому назначению.

Техническая зависимость отдельных помещений от элементов дома в целом объясняет и особенности режима общего имущества многоквартирного дома, и невозможность отчуждения этого имущества без отчуждения соответствующих помещений.

Относительно недавним нововведением было закрепление в ГК РФ статьи 133.1 о едином недвижимом комплексе. В ней говорится, что к такой категории, в частности, может относиться недвижимая вещь, участвующая в обороте как единый объект – совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну неделимую вещь. Указанным признакам соответствуют наёмные дома, так как будучи собственностью одного лица наиболее вероятно, что все объекты, относящиеся к многоквартирному (в данном случае, наёмному дому), скорее всего, оформлены одним свидетельством о государственной регистрации, хотя отдельно стоящие от такого дома вспомогательные постройки все равно будут зарегистрированы отдельно. В многоквартирных домах, помещения в которых заняты не по договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования, если право собственности и зарегистрировано, то, скорее всего, на отдельные квартиры. Право собственности на долю

в общем имуществе многоквартирного дома возникает в силу закона. Его чаще всего не регистрируют, хотя закон позволяет это сделать. В связи с указанными особенностями регистрации по данному признаку многоквартирный дом не соответствует единому недвижимому комплексу.

По нашему мнению, особенности правового регулирования режима многоквартирного дома и общего имущества позволяют считать его самостоятельным объектом гражданских и жилищных прав.

Пристатейный библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета от 12 января 2005 г. № 1.
2. Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 24.12.2018) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 702.
3. Казакова Е.Б., Ильина Ю.С. Внесение многоквартирного дома в реестр субъекта РФ как основание для начала управления многоквартирным домом // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2017. № 5 (38). С. 15-18.
4. Мишулина Е.С. Многоквартирный жилой дом как объект гражданского права // *Общество и право*. 2009. № 3. С. 79-81.
5. Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения // *Актуальные проблемы гражданского права* / Под ред. М.И. Брагинского. М.: Статут, 1998. С. 150.

НЕВЕРОВ Виталий Иванович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Самарского юридического института ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛА ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

В представляемой статье раскрываются и анализируются проблемы правоприменительной практики раздела общей собственности. Основой являются положения действующего гражданского законодательства, руководящие разъяснения Верховного Суда РФ, решения судов по конкретным делам. В результате анализа выявляются пробелы, не позволяющие разрешить некоторые гражданские споры относительно прав на общую долевую собственность. Автор предлагает применять к возникающим ситуациям положения гражданского законодательства о запрете злоупотребления права и приводит аргументацию. В статье отмечается перспектива развития института о запрете злоупотребления правом и необходимость дополнительных руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данным вопросам.

Ключевые слова: общая собственность, общая долевая собственность, раздел общей долевой собственности, злоупотребление правом.

NEVEROV Vitaliy Ivanovich

Ph.D. in Law, lecturer of Civil law and process sub-faculty of the FPS of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE DIVISION OF COMMON PROPERTY IN THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO RESOLVE IT

This article reveals and analyzes the problems of law enforcement practice in the division of common property. The basis is the provisions of current civil legislation, guidance explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, Court Decisions on specific cases. The analysis reveals gaps that do not allow to resolve civil disputes on a wide range of disputes concerning the rights to shared ownership. The author suggests applying the provisions of civil law prohibiting the abuse of rights to emerging situations and provides an argument. The article notes the prospects for the development of the Institute on the prohibition of abuse of law and the need for additional guidance explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on these issues.

Keywords: common property, common shared property, division of common shared property, abuse of rights.

Правовой институт общей собственности является одним из древних, сложившихся еще в Римском праве. Такой правовой институт, динамично развиваясь в течение времени, предусмотрен в законодательстве большинства стран мира, в том числе и в России. Первые упоминания об общей собственности можно найти еще памятниках отечественного права, таких как. Русская Правда.¹

Основой регулирования современного отечественного законодательства об общей долевой собственности, является договор. Договор о взаимоотношениях между сособственниками по поводу их общей вещи. Он может быть устным, письменным или даже невыраженным, но фактически сложившимся.

Присутствие такого элемента как договорных отношений не исключают споров об общем имуществе у сособственников. Чаще всего такой спор выражается в стремлении стороны к разделу общего имущества и безограниченном им владении.

Согласно положению ст. 252 ГК РФ имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками, но только по соглашению между ними. Лишь в исключительных случаях, когда доля собственника незначительна и не может быть реально выделена, а сам сособственник не имеет существенного интереса в таком имуществе, суд может и при отсутствии согласия обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему компенсацию. С получением же компенсации такой сособственник утрачивает право на долю в общем имуществе.

Некоторые ученые-юристы критикуют такое положение законодательства. С одной стороны, Ю.К. Толстой указывает, что суд может определять лишь порядок владения и пользования, но не распоряжения общей собственностью². Схожей позиции придерживается Г.Д. Атнокова, по мнению которой «норма, дающая возможность суду исключать сособственника из числа участников права общей собственности против его воли, наделяет суд не свойственной ему функцией: вместо защиты прав истца

суд исключает его из состава субъектов общей собственности³. Иными словами, ученых-юристов смущает то, что положение законодательства, которое хоть и в частных случаях, но позволяет лишать участника общедолевой собственности его имущественных прав принудительно.

С другой стороны, вопросы регулирования общей долевой собственности, так или иначе соотносятся именно с идеальной долей, то есть долей, которая не разделена и находится в общем имуществе сособственников. Также, исходя из приведенного, взаимоотношения между сособственниками по поводу их общей вещи регулируются неким договором: устным или письменным или даже невыраженным, но фактически сложившимся. Однако договор в отношении общего имущества может отсутствовать или не сложиться вовсе. Вследствие этого возникает спор у сособственников. При этом естественным выглядит стремление сособственников разделить их общую вещь, а не урегулировать спор в отношении владения и пользования имуществом. Такое положение законодательства не позволяет разрешать споры о разделе или выделе доли в натуре, при отсутствии согласия и при относительном равенстве долей сособственников.

К примеру. Предметом спора является однокомнатная квартира между бывшими супругами. При разделе общей совместной собственности суд разделил имущество между участниками поровну, по 1/2 доли каждому. Один из супругов не желает продавать квартиру целиком с выделом ему половины денежных средств и пользуется всей квартирой. Права другого супруга находится под угрозой, поскольку совместное проживание (пользование) спорной квартирой невозможно, а получить свою долю в натуре или в денежном эквиваленте один из сособственников не может, ввиду нежелания другого. По действующему законодательству не допускается принуждение к сделкам, а правовой механизм раздела имущества без согласия его участников присутствует только при наличии незначительной доли одного из участников общей долевой собственности. Иными словами, складывается противоречие между правом на раздел общедолевой собственности одним из его участников и практической реализации такого права при отсутствии соглашения между сособственниками.

1 См.: Русская Правда, пространная редакция, XII век. Российское законодательство X-XX веков. В 9. т. 1. Под ред. М.В. Сverdлова. - М.: Юридическая литература, 2004. - С. 27.

2 См.: Толстой Ю.К. Понятие права собственности // Проблемы гражданского и административного права. - Л., Изд-во ЛГУ, 2017. - С. 46.

3 См.: Гражданское право. Часть первая: учебник / Отв. ред. Мозолин В.П., Масляев А.И. - М., Юрист, 2008. - С. 332.

Такое положение порождает внимание криминального элемента к рассматриваемым отношениям. В частности, общественное внимание привлекло рассмотрение уголовного дела в отношении Макарова, Гонгадзе и других по ст. 179 УК РФ⁴. Суть криминального бизнеса доходила к тому, что участники группы Макарова покупали доли в праве собственности на квартиры у лиц, которые не могут по каким-либо причинам разделить имущество с другими собственниками по низкой цене. Затем, пользуясь правом общей долевой собственности, вселялись в квартиры и принуждали других собственников к совместной продаже общего имущества.

Рассмотрение указанного уголовного дела привлекло внимание представительной власти, которые пытались законодательным путем урегулировать обозначенную проблему. Были внесены изменения в законодательство РФ. В частности, вступили в силу поправки в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»⁵, суть которых состоит в том, что продажа, дарения и ряд других сделок с долями в праве общей долевой собственности подлежат обязательному нотариальному удостоверению. Поскольку деятельность нотариусов лицензируется и находится под надзором государства, то введение обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом снизило криминальное составляющее в разделе общей долевой собственности. Однако не исключило полностью.

Отмечается неоднократное обращение в Высшие судебные инстанции за разъяснениями указанных вопросов. Однако суды отказывают в разъяснениях. Так, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы гражданина З.В.Г. на нарушение его конституционных прав п. 2 ст. 218, п. п. 2, 3 и 4 ст. 244 ГК РФ, Конституционный Суд РФ в Определении от 23 июня 2016 г. № 1291-О указал: «Оспариваемые законоположения с учетом нормы пункта 4 статьи 244 ГК Российской Федерации, устанавливающей основание возникновения общей долевой собственности на неделимые вещи, включая жилые помещения, вопреки утверждению заявителя, неясностей не содержат. Они направлены на реализацию участниками гражданских правоотношений своих имущественных прав, в том числе права иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им, гарантированного статьей 35 (часть 2) Конституции Российской Федерации, и сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя, перечисленные в жалобе»⁶.

Действующие же руководящие Постановления судов применимы лишь в частных случаях и в буквальном толковании ст.ст. 252, 253 ГК РФ⁷.

Возможное разрешение возникшей проблемы видится в расширении применения положения ст. 10 ГК РФ. Согласно ч.1 данной нормы, не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действуя в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Согласно ч.2 той же нормы в случае несоблюдения требований суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

Такое законодательное положение содержит правовой запрет осуществления прав такими приемами, методами и способами, которые причиняют или могут причинить несопоставимый с условиями отношений вред стороне или третьим лицам.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств вправе применить меры обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны»⁸.

Злоупотребление правом – оценочное понятие. Отраженное в законе понятие злоупотребления правом не содержит четких критериев отнесения тех или иных действий к злоупотреблению или его отсутствию. Однако при наличии судебного толкования, разъяснений Высших судебных органов РФ суды все чаще и чаще при вынесении решений соотносят его с положениями о злоупотреблении права⁹.

Положения о злоупотреблении права универсальны и пределы их применения достаточно широкие.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что суды вправе разрешать споры о разделе общего имущества также применяя положения о злоупотреблении правом, определив сторону, злоупотребляющую своими правами и отказать в защите ее прав. К примеру, приведенному ранее, суд может сторону, злоупотребляющую полномочиями, лишить права на долю в общей долевой собственности, обязав других собственников компенсировать утрату имущества злоупотребляющей стороне.

Однако применение положений ст. 10 ГК РФ к обозначенным спорным отношениям требует более детального и расширительного толкования в руководящих Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Следует согласиться с А.Ю. Беспаловым, что «действующий механизм правового регулирования злоупотребления правом надлежит совершенствовать. Граждане, вступая в гражданские правоотношения, должны четко представлять и осознавать возможные правовые последствия и отдавать себе отчет в своем поведении. Вместе с тем действующее правовое регулирование не разрешает с достаточной степенью четкости вопрос о том, какие действия являются злоупотреблением правом»¹⁰.

В тоже время, более четкое толкование положений ст. 10 ГК РФ может способствовать надлежащему и справедливому разрешению широкого сектора споров.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1291-О // Российская газета. - 2016. - 27 июня.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 августа 2020 г. Гражданское дело № А40-79504/2019.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - 1996. - 30 ноября.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 8.
5. Редакция Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 02.06.2016 // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 27 (часть II). - Ст. 4248.
6. Гражданское право. Часть первая: учебник / Отв. ред. Мозолин В.П., Масляев А.И. - М.: Юрист, 2008.
7. Козлова Н. Полицейский и его банда // Российская газета. - 2017. - № 77. - 11 апреля.
8. Русская Правда, пространная редакция, XII век. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Под ред. М.В. Свердлова. - М.: Юридическая литература, 2004.
9. Толстой Ю.К. Понятие права собственности // Проблемы гражданского и административного права. - Л.: Изд-во ЛГУ, 2017.
10. Частное право: проблемы теории и практики / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. - М.: Проспект, 2016.

4 См.: Козлова Н. Полицейский и его банда // Российская газета. - № 77. - 2017. - 11 апреля.

5 См.: Редакция Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 02.06.2016 // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 27 (часть II). - Ст. 4248.

6 См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1291-О // Российская газета. - 2016. - 27 июня.

7 См.: п.36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ N 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - 1996. - 30 ноября.

8 См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части

первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2015. - № 8. - С. 6-14.

9 См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 августа 2020 г. Гражданское дело № А40-79504/2019.

10 См.: Частное право: проблемы теории и практики / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. - М.: Проспект, 2016. - С. 44.

НОВИКОВ Алексей Валерьевич

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовного права Астраханского государственного университета, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии

СЛАБКAYA Диана Николаевна

научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России

СТРАХОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В нашей стране страхование интеллектуальной собственности является достаточно новым видом страхования для страхового сообщества, где в большей степени применяется такие виды страхования, как страхование имущества, страхование ответственности за причинение вреда (ОСАГО, КАСКО) страхование рисков утраты имущества. Страхование интеллектуальной собственности особой популярностью не пользуется и является в некоторой степени «кастовым» сегментом рынка.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, страхование, авторское право, страховая премия, расходы, договор, исключительные права.

NOVIKOV Aleksey Valerjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, Ph.D. in Law, professor, chief scientific researcher of the Research Institute of the FPS of Russia, professor of Criminal law sub-faculty of the Astrakhan State University, professor of Civil law sub-faculty of the Russian customs Academy

SLABKAYA Diana Nikolaevna

scientific officer of the Research Institute of the FPS of Russia

INTELLECTUAL PERFORMANCE INSURANCE

In our country, intellectual property insurance is a fairly new type of insurance for the insurance community, where such types of insurance as property insurance, insurance of liability for damage (OSAGO, CASCO), insurance of the risks of property loss are used to a greater extent. Intellectual property insurance is not very popular and is to some extent a "caste" market segment.

Keywords: intellectual property, insurance, copyright, insurance premium, costs, contract, exclusive rights.

Социальными, экономическими и правовыми факторами, обусловлена необходимость в создании и развитии рынка услуг страхования интеллектуальной собственности. К таковым можно отнести развитие гражданского оборота интеллектуальной собственности и востребованность продуктов интеллектуального труда; как следствие – увеличение количества нарушенных личных неимущественных и имущественных прав авторов и правообладателей, путем неправомерного использования результатов их интеллектуальной деятельности.

По норме п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) интеллектуальной собственностью являются охраняемые законодательством результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (коммерческие обозначения). В общей сложности 16 объектов, а именно: произведения литературы и науки, компьютерные программы, базы данных, исполнения, фонограммы, теле- радио передачи, полезные модели, изобретения, промышленные образцы, ноу-хау, селекционные достижения, товарные знаки, фирменные наименования, типологии микросхем, коммерческие обозначения, наименование мест происхождения товаров¹

Необходимо отметить, что все вышеперечисленные объекты становятся интеллектуальной собственностью при наличии двух взаимосвязанных условий:

- охрана должна предусматриваться (потенциально предоставляться им) законом;
- охрана должна быть реально предоставлена конкретному результату интеллектуальной деятельности или средству индивидуализации².

Как показывает п. 1 ст. 1225 ГК, категория интеллектуальной собственности применима только к реально охраняемому результату интеллектуальной деятельности или средству индивидуализации, на которое имеются определенные права у конкретного субъекта. В этой связи признание любого подлежащего обязательной государственной регистрации РИД или средства индивидуализации интеллектуальной собственностью до выдачи «охранного» документа представляется некорректным.

Термин «интеллектуальная собственность» условно представляется собирательным. Так, согласно ст. 2 «VIII» Конвенции интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к: художественным, литературным и научным произведениям; исполнительской деятельности, звукозаписи, радио- и теле- передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным от-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства РФ. - 08.04.2017.

2 Савина В.С. Эволюция концепции права интеллектуальной собственности. Дис. ... докт. Юрид. наук. - М., 2019. - 384 с.

крытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции³.

Права на охраняемые РИД и средства индивидуализации именуется интеллектуальными правами (ст. 1226 ГК РФ).

Содержание интеллектуальной собственности как права включает в себя два института: права автора и исключительное право.

К правам автора относятся:

– право авторства (право гражданина быть названным автором произведения искусства, науки и т. д., при условии, что это произведение создано его личным творческим трудом);

– право на имя (присвоение авторского имени созданному произведению);

– право на опубликование (право автора обнародовать свое произведение или сохранить его в тайне);

– право на неприкосновенность произведения (никто не имеет права изменять, искажать авторский вариант произведения с сохранением имени автора, поскольку это может нанести ущерб его репутации).

Исключительное право на объекты интеллектуальной собственности связано с понятием его использования, т. е., это автор использует данное право сам и (или) разрешает (запрещает) это делать другому лицу. С исключительным правом связаны все вопросы коммерческого использования результатов интеллектуального труда.

Необходимо разграничивать понятия «интеллектуальная собственность» и «результат интеллектуальной деятельности».

Так, в соответствии со ст. 12, ст. 128 ГК РФ под интеллектуальной собственностью понимаются исключительные права на использование РИД. В свою очередь, создание РИД является основанием для возникновения гражданских прав и обязанностей в соответствии со ст. 12 ГК РФ. РИД не имеет своего материального выражения, и для того, чтобы ему предоставлялась правовая охрана, он должен отвечать ряду, установленных законом признаков. Например, для отнесения РИД к объектам авторского права он должен являться произведением науки, литературы или искусства, иметь объективную форму существования и отвечать признакам новизны и оригинальности.

Страхование можно представить, как вид необходимой общественно-полезной деятельности, при которой организации и граждане заранее страхуют себя от неблагоприятных последствий в сфере материальных и личных нематериальных благ путем внесения денежных взносов в особый фонд специализированной организации (страховой компании), которая при наступлении вышеперечисленных последствий выплачивает страхователю или иному лицу обусловленную сумму за счет средств этого фонда.

Страховая деятельность, или иными словами «страховое дело», представляет собой сферу деятельности страховщиков по страхованию, взаимному страхованию, перестрахованию, а также страховых агентов (брокеров) по

оказанию услуг, связанных со страхованием, с перестрахованием.

Страхование интеллектуальной собственности – это экономический способ минимизации рисков, сопровождающих гражданско-правовой оборот объектов интеллектуальной собственности, путем передачи его страховой компании (страховщику) за определенную плату (страховую премию)⁴.

Большинство страховщиков готовы осуществлять страхование в отношении РИД, но не всех, а в зависимости от их видовой принадлежности. Чаще всего страхование осуществляется только в отношении таких РИД, как изобретения и полезные модели, товарные знаки и промышленные образцы, или только в отношении объектов авторского и смежного права.

В страховании интеллектуальной собственности страховщики руководствуются действующим законодательством, содержащим в том числе и специальные правовые нормы о страховании, а также правилами страхования интеллектуальной собственности.

Цель страхования интеллектуальной собственности – это защита документально подтвержденных исключительных прав на охраняемые РИД.

Страхователями по рассматриваемому виду страхованию могут выступать как отдельные дееспособные физические лица, в том числе осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, так и юридические лица любой формы собственности, которыми были заключены со страховой организацией (страховщиком) договора страхования.

Объект и предмет страхования существует при каждом конкретном виде страхования. Объект страхования – это не противоречащий закону, определенный имущественный интерес, который может быть застрахован и подлежать страхованию. Предмет страхования – конкретное имущество или имущественные права, в отношении которых осуществляется процедура страхования.

Так, объектом страхования в рамках страхования интеллектуальной собственности являются не противоречащие действующему законодательству РФ имущественные интересы страхователя, связанные с пользованием, владением, распоряжением имущественными правами, связанными с его интеллектуальной собственностью.

Обобщая сказанное, предметом страхования является все то, что непосредственно перечислено в ст. 1225 ГК РФ.

По договору страхования может быть застрахован риск только самого страхователя и только в его пользу.

Страховой риск – это предполагаемое событие, на случай наступления которого производится страхование (п. 1 ст. 9 Закона об организации страхового дела)⁵. Рассматриваемое в качестве страхового риска событие должно, как правило, обладать такими признаками, как случайность и вероятность наступления.

Понимая, что интеллектуальную собственность представляет собой не сами результаты интеллектуальной де-

3 Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (Подписана в Стокгольме 14.07.1967, изменена 02.10.1979).

4 Ус В.В. Страхование интеллектуальной собственности: от теории к практике за 10 лет // Имущественные отношения в РФ. - 2013. - № 12 (147). - С. 86-99.

5 Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1.

тельности, а лишь исключительные права на эти результаты, можно выделить две группы рисков, связанных: с защитой авторских и смежных прав, а также с интеллектуальной промышленной собственностью.

Каждому объекту интеллектуальной собственности соответствует собственный перечень рисков.

Наиболее сложным в страховании объектов интеллектуальной собственности является определение страхового тарифа (или же определение суммы страховой премии), так как он базируется на математической вероятности наступления страхового события, статистике предшествующих периодов и аналогии по идентичным договорам с иными другими контрагентами.

Отечественные страховщики в полной мере не располагают эталонным вариантом данного страхового тарифа, поэтому к страхованию объектов интеллектуальной собственности относятся персонализировано и осторожно.

Зарубежная практика правоприменения свидетельствует, что страхование в сфере интеллектуальной собственности наиболее востребовано как способ компенсации расходов, связанных с судебными разбирательствами. При этом наиболее широкое распространение получили два вида договоров страхования:

Первое. «Покрытие расходов, связанных с нарушением патентных прав». Этим договором страхователю компенсируются возможные судебные расходы по преследованию лиц, нарушивших его исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, как-то издержки: по предъявлению иска; в случае предъявления встречного иска и обвинения в недействительности патента; на экспертизу патента; на повтор патента для подкрепления иска.

Второе. «Покрытие расходов на защиту патентных прав». Этим договором страхователь защищен в случае предъявления ему иска о нарушении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности третьих лиц и покрываются возможные расходы по защите в суде, в том числе по исполнению судебного решения или отступные при досудебном урегулировании претензий.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что достаточно многие страховые компании заявили в декларативной форме о страховании интеллектуальной собственности, но говорить о цивилизованном сформировавшемся рынке услуг страхования интеллектуальной собственности в нашей стране преждевременно. Единичные случаи страхования интеллектуальной собственности не могут служить основой практике страхования интеллектуальной собственности.

Основные причины, по которым страховые компании отказываются страховать данный сегмент:

– это многообразие и не типичность РИД и исключительных прав на них как объектов гражданско-правового оборота;

– незнание страховщиками специфики участия интеллектуальной собственности в гражданско-правовом обороте имущества;

– сложность определения и отсутствие статистики страховых рисков, подтверждения стоимости РИД, как страхуемого имущества;

– проблема документального подтверждения не только прав на использование РИД, но и самого охраняемого законом РИД, его достоинств, коммерческой значимости и выгод правообладателя.

Формированию страхового рынка в области интеллектуальной собственности непосредственно в Российской Федерации, будут способствовать такие явления, как имплементация зарубежного опыта, в части сублимации положительного потенциала и апробированность данного вида страхования по конкретным страховым взаимоотношениям сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Собрание законодательства РФ. - 08.04.2017. - № 5. - Ст. 410.
2. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 (последняя редакция), интернет-ресурс Консультант-Плюс.
3. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (Подписана в Стокгольме 14.07.1967, изменена 02.10.1979).
4. Савина В.С. Эволюция концепции права интеллектуальной собственности. Дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2019. - 384 с.
5. Ус В.В. Страхование интеллектуальной собственности: от теории к практике за 10 лет // Имущественные отношения в РФ. - 2013. - № 12 (147). - С. 86-99.

КИРСАНОВ Вячеслав Олегович

аспирант Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ ОСНОВНЫХ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ. ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья рассматривает гарантии реализации процессуальных прав основных участников процесса в сфере электронного правосудия и проблемы, возникающие на практике. Сфера электронного правосудия является актуальной не только в российской, но и мировой правовой действительности. Расширяя правовой инструментарий для основных участников процесса, информационные технологии способствуют созданию комплекса правовых гарантий защиты и реализации процессуальных прав. Вместе с тем, новеллы и динамично развивающиеся технологии являются большим вызовом для законодателя, так как урегулировать процессуальные правоотношения является сложной задачей. В настоящий момент, несмотря на определенный опыт функционирования электронного правосудия в РФ, некоторые положения имеют рудиментарный характер, что в свою очередь коррелирует с возможностью реального обеспечения правовых гарантий процессуальных прав. В связи с этим, изучение практических проблем, с которыми сталкиваются основные участники процесса в сфере электронного правосудия, имеет большую теоретическую и практическую значимость.

Ключевые слова: электронное правосудие, информационные технологии, гарантии реализации процессуальных прав, основной участник процесса, пандемия COVID19, трансформация прав.

KIRSANOV Vyacheslav Olegovich

postgraduate student of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

GUARANTEES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROCEDURAL RIGHTS OF THE MAIN PARTICIPANTS IN THE CIVIL PROCESS IN THE FIELD OF ELECTRONIC JUSTICE. PRACTICAL PROBLEMS

The article considers the guarantees of the implementation of the procedural rights of the main participants in the process in the field of electronic justice and the problems that arise in practice. The sphere of electronic justice is relevant not only in Russian, but also in the world legal reality. By expanding the legal tools for the main participants in the process, information technology contributes to the creation of a set of legal guarantees for the protection and implementation of procedural rights. At the same time, novels and dynamically developing technologies are a big challenge for the legislator, since it is a difficult task to regulate procedural legal relations. At the moment, despite a certain experience in the functioning of electronic justice in the Russian Federation, some provisions are of a rudimentary nature, which in turn correlates with the possibility of real provision of legal guarantees of procedural rights. In this regard, the study of practical problems faced by the main participants in the process in the field of e-justice is of great theoretical and practical significance.

Keywords: e-justice, information technology, guarantees for the implementation of procedural rights, the main participant in the process, the COVID19 pandemic, transformation of rights.

Электронное правосудие – это способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий, позволяющих применять в судопроизводстве безбумажный обмен информацией в электронно-цифровом виде между всеми участниками судебного процесса. С развитием информационных технологий целые институты права подвергаются некоторой трансформации. В большинстве своём эти изменения касаются не столько глубоких существенных правовых, в том числе процессуальных явлений, сколько расширяют объём правовых способов, с помощью которых основные участники процесса могут реализовывать и защищать свои права. Также в этом контексте важно отметить, что реализация и защита процессуальных прав возможны только тогда, когда существуют соответствующие правовые гарантии, законодательно закреплённые и имеющие функционирующий механизм по обеспечению их общеобязательности.

Пандемия COVID 19 как уникальное и беспрецедентное явление, которое в значительной степени ограничило возможность отправления судами правосудия¹, во многом актуализировало электронное правосудие. Следует отметить, что электронное правосудие не является

самостоятельной отраслью права или законодательства. Электронное правосудие является механизмом, который дополняет возможность реализовывать свои процессуальные права сторонам, в частности основным участникам процесса. При этом, говоря о роли пандемии в актуализации электронного правосудия необходимо оговориться, что и до этого периода данные механизмы активно использовались участниками гражданского процесса. Тем не менее, активизация электронной сферы выявило ряд практических проблем, прежде всего, в сфере законодательного процессуально - организационного регулирования, а также фактической обеспеченности судов России соответствующими возможностями.

Гарантии реализации прав следует рассматривать через призму непосредственно самих процессуальных прав основных участников гражданского процесса. Действительно, представляется, что наличие электронного правосудия имеет значительное воздействие на процесс, не только в части расширения инструментария и возможных способов реализации прав, но и ведет в целом к некоторой трансформации самого процесса. При всей необходимости развития информатизации судебной системы существует необходимость сохранения базовых элементов российской судебной системы, интеллектуальную деятельность судьи, судоговорение, принятие решений на основе гуманистического правосудия.

1 Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС КонсультантПлюс.

В рамках настоящей статьи следует выделить информационную гарантию реализации прав. Она означает, прежде всего то, что посредством коммуникационной сети «Интернет» посредством публикации определенной информации осуществляется и может быть фактически реализовано большинство прав в сфере электронного правосудия.

Основные участники процесса имеют право быть извещенными о ходе рассмотрения дела, назначении даты судебного заседания, отложении судебного заседания и иных процессуальных действий, что является неотъемлемой частью их правового процессуального статуса. Это достаточно широкое правомочие, которое в целом означает, что основной участник процесса, будь то истец или ответчик, получают наиболее полную информацию касательно судебного разбирательства. Правовые гарантии реализации данного права в сфере электронного правосудия указываются в центральном для этого аспекта Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов».

Электронное правосудие это сфера диспозитивной возможности реализовывать свои процессуальные права. В данном контексте примечательно рассмотреть гарантию получения информации о ходе судебного дела посредством извещения sms-сообщениями. Оно возможно только с согласия участника процесса. В ходе заседания истец и ответчик дают свое согласие (либо наоборот отказываются) от возможности рассылки подобного рода уведомлений. В случае подписания согласия сторонами или их представителями, судом подобные уведомления будут считаться надлежащими. Приобщение к материалам дела этого согласия является обязательным. Невыполнение данного условия влечет признание незаконным судебного решения, постановленного в отсутствие стороны процесса в связи с ненадлежащим уведомлением основного участника процесса².

Гарантией того, что реализации права будет соответствовать деятельность уполномоченных на то субъектов, например, право на получение решений суда и иных документов в форме электронного документа обеспечивается усиленной квалифицированной электронной подписью. Сфера электронного правосудия позволяет не только получить подобный акт, но и гарантирует, что подобная подпись поставлена с учетом соответствующих сертификатов и иных требований к ЭЦП³, которые обеспечивают надежность данного судебного заверения.

Транспарентность судебной системы означает то, что указанные правила распространяются на судебное решение в электронной форме. В свою очередь решение в письменной форме оно может быть опубликовано на сайте суда с изъятием персональных данных.

В сфере электронного правосудия необходимо указать на такую гарантию реализации права как гарантия права на участие в судебном заседании. Основные участники процесса имеют право участвовать в судебном заседании лично либо через представителя. Пандемия COVID 19 способствовала развитию нестандартных правовых решений при возникающих новых сложных вопросах. В связи с этим гарантией реализации указанного ранее права на участие в судебном заседании являлось наличие онлайн судебных заседаний с использованием видео-конференц связи. Следует оговорить-

ся, что этот формат не новый для российского процесса. Вместе с тем, он не имел такой актуальной формы как в период пандемии.

С учетом новшества подобной гарантии, на практике возникли значительные проблемы в связи с тем, что, во-первых, имелась пробельность законодательства, во-вторых, невозможность точно определить легитимность тех или иных действий (например, возможностью провести заседание через WhatsApp) в связи с отсутствием четкой регламентации организационных вопросов.

Другой проблемой в реализации указанного права является наличие технического обеспечения в том или ином суде. Так, Суд по интеллектуальным правам не смог удовлетворить ходатайство стороны об участии в судебном заседании посредством видео-конференц связи по причине отсутствия такой технической возможности⁴.

Практические проблемы в реализации прав граждан в сфере электронного правосудия, и соответственно обеспеченности гарантий являются объективными в связи с новизной данной области. В данном контексте нужно учитывать, что механизм онлайн-заседаний корректнее рассматривать в отрыве от пандемии, так как он может быть реализован и по иным основаниям, по которым проведения подобных заседаний допустимо и рекомендовано. Зарубежная практика также подчеркивает успешность подобных мер⁵.

На мировом уровне отмечены тенденции создания международных актов в этом сфере, когда национальные законодательства будут иметь определенные нормотворческие стандарты в сфере электронного правосудия с целью повышения эффективности механизмов электронного правосудия. В частности, высказывается мнение о необходимости принятия Декларации цифровых прав для соблюдения прав человека в цифровом контексте⁶.

Транспарентность электронного правосудия является гарантией того, что права основных участников процесса будут строго соблюдаться с точки зрения выполнения судом сроков совершения соответствующих действий. С учетом того, что граждане по различным причинам могут в период судебного разбирательства находиться, в том числе не в городе, по которому имеется возможность получать судебную корреспонденцию, эти механизмы, присущие электронному правосудию способствуют защите процессуальных прав истца и ответчика.

Важным вопросом является представительство. Так, гражданин считал свои права нарушенными в связи с тем, что Приказ № 251 не содержит возможность подачи процессуального документа представителем, полномочия которого были подтверждены устной доверенностью. Определением Верховного Суда РФ от 11.09.17 № АКПИ17-851 в удовлетворении требований было отказано в связи с тем, что порядок принят в соответствии с требованиями к порядку принятия нормативных правовых актов федеральным государственным органом, что подтверждено вступившим в законную силу решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2017 г. № АКПИ17-126⁷.

Логика суда исходит из того, что подача документов в электронной форме не является исключительно единственной возможностью подачи документов в суд и отклонение документов согласно пункту 4.5 Порядка не могут рассматриваться как нарушение предусмотренного частью 1 ста-

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 (ред. от 25.12.2018) «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // «Российская газета». № 35. 17.02.2012.

3 Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // «Российская газета». № 75. 08.04.2011.

4 Решение Суда по интеллектуальным правам от 04.04.2018 по делу № СИП-727/2017 // СПС КонсультантПлюс.

5 GiampieroLupo, Bailey Jane. Designing and Implementing e-Justice Systems: Some Lessons Learned from EU and Canadian Examples. Laws 2014, 3, 353-387.

6 Mathiesen K. Human Rights for the Digital Age // Journal of Mass Media Ethics. 2014. Vol. 29. Issue 1. Pp. 2-18.

7 Определение Верховного Суда РФ от 11.09.17 № АКПИ17-851 // СПС КонсультантПлюс.

тьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод права на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. В связи с этим вопрос о гарантиях защиты прав нужно рассматривать в связи контексте с общими процессуальными гарантиями.

Одной из сложностей при реализации гарантий защиты прав основных участников процесса в сфере электронного правосудия является определение статуса письменных доказательств документов и материалов, выполненных в форме цифровой записи, полученных посредством электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, документов, подписанных электронной подписью. Если копии документов представлены в суд в электронном виде, суд может потребовать представления подлинников этих документов. Соответственно речь идет о применении судом цифровых технологий в процессе отправления правосудия с целью реализации задачи правильного и своевременного рассмотрения дела.

Как отмечает А. Sethia⁸, развитие информационных технологий вызвало немало вопросов в области гарантий защиты основных прав и свобод участников процесса, реализация которых в значительной степени зависит от эффективности процессуального законодательства в целом и допустимости электронных доказательств в частности. На это мнение ссылаются и российские исследователи⁹.

Касательно гарантии защиты и реализации прав основных участников процесса примечателен зарубежный опыт. Так, в Сингапуре с 1997 года действует Интегрированная электронная судебная система¹⁰. Наличие такой продолжительно существующей системы сейчас привело к тому, что законодательство в ней развито на высоком уровне и эта сфера является эффективной. Также суд Австралии разработал национальную систему видеоконференц-связи (первую в своем роде в мире). Пользование данной системой является платным¹¹. В России же, стоит отметить, сервисы электронного правосудия, указанные в исследовании, являются полностью бесплатными.

Таким образом, электронное правосудие, расширяя правовой инструментарий для основных участников процесса, способствуют созданию комплекса правовых гарантий защиты и реализации процессуальных прав основных участников гражданского процесса. Вместе с тем, новеллы и динамично развивающиеся технологии являются большим вызовом для законодателя, так как урегулировать процессуальные правоотношения является сложной задачей. В настоящий момент, несмотря на определенный опыт функционирования электронного правосудия в РФ, некоторые положения имеют рудиментарный характер, что в свою очередь коррелирует с возможностью реального обеспечения правовых гарантий процессуальных прав. Законодательству России в этой сфере еще предстоит путь развития, в ходе которого будет создана оптимальная система электронного правосудия, используя которой будет достигнута максимальная гарантированность прав и законных интересов участников процесса.

8 Sethia A. Rethinking admissibility of electronic evidence // International Journal of Law and Information Technology. Vol. 24. Issue 3. 2016. Pp. 229–250.

9 Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 45. 2019 С. 477.

10 Решетняк В.И. Электронное правосудие в гражданском процессе Сингапура // Российский юридический журнал. № 2. 2012. С. 75–80.

11 Сечкарук В.С. Современные проблемы развития электронного правосудия в России и в мире // Дипломный проект ЭФСПбГУ 2011. С. 16.

Пристатейный библиографический список

Нормативно-правовые акты

1. ГПК РФ (редакция от 05.05.2020) // «Российская газета». № 220. 20.11.2002.
 2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // «Российская газета». № 75. 08.04.2011.
- Судебная практика
1. Определение Верховного Суда РФ от 11.09.17 № АКПИ17-851 // СПС КонсультантПлюс.
 2. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». // «Российская газета». № 297. 29.12.2017.
 3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 (ред. от 25.12.2018) «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // «Российская газета». № 35. 17.02.2012.
 4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18.03.2020 № 808 «О приостановлении личного приема граждан в судах» // СПС КонсультантПлюс.
 5. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 05.11.2019) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // «Бюллетень актов по судебной системе». № 2. февраль, 2017.
 6. Решение Суда по интеллектуальным правам от 04.04.2018 по делу № СИП-727/2017 // СПС КонсультантПлюс.

Специальная литература

1. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Электронный документооборот в сфере правосудия в условиях цифровой экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 45. 2019. 594 с.
2. Решетняк В.И. Электронное правосудие в гражданском процессе Сингапура // Российский юридический журнал. № 2. 2012 99 с.
3. Сечкарук В.С. Современные проблемы развития электронного правосудия в России и в мире // Дипломный проект ЭФСПбГУ. 2011. 75 с.
4. GiampieroLupo, Bailey Jane. Designing and Implementing e-Justice Systems: Some Lessons Learned from EU and Canadian Examples. Laws 2014, 3, 353–387.
5. Mathiesen K. Human Rights for the Digital Age // Journal of Mass Media Ethics. 2014. Vol. 29. Issue 1. Pp. 2–18.
6. Sethia A. Rethinking admissibility of electronic evidence // International Journal of Law and Information Technology. Vol. 24. Issue 3. 2016. Pp.229–250.

КОВАЛЬ Михаил Иванович

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ВОЗМЕЗДНОЕ ОКАЗАНИЕ УСЛУГ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Рассматриваются особенности юридической природы договора возмездного оказания услуг и его использования в уголовно-исполнительной системе. Анализируются проблемные вопросы реализации договора в привлечении к труду осужденных, исходя из практической деятельности. Предлагаются меры расширения применения и повышения его эффективности.

Ключевые слова: возмездное оказание услуг, договор, ГК РФ, уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, спецконтингент, ФСИН, сторонняя организация, колония-поселение.

KOVAL Mikhail Ivanovich

Ph.D. in law, associate professor, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Training of State and Municipal Staff of the Academy of the FPS of Russia

PAID PROVISION OF SERVICES AND FEATURES OF THEIR APPLICATION IN THE PENAL SYSTEM

The article deals with the features of the legal nature of the contract for the provision of paid services and its use in the penal system. The article analyzes the problematic issues of implementing the contract in attracting convicts to work, based on practical activities. Measures are proposed to expand the application and increase its effectiveness.

Keywords: paid provision of services, contract, Civil Code of the Russian Federation, penal system, correctional institution, special agent, Federal Penitentiary Service, third-party organization, colony-settlement.

Договорные отношения в области возмездного оказания услуг получили свое законодательное закрепление в 1995 году, где во 2-ю часть Гражданского кодекса РФ была включена глава 39 «Возмездное оказание услуг». Статья 779 ГК РФ содержит перечень их видов, который не является исчерпывающим, однако предусмотрела их исключение по договорам, содержащимся в ряде глав. Такие новеллы были вызваны социально-экономическим преобразованием России, совершенствованием рыночных отношений, что, безусловно, не могло не затронуть сферу гражданского законодательства и договорных отношений в частности. Правовая регламентация договоров возмездного оказания услуг расширяет права и обязанности как юридических, так и физических лиц во многих областях жизнедеятельности и соответствует их конституционному праву на удовлетворение и защиту своих интересов.

Несмотря на имеющуюся правовую конструкцию, данный вид договорных отношений не является совсем новым, возникшим спонтанно. Еще в ГК РСФСР от 1964 года имелась глава 30, относящаяся к договорам подряда и другие главы по оказанию отдельных видов услуг. Следует признать, что исследования, направленные на совершенствование договорных отношений в данной области наиболее активно стали вестись (с меньшей или большей интенсивностью) примерно с 1960-х годов. За этот период, на основе ряда исследований, ученым удалось доказать необходимость выделения (отделения) ряда обязательств оказания услуг от договора подряда¹. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что свою родовую договор возмездного оказания услуг сохранил, о чем свидетельствует и ст. 783 ГК РФ, где «Общие положения о подряде (ст. 702-729) и положения о бытовом подряде (ст. 730-739) применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит ст. 779-782 настоящего Кодекса и особенностям предмета договора возмездного оказания услуг».

Такая формулировка статьи в некоторой степени, на первый взгляд, не приводит к их четкому разграничению. Вместе с тем, следует обратить особое внимание на трактовку

«если это не противоречит особенностям предмета договора возмездного оказания услуг», т.е. сам предмет, которым выступает «услуга» в определенной области. То есть этому договору с одной стороны присущи родовые признаки договора подряда: публичный, возмездный, двухсторонний, консенсуальный, а с другой – он обладает отличительными признаками, спецификой предмета обязательства (услуги) и это отличает его от других договоров.

Безусловно, такое стало возможным на определенном этапе, что повлекло дальнейшую перестройку и реформирование договорных отношений. Можно согласиться с профессором О.С. Иоффе, «как только оборот принимает новые формы, так сразу же рождаются новые типы обязательств»².

Такие преобразования в области совершенствования договорных отношений способствовали расширению сфер их применения, в том числе и в уголовно-исполнительной системе. Договоры возмездного оказания услуг стали применяться в УИС после 2009 года, начало которым положило Распоряжение Федеральной службы исполнения наказаний от 31 октября 2009 г. № 313-р с методическими рекомендациями по подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы из числа осужденных при организации взаимодействия со сторонними партнерами. Хотя и здесь имеет место своя предистория, где правовой основой для привлечения осужденных к оплачиваемому труду на объектах любых организационно-правовых форм, не входящих в уголовно-исполнительную систему, являются положения Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах исполняющих наказания в виде лишения свободы» (ч. 3 ст.17, 21)³. В нем акцентировано внимание на обязательность включения в договор таких вопросов (разделов) как:

2 См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 146.

3 Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации: [от 21 июля 1993 г. № 5473-1; по состоянию на 27 дек. 2019 г.] // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.

1 См.: Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. М., 1999. С. 224.

- количество осужденных, выводимых на эти объекты;
- заработная плата, а также средства для выплаты осужденным необходимых пособий;
- специальная изоляция рабочих мест, на которых будут работать осужденные, от остальных объектов организаций;
- имущественные отношения между учреждениями, исполняющими наказания, и организациями;
- обеспечение безопасных условий труда работающим осужденным, соблюдение правил и норм техники безопасности и производственной санитарии в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде.

Они впоследствии более подробно детализированы и применяются в договорах. Так, в количестве осужденных, выводимых на работу, указывается не конкретное количество, а до определенного значения, к примеру, до десяти человек, так как представляется, что указание на точное количество осужденных может породить определенные затруднения в исполнении договора в связи с частым освобождением осужденных, отбывающих небольшой срок наказания в колонии-поселении.

В силу специфики деятельности УИС основным видом возмездного оказания услуг является договор возмездного оказания услуг по подбору рабочей силы их числа осужденных, отбывающих наказания в колониях-поселениях. Субъектами выступают как сами колонии-поселения, так и другие учреждения при которых имеются участки колоний-поселений. Они вправе использовать и используют подбор рабочей силы из числа осужденных путем заключения договора возмездного оказания услуг.

Проведенные исследования в ряде субъектов Российской Федерации (УФСИН Рязанской, Тамбовской, Тульской областей) показали, что более широко применению этого вида договора влияет ряд факторов как объективного (в большей степени), так и субъективного характера, к числу которых можно отнести:

- удаленность места расположения объектов, как контрагентов, так и самих исправительных учреждений;
- отсутствие заинтересованности сторонних организаций в привлечении к труду осужденных;
- краткий срок отбывания наказания (у некоторых со сроком до одного года нет мотивации к труду);
- социальная запущенность спецконтингента;
- низкая квалификация осужденных;
- недостатки в области планирования, связанного с прогнозированием в области поиска сторонних организаций в трудоустройстве осужденных;
- неукомплектованность младшим инспекторским составом, осуществляющим надзор за спецконтингентом.

Необходимо отметить, что основная масса спецконтингента, имеющих более высокую квалификацию, работают на собственном производстве колонии-поселения, ибо планы в выпуске продукции никто не отменял. Другая часть, которую можно было бы предложить для сторонних организаций привлекается к труду для собственных нужд таких как: благоустройство, уборка обслуживание территорий и т.п. и лишь незначительное количество осужденных (в некоторых учреждениях от 3-х до 10-ти человек) можно предложить сторонним организациям.

Следует признать, что не смотря на недостаточно широкое применение данного вида договора в УИС на законодательном уровне принимаются меры, направленные на устранение некоторых негативных факторов.

Так с 1 января 2020 г., исходя из ч.3 ст.129 Уголовно-исполнительного кодекса РФ могут создаваться участки колоний-поселений, расположенные вне колоний-поселений, но в пределах субъектов Российской Федерации, на территориях которых они находятся, для привлечения к труду осужденных на базе имущества, которое предоставляется в безвозмездное пользование организациями, использующими труд спецконтингента. Кроме того, организации, использующие труд осужденных на участках должны предоставить им общежитие, а также содействовать администрации исправительного учреждения в материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении осужденных.

В рамках реализации положений Федерального закона от 18 июля 2019 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» 29 апреля 2020 г. подписан Меморандум о сотрудничестве между ОАО «Российские железные дороги» по ряду направлений, в числе которых участие в выполнении работ, оказание услуг для нужд ОАО «РЖД», а также создания на базе имущества, предоставляемого ими в безвозмездное пользование участкам колоний-поселений.

О важности и оперативности совершенствования данного вида договорных отношений можно судить о том, что руководство ФСИН России обязало территориальные органы ФСИН, начиная с 10 августа 2020 г. предоставлять отчеты о проделанной работе (обращения, письма, протоколы совещаний, договоры) и достигнутые результаты.

Проведенный в рамках исследования опрос, интервьюирования сотрудников УИС, их руководства показал положительную оценку таких договоров как и конструкцию предложенного образца типового договора. Вместе с тем, нам представляется в раздел 2 «Права и обязанности сторон» (п.2.2 Общество обязуется) обязательно включить пункт: хранить тайну о профессиональных и биографических сведениях спецконтингента и не передавать их третьим лицам, при их нарушении несет имущественную и иную ответственность в соответствии с действующим законодательством. Важность такой обязанности указывает на то, что при ее нарушении, как в процессе отбывания наказания, так и после его отбытия, лицу может быть причинен определенный ущерб, нарушающий его конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия⁴.

Следует отметить, что Распоряжением ФСИН России № 313-р предусмотрена возможность заключения двух видов договоров: по подбору рабочей силы из числа осужденных и о предоставлении рабочей силы. Вместе с тем, как показало исследование, практически во всех учреждениях, используется лишь один вид договора «О подборе и предоставлении рабочей силы из числа осужденных», который заключается на срок не более одного года. Не редки случаи принятия дополнительных соглашений к договорам в срок до шести месяцев после заключения основного договора, в котором стороны закрепляют уточняющие и скорректированные обязанности.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М.: Вако, 2020.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации: [от 21 июля 1993 г. № 5473-1 ; по состоянию на 27 дек. 2019 г.] // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Рос. Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.
3. Распоряжение ФСИН РФ от 31.10.2009 № 313-р «О подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы» (вместе с «Методическими рекомендациями по подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы из числа осужденных при организации взаимодействия со сторонними партнерами») // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8.
4. Брагинский М.И. Договор подряда и подобные ему договоры. М., 1999.
5. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000.

4 См.: Конституция Российской Федерации. М.: Вако. 2020. Ст. 23, 24.

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-167-168

СУДАКОВА Ольга Васильевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры транспортного права Самарского государственного университета путей сообщения

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Предметом исследования настоящей статьи являются источники правового регулирования договора перевозки железнодорожным транспортом. На основании анализа действующего законодательства автор выявляет особенности и проблемы большого количества источников, которые регулируют договорные отношения в сфере перевозки железнодорожным транспортом. Автор приходит к выводу, что такой разброс законодательства наоборот создает сложности для субъектов гражданского права, участвующих в отношениях по перевозке, особенно при защите нарушенных прав. Кроме того, многие нормы одного закона начинают противоречить нормам другого. В связи с этим, автор считает, что законодательство, регулирующее перевозку железнодорожным транспортом, требует сосредоточения таких норм в более кодифицированном виде.

Ключевые слова: договор перевозки, железнодорожный транспорт, источники, правовое регулирование, пассажир, груз.

SUDAKOVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Transport law sub-faculty of the Samara State University of Railway Transport

SOURCES OF LEGAL REGULATION OF THE CONTRACT OF CARRIAGE BY RAIL

The subject of this article is the sources of legal regulation of the contract of carriage by rail. Based on the analysis of the current legislation, the author identifies the features and problems of a large number of sources that regulate contractual relations in the field of railway transport. The author comes to the conclusion that such a spread of legislation, on the contrary, creates difficulties for civil law entities involved in transportation relations, especially when protecting violated rights. In addition, many of the rules of one law begin to contradict the rules of another. In this regard, the author believes that the legislation regulating rail transport requires the concentration of such rules in a more codified form.

Keywords: contract of carriage, railway transport, sources, legal regulation, passenger, cargo.

Железнодорожный транспорт как в прошлое, так и настоящее время пользуется особой востребованностью в качестве вида осуществления перевозки. Для эффективного функционирования перевозки железнодорожным транспортом необходима правовая регламентация общественных отношений, в данной сфере, в том числе и между сторонами таких договорных обязательств. Однако на сегодняшний день имеется достаточно большое количество различных нормативно-правовых актов по данному вопросу и отчасти они уже начинают противоречить друг другу. Кроме того, с учетом современного развития общества появляются вопросы, которые не урегулированы должным образом в сфере перевозки железнодорожным транспортом. В связи с этим, представляется, что исследование источников правового регулирования договора перевозки железнодорожным транспортом является актуальным и востребованным как в теоретическом, так и практическом аспектах.

Одним из нормативно-правовых актов, который регулирует договор перевозки железнодорожным транспортом, является Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ¹), а именно гл. 40. Однако следует принимать во внимание, что ГК РФ охватывает в целом отношения по договору перевозки и не предусматривает каких-либо отдельных положений, которые бы касались только с железнодорожным видом транспорта. При этом многие нормы гл. 40 ГК РФ имеют отсылочный характер к специальным актам.

Например, статья 790 ГК РФ гласит, что размер платы за перевозку грузов определяется по соглашению сторон, однако иное может быть предусмотрено не только законом, но и иными правовыми актами.

Применительно к железнодорожным перевозкам размер вознаграждения перевозчика устанавливается в административном порядке органами исполнительной власти². Логика по-

добного правового регулирования вполне объяснима и связана с монопольным положением перевозчика в соответствующем сегменте рынка.

Указанное обстоятельство оказывает влияние и на многие другие аспекты железнодорожных перевозок и в конечном итоге фактически нивелирует важнейший гражданско-правовой принцип – принцип свободы договора³. Иными словами, речь идет о преобладании административно-правового метода правового регулирования.

Пункт 2 ст. 784 ГК РФ устанавливает, что общие условия перевозки определяются транспортными уставами и кодексами, иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правилами.

Применительно к железнодорожному транспорту специальным будет Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (далее – Устав железнодорожного транспорта РФ⁴).

Стоит отметить такую особенность перевозки железнодорожным транспортом, как обширный характер нормативного правового регулирования. Так, в исполнение Устава железнодорожного транспорта РФ принято большое количество приказов Министерства транспорта РФ, уточняющих регулирование приема груза к перевозке, эксплуатации и обслуживания железнодорожных путей необщего пользования, перевозки опасных грузов, перевозки смерзающих грузов, перевозки грузов в открытом подвижном составе и т.д. Например, Приказ Минтранса России от 26.02.2015 № 32 «Об утверждении Правил перевозок железнодорожным транспортом грузов, порожних грузовых вагонов группами вагонов по одной накладной».

монополий в сфере железнодорожных перевозок» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009. - № 32. - Ст. 4051.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.

2 Постановление Правительства Российской Федерации от 05.08.2009 № 643 «О государственном регулировании тарифов, сборов и платы в отношении работ (услуг) субъектов естественных

3 Лукаш М. Ю., Асадова Ж. Н. Правовое регулирование договора перевозки грузов железнодорожным транспортом // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. - 2019. - № 1. - С. 39.

4 Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Российская газета. - 2003. - № 8.

Судакова О. В.

Кроме того, стоит брать во внимание также нормативно-правовые акты, которые регулируют в целом железнодорожный транспорт. Речь идет о Федеральном законе от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» и т.д.

Однако такое обширное правовое регулирование перевозки железнодорожным транспортом порождает множество проблем, в частности, дискуссионность модели заключения договора перевозки железнодорожным транспортом (реальный или консенсуальный), что приводит к усложнению процедуры возникновения гражданских прав и обязанностей между субъектами права⁵.

Конечно, в определенной мере возникновение подобной дискуссии связано со спецификой законодательной техники и содержанием соответствующих норм. Так, в советской историографии преобладала позиция о консенсуальном характере такого договора⁶.

В настоящее время правоотношения грузоотправителя и перевозчика подлежат урегулированию в договоре об организации перевозок грузов, который дополняется составлением специальной заявки определенной формы⁷. Совокупность норм, регулирующих составление приведенных документов, позволяет более четко сформулировать представление о характере договора железнодорожной перевозки.

Стоит также обозначить следующее. Как ранее нами было отмечено, нормы, регулирующие перевозку железнодорожным транспортом, зачастую противоречат друг другу. Приведем конкретный пример. В соответствии со ст. 36 Уставом железнодорожного транспорта РФ перевозчик обязуется выдать груз и транспортную накладную грузополучателю, который, в свою очередь, обязан оплатить причитающиеся перевозчику платежи и принять грузы. Следующий пункт данной статьи содержит важное указание на то, что грузополучатель вправе отказаться от груза только в том случае, если груз поврежден настолько, что исключается возможность хотя бы частично пользоваться им по назначению. Из данного утверждения видно, что нормы Устава железнодорожного транспорта РФ предполагают безусловную обязанность грузополучателя принять груз, что вызывает многочисленные вопросы при применении их судами. Например, может сложиться ситуация, при которой у грузополучателя нет каких-либо договорных отношений.

Норма, содержащаяся в ст. 36 Устава железнодорожного транспорта РФ вызывает дискуссии в юридической литературе. Ряд авторов согласны с тем, что грузополучатель обязан принять доставленный ему груз, например, В. А. Егiazаров⁸ объясняет свою точку зрения тем, что своевременное принятие грузов является важным как для грузополучателя, так и для грузоотправителя.

Другие цивилисты считают, что эта обязанность противоречит нормам ГК РФ, в частности, вступает в коллизию с п. 3 ст. 308 ГК РФ, который указывает на то, что обязательство не создает обязанностей для третьих лиц⁹. В данном обязательстве грузополучатель не участвует, соответственно, не может быть обязан принять груз.

По общему правилу, в случае коллизии между различного рода законами равной юридической силы, приоритетным признается закон, в котором содержатся специальные нормы для ре-

гулирования тех или иных отношений. Безусловно, по отношению к ГК РФ, нормы Устава железнодорожного транспорта РФ имеют более локальный и специальный характер.

Следовательно, при коллизии норм тех или иных нормативных актов, следует учитывать не только приоритетный характер того или иного акта, но и рассматривать все нюансы данной ситуации в совокупности.

Таким образом, перевозка железнодорожным транспортом регулируется достаточно большим массивом нормативно-правовых актов. Так, общие положения установлены в гл. 40 ГК РФ, который отсылает к специальному законодательству, а в отношении железнодорожного вида транспорта к Уставу железнодорожного транспорта РФ. Кроме того, на этом правовое регулирование таких отношений не заканчивается. Безусловно, что нужно также брать во внимание законы, регулирующие в целом железнодорожный транспорт в РФ, различные указы Президента и постановления Правительства по данному вопросу. Стоит отметить, что важное значение в правовом регулировании занимают приказы Министерства транспорта РФ, уточняющие регулирование приема груза к перевозке, эксплуатации и обслуживания железнодорожных путей необщего пользования, перевозки опасных грузов, перевозки смерзающих грузов, перевозки грузов в открытом подвижном составе и т.д.

На первый взгляд может показаться, что такой массив законодательных актов должен урегулировать все отношения, связанные с перевозкой железнодорожным транспортом, однако это не так. Скорее, это наоборот создает сложности для участников таких отношений, особенно при защите нарушенных прав. Кроме того, многие нормы одного закона начинают противоречить нормам другого. В связи с этим, представляется, что законодательство, регулирующее перевозку железнодорожным транспортом требует сосредоточения таких норм в более кодифицированном виде.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 5. - Ст. 410.
2. Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Российская газета. - № 8. - 2003.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.08.2009 № 643 «О государственном регулировании тарифов, сборов и платы в отношении работ (услуг) субъектов естественных монополий в сфере железнодорожных перевозок» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009. - № 32. - Ст. 4051.
4. Приказ Минтранса России от 27.07.2015 № 228 (ред. от 18.07.2017) «Об утверждении Правил приема перевозчиком заявок грузоотправителей на перевозку грузов железнодорожным транспортом» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.12.2015 № 40075). [Электронный ресурс]. - Режим доступа <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2020).
5. Егiazаров В. А. Транспортное право: Учебник. - М.: Юстицинформ, 2016. - 736 с.
6. Еникеев Р. М., Ахтямова Е. В. Проблемы правового регулирования принятия товара грузополучателем по договору перевозки груза железнодорожным транспортом // Научный электронный журнал Меридиан. - 2019. - № 13 (31). - С. 153-155.
7. Кашапов А. И., Ганеев З. Ш. Источники правового регулирования договора перевозки грузов железнодорожным транспортом в России: определение, виды, особенности // Теория и практика современной науки. - 2018. - № 5 (35). - С. 383.
8. Приказ Минтранса России от 27.07.2015 № 228 (ред. от 18.07.2017) «Об утверждении Правил приема перевозчиком заявок грузоотправителей на перевозку грузов железнодорожным транспортом» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.12.2015 № 40075). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2020).
9. Егiazаров В. А. Транспортное право: Учебник. - М.: Юстицинформ, 2016. - С. 407.
10. Еникеев Р. М., Ахтямова Е. В. Проблемы правового регулирования принятия товара грузополучателем по договору перевозки груза железнодорожным транспортом // В сборнике: Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития. АНО «НИИ АПСР». - 2018. - С. 193-196.
11. Черствов А. А., Новикова С. В. Некоторые вопросы гражданско-правового регулирования договора перевозки груза железнодорожным транспортом // В сборнике: Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития. АНО «НИИ АПСР». - 2018. - С. 193-196.

ТРУБИНА Виолетта Александровна

магистр Университета Женевы, исследователь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ЭМБРИОН ЧЕЛОВЕКА: ПРАВОВОЙ РЕЖИМ И НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

В ходе научно-технического прогресса возникают новые явления, требующие правового регулирования. Развитие биотехнологий существенно опережает осмысление новых достижений с правовых позиций, что может привести к возникновению правовой неопределённости, а также к нарушению прав и интересов субъектов складывающихся на практике отношений. В последние годы были сделаны революционные открытия в области репродуктивных технологий и эмбриологии, которые направлены на улучшение здоровья и благополучие человечества, однако при отсутствии правового регулирования могут привести к непредсказуемым последствиям. Важность затрагиваемых интересов, а также стремительные темпы развития технологий в данной области обуславливают необходимость скорейшего определения правового режима эмбриона человека, а также порядка и пределов проведения научных исследований в данной сфере.

Ключевые слова: эмбрион человека, право на жизнь, биотехнологии, репродуктивные технологии.

TRUBINA Violetta Aleksandrovna

magister of the University of Geneva, researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

HUMAN EMBRYO: LEGAL REGIME AND NEW ACHIEVEMENTS IN BIOTECHNOLOGY

In the course of scientific and technological progress, new phenomena arise, requiring regulation. The development of biotechnology significantly outstrips the comprehension of new achievements from a legal perspective, which can lead to legal uncertainty and violation of the rights of the parties to emerging relationships. Recently revolutionary discoveries have been made in the field of reproductive technologies and embryology, which are aimed at improving the health and well-being of mankind, but in the absence of regulation can lead to unpredictable consequences. The importance of the interests involved, as well as the rapid pace of technological development in this area, necessitate the immediate regulation of the legal regime of the human embryo, as well as the framework and limits of scientific research in this area.

Keywords: human embryo, right to life, biotechnology, reproductive technologies.

Современные темпы научно-технического прогресса значительно опережают правовое регулирование возникающих явлений. В конце XX–начале XXI вв. было сделано множество революционных открытий в области биомедицины и генетики. Особого внимания заслуживают научные достижения в области репродуктивных технологий. В 1978 г. родился первый в истории ребёнок, зачатый методом экстракорпорального оплодотворения¹, в 1986 г. – рождённый по программе суррогатного материнства². В 2016 г. появился на свет первый ребёнок от трёх родителей, при зачатии которого была использована митохондриальная ДНК донора³. В 2018 г. в результате первой в мире имплантации генетически модифицированных эмбрионов родились близнецы с редактированным геномом⁴.

С появлением вспомогательных репродуктивных технологий правовая действительность столкнулась с необходимостью осмысления понятия «эмбрион человека», до этого существовавшего только в медицинской практике. В свете современных достижений в сфере биотехнологий эмбрион

рассматривается не только как человеческий зародыш, заслуживающий особой защиты как потенциальная человеческая жизнь, но и как объект исследований и источник стволовых клеток, который имеет огромную ценность для разработки перспективных методов лечения, в частности клеточных технологий, терапевтического клонирования, геномной инженерии, а также производства инновационных лекарственных препаратов и биомедицинских клеточных продуктов.

Несмотря на широкое использование и разнообразие сфер применения вопрос о правовой природе эмбриона в законодательстве и доктрине однозначно не решён. Это во многом объясняется конфликтом правовых, медицинских, морально-этических и религиозных аспектов, с одной стороны, а также возникновением новых технологий, которые требуют пересмотра правовых подходов⁵, с другой.

В доктрине высказываются аргументы за признание эмбриона как субъектом, так и объектом права. Так, одни правоведы (Л. Т. Гибиулина, А. А. Малышева, Е. В. Перевозчикова, Е. А. Панкратова, Н. Е. Крылова, Н. Н. Федосеева, Е. А. Фролова и др.) полагают, что эмбрион является зародышем человеческой жизни, и потому его право на жизнь должно защищаться до момента рождения. В обоснование данной позиции приводятся отдельные положения российского и зарубежного законодательства, предусматривающие неко-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-england-bristol-44940929> (дата обращения: 10.05.2017).

2 См.: Spivak C. National Report: The law of surrogate motherhood in the United States. - 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://works.bepress.com/carla_spivack/15 (дата обращения: 01.05.2017).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newscientist.com/article/2107219-exclusive-worlds-first-baby-born-with-new-3-parent-technique/> (дата обращения: 03.04.2019).

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.technologyreview.com/s/612458/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/> (дата обращения: 02.04.2019).

5 Dudin M. N., Sertakova O. V., Frolova E. E., Artemieva J. A., Galkina M. V. Development of methodological approaches to assessing the quality of healthcare services // Quality - Access to Success. - 2017. - Vol. 18. - № 158. - P. 71-78; Dudin M. N., Sertakova O. V., Frolova E. E., Katsarskiy M. I., Voikova N. A. Methodological approaches to examination of public health based on the «National health quality indicator» model // Quality - Access to Success. - 2017. - Vol. 18. - № 159. - P. 71-79.

торые права зачатых, но ещё нерожденных детей, а также международные документы. Так, ст. 1116 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что «к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства»⁶. Налоговый кодекс РФ, среди категорий лиц, имеющих право на стандартные налоговые вычеты, называет эвакуированных из населённых пунктов, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие аварии на производственном объединении «Маяк» (1957 г.), сбросов радиоактивных отходов в реку Теча, а также из зоны отчуждения Чернобыльской АЭС (1986 г.), в том числе детей, которые на момент эвакуации находились в состоянии внутриутробного развития (п. 1 ст. 218)⁷. В качестве аргумента также приводится наличие квалифицированных составов в Уголовном кодексе РФ в связи с причинением вреда здоровью и убийством беременной женщины. Отмечается, что данный факт свидетельствует о предоставлении уголовно-правовой защиты не только матери, но и плода⁸.

Указывается, что конституции Чехии, Словакии и Ирландии устанавливают обязательную защиту права на жизнь ещё до рождения. Согласно Американской конвенции о правах человека, «каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право охраняется законом, в целом – с момента зачатия»⁹. В соответствии с Декларацией прав ребёнка «ребёнок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»¹⁰.

Сторонники признания правосубъектности эмбриона обосновывают необходимость изложения ст. 20 Конституции РФ в следующей редакции: «Государство гарантирует охрану человеческой жизни с момента зачатия»¹¹. Критики данного предложения отстаивают признание правосубъектности эмбриона после 12 недель внутриутробного развития, так как «во-первых, на данном этапе эмбрион приобретает человеческий облик и становится жизнеспособным. Во-вторых, производство аборта в более поздние сроки может угрожать здоровью женщины»¹².

Представители альтернативного подхода (Н. В. Аполинская, Ю. Ф. Дружинина, А. В. Майфат, М. Н. Малеева, Е. А. Останина, А. Р. Пурге и др.) утверждают, что эмбрион является объектом права. В рамках данного подхода сложилось несколько позиций:

1) как зарождение человеческой жизни эмбрион представляет собой объект *suigeneris*; 2) эмбрион – часть организма матери, приравненная к органам и тканям человека; 3) эмбрион является индивидуально-определённой вещью.

Сторонники первой позиции полагают, что «эмбрион – объект своеобразный, поскольку, с одной стороны, это объект телесный, а с другой, он не имеет стоимостного выражения, не может считаться вещью. В этом объекте сконцентрированы совершенно нематериальные, но очень важные неимущественные права его родителей: право быть отцом и быть матерью»¹³. Вторая позиция основывается на практике ЕСПЧ, согласно которой «жизнь эмбриона неразрывно связана с жизнью беременной женщины и не может рассматриваться в отрыве от неё»¹⁴. Представители третьей позиции утверждают, что «эмбрион представляет собой индивидуально-определённую, движимую, неделимую, потребляемую вещь, право собственности на которую принадлежит лицам или лицу, обратившимся за медицинской помощью, а создание эмбриона является спецификацией»¹⁵.

Полагаем, что разнообразие правовых позиций обусловлено неоднозначностью понятия «эмбрион», а также обстоятельство его создания. Системный анализ положений российского законодательства показывает, что эмбрион не является субъектом правоотношений и не может претендовать на защиту предусмотренных законом прав человека, включая право на жизнь до момента рождения, так как согласно ч. 2 ст. 17 Конституции РФ «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения»¹⁶. Данная позиция воспроизведена в законодательствах большинства зарубежных государств и разделяется в правовой доктрине: «...следует признать, что правоспособность возникает не ранее, как с момента появления на свет живого существа... Рождение составляет настолько необходимое условие для правоспособности, что появление мёртвого ребёнка лишено юридического значения, и зародыш рассматривается как бы никогда не существовавшим»¹⁷. По мнению М. Н. Малеевой, «несмотря на то, что зачатый ребёнок в будущем может стать субъектом права, вряд ли его следует рассматривать в качестве обладателя правоспособности и других прав ещё до рождения»¹⁸. Таким образом, ребёнок как самостоятельный субъект права возникает при отделении плода от организма матери посредством родов при наличии определённых в законодательстве медицинских критериев рождения¹⁹. Следует согласиться с позицией Г. Б. Романовского: «разделение во времени момента зачатия, внутриутробного развития и факта рождения обязывает государство устанавливать эффективные механизмы защиты прав нерождённого, что не следует отождествлять с правосубъектностью человека до факта самого рождения»²⁰.

Представляется, что эмбрион как начало человеческой жизни нуждается в охране и особом обращении, что тем не менее не даёт оснований для наделения эмбриона правосубъектностью. Аргументы сторонников признания эмбрио-

6 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

7 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

8 Мальшева А. А. Право на жизнь: особенности правовой защиты эмбрионов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. Выпуск № 3. Издательство «Статус», 2017.

9 Американская конвенция о правах человека, принятая Межамериканской конференцией по правам человека. 1969 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oas.org/> (дата обращения: 12.04.2019).

10 Декларация о защите прав ребенка, принятая резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/> (дата обращения: 12.04.2019).

11 Перевозчикова Е. В., Панкратова Е. А. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона // Медицинское право. - 2006. - № 2. - С. 22.

12 Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. - 2008. - № 1.

13 Останина Е. А. Право на своё тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиции гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 8/2019. - С. 193.

14 Brüggemann and Sheuten v. Federal Republic of Germany Application № 6959/75 Before the European Commission of Human Rights. Judgment of 19.05.1978. Decisions and Reports. 1978.

15 Дружинина Ю. Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. - 2017. - № 12. - С. 129.

16 Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. - 1993.

17 Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г. вступ. ст. Е. А. Суханова). - М., 1995. - С. 62.

18 Малеева М. Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. - 1992. - № 2. - С. 56.

19 Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. П. 1 ст. 53 // Российская газета от 23.05.2002. - № 90.

20 Романовский Г. Б. Теоретические проблемы права на жизнь: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. - М., 2006. - С. 11.

на субъектом права неоспорны. Полагаем, что приводимые положения гражданского и налогового законодательства прямо предусматривают наличие сложного юридического состава, в котором рождение живого ребёнка является необходимым юридическим фактом. Установленные уголовным законодательством квалифицированные составы преступлений против женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, свидетельствуют о предоставлении особой защиты физической неприкосновенности беременной женщины, поскольку посягательство осуществляется не только на жизнь и здоровье, но и материнство, и детство. Представляется, что признание правосубъектности до момента рождения привело бы к неоднозначным правовым последствиям: осуществляемые в рамках действующего законодательства прерывание беременности, редукция эмбрионов квалифицировались бы как умышленное причинение смерти, а при обращении к специалисту – совершенное группой лиц; при этом донорство оставшихся после применения вспомогательных репродуктивных технологий эмбрионов приравнивалось бы к торговле людьми.

Учитывая, что российское законодательство рассматривает эмбрион как разновидность репродуктивных тканей²¹, а также предусматривает права граждан на криоконсервацию, хранение, донорство и утилизацию эмбрионов²², полагаем признание правосубъектности эмбриона до момента рождения нецелесообразным и способным привести к ряду ненужных правовых последствий. Принимая во внимание биологические особенности и существующую медицинскую практику, считаем обоснованным отнесение эмбриона к правовой категории объекта.

Для определения правового режима эмбриона следует определить, что понимается под данным термином. С медицинской точки зрения человеческий зародыш проходит несколько стадий внутриутробного развития: преэмбрион (14 дней с момента зачатия) представляет собой ступок клеток; собственно эмбрион (8 недель с момента зачатия); плод (от 8 недель до момента рождения)²³. На законодательном уровне понятие «эмбрион» определяется только Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека», согласно которому эмбрион человека представляет собой зародыш человека на стадии развития до восьми недель» (ст. 2)²⁴. Таким образом, легальное понятие «эмбрион» включает в себя как эмбрион, развивающийся в организме женщины (*in vivo*), так и полученный вне его (*in vitro*). Вместе с тем, считаем, что эмбрион как самостоятельный объект права возникает только в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, так как в случае образования естественным путём, эмбрион, находящийся в организме женщины, не может рассматриваться как самостоятельный объект права. Необходимость дифференцированного подхода разделяется и в доктрине²⁵.

Полагаем, что правовое регулирование эмбриона, полученного вне тела женщины, должно учитывать обстоятельства его создания и биологические особенности на различных стадиях развития. Ввиду того, что максимальная стадия развития такого эмбриона вне организма женщины, допускаемая международными стандартами и законодательством большинства государств, – 14 дней с момента оплодотворения²⁶, с медицинской точки зрения термин «преэмбрион» более точен, однако в целях правового регулирования полагаем допустимым употребление термина «эмбрион *in vitro*». Представляется необходимым закрепить данный термин на законодательном уровне, который по примеру европейских стран с развитым законодательством в сфере биомедицины может быть определён как «эмбрион, созданный вне организма в результате деления яйцеклетки с момента оплодотворения и до 14 дня»²⁷. Полученный эмбрион *in vitro* может быть в течение 4–6 суток с момента оплодотворения яйцеклетки имплантирован в организм женщины в рамках применения вспомогательных репродуктивных технологий, криоконсервирован, или, если допускается законодательством, использован для научных и медицинских целей до 14-го дня, после чего должен быть уничтожен.

С момента имплантации эмбрион становится неотъемлемой частью организма женщины и защищается нормами, направленными на обеспечение её личной неприкосновенности и охраны здоровья. Это связано с созданием единой биологической системы между женщиной и эмбрионом. Преэмбриональный скрининг, редукция эмбриона, искусственное прерывание беременности осуществляется на основании согласия женщины, данного в письменной форме, а не обоих родителей, так как данные мероприятия затрагивают, прежде всего, её здоровье и физическую неприкосновенность. Эта точка зрения находит подтверждение и в доктрине²⁸. Однако закон устанавливает некоторые пределы осуществления прав женщины. Так, в соответствии со ст. 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ возможность искусственного прерывания беременности ограничена сроком беременности: по желанию женщины искусственное прерывание беременности проводится только при сроке беременности до 12 недель, по социальным показаниям – до 22 недель, по медицинским показаниям и с согласия женщины – независимо от срока беременности. Ограничения обусловлены потенциальной опасностью аборта для здоровья женщины на поздних сроках, а также критериями жизнеспособности плода.

На 22 неделе развития плод может отвечать критериям жизнеспособности, принятым Всемирной организацией здравоохранения²⁹ и применяемым в Российской Федерации: срок беременности 22 недели и более; масса тела новорождённого 500 грамм и более или в случае, если масса тела ребёнка при рождении неизвестна, при длине тела новорождённого 25 см и более; наличие у новорождённого признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация

21 Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 23.05.2016 № 149-ФЗ). Ст. 2 // Российская газета. - 1993. - № 4.

22 Приказ № 107н Министерства здравоохранения РФ от 30.08.2012 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению // Российская газета. - 2013. - № 78/1.

23 См.: Курило Л. Ф. Развитие эмбриона и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/> (дата обращения: 01.04.2020).

24 Российская газета от 23.05.2002. - № 90.

25 См. например, Дружинина Ю. Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. - 2017. - № 12; Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной тайны в европейском и российском праве // Закон. - 2014. - № 4.

26 См.: ISSCR Guidelines for stem cell research and clinical translation. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.isscr.org (дата обращения: 28.04.2020).

27 За основу взято определение понятия «преэмбрион», закреплённое ст. 3s Закона Испании о биомедицинских исследованиях (Law on biomedical research № 14/2007. 03.07.2007 (Spain). Art. 3s).

28 См. например, Дружинина Ю. Ф. Указ. соч.; Чашкова С. Ю. Договор как способ регулирования отношений между участниками репродуктивной технологии суррогатного материнства // Юстиция. - 2005. - № 2. - С. 72.

29 Приведённые критерии Комитета экспертов были утверждены решением Всемирной организации здравоохранения в 1974 г.

пуповины или произвольные движения мускулатуры)³⁰. С момента отделения от тела матери посредством родов жизнеспособный плод становится субъектом права. Эти критерии обусловлены уровнем техники, методами пренатальной диагностики, профилактики и лечения жизнеугрожающих состояний плода, которые позволят выходить недоношенного ребёнка и сохранить ему жизнь. Утверждены рекомендации по ведению преждевременных родов, а также стандарты интенсивной терапии и выхаживания новорождённых с очень низкой и экстремально низкой массой тела. Полагаем, что установленные стандарты обеспечивают надлежащую охрану и защиту плода как начала человеческой жизни даже при отсутствии закрепления права на жизнь с момента зачатия.

Представляется обоснованным в целях определения правового режима выделить следующие этапы развития эмбриона *in vitro*: с момента оплодотворения яйцеклетки до имплантации в матку; с момента имплантации и до стадии жизнеспособного плода; со стадии жизнеспособного плода и до момента рождения. Следует отметить, что предлагаемая классификация хотя и основывается на медицинской практике и биологических стадиях развития, тем не менее не совпадает с ними. Это объясняется соображениями правовой определённости и практической необходимости.

Признавая эмбрион *in vitro* объектом права, следует определить, является ли он вещью или объектом *suu generis*. Закон прямо не определяет правовую природу эмбриона, однако отдельные положения свидетельствуют, что эмбрионы фактически выступают объектами гражданско-правовых сделок (в частности хранения, дарения, транспортировки). Исходя из системного анализа законодательства, а также существующей медицинской практики, представляется, что эмбрионы *in vitro* могут быть отнесены к категории вещей с момента получения в результате оплодотворения яйцеклетки до момента имплантации в матку женщины или до момента уничтожения. Следует подчеркнуть, что применение вещно-правового режима эмбрионов *in vitro* необходимо только для обеспечения правового регулирования уже сложившихся на практике отношений их дальнейшего использования.

В пользу данной позиции можно привести следующие аргументы: во-первых, эмбрион *in vitro* создаётся из половых клеток пациентов (доноров) вне организма женщины искусственным путём с применением биотехнологических методов; во-вторых, несмотря на то что эмбрион *in vitro* является потенциальным носителем человеческой жизни, он не может быть признан субъектом права, что подтверждается положениями отечественного и зарубежного законодательства, признающими правосубъектность с момента рождения; в-третьих, в силу биологических свойств способность развития вне матки женщины ограничена 14-дневным периодом; в-четвертых, является объектом материального мира, отделённым от пациентов (доноров) половых клеток, в результате смешения которых он был получен; на практике участвует в гражданско-правовых сделках, которые предусматривают в качестве предмета вещь; до момента имплантации в организм женщины отвечает всем идентифицирующим признакам вещи.

Признание вещно-правовой природы эмбриона *in vitro* наряду с иными репродуктивными тканями поддерживается в отечественной и зарубежной доктрине³¹, а также широко

распространено в судебной практике стран прецедентного права. Так, в рамках разбирательства по делу *York v. Jones*³² суд признал имуществом криоконсервированные эмбрионы и удовлетворил требование об их возврате из чужого незаконного владения, предъявленное пациентами к центру репродукции, в целях их передачи другой клинике. По делу *Frisina v. Women and Infant Hospital*³³ суд вынес решение о возмещении морального вреда, причинённого истцу уничтожением эмбрионов как невозвратимого имущества. В рамках дела *Dahl v. Angle*³⁴ криоконсервированные эмбрионы были признаны частной собственностью для целей рассмотрения спора о разделе имущества вследствие развода.

Противники вещно-правового подхода обосновывают необходимость разработки режима правового регулирования *suu generis* ввиду особой нематериальной ценности эмбриона как начала человеческой жизни и личного характера. Представляется, что применение особого правового режима наряду с потенциальными преимуществами может иметь ряд недостатков. Во-первых, при разработке нового правового режима практически нереализуемо предусмотреть все возможные аспекты, которые необходимы для регулирования постоянно развивающихся отношений, что может привести к образованию пробельности законодательства в этой области. Во-вторых, разработка и применение нового правового режима будут сопровождаться дополнительными административными издержками. В-третьих, применение такого режима ввиду искажения правоприменителями, неточности формулировок и пробельности регулирования может привести к непредсказуемым последствиям. Наконец, правовой режим *suu generis* будет разработан исходя из практики отношений и уровня научных и технических знаний, существующих на момент разработки, что при стремительных темпах научно-технического прогресса обуславливает риск его устаревания³⁵. Все перечисленные факторы предопределяют возникновение правовой неопределённости в данной сфере, которая, на наш взгляд, недопустима с учётом нематериальной ценности и особого характера рассматриваемого объекта.

В настоящий момент распоряжение эмбрионом осуществляется на основе информированного добровольного согласия пациентов (доноров), которое, на наш взгляд, не учитывает его правовую природу как самостоятельного объекта права, не обеспечивает эффективное регулирование возникающих отношений и защиту прав и интересов сторон. В то же время применение вещно-правового режима будет способствовать установлению правовой определённости и стабильности сложившихся отношений в области использования эмбрионов, позволит применять отработанные механизмы защиты прав их субъектов. Признание вещно-правовой природы эмбриона *in vitro* в пределах, предусмотренных законодательством, автоматически не влечёт его коммерциализацию и не ставит вопрос о праве собственности на рож-

Правовое положение эмбрионов в современном праве России // Молодой ученый. - 2012. - № 2. Moses L. B. The problem with alternatives: the importance of property law in regulating excised human tissue and in vitro human embryos // Persons, parts and property edited by Goold I. et Greasley K., Herring J. et al. Hart Publishing. - 2016.

32 *York v. Jones* 717 F Supp 421 (ED Va 1989). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/717/421/1584239> (дата обращения: 17.04.2020).

33 *Frisina v. Women and Infant Hospital of Rhode Island*, Nos. CIV. A. 95-4037, 95-4469, 95-5827, 2002 WL 1288784, at 3–8 (R.I. Super. Ct. 30.05. 2002). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.courtlistener.com/opinion/4112241/frisina-v-women-and-infants-hospital-of-rhode-island-95-4037-2002> (дата обращения: 18.04.2020).

34 *Dahl v. Angle* 222 Ore App572 (Or Ct App 2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://caselaw.findlaw.com/or-court-of-appeals/1382656.html> (дата обращения: 19.04.2020).

35 См.: Moses L. B. *Opt. cit.* - P. 200.

30 Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи» // Российская газета. - 2012. - № 64.

31 См. например, Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект права. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2018. - № 2; Дружинина Ю. Ф. Указ. соч.; Пурге А. Р.

дённому ребёнку. В целях недопущения коммерциализации возможно установить законодательный запрет на совершение возмездных сделок, направленных на отчуждение эмбрионов *in vitro*, который сейчас отсутствует. В зарубежной доктрине отмечается, что применение вещно-правового режима позволит «обеспечить отработанный правовой режим для регулирования различных ситуаций, в том числе причинения ущерба, уничтожения, кражи, споров о праве»³⁶. Данный подход обеспечит правовую определённую возникающих на практике отношений и предсказуемость их последствий, что представляется необходимым с учётом нематериальной ценности эмбриона как носителя потенциальной человеческой жизни. В частности, будут определены правовые основания его использования в рамках применения вспомогательных репродуктивных технологий и научных исследований.

Ввиду создания вне организма человека с применением биотехнологических методов эмбрион *in vitro* представляет собой новую вещь. Полагаем, что в качестве основания возникновения новой вещи может быть использована доктрина смешения или спецификации. Вызывает интерес подход, предложенный Ю. Ф. Дружининой, согласно которому эмбрион *in vitro* ввиду неделимости становится общей совместной собственностью мужчины и женщины или собственностью одинокой женщины, обратившихся за медицинской помощью, в связи с чем предлагается ввести новое основание возникновения общей совместной собственности³⁷.

С учётом исключительности объекта следует адаптировать вещно-правовой режим путём установления пределов и ограничений осуществления права собственности, а также некоторых правил *suigeneris*. Это позволит обеспечить распоряжение эмбрионом *in vitro* только по взаимному согласию, что соответствует балансу интересов сторон и коррелирует с позицией ЕСПЧ о равном уважении права стать родителем и не стать им³⁸. Если же к применению репродуктивных технологий обратилась одинокая женщина, для создания эмбриона *in vitro* будут использоваться принадлежащие ей донорские мужские половые клетки, которые перешли в её собственность от биобанка или медицинской клиники в результате дарения или купли-продажи.

Полагаем, что ввиду особой нематериальной ценности и личного характера, следует установить предельный срок хранения. Необходимо также урегулировать вопрос об определении правовой судьбы эмбрионов *in vitro* после смерти одного или обоих потенциальных родителей с учётом морально-этических соображений. Во многих странах использование таких эмбрионов прямо запрещено законом³⁹. В доктрине высказываются и альтернативная точка зрения. Так, Ю. Ф. Дружинина предлагает следующий порядок перехода прав на эмбрионы *in vitro*: в случае смерти одного из потенциальных родителей, право общей собственности прекращается и все права переходят к пережившему родителю; в случае одновременной смерти обоих родителей права на эмбрион *in vitro* переходят к медицинской организации для дальнейшей донации в общественно полезных целях⁴⁰. Считаем, что наследование половых клеток умершего, как и посмертное использование эмбриона *in vitro* в репродуктивных целях, противоречит морально-этическим соображениям и выходит за пределы допустимого вмешательства человека в естественные процессы. Полагаем, что в силу морально-эти-

ческих соображений следует предусмотреть право пережившего супруга принять решение об использовании эмбриона в медицинских или научно-исследовательских целях. В случае смерти обоих потенциальных родителей представляется целесообразным предусмотреть переход прав на эмбрионы *in vitro* к медицинской организации, на хранении которой они находятся, для использования в медицинских или научно-исследовательских целях.

Несмотря на распространённую в доктрине позицию о том, что репродуктивные ткани и органы являются вещами, свободными в обороте⁴¹, полагаем, что эмбрионы *in vitro* до момента имплантации являются вещами, ограниченными в обороте ввиду установленных законодательством ограничений: по субъектам обращения; лицензионных требований для организаций, оказывающих услуги в сфере вспомогательных репродуктивных технологий; установленного перечня прав пациентов (доноров); предусмотренных пределов разрешённого использования.

Правовое регулирование использования эмбрионов *in vitro* носит фрагментарный характер и нуждается в пересмотре ввиду стремительного развития эмбриологии и генетики, а также в целях их правовой охраны как начала человеческой жизни. Законодательство Российской Федерации запрещает использование эмбрионов в промышленности⁴², однако не устанавливает порядок и пределы проведения научных исследований. Также требуется регламентация порядка создания и использования клонированных эмбрионов, полученных методом партеногенеза, а не в результате оплодотворения яйцеклетки. Так, закон запрещает использование клонированных эмбрионов для целей воспроизводства человека, а также ввоз и вывоз с территории Российской Федерации⁴³. Вместе с тем наличие таких положений свидетельствует о допустимости их создания на территории Российской Федерации и использования в иных целях. Клонированные эмбрионы являются источником стволовых клеток, представляющих высокую ценность для научных исследований и регенеративной медицины. В связи с этим законодательства отдельных государств допускают терапевтическое клонирование и определяют особый правовой режим клонированных эмбрионов, допускающий их научные исследования и использование в целях создания тканей и органов человека для трансплантации.

Кроме того, в свете активного развития генотерапии необходимо дифференцировать правовой режим генетически модифицированных и немодифицированных эмбрионов *in vitro*. Несмотря на международные рекомендации о недопущении имплантации модифицированных эмбрионов в целях репродукции в 2018 году в Китае появились на свет первые в мире дети с отредактированным геномом. Во многих странах мира научные эксперименты по редактированию генетической информации эмбрионов не запрещены законом и проводятся в настоящее время, в том числе в США, Великобритании и России⁴⁴. Российское законодательство не регулирует проведение генетических модификаций эмбрионов *in vitro*.

В некоторых государствах предусмотрен особый правовой режим для эмбрионов, полученных в результате смешения клеток человека и животного. Так, английское зако-

36 Там же.

37 См.: Дружинина Ю. Ф. Указ. соч. - С. 139.

38 *Case of Evans v. the United Kingdom* (App. № 6339/05) ECHR 264 [2007]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int>.

39 См. например, *Loi fédérale sur la procréation médicalement assistée du 18.12.1998 de la Confédération Suisse*. Art. 3 al. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.admin.ch> (дата обращения: 11.11.2019).

40 См.: Дружинина Ю. Ф. Указ. соч. - С. 139.

41 См.: Мызров С. Н., Нагорный В. А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы // *Медицинское право*. - 2014. - № 3.

42 См.: Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. П. 6 ст. 55.

43 См.: Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (ред. от 29.03.2010 № 30-ФЗ). Ст. 1, 3.

44 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/377645-chto-stoit-za-zayavleniem-rossiyskogo-ucheno-g-o-geneticheskom-redaktirovanii> (дата обращения: 02.04.2019).

нодательство дифференцирует правовой режим «эмбриона человека» и «смешанного человеческого эмбриона» (цитоплазматические гибриды, истинные гибриды, химеры, человеческие трансгенные эмбрионы)⁴⁵. Смешанные эмбрионы могут быть созданы для научных исследований на основании лицензии и не подпадают под законодательные ограничения, применимые к эмбрионам человека. Предусматривается, что ни при каких условиях они не могут быть имплантированы в тело женщины и должны быть уничтожены во истечении 14 дней. Их создание критикуется как противоречащее человеческому достоинству и отрицается церковью, но оправдывается острой нехваткой человеческих эмбрионов и гамет, а также огромной значимостью для науки и медицины. Российское законодательство не регламентирует допустимость создания и исследования смешанных форм.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о необходимости законодательного закрепления самостоятельного понятия «эмбрион *in vitro*», определяемого как «эмбрион, созданный вне организма в результате деления яйцеклетки с момента оплодотворения и до 14 дня». Эмбрионы *in vitro* до момента имплантации наряду с иными репродуктивными тканями являются объектами права и могут быть отнесены к вещам, ограниченным в обороте. Ввиду особой нематериальной ценности эмбрионов *in vitro* как начала человеческой жизни, следует установить запрет их создания исключительно в научных целях, определить условия и пределы научных исследований оставшихся эмбрионов *in vitro* после применения вспомогательных репродуктивных технологий. С учётом стремительности развития биомедицины и генетики и во избежание непредсказуемых последствий необходимо урегулировать допустимость и пределы генетических модификаций эмбрионов *in vitro*, а также допустимость создания и порядок использования клонированных, смешанных и генетически модифицированных форм.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев Г. С. Человеческий биоматериал как объект права. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2018. - № 2. - С. 308-361.
2. Дружинина Ю. Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. - 2017. - № 12. - С. 129-139.
3. Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной тайны в европейском и российском праве // Закон. - 2014. - № 4.
4. Курило Л. Ф. Развитие эмбриона и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nature.web.ru/>
5. Малеина М. Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. - 1992. - № 2. - С. 50-59.
6. Малышева А. А. Право на жизнь: особенности правовой защиты эмбрионов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. - 2017. - № 3. - С. 168-179.
7. Мызров С. Н., Нагорный В. А. К вопросу о вещно-правовом статусе органов и тканей человека: дифференцированный подход к разрешению проблемы // Медицинское право. - 2014. - № 3. - С. 35-40.
8. Останина Е. А. Право на своё тело: распоряжения в отношении органов, тканей, клеток и эмбрионов с позиции гражданского права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 8. - С. 156-194.
9. Перевозчикова Е. В., Панкратова Е. А. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона // Медицинское право. - 2006. - № 2. - С. 16-22.
10. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. - 2008. - № 1.
11. Пурге А. Р. Правовое положение эмбрионов в современном праве России // Молодой ученый. - 2012. - № 2. - С. 202-204.
12. Романовский Г. Б. Теоретические проблемы права на жизнь: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.02. - М., 2006. - 57 с.
13. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е. А. Суханова. - М.: СПАРК, 1995 - 556 с.
14. Dudin M. N., Sertakova O. V., Frolova E. E., Artemieva J. A., Galkina M. V. Development of methodological approaches to assessing the quality of healthcare services // Quality - Access to Success. - 2017. - Vol. 18. - № 158. - P. 71-78
15. Dudin M. N., Sertakova O. V., Frolova E. E., Katsarskiy M. I., Voikova N. A. Methodological approaches to examination of public health based on the «National health quality indicator» model // Quality - Access to Success. - 2017. - Vol. 18. - № 159. - P. 71-79.
16. Hitchcock J. Mills & Reeve LLP. What is a “human admixed embryo”? - 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mills-reeve.com>.
17. Moses L. B. The problem with alternatives: the importance of property law in regulating excised human tissue and *in vitro* human embryos // Persons, parts and property edited by Goold I. et Greasley K., Herring J. et al. Hart Publishing. - 2016.
18. Spivak C. National Report: The law of surrogate motherhood in the United States. - 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://works.bepress.com/carla_spivack/15.

45 См.: Hitchcock J. Mills & Reeve LLP. What is a “human admixed embryo”? - 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mills-reeve.com> (дата обращения: 02.04.2020).

ЧУПИЛКИНА Айгуль Фаридовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ РОБОТОВ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЧЕТАНИЯ

Принимая во внимание, что законодательство должно носить опережающий характер, автор затрагивает некоторые тревожащие вопросы построения социального государства при развитии роботизации. Развитие технологий привели к разработке такого искусственного интеллекта, который также беспрестанно совершенствуется и эта эволюция должна привести, как утверждают разработчики, к превосходству искусственного интеллекта над человеческим мозгом. Учитывая динамику института правосубъектности, внедрение и воздействие «социализированных» роботов в государственную жизнь, необходимо спрогнозировать последствия такой роботизации в целом – как в правовом поле, так и в социальном взаимодействии. Также, ссылаясь на социальную новеллу Конституции РФ, в которой, согласно ст. 75.1 «...гарантируются защита достоинства граждан...» задается вопрос: защищается ли достоинство граждан при уравнивании робота с человеком?

Ключевые слова: правосубъектность роботов, социальное государство, гражданство.

CHUPILKINA Aygul Faridovna

Ph.D. in law, associate professor of Professional disciplines of law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

LEGAL PERSONALITY OF ROBOTS AND THE SOCIAL STATE: SOME QUESTIONS

Taking into account that legislation should be proactive, the author touches on some disturbing issues of building a social state in the development of robotics. The development of technology has led to the development of such artificial intelligence, which is also constantly being improved and this evolution should lead, according to the developers, to the superiority of artificial intelligence over the human brain. Given the dynamics of the institution of legal personality, the introduction and impact of "socialized" robots in public life, it is necessary to predict the consequences of such robotization in General – both in the legal field and in social interaction. Also, referring to the social novel of the Russian Constitution, which, according to article 75.1 "...guaranteed to protect the dignity of citizens..." asks the question: protected dignity of citizens when adjusting a robot with a human?

Keywords: personality of robots, the welfare state, citizenship.

Президент РФ в своих обращениях говорил, что законодательство должно носить опережающий характер. Процессы цифровизации, информатизации и роботизации занимают сейчас жизнь и умы большей части человечества. Информационное и конституционное право в мире стремительно развиваются. Что касается вектора конституционного развития зарубежных стран, то во вновь принимаемых Основных законах он теперь иной. К примеру, автор и ранее обращала внимание читателей на то, что ветер конституционных перемен затронул социальные, экономические и экологические грани (Конституция Королевства Марокко 2011 г., Конституция Египта 2014 г., Конституция Тунисской Республики 2014 г.)¹.

Затронем некоторые тревожащие вопросы построения социального государства при развитии роботизации.

Профессор В. Е. Чиркин одним из первых в нашей стране начал анализировать зачатки идей о социальных гранях работы публичной власти и социальной деятельности государства – с древних времён до сегодняшних дней, писал в своих трудах и говорил в своих выступлениях о недостаточной развитости концепции идей социального государства. Правда, с оговоркой о постоянной эволюции концепции, в силу чего она, по всей видимости, не сможет считаться за-

Чупилкина А. Ф.

вершённой во всех элементах, к тому же на сегодня даже нет окончательной трактовки этого понятия².

Если говорить о формулировке социального государства в Конституции РФ 1993 г., то она закладывает таковой фундамент в ст. 7: достойная жизнь и свободное развитие человека, в новелле 2020 г. - ст. 75.1 «...гарантируются защита достоинства граждан...», а также социальное партнерство/солидарность. В ст. 75 Конституции РФ в результате поправок теперь имеется запись о том, что МРОТ должен быть не менее величины прожиточного минимума (норма, имеющаяся в Трудовом кодексе РФ с 2003 г., но реализуемая на практике лишь с 2018 г.).

Правовое регулирование роботизации является одним из самых востребованных научных юридических направлений. Но, на взгляд автора, для современной жизни в социальном государстве наибольший интерес представляет не простой, первичный вид робота – так называемый «манипулятор», который осуществляет заданный, запрограммированный разработчиком набор действий, а самый волнующий научную общественность, так называемый «социализированный» вид роботов, решающих задачи, свойственные человеческому мозгу.

На сегодняшний день создание таких роботов, «начинённых» искусственным интеллектом характеризуется различной функциональной направленностью: робот-сиделка,

1 Более подробно: Чупилкина А. Ф. Необходимость развития экологического малого предпринимательства: конституционно-правовые аспекты, роль регионов и муниципалитетов // Экологическое право. - М.: Юрист, 2018. - № 3. - С. 20-23.

2 Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство в сравнительном измерении // Труды института государства и права Российской академии наук. - 2008. - № 6. - С. 5.

робот-полицейский, робот-дальнобойщик, робот-судья и проч.

То, что идущий процесс роботизации и, соответственно, необходимость его правового регулирования, дойдёт до интересов социальной жизни человека – не вызывает сомнений и уже сейчас заставляет предусмотреть особенности юридических граней такого явления.

Первые, приходящие на ум достоинства привлечения таких «помощников»: роботу не надо платить зарплату, он не устаёт, не поддаётся психологическому воздействию, не выходит на пенсию.

Но тревогу вызывает то, что развитие технологий привели к разработке такого искусственного интеллекта, который также беспрестанно совершенствуется и эта эволюция должна привести, как утверждают разработчики, не просто к уравниванию, а к превосходству искусственного интеллекта над человеческим мозгом.

Решение же этого вопроса грамотным запрограммированием роботов с формулой «на определённые задачи» или «до определённого предела» вызывают не меньшие сомнения в гарантиях таких программ. Это напоминает 45-50 летние рассуждения о возможностях генной инженерии (генная инженерия родилась в 1972 г.), употреблении трансгенных продуктов – и до сих пор наука не ответила на вопрос: «К чему это приведёт?».

Также А. В. Габов и И. А. Хаванова предупреждают исследователей о некорректности дебатов о будущем роботов в социальной среде, поскольку не учитывается потенциал киборгов, неизбежно увеличивающихся в численности³.

Различие между первыми и вторыми – в присутствии жизни. Робот – произведен, это механизм, небологический автономный объект или агент человека. Киборг – автономный биологический субъект, физически «усовершенствованная» модификация человека.

В 2019 году Президентом РФ Утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.⁴.

При разработке юридической концепции рассматриваемого нами вопроса следует учитывать: сочетание технических и юридических регуляторов, динамику института правосубъектности, внедрение и воздействие «социализированных» роботов на государственный управленческий аппарат, выявление прогнозов и рисков во взаимодействии жизни людей с жизнью роботов, последствия роботизации в целом – как в правовом поле, так и в социальном взаимодействии.

Следует принять во внимание следующие факторы:

1) по проводимым в последние годы тематикам конференций в стране можно сделать вывод, что научную и политическую общественность волнуют социально-экономическое движение страны, следовательно, процессы роботизации должны плавно реализовываться на этом пути;

2) определённую представленность о роботах с искусственным интеллектом упирается прежде всего в трактовку понятия «искусственный интеллект», по которому не выработано единого мнения;

3) одним из самых тревожащих для юридического сообщества является вопрос о наделении роботов правосубъектностью – это приравнивает социальный статус робота к социальному статусу человека (одним из самых шумевших примеров в мире является получение человекоподобной роботессы Софии подданства королевства Саудовская Аравия);

4) наделение роботов правосубъектностью, безусловно, затронет работу других правовых институтов (это может привести к появлению новых, изменению или даже исчезновению старых).

В монографии под редакцией Ю. А. Тихомирова и С. Б. Нанбы авторы делятся наблюдением об очевидном стремлении представителей разных наук сделать робота «принадлежностью» той или иной отрасли права⁵.

Обратим внимание учёных на то, что первоисточник здесь – это всё же право конституционное.

Высказываются в науке мнения о специальных правах роботов по содержанию и формулировке напоминающих именно конституционные: «не быть отключенным (против его “воли”), право на полный и беспрепятственный доступ к своему коду, право не подвергаться экспериментам, право на создание своей копии, право на неприкосновенность “частной жизни”»⁶.

В данном контексте самым тревожным сигналом стало бы наделение робота правосубъектностью. В таком случае робот становится не объектом, а субъектом правоотношений. Правосубъектность и гражданство идут во взаимосвязанной юридической паре. Гражданство определяет возможные пределы правообладания (границы его правоспособности) в соответствии с национальным законодательством.

Глава 2 Конституции нам уже в течение 27 лет известна под заголовком «Права и свободы человека и гражданина», а не «Права и свободы человека, гражданина и робота» или «Права и свободы человека, гражданина и искусственного интеллекта».

Но, в случае социально-правового уравнивания робота и человека и предоставления роботу гражданства, даже без изменения названия главы 2 конституции Российского государства такой субъект юридически вписался бы в формулировку «Права и свободы человека и гражданина» (по аналогии с примером Саудовской Аравии и получением человекоподобной роботессы Софии подданства этого королевства).

И, возвращаясь к социальной новелле Конституции РФ, в которой, согласно ст. 75.1 «...гарантируются защита достоинства граждан...» возникает вопрос: защищается ли достоинство граждан при уравнивании робота с человеком?

Пристатейный библиографический список

1. Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. - 2018. - № 435. - С. 215-233.
2. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство в сравнительном измерении // Труды института государства и права Российской академии наук. - 2008. - № 6. - С. 5.
3. Чупилкина А. Ф. Необходимость развития экологического малого предпринимательства: конституционно-правовые аспекты, роль регионов и муниципалитетов // Экологическое право. - М.: Юрист, 2018. - № 3. - С. 20-23.
4. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. - М.: Проспект, 2019. - 240 с.

3 Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. - 2018. - № 435. - С. 216.

4 Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СПС «КонсультантПлюс».

5 Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. - М.: Проспект, 2019. - С. 13.

6 Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. - 2018. - № 435. - С. 220.

CHURSINA Antonina Sergeevna

senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the Krasnoyarsk State Agrarian University

THE DOCTRINE OF ESTOPPEL IN RUSSIAN CIVIL LAW: LEGAL BASIS AND HISTORY OF PROVISION

The paper discusses the doctrine of estoppel in Civil Law. Examination of court practice shows that in dealing with civil disputes estoppel is interpreted by many courts in a broad manner. The paper demonstrates the orientation of the doctrine of estoppel on preventing conflicting and unfair conduct of economic use actors and profiting by the party inconsistent in its behavior to the detriment of the other party, which counted in good faith and reasonably on legal situation created by the first party. Altogether, the paper argues that at the heart of estoppel is the principle of good faith.

Key words: civil law, principle of good faith, estoppel, transaction, invalidity of a transaction, court practice.

ЧУРСИНА Антонина Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Юридического института Красноярского государственного аграрного университета

Чурсина А. С.

ПРИНЦИП ЭСТОППЕЛЯ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассмотрены вопросы применения принципа эстоппель в гражданском праве. Анализ судебной практики показал, что эстоппель неоднозначно трактуется судами при разрешении конкретных гражданско-правовых споров. Также показана его направленность на недопущение противоречивого и недобросовестного поведения субъектов хозяйственного оборота, воспрепятствование получения непоследовательной в поведении стороной выгоды в ущерб другой стороне, добросовестно и разумно полагавшейся на юридическую ситуацию, созданную первым субъектом. Сделан вывод, что в основе эстоппеля лежит действие принципа добросовестности.

Ключевые слова: гражданское право, принцип добросовестности, эстоппель, сделки, недействительность сделок, судебная практика.

The legalization of private property and the establishment of market economy in Russia at the beginning of the 1990s required the traditional structures of its command-administrative system being diluted, in particular, the reform of the relations of civil circulation, both in statics and in dynamics.

The concept of the development of civil law (hereinafter referred to as the concept), which had been formulated pursuant to the decree of the President of Russia dated 18.07.2008 № 1108¹, provided a frame of reference for the fundamental changes of the Russian legal system. The key problems include the absence of the normatively enshrined principle of good faith in implementing their rights and obligations by participants of civil legal relations, as well as the problem of unjustified initiation of court proceedings on the recognition of transactions as invalid. That is, the tendency of civil legal protection of the actually "weak", bona fide party from the actions of unscrupulous participants in the civil turnover was indicated.

Pursuing the concept on April 2012, a draft federal law № 47538-6² was submitted to the State Duma concerning amendment of the second, third and fourth parts of the Civil Code

of the Russian Federation (hereinafter referred to as Russian Civil Code). Part One of the Civil Code, containing the general provisions of Russian civil law, was subject to significant modernization.

Given the number of amendments, the State Duma decided to proceed to the examination of its individual provisions as separate draft laws (in the context of the matter under discussion it is Federal draft law № 47538-6/4 "On amendments in subsections 4 and 5 Section I Part One and article 1153 of Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation" (hereinafter referred to as Federal draft law № 47538-6/4).

Since September 1, 2013, Article 166 of Russian Civil Code has been revised in accordance with Federal Law No. 100-FZ dated 07.05.2013 "On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"³.

The party that, when making a transaction, knew or should have known about the grounds for its invalidity, but from whose subsequent behavior the intent to preserve it was seen, loses the right to challenge (paragraph 4, clause 2 of article 166 of the Civil Code of the Russian Federation). The original text of this norm contained the concept of "confirma-

1 О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: указ президента РФ от 18.07.2008 № 1108. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

2 О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект фед. закона

№ 47538-6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6#> (дата обращения: 01.08.2020).

3 О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей ГК РФ: фед. закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

tion of the transaction”, the uncertainty and clarification of which was repeatedly addressed by the Legal Department of the State Duma in its conclusions on the draft federal law No. 47538-6/4⁴.

Clause 5 of Article 166 of Russian Civil Code prohibits an unscrupulous party from invoking the invalidity of the transaction. The implementation of this norm is achieved under the following conditions. First, the fundamental criterion is bad faith of the party. Secondly, the actual behavior of the person, after the transaction, was regarded by other persons as unambiguous and consistent, indicating the invariability of intentions to fulfill obligations, or such an appearance was created. Thirdly, the statement of the party about invalidity of the transaction.

Unfair acts, according to the explanatory note to the Draft Federal Law No. 47538-6, are treated as behavior that did not raise doubts that the participant in the legal relationship agreed with the transaction and intended to adhere to its terms, but later went to court with a demand to recognize it invalid. This formulation is confirmed by court practice.

An example of such bad faith is expressed in a situation where the plaintiff accepted in full and paid for the defendant's services for medical examination of the plaintiff's employees and declared the contract invalid in terms of establishing the cost for the services rendered⁵.

In another case, the Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District (No. Ф01-5894/2017), applying par. 4 p. 2 and p. 5 of Art. 166 of Russian Civil Code, when considering the claim of “Spartak-OM” LLC against the Khlynov commercial bank (JSC) to invalidate the clause of the loan agreement took into account the following circumstances – obligations under the agreement, the signing of the loan agreement without disagreement, and without the requirement to exclude the disputed clause. In addition, the fact that it filed a statement of claim after the execution of the loan agreement, without declaring objections to its conditions during the period of validity and execution substantiated the conflicting actions of the company.

The above mentioned provides scaffolding for speaking about the presence of English case law estoppel doctrine in Russian Civil Code concerning transactions⁶.

In addition to Art. 166 of Russian Civil Code, certain types of estoppel are contained in three more novels of the Civil Code of the Russian Federation: clause 2 of Art. 431.1, paragraph 3 of Art. 432, paragraph 5 of Art. 450.1.

However, estoppel as an independent principle is inherent only in international public law⁷. The public law characteristic of estoppel, in its most general terms, means the loss by the state of the right to refer to any facts in support of its

international claims (for example, upon recognition as invalid, termination or suspension of an international treaty).

In private law, Central London Property Trust Ltd. v. High Trees House Ltd.⁸ was one of the first to formulate the estoppel norm, namely the doctrine of promissory estoppel.

According to the plot of the case, in 1937 High Trees House Ltd. rented an apartment building in London from Central London Property Trust Ltd. for 99 years for £ 2,500 a year. By the start of World War II in 1939, the demand for housing had decreased and a number of the apartments had become vacant. In January 1940, the parties reached an agreement to reduce the rent for housing from 2500 to 1250 pounds annually, recording the change in writing. However, the period until which the preferential provisions would be valid neither the tenant nor the property owner specified. Until September 1945, High Trees House Ltd. made payments at a new, reduced rate. In September 1945, when the war finished and the apartments were occupied by residents, Central London Property Trust Ltd. demanded the payment of the amount of rent for the quarters ending September 29 and December 25 of the current year at rates that existed before 1940 (£ 625 each), as well as the repayment of arrears for the previous time – 7916 pounds.

High Court Justice Alfred Denning, in accordance with the promissory estoppel doctrine, ruled that the promise was a rent cut, which was temporary and should be kept until the house was fully rented, that is, until 1945. As a result, High Trees House Ltd. could not pay the amount established by the contract during the war period, but from the moment of its finishing, the owner of the premises had the right to demand rent in full⁹.

It is in this sense, that a promise gives rise to an estoppel: prohibiting a party from acting incompatible with a promise made earlier with the intention of creating a legal relationship.

Currently, the term “estoppel” is not embodied in the Russian civil legislation, despite this, the courts support their decisions by referring to it.

Before the amendments were made to Russian Civil Code (until 2013), court practice and legal scholars referred only to the procedural estoppel, as a loss of the right to object.

In substantive law, estoppel was applied in the ruling of the Arbitration Court of the North Caucasian District of the Russian Federation dated January 30, 2018 No. A53-5287/2017. According to the court, the main task of estoppel is to prevent the inconsistent party from receiving benefits to the detriment of the other party, who conscientiously and reasonably relied on the legal situation created by the first party.

Assessing the actions of the complaint's cassation appeal against inconsistency and uncertainty in behavior, the Arbitration Court of the Volgo-Vyatka District (No. Ф01-6079/2017) proceeded from the principle of good faith (estoppel) and the venire contra factum proprium rule (no one can contradict their own previous behavior). That is, the identity of the principles of good faith and estoppel was established.

The Third Arbitration Court of Appeal of Krasnoyarsk Territory, when considering a dispute on debt collection under

4 Заключение по проекту федерального закона № 47538-6/4 «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статьи 1153 части третьей ГК РФ» (повторно ко второму чтению). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 01.08.2020)

5 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.08.2017 № Ф02-4187/2017 по делу № А78-14846/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Чурсина А. С. К вопросу становления образовательной системы традиционных этносов Енисейского Севера в 1920-1930-е гг. // The Newman in Foreign Policy. - 2019. - № 49-5 (93). - С. 10-12.

7 Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 1969). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

8 Central London Property Trust Ltd v. High Trees House Ltd. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.diprist.unimi.it/fonti/1041.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

9 Калашников А. В. Современное договорное право Великобритании и влияние на него судебных решений Альфреда Деннинга. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://lexrussica.ru/netcat_files/493/657/lexrussica-3-2009-19029.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

a non-residential premises lease agreement, applied the provisions of the estoppel doctrine, the basis of which is the dual unity of the principles of fairness and good faith in the priority of the latter¹⁰. In accordance with paragraph 5 of Art. 166 of Russian Civil Code, when assessing the arguments of the appellant on the absence of evidence of transferring the disputed premises to him, the court reasonably took into account the sequence of actions performed by the plaintiff, indicating the actual acceptance of the disputed premises and its further use, provision of counter execution in the form of payment of rent payments.

The Arbitration Court of the West Siberian District interpreted the estoppel as banning of *laissez faire* attitudes with regard to the contradictory and dishonest behavior of economic entities that does not correspond to the usual commercial honesty.

The application of the estoppel principle to private law relations corresponds to the envisaged consequences of unfair behavior, namely, the full or partial refusal of a person to protect his right. In the context of public international law, according to some authors^{11, 12}, estoppel provides for a sanction for violation of the principle of good faith.

For example, the Arbitration Court of the Central District, rejecting the cassation complaint, concluded that the interests of the plaintiff were not subject to judicial protection by virtue of the estoppel principle and the provisions of Art. 10 of Russian Civil Code, which prevent from deriving benefits from unfair behavior.

Based on the explanations above, meanwhile estoppel is only a means to conceptualize the principle of conscientiousness, to motivating the parties to consistently conscientious behavior in their mutual relations.

Пристатейный библиографический список

- О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей ГК РФ: фед. закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».
- О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект фед. закона № 47538-6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/47538-6#> (дата обращения: 01.08.2020).
- О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: указ президента РФ от 18.07.2008 № 1108. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».
- Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 18.08.2017 № Ф02-4187/2017 по делу № А78-14846/2016. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».
- Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 09.02.2018 по делу № А33-3412/2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».
- Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 1969). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».
- Заключение по проекту федерального закона № 47538-6/4 «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статьи 1153 части третьей ГК РФ» (повторно ко второму чтению). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 01.08.2020).
- Каламкарян Р. А., Мигачев Ю. И. Международное право: учебник. - М.: Эксмо, 2004. - 688 с.
- Калашников А. В. Современное договорное право Великобритании и влияние на него судебных решений Альфреда Деннинга. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://lexrussica.ru/netcat_files/493/657/lexrussica-3-2009-19029.pdf (дата обращения: 01.08.2020).
- Чурсина А. С. К вопросу становления образовательной системы традиционных этносов Енисейского Севера в 1920-1930-е гг. // *The Newman in Foreign Policy*. - 2019. - № 49-5 (93). - С. 10-12.
- Bershadskaaya S. V. Supportive social networks as driving force of educational performance // *Проблемы современной аграрной науки. Материалы международной научной конференции / Краснояр. гос. аграр. ун-т. - Красноярск, 2018. - С. 238-240.*
- Central London Property Trust Ltd v. High Trees House Ltd. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.diprist.unimi.it/fonti/1041.pdf> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁰ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 09.02.2018 по делу № А33-3412/2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Каламкарян Р. А., Мигачев Ю. И. Международное право: учебник. - М.: Эксмо, 2004. - С. 616.

¹² Bershadskaaya S. V. Supportive social networks as driving force of educational performance // *Проблемы современной аграрной науки. Материалы международной научной конференции / Краснояр. гос. аграр. ун-т. - Красноярск, 2018. - С. 238-240.*

ЭСЕНДИРОВ Ахмед Вахитович

аспирант кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИРЕКТОРОВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

В Российской Федерации страхование ответственности членов органов управления юридических лиц появилось относительно недавно. Спрос на данный страховой продукт возник прежде всего у тех хозяйственных обществ, в органах управления которых присутствовали иностранные директора, для которых страхование ответственности являлось естественным условием работы в организации. Ввиду ориентации страховщиков на преимущественно крупный бизнес, данный вид страхования до определенной степени остается малоисследованным. Основной причиной появления потребности страхования ответственности членов органов управления хозяйственных обществ в Российской Федерации обусловлено появлением такой формы защиты права акционеров как возможность заявления коллективного иска (ст. 65.2 ГК РФ) и последовательной политикой законодателя по ужесточению ответственности за нарушение обязанностей членов органов управления юридических лиц, что неоднократно отмечалось исследователями. Новизна, а также заимствованная природа данного вида страхования влекут возникновение сложностей при разрешении споров. Автор статьи анализируется теоретическая модель обязательства из договора страхования ответственности на примере одного из недавних судебных решений, связанных со страхованием ответственности членов органов управления юридических лиц, которое пополнило сравнительно небольшую судебную практику по данной категории дел.

Ключевые слова: страхование ответственности, директора, ответственность, D&O, органы юридического лица.

ESENDIROV Akhmed Vakhitovich

postgraduate student of Private international and civil law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

THEORETICAL PROBLEMS OF THE DIRECTORS' LIABILITY INSURANCE AND THEIR REFLECTION IN JUDICIAL PRACTICE

In the Russian Federation, liability insurance for members of the management bodies of legal entities appeared relatively recently. The demand for this insurance product arose first of all from those business entities whose management bodies were attended by foreign directors, for which liability insurance was a natural condition of work in the organization. Due to the orientation of insurers to mainly large business, this type of insurance remains poorly researched to a certain extent. The main reason for the emergence of the need for liability insurance for members of management bodies of business entities in the Russian Federation is due to the emergence of such a form of protection of shareholders' rights as the possibility of filing a class action claim (Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation) and a consistent policy of the legislator to tighten liability for violation of the duties of members of management bodies of legal entities, which has been repeatedly noted by researchers. The novelty, as well as the borrowed nature of this type of insurance, entails the emergence of difficulties in resolving disputes. The author of the article analyzes a theoretical model of an obligation from a liability insurance contract using the example of one of the recent court decisions related to the liability insurance of members of the management bodies of legal entities, which has added to a relatively small judicial practice in this category of cases.

Keywords: insurance liability, directors, liability, bodies of legal entities.

По договору страхования ответственности единоличных, коллегиальных органов управления юридических лиц (далее «директоров») страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении страхового случая, возместить выгодоприобретателю, понесенные убытки. В зарубежной практике такой договор известен под аббревиатурой «D&O» («directors' and officers' liability insurance»).

Страхование ответственности директоров является добровольным, поскольку законом прямо не предусмотрено, что договор страхования D&O должен быть обязательно заключен (ст. 927 ГК РФ). Более того в настоящее время специальное регулирование данного вида страхования в российских нормативных правовых актах отсутствует.

Согласно статье 927 ГК РФ существует два генеральных вида договоров страхования – договоры имущественного страхования и договоры личного страхования¹. Страхование ответственности директоров относится к группе имущественного страхования (ст. 929 ГК РФ), поскольку главной задачей

страхования ответственности является сохранение имущественной массы в виде компенсации понесенных убытков².

В предмет обязательства по страхованию ответственности директоров включается:

- 1) страхование деликтной ответственности директоров юридических лиц и (или) самого юридического лица;
- 2) страхование финансовых рисков – расходов, понесенных в связи с предъявлением против директоров претензии и судебных расходов.

Недавно разрешенное дело ООО «ВЛС ИНВЕСТ» против АО «АльфаСтрахование» является в определенном смысле знаменательным, поскольку выступает одним из немногих решений, связанных со спором о выплате страхового возмещения по договору страхования ответственности директоров³.

1 Митричев И.А. Понятие имущественного страхования // СПС «КонсультантПлюс».

2 Иноземцев М. И., Степанов С. К. Институт страхования правового титула в России и США: сущность и перспективы развития // Юридическая наука. 2018. № 2. С. 115-122.

3 Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 июня 2020 г. по делу № А40-334460/19-14-2357.

Как следует из обстоятельств дела, в 2015 году АО «АльфаСтрахование» застраховало ответственность директоров и должностных лиц ООО «ВЛС ИНВЕСТ». Согласно условиям заключенного договора страхования:

1. Страховым случаем признается факт возникновения у застрахованного лица обязанности возместить убытки, понесенные третьими лицами в связи с любым неверным действием застрахованного лица;

2. Страховой случай считается наступившим в момент предъявления к застрахованному лицу любого требования, которое с необходимостью ведет к убыткам застрахованного лица, даже если такие убытки фактически еще не были понесены.

3. Страхование не распространяется на незаконное получение директором выгоды и совершение мошеннического действия.

ООО «ВЛС ИНВЕСТ» в качестве заемщика заключало договоры займа с физическими лицами под значительные проценты (12-40 % годовых), обнадеживая контрагентов тем, что у общества есть договор страхования ответственности D&O. После систематического проведения таких финансовых операций, все денежные средства были выведены, общество было признано несостоятельным (банкротом), началась конкурсная процедура. В отношении директора возбудили уголовное дело по п. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. С застрахованного директора взыскали убытки, но он их не погасил. Конкурсный управляющий решила погасить требования кредиторов за счет страхового возмещения и обратился с иском в суд.

В деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование», недавно разрешенном Арбитражным судом города Москвы, по нашему мнению, главной проблемой являлось неправильное представление истца о самой сути договора страхования ответственности директоров, возникшая сложность с определением его субъектного состава и страхового случая.

Для начала рассмотрим вопрос о том, кто является субъектами страхования ответственности директоров. Сторонами обязательства из договора D&O относятся страховщик и страхователь.

Согласно ст. 5 Закона об организации страхового дела к страхователям причисляют юридические лица и дееспособные физические лица, заключившие со страховщиками договоры страхования либо являющиеся страхователями в силу закона⁴. Согласно мировой практике, страхование ответственности директоров осуществляется прежде всего самой компанией⁵. В российском праве в целях преимущества, простоты и удобства конструкции данного страхового правоотношения следует определить страхователя как хозяйственное общество, то есть юридическое лицо, имеющее организационно-правовую форму акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью.

Такой подход наблюдается и на практике. В рассматриваемом нами деле АО «АльфаСтрахование» выступает, разумеется, в роли страховщика, а юридическое лицо ООО «ВЛС ИНВЕСТ» стало страхователем по договору страхования ответственности директоров.

На целесообразность такого подхода указывает А.Г. Архипова, приводя несколько обоснований⁶. Во-первых, это организационное удобство, экономическая оправданность. Если на стороне застрахованных лиц наблюдается множественность, то именно обществу удобно заключить в отношении нескольких директоров один или несколько договоров, тем самым оптимизировав транзакционные издержки, связанные с переговорами со страховщиком по заключению, изменению или прекращению договора страхования. К тому же, в случае множественности на стороне застрахованных лиц довольно удобным для страховщика представляется заключение договора в отношении всех лиц, входящих в орган управления юридическим лицом. Во-вторых, хозяйственное общество обычно оплачивает страховую премию. Это обусловлено превышением финансовых активов общества над личным имуществом директоров⁷. Очевидно, что именно хозяйственное общество, обладающее значительной имущественной самостоятельностью, может заплатить более высокую страховую премию, что позволит увеличить покрытие по договору страхования D&O (увеличить срок действия полиса, сумму страхового возмещения, увеличить дополнительный отчетный период и т.д.).

Зарубежные авторы также замечают, что если страхователем в договоре D&O является компания (корпорация), заключается приобретение «независимости» от фигуры директора в вопросе действия договора страхования: даже при смене, выбытии какого-либо члена органа управления юридического лица, компания сохраняет возможность изменить или прекратить договор страхования ответственности сменившегося, выбывшего директора⁸. В немецкой литературе указывается, что несмотря на то, что сам договор фактически заключается членом исполнительного органа юридического лица, директор действует не в личном качестве, а выступает в интересах юридического лица, поэтому страхователем в данном страховом правоотношении стоит признавать юридическое лицо⁹.

Имеются и иные подходы к определению круга страхователей по обязательству страхования ответственности директоров. Так, В. В. Алейникова допускает признание в качестве страхователя не только юридическое лицо (хозяйственное общество), но и «физических лиц, действующих в качестве единоличного исполнительного органа (директора, генерального директора), либо коллегиального исполнительного органа, либо юридических лиц, действующих в качестве единоличного исполнительного органа»¹⁰. Данная позиция находит свое подтверждение в возможности существования у перечисленных лиц самостоятельного страхового интереса, поэтому, по существу, является правильной.

Застрахованным лицом в страховом правоотношении из договора страхования ответственности директоров может быть целый ряд субъектов. Во многом определение кон-

4 Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Graz W. D. Organhaftung und D&O – Versicherung. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://static.uni-graz.at/fileadmin/rewi-institute/Zivilrecht/Doralt/ZGR_Aufsatz_IVZ.pdf (accessed August 15, 2020).

6 Архипова А. Г. Компания хочет застраховать ответственность директора. Какие правовые риски придется учесть // Арбитражная практика. 2016. № 12. С. 76-83.

7 Baker T., Griffith S.J. How the Merits matter: Directors' and Officers' Insurance and Securities Settlements // University of Pennsylvania Law Review. 2009, № 3. P. 755-832.

8 Harrington S.E., Danzon P.M. The Economics of Liability Insurance in: Dionne (eds.) 2000. Handbook of Insurance. P. 277-314.

9 Sieg, O. D&O-Versicherung des Managers. De Gruyter. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.degruyter.com> (accessed August 12, 2020).

10 Алейникова В.В. Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М., 2018. С. 206.

кретного застрахованного лица зависит от типа покрытия, избираемого при заключении договора страхования ответственности директоров. Главным образом к застрахованным лицам можно отнести: а) единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, президент в акционерном обществе (ст. 69 Закона об АО); директор, генеральный директор в обществе с ограниченной ответственностью (ст. 40 Закона об ООО»); б) члены коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции) (ст. 41 ФЗ об ООО, ст. 70 Закона об ООО), члены коллегиального органа управления (наблюдательного совета) публичного акционерного общества (п. 3 ст. 97 ГК РФ) и непубличного акционерного общества, общества с ограниченной ответственностью в случае закрепления функций коллегиального исполнительного органа или отказа от создания коллегиального исполнительного органа (п. 3 ст. 66.3 ГК РФ); в) хозяйственное общество (акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью).

Отдельным и не столь очевидным вопросом является возможность управляющей организации, управляющего хозяйственного общества (ст. 69 ФЗ об АО, ст. 42 ФЗ об ООО) выступить в качестве застрахованного лица. С одной стороны, кажется, что вопрос участия в управлении хозяйственным обществом физического или юридического лица по договору возмездного оказания услуг, заключаемого между обществом и управляющим (управляющей организацией) должен быть абсолютно не интересен страховому праву. Однако представляется, что страхование управляющей компании является нецелесообразным из-за ряда экономических причин, о которых речь пойдет далее.

Заключение договора страхования *D&O* сопряжено со сложной процедурой анализа страховщиком рисков. Страховщик как правило проводит интервьюирование потенциального страхователя, в ходе которого страховщиком выясняются обстоятельства, которые в зарубежной литературе подразделяются на категории *“Character”* и *“Culture”*¹¹. В рамках первого блока выясняются обстоятельства, связанные с личностью, биографией, профессиональными навыками лица, ответственность которого планируется застраховать. Вопросы блока *“Culture”* связаны с выстроенной системой корпоративного управления (структура акционерного капитала (инсайдерская/аутсайдерская), система вознаграждения (remuneration) и т.д.) и также корпоративной культурой компании (ценности, идеалы, значимые для компании проекты и т.п.). Этим страхование *D&O* отличается от других видов страхования ответственности. Страховщик, заключающий договор ОСАГО, проводит актуарные расчеты по строго установленной схеме, используя более-менее понятные ориентиры (коэффициент бонус-малус, коэффициент возраста и стажа). Страховщик, заключая договор *D&O*, сталкивается с огромными объемами данных, которые необходимо проанализировать для подсчета риска, что в конце концов порой заканчивается довольно субъективным определением вероятности наступления страхуемого риска (бессилие в анализе огромных данных получило в экономике название «проклятие знаний» (*curse of knowledge*))¹². Представляется, что страховая премия, которую потребует страховщик за заключение

договора страхования ответственности управляющей компании со страхователя будет довольно значительной. Поэтому возможно намного рациональнее самой управляющей компании заключить договор страхования своей ответственности в рамках обычного корпоративного страхования.

Кроме того, стоит учитывать практически полное отсутствие опыта по заключению договора *D&O*, по которому застрахованным является управляющая организация, в юрисдикциях, где зародился данный вид страхования, в Англии и США. Это объясняется существующим там полным запретом юридическим лицам выступать в качестве директоров¹³.

В деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование» по договору застрахованным лицом являлось «любое физическое лицо (включая нерезидентов Российской Федерации), которое в любой момент до начала, на момент начала или в любой момент в течение периода страхования являлось или стало, в частности, директором, независимым директором, должностным лицом компании».

Как писал В. И. Серебровский, выгодоприобретатель © это лицо, которому страховщик обязан выплатить страховое вознаграждение¹⁴. При этом определение конкретного выгодоприобретателя зависит от типа покрытия, избираемого при заключении договора страхования ответственности директоров.

В деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование» судом было справедливо указано, что по заключенному договору *D&O* не было предусмотрено страхование предпринимательского риска, равно как и договорной ответственности из договоров займа. Отсутствовало и страховое покрытие *C* (*side-C coverage*), то есть страхование ответственности общества. А выгодоприобретателями в любом случае являются третьи лица, а не «ВЛС ИНВЕСТ». Именно могли бы требовать от страховщика выплаты страхового возмещения. «ВЛС ИНВЕСТ» могло бы получить право предъявить иск к ответчику по договору страхования исключительно в случае предварительного возмещения им третьим лицам от имени директора.

Теперь рассмотрим категорию страхового интереса. Именно страховой интерес является объектом страхового правоотношения¹⁵. В.И. Серебровский обосновал свою позицию тем, что страховщик не принимает на себя обязанность восстановить вещь, пострадавшую от страхового случая, а возместить убытки, которые возникли у страхователя. В этом смысле суд в деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование» допустил теоретическую неточность, назвав объектом страхового обязательства страховой риск. Такое неверное отождествление страхового риска противоречит и норме права: ст. 4 Закона об организации страхового дела следует традиционной терминологии «интерес – объект». В то время как п. 1 ст. 9 Закона об организации страхового дела страховой устанавливает, что риск – это предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование.

Однако ключевым для данного дела является положение ст. 928 ГК РФ, которое предусматривает, что страховой интерес должен быть правомерным. Иными словами, страхование противоправных интересов не допускается. Не допу-

11 Weterings O. R. W. *D&O Insurance and Corporate Governance: Is D&O Insurance Indicative of the Quality of Corporate Governance in a Company?* // *Stanford Journal of Law, Business and Finance*, 2019. № 24. LexisNexis (accessed August 17, 2020).

12 Dobiac J. I Came, I Saw, I Underwrote: *D & O Liability Insurance's Past Underwriting Practices and Potential Future Directions* // *Connecticut Insurance Law Journal*. 2008. № 2. P. 515.

13 Bainbridge S. M. *Corporate Directors in the United Kingdom* // *William & Mary Law Review Online*. 2017, № 59. P. 65.

14 Серебровский В.И. Страхование. В кн.: *Избранные труды по наследственному и страховому праву*. М., 2003. С. 491.

15 Там же. С. 367.

скается страхование уголовной и административной¹⁶ ответственности директоров. Риск наступления ответственности за умышленно-совершенное деяние не может составлять обратную сторону страхового интереса и интерес в данном случае неправомерен. Аналогичное правило закреплено в праве Англии и США: не может быть застрахован риск, возникший в результате злонамеренного (malicious), мошеннического (fraudulent) или умышленного действия (deliberate)¹⁷.

Именно на этом основании суд в деле «ВЛС ИНВЕСТ» против «АльфаСтрахование» пришел к выводу, что иск не подлежит удовлетворению. Арбитражный суд города Москвы применил норму п. 1, 4 ст. 928 ГК РФ, а также сослался на положения договора об исключении страхования в случае получения застрахованным лицом любого дохода или финансовой выгоды, на которые такое застрахованное лицо не имело основанного на законе права, а также на специально указанную оговорку об исключении страхования на случай совершения застрахованным лицом любого умышленного уголовного правонарушения или умышленного мошеннического действия.

Стоит отметить, что освобождение от уплаты страхового возмещения при мошенничестве подпадает под действие оговорки об окончательном наступлении страхового случая¹⁸. Пока вина директора за совершение мошеннических действий не будет окончательно рассмотрена в ходе судебного разбирательства, пока суд не вынесет окончательное приговор по делу страховщик обязан покрывать судебные издержки.

В рассматриваемом деле нет указаний на то, что приговор в отношении директора «ВЛС ИНВЕСТ» был вынесен, хотя приведен факт возбуждения в отношении него уголовного дела. Однако это обстоятельство для конкретно данного дела значения не имеет, поскольку (а) договор предусматривает иные основания исключения страхования ответственности; (б) в данном деле не рассматривался вопрос выплаты страхового возмещения (а если быть точным авансированного или превентивного страхового возмещения) по страхованию финансовых рисков.

Таким образом, можно признать, что несмотря на наличие определенных недостатков данного судебного решения, в целом оно представляет собой позитивный опыт разрешения спора, связанного с договором страхования ответственности директоров, и, по существу, является верным, отражающим теоретическую модель данного вида страхования.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 июня 2020 г. по делу № А40-334460/19-14-2357.
3. Алейникова В.В. Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М., 2018.
4. Архипова А. Г. Компания хочет застраховать ответственность директора. Какие правовые риски придется учесть // Арбитражная практика. 2016. № 12.
5. Иноземцев М. И., Степанов С. К. Институт страхования правового титула в России и США: сущность и перспективы развития // Юридическая наука. 2018. № 2.
6. Митричев И.А. Понятие имущественного страхования // СПС «КонсультантПлюс».
7. Нектов А. В. Ограничение ответственности продавца за передачу товара, обремененного интеллектуальными правами третьих лиц // Договоры коммерческого права. Договор продажи товаров: учебное пособие для вузов / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2020.
8. Серебровский В.И. Страхование. В кн.: Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003.
9. Bainbridge S. M. Corporate Directors in the United Kingdom // William & Mary Law Review Online. 2017, № 59.
10. Baker T., Griffith S.J. How the Merits matter: Directors' and Officers' Insurance and Securities Settlements // University of Pennsylvania Law Review. 2009, № 3.
11. Clarke M. A. The Law of Liability Insurance. New York, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0> (Accessed August 20, 2020).
12. Dobiac J. I Came, I Saw, I Underwrote: D & O Liability Insurance's Past Underwriting Practices and Potential Future Directions // Connecticut Insurance Law Journal. 2008, № 2.
13. Graz W. D. Organhaftung und D&O – Versicherung. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://static.uni-graz.at/fileadmin/rewi-institute/Zivilrecht/Dokumente/Doralt/ZGR_Aufsatz_IVZ.pdf (accessed August 15, 2020).
14. Harrington S.E., Danzon P.M. The Economics of Liability Insurance in: Dionne (eds.) 2000, Handbook of Insurance.
15. Paolini A. Lending Sub-prime and Advising on Financial Instruments from a D & O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012.
16. Sieg, O. D&O-Versicherung des Managers. De Gruyter. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.degruyter.com> (accessed August 12, 2020).
17. Weterings O. R. W. D&O Insurance and Corporate Governance: Is D&O Insurance Indicative of the Quality of Corporate Governance in a Company? // Stanford Journal of Law, Business and Finance, 2019. № 24. LexisNexis (accessed August 17, 2020).
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 октября 2019 г. № Ф05-18023/2019 по делу № А40-183768/2018.
17. Paolini A. Lending Sub-prime and Advising on Financial Instruments from a D & O Insurance Perspective // Journal of Business Law. 2012. P. 6.
18. Clarke M. A. The Law of Liability Insurance. New York, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bookshelf.vitalsource.com/#/books/9781315456355/cfi/6/36!/4/14/6/4/4/2@0:0> (Accessed August 20, 2020).

ФАНЬ Цзинчжао

аспирант кафедры предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ИННОВАЦИИ И СТРУКТУРА ЗАКОНА ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЕ

Китайский Закон «Об иностранных инвестициях», вступивший в силу в 2020 году, устанавливает основные положения для новой правовой системы Китая в области иностранных инвестиций. Закон отражает серьезные обязательства Китая перед иностранными инвесторами и международным сообществом и демонстрирует шаги, предпринятые Китаем для формирования более открытой позиции в отношении внешнего мира. Дополнительные подзаконные акты уточняют базовые нормы Закона «Об иностранных инвестициях» для формирования целостной правовой системы в области иностранных инвестиций. В статье анализируется структура и инновации Закона Китая «Об иностранных инвестициях», предлагаем международному сообществу ознакомиться с полезным опытом и сообщаем о потенциальных правовых пробелах.

Ключевые слова: Закон «Об иностранных инвестициях», правовая система иностранных инвестиций, законодательная реформа.

Фань Ц.

FAN Jingzhao

postgraduate student of the Entrepreneurial law sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

STRUCTURE AND INNOVATION OF CHINA'S FOREIGN INVESTMENT LAW

China's Foreign Investment Law, which came into force in 2020, establishes the basic framework for China's new foreign investment legal system. The law reflects China's serious commitments to foreign investors and the international society, and demonstrates steps that China has taken to expand its opening to the outside world. The additional Implementing Regulations refine the concrete regulations of Foreign Investment Law to form a complete legal system of foreign investment. The paper analyses the structure and innovations of China's Foreign Investment Law, presenting useful experience and potential legal gaps to the international community.

Keywords: investment law, legal system of investment law, legislative reform.

Реализация первого закона Китая об иностранных инвестициях в 2020 году знаменует собой существенный прорыв в рамках правовой системы в области иностранных инвестиций. Процесс повышения открытости китайского законодательства начался с закона об иностранных инвестициях. После 1980 реформы и «открытия» в качестве основных законов, регулирующих деятельность предприятий с участием иностранного инвестиционного капитала, были приняты Закон «О китайско-иностранном совместном акционерном предприятии», Закон «О предприятиях с участием иностранного капитала», и Закон «О китайско-иностранном кооперативном предприятии». На данной основе были изданы дополнительные административные акты Закона «О китайско-иностранном совместном акционерном предприятии», такие как Положения о реализации закона «О китайско-иностранном совместном акционерном предприятии» и подробные правила реализации Закона «О китайско-иностранном кооперативном предприятии». Кроме того, национальные министерства и местные органы власти разработали дополняющие друг друга ведомственные инструкции по реализации закона¹.

В значительной степени основываясь на необходимости углубления реформ в Китае и формирования более открытой позиции страны в отношении внешнего мира, а также в некоторой степени благодаря внешнему воздействию китайско-американских торговых переговоров, в 2020 году были введены в действие Закон «Об иностранных инвестициях» и положения о его реализации, что ознаменовало официальное вступление Китая в новую эру единого законодательства об

иностранном инвестициях. Теперь необходимо ввести новое законодательство об иностранных инвестициях. Во-первых, предыдущие законы об иностранных инвестициях и сопутствующие подзаконные акты были очень многочисленными и трудными для понимания иностранными инвесторами. Во-вторых, после принятия Закона «О компаниях» и Закона «О партнерствах» многие положения предыдущих законов об иностранных инвестициях утратили актуальность и вступили с ними в противоречие. Кроме того, предыдущие законы об иностранных инвестициях основывались на административном санкционировании, иностранные предприятия в них рассматривались иначе, чем отечественные предприятия на этапе выхода на рынок и не в полной мере реализовывались принципы режима работы на национальном уровне². Наконец, три предыдущих закона об иностранных инвестициях касались исключительно новых инвестиций, регулируя одну их форму и не охватывая другие практики.

Закон «Об иностранных инвестициях» состоит из 6 глав (42 статьи) и раздела «Общие положения», «Поощрение инвестиций», «Защита инвестиций», «Регулирование инвестиций», «Юридическая ответственность», «Иные положения». Являясь ядром системы иностранных инвестиций, он характеризруется тремя особенностями:

Закон «Об иностранных инвестициях» позиционируется как основной закон об иностранных инвестициях, который должен установить основные институциональные рамки и

1 Цы Фань, Цэй Кэмин. Закон Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях // Журнал Шанхайского Университета Международного Бизнеса и Экономики. – 2019. – № 3. – С. 14. (崔凡, 蔡开明. 《中华人民共和国外商投资法》初探 // 上海对外经贸大学学报. – 2019. – № 3. – С. 14).

2 Сун Сюань. Реформа режима иностранных инвестиций в Китае: от иностранных инвестиций «Три закона» к праву иностранных инвестиций // Журнал Шанхайского университета международного бизнеса и экономики. - Журнал внешней торговли и экономики // Шанхайский университет международного бизнеса и экономики. – 2019. – С. 4. – С. 6. (宋晓燕. 中国外商投资制度改革: 从外资“三法”到《外商投资法》 // 上海对外经贸大学学报. – 2019. – №. 4. – С. 6).

правила доступа к иностранным инвестициям, их стимулирования, защиты и управления. Некоторые подробности и правила получают отражения в будущих правилах и положениях.

Закон «Об иностранных инвестициях» устанавливает всесторонний режим работы на национальном уровне до выхода на рынок. Кроме как в отношении отраслей и сфер деятельности, перечисленных в списке исключений, государством применяются одинаковые методы управления внутренними и иностранными инвестициями, поэтому многие из прежних нормативных актов больше не будут применяться³.

3. Отдельные важные правовые вопросы имеют особое значение и связаны со сложными системами, поэтому законодатели пока игнорируют их. Это касается, например, рамок конкуренции и оффшорных предприятий.

Предыдущие законы об иностранных инвестициях имели ограничения и нуждались в изменениях. В новом Законе Китая «Об иностранных инвестициях» реализованы три конкретных нововведения.

1) Он устанавливает единые правовые нормы в отношении деятельности иностранных предприятий.

Предыдущие законы об иностранных инвестициях были сосредоточены на типах предприятий с участием иностранного капитала, и многие из них применялись одновременно, что делало правовую систему громоздкой и разрозненной. Кроме того, из-за положения Конституционного закона «О предприятиях» предыдущие законы об иностранных инвестициях в основном касались организации и создания предприятий с участием иностранного инвестиционного капитала, а соответствующие положения дублировались в Законе «О компаниях» и Законе «О партнерствах»⁴.

Принятие Закона «Об иностранных инвестициях» изменило сложившуюся ситуацию. С одной стороны, Закон «Об иностранных инвестициях» включает в себя предыдущие законы, образуя единый «основной закон» в области иностранных инвестиций; с другой стороны, Статья 30 Закона «Об иностранных инвестициях» предусматривает, что организационная форма и учреждение предприятий с участием иностранного инвестиционного капитала регулируются положениями Закона «О компаниях», Закона «О партнерствах» и других законов. Новый закон сместил акцент с организации предприятий на инвестиционные аспекты. Это важный прогресс в законодательной модели.

2) Он устанавливает принципы предварительного применения режима работы на национальном уровне.

Закон «Об иностранных инвестициях» устанавливает принцип двойного режима для иностранных инвесторов, а также формирует систему предварительного режима работы на национальном уровне и управления списком исключений. Это означает, что в процессе допуска инвестиций к иностранным инвесторам и их инвестициям относятся не менее благосклонно, чем к отечественным инвесторам и их инвестициям. Список исключений относится к специальным мерам управления иностранными инвестициями в конкретных областях, установленных государством. Государство реализует национальный режим в отношении иностранных инвестиций, которые не входят в список исключений. Закон формально устанавливает более прозрачный стандарт национального режима для иностранных инвестиций на законодательном уровне.

3) Он способствует повышению значимости иностранных инвестиций и увеличивает их объем.

Основное понятие «иностранная инвестиция» ранее не имело определения в Китае. Новый Закон «Об иностранных инвестициях» четко определяет иностранные инвестиции как инвестиционную деятельность, осуществляемую

прямо или косвенно иностранными физическими лицами, предприятиями или иными организациями. В подзаконных актах, таких как Положения о реализации Закона «Об иностранных инвестициях», приводится объяснение других ключевых понятий, правил и систем. В них подчеркивается единый подход к внутренним и иностранным инвестициям, поощрение и защита инвестиций и связанные с этим юридическим ответственности. В сопутствующем законодательстве, правоприменительной и судебной практике необходимо дополнительно разъяснить такие ключевые понятия, как «косвенное инвестирование», и определить важные системы, такие как обеспечение защищенности инвестиций и анти-монополярная деятельность⁵.

Китайский Закон «Об иностранных инвестициях» устанавливает основные рамки правовой системы Китая в области иностранных инвестиций и является основополагающим законом в этой области. Только что начался новый виток реформирования правовой системы в области иностранных инвестиций. В процессе построения правовой системы в области иностранных инвестиций Китай приступит к разработке сопутствующего законодательства, которое должно обеспечить систематическое совершенствование правовой системы страны. В институциональной практике также необходимо усилить полномочия правительства по регулированию услуг в области иностранных инвестиций и осуществлять «рациональное управление и делегирование большего объема полномочий правительствам более низкого уровня» в вопросах управления иностранными инвестициями. Кроме того, законодатели должны внести поправки в Закон «О компаниях» и законы, касающиеся предприятий, чтобы свести воедино вопрос о режиме работы на национальном уровне с иностранными предприятиями после получения ими доступа на рынок. Законодательство об иностранных инвестициях должно всегда идти в ногу с развитием международных инвестиционных правил и постоянно повышать степень либерализации и упрощения процедур.

Пристатейный библиографический список

1. Цы Фань, Цэй Кэмин. Закон Китайской Народной Республики об иностранных инвестициях // Журнал Шанхайского Университета Международного Бизнеса и Экономики. – 2019. – № 3. – С. 14. (崔凡, 蔡开明. 《中华人民共和国外商投资法》初探 // 上海对外经贸大学学报. – 2019. – № 3. – С. 14.)
2. Сун Сяоянь. Реформа режима иностранных инвестиций в Китае: от иностранных инвестиций «Три закона» к праву иностранных инвестиций // Журнал Шанхайского университета международного бизнеса и экономики. – Журнал внешней торговли и экономики // Шанхайский университет международного бизнеса и экономики. – 2019. – С. 4. – С. 6. (宋晓燕. 中国外商投资制度改革: 从外资“三法”到《外商投资法》 // 上海对外经贸大学学报. – 2019. – № 4. – С. 6.)
3. Сан Байчуань. Мотивация прямых иностранных инвестиций и изменение условий ведения бизнеса в Китае // Международный экономический обзор. – 2019. – № 5. – С. 41. (桑百川. 外商直接投资动机与中国营商环境变迁 // 国际经济评论. – 2019. – № 5. – С. 41.)
4. Ли Чэнган. Изменения и перспективы правовой системы использования иностранного капитала за 40 лет реформ и открытия // Всекитайский народный конгресс. – С. Правовая система иностранных инвестиций. 5. – С. 50. (李成钢. 改革开放40年来利用外资法律制度的变迁与展望 // 中国人大. – 2019. – № 5. – С. 50.)
5. Сюй Ибинь. Влияние Закона об иностранных инвестициях на бизнес-среду и проблемы, с которыми он сталкивается // Народное верховенство права. – 2019. – № 7. – С. 16. (徐忆斌. 外商投资法对营商环境的影响及面临的问题 // 人民法治. – 2019. – № 7. – С. 16.)

3 Сан Байчуань. Мотивация прямых иностранных инвестиций и изменение условий ведения бизнеса в Китае // Международный экономический обзор. – 2019. – № 5. – С. 41. (桑百川. 外商直接投资动机与中国营商环境变迁 // 国际经济评论. – 2019. – № 5. – С. 41.)

4 Ли Чэнган. Изменения и перспективы правовой системы использования иностранного капитала за 40 лет реформ и открытия // Всекитайский народный конгресс. – С. Правовая система иностранных инвестиций. 5. – С. 50. (李成钢. 改革开放40年来利用外资法律制度的变迁与展望 // 中国人大. – 2019. – № 5. – С. 50.)

5 Сюй Ибинь. Влияние Закона об иностранных инвестициях на бизнес-среду и проблемы, с которыми он сталкивается // Народное верховенство права. – 2019. – № 7. – С. 16. (徐忆斌. 外商投资法对营商环境的影响及面临的问题 // 人民法治. – 2019. – № 7. – С. 16.)

КИРСАНОВ Вячеслав Олегович

аспирант Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

КУЛАКОВ Максим Петрович

магистрант Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ, В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Статья рассматривает теоретические аспекты определения процессуальных гарантий в сфере электронного правосудия. Стоит отметить, что в науке гражданского процесса нет единства относительно определения термина «процессуальные гарантии». В данной статье постараемся привести точки зрения разных авторов относительно содержания исследуемого понятия. Стоит также отметить, что активно развивающийся в последнее время процесс электронного правосудия также существенным образом влияет на данное понятие. Следует признать, что многие проблемы, возникающие в сфере обеспечения процессуальных гарантий, на сегодняшний день остаются актуальными и нерешенными. Данные вопросы нуждаются в эффективном и справедливом нормативно-правовом регулировании.

Ключевые слова: электронное правосудие, процессуальные гарантии, участники процесса, арбитражный процесс.

KIRSANOV Vyacheslav Olegovich

postgraduate student of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

KULAKOV Maksim Petrovich

magister student of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

GENERAL PROVISIONS OF PROCEDURAL GUARANTEES OF THE RIGHTS OF PERSONS PARTICIPATING IN THE CASE IN THE FIELD OF ELECTRONIC JUSTICE

The article examines the theoretical aspects of the definition of procedural guarantees in the field of electronic justice. It should be noted that in the science of civil procedure there is no unity regarding the definition of the term "procedural guarantees". In this article we will try to give the points of view of different authors regarding the content of the concept under study. It should also be noted that the recently actively developing e-justice process also significantly affects this concept. It should be recognized that many of the problems arising in the field of ensuring procedural guarantees, today remain relevant and unresolved. These issues require effective and fair legal regulation.

Keywords: electronic justice, procedural guarantees, participants in the process, arbitration process.

Информационные технологии, получившие активное развитие в последнее время, существенным образом влияют на процессы информатизации всех сфер общественной жизни, в том числе и правовой. Возникновение и развитие абсолютно новых правовых институтов, к примеру, таких как, электронное правосудие и электронное государство, является тому ярким подтверждением. На наш взгляд, под электронным правосудием следует понимать определенный способ осуществления правосудия, основанный на активном использовании новейших информационно-цифровых технологий, позволяющих осуществить необходимые процессуальные действия.

Хотелось бы также проанализировать определения исследуемого термина с точки зрения авторов, разделяющих узкий подход рассмотрения понятия «электронное правосудие». Так, к примеру, М.Д. Омаров рассматривает электронное правосудие сквозь призму информационных систем судопроизводства, под которыми он понимает регистрацию заявлений, подачу исковых заявлений в электронном виде, электронное судебное дело, а также проведение заседаний с использованием видеоконференцсвязи¹.

Интересной для анализа представляется точка зрения А.Е. Кириллова, рассматривающего электронное правосудие как определенную процессуальную деятельность соот-

ветствующих должностных лиц посредством использования электронных документов².

Далее рассмотрим понятие «процессуальные гарантии» сквозь призму электронного правосудия. Так, достаточно емкое определение понятию «процессуальные гарантии» дал А.А. Богомолов. Он считает, что под процессуальными гарантиями в сфере гражданского судопроизводства следует понимать соответствующие средства, закрепленные в ГПК РФ, которые направлены на достижение соответствующих целей гражданского судопроизводства через упорядочивание необходимых действий участников гражданского процесса³.

В сфере арбитражного процесса под процессуальными гарантиями понимается правовой механизм, устанавливающий правовые средства и определяемые на их основе действия по реализации целей и задач производства в арбитражном суде.

Считаем, что внедрение новых информационно-коммуникационных технологий в отечественное судопроизводство позволяет несколько по-новому взглянуть на реализацию базовых процессуальных принципов в гражданском/арбитражном судопроизводстве. На наш взгляд, использование новейших цифровых технологий является определенным гарантом соблюдения этих самых принципов. Следовательно, можно сделать вывод о том, что активное развитие и внедрение информационно-коммуникационных технологий в отечественную «процессуальную жизнь» является бесспорным

¹ Омаров М.Д. Правовое регулирование информатизации судов общей юрисдикции Российской Федерации - необходимое условие для перехода к «электронному правосудию» // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 54.

² Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия // «Вестник гражданского процесса». 2018. №1.

³ Богомолов А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С.7-8.

благом для последней. В свою очередь стабильно функционирующая судебная система является несомненным благом для реализации основных процессуальных принципов.

Мы также считаем, что эффективной реализации процессуальных гарантий прав участников судопроизводства в условиях электронного правосудия можно добиться лишь в случае положительного поиска адекватных мер реагирования на новые вызовы, которые стоят перед отечественным судопроизводством. В данном случае речь идет о решении проблем, к числу которых можно отнести следующие: организационно-технические проблемы, проблема защиты информации от несанкционированного доступа, проблема информационного неравенства и проблема технической неграмотности определенной части граждан нашей страны.

Мы придерживаемся мнения, что добиться эффективно функционирующего отечественного электронного правосудия можно лишь в случае активного сотрудничества с ведущими мировыми государствами в исследуемой в данной научной работе сфере. Данный вывод основан на том, что, на наш взгляд, национальные системы правосудия отдельных государств в ближайшем будущем станут частью единой международной системы электронного правосудия.

Мы уверены, что развитие процессуальных гарантий участников процесса в сфере электронного правосудия имеет огромные перспективы. В этой связи важно обеспечить незыблемость традиционных принципов отечественного судопроизводства, так как в противном случае мы потеряем то хорошее, ради чего отечественное гражданское судопроизводство прошло многовековой поступательный путь своего развития. Мы выражаем надежду на то, что в ближайшем будущем электронное правосудие станет обыденным явлением для нашей страны, что позволит гражданам максимально быстро и удобно обратиться в судебные органы для получения необходимой защиты от противоправных действий иных лиц.

Хотелось бы отметить, что процессуальные гарантии реализации прав иных лиц, участвующих в деле, в условиях электронного правосудия имеют огромное значение, так как именно они позволяют гражданам (третьим лицам, заявляющим и не заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора) реализовать важнейшее конституционное право на судебную защиту. В этой связи важную роль играют также прокуроры, соответствующие должностные лица компетентных государственных органов и органов местного самоуправления, так как в силу процессуального законодательства они уполномочены обращаться в суды в целях обеспечения защиты публичных интересов, прав и законных интересов иных лиц.

Не стоит оставлять без внимания также и иных участников арбитражного процесса, в частности, переводчиков, экспертов, специалистов, свидетелей, помощника судьи и секретаря судебного заседания, так как именно эти лица оказывают содействие осуществлению правосудия, а значит непосредственным образом участвуют в реализации субъективного права гражданина на получение судебной защиты.

Хотелось бы отметить, что система процессуальных гарантий лиц, участвующих в деле, имеет важнейшее значение в отечественном гражданском/арбитражном процессе, так как именно она способствует обеспечению соблюдения установленного порядка разрешения возникающих процессуальных вопросов.

Под процессуальными гарантиями реализации прав лиц, участвующих в деле, следует понимать соответствующие способы и средства, позволяющие им эффективно реализовать свои процессуальные права.

В свою очередь под процессуальными гарантиями защиты прав необходимо понимать соответствующие процессуально-правовые средства, которые обеспечивают защиту процессуальных прав лиц, участвующих в деле, от каких-либо нарушений.

Следует отметить, что реализация вышеназванных процессуальных гарантий в условиях электронного правосудия приобретает еще большую актуальность, так как в этих условиях имеет место процесс трансформации данных гарантий.

В контексте изучения данных вопросов нами были предложены различные способы классификации процессуальных гарантий реализации и защиты права иных лиц, участвую-

щих в деле. В ходе исследования были выявлены и указаны на примерах соответствующих материалов судебной практики определенные особенности реализации вышеназванных гарантий.

Стоит также отметить, что процессуальные гарантии реализации и защиты иных лиц, участвующих в деле, имеют некоторую специфику по сравнению с реализацией аналогичных процессуальных гарантий основных участников процесса – истца и ответчика.

Специфика исполнения процессуальных гарантий реализации и защиты прав прокурора, а также соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления состоит в том, что они обращаются в суд с заявлением о защите прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц (ст. 45 ГПК РФ, ст. 52 АПК РФ). Следовательно, у данных лиц отсутствует личный интерес, они представляют интересы прежде всего государства.

Специфика реализации процессуальных гарантий иных участников процесса, в частности, переводчика, эксперта, специалиста, свидетеля, помощника судьи и секретаря судебного заседания заключается в том, что осуществляемая ими деятельность носит содействующий проведению судебного разбирательства характер.

В свою очередь исполнение процессуальных гарантий реализации и защиты прав третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, во многом схоже с реализацией аналогичных гарантий основных участников процесса.

Хотелось бы также вкратце указать на то, как электронное правосудие влияет на реализацию вышеназванных процессуальных гарантий. Безусловно, наличие, к примеру, возможности подачи искового заявления, в частности, в арбитражный суд является важной предпосылкой для быстрой и эффективной реализации права на судебную защиту. В данном контексте важным представляется также и право на получение всей необходимой информации о судебном разбирательстве в электронном виде. В данном случае речь идет, к примеру, об информации о движении дела, времени и месте судебного разбирательства.

Электронное правосудие, на наш взгляд, должно в ближайшем будущем стать основным инструментом преодоления такого негативного явления как правовой нигилизм. Данный результат должен быть достигнут в результате обеспечения доступности и открытости судебного разбирательства. В этой связи интересной для анализа представляется научная статья В.И. Решетняка, посвященная исследованию вопросов электронного правосудия и прозрачности судебной системы⁴. Автор считает, что электронное правосудие сумеет сделать результаты судебной деятельности более прогнозируемыми. Он также особо подчеркивает важность обеспечения мер реализации гражданского контроля за судебной властью. Стоит отметить, что мы в полной мере разделяем данную позицию ученого.

Пристайный библиографический список

1. Богомолов А.А. Процессуальные гарантии правильности и своевременности рассмотрения и разрешения гражданских дел: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 7-8.
2. Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия // «Вестник гражданского процесса». 2018. № 1.
3. Омаров М.Д. Правовое регулирование информатизации судов общей юрисдикции Российской Федерации - необходимое условие для перехода к «электронному правосудию» // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 54.
4. Решетняк В.И. Электронное правосудие и прозрачность судебной системы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 3. С. 51-55.

4 Решетняк В.И. Электронное правосудие и прозрачность судебной системы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 3. С. 51-55.

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-188-190

ШТЕПА Татьяна Владимировна

аспирант Российского университета транспорта (МИИТ)

КОМПЛЕКСНАЯ ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРОВ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Определены и охарактеризованы отличительные черты договоров о предоставлении услуг в гражданском праве с выделением особенностей, присущих договорам оказания образовательных услуг. Определена степень урегулированности данных договоров в гражданском законодательстве. Рассмотрена классификация договоров по оказанию услуг в цивилистической науке, с выделением критерия возмездности и субъектности. Доказано, что договор о предоставлении образовательных услуг имеет кроме гражданско-правовой природы также черты публично-правового договора. Обосновано отнесение данных договоров к договорам присоединения. Публичный характер предоставляемых образовательных услуг позволяет определять договоры о таких услугах как публичные, что распространяет на них нормы гражданского законодательства, регулирующие такие виды договоров. Определено, что на результаты образовательных услуг, предоставленных по договорам, распространяются гарантии качества, регламентируемые Гражданским кодексом РФ, которые рассмотрены в разрезе двух групп: законные и договорные. Анализ отношений, регулируемых по договору возмездного оказания образовательных услуг, позволил прийти к заключению, что он имеет двойственную правовую природу, совмещая черты гражданско-правового и публичного договора, регулируется общими нормами гражданского законодательства о возмездном оказании услуг, специальными нормами законодательства об образовании и нормами законодательства о защите прав потребителя.

Ключевые слова: образовательные услуги, договор оказания услуг, возмездные договоры, возмездное оказание услуг, плата за образование, бесплатное обучение.

SHTEPA Tatyana Vladimirovna

postgraduate student of the Russian University of Transport (MIIT)

COMPREHENSIVE LEGAL CHARACTERIZATION OF FEE-FOR EDUCATIONAL SERVICES AGREEMENTS

The distinctive features of contracts for the provision of services in civil law are defined and characterized, highlighting the features inherent in contracts for the provision of educational services. The degree of regulation of these contracts in civil legislation is determined. The classification of contracts for the provision of services in civil science is considered, with the allocation of the criterion of remuneration and subjectivity. It is proved that the contract for the provision of educational services has, in addition to the civil nature, also the features of a public law contract. The attribution of these agreements to accession agreements is justified. The public nature of the educational services provided makes it possible to define contracts for such services as public, which extends to them the norms of civil legislation governing such types of contracts. It is determined that the results of educational services provided under contracts are subject to quality guarantees regulated by the Civil Code of the Russian Federation, which are considered in the context of two groups: legal and contractual. Analysis of the relations regulated by the contract of compensated rendering of educational services, was allowed to come to the conclusion that he has a dual legal nature, combining features of civil law and public contract governed by the general rules of civil law on paid services, special norms of the law on education and regulations on consumer protection.

Keywords: educational services, contract for the provision of services, paid contracts, paid provision of services, payment for education, free training.

Право каждого на образование гарантируется на конституционном уровне. С развитием рыночных отношений произошли изменения и в сфере образования, которая также перешла на хозяйственный расчет и увеличение самофинансирования, ориентацию на удовлетворение личных потребностей человека. Это повлекло вовлечение учебных заведений, особенно высших, в товарно-денежный оборот и договорные отношения. Впервые право на заключение таких договоров было закреплено на законодательном уровне в 1992 г. Законом Российской Федерации «Об образовании».

В связи с недостаточной длительностью данного процесса и отсутствием полного его нормативного и доктринального урегулирования до настоящего времени не выработана единая позиция в отношении правовой природы договора оказания образовательных услуг.

Изучению данного вопроса внимание уделяли такие авторы как Л.М. Волчанская, С.А. Загородний, Т.В. Жукова, М.Г. Зарубина, И.С. Кокорин, И.В. Кудряшов, М.В. Мотехина, Р.А. Музаев, Л.Б. Сидтикова, И.А. Толочкова и др. Автор-

ские трактовки сути договоров об оказании образовательных услуг отличаются значительным разнообразием: от формирования самостоятельного института до гражданско-правовой модели или отнесение в состав административных договоров. В этой связи актуальным остается вопрос определения правовой сути договоров об оказании образовательных услуг, определение их гражданско-правовой составляющей.

Отличительная черта договоров о предоставлении услуг в гражданском праве состоит в том, что их объектом выступают услуги, т.е. имеет место нематериальный характер, что отличает их от других договоров. В этой связи А. Мирзоян отмечает, что в основе системы договоров о предоставлении услуг должен лежать нематериальный объект результата услуг¹.

В связи с тем, что законодатель отвел главе о возмездном оказании услуг в ГК РФ незначительный объем, она не

1 Мирзоян А.А. Некоторые вопросы систематизации договоров о предоставлении услуг // Университетские научные записки ХУУП. - 2007. - № 4 (24). - С. 230.

содержит характеристику всех видов данных услуг, в том числе и договоров возмездного оказания образовательных услуг. Они, как и другие, не вошедшие в главу договора, регулируются отдельными законами и подзаконными правовыми актами, в том числе административного характера, в соответствии с общими нормами гл. 39 ГК РФ.

Стоит отметить, что положения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» носят комплексный характер в большей части его норм. Так, к примеру, ст. 54 «Договор об образовании» содержит нормы, регулирующие договоры на обучение, как за счет бюджетных средств, так и за счет средств физических и (или) юридических лиц. На наш взгляд, такой подход законодателя позволяет избежать дублирования в тексте основных характеристик данного вида договоров, что они не имеют существенных отличий в определении, но являются совершенно разными по своей сути и правовой природе.

В цивилистической науке все договоры принято разделять на возмездные и безвозмездные. В целом, придерживаясь данной позиции, И.В. Кудряшов в отношении договоров о предоставлении образовательных услуг отмечает, что в отличие от договоров по оказанию других видов услуг, договоры о предоставлении образовательных услуг все по своей сути являются возмездными. Он обосновывает это тем, что обучение за счет бюджетных средств бесплатным является только для студента, а для ВУЗа оно возмездно, т.к. оплачивается из бюджета². Кроме того, обучающиеся на платной основе получают дополнительно и бесплатные услуги, не включаемые в тарификацию оплаты за обучение, в частности, пользование библиотекой, спортзалом, спортивной площадкой и т.д.

Продолжением данной позиции может служить классификация договоров оказания образовательных услуг, предлагаемая С.А. Загородним, исходя из субъектного состава и характера выполнения субъектами своих обязанностей, которая на наш взгляд в полной мере приемлема³:

- договоры по выполнению обязанностей в пользу третьего лица;
- договоры по выполнению обязанностей для другого лица, но в пользу кредитора;
- договоры, по которым обязанность должника перед кредитором выполняет другое лицо.

Первый вид договоров И.В. Кудряшовым предлагается рассматривать как трехстороннее соглашение, с чем мы также можем согласиться⁴. Однако позиция автора в отношении выделения только гражданско-правовой природы договора об оказании услуг в сфере высшего образования, на наш взгляд, является неверной. Тем более неправомерно все остальные аспекты образовательных услуг, второстепенные права и обязанности сторон договора, не входящие в предмет регулирования частного права (к примеру, регулирование правил внутреннего распорядка учебного заведения), выносить за рамки исследования.

На наш взгляд, весь комплекс обязанностей и ответственности необходимо включать в предмет исследования,

независимо от наличия гражданско-правовой природы, а не только отмеченный автор – «основной гражданско-правовой обязанностью заказчика является своевременное и полное внесение оплаты за подготовку»⁵. Более того, данный аргумент, наоборот, может служить основанием восприятия образовательных услуг не только как частноправового договора. Данную точку зрения поддерживает и И.А. Толочкова⁶. Наиболее верной является позиция авторов, что договор о предоставлении образовательных услуг имеет черты публично-правового договора⁷.

М.Г. Зарубина предлагает договор об оказании платных услуг в сфере образования считать одним из видов гражданско-правового договора, в частности договором возмездного оказания услуг⁸.

Обоснованным на наш взгляд также является отнесение И.В. Кудряшовым данных договоров к договорам присоединения. Действительно, заключая договор с учебным учреждением, потребитель услуг, как правило, только вносит свои данные и подписывает уже готовые типовые бланки договоров. То есть потребитель по факту присоединяется к существующим правоотношениям и дает согласие на установленные для всех получателей образования правила обучения, права и обязанности. И, как показывает практика, немногочисленные заказчики образовательных услуг выявляют желание внести изменения или дополнения в данные типовые договоры, в первую очередь, из-за сложности самой процедуры.

Публичный характер предоставляемых образовательных услуг позволяет определять договоры о таких услугах как публичные, что распространяет на них нормы ст. 426 ГК РФ.

Также следует учитывать, что в соответствии с положениями ст. 783 ГК РФ на результаты образовательных услуг, предоставленных по договорам, распространяются гарантии качества, регламентируемые ст. 722 ГК РФ. Данные гарантии подразделяются на две группы:

- законные – установленные нормативно-правовыми актами;
- договорные – по трактовке Р.А. Музаева⁹: взятые на исполнение услугодателем по договору возмездного оказания услуг.

В рамках данной типологизации необходимо отметить, что выполнение договоров первого вида зависит в основном только от деятельности учебного заведения, т.е. имеет сугубо объективный характер, в то время как вторая группа может

2 Кудряшов И.В. Договор на оказание платных образовательных услуг как основание инвестиций в образование // Право и образование. - 2008. - № 2. - С. 25-33.

3 Загородний С.А. Договор о профессиональной подготовке в ВУЗе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Харьков: Харьковский нац. ун-т внутр. дел, 2007. - 20 с.

4 Кудряшов И.В. Договор на оказание платных образовательных услуг как основание инвестиций в образование // Право и образование. - 2008. - № 2. - С. 25-33.

5 Загородний С.А. Договор о профессиональной подготовке в ВУЗе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Харьков: Харьковский нац. ун-т внутр. дел, 2007. - 20 с.

6 Толочкова И.А.К вопросу об определении понятия договора об оказании платных образовательных услуг // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2017. - № 4 (117). - С. 141.

7 Волчанская Л.М. Договор возмездного оказания образовательных услуг: правовое регулирование, понятие и содержание // Правоведение. - 2002. - № 3 (242). - С. 265-270; Кудряшов И.В. Договор на оказание платных образовательных услуг как основание инвестиций в образование // Право и образование. - 2008. - № 2. - С. 25-33.

8 Зарубина М.Г. Гражданско-правовое регулирование оказания платных образовательных услуг // Юридическая наука. - 2017. - № 4. - С. 16.

9 Музаев Р.А. Договор возмездного оказания услуг как вид обязательств по оказанию услуг в гражданском праве России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. - 2014. - № 1. - С. 31.

быть соблюдена в полной мере только при выполнении ряда действий/условий получателем услуги.

Исполнение договоров на возмездное оказание образовательных услуг также регулируется нормами законодательства о защите прав потребителей. Это обосновано тем, что платные образовательные услуги направлены на удовлетворение личных потребностей заказчика, поэтому он попадает в категорию «потребитель». Комплекс прав и защиты по Закону о защите прав потребителей¹⁰ остались неизменным и после вступления в силу нового закона об образовании¹¹.

Верховный Суд Российской Федерации также поддерживает данную позицию: «поскольку договор об оказании платных образовательных услуг – это возмездный договор, в силу которого образовательное учреждение оказывает услугу по обучению гражданина (обучающегося) в приобретении навыков и знаний, на рассматриваемые отношения распространяется действие Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»¹².

В тоже время Президиум Верховного Суда РФ учел определенные особенности в отношении регулирования данной категории договоров нормами законодательства о защите прав потребителей: «указанный договор по своему характеру не может в полной мере подпадать под действие главы III Закона “О защите прав потребителей”». Данное толкование судом сделано на основании норм ст. 39 указанного Закона, которые регламентируют, что в случае нарушения условий договора возмездного оказания образовательных услуг, кроме норм данного закона применяются также нормы Закона об образовании и общие нормы ГК РФ.

Таким образом, правовое регулирование договора возмездного оказания образовательных услуг осуществляется наряду с общими нормами гражданского законодательства о возмездном оказании услуг специальными нормами законодательства об образовании, также подпадая под нормы законодательства о защите прав потребителей. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о двойственности содержания данного договора и регулируемых им отношений, совмещающего черты гражданско-правового и публичного договора.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании».
2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».
3. Волчанская Л.М. Договор возмездного оказания образовательных услуг: правовое регулирование, понятие и содержание // Правоведение. - 2002. - № 3 (242). - С. 265-270.
4. Загородний С.А. Договор о профессиональной подготовке в ВУЗе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Харьков: Харьковский нац. ун-т внутр. дел, 2007. - 20 с.
5. Зарубина М.Г. Гражданско-правовое регулирование оказания платных образовательных услуг // Юридическая наука. - 2017. - № 4. - С. 16-21.
6. Кокорин И.С. Предмет договора возмездного оказания образовательных услуг: проблемы понимания // Ленинградский юридический журнал. - 2016. - № 2. - С. 64-71.
7. Кудряшов И.В. Договор на оказание платных образовательных услуг как основание инвестиций в образование // Право и образование. - 2008. - № 2. - С. 25-33.
8. Мирзоян А.А. Некоторые вопросы систематизации договоров о предоставлении услуг // Университетские научные записки ХУУП. - 2007. - № 4 (24). - С. 229-233.
9. Мотехина М.В. Условия договора возмездного оказания образовательных услуг высшего учебного заведения, ущемляющие права потребителя // Современное право. - 2015. - № 11. - С. 73-77.
10. Музаев Р.А. Договор возмездного оказания услуг как вид обязательств по оказанию услуг в гражданском праве России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. - 2014. - № 1. - С. 25-33.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2002 г. Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2002. - № 11.
12. Ситдикова Л.Б. Нормативная модель договора на возмездное оказание услуг // Российский судья. - 2008. - № 1. - С. 32-34.
13. Толочкова И.А.К вопросу об определении понятия договора об оказании платных образовательных услуг // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2017. - № 4 (117). - С. 140-143.

10 Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

11 Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании».

12 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за I квартал 2002 г. Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2002. - № 11.

НЕЗНАМОВ Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета

О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

В статье на основе опыта вынужденной цифровизации гражданского судопроизводства в условиях пандемии коронавирусной инфекции отмечаются некоторые аспекты влияния данного процесса на базовые институты гражданского процесса. В частности, на основе актуального и предшествующего опыта регулирования цифровых технологий в гражданском процессе, автором делается вывод о том, что по мере цифровизации гражданского процесса, будет видоизменяться структура законодательства о гражданском судопроизводстве, увеличиваться роль актов технического и организационного характера. На основании этого автором формулируется ряд практических проблем, которые в связи с повышением значимости технического и организационного регулирования в гражданском процессе потребуют решения в самом ближайшем времени.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, цифровизация гражданского судопроизводства, законодательство о гражданском судопроизводстве, подача документов в суд в электронной форме, судебные онлайн-заседания.

NEZNAMOV Aleksandr Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process sub-faculty of the Ural State Law University

ON THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE CIVIL PROCEDURE LEGISLATION

Based on the experience of the coronavirus caused digitalization of civil proceedings, the article highlights some aspects of that what kind of impact have been made by this process on the basic institutions of civil procedure. In particular, based on the current and previous experience of regulating digital technologies in civil proceedings, the author concludes that as the civil process is digitized, the structure of legislation on civil proceedings will change be the way of increasing the role of technical and organizational acts. Based on this suggestion, the author formulates a number of practical problems that will need to be solved in the very near future due to the increasing importance of technical and organizational regulation in the civil process.

Keywords: civil proceedings, arbitral proceedings, digitalization of civil procedure, civil procedure legislation, e-filing, online court hearing.

Думаем, не будет преувеличением сказать, что условия, в которых некоторое время назад оказались российское государство и общество, многократно ускорили процессы цифровизации общества, экономики и государственного управления. Некоторые даже не без оснований полагают, что в этих сферах произошла стихийная и вынужденная «цифровая революция»¹. Не является исключением и сфера гражданского процесса.

Действительно, в условиях, когда по объективным причинам оказались недоступны многие традиционные формы отправления правосудия и взаимодействия между участниками судопроизводства, российской правоприменительной системе, по сути, пришлось отказаться от ряда своих сомнений по поводу полномасштабного применения некоторых современных технологий. Так, долгожданной модификации подвергся институт видеоконференцсвязи в арбитражном процессе, являвшийся объектом вполне оправданной крити-

ки практически с самого момента появления в АПК РФ ст. 153.1², постепенно стала появляться возможность ознакомления с материалами дела в электронном виде, дистанционного ознакомления с аудиопотоками судебных заседаний, которые, по признанию разработчиков, существовала в системе и раньше³.

Весь этот опыт – опыт вынужденной цифровизации цивилистического процесса, уже позволил⁴ и, уверены, ещё позволит в будущем сделать научные и практические выводы, важные с точки зрения осознания проблем и перспектив перехода российского гражданского судопроизводства на новую технологическую основу. Однако, за этими, во многом революционными, практическими изменениями почти неза-

* Статья подготовлена и публикуется в рамках гранта РФФИ «Информационные технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия» № 18-29-16070.

1 «Коронавирус ускорил цифровизацию экономики в десятки раз» // Ведомости. 2020. 12 апреля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/characters/2020/04/12/827841-koronavirus-uskoril-tsifrovizatsiyu-ekonomiki> (дата обращения: 31.08.2020 г.); Пандемия как катализатор цифровой революции // Russia Today. 2020. 10 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/opinion/763094-kandelaki-rossiya-gosudarstvo-cifrovizaciya> (дата обращения: 31.08.2020); Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир // РБК. 2020. 27 марта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (дата обращения: 31.08.2020).

2 См. например: Виляк О.И. Видеоконференц-связь в арбитражном процессе: правовая природа и проблемы реализации норм АПК РФ // Арбитражная практика. М.: ЗАО «Акцион-Медиа». 2011. № 5. С. 110-118; Трунк А. Электронные формы ведения гражданского процесса. Сравнительный очерк по германскому и российскому праву // Рос. ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2012. № 3. С. 241-258; Решетникова И.В. С введением электронного правосудия судопроизводство перейдет на совсем иной уровень развития // Закон. 2013. № 2. С. 7-16.

3 Арбитражные суды становятся технологичнее // Право.ру. 2020. 19 февраля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/218621/> (дата обращения: 31.08.2020).

4 Спасивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 193-200; Новикова К.С. Цифровые новации и элементы электронного правосудия в арбитражном судопроизводстве в период распространения коронавирусной инфекции // Образование и право. 2020 № 4. С. 240-244; и другие.

меченным осталась ещё одна тенденция, небезынтересная с точки зрения трансформации основ гражданского процесса под влиянием его повсеместной цифровизации.

И дело здесь даже не столько в том, какие именно изменения были внесены в процессуальное законодательство на волне «коронавирусной» цифровизации, столько в том, как именно были внесены. Напомним, новые правила осуществления правосудия в условиях распространения коронавирусной инфекции и невозможности использования традиционных каналов процессуальной коммуникации были установлены совместным Постановлением Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 г.⁵ При этом, если ряд положений, содержащихся в указанном акте, носят организационный характер и вполне соответствуют принятому пониманию полномочий ВС РФ, то некоторые другие (в частности, п. 5 Постановления Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 г. в редакции уже упомянутого Постановления от 29.04.2020 г.), по меньшей мере, дополняют нормы процессуального закона (ст. 153.1 АПК РФ) новым, ранее отсутствовавшим в них содержанием, а именно – возможностью проведения судебных онлайн-заседаний. В настоящий момент эта процессуальная форма по сути урегулирована только названным Постановлением (в части самой возможности проведения таких заседаний и оснований их проведения) и Инструкцией, размещённой в системе «Мой арбитр»⁶, которая, насколько можно понять, вообще не имеет никакого официального статуса. И лишь относительно недавно появилась информация о том, что данная форма проведения судебных заседаний все же получит законодательную регламентацию⁷.

Не вдаваясь в вопрос о том, насколько оправданным был именно такой способ модернизации процессуального права в сложившейся ситуации, позволим себе обратить внимание на следующее.

Уже в 2011 году, когда был принят первый Временный порядок подачи документов в арбитражные суды электронном виде, стало понятно, что в этом, на первый взгляд организационно-техническом документе, могут содержаться положения, выходящие за рамки того, что в гражданском процессе принято регулировать подзаконными нормативными актами. Речь шла, если не о новых нормах права, то по меньшей мере – о некоторых дополнительных правилах (и иногда ограничениях) совершения процессуальных действий⁸. То, что в данном (и последовавшем за ним) акте по сути содержались нормы права, которые порой могли, по мнению некоторых участников судопроизводства, нарушать их права, отчасти подтверждается тем, что положения таких актов неоднократно, пусть и безуспешно, оспаривались⁹.

Таким образом, одним из последствий полномерной цифровизации цивилистического процесса уже стало то, что структура законодательства о гражданском судопроизводстве стала видоизменяться в сторону увеличения удельного веса технических и организационных актов в нём. И с течением времени, эта тенденция только усилится. В подтверждение этому, в частности, можно привести следующие теоретические соображения.

Из теории цивилистического процесса известно, что существенной чертой нормы гражданского процессуального права является то, что она регулирует деятельность (или, в другом варианте, правоотношения), складывающуюся между участниками судопроизводства по поводу отправления правосудия по гражданским делам¹⁰. С этой точки зрения, нормы, регулирующие (разъясняющие) применение различных технологий или технических средств при отправлении правосудия по гражданским делам (как это имеет место быть в случае в с Инструкцией по настройке онлайн-заседания или Порядком подачи документов в электронной форме), по своей сути не должны «подниматься» до уровня полноценных гражданских процессуальных норм: они устанавливают правила взаимодействия участника судопроизводства не с другим участником судопроизводства, а с объектом (компьютером, интернет-браузером, сервисом «Мой арбитр», другой технологией), используемым для такого взаимодействия. Иными словами, такие нормы как будто бы лишь разъясняют, дополняют, развивают традиционные нормы гражданского процессуального законодательства.

С этой точки зрения, рассматриваемые нормы, по большому счету, и не должны инкорпорироваться в законодательство о гражданском судопроизводстве, составляя его часть, оставаясь на уровне внутренних, делопроизводственных норм, наподобие норм, содержащихся в Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах 2013 г.¹¹ или Инструкции по судебному делопроизводству в районных судах 2003 г.¹².

Однако, по мере того, как цифровые технологии из просто технических приспособлений, время от времени используемых в судопроизводстве, становятся его новой технологической основой, самостоятельным способом ведения процессуальной деятельности (как это имеет место быть, например, при проведении судебных онлайн-заседаний), правила взаимодействия участников судопроизводства с такими технологиями приобретают самостоятельное значение. В условиях, когда взаимодействие посредством цифровых технологий становится если не главенствующим, то значимым способом ведения процессуальной деятельности, регулируя правила взаимодействия участников судопроизводства с объектами (технологиями), используемыми для процессуальной коммуникации, мы по сути, пусть и в ограниченном виде, опосредованно, регулируем и само это процессуальное взаимодействие, то есть вторгаемся уже в предмет регулирования гражданского процессуального права. А значит, по мере перехода цивилистического судопроизводства на новый (или, если угодно, альтернативный) технологический базис, роль

5 Постановление Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ от 29.04.2020 г. № 822 «О внесении изменений в Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/files/28876/> (дата обращения: 31.08.2020).

6 Как получить доступ к судебному онлайн-заседанию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://asmo.arbitr.ru/process/online_meetings (дата обращения: 31.08.2020).

7 Глава Верховного суда: Будут прописаны правила онлайн-заседаний // Российская газета – Столичный выпуск. № 147(8201). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/29093/ (дата обращения: 31.08.2020).

8 См. например: Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Правовое регулирование электронного обращения в суд по гражданским делам: современное состояние и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. 2016 г. № 1 (30). С. 23–29.

9 См. например: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2017 г. № АКПИ17-126; Решение Верховного Суда РФ от 11.09.17 № АКПИ17-851; Решение Верховного Суда РФ от 11.01.18 № АКПИ17-946 и ряд других.

10 См. например: Пучинский В.К. Понятие, предмет, источники советского процессуального права. М., 1966. 51 с.

11 Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанции)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/_upimg/845FD849B6C4F69143D78C926D3D7E6_instr.pdf (дата обращения: 31.08.2020).

12 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://files.sudrf.ru/424/user/Instruksiya_1.PDF (дата обращения: 31.08.2020).

технических и организационных документов в регулировании гражданского процесса будет только возрастать.

Это предположение представляется значимым не только с теоретической точки зрения, но имеет и вполне практические следствия, поскольку указывает на те прагматические проблемы, которые должны быть решены в самом скором времени.

Во-первых, можно согласиться с мнением М.А. Рожковой о том, что по мере увеличения самостоятельной значимости технологии в праве, нужно уделить большее внимание собственно правилам технического регулирования¹³: установить надлежащие субъекты и правила нормотворчества, окончательно решить вопросы о статусе технических актов, о возможности их обжалования, установить надлежащий механизм их обжалования. В частности, представляется весьма дискуссионной идея о том, чтобы оспаривать технический нормативный акт, принятый при непосредственном участии и руководстве того органа, в котором впоследствии этот акт будет оспариваться.

Во-вторых, исходя из понимания равнозначности цифровой и традиционной форм отправления правосудия, необходимо окончательно решить вопрос «цифровой дискриминации», когда одни и те же действия, совершенные в цифровой и в традиционной форме (например, подача искового заявления), могут влечь различные последствия только на основании того, что при обращении в электронной форме имеются дополнительные требования к совершению такого действия; об этом уже неоднократно писалось в научной и практической литературе¹⁴.

В-третьих, исходя из понимания того, что оператором цифровой технологии в любом случае является человек и от его действий могут зависеть успешная или неуспешная реализация участниками гражданского судопроизводства принадлежащих им процессуальных прав, необходимо подробным образом урегулировать статус технического специалиста суда, отвечающего за процессуальную коммуникацию с использованием цифровых технологий: законодательно установить его статус, предусмотреть его ответственность и возможность обжалования его действий. В настоящий момент же, напомним, отсутствие у технических специалистов, принимающих документы в электронном виде, какого-либо процессуального статуса, невозможность оспаривания их действий порой создают ситуации необоснованного ограничения процессуальных прав участников судопроизводства¹⁵.

Оговоримся, что мы безусловно не претендуем на полное решение и даже на полную постановку всего круга проблем, связанных с увеличением роли технического регулирования в цивилистическом процессе, что объективно невозможно в формате данной статьи. Однако, мы всё же позволим себе предположить, что дальнейшее исследование указанной проблематики должно, на наш взгляд, вестись в обозначенных направлениях.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражные суды становятся технологичнее // Право.ру. 2020. 19 февраля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/218621/> (дата обращения: 31.08.2020).
2. Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Правовое регулирование электронного обращения в суд по гражданским делам: современное состояние и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. 2016 г. № 1 (30). С. 23-29.
3. Виляк О.И. Видеоконференц-связь в арбитражном процессе: правовая природа и проблемы реализации норм АПК РФ // Арбитражная практика. М.: ЗАО «Акцион-Медиа». 2011. № 5. С. 110-118.
4. Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир // РБК. 2020. 27 марта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (дата обращения: 31.08.2020).
5. Глава Верховного суда: Будут прописаны правила онлайн-заседаний // Российская газета – Столичный выпуск. № 147(8201). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/29093/ (дата обращения: 31.08.2020).
6. Козырев Д.Е. «Электронное правосудие» в решениях Верховного суда // Закон.ру. 2018. 07 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/6/7/elektronnoe_pravosudie_v_resheniyah_verhovnogo_suda (дата обращения: 31.08.2020).
7. «Коронавирус ускорил цифровизацию экономики в десятки раз» // Ведомости. 2020. 12 апреля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/characters/2020/04/12/827841-koronavirus-uskoril-tsifrovizatsiyu-ekonomiki> (дата обращения: 31.08.2020).
8. Новикова К.С. Цифровые новации и элементы электронного правосудия в арбитражном судопроизводстве в период распространения коронавирусной инфекции // Образование и право. 2020 № 4. С. 240-244.
9. Пандемия как катализатор цифровой революции // Russia Today. 2020. 10 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/opinion/763094-kandelaki-rossiya-gosudarstvo-cifrovizatsiya> (дата обращения: 31.08.2020).
10. Пучинский В.К. Понятие, предмет, источники советского процессуального права. М., 1966. 51 с.
11. Решетникова И.В. С введением электронного правосудия судопроизводство перейдет на совсем иной уровень развития // Закон. 2013. № 2. С. 7-16.
12. Рожкова М.А. Нормативное регулирование (правовое, техническое, этическое) – что это такое и каким образом его разграничивать? // Закон.ру. 2020. 21 апреля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/4/21/normativnoe_regulirovanie_pravovoe_tekhnicheskoe_eticheskoe_chno_eto_takoe_i_kakim_obrazom_ego_razgr (дата обращения: 31.08.2020).
13. Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 193-200.
14. Трунк А. Электронные формы ведения гражданско-го процесса. Сравнительный очерк по германскому и российскому праву // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2012. № 3. С. 241-258.

13 Рожкова М.А. Нормативное регулирование (правовое, техническое, этическое) – что это такое и каким образом его разграничивать? // Закон.ру. 2020. 21 апреля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/4/21/normativnoe_regulirovanie_pravovoe_tekhnicheskoe_eticheskoe_chno_eto_takoe_i_kakim_obrazom_ego_razgr (дата обращения: 31.08.2020).

14 См. например: Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Указ соч. С. 23-29.
15 См. например: Козырев Д.Е. «Электронное правосудие» в решениях Верховного суда // Закон.ру. 2018. 07 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/6/7/elektronnoe_pravosudie_v_resheniyah_verhovnogo_suda (дата обращения: 31.08.2020).

САРАНКИНА Юлия Александровна

заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

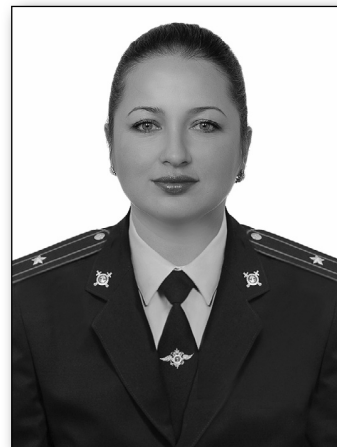
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТИ СЛУЖЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Статья посвящена теоретико-правовому анализу понятия «служебно-трудовые правоотношения в органах внутренних дел», определению объекта служебно-трудовых правоотношений в исследуемой сфере, выделению на основе проведенного анализа специфических признаков указанных правоотношений.

Ключевые слова: правоотношение, служебно-трудовые отношения в органах внутренних дел, внешневластные правоотношения, внутриорганизационные правоотношения.

SARANKINA Yuliya Aleksandrovna

Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Саранкина Ю. А.

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF OFFICE AND LABOR LEGAL RELATIONSHIP IN THE INTERNAL AFFAIRS

The article is devoted to the theoretical and legal analysis of the concept of “service-labor legal relations in the internal affairs bodies”, the definition of the object of service-labor legal relations in the investigated area, the allocation on the basis of the analysis of specific features of these legal relations.

Keywords: legal relationship, service and labor relations in the internal affairs bodies, external power legal relations, intra-organizational legal relations.

Жизнедеятельность любого общества строится на системе взаимоотношений, складывающихся между отдельными людьми, социальными группами. Когда такие отношения облекаются в правовую форму под воздействием правовой нормы, происходит их автоматическая трансформация в правоотношения. Правоотношение – это особая форма связи между субъектами посредством взаимных прав и обязанностей. В современной юридической науке среди всего видового разнообразия правоотношений выделяют служебно-трудовые правоотношения как отдельный специфический вид.

Одним из обязательных элементов служебно-трудовых правоотношений выступает их объект. Под объектом служебно-трудовых отношений следует понимать выполнение служебных обязанностей по конкретной должности в ОВД; получение денежного довольствия; служебное время; время отдыха сотрудника ОВД и пр.

Служебно-трудовые отношения в органах внутренних дел являются специфическим видом правоотношений. Их специфика обусловлена рядом признаков, которыми они обладают: это правоотношения, которые возникают между сотрудником и органами внутренних дел Российской Федерации; служебно-трудовые отношения возникают, изменяются и прекращаются в соответствии с правовыми нормами, воздействующими на поведение субъектов служебно-трудовых отношений. Их возникно-

вание опосредовано заключением служебного контракта; участниками указанных правоотношений являются специальные субъекты, обладающие субъективными правами и обязанностями, – сотрудники и органы внутренних дел в лице их представителей (руководителей, их заместителей). Работники, осуществляющие трудовую деятельность в ОВД на основании трудовых договоров (неаттестованные работники), выступают субъектами трудовых, а не служебно-трудовых правоотношений; поведение субъектов служебно-трудовых отношений четко определено, а их права и обязанности персонифицированы; служебно-трудовые отношения обладают волевым характером, т.е. их возникновение, изменение и прекращение основывается на взаимном волеизъявлении сторон; служебно-трудовые правоотношения охраняются государством; их объектом выступает профессиональная служебная деятельность граждан РФ на должностях в органах внутренних дел РФ; денежное довольствие; служебное время и время отдыха; жизнь и здоровье сотрудника полиции и пр.; регулирование служебно-трудовых правоотношений осуществляется специальным законодательством.

Для понимания сущности служебно-трудовых отношений в ОВД следует, прежде всего, отметить, что они возникают и развиваются в процессе служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Однако в целом круг служебных правоотношений гораздо обширнее нежели

круг служебно-трудовых правоотношений. Природу служебных отношений исследовали различные ученые потому и мнений о характере их природы достаточно много, и в некоторых случаях они диаметрально противоположны. Представители административной науки считают, что служебные правоотношения – это правоотношения, возникающие по поводу организации и практического осуществления властной исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления и направленные на реализацию управленческих функций государства¹. Ученые-административисты подразделяют государственно-служебные отношения на две группы: внешневластные и внутриорганизационные. При этом, внешневластные отношения возникают по поводу реализации государственными служащими полномочий вне государственного органа. Что касается внутриорганизационных отношений, то они возникают и развиваются внутри системы².

Ученые-трудовики считают, что именно в пределах указанного выше разделения государственных отношений проходит тонкая грань между трудо-правовым и административно-правовым регулированием отношений, возникающих в рамках государственной службы.

Так, Л.А. Чиканова по поводу государственно-служебных отношений высказывает мнение о том, что, «во-первых, – это отношения служащего с государственным органом, возникающие в связи с поступлением на государственную службу, ее прохождением и прекращением. В правовой литературе их именуют внутренними отношениями. Они являются трудовыми отношениями и регулируются нормами трудового права. Во-вторых, это отношения государственного служащего с третьими лицами - организациями или гражданами, возникающие в соответствии с компетенцией органа, в котором государственный служащий состоит на службе (например, должностные лица государственных инспекций, таможенных органов, следователи прокуратуры). Такие отношения, именуемые в правовой литературе внешними, являются административно-правовыми и регулируются нормами административного права»³.

В целом разделяя позицию авторов, о том, что служебные отношения можно условно подразделить на внешневластные и внутриорганизационные, сложно согласиться с тем, что внутриорганизационные отношения в ОВД регулируются нормами трудового права. Данную позицию можно обосновать нормой, которая закреплена в статье 3 Федерального закона от 25.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее – ФЗ О службе), в соответствии

с которой регулирование служебных правоотношений в ОВД осуществляется непосредственно ФЗ О службе, Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»⁵ и др. Иными словами, служебные отношения в ОВД регулируются специальным законодательством. В соответствии с частью 2 статьи 3 ФЗ О службе, если служебные правоотношения не урегулированы нормами специального законодательства, то к указанным правоотношениям можно применять нормы трудового законодательства.

Таким образом, служебно-трудовые правоотношения в органах внутренних дел – это специфические общественные правоотношения, основанные на волеизъявлении их участников, которые опосредуют юридическую связь между ними, возникающие по поводу осуществления сотрудником профессиональной служебной деятельности в соответствии с заключенным служебным контрактом, с подчинением правилам внутреннего служебного распорядка, а также с соблюдением ограничений, обусловленных его статусом как государственного служащего, а также по поводу выплаты денежного довольствия, предоставления иных гарантий, предусмотренных действующим законодательством, ведомственными нормативными актами и контрактом. При этом, возникновение, изменение и прекращение служебно-трудовых правоотношений происходит на основании правовых норм.

Анализ сущности, характера и юридической природы служебно-трудовых правоотношений в органах внутренних дел позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, служебно-трудовые правоотношения – это специфические правоотношения, содержание которых во многом определяется спецификой подразделения, в котором проходит службу сотрудник.

Во-вторых, правоотношения, возникающие в процессе реализации целей, задач и функций органов внутренних дел, условно можно подразделить на внешневластные и внутриорганизационные. Внешневластные полномочия сотрудник ОВД реализует в процессе принятия управленческих решений (если речь идет о руководителе, например). Внешневластные правоотношения могут возникать как при реализации управленческих функций, так внутри и за пределами органа, подразделения, в котором проходит службу сотрудник. В данных правоотношениях сотрудник выступает от имени государства либо его органа. Когда речь идет о внешневластных правоотношениях, можно утверждать, что они в большинстве своем регулируются нормами административного права. Внутриорганизационные правоотношения складываются по поводу возникновения, изменения, прекращения служебно-трудовых правоотношений, установления служебно-трудовой функции, установления и организации служебного времени, времени отдыха, служебной дисциплины, денежного обеспечения и пр.

В-третьих, служебно-трудовые отношения сотрудников ОВД регулируются в большинстве своем нормами специального законодательства. Ошибочно полагать, что данная группа правоотношений находится под воздействием норм трудового права и регулируется непосредственно

1 Гусев А.В. Российская государственная гражданская служба: проблемы правового регулирования. - Екатеринбург, 2005. - С. 109.

2 Юсупов В.А. Теория административного права. - М., 1995. - С. 44.

3 Чиканова Л.А. Правовое регулирование труда государственных служащих: перспективы развития // Журнал российского права. - 2000. - № 3. - С. 48.

4 О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (редакция от 16.12.2019). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 09.09.2020).

5 О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (редакция от 06.02.2020). - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 09.09.2020).

трудовым законодательством. Нормы трудового законодательства применяются для регулирования служебно-трудовых правоотношений в органах внутренних дел исключительно в тех случаях, когда нормы специального законодательства не охватывают регулированием тот или иной аспект служебно-трудовой сферы. Нормы же административного законодательства регулируют внешневластные правоотношения, которые возникают при реализации управленческих функций, а также внутри или за пределами органа, подразделения, в котором проходит службу сотрудник, в случаях, когда последний выступает как представитель государства либо его органа.

В-четвертых, служебно-трудовые отношения обладают своими специфическими признаками, которые позволяют отделить их от иных групп правоотношений.

Служебно-трудовые отношения основываются на свободном волеизъявлении участников данных правоотношений. Основанием для их возникновения выступает контракт. В отличие от трудовых правоотношений, служебно-трудовые отношения опосредуют включение сотрудника в служебный коллектив конкретного подразделения ОВД. Объектом указанных правоотношений выступает выполнение сотрудником ОВД конкретной служебной функции в соответствии с полученной квалификацией, специальностью, должностью. При этом поведение сторон рассматриваемых правоотношений четко определяется не только нормами общего законодательства, но и нормами специальных нормативных правовых актов, правилами внутреннего служебного распорядка, уставом, положениями и приказами.

Характерной особенностью служебно-трудовых правоотношений в органах внутренних дел является четкое определение правового статуса сотрудника ОВД, круга его прав и полномочий, обязанностей сторон.

Указанные правоотношения имеют платный характер. Результат служебной профессиональной деятельности оплачивается путем предоставления сотруднику денежного довольствия. Выплата денежного довольствия – это обязательный элемент служебно-трудовых правоотношений в ОВД.

Рассматриваемые правоотношения имеют длящийся непрерывный характер. Данный признак следует из обязанностей сотрудника полиции предотвращать, пресекать правонарушения и преступления вне зависимости от того, совершаются ли они в служебное время или после его окончания. В силу специфики возложенных на сотрудника полиции обязанностей, он обязан реагировать на правонарушения, преступления в том числе и за пределами своего служебного времени. Кроме того, законодательство устанавливает определенные требования и к моральному облику сотрудника ОВД. Служебно-трудовые правоотношения могут быть прекращены с сотрудником за совершение им проступка, порочащего его честь и достоинство, и вне служебного времени (например, в отпуске или на выходном).

Служебно-трудовым правоотношениям характерно наличие такого обязательного элемента, как престиж статуса сотрудника ОВД, честь и достоинство, с которыми последний должен осуществлять служебно-трудовую деятельность, поддержание репутации и т.п.

Указанные особенности обуславливают специфику служебно-трудовых правоотношений, позволяют отграничить их от схожих – трудовых правоотношений и гражданско-правовых отношений, связанных с использованием труда.

В-пятых, служебно-трудовые отношения отличаются от схожих с ними правоотношений особым субъектным составом. Если субъектом трудовых правоотношений является работник, обладающий общим правовым статусом, то субъектом служебно-трудовых правоотношений выступает сотрудник ОВД, наделенный специальным статусом, который установлен специальными правовыми нормами. Иными словами, сотрудник ОВД в служебно-трудовых правоотношениях наделен не только общеправовым, но и специальным статусом. Служебно-трудовые правоотношения регулируются как нормами общего законодательства, так и нормами специального.

Пристатейный библиографический список

1. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (редакция от 06.02.2020). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12182530/> (дата обращения: 09.02.2020).
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (редакция от 16.12.2019). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 09.09.2020).
3. Гусев А.В. Российская государственная гражданская служба: проблемы правового регулирования. - Екатеринбург, 2005. - 186 с.
4. Чиканова Л.А. Правовое регулирование труда государственных служащих: перспективы развития // Журнал российского права. - 2000. - № 3. - С. 48.
5. Юсупов В.А. Теория административного права. - М., 1985. - С. 44.

ЖАДОБИНА Наталья Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета ХМАО-Югры

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье исследуются вопросы деятельности общественных советов при органах государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих финансовую деятельность, и их роль в вовлечение граждан в решение вопросов управления публичными финансами. Отмечается, что, несмотря на наличие разработанных правовых основ, реализация этой формы активизации гражданской активности сталкивается со значительными проблемами.

Ключевые слова: участие граждан, финансовая деятельность, общественные советы, публичные финансы, институты гражданского общества, консультативно-совещательные органы.

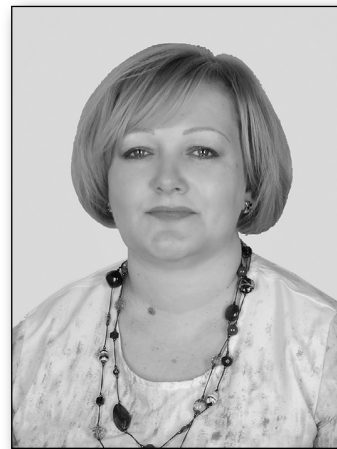
ZHADOBINA Natalya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of State and municipal law sub-faculty of the Surgut State University of the KhMAO-Yugra

PUBLIC COUNCILS UNDER FINANCIAL INSTITUTIONS OF STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A FORM OF CITIZEN PARTICIPATION IN THE FINANCIAL ACTIVITIES OF THE STATE AND MUNICIPALITIES

The article examines the issues of the activities of public councils under state and local government bodies that carry out financial activities and their role in involving citizens in solving issues of public finance management. It is noted that, despite the existence of a developed legal framework, the implementation of this form of enhancing civic engagement faces significant problems.

Keywords: citizen participation, financial activities, public councils, public finance, civil society institutions, advisory bodies.

Жадобина Н. Н.

Участие граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований – процесс взаимодействия граждан и различных институтов гражданского общества с органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере публичных финансов.

Открытость бюджетного процесса и вовлечение в него институтов гражданского общества способствуют повышению эффективности бюджетных расходов и соответствуют лучшей мировой практике¹.

В силу специфики финансовой деятельности публично-правовых образований, институт общественного участия в финансовой деятельности государства и муниципальных образований недостаточно описан в научной и учебной литературе.

Нужно отметить, что на всех уровнях публичной власти граждане могут реализовывать своё право на участие в финансовой деятельности в ходе общественных обсуждений, опросов, работы общественных палат и общественных советов при финансовых органах государственной власти и местного самоуправления, осуществления общественного контроля².

Так, при Министерстве финансов РФ действует Общественный совет с целью обеспечить учёт потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиту прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений при осуществлении государственной политики в части, относящейся к финансовой сфере³. Общественный совет формируется в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных службах и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации».

Общественный совет, являясь субъектом общественного контроля, выполняет при этом и консультативно-совещательные функции.

С 2015–2018 гг. на заседаниях Общественного совета при Минфине России было рассмотрено 7 проектов нормативных правовых актов. Обязательному обсуждению подлежит проект Основных направлений бюджетной, налоговой и тамо-

1 Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019 - 2024 годах: распоряжение Правительства РФ от 31 января 2019 г. № 117-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 6. Ст. 542.

2 Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30. Ч. I. Ст. 4213; Об Общественной палате Российской Федерации: федер. закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (в ред. от 05 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 5. Ст. 1277; Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (в ред. от 05 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3852.

3 Об Общественном совете при Министерстве финансов Российской Федерации: приказ Министерства финансов России от 04.09.2019 № 484. Министерство финансов РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/om/focal_advisory/os/manifest/?id_65=128209-prikaz_minfina_rossii_ot_04.09.2019_484_ob_obshchestvennom_sovete_pri_ministerstve_finansov_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 08.09.2020).

женно-тарифной политики на среднесрочную перспективу, ежегодных проектов публичной декларации целей и задач Минфина России. В 2019 году на заседаниях Общественного совета рассматривались итоги реализации публичной декларации Министерства за 2018 год и проект публичной декларации Министерства на 2019 год в рамках проекта Итогового доклада к расширенному заседанию коллегии Минфина России «Об основных результатах деятельности Министерства в 2018 году и задачах органов финансовой системы Российской Федерации на 2019 год», проекты двух государственных программ, по которым Минфин России является ответственным исполнителем, проект Плана деятельности Министерства финансов Российской Федерации на 2019-2024 годы, отчёт об итогах обсуждения проектов общественно значимых нормативных правовых актов, разработанных Минфином России в 2018 году, а также итоги реализации контрольных мероприятий приоритетных проектов (программ) по основным направлениям стратегического развития Российской Федерации за 2018 год, по которым Минфин России являлся ответственным исполнителем или принимал участие в реализации.

В настоящее время Минфин России по предложению Общественного совета работает над созданием показателя (индикатора), направленного на обеспечение открытости процесса бюджетного планирования. Совет определяет свою позицию по основным нормативно-правовым актам бюджетной системы, таким как проект федерального бюджета. В числе его приоритетов также антикоррупционная деятельность и мониторинг государственных закупок.

Аналогичные советы создаются при финансовых органах государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Так, в ХМАО-Югре Общественный совет создан при Департаменте финансов ХМАО-Югры⁴. Порядок формирования совета определяется Губернатором ХМАО-Югры.

В его составе 8 членов - независимые эксперты, представители общественных объединений округа, ассоциаций муниципальных образований, средств массовой информации, высших учебных заведений, бизнеса. Половина состава совета формируется исполнительным органом власти по предложениям профессиональных объединений и иных социальных групп, осуществляющих свою деятельность в сфере полномочий исполнительного органа власти, включая не менее 1 представителя средств массовой информации, другая половина состава – по предложению Общественной палаты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры из числа поступивших от общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций заявок о рассмотрении кандидатов в члены общественного совета, отобранных в порядке, установленном Общественной палатой.

На заседаниях Общественного совета рассматривается ход реализации государственных программ округа, связанных с управлением государственными финансами, даётся оценка деятельности руководителя Департамента, проходит обсуждение проектов бюджета ХМАО – Югры и отчётов о его исполнении. Общественный совет рекомендовал департаменту продолжить работу по реализации в автономном округе приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» с расширением практики вовлечения и участия граждан в реализации проекта, а также обеспечить содействие развитию и иных практик инициативного бюд-

жирования в муниципальных образованиях автономного округа. Заседание Общественного совета в рамках публичных слушаний, с приглашением руководителей финансовых органов муниципальных районов и городских округов автономного округа, представителей общественности муниципальных образований, в режиме видеоконференцсвязи, с подключением студий муниципальных образований автономного округа рекомендовало Правительству автономного округа – Югры:

обеспечить сбалансированность бюджета автономного округа, принять необходимые меры к сохранению его долговой устойчивости на безопасном уровне;

повысить эффективность администрирования доходов бюджета в целях увеличения доходного потенциала на основе постоянного мониторинга рисков развития экономики;

внести предложения в Правительство Российской Федерации об организации взаимодействия исполнительных органов государственной власти автономного округа и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по мобилизации доходов бюджета;

обеспечить в полном объёме выполнение всех социальных и приоритетных обязательств, в том числе за счёт инвентаризации и оптимизации неэффективных расходов;

провести инвентаризацию обязательств по незавершённым капитальным вложениям в целях снижения объёма незавершённого строительства и реконструкции объектов капитального строительства;

Помимо осуществления общественного контроля, совет призван обеспечивать учёт мнения общественности о деятельности департамента, обратную связь с институтами гражданского общества. В качестве основных направлений деятельности заявлена также экспертная оценка проектов нормативных актов, проектов и программ, разрабатываемых департаментом, рассмотрение вопросов правоприменительной практики и результатов судебных рассмотрений споров, возникающих при реализации функций этого органа власти.

Существуют аналогичные институты и на уровне местного самоуправления. В городе Сургуте взаимодействие органов местного самоуправления и граждан, в том числе, в финансовой сфере, осуществляется с помощью Общественного совета города Сургута и Общественно-консультативного совета по вопросам управления муниципальными финансами при заместителе Главы города⁵.

Общественный совет сформирован из 18 граждан Российской Федерации, достигших 18 лет и проживающих на территории города Сургута, а именно из представителей общественных объединений, некоммерческих организаций, пользующихся общественным авторитетом и уважением в обществе.

Общественный совет создан для регулярного и конструктивного взаимодействия органов местного самоуправления с жителями города, общественными объединениями и иными некоммерческими организациями, органами территориального общественного самоуправления, имеет статус постоянного действующего консультативно-совещательного органа.

К основным задачам вновь созданного органа относятся: привлечение граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций к обсуждению вопросов социального и экономического развития города; обеспечение учёта общественного мнения, предложений и рекомендаций при принятии решений органами местного самоуправления, муниципальными организациями; продвижение гражданских инициатив в сфере социального и экономического

4 Об общественном совете при Департаменте финансов Ханты-Мансийского автономного округа - Югры: приказ Департамента финансов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.03.2018 № 40-о (с изм. и доп. от 17.08.2020). Департамент финансов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://depfin.admhmao.ru/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/obshchestvennyy-sovet-pri-departamente-finansov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/ofitsialnye-dokumenty/vedomstvennye-municipalnye-pravovye-akty/1079150/prikaz-departamenta-finansov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ot-26-01-2015-goda-15-o> (дата обращения: 08.09.2020).

5 О создании общественно-консультативного совета по вопросам управления муниципальными финансами города Сургута при заместителе главы Администрации города: распоряжение главы Администрации города от 12.05.2016 № 767 (с изм. на 24.04.2018). Администрация города Сургута: Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://admsurgut.ru/rubric/22197/Rasporyazhenie-Administracii-goroda-ot-12052016-767-O-sozdanii-obschestvenno-konsultativnogo-soveta-po-voprosam-upravleniya-municipalnymi-finansami-goroda-Surguta-pri-zamestitele-Glavy-goroda> (дата обращения: 08.09.2020).

развития; осуществление общественного контроля; обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, и законных интересов общественных объединений и иных некоммерческих организаций, а также осуществление общественной оценки деятельности органов местного самоуправления и муниципальных организаций.

Для привлечения граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций к обсуждению вопросов по управлению муниципальными финансами города Сургута создан постоянно действующий коллегиальный орган при заместителе главы Администрации города, который курирует вопросы управления финансами – Общественно-консультативный совет по вопросам управления муниципальными финансами.

Совет организует общественное обсуждение наиболее значимых проектов муниципальных правовых актов в сфере муниципальных финансов, в том числе о бюджете города, отчёте об исполнении бюджета города, основных направлениях бюджетной и налоговой политики, установлении местных налогов.

В состав Совета входят муниципальные служащие, а также граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет и проживающие на территории города Сургута на основе добровольного участия в его деятельности.

Предметом обсуждения совета являются вопросы об итогах реализации муниципальной программы «Управление муниципальными финансами г. Сургута на 2014-2030 гг.», проекты решений Думы города об утверждении и исполнении бюджета городского округа, планы мероприятий по реализации Концепции эффективности бюджетных расходов. Общественно-консультативный совет давал оценку эффективности предоставления налоговых льгот по местным налогам, анализировал подходы к формированию Основных направлений бюджетной и налоговой политики городского округа на очередной финансовый год и плановый период.

Анализ законодательства показывает, что нормативно-правовая база деятельности общественных советов при органах государственной власти и местного самоуправления в принципе сформирована как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Однако, изучение практики деятельности этих органов, а также отражение её на официальных сайтах соответствующих органов государственной власти и местного самоуправления позволяют обнаружить значительные проблемы эффективности реализации той функции, для выполнения которой они были созданы - вовлечение в публичную деятельность институтов гражданского общества.

В первую очередь, в значительной части деятельность общественных советов, особенно на региональном и муниципальном уровне, носит формальный характер. Обсуждение проектов финансово-правовых актов может сводиться к принятию их к сведению или единогласному одобрению без какого-либо серьёзного обсуждения. Ситуация усугубляется повсеместным и массовым проведением заседаний советов в заочной форме, что также, на наш взгляд, не способствует эффективному общественному диалогу.

На региональном уровне, например, в ХМАО-Югре, деятельность Общественного совета при Департаменте финансов практически не реализует такие заявленные в положении об этом органе формы деятельности, как экспертная деятельность и мероприятия общественного контроля (кроме общественных и публичных слушаний), о чём прямо указано на соответствующем сайте⁶.

Не всегда прозрачна процедура формирования таких советов, особенно на уровне местного самоуправления.

И, наконец, отсутствие значимой информации о деятельности общественных советов и её результатах не позво-

ляют в настоящее время делать вывод о эффективности этого института как способа активизации участия граждан и институтов гражданского общества в публичной финансовой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019 - 2024 годах: распоряжение Правительства РФ от 31 января 2019 г. № 117-п // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 6. Ст. 542.
2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30. Ч. I. Ст. 4213; Об Общественной палате Российской Федерации: федер. закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (в ред. от 05 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 5. Ст. 1277.
3. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ (в ред. от 05 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3852;
4. Об Общественном совете при Министерстве финансов Российской Федерации: приказ Министерства финансов России от 04.09.2019 № 484. Министерство финансов РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/om/focal_advisory/os/manifest/?id_65=128209-prikaz_minfina_rossii_ot_04.09.2019__484_ob_obshchestvennom_sovete_pri_ministerstve_finansov_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 08.09.2020).
5. Об общественном совете при Департаменте финансов Ханты-Мансийского автономного округа - Югры: приказ Департамента финансов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.03.2018 № 40-о (с изм. и доп. от 17.08.2020). Департамент финансов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://depfin.admhmao.ru/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/obshchestvennyy-совет-pri-departamente-finansov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/ofitsialnye-dokumenty/vedomstvennyemunitsipalnye-pravovye-akty/1079150/prikaz-departamenta-finansov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-ot-26-01-2015-goda-15-o> (дата обращения: 08.09.2020).
6. О создании общественно-консультативного совета по вопросам управления муниципальными финансами города Сургута при заместителе главы Администрации города: распоряжение главы Администрации города от 12.05.2016 № 767 (с изм. на 24.04.2018). Администрация города Сургута: Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://admsurgut.ru/rubric/22197/Rasporyazhenie-Administracii-goroda-ot-12052016-767-O-sozdani-obschestvenno-konsultativnogo-soveta-po-voprosam-upravleniya-municipalnymi-finansami-goroda-Surguta-pri-zamestitele-Glavy-goroda> (дата обращения: 08.09.2020).
7. Департамент финансов ХМАО-Югры. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://depfin.admhmao.ru/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/obshchestvennyy-совет-pri-departamente-finansov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/deyatelnost/1069816/meropriyatiya-obshchestvennogo-kontrolya> (дата обращения: 08.09.2020).

6 Департамент финансов ХМАО-Югры. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://depfin.admhmao.ru/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/obshchestvennyy-совет-pri-departamente-finansov-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/deyatelnost/1069816/meropriyatiya-obshchestvennogo-kontrolya> (дата обращения: 08.09.2020).

МАТВЕЕВА Елена Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ КАК ДОГОВОР ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Договор страхования – соглашение между страховщиком и страхователем, по условиям которого страховщик принимает на себя обязательство по компенсации ущерба или выплате денежной суммы в случае наступления страхового случая, прописанного в условиях этого соглашения. В статье автор рассмотрел общие вопросы, связанные с заключением договора страхования, такие как: объект, субъект и предмет договора страхования, обязательные условия заключения и основные пункты, входящие в договор. Согласно ст. 428 Гражданского кодекса договором присоединения является такое соглашение, условия которого уже определены одной из сторон в стандартных формах. В статье автор выражает свою точку зрения, может ли договор страхования однозначно быть договором присоединения.

Ключевые слова: договор страхования, договор присоединения, субъект договора страхования, объект договора страхования, страховщик, страхователь, застрахованный, выгодоприобретатель.

MATVEEVA Elena Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Activity legal regulation of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE INSURANCE CONTRACT AS A CONTRACT OF ADHESION

Insurance contract - an agreement between the insurer and the policyholder under the terms of which the insurer assumes the obligation to compensate for damage or pay a sum of money in the event of an insured event specified in the terms of this agreement. In the article, the author considered general issues related to the conclusion of an insurance contract, such as: the object, subject and subject of the insurance contract, mandatory conditions for conclusion and the main points included in the contract. According to article 428 of the Civil Code, a contract of accession is an agreement, the terms of which are already defined by one of the parties in standard forms. In the article, the author expresses his point of view, whether the insurance contract can be unambiguously a contract of adhesion.

Keywords: insurance contract, a contract of adhesion, an insurance contract, the object of the contract.

Соглашение между страховщиком (страховой компанией) и страхователем (гражданин или организация) по условиям которого страховщик принимает на себя обязательство по компенсации ущерба или выплате денежной суммы в случае наступления страхового случая, прописанного в условиях этого соглашения, называется договором страхования. В целом сущность договора страхования в том, что страхователь (гражданин или организация) уплачивают страховую премию страховщику, а страховщик в свою очередь берет на себя обязательство в случае наступления страхового случая произвести страхователю или выгодоприобретателю страховую выплату.

Объектом договора страхования являются имущественные интересы, которые могут быть связаны:

- с владением имущества – при страховании имущества;
- с жизнью, дожитием до какого-то возраста или - при личном страховании;
- с причинением вреда здоровью и жизни третьих лиц – при страховании ответственности;
- с рисками, связанными с предпринимательской деятельностью – при страховании предпринимательских рисков.

Субъектами договора страхования выступают:

- страхователь – физическое лицо, признанное дееспособным или зарегистрированное в установленном порядке юридическое лицо;
- страховщик – юридическое лицо, имеющее лицензию на осуществление страховой деятельности;
- застрахованное лицо – лицо, в отношении которого и заключен договор страхования, застрахованным лицом может быть и страхователь, и выгодоприобретатель, и иное лицо;
- выгодоприобретатель – лицо, в чью пользу заключается договор страхования, имеет право на получение по наступившему страховому случаю страховой выплаты.

Предметом договора страхования является услуга, оказываемая страховой организацией страхователю, взяв на себя страховой риск и обязательство по выплате денежной компенсации в случае наступления страхового случая.

Согласно ст. 940 ГК РФ договор страхования в обязательном порядке должен иметь письменную форму¹, в противном случае договор будет признан недействительным (исключение составляет договор обязательного государственного страхования). Договор считается заключенным либо с момента подписания договора страхования, либо с момента принятия страхователем документов. После заключения договора страхования страхователю выдается страховое свидетельство (сертификат, полис) и правила страхования. В страховом полисе в обязательном порядке должны быть отражены следующие моменты:

- название документа;
- данные страхователя (фамилия, имя, отчество, название, адрес);
- данные страховщика (название, юридический адрес и банковские реквизиты);
- страховая сумма;
- предмет страхования – какой имущественный интерес, или имущество является объектом страхования по данному договору;
- какое событие будет считаться страховым случаем;
- страховой взнос, порядок и сроки его внесения;
- срок действия;
- каким образом возможно внести изменения в договор или расторгнуть его раньше срока;
- любые другие условия;
- подписи обеих сторон.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/f8d757bc122599aa0a3b99a-028bec0c39791315b/ (дата обращения: 1.10.2020).

Анализ положений ст. 428 ГК РФ показывает, что при определенных условиях договор страхования может заключаться как договор присоединения. Согласно ст. 428 Гражданского кодекса договором присоединения является такое соглашение, условие которого уже определены одной из сторон в стандартных формах. Принятие условий возможно только путем присоединения к предложенному договору². Ст. 943 ГК РФ прямо предусматривает, что условия договора страхования могут быть определены стандартными правилами. В целях защиты интересов сторон такие стандартные правила утверждаются чаще всего профессиональными объединениями страховщиков. Привлечение цеховых сообществ к разработке правил обусловлено, как представляется, тем, что договор присоединения должен содержать положения, регламентированные императивными нормами, цель которых защитить права и интересы присоединившейся к договору стороны. Таким образом, именно на профессиональные сообщества как бы возлагается ответственность за не допущение включения в правила страхования положений, не соответствующих справедливому и разумным принципам правового регулирования.

Зачастую условия договоров страхования не дублируют все аспекты правил страхования, а содержат отсылку к указанным правилам как к приложению договора. Таким образом, договоры страхования, заключенные путем присоединения к типовым правилам страхования, сопровождающиеся выдачей полиса или оформления типовых шаблонов можно квалифицировать как договор присоединения. В этом случае, приняв от страховщика указанные документы, страхователь подтверждает свое согласие заключить договор на предложенных условиях (п. 2 ст. 940 ГК РФ)³. Так, в частности, Верховный суд РФ указал, что «при разрешении споров, возникающих из договоров обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, следует иметь в виду, что к договору страхования в той его части, в которой он заключен на условиях Правил страхования, подлежат применению правила статьи 428 ГК РФ о договоре присоединения»⁴.

Другим примером является акцессорные договоры страхования заемщика, заключаемые одновременно с кредитными договорами. Большинство банков при предоставлении физическому лицу кредита в обязательном порядке сопровождают его заключением договора страхования здоровья и жизни заемщика. При этом, необходимо отметить, что при личном страховании договор является публичным и стороны не вправе изменять своим соглашением предложенные страховщиком правила страхования.

Договор страхования, как правило, отождествляют с договором применения в силу следующих аргументов:

Разработка условий договора происходит только одной стороной (страховщиком). Страхователь может лишь решать принимать ли условия или нет, подписывать ли договор или нет.

Зачастую стандарт для оформления договора присоединения – это либо анкета с вопросами к форме присоединения, либо установленный образец заявления. В ряде случаев собственно договор не подписывается, подпись страхователя ставится только на формуляре.

Принять договор присоединения можно только целиком без исключений, возражений и оговорок.

Сделка считается не заключенной, даже если возникают какие-то разногласия хотя бы по одному пункту.

Договор присоединения является специальной договорной конструкцией, востребованной правовым оборотом в силу того, что «формулярный» формат подобного договора не требует согласования сторон, что позволяет упростить стадию заключения договора, типизировать гражданско-правовые отношения в таких сферах как розничная продажа, пассажирская перевозка, оказание бытовых услуг и, конечно же личное и имущественное страхование.

Вместе с тем, как правильно отмечает И. Ю. Кузнецова, «сам по себе факт использования стандартной формы договора, разработанной одной из сторон, не означает, что такой договор является договором присоединения»⁵.

Рассмотрим, к примеру, страхование имущества. В каждом случае заключения договора страхования имущества кроме стандартной формы имеется существенное индивидуальное условие, такое как размер страховой премии, страховой суммы, все это определяется в результате оценки вероятности наступления страхового случая в индивидуальном порядке. Исходя из этого, можно сделать вывод, что не всегда договор страхования может являться договором присоединения, особенно в силу того, что на практике страховщик и страхователь могут договориться о каких-нибудь изменениях относительно отдельных положений правил страхования или их дополнении определенными условиями, что прямо предусмотрено п. 3 ст. 943 ГК РФ.

Таким образом, для квалификации конкретного договора страхования как договора присоединения необходимо установить следующее ключевое обстоятельство – заключается ли договор страхования посредством договора присоединения. В случаях, когда страхователь принимает правила страхования без каких либо изменений, либо, не имея возможности корректировки условий, как например, при публичном договоре личного страхования, либо соглашаясь с предложенными страховщиком условиями при имущественном страховании – договор страхования будет являться договором присоединения. В случае же если стороны договора воспользовались правом изменения правил страхования – такой договор страхования не может быть определен как договор присоединения.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.01.2015 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
 2. Кузнецова И. Ю. Интересы сторон в договоре присоединения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2017. - № 4 (117). - С. 97-100.
 3. Холодок П. В. Применение закона «О защите прав потребителей» к договору страхования // Гуманитарный научный вестник. - 2017. - № 2. - С. 7-10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukavestnik.ru/doc/gv-2017-№2-Kholodok.pdf>
 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/f8d757bc122599aa0a3b99a028bec0c39791315b/ (дата обращения: 1.10.2020).
 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9d688d8d974b72f3a0f35b2eee9605da4a2bddd0/ (дата обращения: 1.10.2020).
 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/8fd169351b7cff5b1fad0b91e24bca05b18a0d0e/ (дата обращения: 1.10.2020).
- 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9d688d8d974b72f3a0f35b2eee9605da4a2bddd0/ (дата обращения: 1.10.2020).
- 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/f8d757bc122599aa0a3b99a028bec0c39791315b/ (дата обращения: 1.10.2020).
- 4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.01.2015 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
- 5 Кузнецова И. Ю. Интересы сторон в договоре присоединения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2017. - № 4 (117). - С. 97-100.

ХОМЕНКО Андрей Михайлович

заместитель начальника отдела кадров Литературного института имени А. М. Горького

«МЯГКОЕ ПРАВО» КАК МЕТОД РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международные отношения регулируются как посредством международно-правовых актов и договоров, так и с помощью документов, которые не создают правовых обязательств, это обусловлено поиском государствами более лояльных, менее формальных и гибких способов регулирования международных отношений. Такая категория документов в правовой практике и на уровне государств носит название «мягкое право». Каждая сфера отношений, в которой применяется «мягкое право» имеет свою специфику. В статье автор более подробно рассматривает «мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений.

Ключевые слова: «мягкое право», регулирование, международные акты и договора, внутреннее законодательство, международные финансовые отношения.

KHOMENKO Andrey Mikhaylovich

Deputy Head of the Personnel department of the M. Gorky Literary Institute

“SOFT LAW” AS A METHOD OF REGULATING INTERNATIONAL FINANCIAL RELATIONS

International relations are regulated both through international legal acts and treaties, and through documents that do not create legal obligations. This is due to the search by States for more loyal, less formal and flexible ways to regulate international relations. This category of documents is called “soft law” in legal practice and at the state level. Each sphere of relations in which “soft law” is applied has its own specifics. In the article, the author examines in more detail the “soft law” as a method of regulating international financial relations.

Keywords: “soft law”, regulation, international acts and agreements, domestic legislation, international financial relations.

Международные отношения регулируются как посредством международно-правовых актов и договоров, так и с помощью документов, которые не создают правовых обязательств, это обусловлено поиском государствами более лояльных, менее формальных и гибких способов регулирования международных отношений. Все чаще государства прибегают к практике применения таких недоговорных обязательств, использование стало повсеместным. Такая категория документов в правовой практике и на уровне государств носит название «мягкое право», на его возникновение и развитие в большинстве своем повлияла ООН и другие межправительственные международные организации, совещания и международные конференции.

Регулирование – подчинение установленным правилам, воздействие на что-либо с целью установления порядка, правильности и системы в деятельности, движение или явление. Государства положительно относятся к такому способу и все чаще стали выбирать «мягкое» право как регулятор международных отношений. Однако, если затронуть вопрос юридической обязательности такого права, тут все не так однозначно.

К «мягкому праву» можно применить термин «норма мягкого права». Данные нормы обладают своими особенностями, которые отличают их от других социальных норм, в том числе правовых. Основное отличие заключается в том, что волеизъявление государств при ее формировании не затрагивают вопроса признания обязательной юридической силы за ней. Включать «мягкое право» в международное по этой причине будет не правильным, это самостоятельная единица, но тесно связанная с международным правом. Тем не менее, если государства волеизъявят, такое «мягкое право» в любой момент может быть преобразовано в «твердое». Отличие «нормы мягкого права» от других социальных норм в том, что своим возникновением она обязана согласованию волеизъявлений государств. Промежуточную позицию по этому вопросу занимает О. В. Кашлач¹, в это понятие включает и рекомендательные источники, и нормы международных

договоров формально неопределенные, в частности выделены такие признаки:

- содержание в нормативных источниках;
- общий характер;
- результат согласования воли субъектов международной системы и государств;
- результат нормотворческой деятельности субъектов международного права и государств;
- могут являться промежуточным звеном в процессе формирования международно-правовых норм;
- не порождают для государств четко определенных, конкретных обязанностей и прав.
- «Мягкое право» активно создается государствами, это можно объяснить тем, что оно обладает рядом положительных свойств:
- отсутствие обязательной силы (обеспечение на счет политических средств, а не международно-правовым принуждением);
- не требуется сложной процедуры принятия, внесения дополнений и изменений;
- акты такого права могут быть одним из средств решения общих задач для разных с точки зрения политических интересов и социально-культурных традиций государств.
- может оказывать влияние в тех сферах, где по каким-то причинам не целесообразно использовать международно-правовое регулирование.

Каждая сфера отношений, в которой применяется «мягкое право» имеет свою специфику. Например, в сфере охраны окружающей среды «мягкое право» помогает формировать отраслевые стандарты, принципы, путем формирования норм международного права. Подробнее остановимся на международных финансовых отношениях.

В области международного финансового права «мягкое право» в основном регулирует деятельность негосударственных участников международного общения, здесь распространены различные кодексы поведения, руководства, сборники рекомендательных правил: Добровольный кодекс прямых иностранных инвестиций, выработанный в рамках АТЭС, Кодекс либерализации движения капиталов и т.д. Данные документы по большей части рассчитаны на внутрисоциальные меры, оказывая большое влияние на

1 Кашлач О. В. Нормы «мягкого» права: понятие и признаки // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - 2006. - № 2. - С. 65.

законодательство отдельных государств. Примером такого воздействия на внутреннее законодательство страны можно привести принятый в 2002 году ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон Российской Федерации «Об иностранных инвестициях»», в котором был уменьшен срок до пяти дней регистрации коммерческих организаций с иностранными инвестициями.

Роль документов «мягкого права» отражается в формировании определенных стандартов, не только на международном, но и на внутригосударственном уровне. Реализация кодексов и стандартов, в том числе, реализуется и через механизмы международных организаций, это обычное явление в валютно-финансовых отношениях. Проекты таких документов разрабатываются группами специалистов из представителей разных государств. Международный Валютный Фонд (МВФ) осуществляет мониторинг за тем, как выполняются принятые стандарты, и оказывает давление на государства для эффективного их выполнения.

В международных финансовых отношениях есть такие сферы, где регулирование происходит преимущественно только актами «мягкого права», сюда можно отнести деятельность ТНК – Транснациональных корпораций. В рамках ЭКОСОС были рассмотрены доклады о влиянии ТНК на внешнеэкономическую деятельность, результатом стало создание Комиссии о ТНК, которая занималась разработкой кодекса поведения ТНК.

Международные акты, носящие рекомендательный характер, по вопросам финансово-экономической деятельности в некоторых случаях порождают на уровне национального права юридические последствия. К примеру, документы Базельского комитета по банковскому надзору (БКБН) привели к изменению национального банковского законодательства на основании выработанных и представленных рекомендаций. Может казаться, что такое изменение законодательства есть результат только внутренней работы правовой системы, без норм международного права. Однако с этим мнением нельзя согласиться, так как реализация таких проектов более сложная, чем просто норм международных договоров. Механизм реализации подразумевает под собой две составляющие: экономическую и институциональную. По первой составляющей можно привести слова А. В. Гузнова: что «другими странами как согласованно, так и индивидуально вводятся ограничения на трансграничные перемещения капитала и инфраструктуры, устанавливаются специальные так называемые страновые риски, предполагающие большую цену заимствований для субъектов такого государства, предусматриваются более строгие требования при открытии счетов субъектов экономической деятельности такого государства в банках иных государств и т. д.»². Это обеспечительные экономические меры, которые заставляют корректировать национальное банковское законодательство. Институциональная составляющая выражается в том, что большинство государств являются участниками Совета по финансовой стабильности, в уставе этой организации есть пункт, обязывающий государства реализовывать на практике международные финансовые стандарты, в частности нормы Базельского комитета³. Формально необязательные документы, акты «мягкого права» в большинстве своем трансформируются на уровне национального права в юридически обязательные.

Акты «мягкого права» в некоторых случаях являются основой выработки и дальнейшего принятия международных договоров, регулирующие финансовую сферу, а также выступают иногда дополнением и конкретизацией действующих норм права. К примеру, на 3-м саммите G-20 в г. Питтсбурге в 2009 г. были приняты положения Рамочного соглашения об уверенном, устойчивом и сбалансированном росте, позднее эти положения стали основой Устава Совета по финансовой стабильности (FSB). Акты «мягкого права» служат основой в заключение многосторонних и двусторонних международных договоров, призванных адаптироваться к региональным

условиям. Например, в ст. 3, 4 Соглашения о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала в государствах-участниках Единого экономического пространства от 9.12.10⁴ предусматривается на основе рекомендательных принципов и стандартов сотрудничество национальных финансовых регуляторов.

Государства и финансовые регуляторы добровольно соблюдают международные финансовые нормы. Отсутствие принудительных международно-правовых мер в сфере финансов становится возможным при применении рыночных, институциональных, репутационных и др. способов мотивации, с помощью которых государства «свободной волей» в качестве обязательных правовых норм принимают международные финансовые стандарты. Обязанность соблюдения решений международных организаций исходит из членства обычного (ИОСКО, ОЭСР, МВФ и др) или условного (когда нет устава, например). Финансовая сфера мирового сообщества разделена на три подсферы СФС: финансовое регулирование и надзор; рыночная и институциональная подсфера; макроэкономическая политика и прозрачность данных. В каждом виде финансовой сферы есть комплекс международных финансовых и правовых норм, за регулирование отвечает либо один, либо несколько регуляторов. Например, в подсфере финансового надзора и регулирования целых три регулятора: ИОСКО, МАСН и БКНБ, в подсфере рыночной и институциональной есть вышеперечисленные три регулятора, а также добавляются Всемирный Банк, ОЭСР, КПРИ, ФАТФ, Совет по международным стандартам аудита и подтверждения достоверности информации, Совет по международным стандартам бухгалтерского учета КМСФО, БКНБ. И, напротив, в подсфере макроэкономической политики и прозрачности вся деятельность регулируется в основном одним регулятором – МВФ.

Деятельность финансовых регуляторов по разработке новых правил финансового международного регулирования видится в виде совокупности внутренних регламентов данных регуляторов, комплекса различных методов мотивирования государств на внедрение во внутреннем пользовании и исполнение данных правил и рекомендаций финансовых форумов. Основными международно-финансовыми нормами на данный момент являются стандарты, принципы, различные кодексы, лучшая практика, руководства и пр. Основой эффективности применения норм «мягкого права» в сфере финансового регулирования международных отношений и его надёжность является добровольное исполнение принятых на себя обязательств государствами в рамках финансовых организаций, носящий неформальный характер и по факту являющиеся юридически не обязательными.

Пристатейный библиографический список

1. Велижанина М. Ю. Международные организации и «мягкое право» // Московский журнал международного права. - 2007. - № 2. - С. 285-297.
2. Гузнов А. Г. Правовые проблемы имплементации Базеля II в России // Законодательство. - 2008. - № 8. - С. 41-51.
3. Карро Д., Жюйар П. Международное экономическое право: Учебник / Пер. с франц.: В. П. Серебренникова, В. М. Шумилова. - М., 2001.
4. Кашлач О. В. Нормы «мягкого» права: понятие и признаки // Белорусский журнал международного права и международных отношений. - 2006. - № 2. - С. 65.
5. Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала в государствах-участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 г. // Бюллетень международных договоров. - 2012. - № 11. - С. 27-30.
6. Устав FSB. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.financialstabilityboard.org/publications/r_090925d.pdf.

2 Гузнов А. Г. Правовые проблемы имплементации Базеля II в России // Законодательство. - 2008. - № 8. - С. 41-51.
3 Устав FSB. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.financialstabilityboard.org/publications/r_090925d.pdf.

4 Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала в государствах-участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 г. // Бюллетень международных договоров. - 2012. - № 11. - С. 27-30.

ГРУДНОВ Дмитрий Владимирович

магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета

О ПЕРВОЙ ПРАКТИКЕ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматриваются некоторые положения Федерального закона от 20.07.2020 № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Дается определение понятия инициативный проект, согласно нормам, содержащимся в названном выше законодательном акте. Определяется содержание инициативного проекта и круг лиц, наделенных полномочиями его выдвижения. Даны методические рекомендации для совершенствования процедуры выдвижения инициативных проектов.

Ключевые слова: бюджет, инициативный проект, бюджетирование, граждане, бюджетная система.

GRUDNOV Dmitriy Vladimirovich

magister student of the National Research Tomsk State University

ON THE FIRST PRACTICE OF NORMATIVE CONSOLIDATION OF INITIATIVE BUDGETING IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses some of the provisions of the Federal Law of 20.07.2020 No. 236-FZ "On Amendments to the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation". The definition of the concept of an initiative project is given, in accordance with the norms contained in the above-mentioned legislative act. The content of the initiative project and the circle of persons empowered with the authority to nominate it are determined. Methodological recommendations are given for improving the procedure for proposing initiative projects.

Keywords: budget, initiative project, budgeting, citizens, budget system.

Груднов Д. В.

Большинство муниципальных образований имеют финансовые проблемы, связанные с дефицитностью бюджетов и логично, что они находятся в постоянном поиске дополнительных источников финансирования с целью решения тех или иных вопросов¹. И если, получение дополнительных финансовых ресурсов с вышестоящих бюджетов, является довольно проблематичным и бюрократическим процессом, то получение финансовых поступлений и нефинансовой помощи от граждан, является довольно действенной и эффективной практикой в ходе решения вопросов местного значения².

Так называемое «Народное бюджетирование» приобретает в Российской Федерации статус популярного финансового инструмента и даже находит поддержку на Федеральном уровне (гелл о принятии законов и популяризации). Подобная практика нова для России и со временем она трансформируется и приобретает черты, присущие отечественной институциональности.

В отечественной практике много работ посвящено исследованию инициативного (партисипативного) бюджетирования³ и партисипативной практики в государственном управлении в целом. Но, после подписания Президентом РФ Федерального закона от 20.07.2020 № 236-ФЗ «О внесе-

нии изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ можно с уверенностью сказать, что инициативное бюджетирование встало на новый уровень своего развития. Получив государственную поддержку и признание, а также закрепление в нормативно-правовых актах, практика инициативного бюджетирования будет получать своё дальнейшее развитие и может стать нормой для современного Российского общества. Но, учитывая новизну нормативного регулирования партисипативной деятельности в Российской Федерации, важно изучить какой смысл вкладывает государство в понятие «инициативный проект», какую он должен содержать информацию и какой круг лиц наделён полномочиями выдвижения инициативного проекта

Ниже, рассмотрим некоторые положения исследуемого нормативно-правового акта. Пояснительная записка проекта закона обозначает своей главной целью – создание нормативной базы с целью качественного развития практик инициативного бюджетирования на уровне муниципальных образований. Отмечается, что подобные практики реализуются в большинстве субъектов Российской Федерации, они способствуют непосредственному участию акторов в бюджетном процессе, именно в роли лиц, определяющих направления, которые являются приоритетными в вопросах расходования бюджетов муниципальных образований. Данная деятельность обеспечивается посредством разработки проектов инициативного бюджетирования и их дальнейшего внесения в орган местного самоуправления. Отмечается, что данные

1 Миронова С. М. Формы участия граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований и практика их реализации // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2017. - № 1. - С. 30-36.

2 Груднов Д. В. Влияние принципа сбалансированности бюджета муниципального образования на бюджетный процесс // Российский экономический интернет-журнал. - 2019. - № 4. - С. 45.

3 Вагин В. В., Гаврилова Н. В., Шаповалова Н. А. Инициативное бюджетирование: международный контекст Российской версии // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. - 2015. - № 3. - С. 117-122.

4 Федеральный закон от 20.07.2020 № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции от 20.07.2020 г.).

проекты должны иметь большую значимость для граждан, проживающих на территории муниципального образования и быть нацеленными на решение местных проблем. Что в общем логично, и отвечает мировой практике. Богатый зарубежный опыт проектов партисипативного бюджетирования, как правило, свободен от рамок, создаваемых «решением местных проблем», граждане могут инициировать проекты, направленные на любую интересующую их сторону жизнедеятельности общества⁵.

Из текста самого закона, становится ясно, что инициативный проект, это комплекс мероприятий направленных на решение вопросов местного значения или иных вопросов, имеющих приоритетное значение для жителей муниципального образования или какой-либо его части. Реализация данных проектов должна находиться в рамках полномочий органов местного самоуправления, которые также устанавливают территории муниципальных образований, где возможна реализация партисипативных проектов.

Законом установлен перечень информации, которую должен содержать в себе инициативный проект:

- Описание проблемной части;
- Предложения с обоснованиями, направленными на решение проблемы;
- Результаты, ожидаемые от реализации проекта;
- Расчёт расходов, необходимых на реализацию проекта;
- Сроки реализации;
- Сведения о возможных участниках проекта с видами предоставляемой помощи (финансовая, имущественная, трудовая);
- Указание на объём бюджетных средств, местного бюджета, необходимых для реализации инициативного проекта;
- Указание территории муниципалитета либо его части, где планируется реализация проекта;
- Другая информация, предусмотренная нормативно-правовым актом представительного органа муниципалитета.

Рассмотрев перечень информации, которая необходима при выдвижении проектов на рассмотрение, становится понятно, что данный перечень довольно сильно забюрократизирован. По нашему мнению, рядовые граждане могут испытать сложности при сборе и формулировании необходимой информации, так как могут понадобиться специальные навыки и знания в области юриспруденции, экономики и т.д. Данный вопрос может быть решён с помощью закрепления нормы об обязательной помощи гражданам при оформлении заявок ответственными сотрудниками местных администраций, либо сотрудниками аппаратов представительных органов власти муниципального образования.

Другая угроза кроется в возможности требования дополнительной информации при оформлении заявок инициативных проектов. Данным правом наделены органы представительной власти муниципальных образований. По нашему мнению, Федеральный Закон данной нормой создаёт возможности забюрократизирования процесса рассмотрения заявки. Создаётся возможность конфликта интересов, где представительный орган может тормозить рассмотрение «неудобных» инициатив, либо вовсе их отвергать. Решение находится в упразднении данной нормы, либо во внесении в Федеральный Закон перечня информации, которая не будет обязательна при составлении заявки, но может быть запрошена представительными органами власти, рассматривающими заявки инициативных проектов в случае обоснованной необходимости.

Закон устанавливает круг лиц, которые вправе инициировать мероприятия по разработке и внесению инициативных проектов:

- Инициативная группа, численностью не менее 10 человек;
- Органы территориального общественного самоуправления;
- Староста населенного пункта;
- Иные лица (право закрепляется нормативно-правовым актом представительного органа власти муниципально-го образования).

Граждане, принимающие участие в деятельности инициативной группы должны быть старше 16 лет, также они должны проживать на территории муниципалитета. Закон предусматривает возможность уменьшения минимальной численности инициативной группы, если такое решение примет представительный орган власти муниципального образования. По мнению автора данной статьи, было бы корректно также наделить общественные объединения и организации правом выдвижения инициативных проектов, что связано с большей мобилизацией граждан в подобных организациях и большими возможностями привлечения финансовых, трудовых, либо имущественных ресурсов во время подготовки и реализации проекта.

Необходимо понимать, что инициативное бюджетирование не новый бюджетный механизм и даже в Российской Федерации, оно нашло широкое применение, но на данной стадии своего развития, оно уязвимо, так как впервые за долгие годы получило нормативное регулирование и ещё неизвестно, как данное обстоятельство сыграет на развитии гражданской партисипации. Необходимы годы, для корректировки законодательства и создания условий для благоприятного развития данного направления вовлечения граждан в публичное управление.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 20.07.2020 № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции от 20.07.2020 г.).
2. Вагин В. В., Гаврилова Н. В., Шаповалова Н. А. Инициативное бюджетирование: международный контекст Российской версии // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. - 2015. - № 3. - С. 117-122.
3. Груднов Д. В. Влияние принципа сбалансированности бюджета муниципального образования на бюджетный процесс // Российский экономический интернет-журнал. - 2019. - № 4. - С. 45.
4. Миронова С. М. Формы участия граждан в финансовой деятельности государства и муниципальных образований и практика их реализации // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2017. - № 1. - С. 30-36.
5. Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G. 2012. Transnational Models of Citizen Participation: The Case of Participatory Budgeting. - Journal of Public Deliberation. Vol. 8. Is. 2. Art. 9. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.publicdeliberation.net/cgi/viewcontent.cgi?article=1234&context=jpd>.

5 Sintomer Y., Herzberg C., Röcke A., Allegretti G. 2012. Transnational Models of Citizen Participation: The Case of Participatory Budgeting. - Journal of Public Deliberation. Vol. 8. Is. 2. Art. 9. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.publicdeliberation.net/cgi/viewcontent.cgi?article=1234&context=jpd>.

АЛИЕВ Шапи Изиевич

доктор политических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

АЛИЕВА Зульфия Магомедовна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК ИСТОЧНИК ЗАИМСТВОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМОВ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Применение успешного опыта иностранных государств в сфере налогового контроля сможет оказать позитивное влияние на налоговый контроль в России. Внедрение методов налогового контроля, подтвердивших свою эффективность на практике в зарубежных странах, является целесообразным в современных условиях в России. Налоговый контроль – это динамичный процесс, поэтому для повышения эффективности контрольной работы налоговых органов необходимо совершенствовать формы контрольно-надзорной деятельности и внедрять новые методы налогообложения. В статье анализируется механизм действия органов налогового контроля Великобритании, который может выступать в качестве основного источника заимствования международного опыта и повышения эффективности механизмов налогового контроля в России.

Ключевые слова: налоговый контроль, опыт зарубежных стран, система налогового контроля Великобритании.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in political sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

ALIEVA Zulfuya Magomedovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

TAX CONTROL IN THE UK AS A SOURCE OF BORROWING INTERNATIONAL EXPERIENCE AND INCREASING THE EFFICIENCY OF TAX CONTROL MECHANISMS IN RUSSIA

Applying the successful experience of foreign countries in the field of tax control can have a positive impact on tax control in Russia. The introduction of tax control methods, which have proved their effectiveness in practice in foreign countries, is appropriate in modern conditions in Russia. tax control is a dynamic process, therefore, in order to increase the effectiveness of the control work of tax authorities, it is necessary to improve the forms of control and supervision activities and introduce new tax methods. The article analyzes the mechanism of action of the UK tax control authorities, which can act as the main source of borrowing international experience and improving the effectiveness of tax control mechanisms in Russia.

Keywords: Tax control, experience of foreign countries, UK tax control system.

Интегрирование экономики России, в мировое финансово-экономическое пространство, поставило новые задачи, перед всей государственной системой России.

В первую очередь, эти задачи коснулись проведения грамотной налоговой политики, поскольку налоговая система выступает главнейшим рычагом государственного регулирования социально-экономического развития.

Российская Федерация в настоящее время переживает сложную экономическую ситуацию.

Система налогового контроля в России, на сегодняшний день, нуждается в некоторых изменениях, включающих в себя новые методы и технологии. Необходимо проведение многоаспектного анализа, для уяснения причин снижения эффективности налогового контроля.

Проведенный анализ механизма действия органов налогового контроля Великобритании, может выступать в качестве основного источника заимствования международного опыта и повышения эффективности механизмов налогового контроля в России.

Алиев Ш. И.

Алиева З. М.

Налоговая система Великобритании, благодаря долгому периоду развития, на сегодняшний день, является одной из самых опытных в деле разрешения сложных экономических задач в сфере налогового контроля.

Существует два основных государственных органа, которые играют значительную роль в сфере налоговой политики страны. К ним относятся HM Revenue and Customs (HMRC) – Управление государственными доходами и таможенными, и HM Treasury – Министерство Финансов и Казначейства Великобритании¹.

Основным органом, осуществляющим налоговый контроль выступает Окружная налоговая инспекция, куда подаются налоговые декларации налогоплательщиков Великобритании. Поступившие налоговые декларации подвергаются первичному просмотру. Большинство из них обрабатываются без дополнительного рассмотрения. На стадии первичного просмотра налоговые аудиторы выделяют

1 Spring Departmental report 2018 HM Revenue and Customs. — London. — 2016. — P. 10.

группу сомнительных деклараций, которые затем внимательно изучаются.

Все налоговые декларации, прошедшие первичный осмотр распределяются по системе ERA². В соответствии с этой системой, налоговым декларациям присваиваются знаки «Е», «R», «A».

Присвоение декларации категории «A», означает, что данная декларация принимается, недостатков в ней не отмечено.

Присвоение категории «R», означает, что декларация должна быть проанализирована. То есть, в данном случае будет проводиться более глубокий налоговый аудит по некоторым вопросам. Обычно такие вопросы наблюдаются по декларациям крупных предприятий.

И наконец, категория «E», присваивается в случаях, когда декларация подлежит дополнительной проверке. В этом случае, будет проводиться более доскональное расследование декларации и сопроводительной отчетности.

В некоторых ситуациях, декларация может быть присвоена категория A+, что означает, что декларация содержит мелкие, чаще всего арифметические ошибки, которые следует устранить.

Декларации, которым присвоена категория E или R, подаются для проведения дополнительных проверок, налоговым аудитором, которые обладают необходимыми знаниями и опытом. Если инспекторы подозревают серьезное нарушение налогового законодательства и уклонение от уплаты налогов, такие декларации передаются в Инспекцию по расследованию налоговых правонарушений.

При проведении классификаций налоговых деклараций, налоговые инспекторы прибегают к различным критериям и показателям. Так, например, в качестве критериев будут учитываться род деятельности организации, сведения, изложенные в анонимных письмах, сведения, полученные из заключений бухгалтеров, информацию из газет и новостных интернет-порталов.

Когда дело касается деклараций физических лиц-налогоплательщиков, то главным критерием служат изменения капитала лица в его соотношении с декларируемым доходом. Для этого, по каждому налогоплательщику ведется отдельный файл, куда заносится вся необходимая информация³.

Налоговые аудиторы, еще до осуществления классификации ERA, проводят предварительный отбор деклараций. Проводя такой отбор, они руководствуются следующими критериями: является ли организация собственностью одной семьи; насколько большой объем и насколько высока прибыль компании; учитывается факт выплаты высоких зарплат, наличия дорогих автомобилей, наличие в собственности должностных лиц компании дорогих домов и т.д.

Кроме того, еще одним критерием для отбора деклараций, для аудита, являются данные по конкретной отрасли, необходимые для того, чтобы отследить связь цифр, указанных в налоговой декларации со средними показателями той или иной отрасли.

Крупные компании, которые подвергаются независимому аудиту, очень редко подвергаются текущей налоговой проверке. Если в результате процедуры независимого аудита, компания получает положительное заключение, то налоговыми органами такое заключение принимается как свидетельство того, что серьезные налоговые нарушения в деятельности данной компании отсутствуют⁴.

С 2000 года, Управление по прямым налогам Великобритании перешло на систему само начисления налога. По новой системе налогоплательщики не ждут проверки своей декларации и получения требований от налогового органа о производстве окончательных расчетов. Налогоплатель-

щик производит оплату, которую сам рассчитал в своей налоговой декларации. С введением новой системы, налоговые инспекторы вправе проверить любую декларацию, без представления оснований для проверки.

Для того, чтобы провести выборочную аудиторскую проверку, налоговый инспектор по новым правилам не должен уведомлять налогоплательщика о необходимости проведения налоговой проверки. Однако, налоговый орган должен уведомить налогоплательщика о проверке его декларации, в срок, до одного года с момента представления декларации⁵.

После того, как была проведена первичная обработка налоговых деклараций, последние проверяются с помощью специальной программы по отдельным параметрам. Данные указанные в декларации сравниваются с имеющейся у налоговых органов информацией и производится так называемая процедура «анализа рисков».

На сегодняшний день в Великобритании продолжается внедрение системы отбора деклараций PRISE, которая оценивает и выявляет факторы риска, суммирует их и выносит рекомендации по отбору деклараций для проведения дополнительной проверки.

Что касается управления таможенных сборов и акцизов, то здесь действует бальная система отбора LVS, которая составляет перечень организаций, с баллами от 1 до 5, которые входят в полосу риска, и следовательно проверка по ним становится необходимой. Благодаря указанной системе LVS, представляется возможным получить информацию о налоговой декларации той или иной компании, о ее роде и сфере деятельности, а также определить удобное для аудиторской проверки время. Местный налоговый орган по оценке НДС определяют, какая из подведомственных ей организаций, относится к крупному предприятию.

Для этого запрашиваются критерии крупных компаний в системе LVS, затем инспектор вычисляет по НДС соответствие сведений об отобранных организациях, информации о данной компании. Каждый критерий влечет за собой начисление определенного количества баллов. В случаях, когда итоговый бал превышает установленное на государственном уровне значение, компания считается крупным предприятием.

Компания считается крупной, если ее налоговая эффективность превышает 7 млн. фунтов стерлингов. Крупные компании с налоговой эффективностью от ста млн. фунтов стерлингов подвергаются процедуре аудита один раз в два года; остальные крупные компании подвергаются данной процедуре один раз в три года.

Существующая программа аналитического отсева RAP, позволяет проводить анализ рисков и отбор с использованием процесса отсеивания. То есть, создаются специальные целевые группы, основная обязанность которых это процесс отсеивания. Специализация таких групп касается конкретных отраслей промышленности, в частности тех, которые касаются крупных денежных сумм, например автомобили, строительство, антиквариат и т.д.

Для облегчения задач этих специализированных групп, создан CRIP, который представляет собой банк сбора информации о возможных нарушениях законодательства. Банк данных CRIP содержит в себе сведения по акцизным сборам и таможенным пошлинам⁶.

На его основе отбираются налогоплательщики, с высоким коэффициентом риска, затем проводится контрольный осмотр, результаты которого вносятся в систему CRIP. Все информационные данные об организациях, собираются как путем аудита, так и посредством посещения офиса организации, опросниками и по телефону. Благодаря этому, налого-

2 Revenue Law Principles and Practice. Twenty-second Edition. Lexis Nexis — UK. — 2016. — P. 43.

3 Попова Л.В. Налоговые системы зарубежных стран: учебно-методическое пособие. — М.: Дело и Сервис, 2018. — С. 132.

4 Tony Levene. The Tax Handbook 2017/18: A Complete Guide to the UK — Tax System, — 2017. — P. 91.

5 OECD (2017). Tax Administration 2017: Comparative Information on OECD and Other Advanced and Emerging Economies [Электронный ресурс]. OECD Publishing. Doi: 10.1787/9789264200814-en. P. 106 (дата обращения: 15.09.2020).

6 Dimitri B. Papadimitriou. The Distributional Effects of Government Spending and Taxation. Palgrave Macmillan (26 May 2016); Birgit Mattil.

вая инспекция обладает данными, о том, какие организации наиболее надежны в финансовом плане.

Главная задача, которая стоит перед программой RAP, заключается в интегрировании информации о территориях повышенного риска. Такое интегрирование информации позволяет уделить особе внимание налогоплательщикам, с более высоким коэффициентом риска. Налоговая проверка может проводиться как в помещении организации, так и в офисе налогового органа⁷.

Решая данный вопрос, необходимо учитывать объем и характер учетных документов, затраты на посещение предприятия и время, необходимое для проведения проверки. К тому же, в отличие от многих других стран, в Великобритании организация проверки по месту нахождения предприятия, выходит за рамки стандартной налоговой проверки.

Интерес представляет и тот факт, что при проведении подобной проверки, налогоплательщик имеет право не соглашаться на проведение встречи с налоговым инспектором. В свою очередь налоговый орган, без согласия налогоплательщика, не вправе проводить налоговую проверку на предприятии.

Но, налоговый инспектор, может, например, войти в магазин и понаблюдать за рабочим процессом либо отметить количество посетителей, для выяснения того, есть ли необходимость в проведении глубокой налоговой проверки. Единственный случай, когда налоговый инспектор, может войти в помещение без согласия налогоплательщика, для проверки отчетных документов, это уголовное расследование. При наличии оснований подозревать налогоплательщика в мошенничестве, налоговый инспектор обязан получить ордер на обыск.

В случае, когда HMRC не согласно с само начисленным налогом, налоговый орган может начать расследование. Налогоплательщик имеет право обжаловать решение HMRC. Прежде чем подать апелляцию, налогоплательщик может также запросить внутреннюю проверку решения, которую должен провести сотрудник, ранее не занимавшийся этим вопросом.

Так например, 18 января 2019 года судом Glasgow рассматривался иск господина Мак Мюррея, об обжаловании санкций, наложенных HMRC, в соответствии с Приложением 55 к Закону о финансах 2009 года ('Sch 55') в отношении к его неспособности подать декларацию за 2014-2015 гг. Уведомление о подаче декларации за 2014-2015 годы было вручено Мак-Мюррею 21 апреля 2016, с нормальным циклом возврата, декларация должна была быть подана до 28 июля 2016 года. Декларация была в итоге подана 16 мая 2017 года, что заняло более девяти месяцев. Следовательно, были наложены следующие штрафы на общую сумму 1300 фунтов стерлингов:

- (1) штраф в размере 100 фунтов стерлингов за несвоевременную подачу согласно параграфу 3 Sch 55;
- (2) «Ежедневные» штрафы на общую сумму 900 фунтов стерлингов в соответствии с пунктом 4 статьи 55;
- (3) штраф в размере 300 фунтов стерлингов за шесть месяцев в соответствии с параграфом 5 Sch 55.

Согласно материалам дела, Мистер Мак-Мюррей работал преподавателем английского языка, у следующих работодателей:

- (1) Университет Стерлинга с неуставленной датой (но до 6 апреля 2014) до 11 июля 2014 года;
- (2) Kaplan International College UK Ltd (через Университет Глазго), начиная с 20 января 2014 года и заканчивая 5 апреля 2016 года.

В 2013-14 году должность Мак-Мюррея с двойной занятостью привела к переплате по налогу по программе PAYE в размере 394,80 фунтов стерлингов, которая была погашена HMRC в то время. За 2014-15 год была недоплата в размере

£ 360,40. 27 октября 2015 года HMRC опубликовала расчет налога по форме P800, предоставив сведения об общих доходах г-на Мак Мюррея за 2014-2015 годы и о возврате PAYE его работодателями, что привело к недоплате за год. 29 октября 2015 года стандартное письмо, известное как «Письмо о добровольном платеже» («VPL1») было выдано мистеру Мак Мюррею.

Сопроводительное письмо сопровождало письмо, чтобы облегчить урегулирование недоплаты. В письме, полученном HMRC 10 ноября 2015 года, г-н Макмуррей оспорил показатель общего дохода, использованный в расчете. 24 ноября 2015 года, HMR Сответило, дав разбивку его доходов от двух рабочих мест, по базе, имеющейся у HMRC и советует ему связаться со своими работодателями, если он не согласен. 21 января 2016 года стандартное письмо VPL2 было отправлено в отсутствие ответа на ответ или платежа HMRC от мистера Макмуррея. Второе письмо VPL предупреждало Мистера Мак Мурреею том, что если недоплата не будет урегулирована, это может привести к последствиям. 21 апреля 2016 г. г-ну Мак Муррею было вручено уведомление о подаче возврата (SA возврат) за 2014-15 год, так как не было получено ни ответа, ни оплаты. Поскольку уведомление о подаче было подано вне обычного цикла возврата, срок оплаты для возвращения был заявлен 28 июля 2016 года, через 3 месяца и 7 дней после даты выдачи уведомления.

При рассмотрении судом данной апелляции, она была отклонена. Решением было вынесено в пользу HMRC⁸.

Существуют определенные периоды времени, в течение которых можно подавать декларации, в зависимости от того, является ли налогоплательщик компанией, партнерством или частным лицом⁹.

В случае несвоевременной подачи декларации, в отношении налогоплательщика применяются санкции. Однако, анализ судебной практики, показал, что нередки апелляции по таким делам. Так например, случай из практики - апелляция против штрафа в размере 500 фунтов стерлингов, выданная согласно s98, наложенный HMRS. Согласно заявлению апеллянта – основанием для апелляции являются:

Апеллянт пытался подать декларацию в пятницу, 3 ноября 2017 года, но информация не загружалась на веб-сайте HMRC. Апеллянт был совершен звонок в HMRC, чтобы объяснить проблему. Ему посоветовали продолжать попытки и отправить информацию так скоро, как возможно.

В этот день он пробовал еще несколько раз, но информацию загрузить не удалось. Лицо, ответственное за подачу декларации, находилось вдали от работы, болело 6 и 7 ноября 2017 года и не работало 8 ноября 2017 года. Декларация была подана, как только она вернулась на работу 9 ноября 2017 года. Свидетельство о болезни было предоставлено HMRC. Согласно показаниям HMRC:

Не было предоставлено никаких доказательств в отношении заявленных трудностей с регистрацией онлайн 3 ноября 2017 года. Записи вызовов HMRC не включали бы никакой информации относительно звонящего.

Для того, чтобы болезнь была разумным оправданием для несвоевременной подачи декларации, болезнь должна быть настолько серьезной, чтобы работодатель не мог контролировать бизнес непосредственно перед крайним сроком подачи заявок до даты, когда возврат был подан. Болезнь, от которой страдало лицо, подавшее заявление о возврате, не была внезапной или неожиданной, поскольку это продолжалось в течение нескольких месяцев.

В таких случаях когда заболевание носит длительный и продолжительный характер, ожидается, что работодатель должен обеспечить своевременное рассмотрение их налоговых дел. Работодатель несет основную ответственность за обеспечение того, чтобы налоговые обязательства были выпол-

7 Данные Practical Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com>. (дата обращения: 14.02.2019).

8 Дело №TS 06967 архив Министерства Юстиции Великобритании. [Электронный ресурс] (дата обращения: 30.08.2020).

9 Данные Practical Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com> (дата обращения: 15.09.2020).

нены и декларация была подана вовремя. Решением суда, апелляция была отклонена¹⁰.

Период, в течение которого HMRC может провести расследование, начинается после подачи декларации. HMRC может запросить возврат в течение ограниченного периода времени, обычно в течение 12 месяцев с даты подачи возврата. HMRC не нужно указывать причину для начала расследования. HMRC обладает широкими полномочиями по проверке и может потребовать от налогоплательщика предоставления информации или документов (Приложение 36, Закон о финансах 2008 года). HMRC также может потребовать от третьих лиц предоставления информации. Запрос завершается, когда HMRC выпускает уведомление с указанием своих выводов.

HMRC может оценивать возвраты за пределы 12-месячного лимита только при определенных обстоятельствах, используя оценку обнаружения, когда произошла потеря налога в результате неосторожных или преднамеренных действий налогоплательщика, и HMRC не могло ожидать, что он узнает о недооценке, по истечении срок запроса. Например, что касается компаний, HMRC может провести оценку в течение следующих периодов, начиная с конца соответствующего периода счета:

- четыре года, если недооценка связана с недостаточным раскрытием информации;
- шесть лет, если занижение связано с небрежностью налогоплательщика;
- двадцать лет, если занижение связано с преднамеренным действием налогоплательщика.

В уголовном контексте HMRC действует в соответствии со своей политикой уголовного преследования. Он может возбудить гражданский иск, используя процедуры гражданского расследования мошенничества (CIF) через договор о раскрытии информации (CDF) или в соответствии с Кодексом практических правил 9 (COP9).

В рамках CDF налогоплательщики могут согласиться раскрыть информацию о нарушениях в своих налоговых делах в HMRC и обеспечить уплату неуплаченного налога. В свою очередь, HMRC согласится не проводить уголовное расследование при условии, что налогоплательщик придерживается соглашения.

Однако при определенных обстоятельствах против налогоплательщика будет возбуждено уголовное дело, и дело будет рассматриваться через уголовные суды. Политика HMRC гласит, что уголовное расследование будет зарезервировано для случаев, когда HMRC необходимо послать убедительный сигнал сдерживания или, когда поведение таково, что применимо только уголовное наказание.

Политика HMRC также устанавливает виды обстоятельств, при которых HMRC обычно рассматривает вопрос о возбуждении уголовного дела, а не гражданского расследования, которое включает в себя:

- лицо, занимает доверительную позицию;
- существует подозрение в умышленном сокрытии, обмане, заговоре или коррупции;
- дело касается фальшивых или поддельных документов;
- существуют другие факторы, повышающие подозрение в совершении правонарушения.

Полномочия HMRC в области уголовных расследований в Англии и Уэльсе кодифицированы в Законе о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года с поправками, внесенными Законом о финансах 2007 года. HMRC также имеет полномочия требовать предъявления документов в соответствии с разделом 20BA Закона об управлении налогами.

Кроме того, дополнительные полномочия по уголовно-расследованию кодифицированы в Законе о серьезной организованной преступности и полиции 2005 года и Законе о доходах от преступления 2002 года. Эти полномочия могут

использоваться только должностными лицами HMRC, которые уполномочены на это.

Думается, что опыт Великобритании в решении налоговых проблем, в формировании и проведении сбалансированной налоговой политики, способствующей экономическому развитию и повышению благосостояния общества очень ценен для Российской Федерации. На примере налоговой системы Великобритании можно понять, к чему в перспективе необходимо стремиться и чего избегать.

Пристатейный библиографический список

1. Данные Practical Law <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 14.09.2020).
2. Данные PracticalLaw - <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 15.09.2020).
3. Дело №TS 06967 архив Министерства Юстиции Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 30.08.2020).
4. Дело №TS 06990 архив Министерства Юстиции Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://financeandtax.decisions.tribunals.gov.uk//Aspx/view.aspx?id=10931> (дата обращения: 12.09.2020).
5. Попова Л.В. Налоговые системы зарубежных стран: учебно-методическое пособие. — М.: Дело и Сервис, 2018.
6. Dimitri B. Papadimitriou. The Distributional Effects of Government Spending and Taxation. Palgrave Macmillan (26 May 2016); Birgit Mattil.
7. OECD (2017). Tax Administration 2017: Comparative Information on OECD and Other Advanced and Emerging Economies [Электронный ресурс]. OECD Publishing. Doi: 10.1787/9789264200814-en. P. 106 (дата обращения: 15.09.2020).
8. Revenue Law Principles and Practice. Twenty-second Edition. Lexis Nexis — UK. — 2016. — P. 43.
9. Spring Departmental report 2018 HM Revenue and Customs. — London. — 2016. — P. 10.
10. Tony Levene. The Tax Handbook 2017/18: A Complete Guide to the UK. — Tax System, — 2017. — P. 919.

¹⁰ Дело №TS 06990 архив Министерства Юстиции Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://financeandtax.decisions.tribunals.gov.uk//Aspx/view.aspx?id=10931> (дата обращения: 12.09.2020).

DOI 10.46320/2073-4506-2020-9-148-210-212

ЕВТУШЕНКО Кристина Андреевна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

АЗАРХИН Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и философии, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Института права Самарского государственного экономического университета

СИСТЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О НАЛОГАХ И СБОРАХ

В статье рассмотрены понятия системы и систематизации российского законодательства о налогах и сборах, преимущества применения такой формы систематизации, как кодификация. Дана краткая характеристика системы налогового законодательства, которая включает федеральный, региональный и местный уровни. Поскольку на современном этапе в законодательстве о налогах и сборах имеются определенные недочеты и пробелы, на основании анализа правовых норм и мнений ученых выявлены проблемные вопросы в данной сфере и предложены рекомендации для их решения.

Ключевые слова: законодательство о налогах и сборах, налоговое законодательство, систематизация, кодификация, инкорпорация, консолидация, Налоговый кодекс, федеральные налоги, региональные налоги, местные налоги.

EVTUSHENKO Kristina Andreevna

magister student of the Institute of Law of the Samara State Economical University

AZARKHIN Aleksey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and philosophy of law sub-faculty, associate professor of Organizing the fight against economic crimes sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State Economic University

SYSTEM OF LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON TAXES AND FEES

The article discusses the concepts of systematization and systematization of Russian legislation on taxes and fees, the advantages of using such a form of systematization as codification. A brief description of the tax legislation system, which includes Federal, regional and local levels, is given. Since there are certain shortcomings and gaps in the legislation on taxes and fees at the present stage, based on the analysis of legal norms and the opinions of scientists, problematic issues in this area have been identified and recommendations for their solution have been proposed.

Keywords: legislation on taxes and fees, tax legislation, systematization, codification, incorporation, consolidation, tax code, federal taxes, regional taxes, local taxes.

Законодательство о налогах и сборах России представляет собой свод упорядоченных норм и правил, регулирующих отношения, возникающие в области российского налогообложения. Важное качество налогового законодательства – это системность, под которой следует понимать связь правовых норм, при которой одними нормами определяются условия для осуществления других правовых норм. С юридической точки зрения понятие системы включает одновременное наличие следующих признаков: единой правовой основы и упорядоченных средств правового регулирования, сопоставимого правового статуса отдельных элементов.

Кроме такой первостепенной задачи систематизации, как улучшение механизмов реализации законодательства в области налогов и сборов, ставятся также задачи устранения противоречий между положениями налогового законодательства, унификации терминологии и понятийного аппарата, избегания принятия отдельных нормативных правовых актов по узким темам налоговой сферы, приведения законодательства в соответствии с международными обязательствами. Решение указанных задач должно строиться с учетом современных особенностей данной сферы.

Главной задачей систематизации является верный выбор ее формы. В сфере правотворчества благодаря систематизации появляется возможность устранения пробелов, противоречий, множественности нормативных предписаний. Основными формами систематизации принято считать кодификацию, инкорпорацию и консолидацию. При кодификации происходит обеспечение системного нормативного регулирования одного вида общественных отношений

путем создания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта, выражающего содержательную и юридическую специфику структуры обобщенных подразделений системы права¹. Осуществление инкорпорации связано с внешним упорядочением действующих нормативно-правовых актов, когда не предусматривается переработка правовых норм, происходит помещение правовых актов в единые сборники в соответствии с хронологическим, тематическим либо иным порядком². При консолидации объединяются признаваемые утратившими силу нормативные акты в едином укрупненном документе³.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что сочетание упорядочения и обновления законодательства, как свойство кодификации, делает ее наиболее совершенной, высшей формой правотворчества. Кодификация, являющаяся обобщением действующего регулирования, в то же время устанавливает новые нормы, в которых происходит отражение назревших потребностей общественной практики, восполняет пробелы в правовом регулировании, заменяет неудачные, устаревшие правовые предписания новыми. Кроме того, кодификация связана с появлением главенствующего нормативного акта – кодекса. Так, современное российское налоговое законодательство представлено двумя частями Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ),

1 Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник для вузов. - М., 2016. - С. 254.

2 Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. - М., 2017. - С. 125.

3 Матузов Н. И., Малько А. В. Указ. соч. - С. 308.

основного документа, в котором осуществлено закрепление норм налогообложения.

Для законодательства о налогах и сборах присуще иерархическое построение, включающее три уровня: федеральный, региональный и местный. В соответствии с п. 1 ст. 1 НК РФ в систему налогового законодательства наряду с данным кодексом входят принятые в соответствии с ним федеральные законы о налогах и сборах. К данной группе законодательных актов необходимо отнести законы, которые регулируют деятельность налоговых органов⁴, организацию и проведение азартных игр⁵, и других законов, в которых уделяется внимание налогообложению. Налоговые отношения регулируются нормами не только НК РФ и соответствующих ему законов, но и нормативно-правовыми актами – в части функционирования государственных органов исполнительной власти, и финансовыми нормами – в части бюджетного устройства и учетной политики. Региональный уровень включает законы субъектов РФ о налогах и сборах, которые принимаются в соответствии с НК РФ, вводят правила о региональных налогах или сборах. Можно привести для примера законы Самарской области, устанавливающие требования к транспортному налогу⁶ и налогу на имущество организаций на территории Самарской области⁷, Закон г. Москвы «О торговом сборе»⁸. Местный уровень включает нормативно-правовые акты, издаваемые представительными органами муниципальных образований о местных налогах и сборах. Так, например, на муниципальном уровне в городе Самаре утверждены особенности взимания земельного налога⁹ и налога на имущество физических лиц¹⁰.

Л. А. Ивановская отмечает громоздкость и наличие внутренних противоречий законодательства о налогах и сборах, акцентируя внимание на том, что членство России в Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) требует гармонизации и унификации российского налогового законодательства с законодательствами других стран-членов ЕАЭС, а также учета международных обязательств, которые Российская Федерация приняла на себя в рамках членства в союзе¹¹.

Достаточно острой проблемой налогового законодательства является отсутствие стимулирующей функции, без которой затруднен рост экономики. Дело в том, что налоговое законодательство РФ базируется на принципе механического собирания налогов, не учитывая особенностей развития некоторых важных для экономики отраслей, например, сельского хозяйства – данная отрасль является рискованной и маловыгодной сферой в силу сезонности, неурожайных лет из-за климата. Из-за отсутствия дифференцированных ставок, берущих во внимание различные факторы, влияющие на результативность производства, малому бизнесу тяжело выживать в условиях современного налогового законодательства¹².

Нельзя игнорировать еще одну весомую проблему – это частое систематическое изменение налогового законодательства, которая усложняет процесс работы бухгалтеров и финансистов, а как следствие препятствует развитию экономики и долгосрочным вложениям капиталов. Это происходит из-за необходимости постоянной и частой перечитки и изучения новых нормативно-правовых актов, касающихся налогообложения, ведения бухгалтерского учета, взаимодействия организаций и налоговых органов бухгалтерами и финансистами.

На практике финансисты и бухгалтера сталкиваются с проблемой неточности и многозначности формулировок норм законодательства. Большое количество арбитражных процессов происходило на почве толкования новых опубликованных законов налогоплательщиками различного с налоговыми органами. Для решения данной проблемной ситуации необходимо закрепление на законодательном уровне за Министерством финансов РФ полномочий по трактовке и даче рекомендаций касательно применения норм законодательства о налогах и сборах, наделить его совместно с Федеральной налоговой службой или иными органами полномочиями учета и поддержания в актуальном состоянии всех нормативно-правовых актов в сфере налогообложения.

Также к важным проблемам налогового законодательства следует отнести его ориентацию на устранение дефицита бюджета путем изъятия доходов предприятия, что ведет к их убыточности и банкротству. К отсутствию стимулирующей функции, можно добавить отсутствие мотивации предпринимателей поднимать свой бизнес, рынки, а значит и экономику страны в целом, так как предприниматели являются неотъемлемой ее составляющей. Таким образом, на данный момент времени, в функциях налогового законодательства РФ, первичное значение имеет фискальная функция. Она стала главной и почти основной. Кроме того, действующие специальные налоговые режимы, оказываются не всегда эффективными на практике.

Можно также отметить неэффективность и сложность применения налоговых льгот. Как показывает практика, иногда налоговые льготы проще и менее затратно не применять, чем применять. Это происходит по разным причинам: из-за сложности процедуры, условий и требований. Некоторые льготы и специальные налоговые режимы, к сожалению, являются неэффективными и не помогают предпринимателям, владеющим малым бизнесом, из-за множества нюансов. Например, если у предприятия имеется малая выручка в течение трех месяцев, то оно он имеет право на освобождение от выплат налога на добавленную стоимость (далее – НДС), но при этом сумма НДС, которую выплачивают его контрагенты, увеличивается, вследствие чего происходит потеря данным предприятием своих партнеров. Следовательно,

4 Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» (ред. от 20.07.2020) // Бюллетень нормативных актов. - 1993. - № 1.

5 Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. - 2007. - № 1 (1 ч.). - Ст. 7.

6 Закон Самарской области от 06.11.2002 № 86-ГД «О транспортном налоге на территории Самарской области» (ред. от 08.05.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/945007290> (дата обращения: 17.08.2020).

7 Закон Самарской области от 25.11.2003 № 98-ГД «О налоге на имущество организаций на территории Самарской области» (ред. от 08.05.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/945008564> (дата обращения: 17.08.2020).

8 Закон г. Москвы от 17.12.2014 № 62 «О торговом сборе» // Официальный сайт Московской городской Думы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma.mos.ru> (дата обращения: 17.08.2020).

9 Постановление Самарской Городской Думы от 24.11.2005 № 188 «Об установлении земельного налога» (ред. от 09.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/945015640> (дата обращения: 17.08.2020).

10 Решение Думы городского округа Самара от 24.11.2014 № 482 «О налоге на имущество физических лиц» (ред. от 09.11.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/464015271> (дата обращения: 17.08.2020).

11 Ивановская Л. А. Законодательство Российской Федерации о налогах и сборах: состав и проблемы систематизации // Отечественная юриспруденция. - 2017. - № 7 (21). - С. 58.

12 Евсюкова Е. А., Злодеева В. Н., Рыбникова А. С. Современные проблемы применения налогового законодательства в РФ // Аспирантские тетради: сб. науч. ст. / Воронежский филиал РАН-ХиГС. - Воронеж, 2018. - С. 56.

применение данной налоговой льготы не выгодно, а напротив, губительно для данного малого предприятия.

Заслуживают внимания вопросы, связанные с исчислением и уплатой налога на доходы физических лиц. К основным недостаткам налогообложения физических лиц относятся следующие: во-первых, в действие главы 23 НК РФ постоянно вносятся изменения, которые запутывают и затрудняют деятельность физических лиц, способствуют снижению уровня правовой грамотности населения; во-вторых, в налоговом законодательстве России имеются существенные недостатки по формированию налоговой базы в отношении денежных средств, полученных в качестве доходов у физических лиц, которые не обладают статусом индивидуальных предпринимателей (самозанятые граждане); в-третьих, во многих странах (например, США) помимо социальных налоговых вычетов, существует необлагаемый минимум. В Российской Федерации налоговое законодательство не предусматривает необлагаемый минимум, соразмерный с уровнем прожиточного минимума¹³.

На сегодняшний день ведутся активные дискуссии в отношении повышения ставки НДФЛ с 13 процентов, которая была зафиксирована в 2001 году и не менялась с тех пор, до 15 процентов. В качестве основных причин повышения ставки НДФЛ, что отмечается Правительством РФ, является необходимость: 1) увеличения расходов на здравоохранение, образование и инфраструктуру; 2) повышение социальной справедливости, увеличение поддержки малообеспеченных слоев населения¹⁴.

Несмотря на то, что в ближайшем будущем возможно внесение изменений в налоговое законодательство, для действующей системы налогообложения доходов физических лиц присущ сбалансированный подход, который учитывает интересы, как налогоплательщиков, так и бюджетной системы Российской Федерации. Необходимо усовершенствование формирования налоговой базы в отношении денежных средств, полученных с доходов физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, а также установление необлагаемого минимума, соразмерного уровню прожиточного минимума.

Проведенный анализ системы законодательства о налогах и сборах показал, что действующее налоговое законодательство Российской Федерации в силу своей сложности имеет ряд проблем и недоработок: наличие внутренних противоречий законодательства, отсутствие стимулирующей функции, неточность и многозначность формулировок норм налогового законодательства; неэффективность и сложность применения налоговых льгот.

Для решения проблем функционирования налоговой системы можно внести предложения по применению таких правовых мер, как: гармонизации и унификации российского налогового законодательства с законодательствами других стран-членов ЕАЭС; развитие правовой базы налогово-бюджетного регулирования, направленного на реализацию государственных программ взаимозачетов, направленных на реструктуризацию налоговой задолженности предприятий должников и бюджетных обязательств; закрепление на законодательном уровне за Министерством финансов РФ полномочий по трактовке и даче рекомендаций касательно применения норм законодательства о налогах и сборах; пересмотр и доработка льгот и дополнительных прав налогоплательщиков; усовершенствование формирования налоговой базы

в отношении денежных средств, полученных с доходов физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 20.07.2020) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (1 ч.). – Ст. 7.
4. Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» (ред. от 20.07.2020) // Бюллетень нормативных актов. – 1993. – № 1.
5. Закон г. Москвы от 17.12.2014 № 62 «О торговом сборе» // Официальный сайт Московской городской Думы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma.mos.ru> (дата обращения: 17.08.2020).
6. Закон Самарской области от 25.11.2003 № 98-ГД «О налоге на имущество организаций на территории Самарской области» (ред. от 08.05.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/945008564> (дата обращения: 17.08.2020).
7. Закон Самарской области от 06.11.2002 № 86-ГД «О транспортном налоге на территории Самарской области» (ред. от 08.05.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/945007290> (дата обращения: 17.08.2020).
8. Постановление Самарской Городской Думы от 24.11.2005 № 188 «Об установлении земельного налога» (ред. от 09.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/945015640> (дата обращения: 17.08.2020).
9. Решение Думы городского округа Самара от 24.11.2014 № 482 «О налоге на имущество физических лиц» (ред. от 09.11.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/464015271> (дата обращения: 17.08.2020).
10. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. – М.: Юрид. лит., 2017. – 320 с.
11. Алферов А. В. Актуальные проблемы реформирования налогового законодательства в сфере налогообложения доходов физических лиц // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. ст. VII всерос. науч.-практ. конф., г. Пенза, 29-30 октября 2019 г. – Пенза, 2019. – С. 154-156.
12. Евсюкова Е. А., Злодеева В. Н., Рыбникова А. С. Современные проблемы применения налогового законодательства в РФ // Аспирантские тетради: сб. науч. ст. / Воронежский филиал РАНХиГС. – Воронеж, 2018. – С. 56-60.
13. Ивановская Л. А. Законодательство Российской Федерации о налогах и сборах: состав и проблемы систематизации // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 7 (21). – С. 56-60.
14. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Юристъ, 2016. – 512 с.

13 Алферов А. В. Актуальные проблемы реформирования налогового законодательства в сфере налогообложения доходов физических лиц // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. ст. VII всерос. науч.-практ. конф., г. Пенза, 29-30 октября 2019 г. – Пенза, 2019. – С. 154.

14 Там же. – С. 155.

КАЗАКОВА Наталья Владимировна

кандидат технических наук, доцент кафедры транспортных и технологических систем Тюменского индустриального университета

ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

Статья посвящена анализу действующего законодательства, регламентирующего некоторые вопросы функционирования российского нефтегазового комплекса. В результате проведенного исследования выявляются основные эколого-правовые проблемы при эксплуатации объектов нефтегазового комплекса, показано значение сферы технического регулирования в обеспечении экологической безопасности.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, углеводородное сырье, стандартизация.

KAZAKOVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Transport and technological systems sub-faculty of the Tyumen Industrial University

ENVIRONMENTAL LEGAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN OIL AND GAS COMPLEX

The article is devoted to the analysis of the current legislation governing some issues of the functioning of the Russian oil and gas complex. As a result of the study identifies the main environmental and legal problems in the operation of oil and gas facilities, shows the importance of the sphere of technical regulation in ensuring environmental safety.

Keywords: oil and gas complex, environmental safety, environmental protection, hydrocarbon raw materials, standardization.

Нефтегазовый комплекс России является на протяжении десятилетий остается крупнейшим в мире производителем и экспортером углеводородного сырья, обеспечивающий одну пятую мировой добычи нефти и газа. В состав комплекса входят 12 крупнейших вертикально интегрированных нефтяных компаний, обеспечивающие около 90 % всей добычи нефти, а также 42 совместных предприятия с иностранным участием. Суммарная протяженность магистральных нефтепроводов около 50 тыс. км, газопроводов – более 150 тыс. км. Несмотря на падение цен на нефть, она остается основным видом топлива для других отраслей большинства мировых держав. Основными поставщиками нефти на мировой рынок являются страны, входящие в ОПЕК. Россия к настоящему времени стабилизировала добычу нефти и, как предсказывали ученые, даже несколько увеличила добычу за счет районов Западной Сибири¹.

Отметим, что все стадии функционирования нефтегазового пользования могут приводить к экологическим проблемам, в том числе загрязнению окружающей среды. При функционировании нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий в атмосферу ежегодно выбрасывается более двух тысяч тонн химических веществ, а в водные ресурсы сливается более семидесяти миллионов тонн загрязненных вод. Не смотря на принятую Энергетическую стратегию России на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ 13.11. 2009 г., № 1715-р2), в которой указана важная проблема в сфере энергетической безопасности - высокий износ основных фондов ТЭК (в газовой промышленности почти 60 %, в нефтеперерабатывающей промышленности 80 %), а также несоответствие производственного потенциала ТЭК мировым достижениям научно-технического прогресса, включая

экологические стандарты качества². Об этом говорится в Концепции развития национальной системы стандартизации РФ, утвержденной распоряжением Правительства РФ 24 сентября 2012 года (№ 1762-р16) на период до 2020 года³. В Концепции уделяется внимание тому, чтобы обеспечить устойчивое развитие отечественной экономике, вернуть России технологическое лидерство необходимо развивать и внедрять современные технологии защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, охранять окружающую среду, регулировать природоохранную деятельность, своевременно определять уровни вредных воздействий на окружающую среду обитания человека. Требуют решения и вопросы экологической оценки деятельности различных субъектов хозяйствования, следует разрабатывать и внедрять современные методы оценки риска для здоровья населения и окружающей природной среды, актуализируется проблема утилизация продукции и отходов нефтегазового производства.

Регулярные аварийные разливы и выбросы нефти, эпизодические прорывы нефте- и газопроводов, нефтегазопроявления и прочие загрязнения окружающей среды приводят к образованию загрязнению и выведению из оборота земель. Для защиты окружающей среды в сфере деятельности нефтегазодобывающих и нефтегазоперерабатывающих предприятий предусматриваются природоохранные мероприятия, которые позволяют ликвидировать разливы путем локализации загрязненного земельного участка и предотвратить распространение выброса нефти с после-

1 Изюмов И.В., Хайруллина Н.Г. Правовые основы государственного и муниципального управления: учебное пособие. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. - 425 с.

2 Энергетическая стратегия России на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р2 // СЗ РФ. - 2009. - № 48. - Ст. 5836.

3 Концепции развития национальной системы стандартизации Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24.09.2012 № 1762-р16). - СЗ РФ. - 2012. - Ст. 5485.

дующим ее сбором⁴. После этого традиционно отмывают водой почву от остаточной нефти, а остатки направляют в дренажную канаву. Для повышения эффективности очистки применяют ПАВ. При этом определенная часть нефти на почве подвергается выветриванию.

Для первоначальной очистки загрязненных участков почвы нефтепродуктами применяют методы естественной очистки, экстракцию нефтяных паров и очистку грунтовых вод, перемешивание воздухом почвы и водного слоя и экстракция выделяющихся паров, установку проницаемого реактивного барьера, инсинерацию загрязненного нефтью почвенного грунта (так называемая технология ex-situ). Кроме того, распространена низкотемпературная термическая десорбция, а в последние годы набирают популярность биотехнологии, среди них микробиологический метод очистки земель с последующим самозарастанием очищенных земель или высевом многолетних трав на месте разлива. В отдельных ситуациях на рекультивируемые участки вносят бактериальные препараты на основе культур высокоактивных штаммов углеводородокисляющих микроорганизмов. Инновационными методами являются методы биоремедиации и фиторемедиации.

В заключение отметим, что при существующих проблемах отрасли, российский нефтегазовый сектор имеет перспективы для развития, при этом необходимо стремиться использовать в большинстве технологических процессов отечественное оборудование, а также разрабатывать и внедрять инновационные биотехнологии, новые продукты и материалы. В Комплексной программе развития биотехнологий в РФ на период до 2020 года, утвержденной в 2012 году (№ 1853п-П8), ставилась задача решения актуальных социально-экономических, энергетических, экологических и других проблем методами и средствами биотехнологии, она на сегодняшний день не решена, но основы для развития создаются, что позволит реализовать намеченные задачи⁵. Согласно прогнозов ученых Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по научно-технологическому развитию России до 2030 года, в области экологических биотехнологий ожидается разработка системы мониторинга загрязнения окружающей среды на основе биотехнологий; восстановление экосистем с использованием живых организмов – биодеструкторов; защита материалов и технических объектов от биоповреждений и биокоррозии⁶. По нашему мнению, государственная политика в нефтегазовой сфере позволит укрепить не только экономику государства, но и позиции России на геополитической карте мира.

Пристатенный библиографический список

1. Закон Тюменской области от 23 декабря 2004 г. Закон Тюменской области «Об охране окружающей среды в Тюменской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=161009287&page=1&rdk=9#I0
2. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. Правительством РФ 24.04.2012 №1853п-П8). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130043/
3. Концепции развития национальной системы стандартизации Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24.09.2012 № 1762-п16). - СЗ РФ. - 2012. - Ст. 5485.
4. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р2 // СЗ РФ. - 2009. - № 48. - Ст. 5836.
5. Изюмов И. В., Хайруллина Н. Г. Правовые основы государственного и муниципального управления: учебное пособие. - Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. - 425 с.
6. Прогноз научно-технологического развития России: 2030. Биотехнологии / под. ред. Л. М. Гохберга, М. П. Кирпичникова. - М.: Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. - 48 с.
7. Хайруллина Н. Г. Устойчивое социально-политическое развитие Тюменской области: динамика индикаторов // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 4 (83). - С. 194-196.

4 Закон Тюменской области от 23 декабря 2004 г. Закон Тюменской области «Об охране окружающей среды в Тюменской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=161009287&page=1&rdk=9#I0; Хайруллина Н. Г. Устойчивое социально-политическое развитие Тюменской области: динамика индикаторов // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 4 (83). - С. 194-196.

5 Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. Правительством РФ 24.04.2012 №1853п-П8). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130043/.

6 Прогноз научно-технологического развития России : 2030. Биотехнологии / под. ред. Л. М. Гохберга, М. П. Кирпичникова. – Москва : Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 48 с.

АЛИЕВ Шапи Изиевич

доктор политических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

КАХРУМАНОВА Шарифа Абусупьяновна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ЧАПТИЕВА Зайнап Шигабутдиновна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ ЧАСТНЫМИ НОТАРИУСАМИ И АУДИТОРАМИ И ЕЁ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В данной статье автор конкретизирует понятие цели преступления, связанного со злоупотреблениями полномочиями частными аудиторами, проанализирован процесс формирования данного понятия в уголовно-правовой науке. Определены функции и уголовно-правовое значение цели преступления, предусмотренного статьей 202 УК РФ. Проанализирована судебная практика и внесено предложение по совершенствованию действующей нормы уголовного кодекса, предусматривающей ответственность за злоупотребление полномочиями частным аудитором.

Ключевые слова: цель преступления, предусмотренного ст. 202 УК, уголовно-правовое значение цели, формирование цели, закрепление цели преступного посягательства, сопряжённого злоупотреблением частным аудитором, совершенствование законодательства.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in political sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

KAHRUMANOVA Sharifa Abusupyanovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

CHAPTIEVA Zaynap Shigabutdinovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

PURPOSE AS A SIGN OF THE SUBJECTIVE PART OF THE CRIME PROVIDED BY ART 202 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, ITS CRIMINAL SIGNIFICANCE

In this article, the author concretizes the concept of the purpose of a crime associated with abuse of power by private auditors, and analyzes the process of forming this concept in criminal law science. The functions and criminal-legal significance of the purpose of the crime provided for by Article 202 of the Criminal Code of the Russian Federation have been determined. Judicial practice is analyzed and a proposal is made to improve the current provision of the Criminal Code, which provides for liability for abuse of authority by a private auditor.

Keywords: the purpose of the crime provided for by Article 202 of the Criminal Code, the criminal-legal meaning of the goal, the formation of the goal, consolidation of the goal of a criminal encroachment, associated with the abuse of a private auditor, improvement of legislation.

Злоупотребление полномочиями частными аудиторами – самостоятельный вид злоупотребления правом. Все чаще в исследованиях поднимается спорный вопрос: является ли злоупотребление правом частным аудитором правонарушающим поведением управомоченного лица, или это универсальная форма деликта?

Из отраслевых законодательных определений административного проступка (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ) и преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) проистекает, что сущностной чертой правонарушения в его правовом аспекте является такое поведение (деятельность) физического или юридического лица, которое причиняет или может причинить вред правам и интересам граждан, организаций, государства и общества, т. е. противоправное деяние. При отсутствии указанных признаков это злоупотребление, не влекущее уголовной или административной ответственности.

Неправомерное поведение – это нарушение императивных норм права, прямых запретов, условий договоров, принципов гражданского права. При злоупотреблении же

конкретный запрет не нарушен, так как лицо законно реализует предоставленное ему законодательством субъективное право. Вместе с тем в случае злоупотребления правом частным аудитором нельзя утверждать, что поведение лица, злоупотребившего своим субъективным правом, правомерно, так как правомерное поведение подразумевает сознательное и полное соблюдение требований норм права, а осуществление права во зло может причинить вред третьим лицам, следовательно, нарушает требование закона о не причинении вреда.

Конституционалисты ссылаются также на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая гласит: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

При квалификации злоупотребления полномочиями частными аудиторами большое значение играет установление субъективной стороны преступного посягательства и в первую очередь определение цели совершаемого антиобщественного деяния. Вообще если учитывать, что впервые тер-

мин «цель преступления» появился в 19 веке, различные споры по вопросу употребления термина «цель преступления» в уголовной практике, а также значении при квалификации преступлений не утихают до сих пор. Ряд учёных полагали, что уголовная практика не нуждается в закреплении понятия цели преступления, считая попытки определения данного понятия искусственными и необоснованными¹. Противоположного мнения придерживались ряд авторов и считали, что закрепление понятия цели преступления в уголовной практике необходимо, и значение цели не стоит недооценивать, в связи с чем «необходимо выделить признаки мотива и цели преступления, которые оказывают влияния на поведения субъекта преступления, что позволит сделать процесс квалификации преступлений более точным»².

Такой подход к рассмотрению вопроса о значении цели преступления, в контексте анализа ст. 202 УК РФ, на наш взгляд, является более обоснованным и эффективным, что обеспечит не допущение ошибок при квалификации данной категории преступлений.

Цель преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ, в большинстве случаев понимается лишь с психологической точки зрения. Цель – это лишь абстрактное представление о том, чего хочет достичь преступник своим деянием, то есть субъективное явление. Результат – это объективное явление, так как оно проявляется в реальной действительности. В рамках анализа ст. 202 УК РФ цель – извлечение выгод и имущества для себя или других лиц как результат причинение существенного вреда интересам граждан или организаций, либо интересы общества или государства.

В судебной практике привлечение аудиторов к уголовной ответственности очень редкое явление, поэтому данный признак характерный для цели этого преступного посяательства можно проанализировать на примере судебной практике по нотариальной деятельности связанной со злоупотреблениями полномочиями. Так например, приговором Советского районного суда г. Воронежа от 08.10.2018 Стахурлов Б.Д. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 202 УК РФ.

Как следует из материалов дела, приговором Советского районного суда г. Воронежа от 08.10.2018, Б.Д. Стахурлов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 202 УК РФ. Указанным приговором установлено, что в соответствии с лицензией на право нотариальной деятельности №, выданной 29.09.1998 управлением юстиции администрации Воронежской области, на основании приказа № 305/лс от 30.12.1998, Б.Д. Стахурлов с 01.01.1999 является нотариусом, занимающимся частной практикой, в нотариальном городском округе город Воронеж Воронежской области.

24.09.2014 в период времени примерно с 10 час. 00 мин. до 14 час. 06 мин. Б.Д. Стахурлов, находясь в помещении служебного кабинета по адресу: <адрес> действуя умышленно, незаконно, вопреки задачам своей деятельности, оформил и удостоверил доверенность серии № от 24.09.2014. Доверен-

ность содержала ложные сведения о том, что ФИО1 уполномочил А.В. Белана управлять и продать за цену и на условиях по своему усмотрению принадлежащие ФИО1 на праве собственности объекты недвижимого имущества. При этом Б.Д. Стахурлов достоверно знал, что ФИО1 не присутствует при оформлении вышеуказанной нотариальной доверенности, его волеизъявление отсутствует. За указанные действия Б.Д. Стахурлов получил материальное вознаграждение в виде денежной оплаты за совершение нотариальных действий в сумме 1800 рублей. Из указанной суммы 500 рублей были направлены на оплату государственной пошлины. Средствами в размере 1300 рублей Б.Д. Стахурлов распорядился по собственному усмотрению. Указанные действия совершены нотариусом из корыстных побуждений, с целью извлечения личной имущественной выгоды в виде получения денежной оплаты за совершение нотариальных действий, а также в целях извлечения материальной выгоды в сумме 135 810 233 руб. для других лиц – А.В. Белана и неустановленного следствием лица.

24.09.2014 в период времени примерно с 14 час. 06 мин. до 17 час. 00 мин. в <адрес> в присутствии нотариуса Б.Д. Стахурлова неустановленное лицо собственноручно расписалось от имени ФИО1 с подражанием его подписи в двух экземплярах доверенности серии № от 24.09.2014 и книге реестра нотариуса за получение доверенности, а А.В. Белан собственноручно внес в указанные документы рукописные записи «ФИО1», «ФИО1» от имени ФИО1 с подражанием почерку ФИО1 Нотариус Б.Д. Стахурлов удостоверил доверенность своей подписью и печатью, а также внес запись о совершении нотариального действия в реестр и передал подложную доверенность А.В. Белану и неустановленному следствием лицу.

Впоследствии в период времени примерно с 10 час. 00 до 17 час. 00 мин. 15.12.2014 по просьбе А.В. Белана нотариус Б.Д. Стахурлов в отсутствие ФИО1 и без его волеизъявления внес исправления в указанную доверенность, изменив ранее неверно указанный адрес одного из земельных участков. Нотариус удостоверил исправление своей подписью и печатью, после вернул доверенность А.В. Белану. На основании вышеуказанной доверенности, а также других документов, А.В. Беланом и неустановленным следствием лицом без ведома и согласия ФИО на иных лиц было переоформлено право собственности на принадлежащие ФИО1 земельные участки и помещения, что повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам потерпевшего. Существенный вред выразился в нарушении его конституционного права на пользование и распоряжение имуществом, а также в причинении ему материального ущерба в сумме 135810 233 рублей. Б.Д. Стахурлов причинил существенный вред охраняемым законом интересам общества и государства, выразившийся в умалении статуса, подрыве авторитета и дискредитации деятельности нотариата в Российской Федерации.

Указанный приговор вступил в законную силу на основании апелляционного постановления Воронежского областного суда от 29.11.2018³.

1 Буров В.С. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Комментарий законодательства и справочные материалы. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

2 Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2013.

3 Решение № 2-3234/2019 от 18 ноября 2019 г. по делу № 2-3234/2019. Центральный районный суд г. Воронежа (Воронежская область). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/OeQJaz34ulUT/>.

Отсюда следует, что такие понятия как цель и результат преступления никак не могут быть тождественны друг другу. Такой же позиции придерживается А. И. Рарог: «Если бы цель и результат преступления представляли собой одно и то же, то смысла в выделении отдельного понятия «цель преступления» нет.

Цель и результат преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ разные по своей сущности, а также по-разному проявляются во времени. Необходимость выделения цели злоупотребления полномочиями частыми аудиторами состоит в том, что благодаря ей мы можем определить общественно опасный характер деяния и степень опасности, поэтому как результат не всегда совпадет с целью.

В случае, когда цель не совпадает с результатом преступного деяния, данный результат незначим для преступника. Это не совсем так, ведь достижение «промежуточной цели» сопутствует достижению «конечной цели», а, следовательно нельзя сказать, что достигнутый результат не важен для субъекта преступления. Так как, цель формируется субъективно в сознании преступника, следовательно, формируется исходя из отношения преступника к обществу и его «низменных» желаний.

Таким образом, цель преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ с социальной стороны характеризует само деяние преступника, то есть является ли оно общественно опасным или нет, так и определяет опасен ли сам субъект преступления для общества (есть ли у него антиобщественная направленность, как свойство личности).

Цель «извлечение выгод и преимуществ» означает в деянном одновременно как выгоды, так и преимущества.

В тех случаях, когда такая цель не ставится, лицо не подпадает уголовной ответственности по данной статье. Поскольку судебная практика в отношении аудиторов по ст. 202 УК РФ отсутствует, мы, опять-таки, ссылаемся на практику возбуждения уголовных дел в отношении нотариусов. Приговором Семилукского районного суда Воронежской области от 06.05.2002г. Э.А. Зинковская признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 ч. 2 п. «б», ст. 202 ч. 2 УК РФ (л.д.44-50).

Так например, Решением Семилукского районного суда Воронежской области от 15.09.2011 г. по делу № Е.П. Левиной в иске к К.А. Кондаковой, администрации Новосильского сельского поселения Семилукского муниципального района Воронежской области о признании завещания недействительным, признании недействительными свидетельства о праве на наследство и свидетельства о государственной регистрации права собственности на жилой дом, возмещении морального вреда, взыскании понесенных расходов отказано; встречный иск К.А. Кондаковой к Е.П. Левиной удовлетворен частично;

Е.П. Левина признана недостойным наследником по закону после смерти П.А. Кондакова, умершего 05.05.2001 г.; признано недействительным свидетельство о праве на наследство по закону, выданное Е.П. Левиной 22.06.2006 г. нотариусом нотариального округа Семилукского района Воронежской области Е.Ю. Быковой (Кирнос), реестровый номер № 3772, для наследования земельной доли площадью <данные изъяты> га из земель сельскохозяйственного назначения для сельскохозяйственного использования СХА (колхоз) «Искра»; за К.А. Кондаковой признано право общей долевой

собственности на земельную долю площадью <данные изъяты> га из земель сельскохозяйственного назначения для сельскохозяйственного использования СХА (колхоз) «Искра», расположенную по адресу: <адрес>, СХА (колхоз) «Искра» в порядке наследования по завещанию после смерти П.А. Кондакова, умершего 05.05.2001г.; с Е.П. Левиной в пользу К.А. Кондаковой взысканы судебные расходы; в остальной части иска К.А. Кондаковой отказано (л.д. 51-61, 73-74).

Е.П. Левина обратилась в правоохранительные органы с заявлением об установлении лица, выполнившего от имени главы администрации Троицкого сельского поселения А.В. Чупахина подпись в справке № 355 от 22.06.2006 г., в которой указано, что Е.П. Левина фактически приняла наследство после смерти П.А. Кондакова Постановлением старшего участкового уполномоченного отделения полиции с. Землянск ОМВД России по Семилукскому району Воронежской области ФИО13 от 10.09.2016 г. отказано в возбуждении уголовного дела в совершении преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, за отсутствием состава преступления в действиях ФИО⁴.

Между тем в современной доктрине обыкновенно не делается акцент на различии категорий «выгода» и «преимущество» применительно к ст. 202 УК РФ. Так, Б.С. Буров в отношении рассматриваемых ситуаций выделяет: а) цели, связанные с материальными благами, в том числе с улучшением возможностей дальнейшего извлечения доходов в будущем; б) цели, связанные с карьерными устремлениями (в широком смысле, т.е. не только с «механическим» должностным ростом, но и с усилением влияния, роли в принятии важных решений и др.); в) цели, связанные с улучшением условий труда. Причем понятия «выгода» и «преимущество» рассматриваются этим исследователем как синонимичные, что считаем спорным. Из 10 изученных автором уголовных дел соответствующей категории только в двух практические работники проводили различие между извлечением виновным лицом выгод и получением преимуществ.

Теперь рассмотрим цель преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ с юридической стороны. Здесь цель проявляется через норму уголовного закона, путём её закрепления в УК РФ. В. Д. Филимонов отмечает, что «закрепляя цель преступления в норме закона, законодатель конкретизирует какая направленность действий преступника, и к достижению какого результата он стремится». Так, законодатель определяет с помощью закрепления цели в законе, какой именно результат и действия для его достижения будут являться преступными. Поэтому с юридической стороны цель преступления, предусмотренного ст.202 УК РФ выступает одним из критериев привлечения лица по тому или иному составу, также характер её общественной опасности влияет на строгость наказания.

Таким образом, цель преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ имеет огромное уголовно-правовое значение. При этом, закрепление цели преступления в норме ст. 202 УК РФ осуществлена способом прямого указания – когда цель чётко определена в норме уголовного закона.

4 Решение № 2-1218/2019 2-1218/2019~М-1100/2019 М-1100/2019 от 25 декабря 2019 г. по делу № 2-1218/2019. Семилукский районный суд (Воронежская область). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/kLBGWMwWgYQJ/>.

Сопоставив цель фактического преступления с целью, закреплённой законодателем по составу 202 статьи УК РФ, правоприменителем проводится квалификация преступления⁵.

Таким образом, обеспечивается единство судебной практики и исключаются противоречия при разном толковании смысла статьи закона и разном понимании цели преступления в составе ст. 202 УК РФ.

Рассмотрев научные труды юристов теоретиков, а также юридическую практику по вопросу значения цели преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ в уголовной практике, можем выделить ряд функций цели данного преступления уголовной практике. Первая функция цели состоит в правильном формировании состава преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ. То есть, законодатель определяет цель преступления как обязательный признак субъективной стороны злоупотребления полномочиями частными аудиторами. Это обеспечивает правильность и точность квалификации преступлений, отграничивая между собой криминальные деяния от не криминальных.

Подводя итог, можем утверждать, что цель как субъективный признак преступления, предусмотренного ст. 202 УК РФ имеет огромное значение в уголовной практике. Обозначенная законодателем цель – извлечение выгод – это получение прибыли, дохода, пользы, блага, ценности. Признак «извлечение преимуществ» не назван в уголовном законе в качестве мотивации служебного поведения и не получил официальных судебных толкований. «Извлечение преимуществ» – это привилегия, превосходство, исключительное право, приоритет, иное предпочтение в сравнении с каким-либо другим субъектом.

В специальной литературе «преимущество» рассматривается как привилегия, прерогатива виновного в сравнении с коллегами; как превосходство, наличие дополнительных возможностей по сравнению с другим субъектом (субъектами) по реализации желаемых действий (например, оказание услуги чиновнику с использованием ресурсов организации может создать лучшие условия по сравнению с условиями других участников, преимущество в победе на конкурсе).

К целям извлечения преимуществ можно отнести создание благоприятного образа о себе, формирование у вышестоящего руководства положительного мнения об объеме и значимости своей служебной деятельности, укрепление своих позиций в обществе, приобретение большего авторитета, усиление влияния, лояльное отношение к виновному лицу подчиненных ему лиц.

В данном случае речь идет о таком идеальном конечном результате, к которому стремится виновное лицо, как приобретение тех или иных «качественных» личностных характеристик, превосходства, которое возвышает или может возвысить виновного в сравнении с другими лицами, повышение «конкурентоспособности» и пр.

Под целью извлечения преимуществ следует понимать стремление виновного лица приобрести такие качественные характеристики, которые возвышают или могли бы возвысить его в сравнении с другими лицами, стать более «конкурентоспособным» перед вышестоящим руководством,

подчиненными, иными лицами. В специальной литературе отмечается, что на цель «извлечение выгод и преимуществ для себя и других лиц» полностью распространяются судебные разъяснения, изложенные в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 касающиеся мотивации «корыстной или иной личной заинтересованности» в составе злоупотребления должностными полномочиями.

Под целью «нанесения вреда другим лицам», указанной в составах злоупотребления полномочиями и злоупотребления полномочиями частными аудиторами, понимается причинение любого вреда как в виде реального ущерба, упущенной выгоды, так и в виде причинения любого иного вреда физическим и (или) юридическим лицам, который выражается в умалении охраняемого законом материального или нематериального блага, в неблагоприятных изменениях имущественного и (или) неимущественного (нематериального) характера.

В связи с этим закономерно возникает вопрос об исключении из действующих законоположений о злоупотреблении полномочиями (ст. 202 УК РФ) таких признаков субъективной стороны, как цели, и установлении особой мотивации криминального поведения специального субъекта преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. - М.: Проспект, 2019.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постат.) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. - 2-е изд. - М.: Проспект, 2015. - Т. 2.
3. Буров В.С. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Комментарий законодательства и справочные материалы. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
4. Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития. - СПб: Юрид. центр Пресс, 2013.
5. Учебник уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Калмыков П.Д. - СПб., 2006.
6. Шнитенков А.В. Ответственность за преступления против интересов службы: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08; [Место защиты: Ом. акад. МВД РФ]. - Омск, 2006.

⁵ Учебник уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Калмыков П.Д. - СПб., 2006. - С. 113–114.

АСКАРОВА Айгуль Ринатовна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЮСУПОВА Светлана Инвировна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЦИДИВУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Данная научная статья содержит обобщенную информацию о причинно-следственных связях повторного совершения гражданами различного рода преступлений. В этой работе изложены предложения по достижению некоторых из целей, направленных на значительное снижение уровня преступности на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: общественная опасность, судимость, социально-экономические проблемы, получение образования, уровень правосознания, правовой нигилизм, ликвидация правовой неграмотности.

ASKAROVA Aygul Rinatovna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

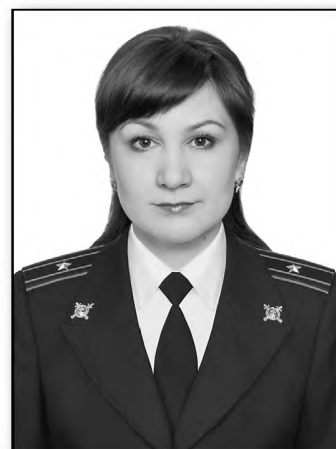
YUSUPOVA Svetlana Invirovna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

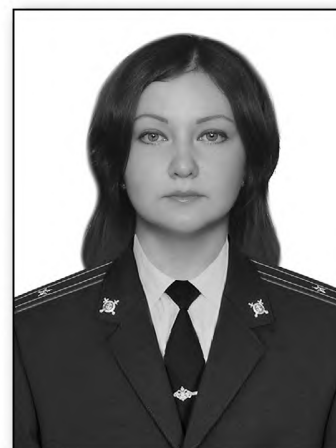
SOME QUESTIONS REGARDING COUNTERACTION TO RECIDIVISM

This scientific article contains generalized information on the cause-and-effect relationships of the repeated commission of various crimes by citizens. This paper sets out proposals for achieving some of the goals aimed at significantly reducing the crime rate in the Russian Federation.

Key words: social danger, criminal record, socio-economic problems, education, level of legal awareness, legal nihilism, elimination of legal illiteracy.

Аскарова А. Р.

Юсупова С. И.

В настоящее время одной из самых наиболее опасных угроз для общественной безопасности в Российской Федерации является рецидив преступлений. Для определения его уголовно-правового значения, следует определить понятие данного явления, вытекающее из смысла части 1 статьи 18 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020), согласно которой рецидивом преступлений признаётся совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление¹.

Для отображения степени общественной опасности и выявления причин возникновения рецидива преступлений целесообразно привести данные статистики из отчёта Генеральной прокуратуры Российской Федерации по состоянию преступности в России за январь-декабрь 2019 года, согласно которым из выявленного 884661 преступления в 2019 году в нашей стране, 261941 преступление было совершено лицами, ранее судимыми за преступления².

Одной из важнейших проблем, по причине которой совершается почти треть преступлений в России, является отсутствие социализации и деградация человека³ как личности в исправительных колониях. Кроме того, отбыв наказание в виде лишения свободы, гражданин практически остаётся без средств к дальнейшему существованию, поскольку уже не имеет возможность устроиться на достойно оплачиваемую работу, что вынуждает его повторно совершать новые преступления.

Существенной социально-экономической причиной совершения как впервые, так и повторных преступлений является ограниченность в получении соответствующего профессионального образования и высокий уровень безработицы в государстве. С целью существенного снижения рецидива преступлений⁴ предлагается расширить возможности получения осужденными гражданами среднего и/или высшего профессионального образования. Для мотивации к приобретению лицами, отбывающих наказание в местах лишения свободы, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами общих и профессиональ-

1 «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. - Выпуск № 25. - Ст. 2954. - 1996. | «The Criminal Code of the Russian Federation» dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 31.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. Issue № 25. - Art. 2954. - 1996.

2 Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. – Москва, 2019. The state of crime in Russia in January - December 2019 // General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Main Department of Legal Statistics and Information Technologies. – Moscow, 2019.

3 Аскарова А. Р. Некоторые проблемы деформации нравственности и сознания человека на почве злоупотребления алкоголем и иными одурманивающими веществами // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2018. – № 2 – С. 66-70.

4 Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственный редактор А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 410 с.

ных компетенций по выбираемому ими профилю специальности, предлагается учитывать стремление осужденных граждан к получению ими образования при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении.

Выработка профессиональных навыков в процессе обучения лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, однозначно приводит к повышению уровня их социализации, осознания всех преимуществ ведения правомерного образа жизни над неправомерным поведением, готовности к дальнейшему осуществлению непротиворечащей закону трудовой деятельности, приносящей пользу, как самому гражданину, так и обществу, и государству в целом.

В настоящее время немаловажную роль в стабильно интенсивном росте рецидива преступлений играет дискриминация по признаку судимости в трудовой деятельности. Гражданам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, работодатели необоснованно предпочитают выплачивать, в подавляющем большинстве случаев, минимальные размеры оплаты труда. В таких условиях работы не берутся во внимание профессиональные навыки и личностные качества у ранее осужденных граждан. Данные факторы угнетают этих граждан, подталкивая их на совершение новых общественно опасных деяний с целью обеспечения себе минимального достойного уровня жизни.

С целью искоренения подобного рода дискриминации предлагается субсидировать из бюджетных средств работодателей, готовых обеспечить гражданина, имевшего судимость, достойным уровнем заработной платы и предоставления ему работы, соответствующей его профилю квалификации и специализации.

Стоит отметить, что стремительно растущий в России рецидив преступлений является следствием достаточно низкого уровня правовой культуры среди населения, являющегося одновременно показателем правового нигилизма среди российских граждан. Данное явление отмечается уже достаточно продолжительное время и выражается в массовом негативном отношении к действующему российскому законодательству, которое отдельные группы граждан предпочитают игнорировать или нарушать. Причинами этому служит правовая (юридическая) неграмотность подавляющего большинства населения России.

С целью искоренения правового нигилизма в нашей стране, приводящему впоследствии к совершению и рецидиву преступлений, целесообразно повышать уровень правовой культуры и правосознания у граждан России начиная с самого детства. В программы дошкольного, начального, основного общего, среднего и высшего образования целесообразно дополнительно ввести дисциплины по ликвидации правовой неграмотности, доступным образом объясняющие основы действующего российского права, а также тяжесть последствий несоблюдения тех или иных требований закона.

Немаловажную роль играют взаимоотношения лиц, приговоренных к наказанию в виде лишения свободы, со своей семьёй, родственниками и друзьями. В это время особенно важно осужденным гражданам поддерживать теплые отношения со своими близкими людьми для предотвращения деградации их как личностей, потери их социально значимых полезных качеств. С этой целью рекомендуется внести изменения и дополнения в действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, которые увеличат количество разрешенных свиданий родственников с осужденными, и будут предназначаться не как способ поощрения осужденных за примерное поведение, а

как обязательное средство профилактики начала процесса десоциализации осужденного гражданина, что должно послужить к пересмотру на законодательном уровне главы 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08 января 1997 года № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

Помимо всего прочего, необходимым условием снижения уровня рецидива преступлений является искоренение популяризации криминальных субкультур среди осужденных, пропагандирующих ведение преступного образа жизни. С этой целью должностным лицам органов системы исполнения наказаний, ответственным за воспитательную работу, предлагается активнее распространять и популяризировать классическую культуру, отражающие высокие нравственные и моральные ценности среди граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Данная деятельность может быть выражена в организации осужденными театральными постановок, коллективном просмотре фильмов и чтении литературы, которые должны подталкивать этих граждан к исправлению на основе сопоставления их самих с главными действующими лицами этих произведений искусств. Особенно важно исключить из тематической программы, предназначенной для осужденных, любые проявления противоправных деяний и элементов порнографии, как инструменты, препятствующие восстановлению морального облика гражданина.

Снижение уровня преступности в Российской Федерации, в частности, путём уменьшения роста рецидива преступлений представляется вполне реальным, однако для достижения данной поставленной цели необходимы усиленные совместные действия различных органов государственного аппарата и органов местного самоуправления на всех уровнях власти при условии тесной консолидации с населением нашей страны, проявляющейся в его нетерпимости к любым формам и проявлениям противоправных деяний.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020).
2. Аскарлова А. Р. Некоторые проблемы деформации нравственности и сознания человека на почве злоупотребления алкоголем и иными одурманивающими веществами / А. Р. Аскарлова // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2018. – № 2 – С. 66-70.
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. – Москва, 2019. The state of crime in Russia in January - December 2019 // General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Main Department of Legal Statistics and Information Technologies. – Moscow, 2019.
4. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственный редактор А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 410 с.

БИДОВА Бэла Бертовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Автором проведен анализ проблемы обеспечения национальных интересов как многоуровневого, сложного и системного процесса. Проведено содержательное осмысление фундаментальной категории «национальный интерес» в контексте обеспечения национальной безопасности. Сделаны выводы о том, что обеспечение национальной безопасности РФ представляет собой комплексный и многосторонний процесс, заключающийся в согласованных действиях национальных и общественных институтов при содействии гражданского общества, направленных на то, чтобы обнаружить и упредить угрозы безопасности личности, социума и государства, и всецело противодействовать им, чтобы защитить национальные интересы страны. Повышенное внимание в данном вопросе уделяется стратегии обеспечения национальной безопасности РФ. Для этого требуется выработать целостный и непротиворечивый научный подход, позволяющий не только формулировать базовые целевые установки, описывающие аспекты функционирования сложившегося государства, но и очерчивать приоритетные направления для правительства, заботящегося о защите национальной безопасности.

Ключевые слова: интерес, нация, общество, национальный интерес, национальная безопасность, система права, уголовное право.

BIDOVA Bela Bertovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the Chechen state University

NATIONAL INTERESTS AND THEIR REFLECTION IN THE CRIMINAL LAW SYSTEM

The author analyzes the problem of ensuring national interests as a multi-level, complex and systematic process. A meaningful understanding of the fundamental category "national interest" in the context of national security is carried out. It is concluded that ensuring the national security of the Russian Federation is a complex and multi-sided process consisting of coordinated actions of national and public institutions with the assistance of civil society, aimed at detecting and anticipating threats to the security of the individual, society and the state, and fully countering them in order to protect the national interests of the country. Special attention is paid to the national security strategy of the Russian Federation. To do this, it is necessary to develop a holistic and consistent scientific approach that allows not only to formulate basic goals that describe aspects of the functioning of the established state, but also to outline priority areas for the government that cares about protecting national security.

Keywords: interest, nation, society, national interest, national security, legal system, criminal law.

В сегодняшних реалиях социум и государственные институты в РФ проходят через модернизационные преобразования, целью которых является формирование и укрепление свободного рынка и демократических институтов, во многом обуславливаемых существованием гражданского общества и его устойчивостью, а также верховенством закона. Вот почему помимо государства роль субъектов в данной деятельности отводится и обычным гражданам, участвующим в социальных взаимодействиях. Содействие гражданского общества в определенной мере гарантирует защиту национальных интересов страны, которые, в свою очередь, в значительной степени обеспечивают национальную безопасность. Отсюда становится очевидной взаимосвязанность личностных, государственных и национальных интересов. Именно по этой причине нацбезопасность трактуют как защиту в равной степени интересов отдельных граждан, социума и государства. В то же время именно государство обязано выполнять основные функции в данном процессе, поскольку приоритетными направлениями для него должно быть отстаивание национальных интересов и легитимных интересов граждан, что в свою очередь выступает залогом существования целостности страны. При невыполнении вышеуказанных функций становится неизбежным постепенное разрушение государства, чему есть немало подтверждений в мировой истории. Эта точка зрения станет отправной в рассмотрении национальных интересов и их осуществления в вопросах обеспечения национальной безопасности методами уголовно-правового регулирования.

Категория «интерес» активно исследуется многими научными дисциплинами, рассматриваются ее социологический, психологический и правовой аспект, а расхождения

в трактовках указанной категории объясняются разницей в объективной и субъективной оценке интереса. Эта категория отличается комплексным характером, поэтому ее трактуют различным образом, исходя из специфики научной дисциплины, в рамках которой она исследуется. К примеру, в психологии под интересом подразумевается нацеленность внимания индивида на нечто определенное, а в экономике – объективно существующая потребность в удовлетворении возникающих и непрерывно меняющихся нужд конкретного индивида, группы индивидов, социальной страты либо социума в целом¹.

Значимость интересов в общественной сфере была замечена довольно давно. В частности, Гельвеций полагал, что духовный мир в такой же степени зависит от человеческих интересов, как материальный – от законов физики, и что взгляды индивида полностью предопределяются его интересами². В то же время Гольбах писал, что интерес выражает то, что человек полагает важным для достижения личного счастья, поэтому полное отсутствие интересов невозможно, все люди имеют их.

Восприимчива интерес в качестве объективного феномена, можно детально проанализировать проблему социальной обусловленности права. Взаимосвязь интересов и права опосредуется специальной социальной категорией, в качестве которой выступает общественное сознание. Для реализации интереса на практике с применением правовых механизмов требуется сначала четко определить объективный интерес, а затем выбрать соответствующий правовой инструмент и удо-

1 Каиржанов Е.К. Категория «интерес» и ее уголовно-правовое значение // Труды Карагандинской ВШ МВД СССР. 1975. Вып. 2. С. 47.
2 Гельвеций К.А. Об уме. М.: Госиздат, 1938. С. 38.

стовериться в его адекватности поставленной задачи. В социуме образуется характерная взаимосвязь между объективными интересами, общественным сознанием и правом.

Эта взаимосвязь обуславливает правотворческий процесс и образование правоотношений, беспристрастно отображающих реально существующие интересы общества. Переход от нормы права к реализации легитимного интереса невозможен без прохождения через общественное сознание. Уровень реализованности нормы права, субъективного права (либо обязательств) в осуществлении очевидных интересов конкретного субъекта, отражающего в социальных взаимодействиях, обуславливается осознанием данных потребностей, а также знанием законодательства, направленного на регулирование подобных взаимодействий, наличием предыдущего опыта и способностью действовать в таких обстоятельствах, развитостью правовой культуры и иными условиями, сопряженными с общественным сознанием.

В ситуации, когда правоведы включают понятие интереса в юридические конструкции, оно непременно представляется категорией, отражающей объективный феномен. К примеру, Б.С. Никифоров акцентировал внимание на том, что противозаконное покушение на субъективное право конкретного индивида, напрямую нарушает его интересы, следовательно, объектом преступления выступают не действия индивидов, обязательства либо нечто иное, выражаемое категориями права и этики, а оберегаемый законом интерес субъекта, неотъемлемый элемент социального взаимодействия, пострадавший в результате преступления. Также он полагал, что, верно определив данные интересы, можно увидеть, что они являются неотъемлемым элементом социалистических общественных взаимоотношений, а не чем-то самостоятельным³.

По нашему мнению, объективно-субъективное толкование феномена интереса на практике носит субъективистский характер, поскольку, в первую очередь интерес трактуется как осмысление индивидом собственных легитимных нужд, что эквивалентно субъективному восприятию интереса. Кроме того, в рамках формальной логики дуализм в толковании научного термина считается недопустимым, иначе становится допустимым предположение, что установленная категория по-разному показывает себя в зависимости от того, какая из ее сторон подвергается анализу.

Мы согласны с мнением П.В. Анохина касательно того, что в отношении социальных явлений допустима трактовка «интереса» как потребностей участников общественных отношений⁴. Однако поскольку в перечень субъектов подобных взаимодействий входят не только индивидуумы, но и различные общности, включая страну в целом, появляются трудности соотношения персональных интересов граждан с государственными. В социальных науках данной проблеме уделяется огромное внимание, поскольку ее толкование во многом обуславливает характер и содержание научных концепций. С учетом вышеуказанных аспектов стоит рассмотреть два ключевых, классических подхода. Первый из них подразумевает, что главное место должны занимать индивидуальные потребности. Но мы придерживаемся второго подхода, в рамках которого основной приоритет отдается государственным интересам, центром которых выступают всеобъемлющие национальные интересы, отражающие (вернее, обязанные отражать) чаяния граждан, социума и государства в целом. Вот почему государство обязано отстаивать собственные интересы, только так оно будет в состоянии отстоять национальные интересы и легитимные индивидуальные интересы граждан.

Однако совершенно закономерно появляется достаточно противоречивый вопрос касательно приоритетности государственных интересов над индивидуальными, обсуждавшийся философами и мудрецами со времен античности. С формированием национальных общностей, когда термин «государство» стал предметом рассмотрения в философии и праве, стали развиваться соответствующие взгляды касательно его ведущей роли, а также приоритетности национальных

интересов, выражающих интерес особой коллективной общности, состоящей из множества индивидов, чье объединение в единый коллектив делает возможным их нормальное существование и развитие. С этой точки зрения граждане обязаны служить государству, а при необходимости жертвовать своей жизнью либо своими индивидуальными потребностями.

Опираясь на вышеприведенные позиции, можно увидеть, как происходит отождествление национальных интересов с общественными. Следует заметить, что на практике представлениями об «общем благе» зачастую замещалась идея национального интереса, впрочем, происходила и противоположная подмена.

Национальный интерес с точки зрения классовой теории де-факто выражает интересы социальной страты, занимающей главенствующее положение в обществе. По мнению профессора В.С. Сказкина, господствующая социальная страта преподносит собственные интересы в виде «общего блага», которое обязано защищаться государством, в том числе посредством принуждения и силовыми методами при необходимости⁵.

Нередко наравне с фразой «национальный интерес» применяется другая формулировка – «публичный интерес», который определяется как нечто, представляющее неоспоримую ценность для социума в целом и отдельных категорий населения, и способное удовлетворить определенные людские потребности, а потому нуждающееся в отстаивании в рамках действующего законодательства.

Как полагает Ю.А. Тихомиров, различие между национальным и публичным интересом заключается в том, что первый является частью международного права и распространяется на государственный суверенитет, в то время как второй подразумевает служение государства гражданам и социуму в целом, защиту общественных и индивидуальных интересов. По мнению ученого, публичный интерес представляет собой получивший официальное признание на государственном уровне и правовое обеспечение интерес общественной группы, чья реализация позволит этой группе существовать и развиваться. Кроме того, Ю.А. Тихомиров выдвигает 6 условий, выполнение которых позволяет реализовать публичные интересы: 1) соблюдение Конституции; 2) защита государственных границ и правопорядка в стране; 3) стабильность действующей власти и властных структур; 4) законодательное разделение полномочий госорганов и их зон ответственности; 5) политическая и гражданская активность населения; 6) превалирование национальных интересов в экономической и культурной сфере. В последующем ученый приравнивает национальные интересы к публичным, полагая, что приоритетность первых выступает залогом реализации вторых⁶.

С нашей точки зрения на первом месте должны находиться именно национальные интересы, а не общественные или индивидуальные, причем это должно быть зафиксировано на законодательном уровне.

В рамках Уголовного Кодекса РФ активно используется термин «интерес», которым обозначается объект правонарушения. Тем не менее, нынешняя редакция Уголовного Кодекса (1996 года) отличается от советской (1960 года) тем, что в ней присутствуют 22 статьи, в которых говорится о защите гражданских, общественных и государственных интересов, кроме того, значительно увеличен перечень субъектов, чьи интересы защищены на законодательном уровне. В частности, в статье 12, посвященной действию УК в отношении граждан, осуществивших преступное деяние за пределами РФ, упоминаются интересы российского государства, под которыми в подобной ситуации подразумеваются как общенациональные, так и индивидуальные интересы людей, имеющих гражданство РФ.

В ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» от правонарушений, представляющих опасность для общества, защищаются не только государственные интересы, но и интересы социума, и формулировка не оставляет сомнений

3 Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Юриздат, 1960. С. 68.

4 Анохин П.В. Национальные интересы и права человека: соотношение и приоритеты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 11.

5 Сказкин В.С. Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI-XVIII веках / Под ред.: А.А. Громыко. М.: Издательство Политической литературы, 1979. С. 172.

6 Тихомиров Ю.А. Публичное право: падение и взлеты // Государство и право. 1996. № 1. С. 5.

в том, что интересы граждан преобладают над остальными. Аналогичные формулировки присутствуют в ст. 39, 40, 41, 42 УК РФ. Отталкиваясь от правил доктринального толкования, можно сказать, что в высказывании о причинении ущерба охраняемым УК интересам, в равной степени подразумеваются индивидуальные, общественные и государственные интересы. В частности, в ст. 292 УК РФ «Служебный подлог» для конкретизации преступного деяния используется фраза о наличии корысти либо другого личного мотива. В ст. 136, 140 и 343 УК РФ законодатель рассматривает субъекта интереса исключительно как индивида. В ст. 163 и 179 УК РФ субъект интереса конкретизируется в наивысшей степени, поскольку описывается, с учетом правового статуса, следующей фразой: «потерпевший и его близкие». Также детализация субъекта законодательно защищаемых интересов присутствует в ст. 169 УК РФ, где составитель описывает его как частного предпринимателя либо коммерческую компанию. В ч. 1 ст. 201 УК РФ упоминаются граждане и юридические лица, в ч. 2 той же статьи – компании, занимающиеся «исключительно» коммерцией, но в ч. 3 – иные разновидности юридических лиц, индивиды, социум и государство. Также граждане, юридические лица, социум и государство рассматриваются в качестве субъектов интересов в рамках ст. 202, 285, 286, 288 и 293 УК РФ.

Достаточно нестандартно законодатель описывает охраняемого объекта в ст. 332, 340 и 341 УК РФ, где отсутствует упоминание о субъектах социальных взаимоотношений. В частности, в ст. 332 рассказывается о нанесении значительного ущерба «интересам службы». Безусловно, тут речь идет только о военной службе, чьи интересы играют роль компонента определенных социальных взаимоотношений, а конкретно – их предмета (либо объекта). В то же время в ст. 340 и 341 в качестве предметов (объектов) социальных взаимоотношений выступают интересы госбезопасности.

Стоит отметить, что трехкратный рост численности статей, в которых составители упоминают слово «интерес», чтобы обозначить законодательно охраняемые объекты, говорит о повышении значимости этой понятийной категории, описывающей объект правовой защиты.

Отчетливо видно, что о правах и легитимных интересах российских граждан, как и общественных и государственных интересах в законодательстве напрямую говорится только в ситуации, когда в диспозиции правовой нормы нельзя полностью перечислить все объекты (блага), ущерб которым может быть нанесен в той или иной форме при противозаконных действиях.

Необходимо заметить, что теоретические выкладки разных ученых, занимавшихся в собственных работах изучением понятия объекта правонарушения при помощи категории «интерес», были отражены в российском уголовном праве.

Национальные интересы РФ представляют собой сложное, разноаспектное понятие, в которое входят проблемы, напрямую сопряженные с государственной безопасностью и территориальной целостностью страны:

– этносоциальные проблемы, появляющиеся в силу воздействия, оказываемого географическими условиями, и затрагивающие взаимодействия представителей разных этносов, включая межэтнические столкновения, экстремистские выходы националистов и пр.;

– противозаконные действия любой направленности (экономические преступления, коррупционность представителей власти, действия крупного криминалитета, террористов и экстремистов, и пр.);

– экономические проблемы, появляющиеся из-за значительной разницы в степени развитости российских территорий, их разделения на регионы-доноры и получателей дотаций, огромной пропасти между ними в энергетике и сырьевой области, и пр.

Чтобы государство было в состоянии эффективно решать проблемы в сфере национальной безопасности, основным приоритетом в области защиты общественных отношений для него должны выступать национальные интересы РФ. Кроме того, необходимо определить структуру и перечень ключевых направлений действий государства, призванных обеспечить и отстоять эти интересы с помощью уголовно-правовых инструментов. Действующая на сегодняшний день

концепция защиты общественных отношений устарела, а потому нуждается во всесторонней переоценке и реформировании с учетом текущей правовой политики РФ, которой придерживаются все госорганы, включая правоохранителей. С учетом всего вышеперечисленного, роль центрального документа, служащего фундаментом для выработки ключевых направлений уголовно-правовой политики страны и разработки комплекса мер по ее осуществлению, обязана выполнять Стратегия национальной безопасности РФ.

Мы придерживаемся позиции, что основным национальным интересом РФ является забота о национальной безопасности, поскольку это гарантирует адекватное функционирование правовой системы в стране, защищенность не только гражданских прав, но и охраняемых общественных и государственных интересов, что в свою очередь делает возможным поддержание нормальной жизнедеятельности граждан и социума в целом.

Формулируя определение национальной безопасности РФ, мы руководствуемся тем фактом, что исключительно у государства, побуждаемого стремлением отстоять собственные интересы, имеются все необходимые инструменты, позволяющие защитить население страны от различных угроз, исходящих изнутри или извне, и не допустить нанесения ущерба здоровью граждан, их экономическому благополучию, общественной морали и нравственности, экологической обстановке, внутренней и внешней политике страны, а также успешно противостоять информационным атакам. Мы полагаем, что лишь государство обладает полным перечнем требуемых социальных, политико-правовых, экономических и других инструментов, позволяющих сохранить духовные ценности, присущие многонациональному народу РФ, способствовать развитию экономики, отстоять территориальную целостность и независимость страны во внешнеполитическом поле, защитить действующий государственный строй, обеспечить гражданские права и свободы, и минимизировать риск нанесения ущерба стране.

Принимая во внимание вышеперечисленные доводы, мы считаем необходимым на юридическом уровне зафиксировать, в т.ч. в рамках УК РФ, что именно охрана национальных интересов страны, суть которых состоит в поддержании национальной безопасности РФ, обязана преобладать при осуществлении аспектов правовой политики, направленной на защиту от противоправной деятельности общественных отношений, благополучия и легитимных интересов отдельных граждан и населения в целом.

Пристайный библиографический список

1. Каиржанов Е.К. Категория «интерес» и ее уголовно-правовое значение // Труды Карагандинской ВШ МВД СССР. 1975. Вып. 2. С. 42-49.
2. Гельведий К.А. Об уме. М.: Госиздат, 1938. 257 с.
3. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М.: Юриздат, 1960. 329 с.
4. Анохин П.В. Национальные интересы и права человека: соотношение и приоритеты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 22 с.
5. Сказкин В.С. Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI-XVIII веках / Под ред.: А.А. Громыко. М.: Издательство Политической литературы, 1979. 766 с.
6. Тихомиров Ю.А. Публичное право: падение и взлет // Государство и право. 1996. № 1. С. 2-9.

БРАШНИНА Оксана Александровна

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Сибирского института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, аспирант Сибирского юридического университета

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЯ ОРУЖИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД В РОССИИ

В 2019 году в Российской Федерации выявлено 26557 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, из которых 1049 это хищение либо вымогательство оружия. При этом действующие нормативно-правовые акты, регулирующие оборот оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, претерпевают изменения. Таким образом, анализ исторического развития законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия сегодня приобретает значительную актуальность.

Анализируются исторические предпосылки развития норм об уголовной ответственности за хищения оружия в дореволюционном отечественном уголовном законодательстве, выделяются основные тенденции их криминализации в рамках имущественных преступлений, выделения их в самостоятельные составы, а также дифференциации уголовной ответственности за хищение оружия в зависимости от государственного закрепления и регулирования предмета преступления, а также уровня юридической техники. Делается вывод, что анализ истории развития уголовной ответственности за хищения оружия свидетельствует, что она не отличалась постоянством и стабильностью.

Ключевые слова: хищение, оружие, историческое развитие, незаконный оборот оружия.

BRASHNINA Oksana Aleksandrovna

senior lecturer of Criminal law and process sub-faculty of the Siberian Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation, postgraduate student of the Siberian Law University

THE EVOLUTION OF NORMS ABOUT THE CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT OF WEAPONS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD IN RUSSIA

In 2019, 26557 crimes related to illegal arms trafficking were detected in the Russian Federation, of which 1049 are theft or extortion of weapons. At the same time, the current legal acts regulating the circulation of weapons, explosives and explosive devices are undergoing changes. Thus, the analysis of the historical development of legislation on liability for illegal arms trafficking is becoming very relevant today.

The author analyzes the historical background for the development of norms on criminal liability for theft of weapons in the domestic criminal legislation, highlights the main trends of their criminalization in the framework of property crimes, their separation into independent structures, as well as differentiation of criminal liability for theft of weapons depending on the state consolidation and regulation of the subject of the crime, as well as the level of legal technology. It is concluded that the analysis of the history of criminal responsibility for theft of weapons shows that it was not characterized by constancy and stability.

Keyword: theft, weapons, historical development, illegal arms trafficking.

Брашнина О. А.

Оружие – наиболее опасный и древний предмет. В условиях родоплеменного строя оно являлось маркером полноправного члена общества: так, в период военной демократии только мужчины, владеющие оружием, имели право голоса на собрании общины. Среди самых ранних письменных источников о хищении оружия можно выделить Судный Закон и Русскую правду.

В краткой редакции Русской правды впервые говорится о хищении оружия как об отдельном предмете хищения в ст. 13: «Аще поимет кто чужь конь, любу оружие, любу порт, а познает в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду»¹. В ст. 34 Пространной редакции также содержится указание на возмещение за похищение коня, оружия или одежды, причем хищение прочей скотины рассматривается в отдельной ст. 35, т.о. можно полагать, что ст. 34 описывает ситуацию, характерную для жизни княжеской дружины. В отличие от Судного Закона здесь меняется санкция: вместо телесного наказания за хищение оружия – штраф в 3 гривны. Очевидно, что оружие рассматривалось как повседневное снаряжение

мужчины (чаще княжеского дружинника), который имел право защищать себя и свое имущество, а не объект специального публично-правового запрета, поскольку на этом этапе феодальное государство еще не осуществляло контроля за распространением оружия или его оборотом². Кроме того, сам памятник Русская правда демонстрирует лишь два вида преступлений – против личности и против имущества, тем самым исключая понятие об общественной безопасности и его охране.

Псковская Судная грамота 1467 г. (далее – ПСГ) и Новгородская Судная грамота 1471 г. не упоминают хищение или кражу оружия, но нег оснований считать, что по данным видам преступления не возникало ответственности.

Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. стали первым общерусскими сводами законов, призванными обеспечить единообразие судебного процесса на всей территории государства. Ряд норм касался наиважнейших с точки зрения законодателя вопросов: выделяются квалифицированные составы пре-

1 Русская Правда (краткая редакция) // Отечественное законодательство XI-XX веков. – Ч. 1. XI-XX века/ Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1999. – С. 21.

2 Рудник В. В. История развития законодательства России об ответственности за правонарушения, связанные с оборотом оружия и боеприпасов (дореволюционный период) // Юристъ-правоведь. – 2014. – № 3 (64). – С. 92.

ступлений (кража из церкви и кража людей – «головная татьяба»); расширяется состав преступлений против государства; появляются положения о «лихих людях», т.е. разбойниках. Таким образом, нормы Судебников направлены на защиту общественного порядка, однако отсутствие норм о незаконном обороте оружия косвенно может свидетельствовать о невысокой оценке его общественной опасности. Безусловно, хищение оружия имело место, поскольку с конца XV в. формируется многочисленная поместная армия, происходит переход на прогрессивные и дорогостоящие виды вооружения (ратные люди обязаны были иметь не только холодное, но и огнестрельное оружие). Однако хищение оружия все еще рассматривалось в рамках преступлений против имущества, причем в Судебниках нет дифференциации ответственности за кражу с учетом значимости предмета преступления, как это было в древнерусском праве.

Соборное Уложение 1649 г. (далее – СУ) впервые закрепляет отдельную норму о хищении оружия в Главе VII, где законодательной регламентации подверглись ратные люди, т.е. армия. За кражу оружия у военнослужащего устанавливается телесное наказание (битье кнутом) согласно ст. 28 Главы VII «О службе всяких ратных людей Московского государства»: «А будет кто, будучи на службе в полках, у кого украдет ружье, и того бити кнутом нещадно, а что украл и то на нем доправит и отдать тому, у кого он украл»³. Субъектом преступления является такой же военнослужащий, т.е. дело происходит в военное, а не мирное время⁴. Кроме того, телесному наказанию подвергается любой преступник, независимо от его сословной принадлежности – будь то боярин или рядовой «даточный человек». Нет указаний на случаи, когда оружие у ратных людей могли похитить гражданские лица, нет отдельных статей о хищении вооружения, принадлежащего гражданским лицам. Очевидно, что ответственность за подобные деяния наступала по статьям об имущественных преступлениях. Прочие статьи об оружии в СУ касаются преступлений при государевом дворе: обнажение оружия или сражение при царском дворе; ношение и использование луков и огнестрельного оружия без государева указа (Ст. 2-7, Глава III)⁵.

В условиях масштабных государственных и военных реформ Петра I происходит дальнейшее развитие норм о хищении оружия. Если до реформ обмундирование и часть оружия все еще могли оставаться собственностью ратных людей, то теперь армия была поставлена на государственное обеспечение и все предметы вооружения оказались под особым военно-государственным контролем.

Ключевыми документами о незаконном обороте и хищении оружия являются Артикул воинский 1715 г. и Устав морской 1720 г. Как и в СУ, хищение вооружения включено в преступления, вредящие интересам военной службы. Ответственность за противоправное обращение с оружием описывается в следующих главах: Глава 6 «О воинских припасах, ружье, мундире, о потрате и небрежении оного» Артикула воинского 1715г.; Глава 4 Книги 5 «О кораблях, магазинах, о воинских корабельных припасах, ружье, мундире, амуниции, о потрате и небрежении оного» Морского устава 1720 г. Артикул воинский вскоре был распространен не только на военных, но и гражданское население страны и стал выполнять функции общего уголовного закон (вплоть до издания в 1832 г. XV тома Свода Законов Российской империи).

Хищения вооружения в основном подпадали под определение квалифицированной кражи: со склада; у товарища (здесь предметом кражи могло являться не только оружие). Артикул 191 устанавливал следующие виды ответственности: «Ежели кто украдет... из артиллерии, магазейну, амуниции или цейхгаузу его величества... или на месте, где он караул имел, оный хотя много или мало украл, имеет быть повешен»⁶. Устав морской 1720 г. в качестве санкций за указанные действия предусматривал: смертную казнь через повешение или «вырезав ноздри, с наказанием сослан будет на галеру»⁷.

Со второй половины XVIII в. российский законодатель впервые переходит к правовой охране общественной безопасности, появляется ряд новых норм, регулирующих оборот и

использование оружия. Устав благочиния или Полицейский устав 1782 г. затрагивает незаконное ношение или использование оружия (под «оружием» понимается только холодное или огнестрельное, а не предмет совершения преступления в целом). Законодатель со всей серьезностью воспринимает незаконное ношение оружия как общественно опасное деяние (ст. 213), впрочем, не влекущее тяжких последствий: «Буде кто в городе учнет носить орудие, кому узаконение того не дозволяет или предписывает, с того, отобрав орудие без возврата, взыскать пеню дневное содержание рядового, и сажать под стражу, дондеже заплатит» (ст. 255). Незаконное использование оружие на людях (ст. 261 п. 4) влекло отдачу под суд⁸.

Для понимания логики развития законодательства в имперскую эпоху важно учитывать, что граждане обладали правом с целью самообороны приобретать и хранить огнестрельное оружие. Это право не имело явных ограничений, тем не менее государство ощущало растущую потребность в контроле за оборотом оружия всех разновидностей, что и было закреплено в Своде Законов Российской империи и Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г.⁹ (далее – Уложение) В Уложении впервые выделяются в отдельную группу преступлений посягательства на общественную безопасность¹⁰: раздел «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» содержал главу «О нарушении общественного спокойствия, порядка и ограждающих их постановлений».

При составлении Уложения проявились глубокие изменения в области преступлений против собственности. Так, новшеством стало объединение кражи, грабежа, мошенничества и разбоя общим понятием «похищение». Похищение имущества распалось на множество видов, выделяемых с учетом особенностей предмета, обстановки, способа действия, субъекта преступления. Несмотря на свою обширность (2224 статьи), Уложение не содержало специальных норм о хищении предметов вооружения, описывая это деяние в составах иных преступлений против собственности. Это можно объяснить тем, что расширение системы санкций за преступления против чужой собственности и правоприменительная практика не требовали от законодателя разработки специальных норм, повышающих ответственность за хищение оружия.

В период буржуазных реформ второй половины XIX в. произошли очередные глубокие изменения в законодательстве. После издания судебных уставов 1864 г. часть норм из Уложения была перенесена в «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», поэтому в редакции Уложения 1866 г. осталось две из восьми ранее существовавших статей по вопросам оборота оружия и боеприпасов, а в редакции 1885 г. появились три статьи об ответственности за нарушение правил оборота пороха и других взрывчатых веществ¹¹. Также в сфере незаконного оборота оружия можно выделить ст. 341 «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» 1857 г., где вводился запрет «всем и каждому носить оружие кроме тех, кому законом то дозволяет или предписывает»¹².

Составители Уложения 1903 г. опирались на родовое понятие «похищения» или «имущественного хищничества», близкое к современному понятию хищения. Система имущественных преступлений пересматривалась с точки зрения ее укрепления и упрощения¹³. Ст. 582 главы XXII «О воровстве, разбое и вымо-

3 Российское законодательство X–XX веков. Т. 3: Акты Земских Соборов. – М., 1985. – С. 97.

4 Там же. – С. 273.

5 Там же. – С. 90.

6 Российское законодательство X–XX вв. – Т. 4. – С. 365.

7 Устав морской 1720 г. Законодательство Петра I. – М., 1997. – С. 326.

8 Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 368, 378, 379.

9 Сошина Л. А. История отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия (1917–1945 гг.) // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 4 (43). – С. 85

10 Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: НОРМА, 2001. – 208 с.

11 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Изд. Н.С. Таганцевым. – СПб., 1892. – С. 986–987.

12 Тростянский А. Г. Законодательное регулирование оборота оружия в России: история и современность // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2015. - Т. 3. – № 3 (11). – С. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/trostiansky_ag_15_3_02.pdf.

13 Пирогов П. П. Основные этапы закрепления ответственности за преступления против собственности по уголовному законода-

гательстве» содержит п. 3 о квалифицированном виде кражи – «воровстве казенного воинского оружия, патронов, пороха или других предметов, принадлежащих к средствам нападения или защиты, по промыслу или хотя и не по промыслу», которое наказывалось заключением в исправительный дом. Хищение оружия у частных лиц рассматривалось как простое воровство, а по тяжести наказания сопоставимо с кражей чужого движимого имущества, стоимостью свыше 500 рублей.

Основная часть норм, предусматривавших ответственность за незаконный оборот оружия и боеприпасов, содержалась в Главе X «О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность». Например, по ст. 222 за хранение или сбыт взрывчатого вещества или снаряда, предназначенных для совершения тяжкого преступления, виновного в изготовлении заключали в исправительный дом¹⁴. Глава о политических преступлениях, в отличие от многих остальных глав, была введена в действие, поэтому нам представляется важным, что именно здесь содержатся нормы о хищении вооружения. Очевидно, уголовная ответственность за это деяние должна была сыграть значимую роль в связи с нарастанием революционных настроений¹⁵. После революции 1905-1907 гг. государство предприняло ряд мер на снижение числа оружия, принадлежащего гражданам, путем изъятия пистолетов военных образцов.

Источники похищения предметов вооружения включают в себя «склад, оружейный или оружейный завод, укрепленное место и военное судно». Происходит расширение предмета преступления: это не только оружие, но и военные припасы. Немаловажно, что для совершения данных преступлений было характерно соисполнительство, и в целом в Уложении 1903 г. особое внимание уделяется институту соучастия.

Военная обстановка Первой мировой войны и революционные события 1917 г. повышают значимость оружия и контроля над его оборотом. Так, Приказ №1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского военного округа от 1 марта 1917 г. предусматривал дальнейшее ужесточение контроля за казенным вооружением в п. 5: «Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям»¹⁶.

По итогам Февральской революции 1917 г. в Петрограде большие объемы оружия скопились у рабочих, солдат и представителей радикальных партий. После очередного правительственного кризиса и столкновений во время июльской демонстрации в поддержку Советов, Временное правительство перешло к жестким мерам по наведению порядка. Постановление 12 июля 1917 г. предписывало населению Петрограда и окрестностей в течение определенного срока сдать все холодное и огнестрельное оружие казенного образца, а также боеприпасы. Предлогом данной акции послужила потребность в оружии на фронтах Первой мировой войны. Лицам, добровольно сдавшим оружие казенного образца в срок, гарантировалась анонимность («не подлежат ни переписи, ни опросам»), уклонившиеся от сдачи подлежали ответственности как виновные в похищении казенного имущества¹⁷.

После установления Советской власти общественное размежевание вылилось в Гражданскую войну. Теперь уже новое большевистское правительство было вынуждено решать проблему изъятия оружия из незаконного оборота. Эти усилия нашли отражение в нормативных актах об ответственности за совершение воинских преступлений. Как и Временное правительство, Совет народных комиссаров 18 октября 1918 г. принял декрет «О сдаче оружия»¹⁸, который обязал население сдать не только казенное, но всё имеющееся на руках оружие, включая

неисправное, а выданные распоряжения на хранение оружия считались недействительными (оружие позволялось сохранить только членам РКП(б) в ограниченном количестве). Согласно п. 11 «за укрывательство оружия, задержку сдачи его или противодействие сдаче виновных подвергать лишению свободы на срок от одного года до десяти лет». Этот декрет был спровоцирован не только борьбой с контрреволюционными силами, но и общим ростом преступности и бандитизма.

Таким образом, дореволюционное законодательство демонстрирует последовательное усложнение понятия «оружия» как предмета преступления, что в различные периоды российской истории влечет за собой соответствующую реакцию законодателя. На раннем этапе развития российского государства оружие не рассматривалось как объект государственного контроля, отсюда единичные упоминания о хищении оружия в рамках преступлений против собственности. Лишь в Соборном Уложении 1649 г. с появлением армии как регулярного государственного института, хищение оружия в военной среде несколько обособляется от остальных видов имущественных преступлений. Тем не менее, законодатель продолжает воспринимать оружие как вид собственности, который в силу своей опасности следует контролировать более тщательно. С развитием военной промышленности и необходимости для самодержавного государства защищать свои устои, появляется ряд норм, где незаконное использование оружия прямо понимается как деяние, опасное для общества и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. – М., 1959. – 350 с.
2. Курс советского уголовного права: в 6-ти томах: Часть общая. Т. 2 / Кригер Г.Л., Пионтковский А.А., Ромашкин П.С. – М.: Наука, 1971. – 516 с.
3. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: НОРМА, 2001. – 208 с.
4. Пирогов П. П. Основные этапы закрепления ответственности за преступления против собственности по уголовному законодательству дореволюционной России // Вестник МИЭП. – 2015. – № 3 (20). – С. 118-129.
5. Революционное движение в России после свержения самодержавия / Под ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.). – М.: Акад. наук СССР, 1957. – 857 с.
6. Рудник В. В. История развития законодательства России об ответственности за правонарушения, связанные с оборотом оружия и боеприпасов (дореволюционный период) // Юристы-правоведы. – 2014. – № 3 (64). – С. 92-98.
7. Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. 3. 4. 5. – М., 1985.
8. Русская Правда (краткая редакция) // Отечественное законодательство XI-XX веков. – Ч. 1. XI-XX века / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1999. – 210 с.
9. Сошина Л. А. История отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия (1917-1945 гг.) // Сибирский юридический вестник. – 2008. – № 4 (43). – С. 85-91.
10. Тростянский А. Г. Законодательное регулирование оборота оружия в России: история и современность // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2015. – Т. 3. – № 3 (11). – С. 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/trostiansky_ag_15_3_02.pdf.
11. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеч. из объясн. записки Ред. комис., представления Мин. юст. в Гос. сов. и журн. - особого совещ., особого присутствия деп. и общ. собр. Гос. сов. / Изд. Н.С. Таганцева. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1904. – [2], II, 1122 с.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года: изд. Н.С. Таганцевым / сост. проф. С.-Петербург. ун-та С. Н. Таганцевым. - 11-е изд., пересм. и доп. – С.-Петербург: Гос. тип., 1901. – [4], 925 с.

тательству дореволюционной России // Вестник МИЭП. – 2015. – № 3 (20). – С. 126.

14 Уголовное Уложение. – СПб., 1903. – С. 72.

15 Курс советского уголовного права: (Часть общая). В 5 т. – Т. 2. – Л., 1971. – С. 549.

16 Революционное движение в России после свержения самодержавия / Под ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.). – М.: Акад. наук СССР, 1957. – С. 189-190.

17 Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. – М., 1959. – С. 302.

18 Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. – С. 1325-1327.

ГАЗИЗОВ Тимур И.

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 174 УК РФ

В статье раскрываются проблемы, возникающие в ходе выявления такого преступления в сфере экономической деятельности, как легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, полученного в результате преступной деятельности другим лицом. Акцентируется внимание на отсутствии единообразного подхода в правоприменительной практике к отнесению тех или иных действий к легализации, а также на организационных проблемах выявления данного преступления.

Ключевые слова: легализация, доходы, полученные преступным путем, выявление преступлений, оперативно-розыскные мероприятия, взаимодействие.

GAZIZOV Timur I.

Lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS IN IDENTIFYING A CRIME UNDER ARTICLE 174 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article reveals the problems that arise in the course of identifying such a crime in the field of economic activity as the legalization (laundering) of money and other property obtained as a result of criminal activity by another person. Attention is focused on the lack of a uniform approach in law enforcement practice to refer certain actions to legalization, as well as on the organizational problems of identifying this crime.

Keywords: legalization, proceeds from crime, detection of crimes, operational – search activities, interaction.

Газизов Т. И.

Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, которое было приобретено преступным путем другими лицами предусмотрена в ст. 174 УК РФ. Данное преступное деяние имеет достаточно высокую степень общественной опасности в силу того, что преступным доходам фактически придается статус легальных и они поступают в обычный гражданский оборот. В то же время, как свидетельствуют статистические данные, количество выявленных преступлений данного вида невелико. Так, в 2019 году было выявлено 946 преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, в 2018 году – 993 таких преступления¹. На фоне общего количества регистрируемых в Российской Федерации криминальных деяний данные цифры выглядят весьма незначительно, что большинство исследователей объясняет высокой степенью латентности преступлений данного вида, обусловленной в значительной мере трудностями их выявления.

Для того, чтобы определить основные проблемы, которые возникают при выявлении легализации преступных доходов, полученных другим лицом, необходимо уяснить, что же представляет собой данное деяние, в связи с чем, требуется дать его краткую уголовно-правовую характеристику.

Объектом рассматриваемого деяния выступают отношения в сфере экономики. Объективная сторона заключается в том, что определенное лицо, достоверно зная о том, что определенное имущество либо денежные средства приобретены в результате совершения преступления, совершает с данными имуществом либо денежными средствами финансовые операции или иные сделки, для того, чтобы придать правомерный вид преступно полученным доходам. Субъектом рассматриваемого деяния может выступать любое физическое лицо, отвечающее общим признакам субъекта в уголовном праве, единственное исключение в данном случае – по данной норме не может нести ответственность то лицо, которое участвовало в совершении предикатного преступления, то есть, того преступления, в результате которого и был получен доход. Здесь законодатель предусмотрел определенные разграничения, выделив легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества лицом, совершившим предикатное преступление, в отдельную норму – ст. 174.1 УК РФ. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, при этом,

важнейшее значение имеет цель совершения преступления – придание законного вида владению, пользованию либо распоряжению доходом, полученным преступным путем. И именно эта цель и является отличительным признаком данного деяния, ограничивающим его, в частности, от такого деяния, как сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, ответственность за которое установлено в ст. 175 УК РФ. В последнем случае лицо стремится лишь к обогащению либо преследует цель оказать помощь виновному в совершении предикатного преступления в избавлении от имущества, добытого преступным путем. По данному поводу высшей судебной инстанцией четко разъяснено, что распоряжение доходами, полученными преступным путем, в личных целях, не свидетельствует о наличии у виновного цели придания правомерного характера данным доходам². К примеру, если лицо, используя денежные средства, полученные другим лицом в результате преступления, приобретает на них продукты питания, предметы одежды, бытовой инвентарь, и т.д., оно лишь распоряжается преступно полученными доходами, а не легализует их.

Все вышеуказанные элементы преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, должны учитываться в каждом случае, когда речь идет о наличии либо отсутствии признаков данного преступления, поскольку уголовно – наказуемое деяние считается выявленным тогда, когда оно зарегистрировано и принято решение о возбуждении уголовного дела, а это возможно исключительно при наличии всех признаков состава преступления. Если же какой – либо из признаков состава преступления отсутствует (к примеру, цель легализации), то принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а значит, не может идти и речь о выявлении преступления.

Теперь необходимо перейти непосредственно к проблемам, с которыми правоохранительные органы сталкиваются при выявлении деяний, предусмотренных ст. 174 УК РФ. Выявление данного преступления, как и большинства других, осуществляется в результате оперативно-розыскной деятельности, как сви-

1 Статистический сборник МВД РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. 13 июля. № 151.

детельствует анализ правоприменительной практики, наиболее часто в данном случае проводятся такие оперативно-розыскные мероприятия как:

- исследование финансово-хозяйственных и бухгалтерских документов организации о проведенных сделках и финансовых операциях;
- наблюдение за проверяемыми лицами и их деятельностью;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- прослушивание телефонных переговоров;
- снятие информации с технических каналов связи;
- оперативное внедрение сотрудников в организации и группы, занимающиеся легализацией (отмыванием) денежных средств.

В то же время, учитывая специфику рассматриваемого преступного деяния, необходимо отметить, что посредством проведения только лишь оперативно – розыскных мероприятий далеко не всегда удается получить необходимую информацию, которая может выступить в качестве основания возбуждения уголовного дела, здесь важное значение имеет взаимодействие с Росфинмониторингом, в задачи которого входит обнаружение денежных вкладов, взаимодействие с финансовыми разведками иностранных государств с целью получения сведений о сомнительных финансовых операциях и сделках, совершенных гражданами России за рубежом. И здесь возникает достаточно большое количество проблем.

Прежде всего, те аналитические справки, которые правоохранительные органы по запросу получают от Росфинмониторинга, носят лишь ориентирующий характер, они не могут рассматриваться в качестве доказательства, на их основе возможно лишь определение направлений дальнейшего сбора информации, в ходе расследования следователи вынуждены запрашивать ту же самую информацию в кредитных учреждениях, что затягивает сроки расследования³. Очевидно, что данную проблему можно разрешить достаточно просто, рассматривая информацию, полученную из Росфинмониторинга в качестве доказательства.

Еще одна проблема в данной сфере – длительное исполнение запросов правоохранительных органов, следует отметить, что законодательно установлен предельный срок на их исполнение в 30 суток⁴, что само по себе является достаточно длительным, но нередко и данный срок не соблюдается, и информацию приходится ждать достаточно долго. Все это говорит о том, что в целях повышения эффективности выявления легализации преступных доходов необходимо совершенствовать деятельность Росфинмониторинга, в частности, оптимизировать механизм взаимодействия с правоохранительными органами, повышая качество предоставляемой информации и сокращая сроки ответа на запросы. Также требуется и развитие международного сотрудничества с аналогичными органами иностранных государств.

Не менее значимая проблема заключается и в том, что несмотря на длительное время существования в российском уголовном законодательстве нормы, устанавливающей ответственность за легализацию денежных средств и иных доходов, полученных преступным путем, до настоящего времени судебная практика по данному вопросу не отличается единообразием. Данная проблема находит свое проявление в том, что за одни и те же действия в различных регионах страны лица могут быть привлечены к уголовной ответственности, а в других – оправданы в связи с отсутствием признаков состава преступления. Так, к примеру, если речь о легализации доходов, полученных от преступ-

ной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств, то в некоторых случаях многоуровневые схемы перевода денежных средств через электронные платежные системы и их последующее обналичивание рассматриваются либо в качестве составной части предикатного преступления либо как распоряжение преступным доходом, что исключает возможность квалификации таких действий по ст. 174 УК РФ⁵.

Основные сложности в данном случае сводятся к следующему:

- сложность доказывания преступного происхождения денежных средств или иного имущества;
- сложность доказывания знания лицом, придающим легальный вид денежным средствам или имуществу, о преступном происхождении данного имущества или денежных средств;
- сложность доказывания умысла на совершение данного преступления, а также обязательной цели преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ;
- сложность отграничения легализации имущества, добытого преступным путем, от распоряжения им в целях личного потребления.

Решение данных проблем видится в следующем:

- повышение профессионализма сотрудников правоохранительных органов, в задачи которых входит выявление и расследование фактов легализации, одним из способов может выступать проведение совместных совещаний сотрудников оперативных и следственных подразделений, в ходе которых надлежит как изучать положительный опыт привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, так и анализировать ошибки, вследствие которых привлечь виновных к уголовной ответственности не удалось;
- приведение к единообразию судебной практики, что возможно посредством совершенствования разъяснений высшей судебной инстанции, поскольку, как свидетельствует анализ проблем, возникающих в правоприменительной практике, действующее постановление Пленума ВС РФ не дает однозначного ответа на многие вопросы.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной таможенной службы, Следственного комитета при прокуратуре РФ, Федеральной службы по финансовому мониторингу от 5 августа 2010 г. № 309/566/378/318/1460/43/207 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем» // Вестник Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации. 2010. № 3-4.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. 13 июля. № 151.
3. Поляков Н.В., Гармаев Ю.П. Проблемы выявления и раскрытия легализации преступных доходов, полученных он незаконной банковской деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (44). С. 53.
4. Родичев М.Л., Семенов М.В., Шахматов А.В. Выявление легализации наркодоходов оперативными подразделениями МВД России: современное состояние и основные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 160.
5. Статистический сборник МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>.
6. Родичев М.Л., Семенов М.В., Шахматов А.В. Выявление легализации наркодоходов оперативными подразделениями МВД России: современное состояние и основные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 160.

ГУТИЕВА Ирина Генриховна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

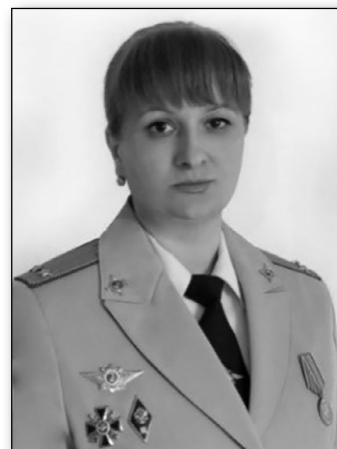
ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ДОЛЖНОСТНОЙ ХАЛАТНОСТИ

С должностной халатностью на различных этапах жизни сталкивается практически каждый. Безответственные, небрежные сотрудники могут доставить немало проблем как своим клиентам, так и начальству. Однако не каждый человек знает, как на это реагировать, как поступать и что понимать под должностной халатностью, часто путая ее со злоупотреблением полномочиями или с должностными преступлениями.

Ключевые слова: должностная халатность, преступление, наказание, виды, уголовный кодекс, должностные лица, обязанности, ответственность.

GUTIEVA Irina Genrikhovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

Гутиева И. Г.

THE CONCEPT AND TYPES OF MALPRACTICE

Almost everyone faces malpractice at various stages of life. Irresponsible, careless employees can cause a lot of problems for both their clients and bosses. However, not everyone knows how to react to this, how to act and what is meant by official negligence, often confusing it with abuse of power or with malfeasance.

Keywords: malpractice, crime, punishment, types, criminal code, officials, duties, responsibility.

Само понятие должностной халатности содержится в Уголовном кодексе РФ. В соответствии с ним, должностная халатность – это неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства¹.

Существует большая разница между халатностью и, например, злоупотреблением. Последнее влечет за собой нарушение прав граждан или интересов общества и государства в результате корысти и личной заинтересованности². То есть если сотрудник хотел получить какую-либо выгоду, а не просто отнесся к своим обязанностям безответственно, то это уже нельзя считать халатностью.

Должностная преступность же – это гораздо более обширное понятие, включающее в себя целый ряд понятий. В криминологии должностная преступность – это противоправные действия, посягающие на государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Список деяний довольно обширен. Помимо халатности и злоупотреблений, в перечень должностных преступлений входят незаконная предпринимательская деятельность, превышение полномочий, подлоги, взятки, отказ в предоставлении информации вышестоящим органам.

Должностная халатность, как было указано выше, может коснуться каждого гражданина. При этом для каждой сферы деятельности сотрудников существует своя определенная специфика и определенные последствия небрежного отношения к работе. Это можно легко проследить на примерах представителей различных государственных служб: должностных лиц, приставов, судей, сотрудников полиции, работников сферы здравоохранения.

Должностное лицо – лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе³.

Проблема выхода субъекта власти за рамки обозначенных прав не нова. Из-за значительного социального вреда наказание за это преступление, которое не является тяжким, введено еще в XIX столетии. История судебной практики демонстрирует уменьшение тяжести преступления и видов наказаний за него.

Анализируя преступления в сфере реализации государственной власти, можно установить один важный аспект – вред от действий виновного лица имеет длительный характер. Помимо непосредственного вреда возникает побочный – неуверенность общественности в непоколебимости государственной власти и защите интересов граждан.

Столкнувшись с бездействием должностного лица (например, с отсутствием реакции на обращения от граждан), закон предписывает незамедлительно:

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2020). - Ст. 293. - Ч. 1.
2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2020). - Ст. 285.

3 Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2020). - Ст. 4.

1. Написать заявление в вышестоящую инстанцию с подробным описанием обстоятельств произошедшего и последствий, к которым привела халатность государственного служащего.

2. Обратиться с заявлением в полицию.

3. В случае отсутствия реакции властей на данные действия подать исковое заявление в суд по статье 293 УК РФ.

Федеральная служба судебных приставов является органом исполнительной власти, основная задача которой – обеспечивать вступление в силу и исполнение судебного постановления. Деятельность данной организации регулируется Федеральным законом «О судебных приставах» от 21.07.1997 № 118-ФЗ.

К халатности приставов можно отнести отказы в предоставлении необходимой гражданину информации, утерю поступающих бумаг и квитанций, несвоевременную или необоснованную блокировку счетов гражданина и многое другое.

В этих случаях гражданину следует:

1. Подать заявление в суд или прокуратуру или, заполнив форму на сайте ФССП, подать жалобу в Управление ФССП.

2. Обратиться при необходимости за материальной компенсацией. Имущественную ответственность пристав может понести согласно ч. 3 ст. 19 Закона, ст. 1069 ГК РФ.

На практике, халатность судей чаще всего выражается в оставлении без внимания каких-либо обстоятельств дела. Например, если какой-либо документ будет подшит в материалы, а судья его попросту не заметит. Часто это препятствует подаче апелляционных жалоб.

При возникновении необходимости гражданин имеет право:

1. Написать заявление о восстановлении срока подачи жалобы в порядке апелляции. Если результат заседания не удовлетворил по причине халатности судьи, это может исправить апелляция.

2. Написать жалобу в вышестоящую инстанцию, учитывая, что срок наступления дисциплинарной ответственности судей ограничен до полугода со дня выявления проступка⁴.

Сотрудники полиции имеют довольно большой спектр полномочий и обязанностей. Неправильное заполнение протоколов, неумышленные нарушения в ходе следственных действий и многое другое в данном случае может попасть под определение халатности. В основном действия полицейских урегулированы Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

Здесь вариантов действий пострадавшего гражданина довольно много: жалоба в прокуратуру, жалоба в Следственный комитет России, заявление на имя вышестоящего начальства (например, начальника УВД), жалоба в суд по статье 293 УК РФ.

Самой, наверное, опасной, по понятным причинам, является халатность сотрудников медицинских учреждений. Здесь поможет ориентироваться в правовом поле Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ.

Алгоритм действий потерпевшего гражданина при халатности врачей таков:

1. Если нет цели привлечения медицинского работника к ответственности, то возможно обратиться к главному врачу с требованием принять меры, и устранить причиненный его сотрудником вред.

2. При отказе руководства добиться мотивированного отказа и подать иск в суд.

3. По возможности пройти независимую экспертизу для подтверждения негативных последствий и приложить ее результаты к судебному иску.

В последовательности действий в случае выявления факта халатности в различных сферах деятельности людей много общего. Во многих случаях подаются жалобы в вышестоящие инстанции и судебные иски. Халатность – это, прежде всего, преступление. И если оно наносит какой-либо ущерб, это нельзя оставлять без внимания, ведь в следующий раз этот же сотрудник или его коллеги, почувствовав свою безнаказанность, своим небрежным отношением могут навредить еще кому-либо. Каждый гражданин своей активностью может регулировать все сферы общественной жизни. Достаточно быть внимательным, выполнять обязанности качественно, соблюдать закон и не допускать в своей деятельности небрежность.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2020). – Ст.ст. 293. – Ч. 1., 285.
2. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2020). – Ст. 4.
3. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1(ред. от 31.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2020). – Ст. 12.1.

4 Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1(ред. от 31.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2020). – Ст. 12.1.

КОМАРОВА Людмила Викторовна

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права Кубанского государственного университета

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

Автор рассматривает историко-правовой анализ эволюции обстоятельств, смягчающих наказание; представлен анализ истории российского уголовного законодательства. Особое внимание уделяется законодательной эволюции обстоятельств, смягчающих наказание, поскольку, как указывает автор, общественные отношения на различных этапах исторического развития влияют на изменения и в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: наказание, преступление, законодательство, смягчающее обстоятельство, историко-правовой анализ.

KOMAROVA Lyudmila Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, associate professor, professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Kuban State University

Комарова Л. В.

THE LEGISLATIVE EVOLUTION OF THE CIRCUMSTANCES MITIGATING PUNISHMENT

The author considers the historical and legal analysis of the evolution of circumstances that mitigate punishment; the analysis of the history of Russian criminal legislation is presented. Special attention is paid to the legislative evolution of circumstances that mitigate punishment, since, as the author points out, public relations at various stages of historical development affect changes in criminal legislation.

Keywords: punishment, crime, legislation, mitigating circumstance, historical and legal analysis.

Учитывая комплексный подход при исследовании обстоятельств, смягчающих наказание, которые являются сложным правовым феноменом, применение историко-правового анализа является актуальным.

О.Л. Комарницкий полагает, что «цель более широкого изучения проблематики отечественных уголовно-правовых норм состоит в исследовании ряда исторических периодов их развития»¹.

В поиске оптимального соотношения законодательных предписаний правоприменителю на всех временных отрезках объединяющим является то, что смягчающим и отягчающим обстоятельствам отводится заметная роль².

По мнению А.А. Шишкина, «рассмотрение исторического развития и становления института обстоятельств, смягчающих наказание, позволит глубже осознать его общественное и правовое назначение»³.

Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. установили перечень смягчающих обстоятельств, который в дальнейшем изменялся и совершенствовался⁴.

Однако перечень обстоятельств, увеличивающих и уменьшающих вину и наказание, уже предусматривался в

Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (раздел 5)⁵.

Ввиду отсутствия в Уголовном уложении 1903 г. перечня обстоятельств, смягчающих вину, суд сам определял, какие обстоятельства он признает смягчающими. В то же время Уголовное уложение содержало перечень отягчающих обстоятельств, что говорит о важности для законодателя при назначении наказания именно наличие обстоятельств, усиливающих ответственность, например, как совершение преступления во время отбывания наказания⁶.

Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. предусматривали такое смягчающее обстоятельство, как совершение преступления впервые. УК РСФСР 1922 г.⁷ и 1926 г.⁸ предусматривали другую терминологию, как «совершение преступления в первый раз».

УК РСФСР 1926 г. – это первый законодательный акт, который ввел термин «смягчающее обстоятельство».

УК РСФСР 1960 г. расширил содержание этого смягчающего обстоятельства и предусмотрел «совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности»⁹.

УК РФ 1996 г. в своей начальной редакции в ст. 61 в связи с введением категорий преступлений учел это в тексте смягчающего обстоятельства: «совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств». На данный момент в связи с направлением уголовной политики на гуманизацию наказания ст. 61 УК РФ стала учитывать для смягчения наказания совершение впер-

1 Комарницкий О. Л. О возникновении и развитии в российском государстве уголовно-правовых норм: исторический аспект // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 4. С. 52.

2 Лоба В.Г. Малахова А. Русская правда: обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2015. № 4 (29). С. 43.

3 Шишкин А.А. Сравнительный историко-правовой анализ института смягчающих обстоятельств в законодательстве дореволюционной России // Бизнес в законе. 2011. № 2. С. 144.

4 Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: Постановление Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 года // КонсультантПлюс.

5 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 193-209.

6 Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 193 - 209.

7 Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // КонсультантПлюс.

8 Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // КонсультантПлюс.

9 Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // КонсультантПлюс.

вые преступления не только небольшой, но и средней тяжести.

Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. предусматривали такое обстоятельство, смягчающее наказание, как «совершение преступления в запальчивости».

Еще в петровские времена, Артикул воинский в ст. 152 предусматривал такое смягчающее обстоятельство, как состояние крайнего возбуждения¹⁰.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало подобное смягчающее обстоятельство: «5) Если преступление учинено им вследствие сильного раздражения, произведенного обидами, оскорблениями или иными поступками лица, коему он сделал или покусился сделать зло».

УК РСФСР 1926 г. употребляет другую, более современную терминологию, как совершение преступления «под влиянием сильного душевного волнения». УК 1960 г. дает более широкое толкование данного обстоятельства: «совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего». Принятый в 1996 году УК РФ полностью пересматривает предыдущий текст и дает новое понятие данного обстоятельства: «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления».

УК РСФСР 1922 г. в ст. 25 в качестве смягчающего обстоятельства предусматривал совершение преступления «в состоянии голода и нужды». Такое смягчающее обстоятельство предусматривало и Соборное уложение 1649 г. – «совершение преступления вследствие нужды»¹¹.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. давало более широкое толкование данного обстоятельства: «Если он учинил сие преступление единственно по крайности и совершенному неимению никаких средств к пропитанию и работе».

УК РСФСР 1926 г. по сравнению с УК РСФСР 1922 г. расширил это обстоятельство, отнеся к смягчающим обстоятельствам совершение преступления «в состоянии голода, нужды или под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий».

УК РСФСР 1960 г. уже не упоминает голод и нужду в качестве смягчающего обстоятельства в связи с изменением жизненного уровня трудящихся и оставляет только «совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств». УК РФ расширяет данное обстоятельство за счет введения мотива сострадания: «совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания». Законодатель считает, что термин «тяжелые жизненные обстоятельства» включает в себя и личные и семейные обстоятельства.

УК РСФСР 1922 г. впервые закрепил такое обстоятельство, смягчающее наказание, как совершение преступления «под влиянием угроз и принуждения другого лица». УК РСФСР 1926 г. дал качественно новое содержание данного обстоятельства: «под влиянием угрозы, принуждения, служебной или материальной зависимости». УК РСФСР 1960 г. предусмотрел смягчение наказания, когда имелась у виновного иная зависимость при совершении преступления: «совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости». УК РФ выделил способы принуждения, и смягчающими обстоятельствами в настоящее время являются

сы физическое или психическое принуждение при совершении преступления, и сохранено смягчающее обстоятельство «совершение преступления в силу материальной, служебной или иной зависимости».

УК РСФСР 1926 г. впервые вводит такое обстоятельство, смягчающее наказание, как совершение преступления, «хотя и с превышением пределов необходимой обороны, но для защиты от посягательства на Советскую власть, революционный правопорядок или личность и права обороняющегося или другого лица». В дальнейшем в УК РСФСР 1960 г. толкование посягательства уже не дается, а сводится к общему термину «общественно опасное посягательство»: «совершение преступления при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с превышением пределов необходимой обороны».

УК РФ в ст. 61 значительно расширил смягчение наказания, включив и другие обстоятельства, исключающие преступность деяния: «совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения».

Такие обстоятельства, смягчающие наказание, как совершение преступления несовершеннолетним и женщиной в состоянии беременности, впервые в уголовном законодательстве появляются в УК РСФСР 1926 г., правда, термин «несовершеннолетний» еще отсутствует, законодатель учитывает в качестве смягчающего обстоятельства совершение преступления «лицом, не достигшим совершеннолетия».

Данные смягчающие обстоятельства предусматривались и УК РСФСР 1960 г., и наличествуют в УК РФ и в настоящее время.

Но уже в средний период истории нашего государства Свод законов 1832 г. уже содержал статьи, позволявшие смягчать наказание малолетним, не достигшим 17 лет при условии, что они понимали характер совершаемых ими деяний. Законодатель делил малолетний возраст на три периода¹². В то же время смягчающим обстоятельством являлся и 70-летний возраст виновного (т.е. и престарелость), которому не могли быть назначены телесные наказания. Надо отметить, что впервые в истории русского государства перечень обстоятельств, смягчающих наказание, закрепил Свод законов Российской империи 1832 г.

УК РФ не содержит такого смягчающего обстоятельства, но суд учитывает престарелый возраст подсудимого, когда, согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ, учитывает при назначении личность виновного. Данные смягчающие обстоятельства связаны с личностью виновного.

Законодательство XIV-XVII вв. уже предусматривало смягчение наказания в зависимости от характеристики личности виновного или потерпевшего, в частности, от социальной принадлежности («посмотря по человеку»)¹³. Это было связано с сословным (феодалным) характером уголовного права этого периода развития государства, когда представители различных сословных групп за конкретные преступления наказывались по-разному.

Такие обстоятельства, смягчающие наказание, как «чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное содействие раскрытию преступления», «предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного

10 Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Юрид. Пресс. 2006. С. 247.

11 Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 120.

12 Авдеев В.А. Этапы регламентации обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в уголовном праве России // Известия ИГЭА. 2006. № 2 (47). С. 91.

13 Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 101-103.

ущерба, или устранение причиненного вреда» появились впервые в УК РСФСР 1960 г. и нашли свое дальнейшее развитие в УК РФ.

Обратимся к истории российского уголовного законодательства, и мы увидим преемственность, например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало подобные смягчающие обстоятельства: «Когда виновный добровольно и прежде, нежели на него пало какое-либо подозрение, явился в суд или же к местному или другому начальству и вполне чистосердечно с раскаянием сознался в учиненном преступлении»;

Если он без замедления, благовременно и также с полною откровенностью, указал всех участников его в преступлении.

Если он по содеянии преступления старался по крайней мере отвратить хотя некоторые из вредных оногo последствий и вознаградить причиненные оным зло или убыток».

Законодатель отказался от закрепления в УК РФ такого смягчающего обстоятельства, как чистосердечное раскаяние, которое все равно в судебной практике признается судом в качестве обстоятельства, смягчающего наказание.

Смягчающим обстоятельством в настоящее время является не только добровольное возмещение имущественного ущерба, но и морального вреда. Для смягчения наказания необходимо не только активно способствовать раскрытию и расследованию преступления, но также способствовать изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, способствовать розыску имущества, добытого в результате преступления. Впервые в УК РФ появилось такое смягчающее обстоятельство, как «оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления» и «наличие малолетних детей у виновного».

Такое обстоятельство, смягчающее наказание, как признание вины, законодательно не было закреплено ни в одном из вышеуказанных Кодексов, но всегда учитывается в судебной практике. Для сравнения укажем, что английское уголовное законодательство, в частности, Закон об уголовном правосудии 2003 г. предусматривает такое смягчающее обстоятельство, как признание своей вины¹⁴.

Рассмотрим такое обстоятельство, влияющее на назначение наказания, как совершение преступления в состоянии опьянения. В настоящее время по УК РФ это обстоятельство относится к отягчающим наказанию. В истории российского уголовного законодательства было иначе. Например, Судебник 1550 г. совершение преступления в состоянии опьянения признавал обстоятельством, смягчающим ответственность¹⁵.

Совершение преступления в состоянии опьянения по Соборному уложению 1649 г. также в отдельных случаях признавалось смягчающим обстоятельством: «И будет убойца учнет говорити спытки, что убил не умышленном, в драке пьяным делом, и того убойцу бив кнутом, и дати на чистую поруку»¹⁶.

Согласно Артикулу воинскому (ст. 256), за совершение неумышленного преступления в состоянии опьянения, наказание смягчалось¹⁷.

Анализ законодательной эволюции обстоятельств, смягчающих наказание, показывает, что изменяющиеся общественные отношения влияют на изменения в уголовном законодательстве, меняется объем смягчающих обстоятельств, совершенствуется язык, стиль, конструкция конкретных видов смягчающих обстоятельств¹⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев В.А. Этапы регламентации обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в уголовном праве России // Известия ИГЭА. 2006. № 2 (47). С. 91.
2. Артикул воинский // Российское законодательство X - XX веков: В 9 т. Т. 4. М., 1986. С. 367-385.
3. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009.
4. Комарницкий О. Л. О возникновении и развитии в российском государстве уголовно-правовых норм: исторический аспект // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 4. С. 52.
5. Лоба В.Г. Малахова А. Русская правда: обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2015. № 4 (29). С. 43.
6. Непомнящая Т, В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Юрид. Пресс. 2006.
7. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: Постановление Народного Комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 года // КонсультантПлюс.
8. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1985.
9. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 101-103.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 193-209.
11. Шишкин А.А. Сравнительный историко-правовой анализ института смягчающих обстоятельств в законодательстве дореволюционной России // Бизнес в законе. 2011. № 2. С. 144.

14 Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009. С. 276.

15 Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 101-103.

16 Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 120.

17 Артикул воинский // Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т. 4. М., 1986. С. 367-385.

18 Шишкин А.А. Сравнительный историко-правовой анализ института смягчающих обстоятельств в законодательстве дореволюционной России // Бизнес в законе. 2011. № 2. С. 146.

ПАЙЗУЛАЕВА Бурлият Айгумовна

кандидат педагогических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

АБДУРАХМАНОВА Минаш Салавутдиновна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

АЛИЕВА Умзахрат Темирболатовна

старший преподаватель Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Сеть интернет стала доступна широкому кругу лиц, которые, очевидно, не были готовы к тому, что их авторские и смежные права переместились с привычных мест обитания, и нашли свое убежище в темных закоулках сети Интернет. Негативный эффект цифровизации проявился в формировании нарушений в области защиты авторских и смежных прав, появлении преступных посягательств с целью финансового обогащения преступников или получения доступа к частной информации пользователей и т. д. Статья посвящена исследованию части 1 статьи 146 УК РФ, накладывающей ответственность за присвоение авторства (плагиат), основанному на общем анализе состава преступления, а также актуальным проблемам применения данной нормы права на практике.

Ключевые слова: преступление, статья 146 УК РФ, автор, состав преступления, присвоение авторства (плагиат), ущерб, потерпевший, уголовно-наказуемое деяние.

PAYZULAEVA Burliyat Aygumovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Director for educational work of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

ABDURAKHMANOVA Minash Salavutdinovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

ALIEVA Umzakhrat Temirbolatovna

senior lecturer of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations

SPECIFIC FEATURES OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS RELATED TO THE USE OF THE INTERNET

The Internet became available to a wide range of people who, obviously, were not prepared for the fact that their copyright and related rights had moved from their usual habitats, and found their refuge in the dark corners of the Internet. The negative effect of digitalization was manifested in the formation of violations in the field of protection of copyright and related rights, the emergence of criminal encroachments in order to financially enrich criminals or gain access to private information of users, etc. The article is devoted to the study of part 1 of Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation, which imposes responsibility for attribution (plagiarism), based on a general analysis of the corpus delicti, as well as topical problems of the application of this rule of law in practice.

Keywords: the crime, part 1 art. 146 of the Criminal Code, author, corpus delicti, appropriate authorship (plagiarism), damage, victim, a punishable offence.

Активное использование киберпространства, особенно в связи с последними событиями в мировом сообществе, связанными с угрозой распространения кароновируса, является неизбежным процессом в современной действительности. Развитие цифровых технологий и распространение качественного высокоскоростного интернета обусловило трансформацию общественных отношений. В киберпространстве можно найти всё, в том числе и работу,

и заказ товаров, работ и услуг. Киберпространство стало средством личного общения и развлечения.

С развитием сети Интернет для преступников возникло широкое поле деятельности, освоение которого обещало огромную выгоду. Потенциал данной сферы возрос еще больше, когда сеть стала доступна широкому кругу лиц, которые, очевидно, не были готовы к тому, что их авторские и смежные права переместились с привычных мест

Пайзулаева Б. А.

Абдурахманова М. С.

Алиева У. Т.

обитания, и нашли свое убежище в темных закоулках сети Интернет.

Развитие коллективного управления авторскими и смежными правами обусловило необходимость использования киберпространства компаниями и различными юридическими лицами, вызванное желанием последних приспособление к конъюнктуре рынка. Негативный эффект цифровизации проявился в формировании нарушений в области защиты авторских и смежных прав, появлении преступных посягательств с целью финансового обогащения преступников или получения доступа к частной информации пользователей и т. д.

Согласно данным МВД с 2019 года отдельной строкой в статистике преступлений стали выделять преступления, совершенные с использованием компьютерных и телекоммуникационных систем в сфере нарушения авторских и смежных прав. За период с января по март 2019 г. таких выявлено 25725, но, разумеется, эта цифра не отражает все деяния в полном объеме во многом по причине латентности данных преступных посягательств.

Появление киберпреступлений в сфере авторских и смежных прав, породило ряд вопросов, связанных с порядком их выявления, установления личности преступника и дальнейшего их пресечения, а также вызвало некоторые проблемы, касающиеся правильной квалификации данной категории преступлений их отграничения от смежных составов. Помимо этого, по нашему мнению, особую актуальность также приобретает вопрос о «перетекании» большинства преступлений в сфере незаконного использования объектов авторских и смежных прав в информационную плоскость и разработки, в связи с этим адекватных мер реагирования.

О существующих проблемах в правовом регулировании авторских отношений, возникающих в сети Интернет, ведутся дискуссии в обществе, в научной среде. Внимание этим вопросам уделяется и на государственном уровне. На сегодняшний день все больше вопросов возникает по поводу эффективности коллективного управления авторскими и смежными правами аккредитованными организациями.

Проблема преступлений в сфере авторских и смежных прав состоит также и в том, что компьютерные технологии эволюционируют с большой скоростью, как и средства совершения преступлений, и объекты посягательств. Но страдают от этого владельцы авторских и смежных прав, у которых нет возможности приобрести дорогостоящее оборудование, чтобы защититься от плагиата. Также можно сказать, что такие преступления являются сложно доказуемыми.

Очевидно дальнейшее развитие и распространение интернета, соответственно, своевременное выявление социальных аспектов плагиата в сфере авторских и смежных прав позволит осуществлять качественную профилактику и предупреждение преступлений данной категории.

Следует обратить внимание на то, что нарушению прав правообладателей авторских прав способствует сфера коллективного управления правами фактически монополизирована несколькими организациями, в этой сфере отсутствует конкуренция.

Анонимность во многом обуславливает преступные посягательства, предусмотренные статьей 145 УК РФ. Воз-

можность совершить деяние без последствий привлекает определенный контингент, который мог не решиться на осуществление преступления в реальной жизни, но способен на это в условиях анонимности. Анонимные посягательства в сфере авторских и смежных прав наносят существенный урон общественным отношениям.

Диспозиция уголовно-правовой нормы носит бланкетный характер. Как отмечает А. И. Чучаев, «бланкетная диспозиция формирует лишь общий запрет, содержание которого можно уяснить, обратившись к нормам других отраслей права»¹. В таком случае в уголовно-правовое поле попадают нормы и иных отраслей права. Бланкетность может быть явной (ст. 264 УК РФ) и неявной (ст. 158 УК РФ)². Второй вариант конструирования диспозиции создает большую неопределенность уголовно-правовых норм, потому что предполагает учет всей глубины нормативно-правового регулирования в данной области, что зачастую сделать совсем непросто.

Основным направлением деятельности по выявлению преступных посягательств предусмотренных статьей 145 УК РФ, является систематизация всевозможных источников получения информации о противоправных деяниях лиц, построения на их основе повторяющихся оперативно-тактических признаков искомого деяния, в целях эффективного противодействия совершения ими преступных посягательств, направленных на плагиат и контрафактное использование объектов авторских и смежных прав. Нами будет предпринята попытка систематизации источников информации, а также анализ основных способов совершения преступлений, направленных на незаконное использование авторских прав. Проблемы классификации поступающей информации были предложены различными авторами. Не вступая в полемику с ними, предложим свой вариант ее классификации. На наш взгляд, в ее основе должен находиться такой критерий как «субъект предоставления сведений». В связи с чем, поступающую информацию можно классифицировать следующим образом:

- оперативный поиск;
- получение информации от внешних источников;
- информация, ставшая известной следственным органам, либо дознавателю в процессе расследования уголовного дела;
- анонимная информация.

В свою очередь каждый раздел классификации имеет свои подразделы. Приведенная классификация информации, при помощи которой выявляются преступления, предусмотренные ст.145 УК РФ, отнюдь не является абсолютной. В ее основе могут быть положены и иные критерии, в связи с чем, она может быть представлена в ином качественном и количественном виде. Единственным знаменателем, на наш взгляд, любой подобной классификации является то, что знание сотрудниками оперативных подразделений признаков совершения преступных событий и распознавание объектов поиска, является одним из условий повышения эффективности информационно-

1 Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: Контракт, 2017. 704 с.

2 Наумов А. В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88-94.

поисковой работы по выявлению преступлений в сфере авторских и смежных прав совершаемых с использованием интернет технологий.

Пиратство процветает по множеству причин, но две из них могут быть устранены именно технологией блокчейн. Первая причина — существующие сложности по отслеживанию правообладателями случаев использования их прав. После появления песни в сети у владельцев практически отсутствует возможность такого отслеживания. Кроме того, проблема усложняется наличием практики обмена музыкой в популярных социальных сетях. Это провоцирует формирование у пользователей мнения о невозможности такого отслеживания и отсутствия ответственности на нарушение авторских прав. В качестве второй причины пиратства можно указать тот факт, что часто невозможно отследить, кто является автором произведения, так как отсутствуют единые, постоянно обновляемые базы данных о правообладателях объектов права.

С учётом всего вышеизложенного с учётом правоприменительной практики, в целях противодействия преступлениям в сфере авторских и смежных прав считаем необходимым обеспечить соответствующую техническую поддержку в виде регулярного обновления систем программного обеспечения и IT-специалистов, которые будут компетентны в вопросах кибербезопасности в сфере авторских и смежных прав.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы:

- 1) в настоящее время отсутствует единый нормативно-правовой акт, который бы регулировал правоотношения в цифровой среде, связанной с защитой авторских и смежных прав;
- 2) отсутствуют регламентированные права и обязанности участников Интернет-пространства, связанные с охраной авторских и смежных прав;
- 3) сложнодоказуемость преступлений обусловлена прежде всего недостатком квалифицированных IT-специалистов в области охраны авторских и смежных прав и устаревшим программным обеспечением в правоохранительных органах;
- 4) отсутствует практика расследования трансграничных преступлений, совершаемых в области нарушения авторских и смежных прав, совершаемых с помощью информационных технологий.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что преступления, связанные с нарушением авторских и смежных прав в цифровом пространстве, возникли сравнительно недавно, и наблюдается отсутствие правовой реакции на тенденцию возникновения новых видов данной категории преступлений в цифровом пространстве и эффективного аппарата их предотвращения.

С учётом всего вышеизложенного с учётом правоприменительной практики, в целях противодействия преступлениям в сфере защиты авторских и смежных прав считаем необходимым, обеспечить соответствующую техническую поддержку в виде регулярного обновления систем программного обеспечения и IT-специалистов, которые будут компетентны в вопросах охраны авторских и смежных прав.

На наш взгляд, необходимо дать в уголовном законодательстве понятия преступного присвоения авторства в компьютерных сетях.

Считаем так же необходимым снижение возраста уголовной ответственности по статье 145 УК РФ с 16 до 14 лет.

Учитывая, что при присвоении и незаконном использовании авторских и смежных прав нарушаются права человека и гражданина на собственность, авторское право, смежное право и т. д., необходимо совершенствовать норму статьи 145 УК РФ, а именно: включить в квалифицированный состав ст. 145 УК РФ в качестве обязательного признака непосредственного объекта состава преступления потерпевшего (физическое лицо, чьи права были нарушены).

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть важность решения проблем уголовно-правовой ответственности за преступления в сфере авторских и смежных прав будет препятствовать развитию криминогенной среды, в т. ч. в сфере незаконного использования контрафактной продукции или фонограмм в целях сбыта.

Отдельно следует подчеркнуть важность развития интернет-культуры и обучение молодежи основам грамотности в области использования авторских и смежных прав. Открытая информация о правилах использования авторских и смежных прав в интернет пространстве в социальных сетях должны понизить уровень преступности в сфере авторских и смежных прав.

В заключение стоит отметить, что в РФ остается множество правовых проблем в области противодействия преступным посягательствам связанных с присвоением и использованием авторских и смежных прав, совершаемых с использованием ИКТ. Вместе с этим результаты наших исследований могут быть использованы законодателем для совершенствования уголовной политики в сфере охраны авторских и смежных прав.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: Контракт, 2017. 704 с.
2. Наумов А. В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88-94.

ХАКИМОВА Эльмира Робертовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

СОКОЛОВА Татьяна Сергеевна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научная статья содержит анализ состояния и виды профилактики преступлений против личности, реализуемые правоприменителями органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: профилактика, преступления против личности, побои, иные преступления семейно-бытового характера, межведомственные совещания, координационные совещания правоохранительных органов, выступления в образовательных организациях, трудовых коллективах, вынесение представления, взаимодействие.

KNAKIMOVA Elmira Robertovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SOKOLOVA Tatyana Sergeevna

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ON THE PREVENTION OF CRIMES AGAINST THE PERSON IN THE RUSSIAN FEDERATION

The scientific article contains an analysis of the state and types of prevention of crimes against the person, implemented by law enforcement agencies of the internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: prevention, crimes against the person, beatings, other crimes of a domestic nature, interdepartmental meetings, coordination meetings of law enforcement agencies, speeches in educational organizations, labor collectives, making representations, interaction.

В последние годы в Российской Федерации большое внимание общественности и правоохранительных органов уделяется преступлениям против личности, которые представляют собой одну из наиболее распространенных и социально опасных форм агрессии. Усугубляет ситуацию тот факт, что основная часть преступлений против личности совершается в быту, близкими лицами, преимущественно находящимися в состоянии алкогольного опьянения.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2019 году в результате семейных конфликтов потерпевшими явилось почти 10 тыс. женщин и около 5 тыс. детей. В январе-августе 2020 года было зарегистрировано около 56 тыс. преступлений, совершенных на бытовой почве и квалифицированных по ст. 116 «Побои» УК РФ. В сфере семейно-бытовых отношений зарегистрировано более 13 тыс. таких преступлений, из них в отношении женщин - около 9 тыс., в отношении несовершеннолетних - 4,8 тыс.¹

Предупреждение совершения преступлений против личности всегда было проблематичным, так как указанная категория уголовных дел совершается на бытовой почве, а причинами являются такие неблагоприятные факторы как низкий уровень жизни населения, отсутствие трудовой занятости, нравственно-психологический климат, эпидемиологическое состояние в стране, а также глобальные реформаторские процессы.

Задачей правоохранительных органов в тесной связи с государственными и общественными организациями, осуществляющими профилактическую, социальную, нравственную и реабилитационную работу является противодействие указанным негативным явлениям путем проведения профилактической работы с категорией граждан, склонных к совершению преступлений на бытовой почве, выявление административных правонарушений и превентивных составов преступлений. Для активации профилактики превентивных составов преступлений в течение года правоохранительными органами в Российской Федерации проводится ряд мероприятий. Операция «Превентив» обеспечивает посещение по месту жительства лиц, склонных к совершению преступлений на бытовой почве, лиц, употребляющих спиртные напитки, находящихся под административным надзором. С данной категорией граждан проводятся беседы, при выявлении признаков совершения административного правонарушения составляются протоколы. При наличии признаков уголовно-наказуемого деяния собирается материал доследственной проверки, что, безусловно, также является профилактической мерой.

Несмотря на то, что превентивные составы преступлений, такие как ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 116 УК РФ «Побои», ст. 116¹ УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» относятся к категории небольшой тяжести, их профилактика в первую очередь помогает предотвратить совершение более тяжких преступлений против личности. К таковым преступлениям относятся

¹ Статистика и аналитика // Сайт ФКУ «ГИАЦ МВД России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_sep. (дата обращения: 29.07.2020).

ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 105 УК РФ «Убийство», ст. 131 УК РФ «Изнасилование» и другие.

Раскрытие и расследование преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности не исчерпывают обязанностей органов предварительного следствия. Закон возлагает на них и специальные обязанности по предупреждению преступлений, что регламентировано ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Вынесение представления – один из основных инструментов органов предварительного расследования для устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, являются частью предмета доказывания по уголовному делу (ч. 2 ст. 73 УПК РФ) и обязанностью органов предварительного расследования.

Одной из важных обязанностей следователя и дознавателя является реализация всех мер для рассмотрения внесенных по уголовным делам представлений и принятия государственными органами, организациями, в адрес которых они направлены, мер реагирования. Данную деятельность можно рассмотреть, как элемент общей системы криминалистической профилактики преступлений.

Для улучшения работы по профилактике, помимо внесения представлений органами предварительного расследования, применяются и иные методы, как например, межведомственные совещания, участие в различных координационных совещаниях правоохранительных органов по вопросам профилактики, выступления в образовательных организациях, трудовых коллективах, средствах массовой информации. Результаты данной работы учитываются и в информационном центре МВД России и его территориальных органах.

Как показывает следственная практика, совершение ряда преступлений против личности обусловлено типичными, повторяющимися обстоятельствами. К таковым можно отнести состояние опьянения, ревность, неприязненные отношения, хулиганские побуждения, ссора, драка и другие. Однако можно отметить, что ряд преступлений совершается внезапно, в результате стечения обстоятельств, неправомерного поведения или провокационных действий потерпевшего. Важно отметить, что даже в случае получения положительного ответа на представление, следователь, дознаватель должны лично убедиться в эффективности принятых мер в отношении адресата представления. Например, таким подтверждением могут быть: перечень проведенных мероприятий, копия приказа о наложении дисциплинарного взыскания, копия приказа об увольнении, выписка из протокола о рассмотрении представления и принятии конкретных мер, документация, подтверждающая установку определенного оборудования (светофор, камеры видеонаблюдения, кнопки охраны), договор об оказании охранных услуг.

Следует учитывать тот факт, что представление, внесенное по уголовному делу в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, подлежит рассмотрению в 30-дневный срок со дня его вынесения, с обязательным уведомлением должностного лица, его вынесшего. Однако, как показывает следственная практика, имеется множество фактов несвоевременного рассмотрения данных представлений. Ответственность за такое нарушение предусмотрено Кодексом Российской Федерации об адми-

нистративных правонарушениях (ст. 17.7 «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении»). Вместе с тем, нужно отметить, что в силу большой загруженности следователей и дознавателей, данная мера не используется в полном объеме, материалы, содержащие признаки административного правонарушения, прокурору не направляются.

В полной мере реализовать предупреждение, профилактику преступлений против личности, конечно, возможно. И решение этой задачи видится только в реализации совместных усилий сотрудников правоохранительных органов, государственных и общественных организаций. В общественном плане профилактический эффект может быть обеспечен путем усиления воспитательной работы среди молодежи, строгого контроля за оборотом спиртосодержащих напитков, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, качественной реализацией мер, предусмотренных административным законодательством. Помимо этого, правоприменителю, внесшему представление, необходимо присутствовать при его рассмотрении, чаще реализовывать такую превентивную меру как выступление в средствах массовой информации, в трудовых коллективах, образовательных организациях.

Рассмотренные вопросы предупреждения преступлений – лишь некоторые, с которыми ежедневно сталкиваются правоприменители. Успешная профилактика правонарушений и преступлений – это грамотное взаимодействие всех подразделений правоохранительных органов, общественных организаций, трудовых коллективов, средств массовой информации вместе с совершенствованием норм об ответственности за семейно-бытовые преступления, организационных и процессуальных процедур.

Пристатейный библиографический список

1. Статистика и аналитика // Сайт ФКУ «ГИАЦ МВД России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen. (дата обращения: 29.07.2020).

ШАМАЕВ Артур Мурадинович

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

БОНДАРЬ Антон Геннадьевич

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЕГО ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Мошенничество относится к наиболее традиционным и распространенным видам преступлений против собственности. Несмотря на появление все новых приемов и способов совершения мошеннических действий, сущность их остается прежней, направленной на завладение чужим имуществом путем обмана и злоупотребления доверием. Данная категория преступления относится к наиболее труднодоказуемым, по причине необходимости установления подтвержденного доказательствами прямого умысла. В правоприменительной практике наметилась тенденция по все большему уклону в сторону доказательства непосредственно прямого умысла подозреваемого, оставляя без должного внимания совокупность данных, которые относятся к категории косвенных доказательств. В статье обозначаются, направления, которые наравне с установлением прямого преступного умысла требуют соответствующей следственной и оперативно-розыскной проработки. К таковым относится целый ряд данных, которые в целом следует отнести к криминологическим аспектам преступления в части поведенческого отношения лица к совершенным деяниям. Не являясь прямым доказательством совершения противоправных деяний, такие установленные данные в совокупности с прямыми доказательствами могут лечь в основу обвинения лица в совершении мошеннических действий.

Ключевые слова: уголовная ответственность, мошенничество, прямой умысел, косвенные доказательства, поведение, предварительное расследование, правоприменительная практика.

SHAMAEV Arthur Muradinovich

senior lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training of Employees of the MIA of Russia (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, police lieutenant, police lieutenant colonel

BONDAR Anton Gennadjevich

senior lecturer of Organization of law enforcement sub-faculty of the North-Caucasus Institute of Advanced Training of Employees of the MIA of Russia (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

PERSONAL CHARACTERISTICS AND BEHAVIORAL COMPONENT OF THE SUSPECT AS INDIRECT EVIDENCE OF HIS GUILT IN COMMITTING FRAUDULENT ACTIONS

Fraud is one of the most traditional and common types of property crimes. Despite the emergence of more and more techniques and methods of committing fraudulent actions, their essence remains the same, aimed at taking possession of other people's property by deception and abuse of trust. This category of crime is one of the most difficult to prove, due to the need to establish evidence-based direct intent. In law enforcement practice, there has been a tendency towards an ever greater bias towards proving the direct intent of the suspect, leaving without due attention the totality of data that belongs to the category of circumstantial evidence. The article indicates areas that, along with the establishment of direct criminal intent, require appropriate investigative and operational-search study. These include a number of data that, in general, should be attributed to the criminological aspects of a crime in terms of a person's behavioral attitude to committed acts. Not being direct evidence of the commission of unlawful acts, such established data, together with direct evidence, can form the basis for accusing a person of committing fraudulent acts.

Keyword: criminal liability, fraud, direct intent, indirect evidence, conduct, preliminary investigation, law enforcement practice.

Преступления против собственности с давних времен относятся к наиболее распространенным противоправным деяниям. Практика показывает, что осложнение экономической конъюнктуры прямо пропорционально отражается на количестве совершения хищений в сторону их увеличения. Несмотря на отсутствие признака применения наси-

лия либо угрозы применения такового, мошенничество относится к наиболее тяжким правонарушениям против собственности. Специфика данной категории преступлений в ее правоприменительной практике обозначила сложность доказательного процесса. В исследовании хотелось бы затронуть тему косвенных доказательств, которые

Шамаяев А. М.

Бондарь А. Г.

в совокупности с прямыми, могут лечь в основу обвинения мошенника.

Мошенничество относится к категории наиболее распространенных и традиционных форм совершения хищения. Статистика показывает, что количество совершенных преступлений данного вида не уменьшается, показывая ежегодную динамику по увеличению. Следует отметить, что в последнее время остро обозначилась проблема резкого всплеска мошеннических деяний совершенных в сфере субсидий, кредитования, а также с использованием электронных платежных систем¹. Сей факт предопределил необходимость комплексных слаженных действий со стороны оперативных подразделений, органов предварительного следствия и других ведомств правоохранительной системы, в том числе в сфере проработки методики и тактики выявления, пресечения и юридического закрепления таких видов противоправных деяний². Также, следствием участившихся таких фактов, стало внесение изменений в уголовное законодательство Российской Федерации с целью дифференциации способов совершения мошеннических деяний.

В статье хотелось бы коснуться мошеннических действий относящихся к наиболее старым видам, затрагивающих сферу гражданско-правовых отношений, происходящих в повседневной жизни граждан. В данном случае мошенник получает в свое пользование имущество либо денежные средства от потерпевшего в счет обещания по оказанию различных услуг либо товара. При этом способы обмана и злоупотребления доверием в каждом случае сугубо индивидуальны.

Проведенный опрос сотрудников органов предварительного следствия МВД по Кабардино-Балкарской Республике, РСО-Алания и Республике Дагестан квалифицирующихся на расследований уголовных дел экономической направленности показал, что первоочередной проблемой при доказывании вины лица совершившего мошеннические действия является сложность установления прямого умысла на совершение хищения путем обмана или злоупотребления доверием. Также в ходе опроса отмечалась значительная степень противодействия со стороны преступника³.

Следует заметить, что тактика ведения проверки обращений граждан и даже предварительного следствия по мошенническим фактам примерно одинакова и имеет некоторые изъяны. Сотрудники органов правопорядка на начальном этапе делают уклон в сторону сбора максимального количества прямых доказательств вины преступника, оставляя без внимания, так называемые косвенно подтверждающие противоправность деяния факты. Уделяя основное внимание доказыванию психологического внутреннего противоправного отношения преступника к совершенным им деяниям (умысел, мотивы, цели и т.д.), нередко остаются без внимания поведенческие характеристики лица, в которых могут проследиваться изменения, как на подготовительном этапе, так и после совершения мошеннических действий. Поэтому

хотелось бы затронуть криминологические аспекты противоправных деяний, относящихся к данной категории⁴.

Следует отметить, что в большинстве случаев субъектом мошенничества является высокоинтеллектуальное лицо, имеющее хорошие познания, а также нередко практические навыки и умения в области юриспруденции и в какой-то узкопрофильной сфере⁵.

Несмотря на то, что наука уголовного права делит по условиям формирования умысла на внезапно возникший и заранее обдуманый⁶, следует признать, что именно последняя его форма характерна для большей части мошеннических действий.

Зачастую совершению мошенничества предшествует тщательная подготовка, когда преступник совершает целый ряд действий для достижения своего преступного замысла и последующего сокрытия его последствий. К первой части таких действий для примера можно отнести создание юридической организации, аренда офисных помещений на непродолжительный срок, приобретение дорогостоящей техники и приборов. Также следует признать, что в большинстве случаев лица, подвергающиеся мошенническому обману не случайны, а подбираются по своим личностным характеристикам и жизненным потребностям. Поэтому, в ходе следствия, могут быть выявлены факты, подтверждающие сбор и анализ мошенником информации, касаемо интересующей его категории граждан либо организаций. Также обязательному исследованию подлежит исследование наличия познаний у подозреваемого в области совершения противоправных деяний. Наличие высокого уровня знаний и практического опыта может косвенно подтвердить виновность лица, когда оно обещает потерпевшему предоставление товара или услуг по заранее низким фактически невыполнимым ценам. Отсутствие таких знаний и навыков в узкопрофильной специальности, также в свою очередь может косвенно подтверждать преступный умысел, поскольку лицо заранее обещает выполнение каких-либо обязательств, не представляя процедуру и себестоимость их выполнения.

При использовании в мошеннической схеме юридической фирмы, следует провести тщательную проверку ее деятельности. Необходимо отправить соответствующие запросы в налоговые органы, пенсионный фонд и другие государственные учреждения с целью подтверждения действительного функционирования организации (наличие соответствующих ОКВЭД, декларирование деятельности фирмы, движение денежных средств по счетам, наличие сотрудников с узкопрофильными специальностями по направлению деятельности организации, производство необходимых отчислений в пенсионный фонд и страховые учреждения и т.д.). Отсутствие вышеуказанных действий также косвенно подтверждает мошеннических умысел, когда выясняется, что фирма создавалась не для осуществления законной экономической деятельности.

Также значимую информацию можно получить путем получения сведений от информационных центров и терри-

1 Шхагапсоев З.Л. Бураева Л.А. Киберпреступность и киберконфликты в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 48-50.

2 Шамаев А.М., Бондарь А.Г. Противодействие незаконному получению бытовых субсидий // Евразийский юридических журнал. 2019. № 2 (129). С. 249-250.

3 Шамаев А.М. Правоприменительные аспекты, связанные с квалификацией мошеннических действий // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 201-203.

4 Хараев А.А., Мартыненко О.В. Проблемы противодействия преступности и некоторые пути преодоления // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С.290-293.

5 Тарчоков Б.А., Шогенов Т.М., Бураева Л.А. Применение современных навигационных технологий в правоохранительной деятельности // Евразийский юридических журнал. 2020. № 2 (141). С. 355-356.

6 Нагоева М.А. Основные черты международного терроризма // Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 32-34.

ториальных органов МВД по месту проживания либо пребывания подозреваемого на предмет имевшихся случаев обращения граждан по факту совершения им мошеннических действий по аналогичным или иным схемам, по результатам рассмотрения которых было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по различным причинам. Следует учитывать, что субъект мошенничества, разработав преступную схему деятельности, осознавая, что не несет ответственности за свои «аферистические» действия, чаще всего продолжает противоправную деятельность в отношении третьих лиц, в том числе в иных сферах экономики. Несмотря на то, что многократность таких деяний по нашему законодательству не может служить основанием для привлечения лица к юридической ответственности, она может являться косвенным доказательством, которое в совокупности с другими доказательствами может лечь в основу обвинительного приговора.

Соответственно, обязательному исследованию в ходе предварительного следствия должна быть подвержена поведенческая составляющая подозреваемого после совершения мошеннических действий⁷. Осуществление дорогостоящих покупок, праздный образ жизни, в то время как до факта мошенничества лицо не имело постоянный достаточный доход, будут также косвенно подтверждать наличие изначального прямого умысла на совершение противоправных действий. Также необходимо, в том числе за счет оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий попытаться установить преступные схемы по сокрытию денежных средств и других благ, добытых субъектом мошенническим путем.

Как отмечалось выше, правоприменительная практика показала, что расследование уголовных дел по преступлениям, относящимся к категории мошенничества, является достаточно сложным и трудоемким процессом, в особенности, когда подозреваемый (обвиняемый) не признает преступного умысла. В этих условиях правильно установить субъективную сторону мошенничества можно лишь на основе достаточной совокупности прямых и косвенных доказательств⁸. В судебной практике имели место случаи, когда мошеннический умысел подтверждался косвенными доказательствами и которые принимались во внимание органами правосудия. В основном такие доказательства касаются поведения преступника до и после совершения преступного деяния, а также его личностных характеристик⁹. Поэтому, при установлении умысла и вины лица в совершении мошенничества следует также особое внимание уделять обстоятельствам, относящимся к личности подозреваемого либо обвиняемого.

Пристатейный библиографический список

1. Бондарь А.Г. Актуальные способы противодействия современному мошенничеству // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С.201-203.
2. Нагоева М.А. Основные черты международного терроризма // Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 32-34.
3. Тарчоков Б.А., Шогенов Т.М., Бураева Л.А. Применение современных навигационных технологий в правоохранительной деятельности // Евразийский юридических журнал. 2020. № 2 (141). С. 355-356.
4. Хараев А.А., Мартыненко О.В. Проблемы противодействия преступности и некоторые пути преодоления // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С.290-293.
5. Шамаев А.М., Бондарь А.Г. Противодействие незаконному получению бытовых субсидий // Евразийский юридических журнал. 2019. № 2 (129). С. 249-250.
6. Шамаев А.М. Правоприменительные аспекты, связанные с квалификацией мошеннических действий // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 201-203.
7. Шамаев А.М. Причины и поводы массовых беспорядков // В сборнике: Современные тенденции в науке, технике, образовании. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. 2016. С. 171-173.
8. Шхагапсоев З.Л. Бураева Л.А. Киберпреступность и киберконфликты в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №3. С.48-50.
9. Юрин В. Как установить умысел мошенника // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 58-59.

7 Бондарь А.Г. Актуальные способы противодействия современному мошенничеству // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С.201-203.

8 Юрин В. Как установить умысел мошенника // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 58-59.

9 Шамаев А.М. Причины и поводы массовых беспорядков // В сборнике: Современные тенденции в науке, технике, образовании. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. 2016. С. 171-173.

ШАГАНОВА Ольга Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РАБОТНИК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, КАК СУБЪЕКТ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ ИЛИ МЕЛКОГО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: АНАЛИЗ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В представленной статье рассматриваются вопросы толкования такого понятия, как «организационно-распорядительные функции». При этом данное понятие оценивается с точки зрения возможности признания или не признания субъектом преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ или ст. 291.2 УК РФ, педагогического работника образовательной организации высшего образования. Несмотря на наличие разъяснений Верховного Суда РФ относительно названного понятия, все же в доктрине уголовного права существуют различные мнения ученых. В результате автор на основе анализа научной литературы, материалов правоприменительной практики и действующих судебных разъяснений предлагает редактировать п. 4 ППВС РФ № 19 от 16.10.2009 г.

Ключевые слова: получение взятки, мелкое взяточничество, педагогический работник, субъект преступления, уголовное право.

SHAGANOVA Olga Mikhaylovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

A TEACHER OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION, AS A SUBJECT OF RECEIVING A BRIBE OR PETTY BRIBERY: AN ANALYSIS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The presented article discusses the interpretation of such a concept as «organizational and administrative functions». At the same time, this concept is assessed from the point of view of the possibility of recognizing or not recognizing the subject of crimes provided for in Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation or Art. 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, a teacher of an educational institution of higher education. Despite the existence of clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the named concept, there are still different opinions of scientists in the doctrine of criminal law. As a result, the author, on the basis of an analysis of scientific literature, materials of law enforcement practice and current court explanations, proposes to edit clause 4 of the PPVS of the Russian Federation No. 19 of 16.10.2009.

Keywords: taking a bribe, petty bribery, teaching staff, subject of a crime, criminal law.

Шаганова О. М.

В настоящее время в России случаи, когда преподаватели вузов становятся фигурантами уголовных дел о получении взятки, не являются исключениями¹. В зависимости от размера предмета взятки в подобных ситуациях их привлекают к ответственности или по ст. 290 УК РФ (Получение взятки), или по ст. 291.2 УК РФ (Мелкое взяточничество). Правильно ли это?

Согласно УК РФ субъектом преступления, предусмотренного ст. 290, или преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ, признается должностное лицо, вменяемое и достигшее 16-летнего возраста. При этом толкование дефиниции «должностное лицо» дается в примечании к ст. 285 УК РФ.

Таким образом, следуя положениям уголовного законодательства можно сделать вывод, что преподаватель образовательной организации высшего образования будет выступать субъектом указанных составов преступлений, только если он вменяем, достиг 16 лет и отвечает признакам должностного лица.

Отметим, что не только преподаватель, но и иное лицо, состоящее в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и вы-

полняющее обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности, является педагогическим работником².

Так в каких же случаях педагогический работник образовательной организации высшего образования может быть признан должностным лицом состава получения взятки или состава мелкого взяточничества?

Во-первых, педагогический работник может быть признан должностным лицом состава получения взятки или состава мелкого взяточничества в случае, если осуществляет свою деятельность в государственной или муниципальной образовательной организации высшего образования. Данный вывод основывается исходя из анализа понятия «должностного лица», закрепленного в примечании к ст. 285 УК РФ, в котором перечисляются сферы выполнения им свои функции, и исходя из анализа ст. 22 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в которой указываются виды образовательной организации в зависимости от того кем она создана.

Во-вторых, если он занимает должность педагогического работника, входящую в номенклатуру должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей

1 СК заподозрил преподавателя вуза в Кузбассе в получении взятки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200630/1573676534.html> (дата обращения: 15.07.2020).

2 Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

образовательных организаций³ (например, должность педагогического работника, отнесенного к профессорско-преподавательскому составу, или к руководителю). Данный вывод основывается исходя из анализа ст. 46 УК РФ, в которой указывается, кто вообще имеет право на занятие педагогической деятельностью.

В-третьих, если он постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные. Данный вывод также вытекает из понятия «должностное лицо», содержащееся в примечании к ст. 285 УК РФ.

Таким образом, чтобы привлечь к ответственности за получение взятки или за мелкое взяточничество педагогического работника образовательной организации высшего образования необходимо установить ряд моментов. Он должен осуществлять педагогическую деятельность в государственной или муниципальной образовательной организации высшего образования, занимать в ней должность, входящую в номенклатуру должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, а также постоянно, временно или по специальному полномочию выполняет функции представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные.

Выходит, что определяющим признаком, позволяющим отнести названного педагогического работника к субъекту преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, или преступления, предусмотренного ст. 291.2 УК РФ, является выполнение им хотя бы одной из перечисленных трех функций (представителя власти, организационно-распорядительная, административно-хозяйственная).

Толкование функций представителя власти, организационно-распорядительной или административно-хозяйственной находит отражение в ППВС «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» № 19 от 16.10.2009 г.⁴

Так, в соответствии с положениями указанного ППВС РФ, если педагогический работник государственной или муниципальной образовательной организации высшего образования выполняет функции, которые связаны с руководством трудовым коллективом и (или) с управлением и распоряжением имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах, а также по совершению иных действий с ними, то он является должностным лицом (поскольку тем самым осуществляет организационно-распорядительную и (или) административно-хозяйственную функции), и в случае получения взятки понесет ответственность либо по ст. 290 УК РФ, либо по ст. 291.2 УК РФ.

Вышеизложенные полномочия педагогического работника образовательной организации высшего образования, определяющие его, как должностное лицо, в теории уголовного права и правоприменительной практике сомнений не вызывают. В основном ими признаются педагогические работники занимающие должность руководителей образовательных учреждений высшего образования, но в отдельных случаях могут быть признаны и педагогические работники, отнесенные к профессорско-преподавательскому составу (например, начальник института предусматривается только для

образовательных организаций, реализующих образовательные программы высшего образования в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка и т.п.)⁵, однако, по сути, такие педагогические работники также выступают руководителями, но «особенных» образовательных учреждений.

Также согласно п. 4 ППВС РФ № 19 должностным лицом может быть признано лицо, осуществляющее полномочия по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии) (далее – ГЭК (ГЭК)).

Поскольку более подробно названное положение ни в уголовном законе, ни в самом ППВС РФ не раскрывается, следовательно, возникла дискуссия по некоторым вопросам. Например, будет ли признаваться должностным лицом педагогический работник образовательной организации высшего образования в случае, если он принимает экзамен и выставляет оценку, не будучи членом ГЭК (ГЭК)? Будет ли признаваться должностным лицом такой педагогический работник, в случае, если он принимает зачет и выставляет его результаты в соответствующую ведомость?

Так, в теории уголовного права существуют противоположные точки зрения относительно вопроса о том, будет ли признаваться должностным лицом названный педагогический работник в случае, если он принимает экзамен и выставляет оценку, не будучи членом ГЭК (ГЭК).

Например, ряд авторов обосновывают позицию, что педагогический работник не является должностным лицом при приеме экзаменов не в качестве члена ГЭК (ГЭК)⁶. Другие полагают, что педагогический работник вне зависимости от того, какой экзамен он принимает, обладает признаками должностного лица⁷.

Если анализировать юридическую литературу по вопросу о том, будет ли признаваться должностным лицом вышеизложенный педагогический работник, в случае, если он

3 Номенклатура должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций: постановление Правительства РФ от 8.08.2013 г. № 678 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 33. – Ст. 4381.

4 Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12. – С. 2-7.

5 Номенклатура должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций: постановление Правительства РФ от 8.08.2013 г. № 678 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 33. – Ст. 4381.

6 Алимпиев С.А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. – С. 136-137; Малинин В.Б. Преподаватель – не должностное лицо // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 209-210; Плохов С.В. Преподаватель как субъект должностных преступлений // Законность. – 2012. – № 4. – С. 63; Портнова Ю.В. Должностное лицо как специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. – С. 103-107; Сидоров А.С. К вопросу о судебной практике по привлечению преподавателей учебных заведений к уголовной ответственности за получение взятки // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 4. – С. 14; Уруков В.Н. Является ли преподаватель государственного вуза субъектом преступлений по статьям 285, 290 УК РФ // Юридическое образование и наука. – 2009. – № 4. – С. 38-39.

7 Качина Н.В. Работники образовательных организаций как субъекты коррупционных преступлений // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума (26-27 декабря 2018 г.) / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2019. – С. 135-136; Чаплыгина А.Ю. Коррупция в образовательных учреждениях: проблемы квалификации деяний // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 1. – С. 41-45; Яни П.С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. – 2017. – № 12. – С. 27-28; Яшков С.А., Е.Г. Быкова Уголовно-правовая оценка действий преподавателей, получающих взятки при приеме экзаменов (зачетов) // Российский юридический журнал. – 2015. – № 5. – С. 103-104.

принимает зачет и выставляет его результаты в соответствующую ведомость, то можно сделать вывод, что также наличествует двойственная позиция.

Одни авторы считают, что педагогический работник принимающий зачет и выставляющий его в ведомость, тем самым осуществляет организационно-распорядительные функции и, следовательно, является должностным лицом⁸. Другие отрицают это⁹.

Исследование правоприменительной практики показывает, что педагогические работники признаются должностными лицами и в случае приема экзаменов не в качестве членов экзаменационных (аттестационных) комиссий, а также в случае приема зачетов.

При этом если педагогический работник выставляет оценки в ведомость без факта осуществления процедуры экзамена или зачета, то ряд судов квалифицирует это по совокупности ч. 3 ст. 290 или ч. 1 ст. 292.1 (в зависимости от размера взятки) и ч. 1 ст. 292 УК РФ. Отдельные же суды в подобных случаях вменяют только ч. 3 ст. 290 (ч. 1 ст. 292.1) УК РФ. Например, Ф, являясь доцентом кафедры, получил от студента денежные средства за проставление в зачетной книжке, являющейся официальным документом, заведомо ложных сведений о сдаче последним экзамена и курсовой работы без факта его проведения и защиты соответственно. Суд осудил Ф. по ч. 3 ст. 290 УК РФ¹⁰.

Кроме того в судебной практике встречаются примеры, когда к организационно-распорядительной функции относятся полномочия педагогического работника по выставлению оценок только за курсовую работу, контрольную работу и т.п.

Полагаем, что признавать должностным лицом педагогического работника образовательной организации высшего образования в случае, если он принимает экзамен (зачет, курсовую работу, контрольную работу и т.п.) и выставляет оценку, не будучи членом ГЭК (ГАК) не верно, поскольку он не принимает решения, имеющего юридическое значение и влекущего определенные юридические последствия. Стоит обратить внимание на тот факт, что даже несмотря на встречавшиеся ранее решения Верховного Суда РФ, в которых преподаватель, не будучи членом ГЭК (ГАК) при приеме экзаменов (зачетов, курсовых работ) признавался должностным лицом¹¹, и полярные мнения авторов в теории уголовного права по данному вопросу не изменили позицию Пленума Верховного Суда РФ, которая закреплена в п. 4 ППВС РФ №

19 от 16.10.2009 г. в редакции не только ППВС РФ от 24.12.2019 № 59, но и ППВС от 11.06.2020 № 7.

Таким образом, педагогический работник образовательной организации высшего образования выполняет организационно-распорядительную функцию, только если принимает экзамен и выставляет оценки как член ГЭК (ГАК). Подобная комиссия в образовательной организации высшего образования может создаваться не только для приема государственного экзамена, но и для защиты выпускной квалификационной работы.

Для того, чтобы исключить разночтения толкования абзаца второго п. 4 ППВС РФ № 19 от 16.10.2009 среди правоприменителей предлагаем слова «приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии.» заменить словами «приему экзаменов и выставлению оценок только членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии.».

Пристатейный библиографический список

1. Алимпиев С.А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010.
2. Качина Н.В. Работники образовательных организаций как субъекты коррупционных преступлений // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума (26-27 декабря 2018 г.) / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2019.
3. Малинин В.Б. Преподаватель – не должностное лицо // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3.
4. Плохов С.В. Преподаватель как субъект должностных преступлений // Законность. – 2012. – № 4.
5. Портнова Ю.В. Должностное лицо как специальный субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
6. Сидоров А.С. К вопросу о судебной практике по привлечению преподавателей учебных заведений к уголовной ответственности за получение взятки // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 4.
7. Уруков В.Н. Является ли преподаватель государственного вуза субъектом преступлений по статьям 285, 290 УК РФ // Юридическое образование и наука. – 2009. – № 4.
8. Чаплыгина А.Ю. Коррупция в образовательных учреждениях: проблемы квалификации деяний // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 1.
9. Яни П.С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. – 2017. – № 12.
10. Яшков С.А., Е.Г. Быкова Уголовно-правовая оценка действий преподавателей, получающих взятки при приеме экзаменов (зачетов) // Российский юридический журнал. – 2015. – № 5.
- 8 Плохов С.В. Преподаватель как субъект должностных преступлений // Законность. – 2012. – № 4. – С. 63.
- 9 Качина Н.В. Работники образовательных организаций как субъекты коррупционных преступлений // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума (26-27 декабря 2018 г.) / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2019. – С. 134-135; Яшков С.А., Е.Г. Быкова Уголовно-правовая оценка действий преподавателей, получающих взятки при приеме экзаменов (зачетов) // Российский юридический журнал. – 2015. – № 5. – С. 103-104.
- 10 Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы Пензенской области от 26 мая 2016 г. № 1-167/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.08.2020).
- 11 Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 29 января 2013 г. № 78-О13-2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 05.08.2020); Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 июня 2013 г. № 58-АПУ 13-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (Дата обращения 05.08.2020); Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 13 ноября 2013 г. № 47-О12-50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 05.08.2020).

ЯРОСЛАВСКИЙ Михаил Александрович

преподаватель кафедры физической подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

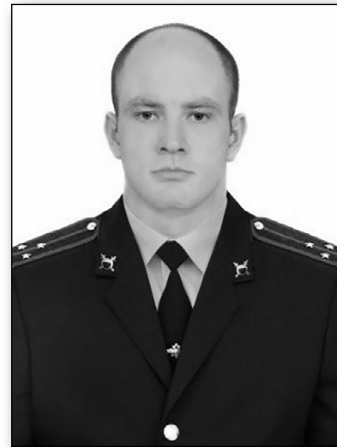
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОБОСНОВАННОГО РИСКА В ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Проведенный сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства, в части регулирования такого явления как обоснованный риск, позволяет говорить о наличии как схожих и аналогичных элементов регламентации, так и очевидных отличий. В данной работе нам бы хотелось обратить внимание на особенности позиционирования конкретного рискованного поведенческого акта как обоснованного, в соответствии с уголовным законом и системой условий правомерности ряда иностранных государств.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, обоснованный риск и его виды, зарубежное законодательство, условия правомерности.

YAROSLAVSKIY Mikhail Alexandrovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Ярославский М. А.

SOME ISSUES OF REGULATION OF REASONABLE RISK IN FOREIGN LEGAL SYSTEMS

The comparative analysis of domestic and foreign legislation, in terms of regulating such a phenomenon in criminal law as a reasonable risk, suggests that there are similar and similar elements of regulation, as well as obvious differences. In this paper, we would like to pay attention to the peculiarities of positioning a particular risky behavioral act as justified, in accordance with the criminal law and the system of legal conditions of a number of foreign countries.

Keywords: circumstances precluding criminality of the act, justified risk and its types, foreign legislation, conditions of legality.

Восьмая глава действующего уголовного кодекса Российской Федерации включает правовые явления, которые позиционируются законодателем в качестве обстоятельств, исключающих преступность деяния. Установление этих факторов в мотивации субъекта, вместе с соблюдением им специально сформулированных и специфических для каждого института условий правомерности, является основанием для признания причиненного охраняемым объектам вреда правомерным.

Зафиксированные в статьях 37-42 УК РФ 1996 года обстоятельства (а равно и их исторические прообразы) подвергались периодическим корректировкам и модификациям на протяжении постоянного процесса систематизации законодательства различных периодов. Время появления данных норм в российском праве также разнится – право на необходимую оборону (статья 37 УК РФ), к примеру, является одним из древнейших оснований для исключения ответственности – подобная возможность закрепляется уже в Русской правде 1016 года¹. Другие уголовно-правовые институты объяснимо появляются в отечественных сборниках законодательства значительно позднее. Причины периодических изменений нормативной базы данной направленности очевидны – развитие правовой и общественной мысли, научно-технический и технологический прогресс, идеологические перемены в государственном устройстве сказывались на возможности рассмотрения вреда как правомерного и безальтернативно нуждались в законодательном отображении. Промежуточным итогом на сегодняшний момент можно считать перечень из шести обстоятельств, на основании которых в соответствии с УК РФ ответственность за деяние, формально имеющее признаки преступления, может быть исключена. В качестве одного из таких оснований, данный перечень определяет

обоснованный риск – относительно новое явление для российской правовой действительности.

Дефиниция, представленная в статье 41 УК РФ выглядит следующим образом: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели». Очевиден также и вывод законодателя об альтернативности и внеконтекстной нежелательности рискованных действий², что отражается во второй части статьи, определяющей риск обоснованным, только если отсутствовала возможность достижения полезной цели иным, нерискованным способом.

В данной работе нам бы хотелось проследить развитие института обоснованного риска в правовых системах зарубежных стран, определить сходства и различия уголовно-правового регулирования данного обстоятельства в иностранном и отечественном законодательстве, аргументировать позицию в части определения критериев для разделения риска на разновидности.

Впервые институт обоснованного риска обосновывается в среде немецких и польских ученых и там же получает теоретическое развитие. Норма Уголовного Кодекса ГДР периода 60-х годов XX века³ содержала две формы риска: хозяйственный риск и риск исследования и развития. На тот момент подобное нововведение объяснялось бурным техническим прогрессом и развитием общественной мысли. В частности, в норме закреплялось, что хозяйственный риск возможен, если лицо действовало рискованно для получения хозяйственной

1 Шурдумов А. Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2003. - С. 104.

2 Ярославский М. А. Характеристика психологического аспекта обоснованного риска // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 3.

3 Парог А. И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Всероссийский криминологический журнал. - 2015. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sblizhenie-ugolovno-pravovyh-sistem-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения: 03.11.2019).

прибыли либо же для предотвращения больших хозяйственных убытков. Одновременно присутствовало и указание на обязанность лица проанализировать все обстоятельства дела до принятия рискованного решения. Во-многом обоснованность риска при такой трактовке сводилась к осознанию и возможности доказать лицом, что вероятность наступления хозяйственных убытков в конкретном случае была меньше вероятности получения пользы.

Появление тождественной уголовно-правовой нормы в Уголовном Кодексе Польской Республики связано с дискуссией толкователей права по вопросу недостаточности крайней необходимости для исключения ответственности непосредственно за новаторский риск. Как результат – регулирование данного института было отражено в законодательстве.

В 1982 году Народная Республика Болгария вводит в свое законодательство положение об обоснованном хозяйственном риске. В отличие от ГДР и Польши в законе закрепились большее количество положений, при соблюдении которых риск признавался бы обоснованным. В качестве условий фиксировалось соблюдение нормативно-правовых актов различных уровней, принятие лицом всех мер, которые от него зависели для предотвращения причинения вреда. Важнейшей юридической новацией являлось требование об отсутствии вреда для жизни и здоровья других лиц в ходе осуществления рискованных действий. Помимо прочего, «структурным» отличием УК Болгарии стало размещение нормы об обоснованном риске в Общей части, тогда как в ГДР и Польше – в Особенной. Данный пример наглядно демонстрирует постепенно происходящие процессы детализации требований к действиям рискующего субъекта для признания их правомерными.

На наш взгляд, примечательным является факт, что как таковой институт обоснованного риска не предусмотрен во многих странах континентальной системы права – Франция, Испания, Австрия, Германия, Швейцария, Италия. Так, в законодательстве Франции непосредственно данное обстоятельство не обозначено. Исключение преступности деяния, имевшего место в условиях риска может произойти только если это предусмотрено законом (ст. 122-4 УК Франции). При разбирательстве рискованные действия учитываются посредством использования иных институтов уголовного права – например: крайней необходимости или согласия потерпевшего на причинение вреда. Нам представляется, что применение нормы о крайней необходимости к ситуациям, связанным с риском не позволяет полностью учитывать специфику рискованных действий. В частности, подобная трактовка упускает из виду важное противоречие: при крайней необходимости опасность не может быть спровоцирована самим лицом, тогда как при обоснованном риске лицо, предпринимая рискованные действия, само создает опасность.

В ряде стран – Аргентина, Испания, Швейцария, широкое применение имеет теория специального субъекта рискованных действий, а для исключения противоправности деяния используется конструкция исполнения долга. УК Канады, Новой Зеландии, Израиля, Португалии известны медицинский и спортивный риск. Обуславливается подобное положение тем, что для некоторых профессий свойственен профессиональный риск, позиционируемый в качестве обязанности – например, для пилотов, врачей, пожарных. Законодательное одобрение исключительно данного подхода нам видится слишком узким, так как риск не всегда лежит в плоскости профессиональных компетенций. Вместе с тем, выделение профессионального риска в качестве самостоятельной разновидности риска с закреплением особенностей определения правомерности деяния с более детальным указанием на специфические условия ситуации, видится уместным и целесообразным.

Анализируя терминологическое отображение в тексте закона дефиниции нормы о риске, можно сделать вывод, что законодатели многих государств используют для этого разные фигуры речи, создавая таким образом отличия и в смысловом наполнении. Если, например, для правотворчества Азербайджана, Казахстана, Белоруссии, Таджикистана характерна привычная россиянам фигура речи – обоснован-

ный риск⁴, то в УК Литвы и Узбекистана закреплено понятие «оправданный профессиональный и хозяйственный риск», а в законодательстве Грузии – «правомерный риск».

Специфическими чертами в уголовном праве иностранных государств обладают и условия правомерности обоснованного риска. Отечественное условие о достижении посредством рискованных действий общественно-полезной цели в законодательстве Украины дополняется указанием на то что цель должны быть значительной, что формирует для толкования нежелательные оценочные предпосылки. По закону Польши действия субъекта рискованных действий должны быть ориентированы на общественное хозяйственное или медицинское значение. Подобная трактовка выглядит более совершенной с точки зрения акцентуации внимания на сфере общественных отношений, регулируемых правовой нормой.

Положение о том, что риск не должен быть связан с угрозой для жизни многих людей, общественного бедствия, экологической катастрофы включено в нормативную базу большинства стран бывшего СССР – УК России, Таджикистана, Беларуси, Казахстана, Латвии, Азербайджана, Армении, Молдовы, Украины, Туркменистана, Узбекистана. В то же время, по законодательству Болгарии при осуществлении рискованных действий не должна возникать опасность для жизни и здоровья людей, то есть в данном случае, при буквальном толковании, конструкция обоснованного риска не распространяется на медицинский риск.

Смысл включения института обоснованного риска в число закрепленных в уголовном законе обстоятельств, исключающих преступность деяния заключается в формировании у населения инициативы к совершению общественно-полезных действий. На основе проведенного анализа зарубежного законодательства можно сделать вывод, что отсутствие нормы подобного содержания, со строго определенной и регламентирующей возможные ситуации системой условий правомерности затруднит для рискующего доказывание правомерности своих действий.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [принят Государственной думой 24 мая 1996 г.
 2. Парог А. И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Всероссийский криминологический журнал. - 2015. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sblizhenie-ugolovno-pravovyh-sistem-v-epohu-globalizatsii> (дата обращения: 03.11.2019).
 3. Рыбак А. З. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // ЮП. - 2012. - № 3 (52). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obstoyatelstv-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya> (дата обращения: 03.11.2019).
 4. Шурдумов А. Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2003.
 5. Ярославский М. А. Характеристика психологического аспекта обоснованного риска // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 3.
- 4 Рыбак А. З. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // ЮП. - 2012. - № 3 (52). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obstoyatelstv-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya> (дата обращения: 03.11.2019).

ДЖУМШУДЯН Оганнес Геворгович

адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ВОЗРАСТ СУБЪЕКТА В ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХУЛИГАНСТВО В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ АРМЕНИИ И РОССИИ (СОПОСТАВИМЫЙ АНАЛИЗ)

В статье рассматриваются и исследуются нормы Уголовного кодекса Армении и Уголовного кодекса Российской Федерации об уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших хулиганство. Автор приходит к выводам, что критерии, согласно которым законодатель устанавливает конкретный возраст наступления уголовной ответственности за хулиганство, не ясны, а в некоторых случаях могут противоречить другим нормам уголовного кодекса.

Ключевые слова: хулиганство, возраст субъекта, несовершеннолетний, уголовная ответственность.

JUMSHUDYAN Hovhannes Gevorgovich

adjunct of the Department of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia

AGE OF THE SUBJECT IN BRINGING TO JUSTICE FOR HOOLIGANISM IN THE CRIMINAL CODE OF ARMENIA AND RUSSIA (COMPARABLE ANALYSIS)

The article discusses and examines the norms of the criminal code of Armenia and the Criminal code of the Russian Federation on criminal liability of minors who committed hooliganism. The author concludes that the criteria according to which the legislator sets a specific age of criminal responsibility for hooliganism are not clear, and in some cases may contradict other norms of the criminal code.

Keywords: hooliganism, age of the subject, minor, criminal liability.

Несмотря на то, что в юридической практике существует много исследований о хулиганстве, изучение и практическая работа над этим антиобщественным явлением не теряет своей актуальности и сегодня. Столетняя законодательная история в борьбе с хулиганством оказалась не в состоянии выкорчевать это порочное явление из общественной жизни. Изучая вопрос с исторической точки зрения, мы увидели, какие изменения претерпело законодательство о хулиганстве, и можно сказать, что предстоит многое сделать для искоренения этого антиобщественного деяния. Одним из важных условий привлечения лица к уголовной ответственности за хулиганство является совокупность всех элементов преступления. Но для нас представляет особый интерес субъект преступления. Согласно преобладающему подходу в уголовном праве Армении и России субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, предусмотренного уголовным законом, и совершившее общественно опасное деяние¹. Субъект как элемент состава преступления, если не соответствует норме Уголовного кодекса, то не может привлекаться к уголовной ответственности, несмотря на то, что было совершено воздействие на объект уголовно-правовой охраны.

Согласно ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) уголовной ответственности подлежит только «вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Аналогичное законодательное закрепление содержится в ст. 23 Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК РА).

Одним из особенностей признаков субъекта является возраст преступника. То есть, если лицо совершило общественно опасное деяние, но не достигло возраста, установленного Уголовным законом, оно не может быть привлечено к уголовной ответственности. Согласно ст. 20 УК РФ «Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста», по ч. 2 той же статьи: «Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответствен-

ности за ... хулиганство при отягчающих обстоятельствах (чч. 2, 3 ст. 213)»². Похожая норма закреплена в ст. 24 УК РА, согласно которой лицо, совершившее общественно опасное деяние, подлежит уголовной ответственности с 16-ти лет. Однако за некавалифицированное хулиганство уголовная ответственность наступает с 14-ти лет³. Отметим, что возраст является одним из основных признаков для привлечения лица к уголовной ответственности за совершенные им общественно опасные деяния.

Однако в энциклопедии уголовного права сказано, что «возраст это признак преступления»⁴, с чем мы не можем согласиться, поскольку считаем, что возраст – признак субъекта. Возраст это «уровень эмоциональной интеллектуальной и духовной зрелости»⁵, что характерно субъекту преступления для понимания им общественно опасных последствий, которые наступят после совершения общественно опасных действий. По нашему мнению, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности, ему необходимо осознавать и иметь достаточный уровень правового сознания для понимания серьезности и вредоносности своих действий. Этим и обусловлено, что законодатель, принимая во внимание внутренние и внешние условия, в которых находится государство, учитывая развитие правового сознания граждан в стране, на основе изучения динамики преступности, устанавливает нижний порог возраста уголовной ответственности. То есть, для полного и объективного возрастного порога уголовной ответственности законодателю необходимо учитывать апробированные достижения ученых в данном направлении. Это комплексное изучение психологических, педагогических, медицинских, криминологических, социологических и других наук.

Мы соглашались с мнением О. Д. Ситковской, которая связывает проблему возраста с развитием высших психических

1 Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2-х т. Т. 1. Общая часть. - М., 2004. - С. 210; Уголовное право. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чуцаева. - М., 2008. - С. 248; Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть. - М. - С. 248; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. В. С. Комисарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. - М., 2015. - С. 273-274.

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).
3 Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 г. № 3Р-528 (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.07.2019).
4 Энциклопедия уголовного права. Т. 21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. СПб.: Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2013. - С. 595.
5 Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А. И. Рапог. - М.: Проспект, 2013. - С. 101.

функций, где критериями являются уровень развития интеллекта, воли и эмоций».

Категория возраста – это совокупность хронологических и количественных понятий, качественно наполняющих и раскрывающих категорию «возраст» как природу в развитии и формировании человека. «Они воспринимаются и как результат, и как стадия развития личности»⁷.

На основании высказанных мнений в Уголовном кодексе при определении возраста субъекта следует учитывать не только физиологические и психологические особенности личности, но и умственные и интеллектуальные.

В таких странах как, Бангладеш, Египет, Индия, Иордания, Ирландия, Пакистан, ЮАР, штате Оклахома США уголовной ответственности подвергаются лица с 7-ми лет; в Австралии, Англии, Бутане, Гвинее, Непале, Швейцарии – с 10-ти лет; в Маврикии, Мексике, Турции – с 11-ти лет; в Бразилии, Венесуэле, Греции, Грузии, Израиле, Канаде, Колумбии, Нидерландах – с 12-ти лет; в Алжире, Узбекистане, Франции и некоторых штатах США – с 13-ти лет⁸.

Важно отметить, что законодатели во многих странах сталкиваются с проблемой определения возраста лица для привлечения к уголовной ответственности, что вызывает определенный диссонанс.

В российской уголовно-правовой науке проблема возраста субъекта так же дискуссионна. В частности, С. Ф. Милуков предлагает снизить возраст уголовной ответственности до 12–13 лет. По его мнению «из двух зол – деградации личности на воле или в заключении надо избирать меньшее, то есть второе»⁹. В. Г. Павлов предлагает возраст уголовной ответственности за преступное деяние установить с 13-ти лет, в том числе и за хулиганство (ст. 213 УК РФ)¹⁰.

Я. И. Гилинской отмечает, что в странах социально-экономического неравенства, бедности, нищеты значительной доли населения репрессивное сознание и традиционный метод «воспитания» с помощью физического наказания служат фактором высокой агрессивности и насилия в обществе. По его мнению снижение возраста уголовной ответственности и усиление уголовного наказания не снизит уровень тяжких преступлений, а наоборот, увеличит.

По нашему мнению, при установлении возраста уголовной ответственности законодатель должен быть гуманнее, имея в виду социально-экономическое состояние в стране, а также учитывать ратифицированные соглашения, по которым государство движется к установлению пробационных и ювенальных институтов.

Л. М. Прокументов считает что, не ясны те критерии, на основании чего за одни деяния наступает уголовная ответственность с 16-ти лет, а за другие должна наступать с 14-ти лет¹¹. Так, если мы обратим внимание на ст. 213 УК РФ, то возраст наступления уголовной ответственности за хулиганство предусмотрен с 16-ти лет¹².

Сопоставление уголовного законодательства Республики Армения и Российской Федерации показало, что законодатель не всегда учитывает вышеуказанные обстоятельства. Следует отметить, что до криминализации административного проступ-

ка (ст. 13 Кодекса Республики Армения об административных правонарушениях) ответственность устанавливалась с 16-ти лет, а после криминализации мелкого хулиганства возраст, с которого наступает уголовная ответственность, снизился до 14-ти лет (ч. 1 ст. 258 УК РА). Помимо этого, деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 258 УК РА «Хулиганство, то есть умышленное грубое нарушение общественного порядка, выразившееся в явном неуважении к обществу», – наказывается штрафом либо арестом. Упомянутый состав является единственным из перечисленных в ч. 2 ст. 24 УК РА, согласно которому лишение свободы не является видом уголовного наказания. В качестве наказания предусмотрены штраф и арест. При таких условиях (наложение штрафа на несовершеннолетних от 14-ти до наступления 16-ти лет за совершение деяния) могут возникнуть непреодолимые препятствия. Что подтверждается ст. 87 УК РА, согласно которой штраф применяется при наличии у несовершеннолетнего имущества, на которое может быть обращено взыскание. Тогда как несовершеннолетние лица 14–16-ти летнего возраста, как правило, не имеют самостоятельно нажитого имущества или заработка. Такая же коллизия присутствует в ст. 88 УК РА, согласно которой арест может быть вменен несовершеннолетнему, достигшему 16-ти лет на момент вынесения приговора.

По нашему мнению, в Уголовном кодексе Республики Армения причина такой ситуации в том, что законодатель при криминализации мелкого хулиганства не обратил должного внимания на возраст уголовной ответственности, вследствие чего в ч. 2 ст. 24 УК РА самопроизвольно возраст уголовной ответственности был установлен с 14-ти лет. Следовательно мы считаем, что в нынешней редакции возраст уголовной ответственности согласно ч. 1 ст. 258 УК РА рекомендуется установить с 16-ти лет.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 г. № ЗР-528 (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.07.2019).
3. Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1993. - 23 с.
4. Гилинский Я. И., Милуков С. Ф. С какого возраста можно привлечь к уголовной ответственности // Вестник Герценовского университета. - 2012. - № 1. - С. 121-125.
5. Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть. - М., 2008. - 720 с.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2-х т. Т. 1. Общая часть. - М., 2004. - 830 с.
7. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. - СПб., 2000. - 188 с.
8. Прокументов Л. М. Проблемы определения возраста привлечения к ответственности несовершеннолетних в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. - 2017. - № 419. - С. 202-206.
9. Ситковская О. Д. Психологический комментарий к отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. - М., 2009. - С. 20.
10. Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1993. - С. 8.
11. Muncie J. The 'Punitive Turn' in Juvenile Justice: Cultures of Control and Rights Compliance in Western Europe and the USA. *Jouth Justice* 2008. - Volume 8. - Issue 2. - С. 107–121; Dünkel F. Juvenile Justice Systems in Europe – Reform Developments between Justice, Welfare and 'New Punitiveness'. *Kriminologijos studijos*. - 2014. № 1. - С. 43-44.
12. Гилинский Я. И., Милуков С. Ф. С какого возраста можно привлечь к уголовной ответственности // Вестник Герценовского университета. - 2012. - № 1. - С. 121–125.
13. Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. - СПб., 2000. - С. 26.
14. Прокументов Л. М. Проблемы определения возраста привлечения к ответственности несовершеннолетних в уголовном законодательстве Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. - 2017. - № 419. - С. 202–206.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).
16. Ситковская О. Д. Психологический комментарий к отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. - М., 2009. - С. 20.
17. Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1993. - С. 8.
18. Muncie J. The 'Punitive Turn' in Juvenile Justice: Cultures of Control and Rights Compliance in Western Europe and the USA. *Jouth Justice* 2008. - Volume 8. - Issue 2. - С. 107–121.
19. Dünkel F. Juvenile Justice Systems in Europe – Reform Developments between Justice, Welfare and 'New Punitiveness'. *Kriminologijos studijos*. - 2014. - № 1. - С. 43–44.
20. Muncie J. The 'Punitive Turn' in Juvenile Justice: Cultures of Control and Rights Compliance in Western Europe and the USA. *Jouth Justice* 2008. - Volume 8. - Issue 2. - С. 107-121.